

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

[Начать просмотр](#)

Могилев
Могилевский институт МВД
2021

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

**Учреждение образования
«Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»**

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Научное электронное сетевое текстовое издание

Могилев
Могилевский институт МВД
2021

ISBN 978-985-7155-84-2 (on-line)
ISBN 978-985-7155-83-5 (CD)

- © Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (on-line), 2021
- © Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (CD), 2021

УДК 340.1

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Научное электронное сетевое текстовое издание

*Рекомендовано к изданию научно-методическим советом
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»*

Правовая культура в современном обществе [Электронный ресурс] : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. — Могилев : Могилев. институт МВД, 2021. — Режим доступа: https://elib.institutemvd.by/handle/MVD_NAM/5205. — Загл. с экрана.

ISBN 978-985-7155-84-2.

В сборник вошли научные статьи, представленные на IV Международную научно-практическую конференцию «Правовая культура в современном обществе» (14 мая 2021 года), организованную кафедрой правовых дисциплин Могилевского института МВД.

Тематика статей затрагивает актуальные направления развития теоретического юридического знания, проблемные аспекты реализации правовых норм в правоохранительной сфере, зарубежный опыт правового регулирования и правоприменительной практики, вопросы правового воспитания и правового образования в формировании правовой культуры, исторические аспекты правовой культуры белорусского общества.

В сборнике сохранена авторская редакция и подходы к решению заявленных проблем. Язык публикаций — русский и белорусский.

Сборник адресован ученым, преподавателям, докторантам, аспирантам, сотрудникам государственных органов, а также всем, кто интересуется проблематикой правовой культуры.

Ул. Крупской, 67, Могилев
тел. +375 222 72 41 58
e-mail: rio@institutemvd.by
<https://www.institutemvd.by>

- © Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (on-line), 2021
- © Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (CD), 2021

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Научное электронное сетевое текстовое издание

Основу данного издания составляет электронное текстовое издание локального доступа:

Правовая культура в современном обществе [Электронный ресурс] : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. — Могилев : Могилев. институт МВД, 2021. — 1 электрон. опт. диск (CD-R). — Загл. с экрана.

Редакционная коллегия:

И. А. Демидова (ответственный редактор), заведующий кафедрой правовых дисциплин Могилевского института МВД, кандидат юридических наук, доцент;

Ю. П. Шкаплеров, первый заместитель начальника Могилевского института МВД, кандидат юридических наук, доцент;

В. В. Борисенко, проректор по научной работе Могилевского института МВД, кандидат исторических наук, доцент;

Н. В. Пушко, доцент кафедры правовых дисциплин Могилевского института МВД, кандидат экономических наук, доцент;

А. А. Дыжова, профессор кафедры правовых дисциплин Могилевского института МВД, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Рецензенты:

начальник кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
доктор юридических наук, профессор *К. В. Вишневецкий*;
заведующий кафедрой юриспруденции
Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова
кандидат юридических наук, доцент *Н. В. Пантелева*

Сведения о программном обеспечении:

современные программы просмотра веб-страниц (браузеры) Opera, Mozilla Firefox, Google Chrome и другие. Такие браузеры не нуждаются в дополнительных настройках и осуществляют открытие pdf-файла при нажатии на соответствующую ссылку.

Редактор технический *М. В. Жидкова*
Корректоры *Т. Ю. Лухтанова, Н. А. Родионова*

Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Ул. Крупской, 67, 212011, Могилев, тел. +375 222 72 41 58.
www.institutemvd.by

Дата подписания к использованию: 13.05.2021.
Объем 6,3 Мб. Заказ № 3.

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

УДК 347.1

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ЗАБЛУЖДЕНИЕ» В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Д. А. Авдеев

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
e-mail: avdeeffdmitrij@mail.ru

***Аннотация.** На основе исследования норм гражданского законодательства Республики Беларусь и практики их применения, сравнительного анализа законодательства Российской Федерации автор концентрирует внимание на вопросе о необходимости внедрения понятия «заблуждение» в гражданском праве Республики Беларусь.*

***Ключевые слова:** гражданское право, нормы права, сделки, заблуждение, недействительность сделки.*

***Annotation.** Based on the study of the norms of the civil legislation of the Republic of Belarus and the practice of their application, a comparative analysis of the legislation of the Russian Federation, the author focuses on the need to introduce the concept of "delusion" in the civil law of the Republic of Belarus.*

***Keywords:** civil law, rules of law, transactions, delusion, invalidity of the transaction.*

В современном мире для становления полноценных гражданских отношений, а равно эффективного функционирования гражданского оборота весьма существенно, чтобы их участники действовали, руководствуясь верным и ясным пониманием правовых последствий, которые влекут совершаемые ими юридические действия. В ином случае стабильность гражданского оборота будет подвергаться угрозе, а его участники — риску лишиться того, на что рассчитывали, вступая в гражданские правоотношения, в том числе и риску всецело потерять имеющееся. В связи с этим законодателем предусмотрен ряд оснований, благодаря которым различные действия субъектов гражданского права, которые направлены на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (ст. 154 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК)), могут быть признаны недействительными.

В институте гражданского права весьма важными и наиболее распространенными юридическими фактами, а также основаниями для прекращения, изменения или возникновения гражданских прав и обязанностей всегда были и до настоящего времени являются сделки.

Вместе с тем следует помнить, что ряд сделок законодатель отнес к так называемым сделкам с пороками воли, в перечень которых вошли сделки, признаваемые недействительными вследствие того, что воля участника сделки на ее совершение отсутствует, либо волеизъявление не отражает волю участника сделки (ст. 177, 180 ГК), или же воля участника сделки вследствие заблуждения каким-то образом искажена (ст. 179 ГК).

Обращения граждан с исковыми требованиями о признании сделок недействительными не редкость в судебной практике.

Согласно ч. 1 ст. 179 ГК сделка, совершенная под влиянием заблуждения, имеющего существенное значение, может быть признана судом недействительной по иску стороны, действовавшей под влиянием заблуждения [1].

Обращаясь к законодательству Российской Федерации, в частности к ч. 1 ст. 178 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), мы увидим несколько иное, более подробное толкование: сделка, совершенная под влиянием заблуждения, может быть признана судом недействительной по иску стороны, действовавшей под влиянием заблуждения, если заблуждение было настолько существенным, что эта сторона, разумно и объективно оценивая ситуацию, не совершила бы сделку, если бы знала о действительном положении дел [2].

Вместе с тем полного и четкого трактования понятия «заблуждение» ни белорусский, ни российский законодатель не дает. Точное определение заблуждения в кодексах также отсутствует.

Что же такое заблуждение и какие признаки присущи только ему, в чем его отличие от других норм права?

Заблуждение в его обычном понимании в русском языке рассматривается как «состояние того, кто заблуждается, ошибается», «ложное мнение» [3], «ошибочное, ложное убеждение, представление о чем-либо», «ошибка, оплошность» [4].

Всеми правовыми системами предполагается презумпция знания норм права участниками гражданского и торгового оборота. На этом основании неправильное представление или незнание об объеме прав и обязанностей договора, в который вступает лицо, не является основанием для признания такого договора недействительным. Вместе с тем заблуждение об объеме тех прав, которые вытекают из договора, нельзя путать с заблуждением о виде договора, предлагаемого стороне для заключения. К примеру, лицо может полагать, что переданная ему во владение вещь была подарена, однако ее собственник при передаче вещи имел в виду заключение договора имущественного найма.

При заключении сделки под влиянием заблуждения воля заблуждавшейся стороны формируется под влиянием ложного представления об обстоятель-

ствах, имеющих существенное значение для сделки. Причем заблуждение имеет место только тогда, когда у заблуждающегося без умысла с его стороны или со стороны иных лиц возникает представление о каких-либо фактах и обстоятельствах, не соответствующее действительности. Поэтому сделка, совершенная под влиянием существенного заблуждения, и рассматривается как разновидность сделок с пороками воли. По иску стороны, которая действовала под влиянием заблуждения, такая сделка может быть признана судом недействительной. Однако следует иметь в виду, что сторона, действовавшая под влиянием заблуждения, должна доказать, что заблуждение действительно имеет существенное значение, то есть что при отсутствии заблуждения сделка не была бы совершена. Кроме этого, необходимо доказать, что существенное заблуждение касается природы либо предмета сделки. Следует также учитывать, что заблуждение относительно внутреннего побуждения лица на совершение сделки, то есть мотива, не имеет принципиального значения. Так, например, заблуждение относительно финансового положения контрагента как мотива сделки не может служить основанием для признания такой сделки недействительной. Несущественное заблуждение не дает права на признание договора недействительным, однако по праву Англии и США сторона, оказавшаяся в таком заблуждении, не может требовать принудительного исполнения обязательства в натуре, а может получить только денежную компенсацию. В Республике Беларусь закон не устанавливает, в каких случаях заблуждение признается существенным, а в каких нет — эту задачу решает суд.

Между тем в ряде случаев заблуждение является результатом неосторожности самого истца. По своей неосмотрительности он при заключении сделки сам заблуждался в отношении ее характера, ее вида. Заблуждение истца в таком случае не может быть результатом преднамеренных действий других участников сделки. Таким образом, совершение сделки под влиянием заблуждения по ч. 1 ст. 179 ГК признается судом, лишь когда вина другой стороны имела место в форме неосторожности. Заблуждение, как правило, возникает по причине недоговоренности, отсутствия надлежащей осмотрительности, подчас и самоуверенности участника сделки.

Законодатель только констатирует факт такого заблуждения, не указывая при этом на то, что заблуждение должно возникнуть по вине какой-либо из сторон по сделке, в том числе той, которая, заблуждаясь, ее заключает. Иными словами, закон не содержит требований о том, что сделка может быть признана недействительной по этому основанию только тогда, когда установлено, что сторона, утверждающая о своем заблуждении, приняла до заключения сделки все возможные меры к тому, чтобы узнать абсолютно все качества предмета сделки, влияющие на возможность его использования по назначению, или дру-

гие существенные моменты. Доказательства собственного заблуждения истцу легче представить суду при рассмотрении гражданского дела.

Заблуждение не обязательно связано с виной участников сделки; оно может возникнуть вследствие случайных обстоятельств. Для признания сделки недействительной сторона, действовавшая под влиянием заблуждения, обязана доказать наличие заблуждения.

В случае признания сделки недействительной, каждая из сторон обязана возвратить другой все, полученное при сделке, а при невозможности возместить в натуре — возместить стоимость полученного. При этом сторона, по иску которой сделка признана недействительной, имеет право требовать от другой стороны возмещения расходов, в том числе утраты своего имущества или его повреждения, если при этом докажет, что заблуждение возникло по вине другой стороны. Если это доказано не будет, то сторона, по иску которой сделка признана недействительной, обязана возместить другой стороне расходы, утрату имущества или его повреждение, которое возникло в связи с признанием сделки недействительной.

Вместе с тем сделки, совершаемые под влиянием заблуждения, необходимо отличать от сделок, заключаемых под влиянием обмана, поскольку при обмане одна из сторон преднамеренно сообщает другой стороне ложные сведения о важных элементах сделки либо умалчивает об их действительном существовании.

Таким образом, резонно полагать, что заблуждение — это неправильное представление лица о сделке, возникающее, как правило, в силу случайных или умышленных обстоятельств, носящее длящийся характер и заключающееся в неверном понимании хотя бы одного элемента правоотношений, которое явилось причиной несоответствия действительной внутренней воли лица ее внешнему выражению (волеизъявлению), и тем самым отражающее наличие конфликта между участниками гражданских правоотношений. То есть заблуждением следует признавать неправильное представление о предмете сделки, о другом ее участнике, о ее юридической природе.

В заключение хотелось бы отметить, что придание понятию «заблуждение» статуса легального определения позволит унифицировать законодательные и правоприменительные подходы к пониманию природы этого явления. Закрепление на нормативном уровне определения «заблуждение» образует предпосылки для его правильного отграничения от других правовых норм, схожих по своему содержанию. Это создаст необходимые условия для правильного толкования норм права в отношении возникновения или изменения гражданских прав и обязанностей.

1. Гражданский кодекс Респ. Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : с изм. и доп. Доступ из аналитической правовой системы «Бизнес-Инфо». [Вернуться к статье](#)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : в ред. Федер. закона от 30.12.2020 N 527-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 53000 слов ; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М. : ООО «Издательский дом “Оникс 21 век”», 2004. С. 547. [Вернуться к статье](#)
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толковый словарь и фразеологизмы. М. : Русский язык, 2000. С. 1076. [Вернуться к статье](#)

УДК 346.32/347.44

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРАВА

О. А. Бакиновская

Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь,
начальник отдела исследований в области гражданского,
экологического и социального права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: bakinov187@mail.ru

***Аннотация.** В статье с теоретико-правовых позиций рассматривается проблематика реализации принципов осуществления инвестиций. Предлагается законодательная формализация принципа социальной направленности регулирования осуществления инвестиций, принципа неприкосновенности собственности, принципа свободы договора, принципа свободы осуществления инвестиций.*

***Ключевые слова:** инвестиции, принцип инвестиционного права, принцип свободы осуществления инвестиций, реализация принципов права.*

***Annotation.** The article deals with the problems of implementing the principles of investment implementation from a theoretical and legal point of view. The legislative formalization of the principle of social orientation of investment regulation, the principle of inviolability of property, the principle of freedom of contract, the principle of freedom of investment is proposed.*

***Keywords:** investment, the principle of investment law, the principle of freedom of investment, the implementation of the principles of law.*

Развитие теоретического познания такого явления, как принципы права, представляет собой интерес для дальнейшего развития научных представлений в обозначенной сфере, а также формирования методологической базы познания отраслевых правовых принципов. В настоящее время мы можем наблюдать повышенный интерес исследователей к изучению именно отраслевых правовых принципов и, в частности, такого их аспекта, как реализация. В теории права «под реализацией права понимается воплощение его в поведении людей и в общественных отношениях» [1].

Инвестиционное право как трансформирующийся правовой комплекс стало все чаще привлекать внимание исследователей, что в первую очередь обусловлено активными экономическими процессами, происходящими под влиянием региональной экономической интеграции с общемировым экономическим спадом. Уже сегодня мы можем говорить о формировании системы принципов инвестиционного права, обусловленной гармоничным сочетанием публично-правовых и частноправовых начал данного правового комплекса.

Принципы инвестиционного права представляют собой «фундаментальные основы функционирования инвестиционных правоотношений» [2]. Представляя собой высшую степень абстрагированности правового материала, принципы права и в особенности отраслевые правовые принципы реализуются в различных правовых конструкциях, обеспечивая тем самым иерархичность нормативного массива и формируя теоретическую базу последующего правоприменения. Если рассматривать проблематику реализации принципов инвестиционного права, то особый интерес представляют исследования цивилистов, посвященные реализации отраслевых принципов.

Профессор Н. Л. Бондаренко, исследуя проблематику реализации принципов гражданского права, указывает, что «механизм реализации принципов гражданского права включает три структурных уровня:

- 1) законодательное признание принципов гражданского права;
- 2) реализацию принципов гражданского права в нормотворческой деятельности;
- 3) реализацию принципов гражданского права в правоприменительной деятельности» [3, с. 111].

Разделяя мнение указанного автора применительно к механизму реализации принципов гражданского права, полагаем правомерным распространение данного механизма и на сферу инвестиционного права в контексте реализации его принципов. Общетеоретическая конструкция, использованная Н. Л. Бондаренко, позволяет четко обозначить направления исследования проблематики реализации принципов инвестиционного права.

Применительно к первому направлению, законодательному признанию принципов инвестиционного права следует отметить определенные «подвижки» законодателя и очевидный тренд на формализацию принципов инвестиционного права. Оставляя за рамками настоящей публикации проблематику понятия и системы принципов инвестиционного права в силу ограничения ее объема, мы с удовлетворением отмечаем, что в 2013 году принципы инвестиционного права были частично формализованы на уровне Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» (далее — Закон об инвестициях), в ст. 5 которого в качестве принципов осуществления инвестиций поименованы принцип верховенства права, принцип равенства инвесторов, принцип добросовестности и разумности осуществления инвестиций, принцип недопустимости вмешательства в частные дела, принцип обеспечения восстановления нарушенных прав и законных интересов, их судебной защиты. Ранее нами отмечалась определенная созвучность и дублирование принципов гражданского права в законодательстве в сфере инвестиций при совпадении основного смысла их содержания в гражданском и инвестиционном праве [4], вместе

с тем если рассматривать от противного, то достаточно сложно привести доводы о целесообразности исключения из ст. 5 Закона об инвестициях гражданско-правовых принципов как таковых. Наличие обозначенных принципов в указанной норме может в определенной степени свидетельствовать о наличии и превалировании элементов гражданско-правового регулирования инвестиционных отношений.

На момент подготовки настоящего материала мы придерживаемся мнения о нецелесообразности исключения из ст. 5 Закона об инвестициях принципов осуществления инвестиций, совпадающих по содержанию и дублирующих принципы гражданского права. Наоборот, полагаем необходимым последовательную имплементацию иных принципов гражданского права в законодательство в сфере инвестиций, и, в частности, принципа социальной направленности регулирования экономической деятельности, принципа неприкосновенности собственности и свободы договора.

Краеугольным камнем современного законодательства в сфере осуществления инвестиций является проблематика реализации принципа свободы осуществления инвестиций. Являясь непоименованным принципом инвестиционного права, принцип свободы осуществления инвестиций находит свое отражение в ст. 6 Закона об инвестициях, регламентирующей ограничения при осуществлении инвестиций. При реализации принципа свободы осуществления инвестиций мы можем наблюдать следующие варианты установления ограничений:

- полный запрет на осуществление инвестиций, например, запрет на осуществление инвестиций в виды деятельности, запрещенные законодательными актами Республики Беларусь;

- условный запрет, означающий запрет на осуществление инвестиций без получения необходимых согласий со стороны уполномоченных органов государственного управления, например, запрет на осуществление инвестиций в имущество юридических лиц, занимающих доминирующее положение на товарных рынках Республики Беларусь, без согласия антимонопольного органа Республики Беларусь в случаях, установленных антимонопольным законодательством Республики Беларусь;

- допускаемое ограничение, означающее, что на сегодняшний момент как таковое ограничение не установлено, но в будущем допускается возможность его установления.

Допускаемое ограничение может быть установлено при одновременном соблюдении следующих условий:

- только на основании законодательных актов;

– цель установления ограничения — это соблюдение интересов национальной безопасности (в том числе охраны окружающей среды, историко-культурных ценностей), общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Формализация принципа свободы осуществления инвестиций в ст. 5 Закона об инвестициях, на наш взгляд, положительным образом повлияет на улучшение правовых условий осуществления инвестиций в Республике Беларусь, поскольку тем самым законодатель напрямую продемонстрирует потенциальному инвестору отсутствие юридических препятствий во вложении инвестиций.

Определенную настороженность у потенциального инвестора может вызывать возможность установления допускаемых ограничений, вернее, их возможные последствия в виде необходимости прекращения осуществления инвестиционной деятельности или реализации инвестиционного проекта после введения допускаемого ограничения. С целью минимизации негативных последствий для инвестора при введении допускаемого ограничения следует закрепить правило о недопустимости придания такому ограничению так называемой обратной силы, т. е. допустить его распространение на не инвестиционные правоотношения, возникшие до его установления. Помимо того, следует установить правило, согласно которому при введении допустимого ограничения инвестору гарантируется возможность реализации инвестиционного проекта на прежних условиях. При наличии такого рода гарантии мы можем утверждать о формировании стабильных условий инвестиционной деятельности в Республике Беларусь.

При формализации принципов инвестиционного права на законодательном уровне мы должны учитывать, что, как справедливо отметил Е. И. Казакевич, «реализация принципов предпринимательского права в практической деятельности зависит от степени законодательной техники. Законодателю необходимо обращать внимание на точность и ясность формулировок принципов, особенно новых. Это обусловлено целью создания четких границ деятельности для правоприменителя, соблюдения прав и свобод участников предпринимательских правоотношений» [5].

Полагаем, что реализация принципов инвестиционного права в правоприменительной деятельности будет зависеть в том числе от их поименованности на уровне Закона об инвестициях, а также от понимания самим правоприменителем сути такого теоретического конструкта, как принцип инвестиционного права, и степени раскрытия его содержания.

На проблему неполноты раскрытия содержания принципов права в нормативных правовых актах в свое время справедливо обращали внимание

С. Лобач и А. Калдыбаев: «Даже тогда, когда в законе дается определение тому или иному принципу, очевидно, что нельзя говорить о полном раскрытии его содержания. Правоприменитель не может просто указать на наличие правового принципа и противоречие ему определенного правила поведения или правового акта. Необходимо обосновывать правильность применения этого принципа, его возможность быть образцом для участников правоотношений и указать, какие существуют противоречия этому принципу, что предписывает этот принцип» [6, с. 269]. Указанное утверждение авторов отчетливо раскрывается на примере принципа добросовестности и разумности осуществления инвестиций.

Представляется определенной ущербность указанной конструкции в сравнении с иными конструкциями принципов осуществления инвестиций, которые сформулированы либо по варианту установления запрета (например, принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела), либо по варианту предоставления гарантии (принцип обеспечения восстановления нарушенных прав и законных интересов, их судебной защиты).

В той связи полагаем необходимым при сохранении подхода законодательства в сфере инвестиций о необходимости наличия принципа добросовестности и разумности осуществления инвестиций конструкцию данного принципа построить на долженствовании правомерного поведения инвестора, т. е. его обязанности действовать добросовестно и разумно, а также запрета нацеленности результата осуществления инвестиций (например, производство определенной продукции) исключительно на причинение вреда другим лицам, окружающей среде, историко-культурным ценностям. Помимо этого, считаем необходимым дополнить число объектов такими, как здоровье человека и экономическая безопасность Республики Беларусь.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Полагаем нецелесообразным исключение из ст. 5 Закона об инвестициях принципов осуществления инвестиций, совпадающих по содержанию и дублирующих принципы гражданского права.

2. Статью 5 Закона об инвестициях следует дополнить такими принципами, как принцип социальной направленности регулирования осуществления инвестиций, принцип неприкосновенности собственности, принцип свободы договора, принцип свободы осуществления инвестиций.

3. Устанавливаемые законодателем ограничения при реализации принципа свободы осуществления инвестиций условно можно классифицировать на три группы: полный запрет, означающий прямое запрещение осуществления инвестиций, условный запрет, означающий запрет на осуществление инвестиций без получения необходимых согласий со стороны уполномоченных органов государственного управления, и допускаемое ограничение, означающее, что на

сегодняшний момент как таковое ограничение не установлено, но в будущем допускается возможность его установления.

1. Цечоев В. К., Швандерова А. Р. Теория государства и права : учебник. М. : Прометей, 2017. 330 с. [Вернуться к статье](#)
2. Терехова Е. В. Инвестиционное право: публично-правовые начала : учеб. пособие. М. : РГУП, 2015. [Вернуться к статье](#)
3. Бондаренко Н. Л. Принципы гражданского права Республики Беларусь. Минск : БГЭУ, 2007. 179 с. [Вернуться к статье](#)
4. Бакиновская О. А. Проблемы закрепления принципов гражданского права в законодательстве в сфере инвестиций // Проблемы правового регулирования осуществления и защиты прав участников гражданских правоотношений. Минск. 2016. С. 17–33. [Вернуться к статье](#)
5. Казакевич Е. И. Принципы предпринимательского права: закрепление в законодательстве и реализация в практической деятельности // Право и бизнес. № 2. М. : ООО Издательская группа Юрист, 2020. С. 7–13. [Вернуться к статье](#)
6. Лобач С., Калдыбаев А. Реализация принципов права в судебной практике // Гражданское законодательство. Статьи. Комментарии. Практика. Вып. 22. Алматы : ЮРИСТ, 2005. С. 265–273. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.114.5

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ПОощРЕНИЯ КАК ФОРМЫ
ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ****И. Л. Вершок**

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: viarshok_irina@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются функциональные характеристики поощрения как способа информационного правового воздействия на сознание субъектов права. Осуществляется сравнение правового воздействия и правового регулирования. Прослеживается связь применения поощрения с последующей трансформацией правового сознания.*

***Ключевые слова:** поощрение, правовое воздействие, информация, правовое сознание, правовое регулирование.*

***Annotation.** The article discusses the functional characteristics of reward as a way of informational legal influence on the legal consciousness. The comparison of legal impact and legal regulation is carried out. There is a connection between the use of reward and the the transformation of legal consciousness.*

***Keywords:** reward, legal influence, information, legal consciousness, legal regulation.*

Одним из направлений стимулирования социально полезной активности субъектов права, предусмотренных в юридической сфере, является поощрение как метод правового регулирования [1]. Поощрение имеет ряд преимуществ благодаря тому, что ни принуждение, ни ограничение, широко распространенные в правовом регулировании, не предполагают состязательности [2, с. 116] в общественных отношениях и лишают субъекта возможности выбора, что зачастую негативно сказывается на развитии частно-правовой сферы, принципов инициативного поведения. Поощрение в основном связывается с мерами материального стимулирования субъектов, применяемыми за осуществление ими социально активного, ответственного поведения. Немного реже поощрение рассматривается в качестве снятия ограничений в правовом статусе, ранее наложенных в соответствии с нормами гражданского, гражданско-процессуального, уголовного законодательства.

В контексте сравнения стимулов и ограничений в литературе указывается, что материальным критерием, позволяющим якобы безошибочно определить, какие средства относятся к правовым стимулам, а какие — к ограничениям, является интерес. В зависимости от того, какому интересу (собственному или чужому) служит конкретное средство, оно может быть определено как стимулирующее либо ограничивающее [3, с. 72]. Применяя данное утверждение

к поощрению как инструменту стимулирования, можно прийти к выводу, что в зависимости от того, публичному или частному интересу оно служит, его можно признавать в качестве поощрения либо нельзя. Действительно, исследование поощрения, осуществляемое в статике, дает некоторые основания к такому выводу. Например, факт премирования работника, удовлетворившего его частный интерес, можно отнести к поощрению, а вот факт лишения премии за ненадлежащее выполнение им своих обязанностей, обеспечивающее интересы фирмы, — к ограничению. Однако в динамике поощрение как инструмент стимулирования сложно дифференцировать по критерию адресности интереса. Проблематично выделить однозначно, чьи интересы работник реализует в процессе своей работы во внеурочное время — публичные и (или) частные.

Не соглашаясь с редукцией критериев поощрения исключительно к реализации частного интереса, обратим внимание на то, что в целом стимулирование в юридической литературе изучается в качестве бинарного явления по отношению к ограничению и характеризуется как элемент социального управления. Проводится анализ диалектической связи стимула и ограничения по аналогии с биологическими системами, обладающими свойствами возбуждения и торможения в центральной нервной системе, а также с технической системой, обладающей свойствами в зависимости от ее включения или выключения [3, с. 68]. В соответствии с этим логически встает вопрос: что является бинарным явлением по отношению к поощрению? В литературе указывается, что формально-логическое и лингвистическое противопоставление феномена, являющегося бинарным по отношению к поощрению, обнаруживается в наказании: «Заслуга и поощрение выступают противовесом таких категорий, как правонарушение и наказание» [4, с. 33]. Однако в реальности бинарность заложена в правомерном поведении и правонарушении, в то время как заслуженное поведение — лишь специфическое проявление правомерного поведения, за которое может последовать поощрение, а может и нет.

Не соглашаясь в полной степени с выявленной бинарностью стимула и ограничения, признаем отсутствие их абсолютно полярного противопоставления. В частности, возникает вопрос, имеются ли юридические и моральные основания относить к наказанию и порицанию такие меры ограничения в противовес стимулирования, как не лишение, а просто отсутствие поощрения. Взаимосвязь стимула и ограничения кроется не столько в факте двоичности информации, сколько в механизме (процедуре) их реализации. Полагаем, что стимул является средством правового воздействия, а ограничение представляет собой инструмент правового регулирования. Причем ограничения в поощрении как способе правового воздействия должны иметь место и в правовом регулировании. В подтверждение выдвинутой концепции укажем, что в литературе уже

констатировалось неоправданное отсутствие полноценной юридической базы, регулирующей основы поощрений и закрепляющей «модели заслуг» [4, с. 33].

Подвергая пересмотру анализ поощрения в качестве метода правового регулирования, полагаем, что поощрение является специфическим способом правового воздействия на сознание человека, а не инструментом регулирования общественных отношений. Оно расширяет границы свободы субъекта права на основе ретроспективного или проспективного признания определенного варианта его поведения не социально допустимым и правомерным, а заслуженным. Проводя разграничение между правовым регулированием и правовым воздействием, отметим, что правовое регулирование является однонаправленным субъект-объектным способом влияния на общественные отношения, предписывающим формально закрепленные стереотипы возможного или необходимого поведения. В свою очередь, правовое воздействие представляет особенную форму информационного взаимодействия между субъектами, обладающую более динамичными параметрами и предопределяющую влияние права на сознание субъектов, а также их обратную реакцию, зависящую от особенностей содержания, количества и интенсивности потока транслируемой информации.

Качество правового воздействия значительно предопределено сознанием субъекта, испытывающего информационное влияние: «Сознание играет роль фильтра и “декодирует” правовую информацию на следующие положительно-отрицательные факторы: “полезно-вредно”, “выгодно-невыгодно”, а отсюда и строит собственную программу поведения» [3, с. 70–71]. При этом, соглашаясь с признанием многообразия информации в правовой сфере и выбором субъектом тех сведений, которые имеют «поведенческую» направленность, связаны с ценностью, представляющей интерес для субъекта права, рассмотрим тезис о том, что правовые стимулы дают только «минимум значимой (ценной) юридической информации» [3, с. 70–71]. Далее поощрение зависит от свободного выбора участниками правоотношений определенного варианта поведения между просто правомерным либо заслуженным, зависящего от их усмотрения. Однако в литературе применительно к поощрению в основном рассматривается усмотрение правоприменителя, реализующего поощрительные нормы права, с последующими предложениями ограничения его полномочий в правовом регулировании, усмотрение самого субъекта правомерного поведения игнорируется.

В связи с этим рассмотрим субъективную сторону заслуженного поведения как вида правомерного поведения. Выявляя характеристику так называемого своего усмотрения, обнаруживаем, что, с одной стороны, оно детерминировано осознанными потребностями (интересами) субъекта правового поведения в процессе его биологической и социальной адаптации (внутренняя нормативность). С другой стороны, усмотрение формируется под влиянием различных

регуляторов, в том числе и внешнего нормирования, направленного на установление сбалансированности общественных отношений. Совокупная информация подвергается рациональному и иррациональному восприятию, что может получить выражение в виде не только правомерного, но при этом и социально активного, ответственного, инициативного поведения, именуемого «заслуженным» [4, с. 36]. В результате поощрение, применяемое за заслуженное поведение, содержит в своем основании конгломерат переработанной нормативной информации, имеющей как юридическое, так и социально-правовое значение для субъекта поощрения (правоприменителя), поощряемого (лица, действующего ответственно и заслуженно), а также для группы оценки и реагирующей группы. Сферы применения поощрения обычно в литературе определены путем фактического перечисления (или выделения определенных видов [4, с. 40]), без уточнения, к какой отрасли права оно относится — публично-правовой или частно-правовой. Однако для определения заслуженного поведения и соответствующего ему поощрения характерно выявление взаимодействия (полилога) между отдельным субъектом, государством и обществом, а также преимущественно социально-правовое (а не узкоюридическое) определение природы поощрения.

Поощрение, будучи более сложным явлением, чем метод правового регулирования, сочетающим в себе психологические, социальные, экономические и правовые аспекты, является не только информационным сигналом, предполагающим наличие связи «стимул — реакция», но и фактором существенного изменения репутационного статуса субъекта права, к которому оно применяется, а также средством трансформации правосознания окружающих, относящихся к группе оценки. Поощрение справедливо рассматривать не как однонаправленное регулирование, а как отношение взаимной ответственности, вытекающей из взаимодействия между группой оценки, субъектом поощрения, поощряемым и реагирующей группой.

Учитывая водораздел между поощрением (как способом правового воздействия) и правовыми ограничениями (в качестве инструментов правового регулирования), можно обнаружить существенное отличие между заслуженностью поощрения и заслуженностью льгот. Если «заслугу и поощрение можно представить в виде причины и следствия... фиксирующие генетическую связь между явлениями, при которой одно явление своим действием вызывает, порождает другое явление» [4, с. 34], то вариант и необходимость заслуженного поведения определяется по усмотрению его субъекта. В свою очередь, для льгот можно наблюдать иную генетическую связь: причиной льготы является соответствующее правовое регулирование, предусматривающее детальные

условия возникновения и оснований реализации льготы и отсутствие усмотрения у субъекта.

Кроме того, заслуженное поведение — динамичное явление. Оно может подвергаться серьезной трансформации само по себе на фоне изменений антропогенного, техногенного и социального контекста. Можно признать, что в каждом конкретном случае применения мер поощрения происходит реализация правовой нормы, но при сохранении неопределенности в том, какая из социальных норм при этом имела преимущественный регулятивный потенциал — религиозная, корпоративная, моральная или все-таки юридическая. В результате правовое воздействие в виде поощрения с необходимостью дополняется правовым регулированием: законодатель в перспективе «может явно или неявно использовать принятие законодательного акта как угрозу, чтобы побудить актора изменить свое поведение» [5, с. 504–505], то есть осуществить правовое регулирование в дополнение к правовому воздействию, теряющему свою эффективность и регулятивное значение.

Выявляя не столько содержательно-лексическое, сколько функциональное значение термина «поощрение», признаем, что оно представляет собой специфическую форму информационного взаимодействия в процессе сложной процедуры реализации позитивной юридической, а также иных видов социальной ответственности. В результате происходит трансляция сведений о наиболее ценных вариантах социально активного ответственного поведения, о субъектах, осуществляющих такое поведение, что неизбежно приводит к ценностной трансформации правового сознания всех субъектов: группы оценки, субъекта поощрения, поощряемого (действующего ответственно) и реагирующей группы. Формой реализации поощрения можно признать коммуникативный информационный процесс, который тесно связан не только с государственным, но очень существенно — с неформальным правовым контролем, «циркулирующей достоверной репутационной информацией» [5, с. 504–505]. Информационные инструменты поощрения, используемые при правовом воздействии, трансформируют ценностные механизмы правового сознания как заслуженных субъектов права, так и субъектов оценки таких заслуг и группы, реагирующей на поощрение. Будучи объективно и правильно примененными, они способны снижать необходимость применения в дальнейшем формализованных инструментов механизма правового регулирования.

1. Киселева О. М. Поощрение как метод правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2000. 38 с. [Вернуться к статье](#)

2. Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. 384 с. [Вернуться к статье](#)

3. Малько А. В. Правовые стимулы и ограничения: двоичность информации как метод анализа // *Общественные науки и современность*. 1994. № 5. С. 67–76. [Вернуться к статье](#)

4. Малько А. В., Типикина Е. В. Заслуженное поведение как основание для правового поощрения: необходимость формирования теории // *Государство и право*. 2019. № 11. С. 32–42. [Вернуться к статье](#)

5. Элликсон Роберт Ч. Порядок без права. Как соседи улаживают споры. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 520 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.9

**ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ
В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ****Д. В. Гапоненко**

Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь,
младший научный сотрудник отдела исследований в области гражданского,
экологического и социального права
e-mail: darinagaponenko@mail.ru

***Аннотация.** В данной статье анализируется содержание принципа гласности в контексте цивилистического процесса, обосновывается существование различных форм его реализации, имеющих место вне стадии судебного разбирательства.*

***Ключевые слова:** принцип гласности, судебное разбирательство, цивилистический процесс, формы реализации.*

***Annotation.** The article analyzes the content of the principle of publicity in the civil process and justifies the existence of various forms of its implementation that take place outside the judicial proceedings.*

***Keywords:** principle of transparency, court proceedings, civil process, forms of implementation.*

В качестве руководящих положений, определяющих сущность той либо иной отрасли права, обладающих признаками нормативности, объективности, стабильности, фундаментальности и общеобязательности, традиционно рассматривают принципы права (от лат. *principium* — «основа, основополагающее начало»), анализу сущности которых уделено особое внимание в контексте как общетеоретических, так и отраслевых исследований.

Практическая значимость принципов права весьма велика: они служат ориентиром в контексте формулирования законодателем правовых норм, способствуют их толкованию, поскольку в случае применения аналогии закона суд должен убедиться в том, что принятое решение и используемая норма не противоречат принципам права.

Приоритетное положение в системе защиты прав, свобод и законных интересов граждан, а также в урегулировании правовых конфликтов, несмотря на стремительное развитие альтернативных способов разрешения споров, сохраняется за юрисдикционными формами, в частности за судебной.

Вместе с тем, несмотря на достигнутый уровень развития судебной системы Республики Беларусь в контексте вопроса ее связи с населением, с учетом современных тенденций информатизации целесообразно отвечать вызовам современного общества, стремясь организовать работу судебных органов как можно более мобильной, доступной и открытой для населения.

В этой связи среди основ судопроизводства Республики Беларусь, принадлежащих к разряду конституционных, следует выделить принцип гласности, получивший признание и закрепление в правовых актах не только национального, но и международного уровня.

Традиционно сущность указанного принципа трактуется посредством упоминания о гласном и открытом рассмотрении дел в суде, наличии права фиксации происходящего в порядке, установленном законом, а также публичном объявлении итогового решения, в связи с чем среди основных форм реализации принципа гласности, как правило, производят выделение таких, как гласность непосредственно самой процедуры судопроизводства, включающей в себя свободный доступ в зал судебного заседания, возможность фиксации хода судебного разбирательства, устное ведение процесса и т. д., а также гласность судебных постановлений, заключающуюся в оглашении судебного постановления, вручении копий документов участвующим в деле лицам, опубликовании итогового решения и иных.

При этом следует подчеркнуть, что, несмотря на формулировку «гласность судебного разбирательства» либо «гласность разбирательства дела», закрепленную в отраслевых кодексах (ст. 17 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ГПК) [1], ст. 21 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ХПК) [2]), анализируемый принцип распространяется не только на стадию судебного разбирательства, будучи присущим всему судопроизводству, а порой и процессу в целом.

Подобная ситуация характерна и для процессуальных кодексов зарубежных государств, в частности цивилистических. Так, термин «гласность судебного разбирательства» используется в следующих актах: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ст. 10) [3], Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (ст. 11) [4], Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан (ст. 19) [5], Гражданский процессуальный кодекс Украины (ст. 6) [6], Хозяйственный процессуальный кодекс Украины (ст. 8) [7], Гражданский процессуальный кодекс Республики Молдова (ст. 23) [8] и др.

В перечисленных статьях, раскрывающих содержание принципа гласности, действительно в большей мере речь идет именно о стадии судебного разбирательства, в контексте которой освещаются вопросы открытых и закрытых судебных заседаний, правила исследования материалов (содержащих информацию личного характера, охраняемую законом тайну и т. д.), возрастные ограничения в отношении присутствующих в судебном заседании лиц, порядок фиксации хода и результатов судебного разбирательства и иные.

Наряду с этим следует отметить, что ряд положений процессуальных правовых актов Республики Беларусь касаются именно вопросов открытости и гласности досудебных (подготовительных) процедур, таких как извещение лиц, участвующих в деле (ст. 143 ГПК, ст. 140 ХПК), порядок реализации права на ознакомление с материалами дела, возникающего в день окончания подготовки дела об административном правонарушении (ст. 10.26 ПИК_оАП) [9] и т. д.

В связи с этим считаем обоснованным среди составляющих принципа гласности выделить такие элементы, как право на извещение (информирование) о процессе, право на ознакомление с материалами дела (как до стадии судебного разбирательства, так и после), право присутствовать в зале судебного заседания на этапе рассмотрения и разрешения дела, право на доступ представителей средств массовой информации в зал судебного заседания с целью трансляции его хода и результатов, право на ознакомление с финальными судебными актами, представляемыми публично (посредством их оглашения в зале судебного заседания и последующего опубликования) и др.

Вышеизложенное демонстрирует тот факт, что принцип гласности присущ не только лишь стадии судебного разбирательства, но и иным этапам процесса.

В подтверждение сказанного приведем мнение В. Калинковича, Р. Анискевич и Л. Дулько, которые, анализируя сущность исследуемого принципа, подчеркнули, что «принцип гласности в организации и деятельности судебной власти следует... понимать не только в процессуальном смысле, а в непосредственной организации судебного разбирательства» [10, с. 27].

То есть принцип гласности, будучи отнесенным к разряду организационных, реализуется не только на стадии судебного разбирательства, но и на так называемых этапах «до» и «после» него, способствуя организации рассмотрения и разрешения дела по существу.

Указанный нюанс отражен и в положениях Комментария к ст. 19 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан: «Гласность судебного разбирательства — это не только проведение открытого судебного разбирательства, но и открытость, прозрачность и доступность судебных процедур. Это проявляется в публичном объявлении судебного решения, ознакомлении сторон с поступившими жалобами других участников процесса, извещении о времени и месте рассмотрения дела в суде вышестоящей инстанции, свободном доступе к базе данных вступивших в законную силу решений, возможности получения информации об исполнении судебных актов» [11].

При этом с терминологической позиции, если акцентировать внимание на стадиях процесса вне исполнительного, то целесообразно вести речь лишь о «принципе гласности судопроизводства», а с учетом производства, связанного с

исполнением судебных постановлений, иных решений и актов, — «принципе гласности процесса».

Однако авторами высказывается и противоположная позиция, заключающаяся в том, что принцип гласности характерен лишь для стадии судебного разбирательства. В подтверждение указанного тезиса Л. П. Гудзяк и С. А. Рубанов акцентируют внимание на том, что «на стадиях, предшествующих непосредственному судебному разбирательству, судопроизводство содержит не столько деятельность суда, сколько различные действия, совершаемые сторонами или государственными органами (например, если в разбирательстве по гражданскому делу предусмотрено обязательное участие прокурора). В связи с этим оглашение такого рода «несудебной» информации не соответствует целям контроля судебной деятельности со стороны широкой общественности» [12, с. 28].

На наш взгляд, указанная позиция представляется дискуссионной, поскольку принцип гласности действительно способствует осуществлению контроля общественностью за деятельностью представителей судебной власти, однако доля деятельности суда на стадиях, предшествующих судебному разбирательству (возбуждение дела, подготовка дела к судебному разбирательству) либо следующих за ним, весьма велика. Данная роль может быть выявлена на примере анализа таких элементов, как механизм судебных повесток и извещений, ознакомление с материалами дела в результате подготовки дела к судебному разбирательству либо после него, опубликование судебных решений, порядок взаимодействия с представителями средств массовой информации и т. д.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы: принцип гласности в контексте цивилистического процесса Республики Беларусь должен рассматриваться как категория многоаспектная. Исходя из содержания ст. 17 ГПК и ст. 21 ХПК, следует отметить, что в большинстве своем при раскрытии содержания исследуемого принципа и описании формы его реализации акцент законодателем сделан именно в отношении стадии судебного разбирательства. Анализ положений ГПК и ХПК в целом свидетельствует о наличии и иных форм реализации принципа гласности, проявляющихся на различных стадиях цивилистического процесса, в связи с чем целесообразно либо заменить термин «гласность судебного разбирательства» на «гласность цивилистического процесса» (с учетом предстоящей унификации гражданского и хозяйственного процессов), либо подвергнуть имеющийся в настоящее время термин расширительному толкованию. Более того, в содержание статей, раскрывающих сущность анализируемого принципа, необходимо включить описание всевозможных форм его реализации, присущих цивилисти-

ческому процессу и реализуемых как на стадии судебного разбирательства, так и вне ее.

1. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-З : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.12.2020 г. № 69-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 дек. 1998 г., № 219-З : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. № 89-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 14 нояб. 2002 г., № 138-ФЗ : принят Гос. Думой 23 окт. 2002 г. : одобр. Советом Федерации 30 окт. 2002 г. : в ред. Федер. закона от 08.12.2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 24 июля 2002 г., № 95-ФЗ : принят Гос. Думой 14 июня 2002 г. : одобр. Советом Федерации 10 июля 2002 г. : в ред. Федер. закона от 08.12.2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 31 окт. 2015 г. № 377-V : в ред. Закона Респ. Казахстан от 2 янв. 2021 г. Доступ из информ. системы «Юрист-Параграф online». [Вернуться к статье](#)

6. Гражданский процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 18 марта 2004 г. № 1618-IV: в ред. Закона Украины от 14 июля 2020 г. Доступ из информ. системы «Юрист — Параграф online». [Вернуться к статье](#)

7. Хозяйственный процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 6 нояб. 1991 г. № 1798-XII: в ред. Закона Украины от 19 июля 2020 г. Доступ из информ. системы «Юрист-Параграф online». [Вернуться к статье](#)

8. Гражданский процессуальный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 30 мая 2003 г. № 225-XV: в ред. Закона Респ. Молдова от 9 июля 2020 г. Доступ из информ. системы «Юрист-Параграф online». [Вернуться к статье](#)

9. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г., № 194-З : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. № 281-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

10. Калининвич В., Анискевич Р., Дулько Л. Гласность как современное условие осуществления правосудия // Судовы Веснік. 2014. № 1. С. 26–31. [Вернуться к статье](#)

11. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Казахстан [Электронный ресурс]. Доступ из информ. системы «Юрист-Параграф online». [Вернуться к статье](#)

12. Гудзяк Л. П., Рубанов С. А. Проблемы реализации принципа гласности в гражданском судопроизводстве // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 2–7. С. 27–30. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**МЕСТО ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В ТЕХНИЧЕСКОМ ТИПЕ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ****А. И. Глинда**

Белорусский государственный университет,
аспирант кафедры теории и истории государства и права,
магистр юридических наук
e-mail: slyann@mail.ru

***Аннотация.** Рассматривается соотношение института юридической ответственности с техническим типом социального регулирования. Исследование строится на базе положения об основных типах социального регулирования: правового, политического, религиозно-морального и технического, которые содержат свойственные им элементы. Сделан вывод о наличии системных связей института юридической ответственности с техникой и взаимодействии на уровне элемента контроля, восстановления и защиты*

***Ключевые слова:** институт юридической ответственности, техника, технические нормативные правовые акты, системные связи.*

***Annotation.** The correlation of the institution of legal responsibility with the technical type of social regulation is considered. The study is based on the provisions on the main types of social regulation: legal, political, religious-moral and technical, which contain their own elements. It is suggested that there are systemic links between the institute of legal responsibility and technology and interaction at the level of control, restoration and protection elements.*

***Keywords:** institute of legal responsibility; technology, technical regulatory legal acts, system communications.*

Для исследования взаимосвязи технического типа социального регулирования с институтом юридической ответственности важно найти участки соприкосновения техники и права. В юридической литературе это в первую очередь соотношение технических и юридических норм.

Согласно Закону Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» к техническим нормативным правовым актам относятся технические нормативные правовые акты в области технического нормирования и стандартизации и технические нормативные правовые акты, не относящиеся к области технического нормирования и стандартизации, которые также поименованы в данном законе [1, ст. 24].

Часть источников технических норм определяет Закон Республики Беларусь «О техническом нормировании и стандартизации», согласно которому документы в области технического нормирования и стандартизации не являются техническими нормативными правовыми актами. К таковым закон относит международные стандарты, межгосударственные и другие региональные стан-

дарты, а также иные документы в сфере технического нормирования и стандартизации, принятые международными организациями или иностранными государствами, случаи, порядок и пределы применения которых установлены данным законом, правовыми актами Президента Республики Беларусь и (или) международными договорами Республики Беларусь, за исключением международно-правовых актов, составляющих право Евразийского экономического союза [2].

Роль законодательства в системе технического регулирования проявляется в двух аспектах: в закреплении в технико-юридических нормах определенных обобщенных технических требований и в обеспечении правовыми средствами соблюдения этих требований.

Исходя из понимания существа технических норм, их условно можно подразделить на нормы, *выраженные в правовой форме, или технико-юридические нормы*, и *все иные технические нормы*, как имеющие, так и не имеющие социального содержания.

Отнесение технических норм к юридическим или приобретение ими статуса технико-юридических связано в том числе с применением ответственности за их нарушение.

Ответственность за нарушение технических норм прямо предусматривает немалое количество статей Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, Уголовного кодекса Республики Беларусь. Кроме того, нарушение технических требований в процессе выполнения трудовых функций может привести к наложению дисциплинарного взыскания и (или) применению мер материальной ответственности, а при ненадлежащем выполнении договорных обязательств — к возникновению оснований гражданско-правовой ответственности.

Иные технические нормы не содержат признаков, свойственных правовым нормам, и их нарушение не влечет юридической ответственности: например, нормы математики, химии, биологии и иных наук, определяющих естественное состояние изучаемых объектов.

На базе понимания технических норм как эквивалентных и общеобязательных правил поведения выделяется соответствующий тип социального регулирования [3–6].

Профессор Н. В. Сильченко определяет место технического типа социального регулирования следующим образом.

Технические системы и технологии, под воздействием которых возникают и развиваются «технические» общественные отношения, влияют в основном на *форму* «технических» отношений, в то время как *содержание* данных отношений «программируется» в рамках морально-религиозного, правового и поли-

тического типов социального регулирования. Не имея собственных целей и программ развития, техническое регулирование является *особым* универсальным типом социального регулирования, который присутствует во всех трех социокультурных типах социального регулирования — правовом, политическом, морально-религиозном, но не растворяется в них.

Каждый тип социального регулирования обязан содержать в себе *элемент контроля и защиты*. Посредством контрольных механизмов все элементы системы социального регулирования связываются между собой и осуществляют обратное воздействие на программно-целевой элемент системы. Без надлежащей защиты система социального регулирования легко может быть разрушена [3, с. 12].

Для института юридической ответственности техника — это, несомненно, объект охраны. Данный объект требует охраны со стороны права и получает ее в реализации авторского и патентного права, во вложении многих технических норм в нормативные правовые акты реализована их обеспеченность правом, и тогда их охрана средствами института юридической ответственности происходит наряду с любыми другими объектами нормативного правового регулирования.

Технический тип социального регулирования имеет свои приемы и методы воздействия на реальность, однако их специфика не предполагает принудительной силы государства.

Таким образом, участок технико-юридических норм — это и есть часть права, генетически основанная на технических правилах и обеспеченная принудительной силой государства.

Системная связь здесь выглядит следующим образом: внешняя сфера технических отношений порождает технические нормы, которые становятся генетической базой юридических норм и охраняются институтом юридической ответственности.

Подводя итог, во взаимодействии с техническим типом социального регулирования предлагается выделять:

1. Часть норм, которые наиболее важны для поддержания нормальной жизнедеятельности общества и государства, включены в систему нормативных правовых актов и охраняются институтом юридической ответственности непосредственно через контроль исполнения предписаний. Данная группа норм связана связями порождения (генетическими связями) с институтом юридической ответственности.

2. Технические предписания, которые охраняются опосредованно, путем отсылок к конкретным нормативным техническим актам. Для такого «союза» характерны дистанцированные генетические системные связи. Эти связи пре-

рвутся безболезненно для обоих элементов, как только в охране отпадет необходимость, поскольку обратное влияние отсутствует.

3. Технические регуляторы, которые, на первый взгляд, не требуют охраны, однако в случае их нарушения потребуются применение общих норм и принципов института юридической ответственности. Системные связи с институтом юридической ответственности для такой группы технических норм представляют собой связи «поддержки» и координации.

4. Обратное воздействие: технический тип социального регулирования достаточно сильно влияет и на право, и на институт юридической ответственности. Ввиду своего прогрессивного и достаточно быстрого развития опережает и зачастую вносит коррективы в деликтные способы регулирования общественных отношений. Здесь также образуются генетические системные связи, однако их можно именовать связями обратной направленности, поскольку техника оказывает влияние на институт юридической ответственности как таковой в целом, а не на его отдельные нормы относительно охраняемых общественных отношений.

Кроме того, для института юридической ответственности характерно наличие внешних связей строения, которые позволяют держать необходимую дистанцию в том числе по отношению к техническим нормам, связей координации, которые между тем вполне подвижны и в настоящее время имеют тенденцию к сближению и в некоторых случаях — к замене генетическими связями.

Таким образом, технический тип социального регулирования является важнейшим фактором формирования системы института юридической ответственности. Взаимодействие в большей степени наблюдается на уровне элемента контроля, восстановления и защиты. Техника выступает одновременно и объектом охраны, и регулятором общественных отношений.

1. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11800130&p1=1> (дата обращения: 25.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. О техническом нормировании и стандартизации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2004 г., № 262-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10400262> (дата обращения: 15.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Сильченко Н. В. Социальные координаты и идентификация национальной правовой системы // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 5–15. [Вернуться к статье](#)

4. Сильченко Н. В. Система и систематизация технических нормативных правовых актов // Право.by. 2020. № 4 (66). С. 18–22. [Вернуться к статье](#)

5. Сильченко Н. В. Техническое регулирование общественных отношений и проблемы теории права // Право.by. 2019. № 6. С. 28–32. [Вернуться к статье](#)

6. Сильченко Н. В. Технический тип социального регулирования: понятие, элементы и место в системе социального регулирования // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 3 (57). С. 47–56. [Вернуться к статье](#)

УДК 316.653

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В. Л. Григорович

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры криминалистики юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: gvlmail@mail.ru

***Аннотация.** Рассматривается важность и значимость мониторинга общественного мнения, утверждающего принципиально новые формы и методы взаимоотношений общества и системы органов внутренних дел. Суть данного подхода заключается в создании в интересах правоохранительной деятельности механизма постоянного изучения общественного мнения, оценки и прогноза социальных процессов и их учета в практике обеспечения правопорядка в стране.*

***Ключевые слова:** мониторинг, общественное мнение, субъект общественного мнения, предмет и объект исследования, социологическое исследование, методы социологического исследования, деятельность органов внутренних дел.*

***Annotation.** The article considers the importance and significance of monitoring public opinion, which approves fundamentally new forms and methods of relations between society and the system of internal affairs bodies. The essence of this approach is to create a mechanism for the interests of law enforcement activities for the constant study of public opinion, assessment and forecast of social processes and their consideration in the practice of law enforcement in the country.*

***Keywords:** monitoring, public opinion, subject of public opinion, subject and object of research, sociological research, methods of sociological research, activities of internal affairs bodies.*

Общественное мнение представляет собой такое состояние массового сознания, в котором в скрытой или явной форме проявляется отношение, а также выражается позиция одобрения либо осуждения со стороны различных групп и слоев населения к проблемам, событиям и фактам, вызывающим общественный интерес. Значение общественного мнения определяется социальной структурой общества, уровнем его культуры, демократическими институтами и свободами. Общественное мнение находит выражение в выборах органов власти, электронных средствах массовой информации, опросах населения и др. [1, с. 40].

Как явление культуры общественное мнение выступает предметом научного изучения в рамках ряда социально-гуманитарных наук: социологии, политологии, социальной психологии, истории. Каждая из них вносит свою посильную лепту в углубление понимания сути данного социокультурного феномена, проводя при этом свой ракурс оценки. Следовательно, при определении воз-

возможностей правоохранительных органов в реализации своих функций с формированием адекватной социальной оценки результатов своей деятельности нужно исходить из комплексного видения проблемы, опираться на междисциплинарный подход.

Общественное мнение имеет в своем распоряжении количественные и качественные характеристики. Исходя из предпочтений субъекта, оно может иметь позитивную или негативную направленность либо быть индифферентным. Общественное мнение может проявлять достаточную подвижность, складываясь по поводу конкретного социального вопроса. Однако, будучи сформированным, оно в течение длительного периода может быть стабильным, закрепляясь в традициях, нормах, обычаях. Для выявления динамики общественного мнения принято использовать различные методы и средства: анкетирование, социологические опросы, расчет индикаторов социально-политической напряженности. Любой из указанных конкретных методов позволяет приблизиться к пониманию природы, социальных связей и отношений в обществе и непосредственно общественного мнения. Эффективность исследований повышается за счет использования и других специальных методов научного познания: традиционного и формализованного анализа документов, философской рефлексии в контексте реалий идеологии белорусского государства и др.

Сформировавшаяся научная традиция в исследовании общественного мнения опирается на ряд принципов и констант в понимании существа вопроса. Так, при анализе общественного мнения следует иметь в виду, что оно включает в себя не все точки зрения, имеющиеся у отдельных индивидов, а лишь связанные с вопросом, проблемой или ситуацией, в отношении которых данная совокупность индивидов выступает как общность; что общественное мнение по конкретному вопросу и в конкретной ситуации может коренным образом отличаться от общественного мнения по другому вопросу и в другой ситуации или даже по тому же конкретному вопросу, но в ином случае, т. е. не существует и не может существовать абстрактного и внеисторического общественного мнения. Общественное мнение детерминировано со стороны социокультурной реальности в целом. Для того чтобы стать предметом научно-практического внимания, общественное мнение должно быть публично выражено, доведено до сведения общества или какой-либо общности людей, ибо в противном случае оно остается индивидуальной точкой зрения отдельных лиц. Отсюда вытекает значение и идеологический контекст функционирования средств массовой информации, генерирующих и транслирующих систему определенных социальных представлений и ценностей в масштабах охватываемого социокультурного пространства. Общественное мнение складывается только при условии доступа общественности к информации, касающейся конкретного вопроса или группы

вопросов. Необходимо при этом иметь в виду, что оно может возникать на основе информации как отражающей реальное положение вещей, так и искажающей действительность. Из этого следует и то огромное значение, которое имеют государственно-политическая пропаганда, осуществляемая в рамках единого дня информирования населения; формы непосредственного взаимодействия, контакта руководителей органов государственного управления с общественностью, представителями различных социальных групп и выразителями интересов ведущих социальных общностей [2, с. 23–28].

Кроме вышеперечисленного, общественное мнение должно обладать достаточной интенсивностью, определенностью и сохраняться на протяжении конкретного отрезка времени, что и дает возможность фиксировать его в качестве общественного феномена. Общественное мнение — это относительно устойчивая категория социальной реальности, которая подвергается кардинальным изменениям лишь в периоды неустойчивости социального развития, на этапах серьезных социально-политических либо экономических потрясений. Оно дает о себе знать тогда, когда оно высказывается по проблемам, интересующим конкретное общество или конкретную общность людей. Одним из наиболее эффективных шагов по использованию общественного мнения в практике осуществления своей деятельности органами государственного управления выступает организация служб обратной связи в структуре их отдельных институтов и подразделений. Следует подходить к изучению и учету общественного мнения в опережающем режиме, прогнозируя смещение оценок общественности относительно конкретных результатов осуществленной профессиональной деятельности сотрудниками органов внутренних дел.

Общественное мнение обеспечивает на практике обратную связь в системе управления, является действенным каналом осуществления непосредственной демократии, эффективным средством управления социальными процессами и социального контроля. Учет общественного мнения помогает поднять на должный уровень культуру управления, недостаток которой может негативно сказаться на темпах и самом ходе процессов государственного строительства, практике функционирования правоохранительных органов, в том числе органов внутренних дел Республики Беларусь [3, с. 15].

Проблемное поле исследовательского проекта по осуществлению мониторинга общественного мнения очерчивается областью социальных отношений различных групп и слоев населения к органам внутренних дел, проявляющихся в массовом сознании в виде оценок роли, места и функционального назначения деятельности сотрудников милиции в общественной жизни.

Всякое общественное мнение отражает события, происходящие в общественной жизни, и выражает отношение к ним граждан. Общественное мнение

может быть как адекватным реальной обстановке в регионе, так и исказить ее, причем исказить как в целом, так и по отдельным направлениям социальной жизни. Источниками формирования суждений граждан являются конкретные результаты деятельности сотрудников органов внутренних дел, доминантные стереотипы восприятия сотрудников милиции, культивируемые средствами телевидения, периодическими печатными изданиями. Выявление, изучение и учет в работе вышеперечисленных позиций позволяют преодолевать нежелательные явления в практике деятельности органов внутренних дел, поступательно формировать позитивное отношение общества к деятельности по защите законности и правопорядка. Однако источниками представлений о работе органов внутренних дел нередко оказываются слухи, искаженно трактующие реальные факты и события общественной жизни, в которых участвуют сотрудники милиции; индивидуальные мнения отдельных не в полной мере компетентных лиц, расхожие суждения, домыслы и др. Последняя группа оценок, закрепляющаяся в общественном мнении, как подсказывает логика, должна быть выявлена и по возможности изжита при помощи средств социальной пропаганды наших реальных достижений.

Объектом мониторингового исследования общественного мнения выступают граждане Беларуси, обменивающиеся между собой осмысленными позициями в процессе индивидуально и коллективно ориентированного делового и общекультурного диалога. В целях мониторинга они могут быть условно стратифицированы следующим образом:

по форме включенности в коммуникативный процесс — «генераторы» и лидеры общественного мнения — социально активная часть общества, формирующая и пропагандирующая свои общественно-политические взгляды; «потребители» и «ретрансляторы» — социальные слои и группы граждан, в различной степени включенные в коммуникацию по поводу оценки деятельности органов внутренних дел;

по показателям, выступающим референтами социальных и психологических особенностей коммуникаторов: эмоциональная восприимчивость (женщины, мужчины, люди творческих и нетворческих видов деятельности, молодежь, пенсионеры); образованность; социализация; социальная коммуникабельность (занятое население, обширные или ограниченные социальные связи); степень и характер взаимодействия с органами внутренних дел (интенсивный, регулярный либо случайный характер связи с практической деятельностью органов внутренних дел; свидетели, пострадавшие, сторонние наблюдатели и т. д.).

Из сказанного видно, что по принципу формирования эмпирического объекта мониторинг общественного мнения о милиции входит в класс общереспубликанских исследований со строго очерченными границами конечного

объекта изучения. Основным методом сбора информации здесь является анкетирование.

Для проведения мониторингового среза выборочная совокупность населения республики может проектироваться как многофазный, многоступенчатый стратифицированный отбор, сочетающий в себе элементы территориальной и квотной выборки. На первой ступени в качестве страт могут быть использованы области и столица, из которых затем случайным образом выбираются районы. Количество респондентов должно отбираться пропорционально численности населения в каждой страте. На второй ступени население отобранных районов стратифицируется на городское и сельское, а количество респондентов — пропорционально численности этих двух социальных групп в каждом из отобранных районов. Третья ступень связана с проведением в них целенаправленного отбора по жестко заданным параметрам, т. е. с формированием выборочной совокупности квотным методом [2, с. 74–81].

Итоговый объект исследования — смоделированная генеральная совокупность индивидов, представляющая взрослое население Беларуси, занятое в основных сферах хозяйственной деятельности.

По стратегии формирования единиц наблюдения исследование носит выборочный характер. Единицей наблюдения выступает отдельный гражданин. Выбор единиц наблюдения осуществляется по модели сложной, комбинированной, квотно-пропорциональной, многоступенчатой выборки со случайным отбором респондентов на последней ступени. В исследовании предусматривается представительность (репрезентативность) генеральной совокупности в выборке по следующим показателям: пропорциональная представительность основных социально-профессиональных групп в общей численности взрослого населения региона; пропорциональная представительность различных демографических групп; пропорциональная представительность городского и сельского населения.

Таким образом при организации мониторинга достигается репрезентативность выборки — свойство выборочной совокупности воспроизводить параметры и значимые элементы структуры генеральной совокупности [3, с. 21].

Выделение предмета мониторингового исследования применительно к деятельности органов внутренних дел предполагает рассмотрение элементов информационной и предметно-практической сторон коммуникативного процесса в обществе, оказывающего положительное или отрицательное влияние на формирование и функционирование общественного мнения о деятельности милиции. В их числе можно выделить:

– общественные потребности и интересы различных социальных групп, слоев, организаций граждан в обеспечении общественного порядка и их взгля-

ды на деятельность милиции;

- информированность различных социальных групп и слоев общества о деятельности милиции, событиях общественной жизни, имеющих отношение к охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности;

- понимание населением проблем и фактов социальной действительности, управленческих решений и инициатив в сфере правоохранительной деятельности;

- взгляды на возможные пути решения конкретных проблем деятельности милиции;

- готовность и возможность населения участвовать в обеспечении общественного порядка [1, с. 41].

Основываясь на главных положениях социологической теории, изучение мнения населения о деятельности милиции на начальном этапе мониторингового исследования может быть сведено к определению доминирующих в обществе социально-культурных показателей и их образующих факторов. Очевидно, что этими показателями могут выступать социальная и коммуникативная активность людей, ценности и стандарты социального поведения, склонность к рациональному или эмоциональному поведению. Вместе с тем нельзя ограничивать указанные показатели каким-то стандартным набором, вероятней всего, это динамично развивающаяся структура, имеющая не только внутреннее единство, но и полюса.

Подводя итог, отметим, что предмет мониторинга общественного мнения применительно к оценке населением деятельности милиции — это не устоявшиеся показатели, а динамично развивающееся социально, исторически и культурно детерминированное восприятие гражданами милиции, где каждая составляющая оценки занимает определенное место. Представляется, что данный подход к интерпретации и осмыслению предмета в изучении общественного мнения об органах внутренних дел является наиболее продуктивным и перспективным как с точки зрения своих эвристических возможностей, так и практического использования результатов изучения общественного мнения.

1. Григорович В. Л. Предмет мониторинга общественного мнения о деятельности органов внутренних дел // Актуальные проблемы юридического образования : тез. докл. междунар. науч.-метод. конф. (Минск, 30 окт. 2013 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: А. Л. Савенок (отв. ред.) [и др.]. Минск : Акад. МВД, 2013. С. 40–42. [Вернуться к статье](#)

2. Иванов О. И. Методология и методика изучения общественного мнения : учеб.-метод. пособие. СПб. : СПбГУ, 2006. 177 с. [Вернуться к статье](#)

3. Общественное мнение о работе милиции : метод. рекомендации / А. М. Малиновский [и др.]. Минск : М-во внутр. дел Респ. Беларусь, 2007. 103 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ДИСКРЕТНОСТЬ В РАЗВИТИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

А. В. Григорьев

Академия МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: Grigor-alex@mail.ru

***Аннотация.** В статье проводится анализ тенденций развития теоретического юридического знания в после-революционный период. Доказывается, что в юридических изданиях советского периода при решении научных проблем использовался понятийный аппарат, разработанный еще в дореволюционный период. В этой связи обращается внимание на преемственность в праве в условиях идеологического диктата марксистской классовой теории.*
Ключевые слова: парадигма, преемственность, принцип партийности, советская юридическая методология, юридическая наука.

***Annotation.** The analysis of trends in the development of theoretical legal knowledge in the post-revolutionary period is carried out. It is proved that in the legal publications of the Soviet period, the conceptual apparatus developed in the pre-revolutionary period was used to solve scientific problems. In this connection, attention is drawn to the continuity in law in the conditions of the ideological dictate of the Marxist class theory.*

Keywords: paradigm, continuity, the principle of partisanship, Soviet legal methodology, legal science.

В результате революционных событий 1917 г. произошли коренные преобразования во всех сферах общественной жизни. Каким образом эти события отразились на дальнейшем развитии законодательства и теоретического юридического знания? Отвергало ли советское правоведение теоретические наработки и достижения политико-правовой мысли дореволюционного периода? Возможна ли преемственность в праве при смене научной парадигмы?

Под преемственностью в праве принято понимать связь между разными этапами (ступенями) в развитии права как социального явления. Суть этой связи состоит в сохранении определенных элементов или сторон права при соответствующих его изменениях.

Несмотря на то, что после Октябрьской революции 1917 г. альтернативные политико-правовые концепции еще могли существовать, уже к началу 20-х гг. XX в. на основе идеологии марксизма сформировалась новая классовая юридическая наука. В юриспруденции на смену методологическому плюрализму приходит диктат марксистской классовой теории, не допускавшей альтерна-

тивных подходов и политико-правовых концепций. В этих условиях многообразие политико-правовой мысли отрицается советской юридической методологией. В результате основные направления в теории права дореволюционного периода (историческая школа права, юридический позитивизм, социологическая юриспруденция, психологическая школа права и др.) подвергались критике за игнорирование классового начала, непонимание классовой сущности государственно-правовых явлений [1, с. 160].

Так, в условиях перехода от буржуазной общественно-экономической формации к коммунистической классовая борьба определяла характер законности, поэтому считалось, что законность должна служить не интересам всего общества, а интересам рабочих и крестьян. Более того, в период становления административно-командной системы и формирования тоталитарного политико-правового режима объективно отсутствовала необходимость в разработке проблематики, связанной с реализацией принципа законности как точного и неуклонного осуществления (соблюдения, исполнения, использования) законов, принятых на их основе подзаконных нормативных актов всеми органами государства, учреждениями, организациями, общественными образованиями, должностными лицами и гражданами. Дело в том, что для борьбы с так называемыми врагами народа, вредителями советской власти и др. необходимо было выработать иное понимание принципа законности, что позволило бы узурпировать всю полноту власти в руках правящей большевистской партии путем фактической ликвидации прав и свобод граждан, осуществления репрессий в отношении врагов народа и, как следствие, усиления влияния ОГПУ НКВД на все стороны общественной жизни. Именно поэтому в научный оборот и был введен принцип революционной законности, под которым понималось не только соблюдение законов, изданных рабоче-крестьянским правительством, но и проведение их на основе революционного правосознания в интересах трудящихся масс, а за отсутствием в законе указания на тот или другой случай в жизни — разрешение его на основе того же правосознания [2].

Исследование принципа революционной законности осуществлялось советской юридической наукой строго в рамках марксистско-ленинской идеологии как основного методологического подхода. Тем самым учение о законности в советской юридической науке находилось в плену идеологических постулатов, а западные исследования по проблемам законности и теории разделения властей как атрибутов правового государства, по мнению советских ученых, являлись антикоммунистическими и попытками буржуазной идеологии замаскировать классовый характер законности в антагонистическом обществе.

Что касается учения о государстве, то в марксистской доктрине государство выступало органом насилия, служащим интересам только экономически

и политически господствующего класса, и совершенно по-иному, с классовых позиций, трактовались понятия «законность», «народ», «социальная справедливость», «свобода» и др. Следовательно, созданное государство стало орудием подавления политических противников советской власти, орудием подавления инакомыслия. Руководители государства, объединив в руках партии рычаги всех ветвей власти, совершали без учета специфики социально-экономических условий внеправовые эксперименты — от насильственной коллективизации сельского хозяйства и массового переселения народов до безжалостного уничтожения неугодных режиму лиц [3, с. 114]. Можно утверждать, что в силу ряда объективных и субъективных причин вместо диктатуры пролетариата в стране установилась диктатура партийно-государственного аппарата.

В связи с этим теория правового государства (как государства, связанного правом) была объявлена буржуазной лженаукой, используемой идейными противниками коммунизма в пропагандистских и подрывных целях. Такое официальное отношение к доктрине правового государства впервые было сформулировано в докладе известного деятеля большевистской партии и советского правительства Л. М. Кагановича, который, критикуя определение советской республики как государства правового, осуществляющего свою деятельность в условиях правового режима, заявил: «Вряд ли нужно доказывать всю путанность и вредность этой немарксистской формулировки т. Малицкого. Ведь мы отвергаем понятие правового государства даже для буржуазного государства. Как марксисты, мы считаем, что буржуазное государство, прикрываемое формой права, закона, демократии, формального равенства, по сути дела есть не что иное, как буржуазная диктатура. Понятие „правовое государство“ изобретено буржуазными учеными для того, чтобы скрыть классовую природу буржуазного государства» [4, с. 9]. В результате сторонники этой теории подвергались политическим преследованиям, а основные ее положения либо категорически отвергались, либо искажались в угоду политическому произволу.

Использование классово-партийного подхода, революционной законности и следование другим требованиям марксистско-ленинской методологии явились причинами одностороннего анализа государственно-правовых явлений. Советское государствоведение специфически рассматривало механизм капиталистических государств, указывая на расширение государственных функций и централизацию власти. В свою очередь, зарубежные ученые анализировали вопрос воплощения в организацию и деятельность механизма советского государства подлинного народного суверенитета с критической точки зрения, утверждая о тоталитарном характере государственной власти в СССР. Таким образом, рассмотрение советскими учеными государственного механизма в капитали-

стических странах с критической точки зрения было логичным и объяснялось программой социалистического государства.

Тем не менее, принимая во внимание критику взглядов дореволюционных ученых в связи со сменой научной парадигмы, следует отметить, что в юридических изданиях советского периода использовался разработанный ранее понятийный аппарат и обращалось внимание на решение научных проблем, заявленных еще в дореволюционный период, что свидетельствует о преемственности научного знания. В этой связи Н. Неновски справедливо отмечает, что марксистская правовая наука не была бы возможна без научного наследства в области знаний о праве. Более значительной является преемственность в проблематике, в научных решениях и в научном аппарате отраслевых правовых наук, и в меньшей степени она выражена в общей теории и философии права, поскольку здесь рельефно проявляется и идеологическая борьба в области права [5, с. 161–163].

Советские идеологи обращали внимание на то, что социалистическое право является высшим типом права и оно коренным образом отличается от предшествующих типов, поскольку выражает волю сначала большинства общества — рабочего класса и его союзника — крестьянства, а затем — всего народа. Революционное отрицание правовой надстройки — важнейшая закономерность генезиса социалистического права. При смене капиталистической общественно-экономической формации коммунистической в соотношении отрицания и преемственности ведущая и решающая роль принадлежит отрицанию, проявляющемуся в наиболее резком, радикальном виде, ибо коренным образом отрицается сама экономическая основа предшествовавшего общества [6, с. 20–21].

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением Е. А. Скрипалева, который наиболее емко характеризует преемственность в праве между дореволюционным и советским периодом: «Как бы ни именовалось право, складывавшееся после Октябрьской революции (“советское право”, “пролетарское право”, “социалистическое право”), оно не могло не воспринять очень многое (начиная с юридической терминологии и юридических понятий) из того самого буржуазного права, которое на словах предавалось анафеме, а на деле продолжало существовать» [7, с. 51].

Данный вывод подтверждается утверждением Д. В. Щербика о том, что хоть советское право представляло собой принципиально новую правовую систему, основанную на принципах коллективизма, плановой экономики и социального равенства, тем не менее правительство большевиков было вынуждено восстановить многие элементы дореволюционного права путем включения их в правовую систему [8, с. 10].

Таким образом, в послереволюционный период в советской юридической науке произошла смена научной парадигмы (на смену методологическому

плюрализму в виде многообразия политико-правовой мысли приходит советская юридическая методология). Однако особенности политического и социально-экономического развития объективно вызвали необходимость соблюдения преемственности в праве, пусть и не в полном объеме. Последнее определялось трансформацией общественных отношений, вызванной революционными событиями 1917 г. Можно утверждать, что советское правоведение заимствовало многие доктринальные положения теоретической юридической науки дореволюционного периода.

1. Григорьев А. В. Некоторые тенденции развития теоретического юридического знания в послереволюционный период (1917–1930 гг. XX в.) // Актуальные проблемы психолого-педагогических и правовых компонентов образовательного процесса в военных вузах Республики Беларусь : материалы науч.-практ. конф., Минск, 20 марта 2020 г. / Воен. акад. Респ. Беларусь ; редкол.: А. Г. Тицкий [и др.]. Минск, ВА РБ, 2020. С. 160–162. [Вернуться к статье](#)

2. Григорьев А. В., Касперович Н. С. Реализация принципа революционной законности в деятельности органов охраны общественного порядка // 100-летие смены исторической парадигмы: от монархии к советскому государству : сб. науч. тр. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Павлов (пред.) [и др.]. Минск : Академия МВД, 2019. С. 147–152. [Вернуться к статье](#)

3. Вишневецкий А. Ф. Основные признаки правового государства в современной юридической науке // Демократическое социальное правовое государство — основной вектор развития Республики Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 11 марта 2009 г. / М-во юстиции Респ. Беларусь ; редкол.: В. Г. Голованов [и др.]. Минск, 2009. С. 110–115. [Вернуться к статье](#)

4. Каганович Л. М. Двенадцать лет строительства Советского государства и борьба с оппортунизмом // Совет. государство и революция права. 1930. № 1. С. 7–43. [Вернуться к статье](#)

5. Неновски Н. Преемственность в праве / пер. с болгарского / пер.: В. М. Сафронов ; общ. ред.: Ю. С. Завьялов (Вступ. ст.). М. : Юрид. лит., 1977. 168 с. [Вернуться к статье](#)

6. Наконечная Т. В. Преемственность в развитии советского права. Киев, 1987. 104 с. [Вернуться к статье](#)

7. Скрипилев Е. А., Антонова Н. А. К характеристике законодательства первого пятилетия Советской власти (1917–1922 гг.) // Теория права: новые идеи. М. : Изд-во ИГиП РАН, 1995. Вып. 4. С. 49–61. [Вернуться к статье](#)

8. Щербик Д. В. Механизм преемственности в национальном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 ; Бел. гос. ун-т. Минск, 2008. 23 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ: АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
НАПРАВЛЕНИЙ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПОНИМАНИЕ
В ПРАВОВЕДЕНИИ****И. А. Демидова**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
заведующий кафедрой правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: demidova-irina00@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена анализу проблематики исследований правового воспитания в правоведении. Отмечается идейно-политический характер процесса правового воспитания в советский период, определяются актуальные современные подходы к изучению правового воспитания. Констатируется наличие широкой и узкой трактовки правового воспитания. Определяются различные научные классификации целей правового воспитания. Выделяются единые методологические принципы правовой воспитательной деятельности в системе образовательных учреждений.*

***Ключевые слова:** правовая культура, правовое воспитание, теоретическое знание, цель правового воспитания, методологические принципы правового воспитания.*

***Annotation.** The article is devoted to analysis of legal education research problems in jurisprudence. The ideological and political nature of the process of legal education in the Soviet period is noted. The topical modern approaches to the study of legal education are determined. The wide and narrow interpretation of the legal education is stated. Various scientific classifications of the purposes of legal upbringing are identified. The single methodological principles of legal education activity in the system of educational institutions are distinguished.*

***Keywords:** legal culture, legal education, theoretical knowledge, aims of legal education, methodological principles of legal education.*

При научной характеристике правового воспитания следует учитывать исторический и междисциплинарный аспекты. Вопросы правового воспитания исследуются в рамках педагогического, социологического, политологического, а также правового знания, что задает соответствующий ракурс его представления. В качестве цели данного исследования выступает анализ направлений и проблематики изучения правового воспитания в рамках проблемного поля правоведения в контексте осмысления правовой культуры.

В историческом аспекте следует отметить, что в советский период правовая воспитательная деятельность рассматривалась через призму идейно-воспитательной работы КПСС, что находит отражение в изданиях того периода [1–3]. Как следствие, правовое воспитание носило не столько правовой или пе-

дагогический, сколько преимущественно политический характер и рассматривалось в качестве фактора обеспечения социальной активности населения. Особое направление правовой воспитательной политики и, соответственно, теоретического осмысления составляло воспитание трудящихся [4; 5] и молодежи [6]. Значимым в теоретическом плане было обозначение связи правового воспитания, правовой культуры и правосознания [7], а также обозначение критериев эффективности правового воспитания [8].

В современный период на постсоветском пространстве вопросы правового воспитания в рамках общетеоретического юридического знания исследуются в диссертациях таких авторов, как С. Н. Апиян («Правовое воспитание: понятие, формы, методы, пути совершенствования», 2001), О. А. Долгополов («Организация правового воспитания в современной России», 2004), Р. В. Кравцов («Правовое воспитание личности в контексте аксиологии права», 2006), Е. К. Матевоносова («Правовое воспитание как средство борьбы с правовым нигилизмом», 2012), Т. В. Назарян («Роль правового воспитания в предупреждении правонарушений (вопросы теории и практики)», 2005), В. Н. Павлов («Правовое воспитание и толерантность в условиях современного российского общества», 2005), Т. М. Почтарь («Правовое воспитание в педагогических вузах: вопросы методологии и методики», 2000), В. В. Стрелева («Правовое воспитание в условиях становления правового государства», 2006), В. Е. Семенов («Правовое воспитание молодежи: историко-теоретический аспект», 2001), Ш. С. Хамроев («Проблемы правового воспитания школьной молодежи в Республике Таджикистан», 2003), Ш. К. Хасанов («Правовое воспитание как средство преодоления деформации правосознания осужденных: общетеоретический аспект», 2009) и др. В центре внимания ученых-юристов находятся теоретико-методологические подходы к правовому воспитанию личности, социальный аспект правового воспитания с позиций социализации личности. В работах ученых дается содержательная характеристика воспитания личности через призму правовых и нравственных ценностей, определяются возможные средства и формы правового воспитания.

Отдельное направление правовых исследований связано с характеристикой правовой воспитательной функции государства — диссертации таких современных авторов, как А. А. Барканов («Культурно-воспитательная функция современного российского государства», 2008), С. С. Крыгин («Правовоспитательная функция современного российского государства», 2009) и др. Важное научное значение имеет признание связи правового воспитания и правовой культуры (А. М. Оразалиева «Правовая культура и правовое воспитание: теоретические и практические проблемы», 2009) и др.

В теоретическом плане различение воспитания как процесса и как системы допускает наличие широкой и узкой трактовки правового воспитания. Широкое понимание правового воспитания личности (группы лиц, поколения, представителей отдельных социальных и профессиональных групп) включает в себя воздействие на сознание всех факторов общественной жизни. В этой связи сформированность и уровень правовой культуры общества выступают важнейшими условиями правового воспитания личности. В узком смысле правовое воспитание есть целенаправленное воздействие на сознание людей, их нравы, черты характера, образ поведения посредством системы правовых воспитывающих средств. В данном аспекте правовое воспитание имеет качественные различия как по целям и по средствам, так и по объему задач применительно к различным социальным, возрастным, профессиональным группам. Проблемы правового воспитания различных категорий населения были обозначены в работах таких авторов, как Е. А. Зорченко, В. Н. Кудрявцев, Н. И. Козюбра, В. В. Оксамытный, А. Р. Ратинов и др.

В силу того что стратегические задачи правового воспитания связаны с формированием ценностных установок, ориентиров, привычек как в личной, так и в профессиональной деятельности личности отмечается тесная связь правового воспитания и эффективности механизма правового регулирования. В качестве основных институтов правового воспитания членов общества могут быть обозначены система образовательных и воспитательных учреждений, институт семьи, государство в лице своих органов и должностных лиц, правовые общественные объединения. Правовое воздействие на личность в каждом направлении имеет свою специфику, разную степень эффективности, но, по сути, общую цель. Правовое воспитание как целенаправленная деятельность по формированию ценностных правовых установок личности направлено на формирование позитивного правового сознания и высокого уровня правовой культуры личности.

В научных исследованиях отмечаются различные подходы к классификации целей правового воспитания. Различаются ближайшая (формирование системы правовых знаний), промежуточная (формирование правовой убежденности) и конечная (формирование мотивов и привычек правомерного поведения) цели правового воспитания личности [9, с. 79]. Социальные цели правового воспитания классифицируются на непосредственные, определяющие его методологию и методику, и цели в смысле социальных ожиданий и последствий от этого вида деятельности. Непосредственными целями правового воспитания определяются: «а) общее повышение знаний о праве, его функциях, принципах, отраслях, институтах, нормах и т. п.; б) интернализация права воспитуемым, то есть не только усвоение правовых знаний, но и признание ценностей, охра-

няемых правом, как своих собственных, убеждение в соответствии правовых предписаний интересам личности; в) формирование убеждения в социальной необходимости и полезности правовых установлений, независимо от степени солидарности субъекта с предписаниями права» [10, с. 19]. Выделяются также познавательные цели правового воспитания (знание правовых норм, понимание правовых норм, юридическая оценка социальных фактов), эмоциональные цели (воспитание чувства справедливости, ответственности, законности), поведенческие цели (расширение участия граждан в государственно-правовом процессе, выбор правомерного варианта поведения, выработка привычки к соблюдению правовых норм) [11, с. 324]. При всех подходах социальные ожидания от деятельности по правовому воспитанию связаны с усилением регулятивного действия права.

Базовой социальной группой, на которую направлено правовое воспитательное воздействие, выступает молодежь.

Рассмотрение правового воспитания как системы позволяет выделить единые методологические принципы целенаправленной правовой воспитательной деятельности в системе образовательных учреждений. В их числе: 1) признание единства правового, политического, нравственного и других форм сознания, являющихся отражением общественного бытия; 2) определение правовой идеологии специфическим средством воздействия на сознание индивида в процессе правового воспитания; 3) включение в структуру общественного и индивидуального сознания не только идеологической формы, но и психологической — эмоционального отношения субъекта к воспринимаемому; 4) подчинение процесса познания правовых явлений общим закономерностям познавательного процесса: выделение уровней познания — эмпирического и теоретического, в которых всегда в той или иной мере присутствуют элементы чувственного восприятия, абстрактного мышления и практики [10, с. 17–30]. Специфика правового воспитания определяется типом образовательного учреждения, категорией обучающихся.

В силу того что воспитание в большей степени связано с эмоционально-волевой сферой личности, огромным воспитательным воздействием обладает институт семьи. Правовое воспитание в семье не носит самостоятельного характера и осуществляется посредством универсальных методов семейного воспитания. В 2020 году в Беларуси издан словарь терминов-статей, отражающих разнонаправленность семейного воспитания [12]. Недостаточная эффективность правового семейного воспитания обуславливается кризисом института семьи в современном, в том числе белорусском, обществе, что определяет значимость воспитательной деятельности учреждений образования и государства, в частности необходимость совершенствования правового регулирования пра-

вового воспитательного процесса. Следует отметить, что в Республике Беларусь впервые на постсоветском пространстве была начата практика разработки концепций воспитания детей и учащейся молодежи. Всего за прошедший период Министерством образования Республики Беларусь было принято три нормативных документа — Концепция воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь 1999 г., а также Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь 2006 и 2015 гг. При этом правовое воспитание в качестве самостоятельного воспитательного воздействия не закреплено, что свидетельствует о недостаточной теоретической проработке обозначенной проблематики в праве.

Таким образом, как социально-педагогическая проблема правовое воспитание учащихся может рассматриваться в теоретическом плане с позиций установления его содержательных аспектов, в практическом — посредством апробирования методик правового воспитания различных категорий учащихся, их опытно-экспериментальной проверки. Принципами правовой воспитательной деятельности могут считаться всеобщность в силу направленности правового воспитательного воздействия на всех членов общества; многоформатность соответственно множественности субъектов, осуществляющих правовое воздействие на личность, — государства в лице его органов и должностных лиц, посредством системы воспитательных и образовательных учреждений, через институт семьи и др.; общая целевая направленность на формирование правового сознания и правовой культуры. Правовой аспект состоит в нормативном регулировании правовой воспитательной деятельности для достижения цели в виде осознанного правомерного поведения личности.

-
1. Амиралиев М. И. Правовое воспитание: стиль, практика, методы. Махачкала, 1986. 164 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Павлов А. С. Правовое воспитание. М. : Сов. Россия, 1972. 270 с. [Вернуться к статье](#)
 3. Правовое воспитание и социальная активность населения / Н. И. Козюбра [и др.]. Киев : Навук. думка, 1979. 327 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Саркисова А. Э., Чередниченко А. Ф. Правовое воспитание трудящихся. Минск : Беларусь, 1977. 110 с. [Вернуться к статье](#)
 5. Правовое воспитание трудящихся: вопросы теории и практики : сб. ст. / АН КиргССР, Ин-т философии и права. Фрунзе : Илим, 1978. 194 с. [Вернуться к статье](#)
 6. Правовое воспитание молодежи / Н. И. Козюбра [и др.]. Киев : Навук. думка, 1985. 319 с. [Вернуться к статье](#)
 7. Правовое воспитание, правовая культура и правосознание : реф. сб. / сост. и ред. К. Ф. Загоруйко. М. : ЮНИОН, 1985. 195 с. [Вернуться к статье](#)
 8. Эффективность правового воспитания: понятие, критерии, методика измерения. Киев : Навук. думка, 1985. 128 с. [Вернуться к статье](#)

9. Певцова Е. А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журнал российского права. 2004. № 3. С. 70–81. [Вернуться к статье](#)
10. Бойков А. Д. Некоторые вопросы теории правового воспитания // Правовая культура и вопросы правового воспитания : сб. науч. трудов / Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупр. преступн. ; отв. ред. А. Д. Бойков. М., 1974. С. 11–38. [Вернуться к статье](#)
11. Сільчанка М. У. [і інш.]. Агульная тэорыя права : навуч. дапам. ; пад. рэд. М. У. Сільчанкі. Гродна : ГрДУ, 2004. 345 с. [Вернуться к статье](#)
12. Семейное воспитание : словарь : [450 терминов-статей] / Министерство образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка» ; сост. В. В. Чечет. Минск : Учебно-издат. центр БГПУ им. М. Танка, 2020. 80 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.114.5:351.74

ЗНАЧЕНИЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ И ОТРАСЛЕЙ ЧАСТНОГО ПРАВА В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**Е. М. Ефременко**

Академия МВД Республики Беларусь,
заведующий кафедрой гражданского и трудового права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: alena.efremenko@gmail.com

Аннотация. Проведен анализ значения национального менталитета, принципов частного права, гражданского права и смежных с ним учебных дисциплин для формирования правосознания курсантов и слушателей учреждений высшего образования Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Ключевые слова: правосознание, правовой менталитет, принципы гражданского права, ценностно-правовые ориентации.

Annotation. The analysis of the significance of the legal mentality, principles of civil law, civil law and related academic disciplines for the formation of legal consciousness of cadets of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus.

Keywords: sense of justice, legal mentality, principles of civil law, legal value orientations.

Правосознание выступает «духовной основой» всей национальной правовой системы и в силу своей относительной консервативности обеспечивает ее устойчивость в условиях динамического социально-информационного развития.

Феномен правосознания требует исследования в качестве особого объекта теоретической юридической науки, поскольку при взаимодействии личности с правовой системой происходят два взаимосвязанных и взаимообусловленных процесса. С одной стороны, система воспроизводит себя, обеспечивая сохранение обществом правовых ценностей и достижение им поставленных целей юридического развития. Тем самым с помощью правосознания и правовой культуры обеспечивается преемственность правовой жизни общества. С другой стороны, в ходе того же процесса требования норм права в рамках функционирования правовой системы переводятся в структуры индивидуальной психики, формируя правосознание и правовую культуру личности на каждом этапе социального развития.

Получивший достаточно широкое распространение в современной западной социологии термин «ювентология» (от лат. *juventis*), которым обозначается активное воздействие молодежи на социальные отношения в целом, относительно мало используется отечественными исследователями. В научной лите-

ратуре по этому поводу отмечается: «Один и тот же процесс — включение новых поколений в активную общественную жизнь — имеет две стороны: социализация молодежи и ювентизация общества... Социализация охватывает процесс, путем которого общество создает молодежь, а ювентизация — процесс, при котором молодежь создает общество» [1, с. 35]. Исходя из этого, на наш взгляд, определенный интерес может представлять изучение влияния правосознания молодежи через различные социальные институты и технико-технологические ресурсы (в первую очередь, семью, информационное пространство) на состояние общественного правосознания.

Следует отметить, что большинство современных исследований, посвященных правосознанию молодежи, носит прикладной характер: чаще всего они направлены на изучение различных криминологических аспектов и практически не затрагивают вопросов о состоянии и тенденциях развития правосознания молодежи в целом и различных групп в ее рамках, в том числе курсантов и слушателей учреждений образования правоохранительного профиля, что представляет значительный интерес в силу их дальнейшей профессиональной деятельности, взаимодействия с населением и оценки обществом качества работы правоохранительных органов.

Предполагается, что высокий уровень правовых знаний, ценностное отношение к праву и доминирующее социально активное правомерное поведение лиц, обучающихся в учреждениях образования правоохранительного профиля, формируются постоянно в течение всего образовательно-воспитательного процесса и рассматриваются в качестве одной из основных профессиональных компетенций. В связи с этим в данной работе основное внимание не будет обращено на исследование проблем повышения уровня правовых знаний либо мотивации правомерного поведения. Представляется, что дополнительного изучения заслуживает ряд важных вопросов, которым в отечественных исследованиях не уделено должного внимания.

1. Учет национального менталитета при формировании правосознания данной категории обучающихся.

Термин «менталитет» в первоначально использовавшемся контексте означал наличие у национально-этнической общности людей, принадлежавшей к одной и той же исторически сложившейся системе культуры, некоего общего для них типа восприятия окружающего мира. Со временем понятие «менталитет» стало использоваться и для описания психологических особенностей людей, принадлежащих к различным общностям не только национально-культурного, но и социально-политического характера (либеральный, пролетарский, реакционный и т. д.) [2, с. 19–20]. Р. С. Байниязов в этой связи обоснованно отмечает, что «духовное и культурное бытие правосознания можно рас-

крыть только с учетом применения категории «правовой менталитет», которая, по его мнению, является одной из фундаментальных в общей теории правосознания [3, с. 9].

При формировании правосознания курсантов и слушателей учреждений образования правоохранительного профиля важно показать, что современная национальная правовая система должна развиваться с учетом ментальных особенностей восточнославянского этноса, и выражается это прежде всего в принципах права, в которых, как отмечает Г. Т. Чернобель, содержится идеологическая парадигма права, идея его верховенства и справедливости [4, с. 10]. Опыт педагогической деятельности свидетельствует о том, что первоначально обучающиеся воспринимают принципы гражданского права (неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства в частные дела и другие) как нечто абстрактное и не имеющее непосредственного воздействия на правовое регулирование общественных отношений. Вместе с тем понимание их «буквы и духа» формирует в сознании субъектов признание ценности права как регулятора общественных отношений и возможности правовыми средствами эффективно разрешать социальные конфликты. Проиллюстрировать сказанное можно на примере принципа недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, который нормативно закреплен в абз. 9 ч. 2 ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь и адресован в числе прочих органам публичной власти, в том числе правоохранительным органам [5]. Указанный принцип представляет собой самоограничение государства, которое тем самым обязуется не вмешиваться в отношения, выступающие сферой частных интересов, например, вытекающие из договорных обязательств. Реализации требований данного принципа содействуют положения гражданского законодательства об имущественной ответственности государственных органов или должностных лиц этих органов, органов местного управления и самоуправления за незаконные действия, в результате которых гражданину или юридическому лицу причинен вред. Вместе с тем отечественное законодательство допускает такое вмешательство на основании правовых норм в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Формирование у обучающихся понимания и убежденности о недопустимости действий, направленных на принуждение лица, нарушившего обязательство, к его исполнению в натуре или исполнению противоправным образом, является важным компонентом формирования правосознания сотрудника правоохранительных органов.

2. Формирование понимания курсантами и слушателями важности баланса публично- и частноправового регулирования общественных отношений. В настоящее время в системе подготовки кадров для

правоохранительных органов имеет место преобладание публично-правового мышления и доминирование публично-правовых ценностей. Связано это не только с преимущественной ориентированностью образовательного процесса на изучение отраслей публичного права. В последнее десятилетие в Республике Беларусь наблюдается активное внедрение элементов публично-правового регулирования в область частного права и возрастание его объема в этой сфере. Совершенствование белорусского законодательства, как может показаться на первый взгляд, осуществляется с доминированием частноправовой сферы: принимается большое количество законов и иных актов законодательства в области гражданского, хозяйственного, семейного права, активно вносятся изменения и дополнения в уже существующие нормативные правовые акты. Однако нормотворческий процесс во многом идет не по логике частноправового, а по логике публично-правового мышления, «абсолютизации публичности права» [6, с. 43]. Иллюстрирующим примером могут служить изменения, происходящие в сфере договорного права: возрастание нормативно обеспеченного ограничения свободы договора и увеличивающийся массив императивных запретов на возможность их заключения (в антикоррупционных целях, для обеспечения общественных интересов, национальной безопасности и т. д.); не всегда оправданное увеличение массива договоров присоединения, что порождает своего рода неравенство его сторон, особенно если одна из них реализует государственные интересы; возрастание устанавливаемых в нормативно-императивном порядке количества существенных условий в различных видах договоров и т. п. В связи с этим закономерно возникает вопрос о допустимых пределах проникновения публично-правового регулирования в область частного права. На наш взгляд, принципы гражданского права могут и должны стать своего рода барьером для неоправданно широкого вторжения в сферу гражданского права императивных подходов публичного права. Однако безусловное доминирование публично-правового мышления закономерно приведет к деаксиологизации правосознания будущих правоохранителей в целом, нивелирует в их восприятии ценности частного права, которые во многом обеспечивают экономическое развитие.

3. Тезис о необходимости широкого присутствия гражданско-правовой тематики в содержании образовательного процесса в системе подготовки специалистов для органов внутренних дел получил достаточно широкое распространение и не вызывает возражений. Однако в настоящее время пристального внимания требуют следующие проблемы, касающиеся понимания специфики гражданско-правового регулирования общественных отношений и его использования в деятельности органов внутренних дел: о методологическом значении гражданско-правовых категорий и понятий; об использовании в правоохрани-

тельной деятельности логических гражданско-правовых конструкций; о представленности гражданско-правовой тематики в системе приоритетных профилей подготовки в учреждениях образования Министерства внутренних дел Республики Беларусь. К сожалению, в настоящее время в учреждениях высшего образования Министерства внутренних дел Республики Беларусь гражданско-правовая проблематика недостаточно представлена в числе профилей подготовки специалистов (в том числе в рамках переподготовки и повышения квалификации). В то же время ряд направлений гражданско-правового регулирования представляет как теоретический, так и практический интерес. К таковым можно отнести следующие: участие ОВД в обеспечении и защите гражданских прав несовершеннолетних; гражданско-правовое регулирование возмещения вреда жертвам торговли людьми; гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный органами внутренних дел и их должностными лицами, гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный сотруднику органов внутренних дел при исполнении им служебных обязанностей, защита чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел и т. д.

Таким образом, проблемы формирования правосознания курсантов и слушателей учреждений образования правоохранительного профиля во многом обусловлены пониманием выполняемых им функций при осуществлении правоохранительной деятельности, а также пониманием сущности и признанием ценности баланса частноправового и публично-правового регулирования общественных отношений на основе заявленных принципов права.

1. Данилов А. Н. Молодежь кризисных лет. Иллюзии и новые надежды. Минск : ООО «Харвест», 1999. 317 с. [Вернуться к статье](#)

2. Ольшанский Д. В. Политическая психология : учеб. СПб. : Питер принт, 2002. 576 с. [Вернуться к статье](#)

3. Байниязов Р. С. Проблемы правосознания в современном российском обществе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01; Саратов. гос. акад. права. Саратов, 1999. 22 с. [Вернуться к статье](#)

4. Чернобель Г. Т. Идеологическая константность права // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 5–15. [Вернуться к статье](#)

5. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 07 дек. 2008 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. Проблемы развития государства и права в современном российском обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Российской Федерации ; Москов. ун-т МВД России ; под ред. К. Е. Сигаловой, М. В. Огневой. М. : Москов. ун-т МВД России, 2009. Вып. 11 : Глобализационные процессы в современном государстве и праве. 390 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.114:37

**ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРАВА
И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ****Е. А. Зорченко**

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
доцент кафедры конституционного и административного права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: lenkazor48@mail.ru

Аннотация. Обосновывается объективная взаимообусловленность права и правовой культуры, проявляемая как в наполнении права, носителем которого является человек, новыми характеристиками, отвечающими потребностям свободной, ответственной личности, так и в одновременном развитии правовых качеств человека, связанных с наполнением когнитивного, ценностно ориентирующего и установочного элементов правосознания и реализацией социально активного поведения.

Ключевые слова: право, правосознание, правовая культура, правовая социализация, правовое воспитание.

Annotation. The objective mutual condition of the law and the legal culture, manifested both in the filling of the right, the bearer of which is a person, new characteristics that meet the needs of a free, responsible person, and at the same time the development of the legal qualities of the person associated with the filling of cognitive, value-oriented and establishing elements of legal awareness and implementation of social-active behavior.

Keywords: law, legal consciousness, legal culture, legal socialization, legal education.

Право и правовая культура личности — самостоятельные и одновременно взаимопроникающие социальные явления.

Право развивается одновременно с его носителем — человеком, с его правовой культурой. Как точно когда-то заметил Л. С. Явич, «у права нет и не может быть иной истории, отличной от истории человечества» [1, с. 196]. Современные потребности человека в новом качестве его взаимодействия в обществе и с государством как самостоятельного, инициативного, ответственного субъекта с естественным правом свободы выбора мыслей и действий характеризуют его правовую культуру одновременно как ценность собственно его носителя — человека, так и ценностные ориентиры правовой культуры общества, требующей дальнейшей гуманизации права.

Ценность собственного права, его источников, правовой культуры различных носителей состоит в их объективно необходимом взаимодействии. Посредством права, понимаемого в качестве меры свободы, осуществляется упорядочение общественных отношений, причем сначала до закона, вне закона, а затем в правовом законе, формализованном правотворческими органами госу-

дарства. Надлежащим образом формализованное право предоставляет субъектам права равные, справедливые, устойчивые, взаимовыгодные границы взаимодействия. Правовая культура личности позволяет индивидуально определенным субъектам правоотношений самостоятельно, творчески, активно использовать юридические возможности во благо свободы в собственных интересах и интересах общества. В этом смысле правовая культура личности усиливает ценность права, которое становится мерилom осознанной свободы как для отдельного субъекта, так и для всего общества. При этом следует помнить, что философское понимание свободы неотделимо от познанной необходимости нести ответственность за качество реализации свободы, недопустимость перерождения ее в произвол, анархию, которые ведут к ущемлению или исключению свободы других.

Правовая культура личности формируется как в процессе ее правовой социализации, так и посредством правового воспитания.

Правовая социализация личности представляет объективно существующую государственно-правовую данность вокруг человека, часть единого процесса включения индивида в общественные отношения посредством правового и юридического инструментария [2, с. 295]. Наиболее эффективными ее проявлениями можно считать, во-первых, стабильность и доступность законодательства, его беспробельность, бесколлизсионность, минимизацию объема, своевременную систематизацию и, несомненно, правовую сущность; во-вторых, повышение эффективности правоприменительной и правотворческой деятельности, в частности, более активное внедрение в механизм правового регулирования дозволительного, а также уведомительного принципа, использование наряду с обязывающими и запрещающими правовыми нормами управомочивающих, которые в большей степени стимулируют активность, инициативу личности; в-третьих, развитая система юридического образования и повышения профессиональной правовой культуры государственных служащих, доступность средств правовой коммуникации, расширение возможностей научного и профессионального толкования.

Правовое воспитание определяется как самодостаточная, самостоятельная сфера воспитательного процесса, имеющая собственную систему, субъектов, объектов, средства, методы, формы и другие системообразующие составляющие. В системе идеологической деятельности правовое воспитание занимает ведущее место, которое обусловлено особой ролью права как универсального регулятора социальных связей, всеобщей формой урегулирования экономических, политических, культурных и всех других социально значимых отношений. В этой связи правовое воспитание не является изолированной сферой воспитательного воздействия, а пронизывает все социальные связи человека, по-

этому оно многофункционально, многофакторно и существует как идеологическая деятельность формирования не только правовой, но и политической, экономической, религиозной, информационной культуры, нравственных, эстетических, семейных, трудовых и других ценностей правовыми средствами.

В современных условиях провозглашения и реализации в национальной правовой системе конституционного принципа верховенства права, правового законодательства, восприятия в юриспруденции непозитивистского типа правопонимания, при котором право и закон разграничиваются, обеспечивается приоритет прав и свобод человека — теория правового воспитания развивается в направлении уточнения прежде всего его целевых характеристик. Цель правовоспитательного процесса, понимаемого как планируемая, систематическая, организованная деятельность субъектов воспитания в отношении объекта по формированию правового сознания и повышению уровня правовой культуры [2, с. 295], реализуется в двух направлениях: во-первых, «улучшение» самой личности, во-вторых, «улучшение» общества и государства. В данной связи представляется удачным введение в научный оборот юриспруденции категории «человекомерность права», которая предполагает переориентацию всех правовых явлений «на личностные структуры человека в праве, его ценности и место в различных юридических конструкциях» [3, с. 246]. Человек как единственный объект правовоспитательного воздействия все более превращается в его активного субъекта, влияющего на актуализацию содержания средств, форм, методов процесса и корректирующего его в соответствии с потребностями быть активным участником юридической жизни общества и государства.

В советский период стратегической целью правового воспитания являлось в основном формирование законопослушного поведения, т. е. стереотипного, не влекущего нарушения законодательства; соответственно, тактические цели, которые ставились перед конкретными правовоспитательными мероприятиями, решали в основном задачу профилактики правонарушений. Современная юриспруденция связывает правовоспитательные цели с подготовкой личности проявить себя, во-первых, гражданином в ее эффективном взаимодействии с государством в рамках публично-правовых отношений, во-вторых, человеком в частноправовых сферах гражданского общества.

«Улучшение» личности с точки зрения наполнения ее правовыми ценностями предполагает правовоспитательное воздействие на все структурные элементы правосознания, которые еще в 70-е годы прошлого столетия выделили и описали В. И. Каминская и А. Р. Ратинов и которые стали преобладающими в современной теории правосознания и правовой культуры. Правовое сознание трактуется ими как сфера общественного сознания, отражающая правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений к правовой

действительности, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение человека в правовой сфере [4]. Несомненно, современные подходы к структуре правосознания характеризуются более глубоким его исследованием. В частности, В. И. Павлов и Е. И. Стабровский в содержании правовой психологии сознания выделяют бытийный, рефлексивный и личностно-ценностный слои правосознания [5, с. 53], однако нельзя не признать, что эти подходы к описанию структуры правосознания базируются на традиционной теории отражения применительно к правовой действительности и продолжают ее развивать и совершенствовать.

Развитие интеллектуально-познавательного или когнитивного элемента правосознания и правовой культуры направлено на формирование комплексных системных знаний о правовой системе общества, законодательстве, правовом статусе, механизме государства и других правовых ценностях взамен фрагментарных, искаженных. Постулат «кто не знает своих прав, тот их и не имеет» вполне актуален в данной сфере. Упрочение ценностных ориентаций правосознания предполагает солидарность личности с государственно-правовой политикой, ее уважение к правовому закону, к правам человека, внедрение в сознание таких социально-правовых чувств, как законность, ответственность, дисциплина. Формирование социально-психологической установки ориентировано на правомерное и социально активное поведение взамен пассивного или даже противоправного, готовность действовать в интересах семьи, корпорации, общества, государства взамен реализации лишь эгоистичных устремлений, развитие навыков собственного поведения от пассивного, только законопослушного до социально активного.

Личность с такими надежно сформированными юридическими знаниями, развитыми ценностно-правовыми ориентациями, чувствами, установками на самоорганизацию правовыми средствами, потребностью участвовать в правовой деятельности позволяет «улучшать» и государство, и гражданское общество. Это взаимодействие осуществляется в сфере укрепления правовой государственности, правового порядка, поддержания институтов гражданского общества, участия в правотворческом процессе по созданию эффективного законодательства, реализации непосредственных форм демократии и других проявлениях правового государства, где человек, «его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства» [6, ст. 2].

Правовая культура личности в такой интерпретации является характеристикой ее социальной сущности, которая не позволит ей сконцентрироваться только на реализации императивности государственно-властных отношений, состоять в отношениях безусловного подчинения коллективным интересам, иг-

норируя собственную индивидуальность, но даст возможность для проявления инициативы, свободы, права выбора в гражданском обществе.

В этом же ряду находятся и другие политико-правовые стратегии, направленные на «улучшение» человека, общества, государства, в частности на совершенствование механизма защиты прав и свобод человека, готовность государственного аппарата взаимодействовать с активным, образованным, инициативным гражданином, развитие и поддержку институтов гражданского общества, реализацию принципов правовой государственности и др.

Таким образом, анализируя взаимообусловленность и взаимопроникновение права и правовой культуры личности, следует признать, что право развивается одновременно с его носителем — человеком, его правовой культурой, постоянно обогащается новым содержанием естественных прав и свобод, отвечающим на потребности активной, творческой личности как гражданина государства, так и члена гражданского общества. Фактически право несет в себе «человеческое», позволяет «улучшить» человека, развить правовое в человеке, связанное с его правовыми знаниями, социально-правовыми чувствами, ценностными ориентациями, готовностью к правомерному и социально активному поведению. Этому способствует правовая социализация и система правового воспитания. Личность со сформированной правовой культурой усиливает ценность права, которое становится мерилom осознанной свободы как для отдельного человека, так и для всего общества.

1. Явич Л. С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. 207 с. [Вернуться к статье](#)
2. Зорченко Е. А., Полящук Н. А., Юрашевич Н. М. Правосознание и правовая культура // Теория государства и права : пособие ; под общ. ред. Н. М. Юрашевич. 2-е изд., испр. и доп. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2013. Гл. 23. С. 290–301. [Вернуться к статье](#)
3. Павлов В. И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. Минск : Акад. МВД, 2017. 262 с. [Вернуться к статье](#)
4. Каминская В. И., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания: сб. науч. тр. / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности ; отв. ред. А. Д. Бойков. М., 1974. С. 39–67. [Вернуться к статье](#)
5. Павлов В. И., Стабровский Е. И. Структура правового сознания в контексте достижений современной психологии сознания: антрополого-правовой подход // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. Минск, 2020. Вып. 15. С. 51–57. [Вернуться к статье](#)
6. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., прин. на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 8-е изд., стереотип. Минск : Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь, 2012. 64 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

НАДНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОДСИСТЕМА ТЕХНИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ**Ю. Г. Иванцова**

Институт повышения квалификации и переподготовки кадров
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь),
старший преподаватель кафедры современных технологий
образования взрослых,
кандидат юридических наук
e-mail: bonchuk_julia@mail.ru

Аннотация. Автором исследуется наднациональная подсистема технического регулирования в информационной сфере на примере актов Европейского союза (далее — ЕС) и Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС). Делается вывод о том, что данная подсистема технического регулирования в информационной сфере на сегодняшний день не сформирована.

Ключевые слова: информационные отношения, информационное законодательство, наднациональный, техническое регулирование.

Annotation. The author examines the subsystem of "supranational" technical regulation in the information sphere using the example of technical regulation of the European Union (hereinafter referred to as the EU) and the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as the EAEU). It is concluded that this subsystem of technical regulation in the information sphere has not yet been formed.

Keywords: information relations, information legislation, supranational, technical regulation.

Техническое регулирование информационных отношений следует рассматривать «в рамках особого технического типа социального регулирования» [1, с. 7–8; 2, с. 49; 3, с. 28–29]. Вместе с тем профессор Н. В. Сильченко отмечает, что «"включение" технических регуляторов в состав соответствующего типа социального регулирования (правоцентристского) делает их понятными широким слоям населения и повышает регулятивные возможности» [4, с. 185]. Поэтому неподдельный интерес представляет изучение системы технического регулирования, усиливающей «регулятивные возможности» национального информационного законодательства.

Между тем в белорусском законодательстве называются различные элементы системы технического регулирования: международные, межгосударственные, региональные, национальные технические акты/документы; технические регламенты Евразийского экономического союза и прочее. Анализ положений Закона Республики Беларусь от 5 января 2004 г. № 262-З «О техническом нормировании и стандартизации» (далее — Закон о техническом нормировании и стандартизации) [5] также не дает нам целостное пред-

ставление о наличии структурированной системы технического регулирования в Республике Беларусь в целом и системы технического регулирования в информационной сфере в частности.

Н. В. Сильченко в системе технического регулирования выделяет три подсистемы — «международную, наднациональную и национальную» [6, с. 17]. Взяв за основу научную позицию профессора, рассмотрим подсистему наднационального технического регулирования в информационной сфере и ее соотношение с национальной подсистемой.

В науке бытует мнение, что суть наднациональности как юридического феномена состоит в том, что международные организации способны создавать нормы права прямого действия [7, с. 142] на территории государств-членов таких организаций. При этом, подписав «учредительный договор/соглашение» о создании международных интеграционных образований, государства сознательно идут на ограничение своего суверенитета и придание правовым актам таких организаций обязательной юридической силы. Примером может быть Договор о Европейском союзе, Договор о Евразийском экономическом союзе и др.

Говоря о наднациональном характере технического правового регулирования, следует рассмотреть *технические акты ЕС*, нормы которых имеют обязательную силу на территориях государств — членов ЕС. Разработчиками технических актов ЕС выступают:

- Комиссия ЕС (регламенты (исполнительные, делегированные), решения, рекомендации, сообщения и т. п.);
- Совет ЕС (директивы).

Техническое регулирование ЕС в информационной сфере осуществляется по разработке и гармонизации правил/требований в области телекоммуникаций и информационных коммуникационных технологий (далее — ИКТ), обработки персональных данных и защиты конфиденциальной информации при электронном обмене, безопасности и охране здоровья при работе с ИКТ и т. п. Например, Решение Комиссии от 9 июля 1997 г. по общим техническим требованиям подключения к цифровым беспроводным телекоммуникациям (97/523/ЕС); Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2002/58/ЕС от 12 июля 2002 г.; Регламент Комиссии (ЕС) № 29/2009 от 16 января 2009 г., устанавливающий требования к службам каналов связи для единого европейского воздушного пространства, и другие.

Таким образом, техническое регулирование ЕС в информационной сфере для Республики Беларусь не является наднациональным. При этом реализация и внедрение актов ЕС в подсистему национального технического регулирования все же может иметь место, например, при разработке национальных ТНПА

с учетом норм/правил/стандартов ЕС в информационной сфере. К тому же технические акты ЕС могут использоваться резидентами Республики Беларусь для экспорта продукции (услуг) в информационной сфере на внутренние рынки ЕС, а также при регулировании частноправовых информационных отношений. В частности, «принятые международными организациями нормативные технические документы приобретают юридическую значимость после того, как становятся составной частью договора, заключаемого хозяйствующими субъектами» [6, с. 17].

Далее рассмотрим наднациональное техническое регулирование в информационной сфере, которое представлено *техническими актами ЕАЭС*. В. Ю. Лукьянова по данному поводу отмечает, что «начиная со второй половины 2000-х гг. в результате и расширения, и интенсификации интеграционных процессов на евразийском пространстве, которые привели к формированию Таможенного союза ЕврАзЭС и Единого экономического пространства, трансформировавшегося к настоящему времени в ЕАЭС, техническое регулирование вышло на новый — наднациональный — уровень» [8, с. 22].

В ст. 51 Раздела X «Техническое регулирование» Договора ЕАЭС среди перечисленных основных принципов технического регулирования указано, что в рамках ЕАЭС установлены единые обязательные требования в технических регламентах (далее — ТР) «... к продукции, включенной в единый перечень продукции, в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках Союза» [9]. Признак обязательности и прямого действия технических регламентов ЕАЭС, а также их большей юридической силы по отношению к национальной подсистеме технического регулирования информационных отношений отображается и во внутреннем белорусском законодательстве (например, п. 2.1 ст. 4 Закона о техническом нормировании и стандартизации; ч. 2 подп. 3.7 п. 3 Декрета Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» и т. п.). Законодатель указывает, что со дня вступления в силу ТР Таможенного союза (далее — ТС) и ЕАЭС можно «не применять ТНПА Республики Беларусь, которые устанавливают обязательные требования к соответствующей продукции» [10]. Что же касается стандартов ЕАЭС, то они являются добровольными для применения (п. 10 ст. 51 Договора о ЕАЭС) [9].

Таким образом, мы можем с уверенностью говорить о наличии подсистемы наднационального технического регулирования в рамках ЕАЭС. Но при этом остается открытым вопрос о подсистеме наднационального технического регулирования именно в информационной сфере.

Исследуя техническое регулирование ЕАЭС и ТС, отметим следующее. Эти акты (документы) содержат технические требования и утверждаются (при-

нимаются) только в отношении продукции (либо продукции и процессов ее жизненного цикла), которая должна быть включена в единый перечень продукции, в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках ЕАЭС. В то же время продукция в информационной сфере не входит в данный перечень, в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках ТС, утвержденного Решением Комиссии Таможенного союза № 526 от 28 января 2011 г. [11]. Например, средства защиты информации не входят в указанный перечень, соответственно, на территории Республики Беларусь будет действовать только ТР 2013/027/ВУ «Информационные технологии. Средства защиты информации. Информационная безопасность», который распространяется «на выпускаемые в обращение на территории Республики Беларусь средства защиты информации независимо от страны происхождения...» [12]. Аналогичная ситуация обстоит и с ТР 2018/024/ВУ «Средства электросвязи. Безопасность» и другими техническими актами в информационной сфере.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день наднациональная подсистема технического регулирования в информационной сфере не сформирована. Техническое регулирование ЕАЭС будет иметь наднациональный характер, только если в нем содержатся технические требования/правила, принятые в отношении продукции (либо продукции и процессов ее жизненного цикла), включенной в единый перечень продукции, относительно которой устанавливаются обязательные требования в рамках ЕАЭС.

1. Сильченко Н. В. Социальные координаты и идентификация национальной правовой системы // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 5–15. [Вернуться к статье](#)

2. Сильченко Н. В. Технический тип социального регулирования: понятие, элементы и место в системе социального регулирования // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 3 (57). С. 47–56. [Вернуться к статье](#)

3. Сильченко Н. В. Техническое регулирование общественных отношений и проблемы теории права // Право.by. 2019. № 6. С. 28–32. [Вернуться к статье](#)

4. Сильченко Н. В. Законотворчество. Закон. Правовая система : избранные труды. Минск : Право и экономика, 2020. 200 с. [Вернуться к статье](#)

5. О техническом нормировании и стандартизации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2004 г., № 262-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. Сильченко Н. В. Система и систематизация технических нормативных правовых актов // Право.by. 2020. № 4. С. 17–22. [Вернуться к статье](#)

7. Шпакович О. Н. Наднациональность в праве международных организаций // Вестн. международных организаций. 2012. № 2 (37). С. 133–143. [Вернуться к статье](#)

8. Лукьянова В. Ю. Технический регламент в системе российского законодательства : монография. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2017. 208 с. [Вернуться к статье](#)
9. О ратификации Договора о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 окт. 2014 г., № 193-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
10. О развитии предпринимательства [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 23 нояб. 2017 г., № 7 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 16.07.2019 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
11. О Едином перечне продукции, в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках Таможенного союза [Электронный ресурс] : решение Комиссии Таможенного союза, 28 янв. 2011 г., № 526 : в ред. Решений Совета Евразийской экономической комиссии от 21.02.2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
12. Об утверждении технического регламента Республики Беларусь «Информационные технологии. Средства защиты информации. Информационная безопасность» (ТР 2013/027/ВУ) [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 мая 2013 г., № 375 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 12.03.2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ
ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ****А. А. Козел**

Академия МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
кандидат философских наук, доцент
e-mail: kozelg@list.ru

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию воздействия правовой социализации на формирование правовой культуры личности. Показывается влияние объективных и субъективных факторов на правовую социализацию личности и ее правовую культуру.*

***Ключевые слова:** правовая культура, правовая социализация, виды правовой социализации, агенты и контрагенты правовой цивилизации.*

***Annotation.** The article is devoted to the study of the impact of legal socialization on the formation of a person's legal culture. The influence of objective and subjective factors on the legal socialization of a person and his legal culture is shown.*

***Keywords:** legal culture, legal socialization, types of legal socialization, agents and counterparties of legal civilization.*

Большинство современных демократических государств, и Республика Беларусь не исключение, заявляют о своем стремлении быть правовыми, т. е. подчиняться праву, соблюдать и защищать основные права и свободы граждан. На наш взгляд, важными элементами практики функционирования такого государства являются правовая культура и правовая социализация личности, которые взаимообуславливают друг друга, а значит, находятся в диалектическом единстве. Правовая культура в правоведении определяется как качество правовой жизни общества на определенном этапе его исторического развития, выражающееся в достигнутых стандартах развития правовой деятельности, нормативных правовых актах, а также правового развития как общества в целом и социальных групп и страт, так и отдельной личности [1, с. 13]. Общество и государство стараются целенаправленно формировать такой тип правовой культуры, который бы стимулировал правомерное поведение индивидов и больших социальных групп и тем самым обеспечивал адекватный общественный порядок. Вместе с тем правовая культура личности формируется и под воздействием стихийных процессов. Фактор стихийности находит отражение в понятии социализации в целом и правовой социализации в частности. Определяя личность как меру социального в человеке, как совокупность его социально значимых характеристик и качеств, социология оперирует понятием социализации, объясняющим процесс обретения человеком своей социальности.

Социализацию в этой связи можно определить как процесс приобретения человеком знаний, норм, ценностей, установок, культуры в целом, сложившихся в обществе и обеспечивающих его сохранение и развитие, это организованное и неорганизованное воздействие общества на индивида с целью выработать у него социально значимые черты, отвечающие потребностям общества, говоря иными словами, сделать его послушным обществу.

Американский социолог О. Брим — младший выделяет следующие возрастные различия социализации:

- у взрослых видоизменяется внешнее поведение, у детей — базовые ценности;
- взрослые способны оценивать нормы, корректировать их, дети — усваивать все некритично;
- взрослые выполняют множество ролей, дети — нет;
- социализация взрослых идет по линии профессионализма; дети обучаются принципам жизни, правилам вежливости, моральным ценностям.

Правовая социализация личности, являясь неотъемлемым компонентом общего процесса социализации, рассматривается как процесс освоения и усвоения индивидом принципов, норм и ценностей права. Таким образом, правовая социализация является составной частью процесса включения индивида в социокультурную систему. Она заключается в формировании у индивида такой правовой культуры, результатом которой станет правомерное поведение. Знание основных предписаний права и следование им — показатель эффективности правовой социализации индивида. Российский правовед Ю. И. Гревцов полагает, что главным аспектом правовой социализации является ориентация индивида на инициативу и активность, подготовка его к определенной социальной роли в правовой сфере [2, с. 205].

Выделяют следующие виды правовой социализации:

- 1) социализация через научение, где индивид усваивает элементарные требования права (что можно, а что нельзя);
- 2) символическая социализация, основывающаяся на собственных представлениях о праве и законе;
- 3) социализация посредством обретения или заимствования (осмысления) чужого опыта, касающегося правовой сферы.

Высшим уровнем правовой социализации является поведение личности на основе правосolidарных установок, когда нормы права выполняются не из страха наказания, а из нравственной потребности жить правомерно.

Дефектность правовой социализации проявляется:

- в недооценке ценности права — правовой негативизм;

- в безответственности, легкомысленном отношении к требованиям закона — правовой инфантилизм;
- в активном неприятии закона — правовой нигилизм;
- в сознательном противоправном преступном поведении.

Правовая социализация имеет две основные особенности. Первая связана со статусом права в обществе, со статусом правовых норм и ценностей по отношению к иным нормам и ценностям. Право в современных обществах представляется как формализованная система норм и институтов, цель которых состоит в регулировании социальных отношений. Социальные же нормы и ценности в действительности не формализованы и выясняются в процессе жизнедеятельности общества.

Вторая особенность — общеобязательность правовых норм. Никто не может игнорировать закон — гласит древний принцип, который подразумевает ответственность даже в случае незнания закона. В то же время ценностью права является то, что знание закона позволяет каждому отстаивать свои права.

В правовой социализации существуют относительно самостоятельные стороны: содержательная и функциональная. Первая определяет, какие личностные приобретения и преобразования формируются в процессе правовой социализации, а вторая — как, под влиянием каких механизмов происходит это формирование. Под *механизмом правовой социализации* понимается взаимосвязь объективных и субъективных факторов, детерминирующих правовую социализацию индивида. В содержательном плане правовая социализация осуществляется в трех основных сферах: деятельностной, коммуникативной и духовной (в становлении правового самосознания индивида). Правовая социализация в функциональном плане включает следующие основные компоненты: усвоение знаний, превращение правовых знаний во внутренние убеждения, реализация знаний и убеждений в практической деятельности.

Специфика правовой социализации в Республике Беларусь заключается, прежде всего, в том, что она предполагает активное включение личности в правовую систему. С одной стороны, данный процесс связан с законодательным закреплением презумпции правовой информированности населения, в основу которой положен тезис «незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение», означающий необходимость наличия у каждого индивида определенного минимума знаний о действующем в стране праве. С другой стороны, правовая социализация личности предполагает создание условий для индивидуального участия в правотворческой и правоохранительной деятельности государства. Следовательно, правовая социализация личности — процесс многогранный. Одним из основных его направлений является выработка в ходе освоения социально-правового опыта и культуры ценностно-нормативной ори-

ентации личности, при которой предписания правовых норм воспринимаются как внутренне осознанные и сознательно воспринимаемые жизненные установки. Такая ценностно-нормативная ориентация личности формируется путем правового воспитания. Кроме того, процесс правовой социализации включает воспитание у личности чувства юридической ответственности, осознания долга перед обществом, понимания необходимости соблюдения правовых норм, что в конечном счете обеспечивает правомерное поведение и высокую степень правовой воспитанности человека.

Значимое место в процессе правовой социализации занимают ценностные ориентации, представляющие собой гибкую, учитывающую индивидуальные интересы и потребности человека систему включения наиболее значимых общественных детерминант в механизм деятельности и поведения личности.

Посредством выработки ценностных ориентаций реализуется избирательность человеческого поведения, его непосредственная обусловленность представлениями индивида о социально-правовой природе человеческой жизни, свободы, возможного и должного поведения. При этом ценности выявляются в связи между субъектом, познающим и преобразующем мир, и объектом, на который направлено воздействие субъекта.

Важнейшую роль в процессе правовой социализации играют факторы правовой социализации, т. е. состояние и процессы окружающей социальной среды, которые составляют непосредственную причину, прямо или косвенно вызывающую изменение и развитие индивида. Правовая социализация предполагает: выработку адекватных и гармоничных позиций по отношению к праву и закону; привитие навыков законопослушного поведения; интеграцию личности в социально-правовую систему; оценку непосредственной реализации правовых норм; выработку ответственного отношения к правовым институтам; усвоение правовой идеологии.

Агентами правовой социализации индивида выступают: родители, сверстники, родственники, учителя. Они эффективно влияют на процессы правовой социализации в детстве и юности. В зрелые годы им на смену приходят институты правовой социализации: семья, образование, церковь, трудовой, воинский или служебный коллективы, правовая система и государство, политические партии и общественные объединения, искусство (литература, кино), средства массовой информации, Интернет. Правовая социализация является фактором, стимулирующим формирование не только законопослушной, но и, как мы отметили, социально активной личности, способной противостоять деформирующему воздействию на нее со стороны контрагентов социализации: формальных и неформальных социальных групп и общностей, исповедующих асоци-

альную и криминальную идеологию, настроение, ценности, идеи, вступающие в конфронтацию с традициями, нормами общественной морали и права.

Влияние контрагентов правовой социализации (особенно на молодежь) заключается в том, что они способны нарушить динамику процесса социализации личности за счет внесения в него элементов деструктивности посредством замены позитивных ценностно-правовых ориентиров, образцов для подражания, а также общественно-правовых идеалов на стандарты, идейные установки, деформирующие ее поведение.

Таким образом, правовая социализация проходит в условиях реальных правовых, политических, культурных, нравственных, социальных, экономических и других общественных отношений, являющихся основой правовой социализации личности. Поэтому постоянное укрепление и совершенствование демократических оснований общественно-политической жизни, повышение уровня материального благосостояния, индивидуальной и общественной культуры будут положительно влиять на процессы правовой социализации и формирования такой правовой культуры, которая станет гарантом свобод и прав личности и общественного порядка в Республике Беларусь.

-
1. Теория государства и права : учебник для вузов / отв. ред. В. Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2006. 496 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Гревцов Ю. И. Социология права : курс лекций. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 310 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ВРЕМЯ В СОЦИУМЕ И ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ**В. Н. Матарас**

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: mat-rs@mail.ru

***Аннотация.** В статье анализируются проблемы трансформации этносоциума и правовой системы в динамике времени. Этносоциум и правовая система исследуются как сложные полифакторные феномены. Рассматривается трансформация компонентов и элементов этносоциума в конгруэнтности в части или в целом с правовой системой. Социум и правовая система как не постоянные феномены и с разным временем.*

***Ключевые слова:** государство, ведущий слой, правовая система, реальное время, этносоциум, социокультурный мир, живой поток действительности.*

***Annotation.** The article analyzes the problems of transformation of the ethnosociety and the legal system in the dynamics of time. Ethnosociety and legal system are investigated as complex multi-factor phenomena. The article deals with the transformation of the components and elements of the ethnosocium in congruence in part or in general with the legal system. Society and the legal system are not permanent phenomena and with different times.*

***Key words:** the state, the leading layer, the legal system, real time, ethnosociety, the socio-cultural world, live stream of reality.*

Понятие *socium* переводится с латинского как «общество» и применяется в терминологии к формам человеческой организации коллективов. Подлинное содержание социума не находится на поверхности явлений. При изучении социума мы видим его либо в периоде возникновения, либо в его временной стабилизации, трансформации или распаде. Трудность при исследовании данной проблемы состоит в том, что коллектив, как и человек, является и биологической, и социальной единицей одновременно, т. е. обладает двойственностью. Суть теории двойственности заключается в наличии парных понятий об одном явлении.

Характерная черта свойств такого феномена — равнозначность и сопряженность составляющих их начал. Двойственность присуща всем феноменам. Основная ошибка, допускаемая при исследовании двойственных объектов, состоит в том, что один из компонентов (социум) культивируется, а второй занижается [1, с. 14]. Этим дуалистическим парам присуще как противоборство, так и симбиоз, т. е. пульсация биологической природы этноса, создание и организация социума.

Граница проявлений природно-стихийной (этноса) и рационально-организационной (социума) сфер проходит в человеке, этот процесс отражается и в коллективе. Человек — и член социума, и представитель народа (этноса). Этнос не сводим ни к социологическому, ни к биологическому явлениям. Это явление универсальное и маргинальное, отражающее биологическую и физическую реальность человека и коллектива [2, с. 77]. Детали поведения человека диктуются не только социальным окружением, но и его биологической природой [3, с. 191].

В теории систем этнос в идеале — система корпускулярная, а социум — рукотворная и в идеале закреплённая в нормах права и в институтах власти, жесткая. Следовательно, общество (социум) — своеобразная система комбинирования жесткой и корпускулярной систем. Применяя теорию систем, мы в понятие «этносоциальный» (этносоциум) включаем эти два несоизмеримых феномена. Этнос и общество во взаимодействии создают этносоциальную систему, «интерференцию двух линий развития или, говоря языком математики, двух независимых переменных» [2, с. 71].

Этносоциум может находиться в творческой динамике, инертной статике или стать стабильным эвдемиком [3, с. 77]. Для современника событий движение как часть процесса динамики и, соответственно, трансформации может быть незаметно. Но даже из среднего цикла видны постоянные смены состояний на единицу реального времени — от неустойчивого состояния до постоянных попыток стабилизировать ее при помощи нормы права. И если наблюдателю-современнику кажется, что он видит структурированный застой или расцвет городской цивилизации, то это лишь потому, что он ограничил свой взгляд кратким отрезком исторического времени и определенным месторазвитием.

Статичная система — это система с усредненным стереотипом поведения [3, с. 253], который не меняется в смене поколений, находясь в стабильном состоянии. Она повторяет стереотипы поведения из поколения в поколение. В статичной системе существование этносоциума поддерживается только плотностью системных связей с динамической системой ее второго этажа [4, с. 15–22]. В виде государства такая система существует в силу инерции жесткой системы власти и до первого внешнего воздействия.

Движение и напряжение в системе этносоциума взаимосвязаны. Там, где возникает напряжение, идет движение и создаются иерархия, институты власти и усложняется правовая система. Неравновесие стабильности нарушается и начинается развертывание, а затем, когда напряжение спадает, идет свертывание в обратную сторону, и правовая система упрощается через крайние пределы рационализации. Ясно, что возможности этносоциума связаны с реальным историческим временем. Это реальное, а не абстрактное время.

При изучении истории правовых систем на юридическом факультете исследуют слова и тексты, имеющие свою внутреннюю логику. В результате правовед не всегда способен видеть и понимать ту реальную историческую действительность, в силу которой был принят тот или иной нормативно-правовой акт, а видит только юридическую (рукотворную). Получается идеализированная юридическая кабинетная история, где путем копирования (заимствования) или принятия законов и норм конституции вы можете, применяя философию конструктивизма, изменить природу и объективные процессы живой системы этносоциума и его культурные доминанты.

Историки и литературоведы не могут заметить живого потока действительности уже потому, что объект их изучения — создание рук человеческих — институты правовой системы, «которые могут либо сохраняться, либо разрушаться, но не молодеть или стареть» [5, с. 671]. А термины, принятые социумом без творческой адаптации, объективно наполняются своим содержанием или повисают и становятся умозрительными: «Ритмы этногенеза сопряжены с пульсом социального развития, но сопряжение не равнозначно совпадению, а тем более единству» [3, с. 98]. Этнос более пластичен и вариабелен, а социум стремится к укреплению и рафинированию порядка, становится более жестким и, соответственно, инерционным.

Движение в этносе — это колебание и дискретность, волнообразность и локальность как природная форма движения материи (колебательное движение) [6, с. 430]. При этом цикличность в этногенезе не наблюдается. Цикличность отвечает не «ритму (повторению), а инерции эксцесса, при котором изменение потенциала описывается сложной кривой подъемов, спадов и зигзагов» [6, с. 430]. Для этнической системы окончание процесса динамики — разрыв этнических связей и смешение с соседями или превращение в эвдемика. Движение этноса — этногенез — происходит в реальном времени и пространстве месторазвития. Это природная система, находящаяся всегда в определенном временном стадийном цикле.

В социуме движение всегда временно, относительно, условно и связано с постоянным закреплением нового состояния для поколения, которое живет в историческое время деятельности социума и чего-то уже накопленного, например, в виде созданных институтов социума и норм правовой системы. Каждое поколение встречает уже это созданное в социальной организации и правовой системе предыдущим поколением и передает хоть чуть-чуть да измененное. В следующем поколении эти нормы правовой системы и институты социума поднастроятся под новое состояние императивов и стереотипов поведения этнического коллектива, потому что что-то не будет устраивать внуков. Динамика формы движения социума — это не прямолинейное движение,

а сложно волнообразное, с накоплениями и разрывами по спирали, с подъемами и упадками в определенном кванте времени с последующей трансформацией.

Термин «время» имеет многослойное значение. Есть линейное время, циклическое и историческое. Время различно в философии, религии и науке. Однотипная система существует только в физике и химии, поэтому время там однородно, а этносоциум — двойственная и объемная структура, поэтому всегда будет разбежка между термином и этим реальным сложносоставным объектом в силу трансформации компонентов.

Возникает разное время для этих парных систем, и, соответственно, здесь два симметричных направления. Одно в идеале направлено на равновесие и статичное состояние системы, пытаюсь остановить время, а другое в силу диалектики своей природы стремится к неравновесию. Социум направлен на постоянную попытку остановить время, чтобы стабилизировать сложившееся положение на цикле времени, где в идеале организация социума стремится к порядку, который желает стать вечным и неподвижным, т. е. статикой, и выйти из природных закономерностей. А этнос находится в реальном времени и пульсирующем напряжении с выбросом энергии для организации социума. Здесь не одна система «отсчета времени, а по меньшей мере две» [7, с. 206].

Правовая система, в силу конгруэнтности с этносоциумом, включает в себя эти феномены и также имеет двойственную структуру. С одной стороны, она включает натуральные процессы этногенеза, а с другой — организацию социума. Двойственность правовой системы заключается в том, что этнос как форма адаптации и выживания опирается на императивы и стереотипы поведения, сложившиеся в данном коллективе, а социум — на жесткую организацию социума — кристаллизацию в зафиксированных нормах. Здесь два вида нормативных установок. Это нормы жизнедеятельности (бытия) коллектива и нормы должностования — правовые нормы [7, с. 50]. Вторая группа норм с определенной долей корреляции отражает первую как норму необходимого порядка, который требуется коллективу во времени.

Природа человека и, соответственно, коллектива такова, что путем алгоритма мышления человек и коллектив способны создать только статичную норму. Норма — это логика закреплённой действительности (сфера общественных отношений), отражающая состояние и цели этносоциума в определенное время. По сути это попытка остановить время с целью наведения порядка, который никогда не будет наведен. Это напряжение системы этносоциума проявляется не у всех, а в творчестве ведущего слоя и правящей группы как ответ на внешние и внутренние вызовы по отношению к коллективу. Правящая группа и ведущий слой своей творческой потенцией создают тот реальный правопорядок и систему норм должного, отражая культурные ориентиры и ценности своей

системы этносоциума для данного времени. В части своего объема норм, в которых нуждается этносоциум в данное время, она имеет кристаллизованную форму в виде закрепленных в законодательстве норм права, а часть регуляции происходит на основе императивов и стереотипов поведения, которые связаны с состоянием временного цикла коллектива.

По сути это есть первичные нормы поведения, коррелирующие с этносом и создающие основания естественного природного права. Проблема только в том, что и эти первичные нормы в виде стереотипов поведения, создающих естественное право, не постоянная величина, а она изменяется от стадийального цикла к циклу. Изменяются естественные установки, и, соответственно, записанные нормы не могут выходить за пределы вариации допуска для цикла времени коллектива. Поскольку реальное время — это объективная динамика процессов этногенеза, часть норм при изменяющихся условиях входит в противоречие с новой системой социальной действительности и будет изменена или станет отвлеченной.

Мы имеем в виду не тот декларируемый вид естественного права, умозрительный и искусственный, а то реальное естественное право, которое создается на основе жизнедеятельности этносоциума. Его база — стереотипы и императивы поведения как форма адаптации и выживания коллектива, поскольку императив поведения предполагает систему реального поведения на основании своих идеалов и ценностей.

Реальным является только тот «определенный факт, осуществляющийся в той или иной точке пространства и времени, как нечто единичное, изменчивое» [8 с. 191]. Следовательно, мир норм должного представляет собой отношение, отличное от реального мира действительности [9 с. 35]. Во-первых, любая конституция, закон или норма никогда не схватывает всего объема живого потока действительности в силу рационализации упрощения, а только часть и, во-вторых, норма будет реальной только тогда, когда совпадет в своей конгруэнтности с живым потоком действительности даже в части схватывания. Как только теряется конгруэнтность (связь) с живым потоком действительности (поколения), правовая норма становится умозрительной и требуется опять поднастройка и адаптация процессов этногенеза и стабилизации в социуме.

-
1. Ильин И. А. Основы государственного устройства. Проект Основного Закона Российской империи. М. : ТОО «Рарогъ», 1996. 160 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М. : Танаис ДИ-ДИК, 1994. 544 с. [Вернуться к статье](#)
 3. Гумилев Л. Н. История людей и история природы. М. : Экопрос, 1993. 544 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Матарас В. Н. Власть и суверенитет государства // Право.by. 2016. № 5. С. 15–22. [Вернуться к статье](#)

5. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М. : Мысль, 1989. 764 с. [Вернуться к статье](#)
6. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М. : Танаис ДИ-ДИК, 1994. 544 с. [Вернуться к статье](#)
7. Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. / сост. Ю.Т. Лисица. М. : Русская книга, 1994. Т. 4. 624 с. [Вернуться к статье](#)
8. Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 398 с. [Вернуться к статье](#)
9. Алексеев Н. Н. Общее учение о праве. Тип. Е. К. Брешко-Брешковский. Симферополь, 1919. 162 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.11

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПОЗНАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**В. С. Михайловский**

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры политологии,
кандидат политических наук, доцент
e-mail: Mikhailouskivs@bsu.by

Аннотация. Статья посвящена вопросу возможности применения синергетики для анализа правового регулирования. Затрагиваются основные положения синергетического подхода в исследовании правового регулирования. Основное внимание сосредоточивается на синергетических принципах сложной системы, неустойчивости и нелинейности.

Ключевые слова: синергетика, правовое регулирование, сложная система, неустойчивость, нелинейность.

Annotation. The article is devoted to the possibility of using theory of complexity for the analysis of law regulation. The main foundations of the theory of complexity in the study of law regulation are discussed. The main focus is on the principles of a complex system, instability, and nonlinearity.

Keywords: theory of complexity, law regulation, complex system, instability, nonlinearity.

Реалии усложнившейся постнеклассической научной картины мира требуют и нового уровня познавательной деятельности, появления новых научных парадигм. При всей широте подходов к анализу правовых явлений эти подходы во многом сформированы под воздействием дисциплинарных исследовательских ориентаций. В результате многие актуальные проблемы рассматриваются на основе одной из исследовательских позиций, что сужает предметную область правовых исследований, ограничивает понятийно-категориальный аппарат и затрудняет анализ современных правовых реалий. В этой связи идет не только исследовательский поиск на путях методологических инноваций научных дисциплин, но и преодоление дисциплинарных границ, в том числе в рамках синтеза социогуманитарного и естественно-научного познания. Возрастает интерес к аналитическому потенциалу синергетики, которая, по мнению исследователей, «может быть использована как основа междисциплинарного синтеза знания» [1, с. 192].

Синергетика как методология исследования сложных самоорганизующихся нелинейных систем адаптивна для правопедения. Неотъемлемой частью правовой науки является системный метод. Синергетическую теорию права можно рассматривать как направление системного методологического подхода.

Актуальным видится опыт применения синергетики для познания правового регулирования. Такая точка зрения оправдана тем, что синергетика является преемницей кибернетики, которая активно использовалась во второй половине XX века для исследования различных аспектов управления. Правовое регулирование может быть рассмотрено как сложная нелинейная система. Формат работы позволяет нам обозначить отправные положения синергетического подхода исследования в познании правового регулирования.

Отправными положениями синергетического подхода к правовому регулированию являются первичные (базовые) представления правового регулирования в рамках синергетической парадигмы. Эти положения представляют собой результат применения принципов синергетики к пониманию правового регулирования. Принципы синергетического подхода в социогуманитарных исследованиях — это принципы социосинергетики. К таким принципам относятся: 1) принцип сложной системы; 2) принцип неустойчивости системы; 3) принцип нелинейности развития системы.

Принцип сложной системы является установочным для синергетического подхода. В синергетике сложность не рассматривается как привнесенное свойство систем. Сложность есть имманентное свойство всей окружающей среды, где наблюдаемая простота есть результат познания и форма представления. Для исследователя правового регулирования синергетический принцип сложности систем означает подход к правовому регулированию как включенному в многокомпонентную иерархию пространства праву, где последующее его состояние описывается как предсказанными, так и случайными величинами. Случайные факторы в правовом регулировании являются открытым предметом правовых исследований. Выявление и нивелирование случайности в правовом регулировании является необходимым атрибутом реализации принципов права.

Неустойчивость сложной системы является перманентным свойством ее эволюции: неустойчивость — устойчивость — неустойчивость и т. д. Такое свойство сложных систем потребовало в синергетике принятия концепта «возвратной каузальности». По мнению российского исследователя Е. Я. Режабека, подтверждение «возвратных циклов» есть «триумф» синергетики. В методологическом измерении это означает, во-первых, что «каждый элемент системы может быть как причиной, так и следствием». Во-вторых, «фазовый переход от деструкции к структурированию и обратно» есть «необходимость» в процессе эволюции системы [2, с. 44–45]. В исследованиях правового регулирования принцип неустойчивости означает особый критерий развития правового регулирования. Согласно синергетике все эволюционирующие (развивающиеся) системы вынужденно находятся в неустойчивом состоянии, из-за неравновесности порождают внутренние отклонения (флуктуации). В режиме сверхбыстрого

развития системы флуктуации становятся определяющими для ее критического преобразования и в результате бифуркации приводят систему к обновленному квазистационарному состоянию. Это в итоге и знаменует развитие сложной системы. При этом динамическое равновесие системы позволяет избежать бифуркации и использовать флуктуации как способ снятия системой внутреннего «напряжения». Такими позитивными флуктуациями для правового регулирования могут быть изменение правовой нормы, обновление законодательства, появление новых отраслей права (например, бизнес-право, информационное право, спортивное право), изменение институциональной структуры правового регулирования (например, внедрение института «регулятивной песочницы») и др.

Принцип нелинейности развития системы означает несохранение свойства суперпозиции (результат воздействия на систему нескольких внешних сил есть векторная сумма воздействия этих сил) и аддитивности (целое системы равно сумме ее частей) в процессе развития системы. Для исследований правового регулирования принцип нелинейности означает, что результат воздействия на систему правового регулирования не предопределен силой воздействия, а зависит от времени и места воздействия и может быть нивелирован свойством системы, возникающим после воздействия на нее. С нашей точки зрения, актуальным является использование этого принципа при планировании реформ правового регулирования. Приведенные выше флуктуации правового регулирования могут не повлиять на его развитие, если не будут соотнесены со своеобразной «топологией» правового регулирования. Закономерность заключается в следующем: чем ближе воздействие к «центру» системы (или ее функциональной части), тем больше вероятность, что оно окажется результативным; чем более сложна структура в стационарном состоянии, тем сложнее ее изменить; и чем более сложна структура в «режиме с обострением» (режиме сверхбыстрого воспроизводства), тем результативней на нее сколь малое воздействие [3, с. 15]. Таким образом, устойчивость системы в синергетике определяется в первую очередь не силой воздействия, а параметрами системы при воздействии. Отсюда система правового регулирования наиболее уязвима к изменениям в момент сверхбыстрого развития, при флуктуации в центре ее самой сложной структуры. Это означает в том числе, что в кризисные моменты государственного воспроизводства, когда все структуры управления работают не в «штатном» режиме, любые незначительные реформы в правовом регулировании могут иметь иные (например, большие), чем планировалось, последствия и результаты.

Таким образом, синергетика определяет правовое регулирование как сложную нелинейную систему. Такой подход не отрицает основополагающую регулирующую функцию права в обществе, а конституирует постнеклассиче-

ский способ познания правовых явлений. Применение синергетики позволяет раскрыть более сложный механизм правового регулирования, что в результате упростит итоговое видение эффективных мер его совершенствования.

-
1. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. 3-е изд. М. : URSS, Либроком, 2010. 252 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Режабек Е. Я. Синергетические представления и социальная реальность // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика / ред.-сост. О. Н. Астафьев, В. Г. Буданов. М., 2009. С. 37–62. [Вернуться к статье](#)
 3. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопр. философии. 1992. № 12. С. 3–20. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.81

О СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ «ПЕНИТЕНЦИАРНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ»**А. А. Нуждин**

Академия ФСИН России,

докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров,

кандидат юридических наук, доцент

e-mail: aanuzhdin@mail.ru

***Аннотация.** В статье автор рассматривает такое понятие, как «пенитенциарное преступление», дает его характеристику, изучает виды, делает семантический разбор. На обсуждение научной общественности выносятся вопросы: имеет ли право на существование понятие «пенитенциарное преступление»?*

***Ключевые слова:** пенитенциарное преступление, уголовно-исполнительная система, осужденный, заключенный, исправительное учреждение, следственный изолятор.*

***Annotation.** In the article, the author considers such a concept as «penitentiary crime», gives its characteristics, studies the types, and makes a semantic analysis. For discussion of the scientific community, the question is put: does the concept of «penitentiary crime» have the right to exist?*

***Keywords:** penitentiary crime, penal enforcement system, convicted person, prisoner, correctional institution, pre-trial detention center.*

Уровень преступности в России уже на протяжении длительного периода времени остается на достаточно высоком уровне [1]. Преступления совершаются различными категориями граждан, на различной территории, затрагивают все сферы общественной жизни. Данное общественное (некоторые специалисты полагают, что антиобщественное) явление не обошло стороной и учреждения и органы уголовно-исполнительной системы. Преступления там совершаются как работниками данных учреждений и органов, так и лицами, отбывающими уголовные наказания [2].

Большое количество мест изоляции (следственные изоляторы, исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы и т. д.), разные категории граждан, в них содержащихся (подозреваемые, обвиняемые, осужденные), виды уголовных наказаний (как связанные с изоляцией от общества, так и не связанные) не позволяют объединить преступления, совершаемые в уголовно-исполнительной системе, в одну категорию.

В последнее время в научной литературе и доктринальных источниках устоялось понятие «пенитенциарное преступление», которое в самом общем виде включает в себя преступления, совершаемые в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы. Истоки становления данного понятия в национальной литературе найти не представляется возможным, но нам видится,

что одним из первых его применил Н. Г. Шурухнов в 1993 г. [3]. С тех пор понятие «пенитенциарное преступление» (и производные от него: пенитенциарная преступность, пенитенциарный преступник) прочно вошло в научный обиход.

К сожалению, понятие «пенитенциарное преступление» не является законодательно закрепленным, следовательно, каждый автор в данное понятие вкладывает совершенно разную категорию преступлений и единого понимания нет до сих пор.

Семантический разбор рассматриваемого понятия также не дает никакой ясности. С термином «преступление» не возникает никаких проблем, так как его определение закреплено в ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации как «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Термин «пенитенциарный» является заимствованным и, как следствие, имеет множество определений: от латинского *penitentia* (раскаяние), английского *penitentiary* (исправительный, тюремный). Дословно «пенитенциарное преступление» следует понимать как тюремное, исправительное преступление. Но уже здесь вскрывается разночтение, так как в уголовно-исполнительную систему входят как тюрьмы, так и исправительные колонии.

Анализ научной литературы (научных статей, диссертаций, монографий) и учебных изданий (учебников, учебных пособий) позволил определить, что под пенитенциарными преступлениями различные авторы подразумевают:

1. Преступления, совершаемые работниками уголовно-исполнительной системы; осужденными к уголовным наказаниям и лицами, в отношении которых избрана какая-либо мера пресечения; преступные деяния, совершенные лицами, находящимися на территории учреждений и органов уголовно-исполнительной системы или в отношении подозреваемых, обвиняемых, осужденных.

Указанное выше понимание понятия «пенитенциарное преступление» является наиболее широким, так как включает в себя преступления, совершаемые осужденными как к лишению свободы, так и к альтернативным видам уголовных наказаний. К пенитенциарным преступникам в данной категории также относятся лица, в отношении которых избрана мера пресечения (причем любая, предусмотренная Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, не только заключение под стражу). Также в данную группу входит преступность работников уголовно-исполнительной системы, связанная с исполнением своих должностных обязанностей. Сторонники рассматриваемой теории к пенитенциарным относят также преступления, совершаемые лицами, пребывающими (находящимися) на территории учреждения или органа уголовно-

исполнительной системы, или направленные против (связанные с) осужденных (вне мест лишения свободы) и подозреваемых, обвиняемых;

2. Преступления, совершаемые осужденными к уголовным наказаниям и лицами, в отношении которых избрана мера пресечения.

К данной категории относятся преступления, совершаемые только осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми, причем независимо от вида уголовного наказания или меры пресечения.

3. Преступления, совершенные на охраняемых объектах уголовно-исполнительной системы (в исправительных учреждениях и следственных изоляторах).

Данная категория «пенитенциарных» преступлений является наиболее распространенной в научной и учебной литературе. К ней относятся преступления, совершаемые на территории учреждения или органа уголовно-исполнительной системы как осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми, так и работниками и лицами, пребывающими на режимную территорию.

4. Преступления, которые могут быть совершены только в уголовно-исполнительной системе (побег из места лишения свободы, из под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ); уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера (ст. 314 УК РФ); дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ) и т. д.

Указанные выше категории пенитенциарных преступлений не являются исчерпывающими. У различных авторов встречаются как комбинации рассматриваемых категорий, так и иные виды.

Остается спорным вопрос о необходимости использования рассматриваемого понятия. Может быть, целесообразно использовать устоявшуюся терминологию: преступления, совершаемые осужденными в исправительных учреждениях; преступления, совершаемые подозреваемыми и обвиняемыми в следственных изоляторах; преступления, совершаемые условно осужденными, и т. д.

Нам представляется, что использование понятия «пенитенциарное преступление» оправданно и имеет право на существование. Но в любом случае при его использовании автору необходимо пояснять, в каком контексте он его использует, какие виды преступлений подразумевает.

Мы считаем, что под пенитенциарными целесообразнее всего понимать преступления, совершаемые осужденными, отбывающими наказание в исправительных учреждениях, и лицами, заключенными под стражу. Наша точка зрения является субъективной и не претендует на единственно верную. В любом случае считаем данную гипотезу возможной для научного обсуждения.

1. Состояние преступности [Электронный ресурс] // МВД России. URL: <https://xn--blaew.xn--plai/folder/101762> (дата обращения: 26.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Статистические данные [Электронный ресурс] // ФСИН России. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 26.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Шурухнов Н. Г. Личность пенитенциарного преступника // Социол. исслед. 1993. № 3. С. 74–83. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.142

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НОРМЫ ПРАВА КАК НАИБОЛЕЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО РЕГУЛЯТОРА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

К. А. Орлов

Уральский юридический институт МВД России,
начальник кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: orlov.82@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается содержательная характеристика нормы права как наиболее универсального средства регулирования общественных отношений. Характеризуя такие свойства нормы права, как принадлежность к государству, способность регулирования общественных отношений, представительного-обязывающий характер, обеспеченность государственным принуждением, возможность определения границ дозволенных и должных поступков, обладание волевым и формально определенным характером, автор приходит к выводу, что, благодаря им, норма права способна выступать универсальным средством достижения упорядоченности общественных отношений, в том числе и в правоохранительной сфере.

Ключевые слова: норма права, признак права, представительного-обязывающий характер, обеспеченность государственным принуждением, нормативность, общеобязательность, формальная определенность.

Annotation. The article reveals the content characteristics of the rule of law as the most universal means of regulating public relations. Describing such properties of the rule of law as belonging to the state, the ability to regulate public relations, the representative-binding nature, the security of state coercion, the ability to determine the boundaries of permissible and proper actions, the possession of a strong-willed and formally defined character, the author comes to the conclusion that, thanks to them, the rule of law is able to act as a universal means of achieving order in public relations, including in the law enforcement sphere.

Keywords: rule of law, sign of law, representative-binding character, security by state coercion, normativity, general obligation, formal certainty.

Вопросы обеспечения реализации общественных отношений в условиях развития современных государств, претворяющих в жизнь демократические ценности, приобретают все большую актуальность и практическую значимость.

Разработанные и принятые международным сообществом акты, такие как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Европейская конвенция о защите

прав человека и основных свобод 1950 г., были ратифицированы большим количеством государств, а общепризнанные принципы и нормы, являющиеся содержанием данных актов, нашли свое воплощение в национальных правовых системах.

Такие позитивные тенденции в развитии современных государств, как рост цивилизованных, гуманистических форм деятельности, роль права человека, развитие системы правозащиты, цивилизованность силовых форм воздействия, перекрытие правом всего объема государственной деятельности, приобрели новое значение и стали постепенно и планомерно внедряться в практическую деятельность органов государственной власти. Проанализировав содержательную характеристику данных тенденций, можно с уверенностью предположить, что ключевым признаком, который характерен им, является связанность с правом, обусловленность им. Именно право выступает тем универсальным средством, которое способно цивилизованно обеспечить регулирование общественных отношений среди субъектов, обладающих большим количеством интересов, мнений, волеизъявлений. При этом ключевую роль в упорядочивании общественных отношений приобрела норма права, как формально определенное общеобязательное правило поведения людей и других социальных субъектов (общественных объединений, организаций, юридических лиц), обеспеченное возможностью государственного принуждения.

Норма права является одной из базовых категорий правоведения, поскольку составляет основу теоретического знания, отраслевой юридической науки и правоприменительной деятельности. Норма права, являясь первичным элементом системы права, играет консолидирующую роль стабилизирующего фактора в формировании и развитии общественных отношений, процессе их регулирования, а также обеспечения правомерной деятельности граждан, организаций и самого государства. Данный факт определяет крайне важное значение реализации, соблюдения и применения правовых норм и, как следствие, становления и упрочения системы права в целом.

К ключевым свойствам, которые способны придать норме права особый характер и доказать ее универсальный характер, относят следующие: исходит от государства, выступает регулятором общественных отношений, носит представительно-обязывающий характер, поддерживается государственным принуждением, определяет границы дозволенных и должных поступков, носит волевой и формально определенный характер.

При этом важно понимать, что данные признаки не только подчеркивают приоритет государства в их применении при отстаивании своих «корпоративных» интересов как организации власти, но и являются средствами отстаивания интересов иных участников общественных отношений.

1. *Норма права* имеет непосредственную тесную связь с государством, которая обусловлена тем, что нормы права *создаются или санкционируются государством* в лице его компетентных органов.

Процесс создания норм права во многих государствах является исключительной прерогативой органов публичной власти и осуществляется по установленной процедуре, именуемой законотворческим процессом.

Санкционирование, в свою очередь, проявляется в следующих аспектах:

а) государство закрепляет содержание уже сложившегося правила поведения, которое сформировалось в обществе в какой-либо иной форме, например, в форме обычая, то есть государство придает юридическую силу и значимость сформировавшимся правилам поведения;

б) государство делегирует полномочия по созданию правовых норм иным субъектам, признавая за изданной нормой правовой характер.

2. *Норма права складывается под воздействием общественных отношений*. Будучи правилом поведения в обществе, норма права самым непосредственным образом связана с общественными отношениями, участником которых всегда является человек.

Возникающая связь может затрагивать самые разные аспекты, во-первых, норма права возникает как реакция на те отношения, которые нуждаются в упорядочивании, во-вторых, будучи уже правилом поведения, установленным государством, норма права может менять свое содержание, а также быть отмененной в силу изменения общественных отношений.

При этом важно помнить, что упорядочиваются при помощи норм права не все общественные отношения, а лишь наиболее важные с точки зрения государства.

3. Норма права — это *общеобязательное правило поведения*. Данное свойство нормы права проявляется в том, что ее содержание носит универсальный характер и распространяется на всех субъектов, когда возникают обстоятельства, указанные в ней. Общеобязательность позволяет урегулировать не только каждый индивидуальный случай, но и допускает охват всех случаев, всех фактов, нуждающихся в регламентации. Данная универсальность предполагает типовое и многократное ее применение и реализацию применительно к нуждающимся в упорядочении общественным отношениям.

4. Норма права имеет *представительно-обязывающий характер*, то есть, с одной стороны, предоставляет субъекту свободу действий, возможность поступать определенным образом, с другой — обязывает совершать или не совершать конкретные действия, а также требовать их совершения (или не совершения) от других. Также представительно-обязывающий характер нормы права заключается в том, что права и обязанности не всегда могут содержаться

в одной статье нормативного акта. Достаточно часто право закреплено в одной статье, а обязанность — в другой статье этого же или иного нормативного акта.

Данный признак выступает своеобразным проявлением такого принципа права, как единство прав и обязанностей, предоставленных субъектам для реализации своих притязаний.

5. Для обеспечения реализации и в случае нарушения нормы права применяется *государственное принуждение*. Это один из ключевых признаков нормы права, который позволяет отличить ее от иных социальных норм, упорядочивающих общественные отношения, морали, религии, обычаев.

Арсенал средств государственного принуждения достаточен для того, чтобы воздействовать на волю нарушителя и принудить действовать его определенным образом.

Государственное принуждение, содержащееся в нормах права, может иметь разный характер воздействия — предупреждение, пресечение, обеспечение, наказание. Комбинируя данные меры воздействия, государство способно всегда добиваться поставленных целей, вместе с этим крайне важно не допускать злоупотребления предоставленными полномочиями.

6. Норма права есть модель поведения, которая *определяет границы дозволенных и должных поступков*. Норма права закрепляет определенный образец поведения, который необходимо выполнять всем участникам общественных отношений.

Многообразие различных общественных отношений обуславливает соответствующее количество норм права, систематизированных в нормативных актах. Подавляющее большинство отношений, нуждающихся в правовой регламентации, урегулированы нормами права и содержат конкретные общеобязательные правила поведения.

7. Нормы права имеют *волевой характер*, который находит свое отражение в их содержании.

Любая норма права создается специально уполномоченными органами власти, призванными осуществлять организационную деятельность в обществе, при этом волевые управленческие решения находят свое воплощение в нормах права, упорядочивающих общественные отношения конкретным образом.

Воля законодателя должна находить свое адекватное восприятие в сознании всех участников общественных отношений, а в дальнейшем трансформироваться в их волевом поведении. При этом важно, чтобы воля законодателя и воля исполнителя всегда были тождественными и отражали достигнутый уровень цивилизованного развития.

8. Правовые нормы *формально определены*, то есть всегда имеют конкретную письменную форму выражения. По сравнению с иными регуляторами,

которые находят отражение лишь в сознании людей, норма права всегда имеет текстуальное и официальное выражение, принятое в установленном порядке и доведенное до всех участников общественных отношений.

Указанные признаки, являющиеся ключевыми свойствами нормы права, составляют ее правовую природу, раскрывают содержание и позволяют подчеркнуть ее особый универсальный характер по отношению к иным социальным регуляторам — прецедентам, обычаям, религиозным и моральным нормам, корпоративным требованиям. Благодаря и вопреки рассмотренным признакам норма права является наиболее востребованным средством регулирования общественных отношений в различных правовых системах. При этом самым важным аспектом при создании, реализации и применении нормы права должна быть ее адекватность потребностям и интересам большинства граждан любого общества, а также соответствие цивилизованным, общепризнанным, гуманистическим формам деятельности государственных органов, признание человека высшей ценностью.

УДК 340.11.

**РИМСКОЕ ПРАВО И ГРЕЧЕСКАЯ ЛОГИКА:
АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ****Д. Е. Пономарев**

Уральский государственный юридический университет (Россия),
доцент кафедры теории государства и права,
кандидат юридических наук
e-mail: Dmitrii.ponomarev@usla.ru

Аннотация. С историко-методологической точки зрения рассматривается рецепция римского права, составившая культурно-историческую основу современного профессионального юридического мышления (традиции юридической догматики). Показывается, что факт и значение рецепции обусловлены не только обращением к римскому юридическому наследию как таковому, но и одновременной «реабилитацией» греческой логико-философской мысли.

Ключевые слова: софистика, римское право, греческая логика, рациональность.

Annotation. The reception of Roman law, being a cultural-historical base of modern professional legal thinking (legal dogmatic tradition), is analyzed from historical-methodological perspective. It is demonstrated that the very fact and significance of the reception are caused not only by handling with Roman Law by itself, but also by rehabilitation of Greek logico-philosophical thought.

Keywords: sophistry, Roman law, Greek logics, rationality.

Современным юристам, безусловно, известно, что римское право исторически составило содержательную основу современных континентальных правовых порядков, а также смысловой фундамент традиции континентального правоведения. Разрабатываемое римскими юристами на протяжении пятисот лет (II в. до н. э. — III в. н. э.) и зафиксированное в грандиозном Своде Юстиниана (VI в. н. э.), наполовину забытое на протяжении раннего Средневековья, оно возродилось на волне культурного «Ренессанса XII века» в европейских университетах в качестве самостоятельной области знания и до настоящего времени составляет основу профессионального образования и мышления юристов.

Юристам также известно, что основной причиной, предопределившей такую счастливую судьбу римского права, является качество самого этого права (уровень отраженной в нем правовой мысли) и его несомненные достоинства как регулятора общественных отношений. Поэтому можно считать, что историческая победа досталась римскому праву, превосходившему национальное право варварских народов постантичной Европы (например, ломбардское), в честной конкурентной борьбе.

Однако общеизвестность этих фактов уводит на второй план иную, не менее значимую причину триумфального возрождения римского права в XII в. — а именно, возрождение другого дара античной культуры современности — логики. Вряд ли можно было превратить Свод Юстиниана из чисто музейного экспоната в источник действующего права, подлежащего, кроме того, применению в исторически новых условиях, без его интеллектуальной обработки и переработки средствами логики. И именно логика разделила с римским правом общую судьбу античного культурного наследия, став тем «ключом», благодаря которому юристы смогли освоить Свод Юстиниана не как литературный памятник, а как систему юридических конструкций.

Строго говоря, есть серьезные основания полагать, что логика по самому своему генезису в древнегреческой культуре очень плотно соприкасается со сферой права. Очень многое в трудах Аристотеля говорит о том, что логика разрабатывалась им в качестве своеобразного «антивируса», призванного бороться с технологиями нелегитимного убеждения, а именно — софистикой, основанной не на соблюдении, а, напротив, на нарушении правил рассуждения (подмена понятий, произвольное наполнение терминов смыслами и т. п.) [1, с. 259]. Опасность софистики заключалась в том, что в условиях древнегреческой демократии, которая в эпоху классики стала принципом устройства основных социально-политических институтов, она использовалась для недобросовестной манипуляции мнением граждан, коллективно принимавших то или иное решение.

Особую угрозу софистика представляла для осуществления правосудия в суде присяжных, где многочисленные (500 человек и более) судьи были не профессиональными юристами, а рядовыми гражданами, которых опытному софисту не представляло труда убедить в выгодной для себя версии событий. Портрет (хотя и сатирически акцентированный) афинского судьи нарисован комедиографом Аристофаном, изобразившим такого судью неумным, падким на лесть и жаждущим власти над другими людьми [2, с. 254–255]. Исчерпывающая характеристика судьи дана Аристотелем, не склонным, в отличие от Аристофана, к использованию ярких художественных образов: Аристотель называл афинского судью «заурядный человек» [3, с. 11].

Учитывая эти особенности древнегреческого судопроизводства, софистика была страшным оружием в руках недобросовестных политиков, ораторов, а особенно — сикофантов, которые были своего рода частными обвинителями, зачастую предъявлявшими необоснованные обвинения заведомо невиновным людям, стремясь, осудив их в суде присяжных, получить часть их имущества.

Именно для борьбы с софистикой и была разработана логика — учение о правилах рассуждения, соблюдение которых гарантирует получение истинно-

го знания из заранее заданных посылок. Аристотель специально обращает внимание во многих своих сочинениях на то, что разрабатываемое им логическое учение является своего рода «здоровой альтернативой» софистике, анти-софистикой.

Парадоксально, но греческая культура, в недрах которой, по словам великого английского юриста сэра Генри Мейна, «за исключением слепых сил природы было создано все, что движется в этом мире» [4, с. 238], не породила ни профессию юриста (хотя профессия адвоката — судебного оратора имеет греческие корни), ни сколь-либо исторически выдающуюся систему права. Эта историческая роль, как известно, выпала культуре Древнего Рима.

Однако не менее парадоксальным является тот факт, что славу и силу римской юриспруденции принесло не освоение, а, напротив, сознательное отторжение того влияния, которое могло бы оказать логико-философское наследие древнегреческой культуры на римскую правовую мысль. В этом проявилось и общее отношение римлян к побежденным грекам (достаточно вспомнить манифест, сформулированный Вергилием в «Энеиде», основанный на противопоставлении грубого римского прагматизма хрупкой греческой утонченности), и соответствующее мнение, укоренившееся в среде римских юристов [5, с. 240].

Известно, впрочем, что ряд выдающихся юристов обучались в греческой философской школе стоиков. Тем не менее господствующее отношение было все же основано на упорном нежелании римских правоведов «сдаваться в плен» побежденным грекам. Это признавал, например, такой горячий поборник греческой культуры, как Цицерон, который в одном из своих риторических сочинений сетовал на то, что широкие интеллектуальные круги Рима и римские юристы не знакомы с сочинениями Аристотеля, поскольку считают их слишком сложными для понимания [6, с. 56–57]. В другом своем сочинении он рисовал великого римского юриста Сцеволу, который «с вежливым молчанием» настоящего профессионала выслушивает и упреки в бессистемности римского права, и призывы создать по греческим образцам «подлинную науку права», в которой правовые решения выводились бы не из конкретных казусов, требующих установления справедливости, а из спекулятивно-метафизических полаганий философского уровня [7, с. 129].

Вместе с тем имеются серьезные основания полагать, что римская юриспруденция все же не смогла полностью избежать влияния греческой логики и философии. Вследствие этого в римской юриспруденции стала проявляться и даже нарастать «кодификационная интенция», которая породила и «Вечный эдикт», и «Институции» Гая, и в конечном счете Свод Юстиниана, который был призван систематизировать все достижения римской правовой мысли, превратив ее в беспробельный и гармоничный свод по образцу современных ко-

дексов. С другой стороны, процесс нарастания греческого влияния зачастую оценивается как причина «окаменения» (термин Ф. Шульца [8, с. 286]) некогда живого римского права, а возможно, даже его «смерти» (такого мнения придерживался, например, великий немецкий правовед Савиньи [9, с. 144]). Со своей стороны мы полагаем, что корректнее все же говорить не о прекращении существования римского права, а о его перерождении, переходе его в иное качественное состояние.

Говоря о единой судьбе греческой логики и римского права, мы имеем в виду, что, будучи компонентами античной (а значит, языческой) культуры, на новом витке исторического развития и юриспруденция, и философия в равной степени оказались «под огнем» победившего христианства, ставшего универсальной и монополярной системой духовно-интеллектуальных координат европейской культуры. Теперь от христианской церкви зависело, в какой степени сохранится и будет развиваться далее греко-римское культурное наследие, включая, наряду с архитектурой, литературой и наукой, также римское право и греческую логику.

Изначальное отношение христианства к логико-философскому наследию античности было достаточно сложным и даже враждебным. Известны, например, слова апостола Павла, призывающего христиан опасаться «увлечения философией по стихиям мира» (вероятно, имеется в виду элементаризм Эмпедокла) [10]. Эту же позицию разделяли и многие отцы церкви, например Тертуллиан, яростно обличавший «жалкого Аристотеля», который своими витиеватыми рассуждениями способен отвлечь христианина от веры, основанной не на развернутом вероучении, а на «простоте сердца» [11, с. 109].

С подобных же позиций резкой критике подвергалось и римское право, которое воспринималось христианством (заметим, справедливо) как своего рода опасный конкурент, претендующий на то, чтобы вновь, как и прежде, стать регулятором социальных отношений. Соответственно, христианские мыслители, например Лактанций, призывали если не к полному искоренению римского юридического наследия, то как минимум к тому, что для христианина именно религия, а не право, должна стать источником норм повседневной жизни и предметом подлинной заботы [12, с. 35].

Такое отношение к двум важнейшим компонентам античного наследия предопределило то, что и греческая философия (включая логику), и римское право на протяжении раннего Средневековья занимали место второстепенных и малозначимых предметов знания, растворенных в системе «семи свободных искусств». Римское право, как известно, подверглось «вульгаризации»: и качественному, и количественному упрощению, сокращению и примитивизации. Например, в «Этимологиях» Исидора Севильского глава о праве соседствует

с главами об одежде и кораблях [13]. Равным образом и греческая философская мысль сохранялась лишь в виде немногочисленных переводов отдельных диалогов Платона, сочинений Аристотеля, вытесненных на второй план всякого рода компиляциями, бревиариями, компендиумами чисто практического характера (например, риторическими сочинениями Марциана Капеллы).

Положение стало радикально меняться к XI–XII вв., когда христианская церковь осознала не только вред, но и пользу от духовно-интеллектуального наследия преследуемой языческой культуры. Разрешение противоречий в авторитетных источниках, опровержение еретических учений, упорядочивание исторически накопившегося массива норм внутрицерковного права — все это сформировало своего рода «запрос на логику». Под влиянием Пьера Абеляра, который резко противопоставил мистическому иррациональному откровению ортодоксального христианства разум, рациональность, обращение к философско-логическому наследию Греции (в первую очередь, к трудам Аристотеля) стало не преследуемым «грехом», а, напротив, поощряемым и развиваемым благодеянием. Особое место в реабилитации логического наследия Аристотеля принадлежит Фоме Аквинскому, который, рискуя быть обвиненным в ереси, «христианизировал» великого философа, возвратив ему подобающий статус «учителя тех, кто знает» (Данте).

Собственно, весь европейский «Ренессанс XII в.» можно рассматривать как своего рода «ренессанс рациональности», выразившийся в резком росте переводческой деятельности, переоткрытии и освоении греческой философии и т. п. Именно в XII в. разворачивается процесс становления системы европейских университетов, среди которых особое место принадлежит Болонскому процессу.

Именно в Болонском университете в школе глоссаторов римское право после пятисотлетнего полузабвения и пренебрежения стало главным и основным предметом изучения и преподавания, причем не по сокращенным и упрощенным источникам, а по полным текстам Свода Юстиниана и его наиболее ценной части — по Дигестам.

Однако в своем непосредственном виде Дигесты оказались исключительно трудны для понимания, что совершенно неудивительно. Дигесты представляют собой гигантский сборник, который кодификационная комиссия Трибуниана составила из высказываний римских юристов по самым разным вопросам. Более того, несмотря на похвальбу Юстиниана о том, что Дигесты представляют собой «чистое озеро» права, то есть беспробельный и гармонизированный правовой свод, в действительности Дигесты являются отнюдь не кодексом, а, скорее, неким плохо упорядоченным «каталогом мнений», изобилующим неясностями, противоречиями, повторами и неопределенными выражениями.

ями. Даже по мнению пандектистов, систематизирующая интенция в Дигестах проведена крайне некачественно.

Преодолеть эти генетические недостатки Свода глоссаторы смогли только благодаря силе греческой логики, которая помогла им, во-первых, разложить его на отдельные единицы (анализ), во-вторых, пересобрать полученный массив в по-настоящему выстроенную систему, подчиненную единому замыслу, в которой отдельные частные положения разворачивают общие принципы (синтез). Эта интенсивная интеллектуальная работа проводилась не только глоссаторами, но и последующими поколениями юристов и правовыми школами.

Своей вершины логико-систематизирующая переработка римского права из неупорядоченного скопления казуистических положений в подлинную систему понятий и юридических конструкций достигла в школе пандектистов — и именно в таком виде мы сейчас воспринимаем и римское, и современное право.

Поэтому современное юридическое образование и профессиональное юридическое мышление, безусловно, обязаны античному наследию не только в части римского права, но и в части греческой логики и философии.

-
1. Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 2. М. : Мысль, 1978. 687 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Аристофан. Комедии. Фрагменты. М. : Научно-издательский центр «Ладомир», Наука, 2000. 1033 с. [Вернуться к статье](#)
 3. Аристотель. Риторика. Поэтика. М. : Лабиринт, 2000. 224 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Maine H. Village-communities in the East and West: six lectures delivered at Oxford, to which are added other lectures, addresses, and essays. New York : Holt, 1876. 413 p. [Вернуться к статье](#)
 5. Вергилий Марон Публий. Буколики. Георгики. Энеида. М. : Художественная литература, 1971. 462 с. [Вернуться к статье](#)
 6. Цицерон М. Т. Эстетика: Трактаты. Речи. Письма. Пер. М. Л. Гаспаров [и др.] ; М. : Искусство, 1994. 540 с. [Вернуться к статье](#)
 7. Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. Пер. с лат. Ф. А. Петровского [и др.] ; под ред. М. Л. Гаспарова. М. : Наука, 1972. 471 с. [Вернуться к статье](#)
 8. Schulz Fritz. History of Roman Legal Science. Oxford : Clarendon Press, 1946. 358 p. [Вернуться к статье](#)
 9. Савиньи Ф. К. фон. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции. Система современного римского права. Т. 1 / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут, 2011. 510 с. [Вернуться к статье](#)
 10. Новый Завет. Послание к Колоссянам. Глава 2, стих 8. [Вернуться к статье](#)
 11. Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс. Избранные сочинения. М. : Издательская группа «Прогресс», 1994. 443 с. [Вернуться к статье](#)

12. Лактанций. Божественные установления. Книги I-VII. Пер. с лат. В. М. Тюленева. СПб. : Издательство Олега Абышко, 2007. 512 с. [Вернуться к статье](#)

13. Исидор Севильский. Этимологии, или Начала в XX книгах. Кн. I-III: Семь свободных искусств. Пер. с лат. Л. А. Харитонова. СПб. : Евразия, 2006. 352 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.114.5

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ПРАВОВОГО
СОЗНАНИЯ ОСУЖДЕННОГО К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ****Е. И. Стабровский**Академия МВД Республики Беларусь,
адъюнкт научно-педагогического факультета
e-mail: egor_stab@mail.ru

***Аннотация.** Анализируется оценка правового сознания осужденных к лишению свободы. Предлагаются изменения в правовое регулирование аттестации осужденных к лишению свободы.*

***Ключевые слова:** правовое сознание, личностная правовая ценность, осужденный.*

***Annotation.** The assessment of the legal consciousness of those sentenced to imprisonment is analyzed. Proposed changes in the legal regulation of certification of convicts to imprisonment.*

***Keywords:** legal consciousness, personal legal value, convict.*

Наказание в виде лишения свободы является одной из наиболее строгих мер юридической ответственности. Установленное законодательством требование достижения исправления осужденного является идеальной целью, предполагающей изменения всей личности осужденного, достичь которой в реальности достаточно непросто. При этом юридически значимое поведение человека определяется его правовым сознанием, личностными правовыми ценностями, на формировании которых необходимо сосредоточить усилия правоприменителя при исполнении наказания. Под личностной правовой ценностью понимается свободно принятая, усвоенная и укорененная в правовом сознании человека идеальная модель поведения, сформированная на основе нравственных либо нормативных правовых ценностей и с внутренней необходимостью реализуемая в правомерном поведении человека. Действующая система исполнения наказания в виде лишения свободы руководствуется требованием внешне правомерного поведения осужденного, не связывая его с особенностями правового сознания и личностными правовыми ценностями осужденного. Соответствующим образом оценка исправления осужденного также отталкивается от поведения осужденного во время отбывания наказания и не учитывает особенностей его правового сознания и личностных правовых ценностей. Негативной стороной данного вопроса является то обстоятельство, что согласно статистическим данным количество осужденных к лишению свободы, ранее отбывавших это наказание, в 2011–2018 гг. превосходило или приблизительно равнялось количеству впервые осужденных к лишению свободы [1, с. 180]. В этой связи актуальность приобретает личностная сторона правомерного поведения, учет кото-

рой предполагает необходимость исследования и формирования правового сознания и личностных правовых ценностей осужденного к лишению свободы.

Понимание цели исправления осужденного как формирования правового сознания осужденного, которым определяется его юридически значимое поведение, способствует концентрации усилий при исполнении наказания на тех направлениях формирующего воздействия, от которых зависит правомерное поведение осужденного. В данном понимании оценка правового сознания осужденного в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы соответствует оценке степени исправления осужденного. Действующая система определения степени исправления осужденного к лишению свободы основана на результатах юридических, психологических и педагогических научных исследований, имеет нормативное правовое регулирование и содержит определенные границы для усмотрения при принятии соответствующего правоприменительного решения.

После отбытия осужденным установленной части наказания осуществляется определение степени исправления осужденного, то есть его аттестация, в рамках которой устанавливается соответствие поведения осужденного критериям, предусмотренным ч. 3–5 ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее — УИК). Ставшим на путь исправления в соответствии с ч. 3 ст. 116 УИК может быть признан осужденный, если он принял письменное обязательство о правопослушном поведении, не имеет взысканий, добросовестно относится к труду или учебе, выполнению работ по коллективному самообслуживанию, уборке и благоустройству исправительных учреждений (далее — ИУ) и прилегающих к ним территорий и проявляет полезную инициативу в иной общественно полезной деятельности, а осужденный, не погасивший до постановления приговора ущерб, причиненный преступлением, — если он также принял все зависящие от него меры по возмещению ущерба. Данная степень исправления может быть установлена не ранее чем после отбытия осужденным одной четверти срока наказания советом воспитателей отряда ИУ. На основании указанных в ч. 3 ст. 116 УИК критериев можно сделать вывод, что определение степени исправления осужденного связано с его поведением. Однако, как было отмечено ранее, внешне правомерное поведение, не связанное с личностными правовыми ценностями, не означает формирования правового сознания, исправления осужденного. Определение степени исправления осужденного требует учета, прежде всего, личностных изменений осужденного, а затем и их проявления в правовой жизни. Определение степени исправления должно обеспечиваться ценностным подходом в оценке правового сознания осужденного, основанном на выявлении личностных правовых ценностей осужденного. В этой связи определение степени исправления осужденного

должно связываться, прежде всего, с оценкой правового сознания осужденного, основанной на его личностных правовых ценностях. Признание осужденного ставшим на путь исправления имеет для осужденного существенные юридические последствия в пределах ИУ (например, перевод на улучшенные условия содержания) и допускает в будущем возможность досрочного освобождения от наказания. Хотя осужденный продолжает находиться в ИУ, данное решение является основой всех последующих решений об исправлении осужденного. Поэтому уже на данном этапе при определении степени исправления необходимо отталкиваться от правового сознания осужденного. Признание осужденного ставшим на путь исправления должно подчеркивать не только определенное поведение осужденного, но прежде всего личностные изменения в правовом сознании человека, выражающиеся в правомерном поведении. Например, принятие письменного обязательства о правопослушном поведении может не иметь личностного значения для осужденного; участие в самодеятельных организациях может ограничиваться членством в них. В этой связи при определении степени исправления осужденного следует исходить из правового сознания осужденного, а только затем из правового поведения.

Хотя пределы усмотрения при признании или непризнании осужденного ставшим на путь исправления достаточно широки, но сотрудник ИУ все же имеет перечень критериев оценивания исправления осужденного. Иначе обстоит дело со степенями исправления, связанными с досрочным освобождением от наказания. Твердо ставшим на путь исправления может быть признан осужденный, если его поведение соответствует критериям, указанным в ч. 3 ст. 116 УИК, и свидетельствует об устойчивом стремлении к правопослушному поведению. Доказавшим свое исправление может быть признан осужденный, если его поведение соответствует критериям, указанным в ч. 3 ст. 116 УИК, и свидетельствует о том, что у осужденного сформирована готовность вести правопослушный образ жизни. В данных случаях только нормативных, внешних поведенческих критериев исправления недостаточно. Возникает потребность в антропологических критериях. Основу оценки степени исправления осужденного начинает составлять личное убеждение сотрудника ИУ в исправлении осужденного, складывающееся в результате взаимодействия с осужденным, наблюдения за его поведением, а главное, в результате выявления личностных правовых ценностей осужденного.

Признание осужденного к лишению свободы твердо ставшим на путь исправления или доказавшим свое исправление производится при проведении аттестации осужденного к лишению свободы комиссией ИУ. Наличие у осужденного к лишению свободы устойчивого стремления к правопослушному поведению и сформированной готовности вести правопослушный образ жизни опре-

деляется комиссией ИУ на основании анализа документов личного дела осужденного к лишению свободы, сведений, содержащихся в характеристике-аттестации на осужденного к лишению свободы, результатов его аттестаций советом воспитателей отряда ИУ за весь период отбывания наказания, отношения к совершенному деянию, информации об устранении последствий совершенного деяния, о признании вины в совершенном преступлении и других заслуживающих внимания обстоятельств. Указанные обстоятельства раскрывают содержание поведения осужденного в период отбывания наказания, допускают возможность учета некоторых личностных изменений в осужденном, но прямо не связаны с оценкой его правового сознания.

Определение степени исправления осужденного следует осуществлять, прежде всего, на основании сведений, характеризующих правовое сознание осужденного. Оценка правового сознания осужденного должна опираться на анализ правовых ценностей осужденного, проводимый с помощью доступных и допустимых методов и средств. Безусловно, что все представленные сведения важны, но определяющее значение должно быть за оценкой правового сознания осужденного, его личностных правовых ценностей, личностных изменений в осужденном в период отбывания наказания. В этом находит свое проявление синтез психологических, педагогических и юридических критериев оценки степени исправления осужденного через оценку его правового сознания.

В этой связи представляет научный интерес действующий порядок рассмотрения вопросов об исправлении осужденного, связанных с досрочным освобождением от наказания. Так, в соответствии с ч. 9 ст. 187 УИК по отбытии осужденным установленной законом части срока наказания администрация органа или учреждения, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности, обязана в месячный срок рассмотреть вопрос о его представлении к условно-досрочному освобождению от наказания или замене неотбытой части наказания более мягким наказанием. Это означает, что независимо от степени исправления, установленной советом воспитателей отряда ИУ, вопрос о признании осужденного твердо ставшим на путь исправления или доказавшем свое исправление должен быть рассмотрен комиссией ИУ. Процедура аттестации осужденного комиссией ИУ регламентирована Инструкцией о порядке аттестации осужденных к наказаниям в виде ареста и лишения свободы, утвержденной постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 10 ноября 2010 г. № 353 (далее — Инструкция), и предполагает, во-первых, подготовку характеризующих осужденного документов, во-вторых, рассмотрение вопроса комиссией ИУ и, в-третьих, вынесение комиссией ИУ соответствующего решения. Рассмотрение вопроса об исправлении осужденного комиссией ИУ и личное участие в этом осужденного является положитель-

ным обстоятельством для формирования правового сознания личности осужденного. В данном случае руководство ИУ имеет возможность коллегиально, на экспертном уровне оценить правовое сознание каждого осужденного, дать указания подчиненным о возможных направлениях работы с осужденным и оказать положительное стимулирующее и мотивирующее влияние на осужденного. Однако на этапах подготовки характеризующих документов и вынесения правоприменительного решения обозначился ряд проблем.

Так, к заседанию комиссии ИУ сотрудник готовит характеристику-аттестацию по установленной форме и иные характеризующие документы в отношении каждого осужденного, хотя правовые основания принять положительное решение о досрочном освобождении от наказания имеются только в отношении осужденных, признанных ставшими на путь исправления в соответствии с ч. 3 ст. 116 УИК. Для совершенствования указанного направления предлагаются изменения в Инструкцию, согласно которым для аттестации осужденного, не признанного ставшим на путь исправления либо признанного злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания, начальник отряда ИУ готовит справку-аттестацию о несоответствии поведения осужденного критериям, установленным ч. 3 ст. 116 УИК.

Также к заседанию комиссии ИУ сотрудник готовит соответствующие документы и в случае наличия законодательных ограничений, препятствующих принятию решения о представлении осужденного к условно-досрочному освобождению от наказания или замене неотбытой части наказания более мягким наказанием (например: ч. 4 ст. 90, ч. 7 ст. 90, ч. 8 ст. 90, ч. 7 ст. 91, ч. 1 ст. 52, ч. 3 ст. 52, ч. 2 ст. 55, ч. 4 ст. 55, ч. 5 ст. 55 Уголовного кодекса Республики Беларусь, ч. 11 ст. 187 УИК). Решение комиссии ИУ в действующей редакции Инструкции формулируется в связи с определением степени исправления осужденного. Хотя для решения вопроса о досрочном освобождении от наказания степень исправления осужденного в данном случае правового значения не имеет. Для совершенствования указанного направления предлагаются изменения в Инструкцию, согласно которым для аттестации осужденного при наличии подобных обстоятельств начальник специального отдела ИУ готовит на осужденного справку-аттестацию о том, что замена неотбытой части наказания более мягким наказанием или условно-досрочное освобождение от отбывания наказания на осужденного к лишению свободы не распространяется согласно соответствующей норме законодательного акта, установившего такие ограничения. В этой связи предлагаются изменения в Инструкцию, согласно которым решение комиссии ИУ в подобных случаях будет оформляться с указанием на соответствующую норму законодательного акта, установившего правовые ограничения для применения досрочного освобождения от наказания. Данные

изменения оптимизируют работу сотрудников ИУ, позволят усовершенствовать порядок принятия решений комиссией ИУ, содержащих объективную оценку степени исправления и правового сознания осужденного, а также позволят увеличить объем служебного времени сотрудников ИУ для непосредственной работы с осужденными.

Таким образом, действующая система оценки степеней исправления осужденного к лишению свободы обладает объективной обоснованностью, но требует использования нового подхода — ценностного оценивания правового сознания осужденного, основанного на выявлении личностных правовых ценностей, учитывающего личностные изменения в правовом сознании человека, выражающиеся в правомерном поведении. Предлагаемые изменения в нормативное регулирование аттестации осужденных к лишению свободы оптимизируют работу сотрудников ИУ и усовершенствуют порядок принятия решений комиссией ИУ.

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2019 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. Минск : Нацстатком, 2019. 471 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9.018

О НЕОБХОДИМОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ИССЛЕДОВАНИИ ФЕНОМЕНА ИТ-МОШЕННИЧЕСТВА

О. А. Старостенко

Краснодарский университет МВД России,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
e-mail: olegstaros94@gmail.com

***Аннотация.** В статье рассматриваются взгляды ученых-криминологов на понятие информационно-телекоммуникационного мошенничества. Определена сущность исследуемого феномена и его составляющие. Сформулировано теоретическое понятие ИТ-мошенничества.*

***Ключевые слова:** информационно-телекоммуникационные технологии, жертва, ИТ-мошенничество, Интернет, психологические и технические составляющие.*

***Annotation.** The article examines the views of criminologists on the concept of information and telecommunications fraud. The essence of the phenomenon under study and its components are determined. The theoretical concept of IT fraud is formulated.*

***Keywords:** information and telecommunications technologies, victim, IT fraud, Internet, psychological and technical components.*

В настоящее время использование сети Интернет и осуществление профессиональной деятельности в режиме онлайн становятся повседневным явлением. Прогресс в области информационно-телекоммуникационных технологий сопровождается активным развитием преступной деятельности, а такие действия, как повышенная активность в социальных сетях, покупка товаров, оказание коммерческих услуг и обмен документами посредством использования электронной почты особенно сильно привлекают внимание злоумышленников. Британский политик Джек Стро отметил, что в целом правоохранительные органы на шаг отстают от кибермошенников, когда должны быть на два шага впереди: «Мы больше не можем бороться с преступлениями XXI века с помощью инструментов XIX века» [1].

В отличие от жертв насильственных преступлений, жертв мошенничества не заставляют отказываться от своего имущества, скорее, их обманывают, принуждают или иным образом манипулируют с целью передачи имеющихся благ на добровольной основе.

Проанализированное множество эмпирического материала позволяет подтвердить факт отсутствия юридически закрепленного понятия информационно-телекоммуникационного мошенничества и системного подхода к изуче-

нию проблем данного явления в целом. Это определяет острую необходимость теоретической проработки явления IT-мошенничества.

Согласно УК РФ, под мошенничеством необходимо понимать хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [2].

Попытка определения криминологической сущности понятия IT-мошенничества была предпринята В. С. Овчинским, который зафиксировал факт возникновения «новой» преступности информационной направленности. Он, проанализировав масштабы и последствия процесса цифровизации, констатировал факт отсутствия концептуального осмысления будущей преступности в науке криминологии и предложил использовать базовые критерии, определяющие исследуемый феномен: информационное пространство, цифровую среду, информационные ресурсы, риски сетевой связи в цифровом мире [3].

По мнению В. А. Номоконова, кибермошенничество отражает такое явление, как преступность в информационном пространстве, которое стимулируется и опосредуется электронными устройствами [4].

Д. Н. Карпова под киберпреступлением понимает акт социальной девиации с целью нанесения экономического, политического и культурного ущерба с использованием сети Интернет [5].

К. Н. Евдокимов полагает, что компьютерная преступность представляет собой совокупность преступлений, где основным объектом выступают общественные отношения в сфере безопасного использования компьютерной информации [6].

Отсюда следует вывод, что IT-мошенничество имеет психологическую и технологическую составляющую.

К элементам психологической составляющей можно относить:

- стремление обогатиться;
- стремление получить платное бесплатно;
- стремление приобрести редкие предметы и вещи;
- сострадание.

К элементам технологической составляющей необходимо относить:

- глобальную сеть Интернет;
- электронную почту;
- систему электронных платежей;
- виртуальные деньги.

На основании проанализированных научных позиций можно предположить, что под понятием «интернет-мошенничество» или «онлайн-мошенничество» необходимо понимать любое использование взаимосвязанных компьютеризированных электронных каналов или сетей с целью реализации мо-

шеннической схемы, основанной на намеренном вводе жертвы в состояние заблуждения путем ложного представления информации с целью получения или передачи персональных данных, материальных ценностей, лишаящих потерпевшего личной собственности или имущественного права. Иными словами, интернет-мошенничество можно трактовать как любое использование компьютеризованных сетей в сочетании с тактикой социальной инженерии, направленной на обман или манипулирование жертвой с целью приобретения преступником материального преимущества над жертвой.

Считаем, что выделенные составляющие и сформулированное понятие интернет-мошенничества представляют научную ценность и могут быть использованы при разработке мер профилактики и предупреждения исследуемого явления, а также в учебно-методических целях.

1. Министры восьмерки приняли план борьбы с киберпреступностью [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itweek.ru/themes/detail.php?ID=45484> (дата обращения: 25.01.2021 г.). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс] : принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. (в ред. от 30.12.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Овчинский В. С. Криминология цифрового мира : учебник. М. : Инфра-М, 2018. 352 с. [Вернуться к статье](#)

4. Номоконов В. А., Тропина Т. Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология. Вчера. Сегодня. Завтра. 2012. №1 (24). С. 47. [Вернуться к статье](#)

5. Карпова Д. Н. Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение // Власть. 2014. Том. 22. № 8. С. 46–50. [Вернуться к статье](#)

6. Киберпреступность: криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический анализ / науч. ред. И. Г. Смирнова ; отв. ред. Е. М. Якимова. М. : Юрлитинформ, 2016. 312 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.727+342.732

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК ПРЕДМЕТ ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ (МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ)

В. П. Сухопаров

Белорусский государственный университет,
аспирант 2-го г. о. кафедры конституционного права,
магистр юридических наук
e-mail: viktar19sv@gmail.com

***Аннотация.** В настоящей статье представлены результаты исследования правового регулирования общественных отношений (в первую очередь информационных) в глобальной компьютерной сети Интернет. Особое внимание уделено трансграничности сети Интернет и ее прямому влиянию на разнородность правового регулирования функционирования Интернета. Автором делается вывод о необходимости отведения значительной роли положениям юридических документов крупных компаний-владельцев интернет-ресурсов и разработки международно-правовых стандартов в сфере регулирования функционирования сети Интернет.*

***Ключевые слова:** Интернет, трансграничность, информационные правоотношения, международно-правовое регулирование Интернета, юридические документы владельцев интернет-ресурсов.*

***Annotation.** This article presents the results of a study of legal regulation of social relations (primarily information) on the global computer network Internet. Particular attention is paid to the transboundary nature of the Internet and its direct impact on the multilevel legal regulation of the Internet. The author concludes that it is necessary to assign a significant role to the provisions of legal documents of large companies-owners of Internet resources and to develop international legal standards in the field of regulating the functioning of the Internet.*

***Keywords:** Internet, transboundary, information legal relations, international legal regulation of Internet, legal documents of owners of Internet resources.*

Правовые основы информационных и других общественных отношений в национальном сегменте сети Интернет нашли свое отражение в Указе Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» (далее — Указ № 60). Под национальным сегментом сети Интернет в соответствии с Указом № 60 понимается совокупность информационных сетей, систем и ресурсов, имеющих подключение к сети Интернет, размещенных на территории Республики Беларусь и (или) использующих доменные имена в национальной домен-

ной зоне, которую образуют доменные зоны «.by» и «.бел» [1]. Иными словами, национальный сегмент сети Интернет — это та часть совокупности информационных сетей, систем и ресурсов, которые размещены на территории Республики Беларусь с использованием доменных имен национальной доменной зоны или без такого использования.

Указ № 60 преимущественно регулирует отношения публично-правового характера (в первую очередь в информационной сфере), устанавливая:

- обязанности государственных органов и организаций по размещению и обновлению информации о своей деятельности на официальных интернет-сайтах;
- язык официальных интернет-сайтов государственных органов;
- требования к содержанию информации интернет-сайтов государственных органов и организаций;
- бесплатность доступа к информации интернет-сайтов государственных органов;
- отдельные аспекты, связанные с государственной регистрацией информационных сетей, систем и ресурсов национального сегмента сети Интернет;
- другие вопросы публично-правового характера.

В Указе № 60 содержатся положения об обязанностях поставщиков интернет-услуг, а также о деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по реализации товаров, выполнению работ и оказанию услуг с обязательным использованием национального сегмента сети Интернет. В п. 12 Указа № 60 регламентируется особый подход к ответственности за содержание информации, размещаемой (передаваемой) в национальном сегменте сети Интернет, которая возлагается *как* на лиц, разместивших (передавших) эту информацию, *так и* на владельцев информационных ресурсов, размещенных в сети Интернет. Следовательно, *комплексный подход* к юридической ответственности за размещение (передачу) информации предусмотрен в сфере национального сегмента сети Интернет.

В Законе Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» (далее — Закон о СМИ) приводится более широкое определение интернет-ресурса (в сравнении с Указом № 60): интернет-сайт, страница интернет-сайта, форум, блог, приложение для мобильного устройства, иной информационный ресурс (его составная часть), размещенный в глобальной компьютерной сети Интернет, посредством которых распространяется массовая информация [2]. То есть интернет-ресурс трактуется без привязки к национальному сегменту сети Интернет. Таким образом, Указ № 60 регулирует деятельность государственных органов и организаций в национальном сегменте

сети Интернет и обязывает юридических лиц и индивидуальных предпринимателей государственной регистрацией информационных ресурсов национального сегмента сети Интернет (т. е. регламентирует государственно-управленческие отношения в информационной сфере). Закон о СМИ регулирует общественные отношения, связанные с распространением массовой информации на территории Республики Беларусь, в том числе на интернет-ресурсах в целом. Здесь возникает вопрос относительно пределов юрисдикции государства при регулировании общественных отношений в сети Интернет.

Белорусский ученый-юрист Ю. А. Лепешков пишет, что «интернет может и должен регулироваться посредством права, в том числе международного». Попытки отдельных государств самостоятельно регламентировать Интернет, характеризующийся трансграничностью, не представляются автору перспективными. Наилучшую альтернативу Ю. А. Лепешков видит в подходе, основывающемся на уважении суверенных прав других государств и стремящемся к уменьшению существующих различий через механизм консенсуса путем создания новых международно-правовых актов либо унификации существующих положений [3, с. 65]. Российский исследователь С. Н. Михайлусов разделяет данную позицию, отмечая, что, «несмотря на постоянные поиски технических решений», интернет-пространство все еще сложно привязать «к географическим границам», а успешно противодействовать злоупотреблению достижениями ИКТ «можно только на международном уровне» [4, с. 48].

В условиях отсутствия целостного обособленного международно-правового регулирования отношений в сети Интернет [3, с. 62] в юридической литературе говорится лишь о некоторых инициативах упомянутого регулирования. Среди международно-правовых документов выделяются: Единая политика рассмотрения споров о доменных именах (UDRP) и Правила к политике; Директива Европейского Союза 2002/58/ЕС «О неприкосновенности электронной частной жизни» (далее — Директива ЕС 2002/58/ЕС); GDPR (General Data Protection Regulation — Общий регламент ЕС по защите персональных данных 2016/679); типовые законы ЮНСИТРАЛ «Об электронной коммерции» и «Об электронных подписях» [4, с. 48–50]. В качестве предпринимаемых попыток международных организаций и государств в части регулирования общественных отношений в сети Интернет (в том числе в информационной сфере) указываются:

- форум Лондонский план действий (защита персональных данных и прав потребителей);
- содействие международному сотрудничеству в области применения законодательства против спама и принятия мер в отношении онлайн-мошенничества, фишинга и распространения вирусов (Организация экономиче-

ского сотрудничества и развития (далее — далее ОЭСР); Специальная комиссия ОЭСР по спаму; Международный союз электросвязи; Международная ассоциация государственных органов, контролирующая соблюдение прав потребителей; Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество);

- создание Альянса по борьбе со спамом StopSpamAlliance;
- принятие Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (2003 г.) Амстердамских рекомендаций о свободе СМИ и Интернета [4, с. 48–50].

Общий регламент ЕС по защите персональных данных 2016/679 распространяет свое действие на обработку персональных данных, осуществляемую полностью либо частично автоматизированными средствами, а также иными средствами, которые формируют файловую систему (систему систематизации) персональных данных либо способны ее сформировать [5]. Единая политика рассмотрения споров о доменных именах была принята аккредитованными доменно-именными регистраторами для доменных имен, заканчивающихся на «.com», «.net», «.org», а также отдельными администраторами кодов стран доменов верхнего уровня (к примеру, «.nu», «.tv», «.ws») [6]. Директива ЕС 2002/58/ЕС, относящаяся к обработке персональных данных и защите частной жизни в электронно-коммуникационном секторе, гармонизирует положения государств — членов ЕС, необходимые для обеспечения равного уровня защиты основных прав и свобод, в частности права на неприкосновенность частной жизни, а также положения в отношении обработки персональных данных в секторе электронных коммуникаций, свободного перемещения указанных данных и электронно-коммуникационного оборудования и услуг в Европейском Союзе [7].

Наряду с некоторыми международными документами отдельные отношения, складывающиеся в сети Интернет, регулируются пользовательскими соглашениями интернет-ресурсов, политикой их компаний-владельцев и устанавливаемыми ими правилами. К примеру, компания-владелец YouTube Google LLC предусматривает Условия использования, Правила сообщества, Правила в отношении конфиденциальности, авторских прав и другие корпоративные нормы трансграничного характера [8]. Компанией-владельцем российского видеохостинга Rutube принято Генеральное пользовательское соглашение Rutube (сайта Rutube.ru и системы Rutube), Политика конфиденциальности, Правила размещения рекламных материалов в системе Rutube, Генеральное согласие на обработку персональных данных Rutube и др. [9]. Компанией-владельцем TikTok также принят ряд юридических документов трансграничного значения: Пользовательское соглашение, Руководство по представлению сведений государственным органам, Политика конфиденциальности и др. [10].

Таким образом, регулирование информационных правоотношений в сети Интернет при множестве пробелов в праве достаточно обширно и обладает различным характером (международным, национальным, корпоративным с трансграничным значением). Разноуровневое правовое регулирование информационных правоотношений в сети Интернет влечет примеры отсылок одних правовых положений к другим.

Так, п. 43 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» предусматривает правило дальнейшего использования изображения физического лица, если такое изображение было размещено этим физическим лицом на интернет-сайте, условиями пользования которого было предусмотрено подобное поведение третьего лица [11]. Данное бланкетное правило подтверждается и адвокатом бюро LOYS (РФ) К. Куватовым: «До размещения своих фотографий в общедоступном месте, например, в соцсетях, необходимо детально изучить правила ресурса, чтобы в последующем иметь возможность защищать свое право на охрану изображения и случайно не стать лицом кампании производителя какого-либо товара» [12]. В данном случае отсылка к пользовательским правилам интернет-сайта примечательна тем, что она не согласуется с императивной нормой гражданского законодательства Российской Федерации (п. 1, п. 3 ст. 152.1 части первой ГК РФ [13]). Указанная норма предусматривает закрытый перечень случаев свободного использования изображения гражданина, среди которых отсутствует установление данного правила пользовательскими соглашениями интернет-ресурсов. Однако нельзя сказать, что отсылка к условиям пользования интернет-сайта необоснованна, учитывая ее подкрепление положением судебного постановления. Вместе с тем эта ситуация подчеркивает значительную роль юридических документов компаний-владельцев интернет-ресурсов для правоотношений, формирующихся в сети Интернет. Эти документы могут служить основой для совершенствования национального законодательства, разработки международно-правовых норм в сфере регулирования отношений в сети Интернет.

Значительная роль юридических документов компаний-владельцев интернет-ресурсов в правотворческой и правоприменительной практике определяется тем, что именно эти компании устанавливают объем сервисного обслуживания пользователей, зачастую имеющего трансграничный характер. В этих случаях компании-владельцы интернет-ресурсов стараются учесть правовые нормы других государств (преимущественно на уровне общеправовых принципов). Однако это далеко не всегда представляется возможным в полной мере. К примеру, в правилах YouTube по вопросам добросовестного использо-

вания авторских произведений содержится указание пользователям на обращение к национальному законодательству об авторском праве для уяснения соответствующих случаев. Вместе с тем в правилах YouTube учитываются положения американского законодательства и судебной практики по вопросам авторского права [8], а изложенные конкретные примеры американских судебных дел добросовестного заимствования могли бы служить основанием для реформирования международной системы защиты авторского права в силу широкой распространенности использования видеохостинга в интернет-пространстве по всему миру.

В силу трансграничности сети Интернет и сложностей регулирования складывающихся в нем отношений (в том числе информационных) ряд исследователей (Г. Кляйнштойбер, Л. Хиббард) вовсе предлагают отнести регулирование Интернета к саморегулированию и исключить вмешательство в этот процесс государства [14; 15]. Представители США и большинства европейских стран зачастую выступают против регулирования содержания информации в Интернете, в то время как представители азиатских стран (Китай, Сингапур и др.) выступают за такое регулирование [3, с. 65].

С нашей точки зрения, правовое регулирование общественных отношений (в том числе информационных) в сети Интернет должно оставаться разноразноуровневым. Ряд вопросов не должен исключаться из национального правового регулирования (вопросы, связанные с деятельностью государственных органов в сети Интернет, электронным правительством, правосудием и др.). На принятие международно-правовых норм должна оказывать влияние практика компаний-владельцев интернет-ресурсов, активно используемых в большинстве стран мира. Такой подход обусловлен трансграничностью Интернета, необходимостью решения вопросов юрисдикции государств при регламентации общественных отношений в сети Интернет, а также необходимостью равных возможностей физических лиц при использовании трансграничных интернет-ресурсов. Значительная роль в регулировании общественных отношений на широко используемых трансграничных интернет-ресурсах должна отводиться положениям юридических документов их компаний-владельцев, на которые будут влиять разработанные международно-правовые стандарты.

1. О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 1 февр. 2010 г., № 60 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 18.09.2019 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2008 г., № 427-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.07.2018 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Лепешков Ю. А. Международно-правовое регулирование функционирования сети Интернет: перспективы развития // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права : сб. науч. тр. / Бел. гос. ун-т. Минск, 2011. Вып. 3. С. 60–66. [Вернуться к статье](#)
4. Михайлуков С. Н. Международно-правовое регулирование Интернета // Право и управление. XXI век / МГИМО. М., 2010. № 2 (15). С. 48–51. [Вернуться к статье](#)
5. General Data Protection Regulation GDPR [Electronic resource] // Intersoft consulting. URL: <https://gdpr-info.eu/> (date of access: 17.02.2021). [Перейти к источнику](#)
[Вернуться к статье](#)
6. Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy. Policy Adopted: August 26, 1999 [Electronic resource] // ICANN. ARCHIVES. Internet Corporation for Assigned Names and Numbers. URL: <http://archive.icann.org/en/udrp/udrp-policy-24oct99.htm> (date of access: 20.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
7. Directive 2002/58/EC of the European Parliament and of the Council of 12 July 2002 concerning the processing of personal data and the protection of privacy in the electronic communications sector (Directive on privacy and electronic communications) [Electronic resource] // Official Journal L 201, 31/07/2002 P. 0037-0047. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32002L0058:en:HTML> (date of access: 20.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
8. Условия использования YouTube [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/static?template=terms> (дата обращения : 20.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
9. Генеральное пользовательское соглашение Rutube (сайта Rutube.ru и системы Rutube) [Электронный ресурс] // RUTUBE. Пользователям. URL: <https://rutube.ru/info/agreement/> (дата обращения : 21.02.2021). [Перейти к источнику](#)
[Вернуться к статье](#)
10. TikTok. Юридические документы [Электронный ресурс] // TikTok. URL: <https://www.tiktok.com/legal/terms-of-use?lang=ru-RU> (дата обращения: 21.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Гарант.Ру: информационно-правовое обеспечение. URL: <http://base.garant.ru/71100882/#friends> (дата обращения: 21.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
12. Урошлева А. Как защитить свое право на охрану изображения? [Электронный ресурс] // Гарант.ру : информационно-правовой портал. Аналитические статьи. Практика (24.07.2019). URL: <https://www.garant.ru/article/1284159/> (дата обращения: 21.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
13. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : в ред. Федер. Закона от 31.07.2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
14. Кляйнштойбер Г. Интернет: между регулированием и управлением // Справочник по свободе массовой информации в Интернете / под ред. К. Меллера и А. Амуру. Вена : ОБСЕ, 2004. С. 63–68. [Вернуться к статье](#)
15. Хиббард Л. Интернет с человеческим лицом — общая ответственность // Справочник по свободе массовой информации в Интернете / под ред. К. Меллера и А. Амуру. Вена : ОБСЕ, 2004. С. 50–53. [Вернуться к статье](#)

УДК 341

**ЭКОЛОГИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ****О. Н. Толочко**

Белорусский государственный университет,
профессор кафедры государственного управления,
доктор юридических наук, доцент
e-mail: o.tolochko@mail.ru

Аннотация. *Анализируется проблема глобальных климатических изменений и международное сотрудничество, осуществляемое для ее преодоления. Подчеркивается важность развития экологического правосознания специалистов, должностных лиц и граждан, без чего невозможно решение экологических проблем.*

Ключевые слова: *глобальное изменение климата, международное экологическое право, Парижское соглашение, выбросы парниковых газов.*

Annotation. *The legal category of general principles recognized by civilized nations is analyzed. Their importance for the quality of legislation and law enforcement practice is emphasized in article.*

Keywords: *Global climate change, international environmental law, Paris Agreement, greenhouse gas emissions.*

Масштабный социально-экономический кризис, охвативший планету, несколько отвлек внимание мировой общественности от экологической повестки. Тем временем проблема изменения климата не только не исчезла, но и продолжает обостряться. В 2020 г. в связи с обусловленным пандемией снижением производства количество выбросов парниковых газов уменьшилось на 7 %, однако этого оказалось недостаточно, чтобы замедлить разворачивающийся процесс глобального потепления.

Последнее десятилетие стало самым жарким за всю историю метеонаблюдений. Сокращается количество пресной воды на душу населения. Растет площадь мертвых зон океана, сокращаются площади лесов. Около миллиона видов животных и растений находятся под угрозой исчезновения; общая численность млекопитающих, рептилий, амфибий, птиц и рыб сократилась почти на 30 % [1]. Одним из средств противодействия этим процессам является международное экологическое право — сравнительно молодая, но динамично развивающаяся отрасль современного международного права.

Глубина проблем, стоящих перед человечеством, обусловила феномен «экологизации» международных отношений, означающий включение экологически ориентированных норм во многие, если не во все, отрасли права. Сформулированные в 1995 г. Международным союзом по охране природы принципы

международного экологического права в настоящее время имеют определяющее значение для целого ряда отраслей как международного, так и национального права. В числе этих принципов обеспечение соблюдения экологических прав человека; недопустимость нанесения трансграничного ущерба окружающей среде; экологически обоснованное рациональное использование природных ресурсов; недопустимость радиоактивного заражения окружающей среды; защита экологических систем Мирового океана; запрет военного или любого враждебного воздействия на природную среду; обеспечение экологической безопасности; международно-правовая ответственность государств за ущерб, причиненный окружающей среде; предосторожный подход.

Предосторожный подход означает необходимость избегать деятельности, которая может нести в себе угрозу для окружающей среды. Меры предосторожности должны быть приняты даже в том случае, если опасность является лишь потенциальной, а научные данные относительно опасных последствий той или иной деятельности недостаточно полны либо неоднозначны. Таким образом, в условиях отсутствия полной научной ясности необходимо исходить из приоритета природоохранных действий [2; 3].

Нормы международного экологического права закреплены в международных договорах, общее число которых уже перевалило за четыре тысячи. Особое значение имеет в настоящее время международно-правовая охрана атмосферы, которая носит комплексный характер и включает в себя решение целого ряда мировых экологических проблем: глобальное потепление, уменьшение озонового слоя Земли, фотохимический смог, кислотные дожди, химическое, биологическое, бактериологическое, радиационное загрязнение атмосферы и многие другие. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой 1963 г. исключил такой мощный фактор неблагоприятного воздействия на окружающую среду, как ядерные взрывы в атмосфере и под водой.

Борьбе с загрязнением атмосферы посвящена Европейская конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 г. и дополняющие ее Протоколы. С 80-х гг. XX столетия действуют конвенции по защите озонового слоя Земли, которые предусматривают ограничения на производство ряда веществ. Тем не менее дыра в озоновом слое стратосферы над Антарктидой, защищающем людей от вредного ультрафиолетового излучения, достигла рекордных размеров. В случае неукоснительного соблюдения Монреальского протокола, озоновый слой со временем восстановится; однако это может произойти не ранее 2060–2075 гг.

Международному сотрудничеству по охране климата посвящена Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 г. и принятое на ее основе

Парижское соглашение об изменении климата 2015 г. Указанные документы направлены, прежде всего, на сокращение или, как минимум, стабилизацию выбросов парниковых газов.

Парижское соглашение об изменении климата 2015 г. исходит из того, что для предотвращения необратимых последствий необходимо удержать рост средней температуры на планете в пределах 1,5–2 °С по отношению к соответствующему показателю доиндустриальной эпохи. По мнению ученых-климатологов, температура поверхности Земли растет вследствие, прежде всего, сжигания нефти, газа и угля. Для сокращения выбросов парниковых газов необходимо внедрять энергосберегающие технологии и переходить на альтернативные источники энергии. Ученые полагают, что рост температуры более чем на 2 °С может привести к необратимым глобальным последствиям. Как заявил Генеральный секретарь ООН А. Гуттериш, «если мы не начнем действовать прямо сейчас, нынешнее столетие может оказаться последним для человечества» [4].

Чтобы удержать рост температуры в пределах до 2 °С, необходимо к 2050 г. снизить глобальные выбросы на 50 % к уровню 1990 г., а к 2100 г. сократить до нулевого уровня, т. е. выбросы парниковых газов не должны превышать количество, которое могут переработать леса и океаны. Однако среднегодовые темпы снижения выбросов пока менее 1,5 %. Очевидно, что этого крайне мало. Поэтому государства — участники Парижского соглашения 2015 г. обязались принять национальные планы по снижению выбросов и пересматривать их в сторону усиления каждые 5 лет; разработать национальные стратегии перехода на «зеленые» технологии; ежегодно выделять в Зеленый климатический фонд \$ 100 млрд для помощи наименее развитым и наиболее уязвимым странам.

Республика Беларусь как участник Соглашения обязалась снизить выбросы парниковых газов на 28 % по сравнению с уровнем 1990 г. Вместе с тем данное значение было фактически достигнуто на момент подписания, поэтому, как представляется, национальные цели должны быть пересмотрены в сторону более амбициозных.

Несмотря на довольно большое количество норм, направленных на борьбу с неблагоприятными последствиями климатических изменений, на охрану атмосферы, морской среды, животного и растительного мира, увеличение среднегодовой температуры, сокращение запасов пресной воды и площади лесов, уменьшение количества и видов животных и растений свидетельствуют о явной недостаточности предпринимаемых на данном направлении мер.

Как представляется, переломить ситуацию сложно, если не работать с людьми в направлении повышения правовой культуры, осознания ими

важности выполнения экологических норм. Действительно, как можно объяснить тот факт, что более четырех тысяч международных соглашений не имплементированы в национальное законодательство таким образом, чтобы это обеспечивало бы их практическую реализацию? К сожалению, констатация многими государственными органами, должностными лицами и руководителями предприятий важности реализации природоохранных мер зачастую сопровождается оговоркой, что именно сейчас экономическая (социальная, политическая) ситуация не позволяет думать о «зеленых» технологиях и сокращении выбросов; что настанет время и мы обязательно достигнем целей по сокращению выбросов и уменьшению вреда природной среде, однако на текущий момент это затруднительно. Думается, что такое положение дел в нынешних обстоятельствах недопустимо.

Экологизация общественных отношений означает неотделимость любой сферы правового регулирования от проблемы физического выживания человечества. При этом стремление решать глобальные проблемы чужими руками ведет к размыванию ответственности, перекладыванию ее на других, а если такие действия будут совершаться повсеместно, то предупреждение о последнем для человечества столетии может стать пророческим.

Развитие экологического правосознания необходимо начинать уже сейчас, в том числе вводя соответствующие мероприятия в учебно-воспитательный процесс всех учреждений образования и прежде всего вузов юридического профиля.

В целом необходимо признать, что экологические проблемы занимают центральное место в ряду основных проблем современного миропорядка. Тысячи заключенных к настоящему моменту международных договоров и десятки тысяч принятых в их исполнение законов не привели пока к созданию эффективных механизмов их реализации, равно как не привели и к появлению действенных механизмов защиты права человека на благоприятную окружающую среду. Углубляющиеся негативные последствия воздействия человека на экологию требуют значительного реформирования международного и национального права в сторону его экологизации, включая выход на принципиально новые правовые формы и средства.

1. Важность проблемы биоразнообразия для человека [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/observances/earth-day> (дата обращения: 11.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Копылов С. М. Нужна ли «предосторожность» международному экологическому праву: если да, то в каком качестве? // Вести Волгоград. гос. ун-та. Сер. 5. 2015. № 4 (29). С. 155–162. [Вернуться к статье](#)

3. The precautionary principle in the 20th century // Late lessons from early warnings / ed. by P. Harremoes [et al.]. L. ; Sterling, VA : Earthscan Publ., 2002. P. 1208–1209.

[Вернуться к статье](#)

4. Глава ООН об изменении климата: нынешнее столетие может оказаться для человечества последним [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/10/1388012> (дата обращения: 11.02.2021).

[Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 340.13 : 004

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**В. А. Шаршун**

Национальный центр правовой информации Республики Беларусь,
заместитель директора,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: sharsh1970@gmail.com

***Аннотация.** Рассматриваются основные направления цифровизации национальной правовой системы: цифровизация нормотворчества, цифровизация правоприменения, цифровизация процессов правового воспитания, образования и формирования правовой культуры граждан. Важной задачей в цифровизации нормотворчества является создание автоматизированных информационных систем, обеспечивающих полный цикл подготовки проектов правовых актов, их принятия (издания) и официального опубликования в электронном виде.*

***Ключевые слова:** правовая система, нормотворчество, информационные системы, цифровизация, машиноисполняемое законодательство, правовое воспитание.*

***Annotation.** The main directions of digitalization of the national legal system are considered: digitalization of norm-creating, digitalization of law enforcement, digitalization of processes of legal education, education and formation of the legal culture of citizens. An important direction in the digitalization of norm-creating today is the creation of automated information systems that provide a full cycle of preparation of draft legal acts, their adoption (publication) and official publication in electronic form.*

***Keywords:** legal system, digitalization, norm-creating, information systems, machine-executable legislation, legal education.*

Развитие информационно-коммуникационных технологий обуславливает их все более широкое применение в различных сферах. Важное значение приобретает использование таких технологий в правовой сфере жизнедеятельности государства и общества. В настоящее время цифровизация правовой действительности способствует формированию новых явлений и процессов, правовых институтов, возникновению нового правопонимания, мировоззрения и правовой культуры. Цифровизация трансформирует само понятие права и формы его реализации, расширяет границы правового регулирования, вносит существенные корректировки в правотворческую и правоприменительную деятельность. Право становится как инструментом цифровизации, так и объектом ее воздействия. При этом цифровизация национальной правовой системы представляет собой преобразование в цифровую форму информации, используемой и образующейся в ходе функционирования данной системы, включая все ее структур-

ные элементы и субъекты, а также использование цифровых информационных технологий для коренного преобразования процессов, протекающих в рамках данной системы.

В этой связи можно выделить следующие основные направления цифровизации национальной правовой системы:

- 1) цифровизация распространения правовой информации;
- 2) цифровизация нормотворчества;
- 3) цифровизация правоприменения;
- 4) цифровизация процессов правового воспитания, образования и формирования правовой культуры граждан.

1. Цифровизация распространения правовой информации.

Данное направление стало развиваться одним из первых. Это обусловлено важностью правовой информации в процессах коммуникации в правоотношениях. Первоначально осуществлялся перевод в цифровой формат законодательства. Так, в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 февраля 1994 г. № 50 еще Республиканским центром правовой информации был создан и 20 июня 1997 г. принят в промышленную эксплуатацию эталонный банк данных правовой информации — информационно-правовой ресурс, имеющий государственное значение [1]. В дальнейшем происходит постепенный отказ от бумажных носителей правовой информации. Осуществлен переход исключительно к электронному официальному опубликованию правовых актов. В Республике Беларусь с 1 июля 2012 г. официальное опубликование правовых актов, включенных в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, осуществляется на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь [2]. Создаются и широко распространяются специализированные информационно-правовые ресурсы, в том числе и в сети Интернет. Сформирована отдельная отрасль национальной правовой системы, направленная на обеспечение правовой информацией — государственная система правовой информации.

2. Цифровизация нормотворчества направлена на цифровую трансформацию процессов формирования правовых норм. В цифровизации нормотворчества можно выделить следующие направления.

Автоматизация информационно-правового обеспечения нормотворческой деятельности.

Эффективное нормотворчество невозможно без надлежащего информационно-правового обеспечения, представляющего собой систему форм, методов и средств, предназначенных для обеспечения пользователей необходимой информацией (правовой, правоприменительной, экономической и др.). Формирование и развитие государственной системы правовой информации, создание

эталонного банка данных правовой информации в Республике Беларусь позволили обеспечить государственные органы, организации и граждан эталонной правовой информацией, а также соответствующими информационно-правовыми ресурсами, содержащими материалы судебной и иной правоприменительной практики с помощью информационно-поисковой системы «Эталон».

Цифровизация нормотворческого процесса обусловлена применением в ходе подготовки проектов правовых актов информационных систем и ресурсов для обеспечения прохождения проектами всех стадий данного процесса. В современных условиях цифровизация является актуальным направлением совершенствования нормотворческого процесса. В рамках данного направления можно выделить использование общегосударственных автоматизированных систем и информационно-коммуникационной инфраструктуры, например, систем межведомственного электронного документооборота государственных органов; использование специализированных информационных систем и информационных ресурсов, применяемых для автоматизации отдельных этапов нормотворческой деятельности; специализированные информационные системы, обеспечивающие нормотворческую деятельность в рамках одного нормотворческого органа (одной стадии нормотворческого процесса); информационные системы, охватывающие несколько стадий нормотворческого процесса и различные субъекты нормотворческой деятельности; информационные системы, обеспечивающие цифровизацию нормотворческого процесса на всех ее стадиях. Разработка подобных систем, как, например, АИС «Нормотворчество» в Республике Беларусь, позволит создать цифровую платформу для осуществления нормотворческой деятельности, в том числе обеспечить электронное участие граждан в нормотворчестве, проведение экспертиз проектов нормативных правовых актов [3].

Создание машиноисполняемого законодательства как направление цифровизации нормотворческой деятельности носит перспективный характер, предполагает создание правовых норм, пригодных для восприятия искусственным интеллектом, в связи с чем предполагается его применение в правоотношениях. Внедрение в практику применения таких норм позволит ускорить процессы, связанные с исполнением законодательства, обеспечить предсказуемость и надежность правового регулирования для заинтересованных субъектов, исключить в определенной степени необходимость толкования норм.

3. Цифровизация правоприменения направлена на внедрение информационных технологий в процессы применения правовых норм, широкое использование различных информационных систем, баз и банков данных как правовой, так и иной информации.

Значительные возможности цифровизации формируются в области гражданского оборота. В сферу правового регулирования включаются новые общественные отношения, субъектами которых являются «цифровые» личности; появились отношения, связанные с идентификацией субъекта в виртуальном пространстве; в этом пространстве появились новые права человека; широко применяется робототехника и искусственный интеллект. Возникли отношения по поводу цифровых технологий, криптовалют, смарт-контрактов. Так, в Республике Беларусь данные отношения в определенной степени урегулированы Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», который предусматривает внедрение в экономике технологии реестра блоков транзакций (блокчейн), обращение цифровых знаков (токенов), а также совершение и (или) исполнение сделок посредством смарт-контрактов [4].

Цифровые технологии могут существенно повысить качество правоприменения в органах исполнительной власти. Искусственный интеллект ускорит и упростит выполнение правоприменительных полномочий, позволит перейти от «ручного» управления государством к системе цифрового управления, связанного с алгоритмизацией всех решений на общегосударственном и региональном уровнях. Осуществляется переход на электронное взаимодействие граждан с государством, что в значительной степени будет способствовать реализации таких принципов правового государства, как гласность, открытость деятельности органов государственной власти, контроль за их деятельностью со стороны гражданского общества.

4. Цифровизация процессов правового воспитания, образования и формирования правовой культуры граждан направлена на внедрение в данные процессы информационных технологий. Актуальным является создание специализированных правовых ресурсов для различных категорий граждан. В Республике Беларусь с 2008 г. функционирует Детский правовой сайт — специализированный ресурс для детей и подростков, предоставляющий им в доступной форме, в том числе и в форме различных игр правовой тематики, правовую информацию и способствующий выработке у них навыков правопослушного поведения. Сайт «Правовой форум Беларуси» дает возможность гражданам как обсуждать правовые вопросы и получать ответы на них от квалифицированных юристов, так и участвовать в публичном обсуждении проектов правовых актов.

В то же время только предоставления доступа к правовой информации для граждан недостаточно. Требуется также организация системной работы по участию профессиональных юристов в разъяснении различных аспектов применения законодательства. Это может осуществляться в самых различных формах. Например, в Республике Казахстан создана и функционирует Правовая

информационная служба Министерства юстиции, основными целями и задачами которой являются бесплатное консультирование населения по всем правовым вопросам и разъяснение положений действующего законодательства [5]. Подобная служба существует и на Украине [6]. В Российской Федерации к 2022 г. планируется создание единого государственного портала правового просвещения и бесплатной юридической помощи [7]. В Республике Беларусь для этих целей в настоящее время задействована система публичных центров правовой информации. На систематической и безвозмездной основе нотариусами и адвокатами осуществляется оказание юридических консультаций, проведение семинаров и других мероприятий на базе данных центров.

В аспекте цифровизации процессов правового просвещения граждан следует отметить интернет-ресурсы, созданные для участия граждан в обсуждении различных правовых вопросов, в том числе в обсуждении проектов правовых актов. В Беларуси таким ресурсом является сайт «Правовой форум Беларуси». Данный ресурс ведется НЦПИ с 2013 г. и является коммуникативной площадкой для обсуждения гражданами различных вопросов правоприменения и проектов правовых актов. В соответствии со статьей 7 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» сайт «Правовой форум Беларуси» определен в качестве основной интернет-площадки для публичного (общественного или профессионального) обсуждения проектов нормативных правовых актов [8]. С момента создания на данном ресурсе проведено публичное обсуждение 496 проектов нормативных правовых актов, в том числе в 2020 г. — 196.

Следует отметить, что в настоящее время в направлении цифровизации формирования правовой культуры граждан актуальным является развитие онлайн-сервисов, позволяющих им получать правовую информацию, участвовать в обсуждении правовых проблем, в том числе посредством социальных сетей. Важным является также внедрение информационно-коммуникационных технологий в процессы юридического образования.

Таким образом, основными направлениями цифровизации национальной правовой системы являются цифровизация распространения правовой информации, цифровизация нормотворчества, цифровизация правоприменения, цифровизация процессов правового воспитания, образования и формирования правовой культуры граждан. Важным направлением в цифровизации нормотворчества на сегодняшний день является создание автоматизированных информационных систем, обеспечивающих полный цикл подготовки проектов правовых актов, их принятия (издания) и официального опубликования в электронном виде.

1. О мерах по формированию республиканского эталонного банка данных правовой информации [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 1 февр. 1994 г., № 50. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
2. О некоторых вопросах опубликования и вступления в силу правовых актов Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь, 24 февр. 2012 г., № 3 (в ред. от 21 мая 2020 г.). Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
3. Шаршун В. А. Автоматизированная информационная система «Нормотворчество» как средство цифровизации нормотворческого процесса // Развитие информатизации и государственной системы научно-технической информации (РИНТИ-2020): доклады XIX Международной конференции, Минск, 19 нояб. 2020 г. Минск: ОИПИ НАН Беларуси, 2020. С. 188–193. [Вернуться к статье](#)
4. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
5. Правовая информационная служба 119 [Электронный ресурс] // Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан. URL: <http://pis.rkao.kz/#about> (дата обращения: 25.01.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
6. Безоплатна правна допомога [Електронний ресурс] // Координаційний центр з надання правової допомоги. URL: <https://www.legalaid.gov.ua/> (дата звернення: 25.01.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
7. О едином государственном портале правового просвещения и бесплатной юридической помощи: проект Постановления Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#nра=100484> (дата обращения: 25.01.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
8. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

УДК 346.7

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Ю. А. Амельченя

Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь,
ведущий научный сотрудник,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: aua_post@tut.by

Аннотация. Исследуются отдельные аспекты цифровизации в сфере государственных закупок в нормах национального законодательства Республики Беларусь, предлагаются перспективы возможного последующего внедрения цифровых технологий в систему государственных закупок.

Ключевые слова: государственные закупки, цифровизация.

Annotation. The article is searched some aspects of digitization in public procurement legislation in the Republic of Belarus, also the author offers perspectives for further implementation digital technologies in public procurement system.

Keywords: public procurement, digitization.

Вопросы цифровизации находятся в центре внимания практиков, теоретиков, нормотворческих органов, государств в целом, а также региональных интеграционных экономических объединений.

Отметим, что «цифровизация — это прежде всего появление новых цифровых средств и активное их внедрение в экономические отношения» [1]. Между тем цифровизация как таковая — это не что иное, как «способ передачи информации» или «переход на цифровой способ связи, записи и передачи данных с помощью цифровых устройств» [2]. Т. С. Масловская термин digitization (оцифровка) рассматривает как «перевод информации с физических носителей на цифровые»; «изначально создание нового продукта в цифровой форме» [3].

Данное явление трансгранично в том его аспекте, что абсолютно все сферы общественных отношений претерпевают изменения в связи с появлением цифровых информационных технологий.

Это в равной степени справедливо для сферы государственных закупок.

В Республике Беларусь государственными закупками признается приобретение товаров (работ, услуг) полностью или частично за счет бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов получателями

таких средств, а также отношения, связанные с исполнением договора государственной закупки (статья 1 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» (далее — Закон).

Соответствующие отношения тем самым обусловлены регламентацией процедурными нормами, устанавливающими правила для организации и проведения процедур государственных закупок наряду с действием императивных норм бюджетного законодательства.

Л. В. Андреева отмечает: «Применение в сфере закупок технологий, обеспечивающих связность отдельных последовательно сменяющих друг друга этапов закупки, повысит прозрачность закупок и будет способствовать основной цели закупок — достижению планируемого результата закупки.

Эффективность многих из предусмотренных мер может быть значительно повышена при отказе от бумажного документооборота на всех этапах проведения закупок, включая фиксирование конечного результата исполнения контракта и полный переход на электронный документооборот» [3, с. 9].

В то же время «переход к электронным процедурам обусловил необходимость обеспечения прав участников... на беспрепятственный доступ к... электронным площадкам, обеспечению целостности и неизменности передаваемой информации и хранимой информации документов в электронной форме» [4, с. 7–8].

В данном контексте расширения применения электронного документооборота и совершенствования функционала электронных торговых площадок, посредством которых обеспечивается электронный формат проводимых процедур государственных закупок (в полной мере — открытого конкурса, электронного аукциона, процедуры запроса ценовых предложений), полагаем возможным высказать ряд идей, которые могут быть восприняты для последующего совершенствования порядка организации и проведения процедур государственных закупок.

1. Отклонение предложений участников открытых конкурентных процедур государственных закупок (открытого конкурса, электронного аукциона, процедуры запроса ценовых предложений) чаще всего связано с несоблюдением участниками формальных требований к форме предоставления документов и (или) сведений, с неправильным пониманием ими требований к содержанию предложения, включая возможность участников предлагать свои условия для выполнения обязательств, связанных с предметом государственной закупки.

Формальное отклонение, с одной стороны, соответствует требованиям законодательства о государственных закупках, но с другой стороны, в ситуации, когда цена такого отклоняемого предложения меньше цен предложений участников, предложения которых соответствуют формальным требованиям, стано-

вится очевидной нежелательность отклонения. Нередко такая ситуация провоцирует членов комиссии по государственным закупкам игнорировать нарушения в предложении участника с наименьшей ценой с целью определения его победителем. Однако подобное решение является рискованным, дискреционным и может стать основанием для возникновения ситуации коррупционного риска, равно как может свидетельствовать о создании преимущественных условий при проведении процедуры для такого участника, запрещенных антимонопольным законодательством.

Вероятна и обратная ситуация, когда при формальном отклонении предложения участника за несоответствие требованиям законодательства о государственных закупках приобретены товары (работы, услуги) у участника с более высокой ценой, но правильно оформленным предложением с превышением средней рыночной цены, что может свидетельствовать о неэффективном использовании бюджетных средств.

Выбор — отклонять или не отклонять предложение участника, не соответствующего формальным требованиям, но содержащего наименьшую цену, — вариативен и находится в зависимости от решения комиссии по государственным закупкам. Вместе с тем связанные с таким выбором риски могут быть минимизированы посредством автоматизации процесса подачи предложения участниками путем заполнения экранных форм в той части, в которой документы, предоставляемые для подготовки предложения, требуют от участника предоставления документов и (или) сведений; в остальной части, когда заказчиком (организатором) устанавливаются однозначные условия, не подлежащие изменению участниками, от участника может быть запрошено согласие, предоставляемое по форме, устанавливаемой регламентом оператора электронной торговой площадки.

Для обеспечения подобной возможности предлагается предусмотреть размещение заказчиками (организаторами) документов, предоставляемых для подготовки предложения, с заполнением экранной формы на электронной торговой площадке и возможностью установления в заполняемой ячейке требования к предложению участника — изменяемая или неизменная части. Изменяемая часть означает, что участником при подаче предложения в данном разделе (например, предмет процедуры государственной закупки — товар) будут указываться сведения и прикрепляться при необходимости документы; неизменная часть означает, что участник соглашается с конкретным условием документов, предоставляемых для подготовки предложения (проставляет «галочку»). К неизменной части могут относиться, например, сроки поставки, если они установлены заказчиком (организатором) и не подлежат изменению, условия оплаты. Также видится необходимым при приобретении работ, услуг, описание ко-

торых приводится заказчиком (организатором) в документах, предоставляемых для подготовки предложения, в предложении участника в неизменной части соглашаться с заданными условиями, проставляя «галочку». Это обусловлено тем, что фактически описание предлагаемых работ, услуг в предложении участников, когда предметом государственной закупки являются работы, услуги, дублирует содержание документов, предоставляемых для подготовки предложений.

Таким образом, о том, какая часть из документов, предоставляемых для подготовки предложения, неизменная, а какая изменяется участниками, заказчик (организатор) указывает при размещении документов, предоставляемых для подготовки предложения, на электронной торговой площадке.

2. Предлагается использование механизма смарт-контракта в государственных закупках при предоставлении аукционного или конкурсного обеспечения участниками процедур соответственно электронного аукциона, открытого конкурса.

На сегодняшний день принцип предоставления аукционного обеспечения и конкурсного обеспечения идентичен и включает его предоставление оператору электронной торговой площадки, который проверяет его наличие, соответствие его размера и минимального срока действия банковской гарантии требованиям конкурсных документов. В случае если участник не предоставил конкурсное обеспечение или предоставленное аукционное или конкурсное обеспечение не соответствует требованиям документов, предоставляемых для подготовки предложения, оператор электронной торговой площадки уведомляет заказчика (организатора) об этом. При неисполнении обеспечиваемого обязательства оператор электронной торговой площадки перечисляет денежные средства в бюджет и (или) государственный внебюджетный фонд, за счет средств которых предусмотрено финансирование государственной закупки; передает банковскую гарантию заказчику (организатору), в пользу которого гарантия была выдана. Заказчик (организатор) обеспечивает в установленном законодательством порядке перечисление соответствующих денежных средств в бюджет и (или) государственный внебюджетный фонд, за счет средств которых предусмотрено финансирование государственной закупки (статьи 33, 40 Закона).

В этой связи видится возможным автоматизировать процесс предоставления аукционного или конкурсного обеспечения посредством программного кода (смарт-контракта) в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий таким образом: как только в период для подготовки предложений участником подается предложение и предоставляется аукционное или конкурсное обеспечение, такой участник получает право на участие в процедуре государственной закупки.

ки, и доступ к его предложению в установленный срок обеспечивается заказчику (организатору). В случае если аукционное или конкурсное обеспечение не предоставляется в указанный период, право на участие «блокируется», доступ к его предложению заказчику (организатору) не обеспечивается, он лишь уведомляется о том, что таким участником не исполнено обязательство по предоставлению аукционного или конкурсного обеспечения, а заказчик (организатор) в соответствующем протоколе отражает информацию о несоответствии такого участника требованиям документов, предоставляемых для подготовки предложения, и отклоняет его предложение.

Если участником аукционное или конкурсное обеспечение предоставлено, то он участвует в процедуре государственной закупки. При наступлении обстоятельств, являющихся основанием для невозврата такого обеспечения участнику, система перечисляет средства на единый казначейский счет, банковскую гарантию передает в банк-гарант или соответствующую небанковскую кредитно-финансовую организацию для исполнения.

Для реализации предлагаемого механизма потребуется определение смарт-системы, ее владельца и круга участников таких сделок, учитывая, что фактически лица, участвующие в исполнении обеспечительных обязательств, — это оператор электронной торговой площадки, банк или небанковская кредитно-финансовая организация (на первом этапе полагаем возможным участие таких организаций, являющихся резидентами Республики Беларусь), Главное государственное казначейство Министерства финансов Республики Беларусь или территориальные казначейства, поскольку перечисление аукционного или конкурсного обеспечения при неисполнении или ненадлежащем исполнении обеспечиваемых обязательств осуществляется на единый казначейский счет.

Таким образом, возможность структурированного размещения документов, предоставляемых для подготовки предложений, заказчиком (организатором), а также подачи предложений участниками посредством заполнения экранных форм электронной торговой площадки позволит снизить или исключить риски формального нарушения требований законодательства о государственных закупках со стороны как заказчика (организатора), так и участников. Помимо этого, видится целесообразным постепенное использование технологии смарт-контракта в сфере государственных закупок, в частности при предоставлении аукционного или конкурсного обеспечения, а впоследствии, как видится, и при заключении договора государственной закупки и его исполнении.

1. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики [Электронный ресурс] : монография / под ред. И. А. Цинделиани. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Козлов В. Д., Гирина Т. С. . Правовое регулирование информации на конституционном уровне в России [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
3. Масловская Т. С. Цифровая сфера и конституционное право: грани взаимодействия [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
4. Андреева Л. В. Новеллы законодательства о государственных закупках и тенденции его развития // Законы России. 2020. № 6. С. 3–11. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.61

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ РАЗДЕЛА ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ НА ОСНОВАНИИ СОГЛАШЕНИЯ О РАЗДЕЛЕ ИМУЩЕСТВА, ЯВЛЯЮЩЕГОСЯ ОБЩЕЙ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ СУПРУГОВ

С. М. Ананич

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры международного частного и европейского права
факультета международных отношений;

Белорусская нотариальная палата,
заместитель начальника отдела по разработке проектов
нормативных правовых актов и учебно-методической работе,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: s.ananich@tut.by

***Аннотация.** В статье освещаются отдельные аспекты определения способов раздела общего имущества супругов в Соглашении о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов. Особое внимание уделено вопросу о возможности установления в данном соглашении общей долевой собственности.*

***Ключевые слова:** общая совместная собственность супругов, раздел общего имущества супругов, семейные отношения, Соглашение о разделе имущества, общая долевая собственность.*

***Annotation.** The article covers certain aspects of determining the ways of division of common property of spouses in the Agreement on division of property, which is common joint property of spouses. Particular attention is paid to the possibility of establishing common shared property in this agreement.*

***Keywords:** common joint property of spouses, division of common property of spouses, family relations, agreement on division of property, common shared property.*

Законом Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 277-З «Об изменении законов» Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (далее — КоБС) дополнен положениями, предусматривающими возможность заключения супругами Соглашения о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов (далее — Соглашение о разделе общего имущества супругов) [1]. С учетом наличия в законодательстве и опыта длительного применения иных вариантов раздела общего имущества супругов на основе достигнутых ими договоренностей (в частности, Брачного договора и свидетельства о праве собственности на долю в имуществе, нажитом супругами в период брака) требует детального рассмотрения вопрос о допустимых способах раздела общего имущества супругов на основании Соглашения о разделе общего имущества супругов.

Согласно ч. 3 ст. 24 КоБС раздел имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, если иное не предусмотрено Брачным договором в отношении этого имущества, может быть произведен по обоюдному согласию супругов как в период брака, так и после его расторжения путем заключения супругами (бывшими супругами) в письменной форме Соглашения о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, которое подлежит нотариальному удостоверению. Более детальная регламентация отношений, связанных с заключением и исполнением Соглашения о разделе общего имущества супругов, в КоБС отсутствует, однако из приведенной нормы можно выделить основные характеристики данного соглашения: субъектами являются супруги или бывшие супруги; соглашение заключается в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению; предметом соглашения является исключительно раздел общего имущества, которое находится в совместной собственности супругов на момент составления данного соглашения.

В соответствии с Инструкцией о порядке совершения нотариальных действий, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 23 октября 2006 г. № 63 (далее — Инструкция), при удостоверении Соглашения о разделе общего имущества супругов нотариус проверяет факт нахождения имущества в общей совместной собственности супругов. При необходимости нотариус может истребовать документы, подтверждающие время и способ приобретения имущества. В случае если в Соглашении о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, содержатся условия относительно недвижимого имущества, нотариус проверяет факт государственной регистрации недвижимого имущества, прав, ограничений (обременений) прав на него по информации из регистра недвижимости и истребует необходимые документы (п. 60-2 Инструкции).

Условием заключения Соглашения о разделе общего имущества супругов, согласно ч. 3 ст. 24 КоБС и п. 60-1 Инструкции, является отсутствие Брачного договора или отсутствие в данном договоре соглашений относительно того имущества, по поводу которого стороны хотят заключить Соглашение о разделе общего имущества супругов. Данное условие обусловлено тем, что в обоих соглашениях (Соглашении о разделе общего имущества супругов и Брачном договоре) возможно произвести раздел как в отношении одного или нескольких объектов, так и в отношении всего общего имущества супругов. При этом «особенность режима права общей собственности супругов состоит в том, что данный режим создает общность не только на вещи, но и на имущественные права и обязательства, т. е. образуется особый имущественный комплекс», «в этой связи раздел имущества супругов включает в свой предмет и раздел их

общих долгов» [2]. Применительно к определению общих долгов супругов необходимо обратить внимание, что в юридической литературе общие обязательства супругов традиционно рассматриваются как «обязательства, которые возникли по инициативе супругов в интересах всей семьи, или обязательства одного из супругов, по которым все полученное ими было использовано на нужды семьи» [3; 4]. В ст. 24 КоБС имущественные обязательства определяются как «общие долги супругов», а ст. 28 КоБС не только различает «обязательства одного из супругов» и «общие обязательства супругов», но и относит к общим обязательствам супругов обязательства одного из супругов, которые возникли в интересах семьи.

Следует также обратить внимание на такое нотариальное действие, предусмотренное Законом Республики Беларусь от 18 июля 2004 года № 305-З «О нотариате и нотариальной деятельности» (далее — Закон о нотариате), как выдача супругам или бывшим супругам свидетельства о праве собственности на доли в имуществе, нажитом супругами в период брака (далее — свидетельство о праве собственности). Согласно п. 1 ст. 87 Закона о нотариате нотариус по письменному заявлению супругов (бывших супругов) выдает им свидетельство о праве собственности на доли в имуществе, нажитом супругами в период брака. Инструкция (согласно изменениям, вступившим в силу 3 января 2021 года) предусматривает, что свидетельство о праве собственности выдается на равные доли в имуществе, нажитом супругами в период брака (п. 156). Соответственно, существенное отличие между выдачей свидетельства о праве собственности и Соглашением о разделе общего имущества супругов состоит в определении пределов усмотрения супругов: в свидетельстве могут отражаться только равные доли супругов в имуществе, в то время как в Соглашении о разделе общего имущества супругов стороны могут отступить от принципа равенства долей супругов, закрепленного в ч. 1 ст. 24 КоБС.

Вопрос об определении возможных способов раздела общего имущества в Соглашении о разделе общего имущества супругов следует рассматривать на основе анализа сущности раздела общего имущества супругов в доктрине семейного права. Основное различие в подходах проявляется при решении вопроса о возможности считать разделом определение долей в общем имуществе (установление общей долевой собственности) без осуществления фактической передачи вещей. Стоит при этом отметить, что в российской доктрине особый дискуссионный характер данного вопроса обусловлен положениями Семейного кодекса Российской Федерации, в котором, помимо соглашения о разделе общего имущества, упоминается и соглашение об определении долей (ст. 38).

Некоторые исследователи полагают, что раздел имущества означает прекращение общей совместной собственности и появление раздельной собствен-

ности каждого из супругов [5]. Однако наиболее распространенная точка зрения состоит в том, что сущность раздела общего имущества супругов заключается в прекращении общей совместной собственности супругов как результате такого раздела, что возможно осуществить путем передачи имущества в раздельную собственность супругов (в том числе путем передачи одного объекта с выплатой соответствующей компенсации другому супругу) или путем определения долей в общем имуществе [6; 7]. Представляется, что в подтверждение обоснованности данной позиции можно привести следующие аргументы.

В результате определения долей в общем имуществе возникает общая долевая собственность, а результатом раздела имущества в натуре является установление раздельной собственности супругов на соответствующие объекты. В обоих случаях итогом является прекращение общей совместной собственности супругов в отношении общего имущества супругов или его отдельных видов, что как раз и составляет сущность раздела.

В случае, когда в состав общей совместной собственности супругов включено неделимое имущество, стоит обратить внимание на особенности данного имущества, которые делают невозможным его раздел в натуре без нанесения ущерба его назначению. Однако это не означает, что неделимое имущество не может быть разделено иным образом. Раздел возможно произвести путем передачи объекта одному супругу с выплатой компенсации другому супругу. Но использование такого варианта может быть затруднительным при отсутствии у супруга необходимых средств на выплату компенсации или при необходимости обоих супругов в продолжении владения и пользования неделимым имуществом (что характерно для случаев раздела единственного жилого помещения, в котором проживают оба супруга). В данной ситуации раздел можно осуществить с помощью определения долей каждого из супругов в неделимом имуществе, что в итоге также приведет к необходимому при разделе результату — прекращению общей совместной собственности супругов и установлению общей долевой собственности.

Кроме того, важно отметить, что согласно ст. 41 КоБС по заявлению супругов или одного из них суд обязан при вынесении решения о расторжении брака произвести в соответствии со ст. 23–26 КоБС раздел имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, если иное не предусмотрено Брачным договором. Реализуя данные положения семейного законодательства в судебной практике, суды достаточно часто устанавливают в отношении общего имущества супругов долевую собственность путем определения доли каждого из супругов в неделимом объекте. Соответственно, при судебном разделе определение долей супругов и установление долевой собственности рассматривается как вариант раздела общего имущества супругов.

Таким образом, установление общей долевой собственности на все общее имущество супругов или его отдельные виды следует рассматривать в качестве одного из возможных способов раздела общего имущества супругов. Соответственно, в Соглашении о разделе общего имущества супругов может быть урегулирован только вопрос об определении долей супругов в общем имуществе, без передачи в натуре имущества в раздельную собственность супругов.

В итоге Соглашение о разделе общего имущества супругов может предусматривать следующие способы раздела: раздел имущества в натуре с переходом соответствующих частей в раздельную собственность супругов; передача в собственность каждого из супругов различных объектов имущества в пределах принадлежащей каждому из них доли (с соответствующей компенсацией в случае превышения стоимости передаваемого одному из супругов имущества его доле); установление в отношении имущества общей долевой собственности (с определением равных или неравных долей); при разделе одного неделимого объекта имущества установление на данный объект права общей долевой собственности либо передача имущества одному из супругов с выплатой другому супругу соответствующей компенсации. С учетом состава общего имущества супругов на момент его раздела и особых характеристик отдельных объектов возможно использование в Соглашении о разделе общего имущества супругов сочетания различных способов раздела.

1. Ананич С. М. Отдельные вопросы совершенствования семейного законодательства Республики Беларусь // Научные чтения памяти профессора В. И. Семенкова : сб. материалов Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Минск, 7 дек. 2017 г.) / Нац. центр зак-ва и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: С. М. Сивец [и др.]. Минск : Четыре четверти, 2017. С. 228–232. [Вернуться к статье](#)
2. Савельев Д. Б. Соглашения в семейной сфере [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
3. Ломакина П. А. Добровольный раздел общих долгов супругов по российскому праву // Вестн. гражд. права. 2015. № 4. С. 36–53. [Вернуться к статье](#)
4. Полич С. Б. Некоторые особенности правосубъектности лиц — участников гражданских и семейных отношений // Вестн. Перм. ун-та. Юр. науки. 2018. № 4. С. 664–684. [Вернуться к статье](#)
5. Звенигородская Н. Ф. Договор супругов о разделе имущества: взгляд на проблему [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
6. Беспалов Ю. Ф. К вопросу об имущественных правах супругов (бывших супругов) по семейному законодательству Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 37–40. [Вернуться к статье](#)
7. Расторгуева А. А. Раздел имущества между супругами и наследниками: правовые аспекты [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9; 349.2

**НОВЕЛЛЫ КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ:
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТРУДЕ**

А. Г. Апенюк

Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь,
младший научный сотрудник отдела исследований в области гражданского,
экологического и социального права,
магистр юридических наук
e-mail: karpovich-nastasia@mail.ru

***Аннотация.** В статье проведен анализ новелл административно-деликтного законодательства в части регламентации ответственности за нарушение норм законодательства о труде. Выявлены проблемные аспекты ее установления. По результатам проведенного исследования обозначены отдельные направления по дальнейшему совершенствованию законодательства в рассматриваемой области.*

***Ключевые слова:** административная ответственность, законодательство о труде, коллективные трудовые отношения, занятость.*

***Annotation.** In the article the analysis of the novels of the administrative legislation in the field of regulation of responsibility for violation of labor legislation. The problematic aspects of its establishment are revealed. According to the results of the study, certain directions for further improvement of legislation in this area are identified.*

***Keywords:** administrative responsibility, labor legislation, collective labor relations, employment.*

В начале 2021 г. существенные изменения претерпело отечественное административное и процессуально-исполнительное законодательство. Были приняты новые кодексы — Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) [1] и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. Данные кодифицированные акты были введены в действие специальным Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 93-З «О введении в действие кодексов» [2]. Согласно положениям данного акта они вступили в силу с 1 марта 2021 г., а действовавшие ранее утрачивают свою юридическую силу.

Как было отмечено в решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 28 декабря 2020 г. № Р-1247/2020 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях», принятие КоАП обусловлено необходимостью дальнейшего со-

вершенствования правового регулирования административно-деликтных отношений, в том числе с учетом правоприменительной практики [3]. В основу осуществления таких кардинальных изменений была положена необходимость обеспечения системности регулирования общественных отношений, охраняемых административно-деликтным законодательством.

Произведенные изменения административно-деликтного и процессуально-исполнительного законодательства имеют непосредственное значение и для законодательства о труде. В ст. 465 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее — ТК) определено, что юридические и физические лица, виновные в нарушении законодательства о труде, могут нести дисциплинарную, административную, уголовную и иную ответственность в соответствии с законодательством [4].

Так, в ранее действовавшем КоАП нормы, касающиеся ответственности за нарушение законодательства о труде, были закреплены на уровне гл. 9 «Административные правонарушения против здоровья, чести и достоинства человека, прав и свобод человека и гражданина». В новом КоАП данные нормы помещены в гл. 10, действие которой ограничивается административными правонарушениями, посягающими на права и свободы.

Помимо изменения расположения норм, существенные модификации претерпела и сама их структура. В первую очередь, в целях наиболее полного исследования рассматриваемого вопроса мы обратимся к сравнительному анализу утративших силу и действующих статей, устанавливающих ответственность за нарушение законодательства о труде. Во-вторых, наиболее подробно остановимся на особенностях объективной стороны составов таких административных проступков.

В ранее действовавшем КоАП содержалось несколько статей, касающихся ответственности за правонарушения в сфере трудовых и связанных с трудовыми отношений (ст. 9.15, ст. 9.17, ст. 9.18, ст. 9.19, ч. 2, 5 ст. 17.3 и ст. 9.25). В новом КоАП были закреплены следующие статьи: ст. 10.11 «Нарушение законодательства о занятости населения»; ст. 10.12 «Нарушение законодательства о труде»; ст. 10.13 «Нарушение требований по охране труда»; ст. 10.14 «Нарушение правил расследования и учета несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»; ст. 10.18 «Нарушение требований заключения гражданско-правовых договоров».

Даже на первый взгляд мы можем отметить значительное уменьшение количества статей и выделяемых в них составов. Так, ответственность, предусматриваемая за нахождение на рабочем месте в рабочее время в состоянии алкогольного опьянения (ч. 2 ст. 17.3 ранее действовавшего КоАП), отдельно не была закреплена в новом Кодексе. Конечно, в данном случае следует обозна-

читать, что за совершение такого проступка лицо может быть привлечено к ответственности по ч. 1 ст. 19.3 нового КоАП, определяющего в качестве объективной стороны, помимо всего прочего, появление в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность. Вместе с этим, принимая во внимание серьезный характер такого проступка с позиции трудового права, влекущего расторжение трудового договора (п. 7 ст. 42 ТК), недопуск и отстранение работника от работы (п. 1 ч. 6 ст. 49 ТК), полный размер материальной ответственности за причиненный ущерб (п. 4 ст. 404 ТК) и др., также с учетом значения, придаваемого рассматриваемому вопросу в подпрограмме 3 «Предупреждение и преодоление пьянства и алкоголизма, охрана психического здоровья» Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 января 2021 г. № 28 [5], и того факта, что положения ч. 5 ст. 17.3 ранее действовавшего КоАП, устанавливающие ответственность за нахождение на рабочем месте в рабочее время в состоянии, вызванном потреблением без назначения врача-специалиста наркотических средств или психотропных веществ либо потреблением их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, нашли свое закрепление в новом КоАП в ч. 4 ст. 19.3, позволяет констатировать непоследовательный подход законодателя. Принимая во внимание отрицательную правоприменительную статистику по вопросам нарушений работниками трудовой дисциплины, обусловленную нахождением или употреблением на рабочем месте алкогольных напитков, считаем, что реализованное исключение было не совсем обоснованным. С учетом требований нормотворческой техники полагаем, что норма ч. 2 ст. 17.3 ранее действовавшего КоАП может быть включена в структуру нормы ч. 4 ст. 19.3 нового КоАП.

Что касается основных статей, устанавливающих ответственность за нарушение норм законодательства о труде, следует обозначить следующее.

В части ответственности за нарушение законодательства о занятости (ст. 9.15 ранее действовавшего КоАП) изменения коснулись исключительно санкций норм. Были снижены верхние и нижние пределы штрафов, которые могут быть наложены на должностное лицо. Полагаем, что такие изменения в первую очередь обусловлены введением новой системы категоризации правонарушений в зависимости от степени общественной вредности и тяжести последствий, а также в связи с пересмотром и дифференциацией административных взысканий.

В ст. 10.12 нового КоАП были аккумулярованы отдельные положения некоторых статей старого КоАП. Что примечательно, в ранее действовавшем

КоАП также имелась статья (ст. 9.19) с аналогичным наименованием — «Нарушение законодательства о труде». Вместе с этим ее положения не касались нарушений в сфере охраны труда, приема на работу и коллективных трудовых отношений. С позиции важности каждой из рассматриваемых групп определение ответственности на уровне самостоятельной статьи позволяло точнее обозначить основные проблемные аспекты. Однако с точки зрения толкования законодательства используемая в наименовании ст. 9.19 формулировка не отвечала определению термина «законодательство о труде». В ст. 1 ТК оно трактуется как совокупность нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере трудовых и связанных с ними отношений. То есть включает в себя вопросы охраны труда, приема на работу, коллективные трудовые отношения и т. д. В новом КоАП указанную проблему попытались исправить путем объединения в одной статье отдельных нарушений. С одной стороны, такой прием позволил упростить восприятие положений рассматриваемого нормативного правового акта. С другой, данные изменения стали шагом назад на пути обеспечения основных прав работников. Полагаем, что формальное объединение отдельных частей статей в рамках одной общей не способствует достижению необходимой цели. По нашему мнению, законодатель следовало не только остановиться на ранее действовавшей структуре, но и расширить ее, более четко регламентировав вопросы ответственности, как того требует законодательство о труде и правоприменительная практика. С учетом возможности сохранения прежней структуры устранение указанного выше противоречия, касающегося термина «законодательство о труде», возможно путем определения в статье «иных нарушений».

Положения ч. 1 и 2 ст. 9.16 ранее действовавшего КоАП были помещены в ч. 1 ст. 10.12 нового Кодекса. В части отказа в приеме на работу выпускника, направленного на работу в соответствии с заявкой нанимателя или договором о взаимодействии и иного лица, заключение трудового договора с которым является обязательным, законодателем была уточнена формулировка, касающаяся характера такого отказа. Положения указанной нормы были приведены в соответствии со ст. 16 ТК, запрещающей именно «необоснованный отказ» в приеме на работу такой категории граждан. Ранее действовавшая формулировка, по сути, ставила запрет на любой отказ, независимо от причин такого решения. Несмотря на то, что в ч. 4 п. 27 Положения о порядке распределения, перераспределения, направления на работу, последующего направления на работу выпускников, получивших послевузовское, высшее, среднее специальное или профессионально-техническое образование, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 июня 2011 г. № 821, было определено, что при невозможности принятия на работу в соответствии с полученной спе-

циальностью (направлением специальности, специализацией) и присвоенной квалификацией прибывшего по направлению выпускника, а также обеспечения условий, указанных в свидетельстве о направлении на работу, наниматель обязан в трехдневный срок со дня прибытия выпускника к месту работы выдать ему под подпись письменный отказ в приеме на работу с указанием причин [6]. Таким образом, с позиции законодательства о труде реальное значение имеет не любой отказ, а лишь тот, который был сделан без обоснованных причин. Соответственно, административно-деликтное законодательство должно придерживаться аналогичной позиции.

Что касается сферы регулирования коллективных трудовых отношений, внесенные изменения значительно снизили уровень ответственности социальных партнеров. В ранее действовавшей ст. 9.18 КоАП было закреплено три части, каждая из которых имела свою объективную сторону. Даже в условиях ранее существующего правового регулирования действовавшие нормы не охватывали все необходимые основания привлечения к ответственности за нарушения, которые могут возникать в рассматриваемой области. В новом КоАП ответственность за нарушение законодательства в сфере коллективных трудовых отношений и вовсе ограничилась непредоставлением уполномоченным лицом нанимателя информации, необходимой для ведения коллективных переговоров (ч. 2 ст. 10.12). Проведенные изменения обусловили несогласованность ст. 398 ТК с положениями административно-деликтного законодательства, к которому отсылает указанная норма (ответственность за действия, создающие препятствия исполнению своих трудовых обязанностей работником, не участвующим в забастовке). Административная ответственность, к которой сделана отсылка в ст. 398 ТК, в новом КоАП отсутствует.

Следует отметить, что на уровне Рекомендации Международной организации труда от 6 июня 1951 г. № 91 «О коллективных договорах» был закреплен принцип «обязательности и надлежащего исполнения условий коллективных соглашений и договоров, заключенных в результате коллективных переговоров» [7]. В дальнейшем указанный принцип был имплементирован в национальное законодательство. Так, одним из основных принципов социального партнерства в ст. 353 ТК назван принцип обязательности выполнения договоренностей и ответственность за принятые обязательства. Не отрицая добровольные и равноправные начала социального партнерства, обозначим, что в случае принятия сторонами на себя обязательств они должны быть исполнены.

В части регулирования ответственности за нарушение законодательства в сфере коллективных трудовых отношений ни в ранее действовавшем, ни в новом КоАП не была предусмотрена ответственность за необоснованный отказ

нанимателя или лица, его представляющего, от заключения коллективного договора, соглашения. В части нарушения и невыполнения нанимателем или лицом, его представляющим, обязательств по коллективному договору, соглашению ранее действовавший КоАП содержал возможность привлечения к ответственности при условии неисполнения решения трудового арбитража. В новом КоАП данный состав правонарушения и вовсе исключен. Вместе с этим в ст. 387 ТК делается отсылка к соответствующему виду административной ответственности.

Что касается ст. 9.19 ранее действовавшего КоАП, ее положения с определенными изменениями в составах правонарушений и санкциях норм были закреплены на уровне ч. 3, 5, 6 ст. 10.12 нового КоАП. Так, в части нарушений, касающихся заработной платы, объективная сторона была дополнена иными выплатами, причитающимися работнику. Помимо этого, установлена повышенная ответственность за повторное такое нарушение. Положения ч. 4 ранее действовавшего КоАП были детализованы в ч. 6 ст. 10.12 нового КоАП. Так, были обозначены некоторые примеры нарушений, за совершение которых предусматривается административная ответственность (несоблюдение должностным лицом нанимателя установленного порядка приема работников на работу, режима рабочего времени и времени отдыха работников, предоставления им отпусков, а равно нарушения законодательства о труде, причинившие вред работнику, кроме нарушений, предусмотренных ч. 1–5 ст. 10.12).

Таким образом, изменения, касающиеся административной ответственности за нарушения законодательства о труде, не в полной мере отвечают принципу системности и комплексности правового регулирования, закреплённому в п. 9 ст. 6 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» [8]. Положения некоторых отсылочных норм ТК не согласуются с нормами нового КоАП. Без должного внимания остались вопросы, касающиеся ответственности за нарушение законодательства в сфере коллективных трудовых отношений (например, необоснованный отказ в заключении коллективного договора, уклонение от разрешения коллективного трудового спора и др.). Поэтому в целях дальнейшего совершенствования законодательства в исследуемой области нами были обозначены некоторые направления, обеспечивающие согласованность положений трудового и административно-деликтного права.

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. О введении в действие кодексов [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 6 янв. 2021 г., № 93-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
3. О соответствии Конституции Республики Беларусь Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суда Республики Беларусь, 28 дек. 2020 г., № Р-1247/2020. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
4. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2019 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
5. Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 янв. 2021 г., № 28. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
6. Положение о порядке распределения, перераспределения, направления на работу, последующего направления на работу выпускников, получивших послевузовское, высшее, среднее специальное или профессионально-техническое образование [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 июня 2011 г., № 821. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
7. Рекомендация МОТ № 91 о коллективных договорах [Электронный ресурс] : одобр. Генеральной конф. МОТ, 06 июня 1951 г. // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=540 (дата обращения: 10.10.2019). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
8. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г., № 130-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 34.002(06)

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

А. И. Бородич

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
профессор кафедры конституционного и международного права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: alexejborodich@gmail.com

***Аннотация.** Автором предпринята попытка изложить основные аспекты реализации правовых норм в обеспечении национальной безопасности. Акцентировано внимание на задачи, решаемые путем реализации правовых норм и направления в интересах безопасности в условиях цифровизации.*

***Ключевые слова:** национальная безопасность, цифровизация, правовые нормы, реализация, направления, правовая культура, образование.*

***Annotation.** The author attempts to outline the main aspects of the implementation of legal norms in ensuring national security. Attention is focused on the tasks solved by the implementation of legal norms and directions in the interests of security in the context of digitalization.*

***Keywords:** national security, digitalization, legal norms, implementation, directions, legal culture, education.*

Настоящая статья посвящена вопросу реализации правовых норм обеспечения национальной безопасности в условиях цифровизации. Сущность вопроса сводится к формированию новых подходов к исследованию теоретических и прикладных проблем обеспечения национальной безопасности, возникающих как в мировом сообществе, так и на уровне государств. Например, при противодействии преступности, представляющей одну из угроз национальной безопасности, целесообразно использовать все позитивное, связанное с процессами цифровизации, для профилактики, выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений. Поэтому и цель данной статьи заключается в определении направлений реализации правовых норм обеспечения национальной безопасности в условиях цифровизации.

По нашему мнению, обеспечение национальной безопасности в условиях цифровой трансформации личности, общества и государства предусматривает как внедрение прогрессивных технологий, так и качественное совершенствование организационной структуры государственных органов и подготовки высококвалифицированных специалистов, внедрение современных методик правового образования и формирования правовой культуры личности и общества, развитие норм внутригосударственного права, адаптированного к цифровизации.

Обратим внимание, что под национальной безопасностью Республики Беларусь понимается состояние защищенности национальных интересов, представляющих собой совокупность потребностей государства по реализации сбалансированных законных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать права, свободы, высокий уровень жизни человека, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие государства от внутренних и внешних потенциальных или реально существующих угроз [1]. Нельзя не согласиться с тем, что с появлением в мире новых рисков, вызовов и угроз обострились глобальные проблемы человечества, а несовершенство существующей архитектуры международной безопасности и насущные потребности по обеспечению дальнейшего устойчивого развития Беларуси требуют теоретического юридического знания, правового воспитания в формировании правовой культуры личности, общества, особенно в такой многоаспектной сфере, как национальная безопасность [2, с. 2].

Не вызывает сомнения, что информационная сфера в современных условиях глобализации превратилась в системообразующий фактор жизни людей, обществ и государств. Следует отметить усиление роли и влияния средств массовой информации, глобальных коммуникационных механизмов на экономическую, политическую, социальную и иные ситуации в государствах. Информационные технологии нашли широкое применение в управлении важнейшими объектами жизнеобеспечения, которые становятся все более уязвимыми перед случайным или преднамеренным вмешательством в их работу. Мы придерживаемся точки зрения об эволюции информационного противоборства как новой самостоятельной стратегической формы не только глобальной конкуренции, так и преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, распространением практики целенаправленного информационного давления, наносящего существенный ущерб национальным интересам Беларуси и мировому сообществу в целом.

Полагаем, что в сложившихся условиях оценка влияния цифровизации на национальную безопасность, а также на всю социальную сферу весьма важна ввиду совершенствования транснациональной организованной преступности благодаря цифровой трансформации личности, общества и государства. Например, киберпреступность может быть ассоциирована с проблемами национальной безопасности (угрозами государственности, военно-промышленному и производственному комплексу, инфраструктуре жизнеобеспечения и др.) [3].

Изучение опыта обеспечения национальной безопасности и существующей нормативной правовой базы позволяет констатировать, что основными объектами национальной безопасности являются: личность (ее права и свободы); общество (его материальные и духовные ценности); государство (его кон-

ституционный строй, суверенитет и территориальная целостность). Следует добавить, что только на основе безопасности личности, соблюдая, закрепляя, обеспечивая, в первую очередь, ее права и свободы, а также обязанности, имея правовые знания и культуру, можно планировать и осуществлять меры по качественному обеспечению безопасности общества и государства, в том числе реализуя правовые нормы Конституции Республики Беларусь, Концепций национальной, информационной, пограничной безопасности и др. Аналогичным образом безопасность человека соотносится с политической, экономической и другими видами безопасности, которые можно выделить по функциональному признаку, т. е. проблемы, существующие в этих сферах жизнедеятельности, в конечном счете выходят на права человека, поскольку их решение — необходимое условие нормальной жизни каждого человека [4, с. 238].

Автор исходит из того, что для правильного определения приоритетов страны в обеспечении национальной безопасности необходимо: знать состояние военно-политической, оперативной и иной обстановки как в государстве, так и за его пределами; уметь всесторонне ее анализировать (оценивать), делать обоснованные выводы и предложения; оперативно устанавливать угрозы и намечать реальные меры по их предупреждению и нейтрализации. При этом важно учитывать цели обеспечения национальной безопасности и основные направления защиты интересов страны, выраженные в форме определенных конкретных задач, решаемых в нем государственными структурами. Следует добавить, что условием успешного противодействия любым угрозам страны на основе правового образования и сформированной правовой культуры личности и общества является реализация правовых норм по разработке системы мер по их предупреждению и пресечению, особенно касательно возникновения международных и немеждународных конфликтов.

Существенно то, что правовые нормы существуют для того, чтобы целенаправленно воздействовать на волю и сознание людей, побуждая их вести себя так, как предписывает законодательство, регулировать общественные отношения. Иначе говоря, принятие нормативного акта — всего лишь предварительный этап правового регулирования, а главное состоит в том, чтобы на практике осуществлять те меры, которые стали общеобязательной нормой.

Учитывая, что реализация правовых норм представляет собой поведение субъектов права, в котором воплощаются предписания правовых норм, практическая деятельность людей по осуществлению прав и выполнению юридических обязанностей, то реализация норм права есть непосредственный результат правового регулирования, конкретное его проявление.

В научной и учебной литературе по характеру правореализующих действий выделяют четыре формы реализации норм права:

во-первых, соблюдение (воздержание от поступков, запрещенных действующим правом);

во-вторых, исполнение (совершение активных поступков по исполнению юридических обязанностей положительного содержания);

в-третьих, использование (осуществление правомочий лица, правомерные действия по его усмотрению);

в-четвертых, применение (активно-властная деятельность компетентных органов по решению в рамках правовых норм конкретных дел, издание специальных правовых актов).

Заметим, что при осуществлении комплексной, сложной деятельности по обеспечению национальной безопасности одновременно присутствуют все названные формы реализации. Несомненно, государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, исполняя возложенные на них обязанности, в то же время используют определенные права, соблюдая при этом границы своей компетенции. Различают три способа реализации права:

непосредственный, выражающийся в самостоятельной, добровольной реализации права самими субъектами;

опосредованный, при котором реализация права осуществляется государственно-властным правоприменительным решением;

договорной, осуществляемый по взаимному соглашению равноправных субъектов без вмешательства государственных органов.

В заключение следует подчеркнуть, что правовое регулирование должно быть направлено на решение основных задач обеспечения национальной безопасности: разработку и реализацию государственной политики обеспечения национальной безопасности; определение и поддержание необходимого баланса интересов личности, общества и государства; нейтрализацию источников внутренних угроз и защиту от внешних угроз национальной безопасности; обеспечение реализации национальных интересов и устойчивого развития Беларуси; создание системы обеспечения национальной безопасности и организацию ее эффективного функционирования в условиях цифровизации.

Полагаем, что для обеспечения национальной безопасности правовое регулирование должно осуществляться для: совершенствования оперативно-служебной и иной деятельности субъектов обеспечения национальной безопасности в условиях цифровизации; создания современной интегрированной системы ее обеспечения; поиска и внедрения новых форм и способов оперативно-служебной деятельности субъектов, действий государственных органов, орга-

низаций, общественных объединений, граждан, принимающих участие в обеспечении национальной безопасности; совершенствования методов разведывательной, контрразведывательной, оперативно-розыскной деятельности в интересах своевременного вскрытия, прогнозирования и классификации угроз национальной безопасности и принятия адекватных мер по их нейтрализации, смещения приоритетов на противодействие организованным формам противоправных действий, прежде всего, наиболее опасным из них: терроризму, незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, незаконной миграции и др.; повышения эффективности взаимодействия и координации деятельности государственных органов и иных организаций; оптимизации структуры субъектов обеспечения национальной безопасности, систем управления, подготовки; развития сотрудничества с правоохранительными органами сопредельных государств и международными организациями по вопросам безопасности.

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 9 нояб. 2010 г. № 575. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
2. Новая концепция // Рэспубліка. 2010. 13 ліст. С. 2. [Вернуться к статье](#)
3. Boes S. Fighting cybercrime: joint effort / S. Boes, E.R. Leukfeldt // Cyber-Physical Security: Protecting Critical Infrastructure at the State and Local Level. Cincinnati : Springer, 2016. P. 185–205. [Вернуться к статье](#)
4. Барчук В. Б. Безопасность личности в системе национальной безопасности // Проблемы обеспечения национальной безопасности в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28–29 июня 2001 г. : в 2 т. / ИНБ Респ. Беларусь, 2001. Т. 1. С. 236–238. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.422

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФОРМ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА**И. К. Вербицкая**БИП — Университет права и социально-информационных технологий
(Беларусь),

доцент кафедры гражданского права и процесса

e-mail: verb_irina@mail.ru

Аннотация. В научной литературе до сих пор дискуссионным остается вопрос правовой природы форм гражданско-правовой ответственности и их применения при нарушении условий договора строительного подряда. Poleмика, возникшая между учеными-цивиристами и практиками, затрагивает вопросы не только самостоятельности предусмотренных законодательством форм, но и эффективности их применения в рассматриваемом обязательстве.

Ключевые слова: ответственность, проценты, неустойка, убытки.

Annotation. In the scientific literature, the question of the legal nature of the forms of civil liability and their application in violation of the terms of the construction contract is still debatable. The controversy that has arisen between civil scientists and practitioners raises questions not only about the independence of the forms provided for by law, but also about the effectiveness of their application in the obligation under consideration.

Keywords: liability, interest, penalty, losses.

Изучение доктринальных подходов в вопросах применения гражданско-правовой ответственности, ее функций и форм, представленных убытками, неустойкой и процентами за пользование чужими денежными средствами, отражает актуальность и необходимость более глубокого исследования и анализа данного института с возможностью применения полученных результатов в правоприменительной деятельности. Как показывает опыт, право эволюционно, поэтому любое доктринальное понятие меняется, вследствие чего предмет правового регулирования изучаемого института также расширяется и требует нового актуализированного научного подхода. Основу данного исследования представляет современное научное переосмысление теоретико-прикладных аспектов эффективности форм гражданско-правовой ответственности при нарушении условий договора строительного подряда.

Проблема возмещения и применения предусмотренных законом форм ответственности не утратила своей актуальности в силу изменившихся отношений собственности, что привело к появлению в экономических отношениях большого числа действующих субъектов хозяйствования и, как следствие, к возникнове-

нию немалого числа конфликтов и многочисленных нарушений в договорных отношениях. В то же время стоит признать, что ряд важных правовых проблем, связанных с вопросами взыскания убытков, неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами при нарушении условий договора строительного подряда и применения их на практике, не всегда демонстрирует их правовую эффективность и возможность полного возмещения понесенных потерь. В связи с этим возникает необходимость переосмысления сформированных ранее научных взглядов, подходов, концепций по обозначенным вопросам с целью повышения эффективности взаимодействия теории, гражданского законодательства и практики.

Одной из первых форм гражданско-правовой ответственности за нарушение исследуемого нами обязательства следует выделить убытки. Традиционным для гражданского права выступает принцип полного возмещения убытков. Он отражен в ст. 14 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК): «Лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законодательством или соответствующим законодательству договором не предусмотрено иное» [1]. Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Иначе говоря, убытки представляют собой реальные расходы и неполученные доходы.

Определенную сложность структурного анализа убытков можно объяснить тем, что на их содержание оказывают влияние разнообразные факторы, в частности характер нарушения договора, вид и назначение работ, продолжительность нарушения. Тем не менее эти составляющие не всегда являются для правоприменителя, в том числе и для суда, квалифицирующими. При сравнительном рассмотрении типовых видов нарушений договора строительного подряда на первый план выступает общее для всех нарушений последствие — лишение кредитора возможности осуществлять предпринимательскую деятельность из-за неполучения необходимой продукции либо неисполнения каких-либо работ. Таким образом, следует отметить, что для любого кредитора преобладающее значение приобретает уже само по себе отсутствие обязательных компонентов для дальнейшей деятельности, к примеру, осуществления строительных работ либо получения ожидаемого результата этих работ, и, как следствие, проблема выхода из сложившейся ситуации с помощью принятия разумных мер к уменьшению и предотвращению убытков. Предпринятые кредито-

ром конкретные действия образуют состав убытков лишь в части реального ущерба.

Анализ судебной практики показывает фактическое отсутствие решений экономических судов о взыскании убытков, что подтверждает тезис о невозможности для кредитора предоставить доказательства их размера, особенно в части упущенной выгоды. В качестве подтверждения суммы причиненных убытков суды принимают экономические расчеты их величины, а не правовые критерии. Само по себе понятие «оценка» также является экономической категорией до тех пор, пока порядок ее определения не будет зафиксирован нормами права. По аналогии определение убытков не несет в себе денежной оценки до момента их возникновения, хотя предполагает такую возможность потенциально. Но предположение о возможности взыскания убытков и взыскание их в действительности порождают различные правовые последствия для кредитора.

Предполагая возникновение убытков, сложно определить их фактический размер заранее, тем более что законодательство в вопросах возмещения убытков неоднозначно. На этот факт в своей статье «Взыскание убытков в хозяйственном процессе» обращает внимание В. С. Каменков: «Даже на уровне кодифицированных законодательных актов присутствуют и специфика, и неопределенность, и несовершенство правового регулирования по вопросам убытков... и необоснованно взысканные либо невзысканные убытки могут оказать реальное негативное воздействие на финансовое положение конкретной организации. С другой стороны, возникает необходимость некоего унифицированного и одновременно дифференцированного подхода к вопросу о взыскании убытков» [2, с. 103].

В то же время в научных публикациях можно встретить аргументацию, в которой авторы предлагают оставить проблему определения размера убытков на рассмотрение суда. О. В. Савенкова считает необходимым, чтобы «законодатель отдал вопрос об определении размера убытков на усмотрение суда в тех случаях, когда сам факт причинения убытков доказан, но нет возможности установить их точную сумму и ввести в законодательство норму, аналогичную правилу ст.7.4.3 Принципов УНИДРУА, в соответствии с которым, если размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности, определение их размера осуществлять по усмотрению суда [3, с.229].

Отмечая тем самым актуальность вопроса взыскания убытков в полном объеме, ключевой нам видится проблема реализации ответственности в форме убытков из-за сложности процесса доказывания их размера и необходимости обоснования причинно-следственной связи между нарушением обязательства и наступившими убытками.

В результате отсутствия у кредитора возможности доказать наличие причиненных ему убытков ему приходится прибегать к неустойке как более действенной форме гражданско-правовой ответственности, компенсационной по своей природе. Для кредитора данная форма является преимущественной, так как не требует доказывания, а лишь предполагает подтверждение факта неисполнения либо ненадлежащего исполнения условий договора.

В практической деятельности правоприменители склоняются к позиции уравнивать правовую природу убытков с неустойкой и признать их как «производные (аксессуарные) по отношению к договорному обязательству» [4]. Подобная точка зрения, предложенная правоведом М. В. Нехай, подкреплена обоснованием того, что обе формы ответственности схожи, при этом неустойка зачастую рассматривается как заранее оцененные убытки. Мы не разделяем позицию автора в вопросе квалификации неустойки как заранее оцененных убытков, так как алогичность данного тезиса фактически смешивает различные по правовой природе и функциям формы ответственности, которые могут быть взысканы одновременно при условии обоснования их размера.

Анализ действующего законодательства, регламентирующего ответственность сторон по договору строительного подряда, налицо демонстрирует активное применение именно законной неустойки, которая носит зачетный характер по отношению к убыткам. Мы не ставим под сомнение действенность данного вида ответственности как способа снижения риска, а лишь констатируем, что законодатель закрепил преимущественно эту форму гражданско-правовой ответственности, в силу чего она подлежит применению даже при отсутствии соответствующего указания в самом договоре. Рассматриваемые судами споры о взыскании неустойки, как правило, затрагивают вопрос ее размера. В результате происходит столкновение регламентированных наукой гражданского права принципа общедозволительного метода регулирования, при котором стороны самостоятельно могут согласовать размер неустойки, и принципа равенства сторон, участвующих в обязательстве, цель которого — надлежащее его исполнение, а в случае нарушения принятого на себя обязательства — обеспечение полноты возмещения. Тем не менее гражданское законодательство в вопросах неустойки в ряде случаев придерживается принципа ее ограничения. Так, ст. 314 ГК дает суду право на уменьшение размера неустойки в случае ее явной несоразмерности последствиям нарушения обязательства [1].

Закрепленное в договоре условие о неустойке стоит считать оправданным, так как оно служит укреплению договорной дисциплины на фоне убытков, которые в полном объеме не решают задачу компенсации потерь кредитора.

Особой формой гражданско-правовой ответственности, не менее актуальной для осуществления и реализации имущественного оборота, доктрина и законодательство Республики Беларусь выделяют проценты за пользование чужими денежными средствами. М. И. Брагинский в данной форме ответственности видит «абсолютный прикладной характер, результатом которой служит недобросовестность должников в кризисе неплатежей» [5, с. 676–677]. Безусловно, включение данной нормы в ГК послужило защите прав и законных интересов участников гражданского оборота от возможных нарушений их прав и стало абсолютной новеллой действующего законодательства.

Среди белорусских ученых исследованием и комплексным анализом проблемы взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами занимались В. Ф. Чигир, Д. Д. Ландо, И. Верховодко и др. Позиция ученых по вопросу правовой природы процентов, изложенная в их работах, однозначна. По их мнению, это особая форма гражданско-правовой ответственности. Свою точку зрения ученые обосновывают тем фактом, что рассматриваемая норма ст. 366 ГК [1] применяется вместе с нормами о неустойке и убытках, при этом отмечается, что для ранее действовавшего законодательства она представляла собой лишь статью об учете инфляции при просрочке исполнения денежного обязательства.

Как справедливо отмечает А. М. Хужин, «законодательное закрепление форм гражданско-правовой ответственности позволит четко разграничивать данные меры от иных мер защиты, что позволит более эффективно использовать институт ответственности в практической деятельности» [6, с. 46].

Подводя итог, отметим, что на сегодняшний день правоприменительная практика показывает преимущественное применение лишь неустойки, изредка — процентов за пользование чужими денежными средствами, что свидетельствует о необходимости дальнейшего развития гражданского законодательства в вопросе применения убытков как ключевой компенсационной формы гражданско-правовой ответственности, способствующей обеспечить баланс интересов сторон договора. Эффективность неустойки как формы гражданско-правовой ответственности за нарушение условий договора строительного подряда сегодня выступает одним из актуальных и оперативных средств компенсации потерь кредитора на фоне иных предусмотренных законом форм.

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.06.2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Каменков В. С. Взыскание убытков в хозяйственном процессе // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. 2007. № 7. С.102–106. [Вернуться к статье](#)
3. Комаров А. С. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА. М. : Статут, 2013. 758 с. [Вернуться к статье](#)
4. Нехай М. В. Неустойка за просрочку возмещения убытков в гражданско-правовом договоре. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
5. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. Изд. 2-е, испр. М. : «Статут», 1999. 848 с. [Вернуться к статье](#)
6. Хужин А. М. О проблемах теории и практики применения гражданско-правовой ответственности // Российский правовой журнал. 2020. № 1. С. 45–48. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9.01

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПО ПРОБЛЕМАМ СТАРЕНИЯ****Т. И. Вишневская**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин,
магистр юридических наук
e-mail: Tanya-shukailo@yandex.ru

***Аннотация.** В настоящее время в Республике Беларусь наблюдается интенсификация демографического старения населения, в связи с чем возникает потребность развития политики в данной сфере. В представленной статье проанализированы особенности действующего в стране законодательства и политики по вопросам, связанным со старением населения. С целью улучшения реализации комплексной политики по проблеме старения населения видится необходимым принятие комплексного Закона Республики Беларусь «О пожилых лицах», а также создание отдельного специального органа (Национального совета) по вопросам пожилых людей.*

***Ключевые слова:** демографическое старение населения, пожилые люди, государственная политика.*

***Annotation.** Currently, the Republic of Belarus is experiencing an intensification of the demographic aging of the population, and therefore, there is a need for policy development in this area. The article analyzes the features of the current legislation and policy in the country on issues related to the aging of the population. In order to improve the implementation of a comprehensive policy on population ageing, it is considered necessary to adopt a comprehensive law of the Republic of Belarus «On Older persons», as well as to create a separate special body (National Council) on ageing and older persons.*

***Keywords:** demographic aging of the population, elderly people, state policy.*

Основным Законом нашей страны — Конституцией — провозглашено, что Республика Беларусь является социальным правовым государством, в котором человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Тем самым государство взяло на себя обязательство по созданию условий для свободного и достойного развития каждой личности независимо от пола, возраста, вероисповедания и т. д. Основные права и свободы граждан, включая граждан пожилого возраста, закреплены в разделе II Конституции Республики Беларусь: право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, на охрану здоровья и бесплатную медицинскую помощь, право на доступ к культурно-образовательным ценностям, на квалифицированную правовую помощь, право на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления [1]. Во исполне-

ние и развитие Конституции принят ряд нормативных правовых актов: законы Республики Беларусь «О социальном обслуживании», «О государственных социальных льготах, правах и гарантиях для отдельных категорий граждан», «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь», указы Президента Республики Беларусь «О государственной поддержке пенсионеров», «О пенсионном обеспечении отдельных категорий граждан», «О совершенствовании пенсионного обеспечения», «О государственной адресной социальной помощи», постановление Министерства социальной защиты Республики Беларусь «Об утверждении Инструкции о порядке оказания нуждающимся пожилым и нетрудоспособным гражданам материальной помощи из средств Фонда социальной защиты населения Министерства социальной защиты Республики Беларусь», постановление Совета Министров Республики Беларусь, Национального банка Республики Беларусь «О плане совместных действий по повышению финансовой грамотности населения на 2019–2024 годы» и др. Кроме того, в настоящее время в стране реализуется Государственная программа «Социальная защита» на 2021–2025 годы и Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы.

Следует отметить, что социальная политика Республики Беларусь основывается на важнейших международных правовых документах — Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах и направлена на развитие социальной сферы, совершенствование условий, образа и качества жизни граждан, обеспечение их жизненных потребностей, оказание гражданам социальной поддержки и защиты. Вместе с тем трансформационные изменения общественной структуры белорусского общества обуславливают необходимость изменения вектора социальной политики страны в сторону повышения роли пожилых людей, обеспечения возможности каждому человеку любого возраста жить достойно, свободно, безопасно и с практической возможностью полной реализации своего человеческого потенциала и сохранения здоровья.

Республика Беларусь с сентября 2002 года активно участвует в реализации Региональной стратегии осуществления Мадридского международного плана действий по проблемам старения, в которой предусмотрены следующие мероприятия: 1) обеспечение органичного отображения проблем старения во всех областях политики с целью приведения общества и экономики в гармонию с демографическими сдвигами, построение доступного общества для людей всех возрастов; 2) обеспечение максимальной интеграции и участия пожилых людей в жизни общества; 3) содействие равноправному и устойчивому экономическому развитию в ответ на проблемы старения; 4) корректировка системы социальной защиты с учетом демографических изменений и их последствий;

5) обеспечение рынкам рабочей силы возможности реагировать на экономические и социальные последствия старения населения; 6) содействие непрерывному обучению и совершенствованию системы образования к изменяющимся экономическим, социальным и демографическим условиям; 7) стремление к улучшению качества жизни в любом возрасте и содействие к сохранению самостоятельности, включая здоровье и благосостояние; 8) принимать во внимание гендерные факторы в стареющем обществе; 9) поддержка семьям, ухаживающим за людьми пожилого возраста, укрепление понимания и солидарности между разными поколениями; 10) содействие выполнению Региональной стратегии осуществления Мадридского международного плана действий по проблемам старения [2].

Эффективность государственной политики в области старения в большой степени зависит от институциональной структуры, т. е. организационно-координирующей основы, служащей для определения и проведения политики в отношении пожилых людей. В нашей стране главным государственным органом по проблемам старения выступает Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь (Минтруда и соцзащиты). Также в его структуре работает Межведомственная комиссия по проблемам пожилых людей, ветеранов, лиц, пострадавших от последствий войн, и официально уполномоченный координатор по вопросам старения.

Несомненно, рост демографической нагрузки на трудоспособное население в связи с увеличением численности граждан пожилого возраста относится к основным рискам и угрозам развития человеческого потенциала. В связи с этим государственная политика включает в себя совершенствование и обеспечение социально-правовой защиты и создание достойных условий существования пожилых лиц, обеспечение условий, способствующих продлению активной жизнедеятельности пожилых людей; социальное обеспечение граждан в старости. В настоящее время в Республике Беларусь действует Национальная стратегия в интересах пожилых граждан «Активное долголетие — 2030» [3]. Этот документ направлен на определение целей, принципов, задач и приоритетных направлений государственной политики Республики Беларусь с учетом демографических тенденций и рисков, связанных со старением населения. Стратегия призвана объединить усилия различных ведомств и обеспечить рациональное использование имеющихся возможностей и средств для повышения продолжительности, уровня и качества жизни, признания ценности вклада пожилых людей в социальную, экономическую и культурную жизнь страны.

Таким образом, Республика Беларусь формирует и развивает государственную политику, направленную на обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучия для всех в любом возрасте. Вместе с тем считаем це-

лесообразным принятием комплексного Закона Республики Беларусь «О пожилых лицах», в котором необходимо объединить все основные права, свободы, гарантии и льготы пожилых людей как особо уязвимой категории населения, включая пенсионное и медицинское обеспечение, социальное обслуживание, доступ к культурным мероприятиям, организацию досуга и др. Также считаем, что надлежащую институциональную основу реализации комплексной политики в отношении старения может обеспечить создание отдельного специального органа (Национального совета) по вопросам пожилых людей. Национальный совет может стать постоянно действующим органом по вопросам государственной политики в сфере обеспечения прав граждан пожилого возраста, осуществляющим координацию и выработку согласованных действий, направленных на обеспечение выполнения положений Мадридского международного плана по проблемам старения и других международных правовых документов. Национальный совет может формироваться из представителей Парламента, Администрации Президента, руководителей республиканских органов государственного управления, местных исполнительных и распорядительных органов, представителей общественных организаций, ученых, занимающихся вопросами старения. Важнейшей задачей Национального совета должна стать всеобъемлющая оценка социальной политики и программ в отношении пожилых людей. Кроме того, эффективная реализация политики в отношении стареющего населения невозможна без наличия специальных бюджетных средств. Поэтому введение в республиканский бюджет статей расходов в отношении конкретных групп населения по возрастному и гендерному признаку может в этом контексте рассматриваться как одно из обязательных условий.

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Региональная стратегия осуществления Мадридского международного плана действий по проблемам старения [Электронный ресурс] : Конференция министров ЕЭК ООН по проблемам старения, Германия, 11–13 сентября 2002 г. // Европейская экономическая комиссия. URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/pau/_docs/ece/2002/ECE_AC23_2002_2_Rev6_r.pdf (дата обращения: 30.01.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. О Национальной стратегии Республики Беларусь «Активное долголетие — 2030» [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 3 дек. 2020 г., № 693. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.7

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА И (ИЛИ) ИНСТРУМЕНТОВ: НОВАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**О. Ф. Воспякова**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
e-mail: vitolga8356@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме совершенствования уголовного законодательства в сфере незаконного оборота средств платежа и (или) инструментов.

Ключевые слова: банковские платежные карты, платежные средства, платежные инструменты, средства платежа.

Annotation. The article is devoted to the problem of improving criminal legislation in the field of illegal circulation of means of payment and (or) instruments.

Keywords: bank payment cards, means of payment, payment instruments, means of payment.

Успешное экономическое развитие любого государства требует постоянного совершенствования всех составляющих его экономики, в том числе и платежной системы, которая должна обеспечивать надежное, безопасное и качественное проведение расчетов как на внутреннем, так и на внешнем рынке, соответствовать современным тенденциям и международным стандартам. Для этого используются разнообразные платежные инструменты и средства платежа, поддельные варианты которых могут быть использованы для совершения общественно опасных деяний при расчетах и обороте финансовых ресурсов.

В числе преступлений против порядка осуществления экономической деятельности Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК) (в редакции Закона Республики Беларусь от 11 ноября 2019 г.) предусматривает ст. 222, регламентирующую ответственность за изготовление либо сбыт поддельных платежных средств. В качестве предмета преступления в части 1 статьи 222 указаны поддельные банковские пластиковые карточки, чековые книжки, чеки и иные платежные средства, не являющиеся ценными бумагами [1]. В этой части уголовное законодательство не в полной мере соответствует нормам Банковского и Гражданского кодексов Республики Беларусь. Так, согласно ст. 29 Банковского кодекса Республики Беларусь законными платежными средствами на территории нашего государства являются банкноты и монеты, выпущенные в оборот Национальным банком [2]. В ст. 144 Гражданского кодекса Республики Беларусь в числе ценных бумаг указаны чеки [3]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что формулировка предмета преступления в вышеуказанной редакции ст. 222 УК не позволяет установить четкие критерии его отграни-

чения от предмета преступления в ст. 221 УК, предусматривающей ответственность за изготовление, хранение либо сбыт поддельных денег или ценных бумаг.

Поэтому является вполне закономерным изменение названия ст. 222 УК, а также содержания ее первой части в соответствии с Законом Республики Беларусь № 85-З от 6 января 2021 года «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» [4]. В соответствии с этим законом название ст. 222 УК «Незаконный оборот средств платежа и (или) инструментов». В качестве предмета преступления указаны банковские платежные карточки, иные платежные инструменты и средства платежа. В отношении банковской платежной карточки это вполне согласуется со ст. 273 Банковского кодекса Республики Беларусь, в соответствии с которой она является платежным инструментом для получения наличных денежных средств, а также производства расчетов в безналичной форме [2]. Иные платежные инструменты в диспозиции статьи не указаны. Дело в том, что единое понятие «денежный инструмент» в белорусском законодательстве отсутствует. Если обратиться к законодательству других государств на постсоветском пространстве, то можно отметить, что в Законе Республики Казахстан «О платежах и платежных системах» под платежным инструментом понимается платежный документ или средство электронного платежа, на основании или с использованием которого осуществляется платеж и (или) перевод [5]. В Законе Украины «О платежных системах и переводе средств в Украине» платежный инструмент определяется как средство определенной формы на бумажном, электронном или ином носителе информации, который используется для инициирования переводов [6]. По существу, речь идет о средствах (способах) передачи информации о платежах, которые могут осуществляться как в наличной, так и безналичной форме. Поэтому, кроме банковских платежных карточек, к платежным инструментам можно отнести платежное поручение, платежное требование, инкассовое поручение, чек, платежное извещение и т. п.

В новой редакции ст. 222 УК в качестве предмета преступления также указаны средства платежа. Согласно Положению об использовании кассового и иного оборудования при приеме средств платежа, утвержденному постановлением Совета Министра и Национального банка Республики Беларусь от 06.07.2011 г. № 924/16, к таковым относятся как наличные, так и безналичные денежные средства, а также электронные деньги [7]. Но, как уже отмечалось, поддельные денежные средства выступают в качестве предмета преступления в ст. 221 УК. В связи с этим, на наш взгляд, представляется целесообразным более подробно сформулировать предмет рассматриваемого преступления,

что позволит отграничить его от предмета так называемого фальшивомонетничества (ст. 221 УК).

Для примера можно обратиться к ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за неправомерный оборот средств платежа. По существу содержание этой статьи во многом сходно со ст. 222 УК, но предмет преступления изложен более подробно. Это могут быть поддельные платежные карты, распоряжения о переводе денежных средств, документы или средства оплаты (за исключением случаев, предусмотренных ст. 186 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая регламентирует ответственность за изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг), электронные средства, электронные носители информации, технические устройства, компьютерные программы, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств [8]. Подобная трактовка позволяет разграничить составы преступлений, предусмотренные ст. 187, 186 Уголовного кодекса России (ст. 221 и ст. 222 УК соответственно).

Развитие экономики невозможно без совершенствования системы денежного оборота, расширения сферы безналичных расчетов с использованием современных платежных инструментов. Вместе с тем растет и количество преступлений с применением современных информационных технологий (прежде всего хищений), в процессе совершения которых используются данные, позволяющие получить неправомерный доступ к чужим денежным средствам, находящимся на банковских счетах и электронных кошельках. Так, по данным МВД Республики Беларусь, в 2020 г. количество хищений путем использования компьютерной техники возросло в 2,7 раза, а в январе 2021 г. — в 6,2 раза, причем многие из них совершены в крупных и особо крупных размерах.

Поэтому весьма актуальна еще одна новация в ст. 222 УК, которая дополнила объективную сторону этого преступления таким действием, как незаконное распространение реквизитов банковских платежных карточек либо аутентификационных данных, посредством которых возможно получение доступа к счетам либо электронным кошелькам [4]. Тем самым расширена сфера применения данной уголовно-правовой нормы.

В качестве предмета незаконного распространения выступают реквизиты банковских платежных карт (номер банковской карты, срок ее действия, PIN-код и т. п.), аутентификационные данные (имя пользователя, пароль, ПИН-код, код подтверждения).

Уголовная ответственность за незаконное распространение наступает только при условии, что оно совершено из корыстных побуждений. В этой связи можно предположить, что в процессе применения ст. 222 УК в новой редак-

ции возникнут проблемы в отграничении этого преступления от соучастия в виде пособничества в хищении путем использования компьютерной техники (ст. 212 УК).

Представляется, что изменения и дополнения, внесенные в ст. 222 УК Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г., являясь актуальными в свете современных реалий, тем не менее не в полной мере отвечают потребностям судебно-следственной практики и требуют дальнейшего совершенствования.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.11.2019 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 25 окт. 2000 г. № 441-З : принят Палатой представителей 3 окт. 2000 г. : одобрен Советом Респ. 12 окт. 2000 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. Закона Респ. Беларусь от 11.11.2019 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.06.2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 06 янв. 2021 г., № 85-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. О платежах и платежных системах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 26 июля 2016 г., № 11-VI : в ред. Закона Респ. Казахстан, 05.01.2021 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38213728 (дата обращения: 24.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Официальный вебпортал парламента Украины [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/ru/2346-14?lang=ru#Text> (дата обращения: 24.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Об использовании кассового и иного оборудования при приеме средств платежа [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь и Национального банка Респ. Беларусь, 6 июля 2011 г., № 924/16 : в ред. Постановления Совета Министров Респ. Беларусь и Национального банка Респ. от 15 мая 2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

8. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 34.343.5

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****Р. С. Вульвач**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
e-mail: vulvachr@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает вопросы актуальности совершенствования уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, административная преюдиция, порнографические материалы, изготовление, хранение, трансляция, публичная демонстрация.

Annotation. The author examines the relevance of improving criminal responsibility for crimes against public morality.

Keywords: criminal liability, administrative prejudice, pornographic materials, production, storage, broadcast or public display.

Современные тенденции в области формирования духовно-нравственного состояния белорусского общества основываются на принципах гуманистического воспитания у подрастающего поколения тех ценностей, которые соответствуют общественным требованиям и в то же время совпадают с внутренними убеждениями каждой личности, так как именно духовные ценности для человека выполняют важную роль в процессе выбора направляющих ориентиров самосовершенствования, а достижение поступательного развития всего общества возможно только при условии недопущения девальвации духовных ценностей отдельных его членов.

В настоящее время в Республике Беларусь создана достаточно сбалансированная законодательная база, направленная на профилактику и пресечение явлений, угрожающих нравственному потенциалу нашего общества. Значительное место в правовой системе государства по защите общественной нравственности отведено уголовно-правовым средствам, которые предусмотрены Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее — УК) и включают в себя целый комплекс норм, регламентирующих уголовную ответственность за преступления против общественной нравственности, в том числе и за действия в отношении порнографических материалов и предметов порнографического характера как одного из видов данных преступлений.

Ранее действующее уголовное законодательство в ч. 1 ст. 343 УК (в редакции Закона Республики Беларусь от 11 ноября 2019 г. № 253-З) предусматривало уголовную ответственность за такие деяния, как:

- изготовление порнографических материалов, печатных изданий, изображений или иных предметов порнографического характера с целью их распространения или рекламирования;
- их хранение с целью распространения или рекламирования;
- распространение указанных предметов преступления;
- их рекламирование;
- трансляция или публичная демонстрация порнографических материалов, печатных изданий, изображений, кино-, видеофильмов или сцен порнографического содержания или иных предметов порнографического характера [1].

Подобная конструкция объективной стороны данного преступления закрепляла юридическую тождественность всех перечисленных деяний без учета степени общественной опасности как содеянного, так и лиц, их совершивших.

В то же время в ходе анализа эффективности правоприменительной практики и результатов достижения целей уголовной ответственности в данной области представилось возможным обратить особое внимание на необходимость совершенствования действовавшего уголовного законодательства с целью реализации в полной мере принципа справедливости и индивидуализации уголовной ответственности как основополагающего принципа уголовного закона.

Одним из средств, направленных на установление дифференцированного подхода к закреплению объективной стороны преступления при совершении незаконных действий в отношении порнографических материалов или предметов порнографического характера, явилось принятие Закона Республики Беларусь № 85-З от 06 января 2021 года «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» (далее — Закон). В рамках Закона конструкция диспозиции ч. 1 ст. 343 УК претерпела существенные изменения. Законодателем было декриминализовано впервые совершенное хранение с целью распространения или рекламирования либо распространение, рекламирование порнографических материалов, печатных изданий, изображений, кино-, видеофильмов или сцен порнографического содержания, иных предметов порнографического характера. Для привлечения к уголовной ответственности за данные деяния обязательным признаком объективной стороны стало время совершения преступления, а именно выполнение действий в течение года после наложения административного взыскания за аналогичные правонарушения [2]. В то же время, если лицо изготовило с целью распространения или рекламирования либо

совершило деяния, связанные с трансляцией или публичной демонстрацией любых материалов, отнесенных к порнографическим, уголовная ответственность наступает и за впервые содеянное, без наличия административной преюдиции. Подобный подход законодателя по юридическому разграничению перечисленных деяний, по нашему мнению, носит обоснованный характер и имеет существенное значение при определении вида и размера наказания за совершенное преступление, так как в распространении такого рода материалов могут принимать участие не только изготовители, но и лица, которые сами получили их во временное пользование, когда содержание данных материалов воспринимается и осознается хотя бы одним посторонним человеком, помимо его обладателя. Неизменным остался подход законодателя к определению субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 343 УК, — это умышленная форма вины в виде прямого умысла и наличие цели распространения или рекламирования при совершении определенных действий, перечисленных в данной статье.

Нельзя не отметить и того факта, что диспозиция ч. 2 ст. 343 УК также законодательно изменена и из объективной стороны данного преступления исключено указание на способ совершения незаконных действий в отношении различного рода материалов, носящих порнографический характер, а именно совершение их с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования либо выделенной сети электросвязи. Данный подход законодателя по устранению неоднозначности в понимании уголовно-правовых дефиниций представляется правильным и обоснованным на современном этапе развития коммуникаций, когда транслирование любой информации, в том числе и порнографической, становится практически невозможным без использования перечисленных видов связи.

Исходя из указанных нововведений в ч. 2 ст. 343 УК, по нашему мнению, представляется целесообразным вести речь о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь в данной сфере, так как ранее действующая формулировка объективной стороны, основанная на указании об использовании глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования либо выделенной сети электросвязи, продолжает применяться в ч. 2 ст. 343-1 УК, что свидетельствует об отсутствии единого подхода в формировании квалифицирующих признаков смежных составов преступлений.

В то же время в связи с принятием Закона действующее уголовное законодательство Республики Беларусь в ч. 2 ст. 343 УК дополнено обязательным признаком субъективной стороны преступления, таким как корыстные побуждения лица при совершении им изготовления, хранения с целью распростране-

ния или рекламирования, а равно распространение, рекламирование, трансляция или публичная демонстрация порнографических материалов и всех иных предметов, перечисленных в ч. 1 ст. 343 УК, при этом для привлечения к уголовной ответственности в данном случае не требуется административной преюдиции за указанные деяния.

Признавая своевременность и актуальность введения в действие указанной новации, хотелось бы отметить, что такие корыстные побуждения, как стремление получить выгоду материального характера для себя или же для близких, а равно избавить от материальных затрат тех же лиц, не в полной мере, по нашему мнению, отражают все те низменные побуждения и цели, которые свидетельствуют о повышенной степени общественной опасности совершаемых виновным деяний и за совершение которых должна быть предусмотрена уголовная ответственность без учета наличия административной преюдиции. Помимо корыстных побуждений, к ним может быть отнесена месть. Кроме того, как основание для привлечения лица к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 343 УК без соблюдения правил административной преюдиции представляется возможным признать и совершение указанных действий с целью унижить честь и достоинство другого человека, выраженное в неприличной форме, то есть совершенное с целью оскорбления, что приобретает особую значимость в связи с исключением с 14 апреля 2021 года из действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь ст. 189, которая ранее предусматривала уголовную ответственность за оскорбление [2].

Немаловажное значение по обеспечению уголовно-правовой защиты законных прав и интересов граждан в области борьбы с преступлениями против общественной нравственности, и в частности в вопросе противодействия распространению порнографических материалов, имеет установление в ч. 2 ст. 343 УК более строгой уголовной ответственности за деяния, связанные с распространением, рекламированием, трансляцией или демонстрацией таких материалов заведомо несовершеннолетнему, когда такие действия предпринимаются лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста [1].

Однако, по нашему мнению, наличие данного правового института в действующем уголовном законодательстве Республики Беларусь не позволяет вести речь о достаточно полной защите всех категорий подрастающего поколения, так как понятием несовершеннолетнего в уголовном праве охватывается огромный пласт членов нашего общества, а именно всех лиц, которые на день совершения преступления не достигли восемнадцатилетнего возраста [1], а следовательно, речь ведется и о подростке, который перешагнул возраст шестнадцати лет и обладает правом половой свободы, и о ребенке, на которого рас-

пространяется понятие половой неприкосновенности и защита интересов которого в данной сфере всецело возложена на государство.

В контексте изложенного автором видения складывающейся ситуации по совершенствованию уголовного законодательства нашего государства в рамках борьбы с преступлениями против общественной нравственности представляется целесообразным проведение в научных кругах и среди практических работников правоохраняемых органов дискуссии по вопросу о необходимости унификации понятий, образующих объективную сторону преступлений, предусмотренных ст. 343 и ст. 343-1 УК, и о возможности введения в Уголовный кодекс Республики Беларусь особо квалифицированного состава данного преступления, закрепив его в ч. 3 ст. 343 УК и тем самым предусмотрев уголовную ответственность за распространение, рекламирование, трансляцию или демонстрацию заведомо малолетнему порнографических материалов, печатных изданий, изображений, кино-, видеофильмов или сцен порнографического содержания, иных предметов порнографического характера, совершенных лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 06 янв. 2021 г., № 85-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 342.57

**О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ МЕХАНИЗМЕ ПРИНЯТИЯ АКТОВ
ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ****Е. П. Гуйда**

Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь,
старший научный сотрудник отдела исследований
в области государственного строительства и международного права
e-mail: guida-lena@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы принятия актов местного самоуправления в Республике Беларусь и Российской Федерации. Обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования процессуального механизма принятия актов местного самоуправления.*

***Ключевые слова:** граждане, местное самоуправление, местные Советы депутатов, стадии.*

***Annotation.** The article deals with the issues of adopting acts of local self-government in the Republic of Belarus and the Russian Federation. The necessity of further improvement of the procedural mechanism for the adoption of acts of local self-government is grounded.*

***Keywords:** citizens, local self-government, local Councils of deputies, stages.*

Местное самоуправление является неотъемлемой чертой правового государства и демократии, а также права населения самостоятельно решать проблемы местного значения. Расширение форм прямого участия граждан в государственных делах и общественных инициативах, повышение роли местных сообществ определяется в качестве одного из направлений развития местного самоуправления в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. В частности, в указанной Программе отмечается, что необходимо создание правовых и социально-экономических условий, при которых для каждого человека, социальной группы будет обеспечена возможность активного участия в процессе принятия решений [1].

Суть местного самоуправления проявляется в непосредственном и самостоятельном решении вопросов местного значения населением. При этом от качества такой деятельности населения непосредственно зависит эффективность осуществления как самого местного самоуправления, так и его отдельных элементов, в частности правотворческого (нормотворческого) процесса.

Основными нормотворческими органами системы местного самоуправления являются местные Советы депутатов — представительные государствен-

ные органы, создаваемые в установленном законодательстве порядке на территории соответствующих административно-территориальных единиц.

Нормотворческая деятельность местных Советов депутатов проводится на основе Конституции Республики Беларусь [2], Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» [3], Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» [4] и других актов законодательства. Каждый местный Совет депутатов организует свою работу также на основе регламента, утверждаемого Советом, в котором определяются порядок подготовки, внесения и рассмотрения вопросов на сессиях Совета и заседаниях его органов, голосования по принимаемым решениям, формирования и деятельности комиссий Совета.

Местные Советы депутатов в рамках своей компетенции принимают нормативные правовые акты в форме решений. При осуществлении деятельности издают правовые акты в пределах своей компетенции председатель Совета депутатов (распоряжения), президиум и постоянные комиссии местного Совета депутатов (решения).

В юридической литературе отмечается, что сложностью муниципального правотворческого процесса обуславливается объективная потребность в разграничении его на определенные этапы (стадии). Следует отметить, что в современной научной и учебной литературе выделяется различное количество стадий (этапов) правотворческого (нормотворческого) процесса. Большинство ученых выделяют такие стадии, как внесение проекта правового акта в компетентный орган или должностному лицу местного самоуправления, обсуждение проекта, принятие и опубликование (обнародование) правового акта. Например, российский ученый М. А. Васильев выделяет девять стадий муниципального процесса (изучение, анализ общественных явлений в муниципальном образовании, выявление потребности их правовой регламентации; определение местных органов — субъектов права, правомочных принять правовое решение, определение вида правового акта; принятие решения о подготовке правового акта; разработка концепции будущего акта; подготовка проекта правового акта; предварительное рассмотрение проекта акта; общественное обсуждение проекта; официальное рассмотрение проекта акта соответствующим органом с соблюдением необходимых, заранее установленных и обнародованных (опубликованных) процедур; принятие правового акта; его окончательное оформление, подписание, опубликование, вступление в законную силу) [5, с. 28]. Указанная схема правотворческого (нормотворческого) процесса отражает детальный порядок осуществления действий компетентных органов и должностных лиц, це-

лю которых является принятие правового акта и обеспечение его вступления в силу.

Некоторые ученые (И. Н. Баранов) приводят определение понятия муниципального правотворческого процесса, раскрывающее его сущность не только в узком, но и в широком смысле: это осуществляемая на основе комплексных планов, непрерывная, целенаправленная, стадийная, политико-правовая деятельность населения, органов и должностных лиц местного самоуправления по выявлению потребностей в правовом регулировании общественных отношений, возникающих при осуществлении местного самоуправления, а также по разработке проектов правовых актов, их экспертной оценке, обсуждению и принятию правовых актов, их промульгации в нормативно установленном порядке [6, с. 38].

В ст. 36 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» определены стадии нормотворческого процесса: планирование нормотворческой деятельности; нормотворческая инициатива; подготовка проекта нормативного правового акта, включая проведение его согласования и экспертиз; принятие (издание) нормативного правового акта; проведение обязательной юридической экспертизы в отношении нормативных правовых актов областных и Минского городского Советов депутатов; включение нормативного правового акта в Национальный реестр правовых актов; официальное опубликование нормативного правового акта [4].

В правовой доктрине указывается на различие в осуществлении процедуры принятия правовых актов в зависимости от субъекта правотворческой деятельности. Так, для нормотворческого процесса органов местного самоуправления характерна ограниченность действия правовых актов территорией административно-территориальной единицы, более активное участие населения в нормотворческой деятельности, сокращенные временные сроки разработки и принятия правовых актов, а также более высокая конкретизация их предмета.

В национальном законодательстве процедура принятия правовых актов органов местного самоуправления (местных Советов депутатов) закреплена в Законе Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», а также в регламентах местных Советов депутатов. Согласно ст. 13 Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» решения принимаются на сессии Совета простым большинством голосов от числа избранных депутатов тайным или открытым голосованием, в том числе поименным.

Предложения по вопросам для рассмотрения на сессии Совета могут вносить председатель Совета, президиум и другие органы Совета, депутаты Совета, председатель исполкома (глава местной администрации), исполком (местная

администрация), органы территориального общественного самоуправления, местные собрания.

Как показывает зарубежный опыт, круг субъектов правотворческой инициативы в представительные органы достаточно широк. Согласно ст. 46 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» проекты муниципальных правовых актов могут вноситься депутатами представительного органа муниципального образования, главой муниципального образования, иными выборными органами местного самоуправления, главой местной администрации, органами территориального общественного самоуправления, инициативными группами граждан [7]. Данный перечень не исчерпывается названными субъектами правотворческой инициативы. В указанной норме отмечено, что уставами муниципальных образований могут быть определены иные субъекты правотворческой инициативы.

В научной литературе многими учеными подвергается критике наделение правотворческой инициативой такое большое количество должностных лиц. Исходя из сущности местного самоуправления, некоторыми исследователями предлагается правотворческой инициативой наделять граждан, местные общественные объединения (т. е. местные социально-политические и экономические структуры, которые активно участвуют в жизни города, поселка, заинтересованы в решении вопросов местного значения).

Согласно ст. 35 Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» граждане имеют право по вопросам местного значения в установленном порядке вносить в Совет проекты решений или мотивированные предложения о необходимости принятия, изменения, дополнения, толкования, приостановления действия, признания утратившими силу, отмены решений Совета либо их отдельных положений. Проекты решений по вопросам местного значения, внесенные гражданами в Совет, подлежат обязательному рассмотрению на сессии Совета с участием представителей граждан, а результаты рассмотрения — опубликованию в местных средствах массовой информации [3].

Можно выделить характерные черты, присущие нормотворческой инициативе граждан по принятию решений местного Совета депутатов:

1) инициатива граждан может касаться только вопросов местного значения, т. е. тех, которые затрагивают интересы граждан, проживающих в границах соответствующей административно-территориальной единицы, и тех вопросов, которые в соответствии с законодательством относятся к компетенции местных Советов депутатов;

2) субъектом при реализации инициативы граждан выступают жители конкретного города, поселка, достигшие совершеннолетнего возраста;

3) инициатива граждан по принятию решений местного Совета депутатов может выражаться как в составленном проекте решения, так и в форме мотивированных предложений;

4) проект решения, внесенного в порядке реализации инициативы граждан, подлежит обязательному рассмотрению местным Советом депутатов; при соблюдении всех требований, относящихся к проекту решения, он должен быть рассмотрен на сессии местного Совета депутатов с участием представителей граждан.

В национальном законодательстве (Законе «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь») не определяются требования к количественному составу граждан по реализации инициативы. По мнению Е. В. Семашко, термин «граждане», употребленный во множественном числе, позволяет говорить о том, что достаточно, чтобы с инициативой по принятию решений выступило не менее двух человек [8, с. 52].

Анализ регламентов местных Советов депутатов в Республике Беларусь показывает, что четкого механизма реализации нормотворческой инициативы граждан по принятию решений местных Советов депутатов не установлено. Также не определена процедура проведения публичных слушаний, не закреплен механизм учета предложений, высказанных гражданами на публичных слушаниях. Решение этого вопроса видится во включении в регламенты местных Советов депутатов проведения публичных слушаний, а также механизма учета предложений, т. е. обязательного участия представителей публичных слушаний на заседаниях местных Советов депутатов при обсуждении проекта нормативного правового акта.

Необходимо отметить, что в ряде субъектов Российской Федерации публичные слушания рассматриваются как один из этапов правотворческого процесса. В Уставах г. Брянска, г. Калининграда, г. Омска предусмотрено, что для обсуждения проектов правовых актов по вопросам местного значения могут проводиться публичные слушания.

Исходя из вышеизложенного следует, что в национальном законодательстве (в регламентах местных Советов депутатов) не находят полного и системного закрепления ряд этапов процедуры принятия нормативных правовых актов (решений местных Советов депутатов). Анализ регламентов местных Советов депутатов показал, что они отличаются несколько разнообразными подходами к закреплению механизма принятия решений местных Советов депутатов. Предлагается детализировать и конкретизировать отдельные этапы процедуры принятия решений местных Советов депутатов с целью привлечения граждан

при обсуждении проектов нормативных правовых актов (решений местных Советов депутатов) и учета их предложений.

Механизм реализации нормотворческой инициативы граждан нуждается в дальнейшем совершенствовании. Наделение граждан нормотворческой инициативой позволяет: учесть общественные потребности и запросы отдельных групп в регулировании тех или иных отношений; расширить возможности принятия нормативных правовых актов, отражающих интересы населения; обеспечить гласность и информированность населения по вопросам нормотворчества.

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс]: одобр. протоколом № 10 заседания Президиума Совета Министров Респ. Беларусь, 2 мая 2017 г. // Министерство экономики Респ. Беларусь. URL: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-gazvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (дата обращения: 01.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 15 марта 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. / Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 108-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Васильев М. А. Нормотворческий процесс в муниципальных образованиях : организация и технология // Обнинск : Ин-т муницип. упр., 2002. 88 с. [Вернуться к статье](#)

6. Баранов И. Н. Муниципальный правотворческий процесс : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 2016. 197 л. [Вернуться к статье](#)

7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации, 6 окт. 2003 г., № 131-ФЗ : в ред. Федер. закона Рос. Федерации от 29.12.2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. Семашко Е. В. Возможности местного самоуправления в реализации ценностей социального государства // Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3–4 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2019. С. 50–54. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.6

ПАНЯЦЕ І ВІДЫ ДАПАМОЖНЫХ РЭПРАДУКТЫЎНЫХ ТЭХНАЛОГІЙ ПА ЗАКАНАДАЎСТВЕ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

Н. В. Дзенісенка

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны,
магістрант спецыяльнасці «юрыспрудэнцыя»
e-mail: nadyusha.denisenko2016@tut.by

Анотацыя. У артыкуле аналізуецца заканадаўства Рэспублікі Беларусь па пытаннях дапаможных рэпрадуктыўных тэхналогій. Разглядаюцца азначэнні кожнага з метадаў дадзеных тэхналогій, вызначаюцца іх асаблівасці, выяўляюцца ўмовы і парадак іх правядзення. Робіцца выснова пра станоўчыя тэндэнцыі развіцця беларускага заканадаўства і арыентацыі дзяржавы на павышэнне нараджальнасці насельніцтва.

Ключавыя словы: дапаможныя рэпрадуктыўныя тэхналогіі, экстракарпаральнае апладненне, штучная інсемінацыя, сурагатнае мацярынства.

Annotation. The article analyzes the legislation of the Republic of Belarus on assisted reproductive technologies. The definitions of each of the methods of these technologies are considered, their features are determined, the conditions and the procedure for their implementation are identified. It is concluded that there are positive trends in the development of Belarusian legislation and that the state is focused on increasing the birth rate of the population.

Keywords: assisted reproductive technologies, in vitro fertilization, artificial insemination, surrogacy.

З развіццём медыцыны, біялогіі і геннай інжынерыі стала магчымым тое, што раней нават нельга было сабе ўявіць. Асобы, якія ў сувязі з медыцынскімі захворваннямі не маглі мець дзяцей, атрымалі шанс стаць бацькамі. Усё гэта стала магчымым дзякуючы ўжыванню метадаў дапаможных рэпрадуктыўных тэхналогій.

Прававой асновай рэгулявання грамадскіх адносін у сферы прымянення дапаможных рэпрадуктыўных тэхналогій з'яўляецца Закон Рэспублікі Беларусь ад 7 студзеня 2012 года № 341-З «Аб дапаможных рэпрадуктыўных тэхналогіях» (далей — Закон) [1], які змяшчае асноўныя азначэнні, што тычацца дапаможных рэпрадуктыўных тэхналогій, арганізацыйныя асновы іх прымянення, рэгулюе пытанні донарства палавых клетак, іх захоўвання і выкарыстання, замацоўвае правы пацыента пры прымяненні дапаможных рэпрадуктыўных тэхналогій, умовы і парадак прымянення названых тэхналогій.

Згодна з артыкулам 1 Закона пад дапаможнымі рэпрадуктыўнымі тэхналогіямі разумеюцца метады аказання медыцынскай дапамогі, пры якіх

асобныя ці ўсе этапы зачацця і (або) ранняга развіцця эмбрыёна (эмбрыёнаў) да пераносу яго (іх) у матку ажыццяўляюцца ў лабараторных умовах.

Артыкул 3 Закона да відаў дапаможных рэпрадуктыўных тэхналогій адносіць такія тэхналогіі, як экстракарпаральнае апладненне, штучная інсемінацыя і сурагатнае мацярынства [1]. Экстракарпаральнае апладненне і штучную інсемінацыю можна аб'яднаць адным тэрмінам «штучнае апладненне».

Метад штучнага апладнення мае доўгую гісторыю станаўлення. Яшчэ 28 ліпеня 1995 года Жозэф Жэраар прадставіў Парыжскаму медыцынскаму факультэту дысертацыю на тэму «Уклад у гісторыю штучнага апладнення», заснаваную на ўласнай практыцы (600 выпадкаў унутрысямейнага асемяннення). Аднак і Жозэф Жэраар не быў першаадкрывальнікам штучнага апладнення. У канцы XVIII стагоддзя абат Спаланцані правёў штучнае апладненне сабакі. У 1799 годзе Уільям Хантэр першым апрабаваў гэты метада на чалавеку, апладніўшы жанчыну спермай яе мужа [2, с. 89].

У 1883 годзе суд горада Бардо вынес рашэнне па справе паміж доктарам дэ Лажартрам і адной з яго пацыентак, якая падверглася штучнаму асемянненню, адхіліўшы прэтэнзіі доктара на атрыманне ганарару: «Штучнае асемянненне супраціўна законам прыроды, можа прадстаўляць сапраўдную сацыяльную небяспеку, а таму ў імя падтрымання годнасці шлюбу належыць перашкодзіць пераносу падобных метадаў з вобласці Навукі ў вобласць Практыкі... Гэты метада выступае пасрэднікам паміж мужам і жонкай, якія прымяняюць штучныя сродкі, што супраціўна натуральнаму парадку рэчаў» (пераклад наш. — Н. Д.) [3, с. 106].

25 ліпеня 1978 года ў Англіі нарадзілася Луіза Браўн — першае дзіця, зачатае метадам *in vitro*. У цяперашні час колькасць такім чынам зачатых і народжаных дайшло да дзясяткаў тысяч [2, с. 90].

У Законе ўтрымліваюцца легальныя азначэнні кожнага з названых відаў дапаможных рэпрадуктыўных тэхналогій.

Экстракарпаральнае апладненне — гэта від дапаможных рэпрадуктыўных тэхналогій, які заключаецца ў злучэнні сперматазоіда і яйцаклеткі па-за арганізмам жанчыны, развіцці эмбрыёна, які ўтварыўся ў выніку гэтага злучэння, і далейшым пераносе дадзенага эмбрыёна ў матку [1].

Важным адрозненнем экстракарпаральнага апладнення з'яўляецца тое, што злучэнне сперматазоіда і яйцаклеткі адбываецца па-за арганізмам жанчыны і ў матку пераносіцца менавіта эмбрыён.

Неабходнай умовай прымянення экстракарпаральнага апладнення з'яўляецца пісьмовая заява пацыенткі. Калі ж пацыентка знаходзіцца ў шлюбе, то неабходна таксама пісьмовая згода яе мужа [1].

Часткай 2 артыкула 19 Закона вызначана, што для ўтварэння эмбрыёнаў пры экстракарпаральным апладненні могуць быць выкарыстаны:

- донарскія яйцаклеткі, донарскія сперматазоіды (калі ж пацыентка не знаходзіцца ў шлюбе, то могуць быць выкарыстаны сперматазоіды толькі ананімнага донара);
- палавыя клеткі асоб, якія знаходзяцца ў шлюбе паміж сабой і якія сумесна звярнуліся за прымяненнем экстракарпаральнага апладнення;
- яйцаклеткі жанчыны, якая не знаходзіцца ў шлюбе і якая звярнулася за прымяненнем экстракарпаральнага апладнення.

Штучная інсемінацыя — гэта від дапаможных рэпрадуктыўных тэхналогій, які заключаецца ва ўвядзенні мужчынскіх палавых клетак у матку штучным шляхам [1].

Такім чынам, у адрозненне ад экстракарпаральнага апладнення, у матку жанчыны ўводзяцца менавіта мужчынскія палавыя клеткі, а развіццё эмбрыёна адбываецца ўжо ў целе жанчыны.

Неабходнай умовай прымянення штучнай інсемінацыі з'яўляецца пісьмовая заява пацыенткі (калі пацыентка знаходзіцца ў шлюбе, — таксама пісьмовая згода яе мужа). Для штучнай інсемінацыі могуць быць выкарыстаны сперматазоіды мужа пацыенткі або донарскія сперматазоіды. Сперматазоіды мужа пацыенткі могуць быць выкарыстаны без іх крыякансервацыі і праходжання каранціннага перыяду. Пры штучнай інсемінацыі пацыентка, якая знаходзіцца ў шлюбе, можа выкарыстоўваць донарскі матэрыял толькі ў тым выпадку, калі сперматазоіды яе мужа не могуць быць выкарыстаны па стане яго рэпрадуктыўнага здароўя [1]. У адрозненне ад экстракарпаральнага апладнення метада штучнай інсемінацыі не выклікае прычанняў у даследчыкаў з нагоды супярэчнасці яго асобным фундаментальным правам і свабодам чалавека.

Большасць псіхалагаў лічаць, што, каб пазбегнуць непаразуменняў, дзіцяці, зачатаму з дапамогай метадаў штучнага апладнення, неабходна паведаміць пра яго паходжанне. Да дасягнення дзіцём паўналецця асобы, запісаныя ў якасці бацькоў, маюць права самі прымаць рашэнне аб неабходнасці раскрыцця такой інфармацыі. З дасягненнем паўналецця дзіця павінна мець права ведаць аб сваім генетычным паходжанні незалежна ад меркавання бацькоў.

Па агульным правіле прававыя адносіны паміж маці і дзіцём узнікаюць у сілу факта іх кроўнага сваяцтва. Гэта палажэнне не выклікае сумненняў і ў выпадку прымянення штучнага апладнення, калі ў якасці донара выступаюць будучыя бацькі дзіцяці. Аднак у выпадках, калі донар яйцаклеткі і жанчына, якая прагне мець дзіцяці з дапамогай штучных метадаў рэпрадукцыі, не супадаюць у адной асобе, выказваюцца розныя пункты гледжання.

Аўстралійскія навукоўцы Х. Фінлей і Дж. Сіхомбінг лічаць, што жанчына, якая нарадзіла дзіця, можа лічыцца маці толькі ў тым выпадку, калі скарыстаная яйцаклетка належыць ёй. На думку Я. Дргонца і П. Холендара, пры вырашэнні пытання аб мацярынстве важней за ўсё мэта, якая праследуецца штучным апладненнем. Так як мэта штучнага апладнення складаецца ў пераадоленні бясплоднасці, то для пазбаўлення ад псіхічных растройстваў, якія ўзнікаюць у сілу таго, што жанчына не можа мець дзіця, маці варта прызнаць тую жанчыну, якая заявіла аб жаданні мець дзіця, атрыманае шляхам штучнага апладнення. Іншая жанчына, даўшая сваю яйцаклетку, заўсёды з'яўляецца донарам, і яна не мае ніякіх правоў на дзіця [4, с. 162].

У навуковай літаратуры штучнае апладненне вызначаюць з розных прававых пунктаў гледжання. А. В. Майфат разглядаў паняцце «штучнае апладненне» праз тлумачэнне спосабу рэпрадуктыўнай дзейнасці, калі жанчыне-заяўніцы ўводзіцца донарскаі матэрыял (сперма ці яйцаклетка), пры гэтым зачацце адбываецца ў целе жанчыны-заяўніцы, якая затым выношвае і нараджае дзіця [5, с. 26, 27].

Аднак гэтае вызначэнне не ўлічвае штучнай інсемінацыі спермай мужа.

А. В. Грыгаровіч указвала, што сутнасць метаду штучнага апладнення заключаецца ў тым, што яйцаклетка жанчыны апладняецца шляхам увядзення ў яе сперматазоідаў з дапамогай тэхнічных сродкаў [6, с. 20].

Г. І. Літвінава прыводзіць шэсць варыянтаў штучнага нараджэння, звязаных з імплантацыяй эмбрыёнаў: а) атрыманая яйцаклетка жонкі апладняецца мужам і імплантуецца ў арганізм жонкі; б) атрыманая яйцаклетка жонкі апладняецца донарам і імплантуецца ў арганізм жонкі; в) яйцаклетка іншай жанчыны апладняецца мужам і імплантуецца ў арганізм жонкі; г) яйцаклетка іншай жанчыны апладняецца донарам і імплантуецца ў арганізм жонкі; д) яйцаклетка жонкі апладняецца мужам, але імплантуецца ў арганізм іншай жанчыны; е) яйцаклетка жонкі апладняецца донарам, але нараджае іншая жанчына [7, с. 119]. У пунктах «д» і «е» ў дадзеным выпадку гаворка ідзе пра яшчэ адзін метада дапаможных рэпрадуктыўных тэхналогій — сурагатнае мацярынства.

Згодна з артыкулам 1 Закона сурагатнае мацярынства — гэта від дапаможных рэпрадуктыўных тэхналогій, які заключаецца ў злучэнні сперматазоіда і яйцаклеткі, узятай з арганізма генетычнай маці, або донарскай яйцаклеткі па-за арганізмам жанчыны, развіцці эмбрыёна, які ўтварыўся ў выніку гэтага злучэння, далейшым пераносе дадзенага эмбрыёна ў матку сурагатнай маці, выношванні і нараджэнні ёю дзіцяці [1]. Зыходзячы з гэтага вызначэння, можна зрабіць выснову аб тым, што сурагатнае мацярынства заснавана на экстракарпаральным апладненні, аднак галоўным адрозненнем

з'яўляецца тое, што эмбрыён пераносіцца ў матку сурагатнай маці. Аналізуючы Закон, можна вылучыць наступныя асаблівасці сурагатнага мацярынства:

1) сурагатнае мацярынства ўжываецца на аснове дагавора сурагатнага мацярынства, які падлягае натарыяльнаму засведчанню;

2) паслугай сурагатнай маці можа скарыстацца толькі жанчына, для якой выношванне і нараджэнне дзіцяці па медыцынскіх паказаннях фізіялагічна немагчымы альбо звязаны з рызыкай для яе жыцця і (або) жыцця яе дзіцяці; такім чынам, занятасць на працы, боязь сапсаваць цяжарнасцю фігуру і г. д. не з'яўляюцца падставамі для прымянення сурагатнага мацярынства;

3) для апладнення яйцаклеткі генетычнай маці могуць быць выкарыстаны сперматазоіды яе мужа ці донарскія сперматазоіды; калі ж пацыентка не знаходзіцца ў шлюбе, то могуць быць выкарыстаны толькі сперматазоіды ананімнага донара;

4) для апладнення донарскай яйцаклеткі могуць быць выкарыстаны толькі сперматазоіды мужа жанчыны, якая скарысталася донарскай яйцаклеткай;

5) сурагатная маці не можа адначасова быць донарам яйцаклеткі (яйцаклетак) у дачыненні да жанчыны, якая заключыла з ёй дагавор сурагатнага мацярынства [1].

Такім чынам, да метадаў дапаможных рэпрадуктыўных тэхналогій адносяцца экстракарпаральнае апладненне, штучная інсемінацыя і сурагатнае мацярынства. Закон утрымлівае легальныя азначэнні названых метадаў. Галоўным адрозненнем экстракарпаральнага апладнення ад штучнай інсемінацыі з'яўляецца тое, што ў матку жанчыны пераносіцца менавіта эмбрыён, які развіўся ў выніку злучэння сперматазоіда і яйцаклеткі па-за целам жанчыны. Сурагатнае мацярынства, у сваю чаргу, заснавана на метадзе экстракарпаральнага апладнення. Галоўным адрозненнем сурагатнага мацярынства з'яўляецца наяўнасць такога суб'екта, як сурагатная маці, у матку якой і пераносіцца эмбрыён.

Наяўнасць у Законе азначэнняў, звязаных з метадамі дапаможных рэпрадуктыўных тэхналогій, а таксама рэгуляванне Законам парадку і ўмоў іх прымянення з'яўляюцца станоўчымі тэндэнцыямі развіцця беларускага заканадаўства і сведчаць аб зацікаўленасці дзяржавы ў лячэнні бясплоднасці і, як вынік, у павышэнні нараджальнасці насельніцтва.

1. О вспомогательных репродуктивных технологиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 07 янв. 2012 г. № 341-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2021. URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 13.04.2020). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Романовский Г. Б. Правовая охрана материнства и репродуктивного здоровья : монография. М. : Проспект, 2016. 216 с. [Вернуться к статье](#)

3. Гаварина Л. Искусственное оплодотворение: сто лет дебатов // Пол, секс, человек. М., 1993. С. 105–107. [Вернуться к статье](#)
4. Александров И. Ф. Правовое регулирование применения искусственных методов репродукции человека: семейно-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. 2016. № 4. С. 159–164. [Вернуться к статье](#)
5. Майфат А. В. «Суррогатное материнство» и иные формы репродуктивной деятельности в новом Семейном кодексе РФ // Юридический мир. 2000. № 2. С. 19–33. [Вернуться к статье](#)
6. Григорович Е. В. Искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона человека: Семейно-правовой аспект : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук на соискание ученой степени кандидата юридических наук ; Науч. рук. И. П. Гришин ; Юридический институт МВД России. М., 1999. 23 с. [Вернуться к статье](#)
7. Литвинова Г. И. Правовые аспекты искусственного оплодотворения // Советское государство и право. 1981. № 9. С. 119–123. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.85

УЯСНЕНИЕ СУЩНОСТИ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ «ПОДБРОСА НАРКОТИКОВ» В КОНТЕКСТЕ ПРОФИЛАКТИКИ ТАКИХ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ

А. Н. Дрозд

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
факультета милиции,
кандидат юридических наук
e-mail: drozd-mvd@tut.by

Аннотация. В статье рассматриваются варианты уголовно-правовой квалификации незаконного размещения наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов у неосведомленного лица с целью обвинения его в совершении преступления. Делается вывод, что точная квалификация, основанная на уяснении сущности подобных деяний, и, соответственно, строгость мер уголовной ответственности являются необходимыми элементами предупреждения совершения таких общественно опасных действий.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, наркотические средства и психотропные вещества, уголовная ответственность, квалификация.

Annotation. The article examines the options for the criminal-legal qualification of illegal placement of narcotic drugs, psychotropic substances or their precursors or analogues with an uninformed person with the aim of accusing him of committing a crime. It is concluded that an exact qualification based on an understanding of the essence of such acts, and, accordingly, the severity of criminal liability measures are necessary elements to prevent the commission of such socially dangerous acts.

Keywords: illegal drug trafficking, narcotic drugs and psychotropic substances, criminal liability, qualifications.

В последнее время в зарубежных средствах массовой информации периодически встречаются сообщения о фактах размещения наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов (далее — наркотические средства) в вещах или объектах другого лица без его ведома с целью обвинения последнего в совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, проще говоря, — о «подбросе наркотиков» [1–3]. Несмотря на то, что подобные ситуации не являются типичными для нашей страны, их квалификация, ввиду своей сложности, представляет определенный научный и практический интерес.

Отличительной чертой таких противоправных действий является их цель, а именно привлечение невинного лица к уголовной ответственности. Иные

цели, например временное размещение наркотических средств в квартире или личной кладви другого лица без его ведома с целью обезопасить себя при хранении или перемещении наркотических средств через границу, не могут считаться «подбросом» в полном понимании содержания данного действия, а скорее являются вариантами использования «дропов» (т. е. неосведомленных лиц) при посредственном исполнении совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов [4, с. 198].

В зависимости от субъекта совершения таких незаконных действий можно выделить два основных варианта квалификации. Рассмотрим их подробнее.

1. Первый вариант незаконных действий заключается в «подбросе» наркотических средств физическим лицом, не являющимся должностным, иными словами, — в совершении преступления общим субъектом. Такие действия могут быть совершены по различным мотивам: из личной неприязни, из хулиганских побуждений, мести [5], ревности, из благих намерений, например, подтолкнуть потерпевшего к лечению от наркотической зависимости. При указанных обстоятельствах «подброс наркотиков», как правило, содержит в себе сразу несколько составов преступлений.

Во-первых, по нашему мнению, такие действия должны квалифицироваться как сбыт наркотических средств по одному из составов преступлений, предусмотренных ч. 2–4 ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК). Однако данная позиция не является бесспорной и требует некоторых пояснений. Так, как известно, незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов представляет собой как возмездную, так и безвозмездную их передачу другим лицам, которая может быть осуществлена посредством продажи, дарения, обмена, уплаты долга, одалживания и иным способом [6]. С учетом видового объекта данного преступления, а именно общественных отношений, обеспечивающих законный, безопасный для здоровья населения оборот наркотических средств либо инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным контролем [7, л. 60], не имеет значения дальнейшая судьба сбываемых наркотических средств — потребление их новым собственником, передача другим лицам, уничтожение или признание доказательством по уголовному делу и т. д. По нашему мнению, сбыт оканчивается не принятием его новым незаконным приобретателем, а выполнением исполнителем преступления объективной стороны — реализацией наркотических средств, что в данном случае проявляется через отказ лица, осуществляющего «подброс», от прав собственности на наркотические средства и их признание за другим лицом [8, с. 59]. При этом, как правило,

в действиях виновного лица также будет содержаться состав незаконного приобретения наркотических средств с целью их сбыта, за исключением случаев законного получения наркотических средств (по медицинским показаниям по рецепту), либо незаконного приобретения наркотических средств без цели сбыта (например, для личного потребления), квалифицируемого по ч. 1 ст. 328 УК, и последующем формировании умысла на сбыт.

Во-вторых, в тех случаях, когда виновное лицо самостоятельно также сообщает в правоохранительные органы о наличии у другого лица «подброшенных» тому наркотических средств, то также возможна квалификация его действий по ч. 2 ст. 400 УК как заведомо ложный донос о совершении преступления, соединенный с обвинением в тяжком или особо тяжком преступлении, а также с искусственным созданием доказательств обвинения. А в случаях участия виновного в «подбросе» в качестве свидетеля при производстве предварительного следствия, дознания или в суде его действия подлежат дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 401 УК.

При этом на квалификацию не влияет, был ли осуществлен «подброс» в отсутствие потерпевшего, в его присутствии, но незаметно для него либо была осуществлена открытая передача путем обмана или введения в заблуждение о содержимом пакета, а также куда он был помещен: в личные вещи, в одежду, в гараж или квартиру потерпевшего (кроме случаев, связанных с незаконным проникновением в жилище, квалифицируемых по ст. 202 УК). Кроме того, не имеет значения, является ли потерпевший лицом, потребляющим наркотические средства, а также совершает ли преступления, связанные с их незаконным оборотом.

Конкретный вид и размер «подбрасываемых» наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов отражается в квалификации незаконных действий виновного лица при определении квалифицирующих признаков сбыта.

2. Другая возможная ситуация «подброса» наркотических средств связана со служебной деятельностью сотрудников правоохранительных органов. Здесь также могут иметь место различные мотивы совершения преступления, но, как правило, они связаны с желанием искусственно завысить количество выявляемых преступлений, а также с ложным пониманием принципа справедливости, когда на фоне уверенности в виновности лица должностные лица стремятся создать основания для задержания или доказательственную базу.

В течение последних пяти лет в российских СМИ были размещены материалы более чем о 100 сотрудниках правоохранительных органов, в отношении которых были возбуждены уголовные дела по подозрению в «подбросе» наркотических средств [9; 10].

Уголовно-правовой анализ таких ситуаций позволяет прийти к следующим выводам о квалификации.

В первую очередь, подобные действия лица должны квалифицироваться как превышение власти или служебных полномочий, повлекшее тяжкие последствия (ч. 3 ст. 426 УК). Также если в последующем лицо, осуществлявшее сначала «подброс», а потом и задержание, признается свидетелем по уголовному делу, то также возможна дополнительная квалификация и привлечение к ответственности за заведомо ложное показание свидетеля (ч. 2 ст. 401 УК). В случаях, когда «подброс» совершается лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или судьей (либо они осведомлены о нем), такие действия требуют квалификации по ч. 2 или 3 ст. 395 УК, предусматривающей ответственность за фальсификацию доказательств.

Кроме того, «подброс наркотиков» должен быть квалифицирован как незаконное приобретение и хранение в целях сбыта и незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, предусмотренные ч. 3–4 ст. 328 УК (в том числе по признаку совершения должностным лицом с использованием своих служебных полномочий). При этом наркотические средства могут быть получены при различных обстоятельствах: изъяты у иного лица без соответствующего оформления; путем занижения количества обнаруженного при проведении обыска; посредством уменьшения концентрации психотропных веществ, содержащихся в уголовных делах, и т. д. Отметим, что в случаях, когда такое приобретение осуществляется путем невыполнения процедуры уничтожения наркотических средств по приговору, определению или постановлению суда, подобные действия не могут квалифицироваться по ст. 330 УК, так как такое преступление предусматривает только неосторожную форму вины по отношению к их утрате.

Аналогично с первой рассмотренной ситуацией не имеет правового значения, являлся ли потерпевший лицом, потребляющим наркотические средства, а также совершал ли преступления, связанные с их незаконным оборотом, в частности имел ли он при «подбросе» еще и принадлежащие ему наркотические средства.

Что интересно, в зарубежном законодательстве имеются примеры криминализации «подброса наркотиков». Так, уголовный закон Южно-Африканской Республики среди преступлений, связанных с наркотическими средствами, называет помещение наркотического средства в строение, автотранспортное средство, корабль или воздушное судно, принадлежащее третьему лицу, с намерением, чтобы последнему было предъявлено обвинение за совершение преступления, и предусматривает ответственность за данное преступление в виде штрафа или лишения свободы на срок до 5 лет [11, с. 32]. В то же время,

как представляется, в Республике Беларусь в настоящее время отсутствует объективная необходимость во введении такого специального состава преступления.

Таким образом, рассмотрев в совокупности составы преступлений, содержащиеся в незаконных действиях по умышленному тайному размещению наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов у потерпевшего помимо его воли, можно сделать вывод о том, что, исходя из их характера и высокой степени общественной опасности, такие действия влекут строгие меры уголовной ответственности и предполагают достаточно жесткие наказания (вплоть до 25 лет лишения свободы по совокупности преступлений). Как представляется, доведение данной информации до граждан и ее разъяснение среди сотрудников правоохранительных органов может сыграть упреждающую роль и стать сдерживающим фактором совершения соответствующих преступлений.

1. В Запорожье суд оставил под стражей иностранца, пытавшегося подбросить наркотики офицеру СБУ [Электронный ресурс] // 061.ua. URL: <https://www.061.ua/news/3026781/v-zaporoze-sud-ostavil-pod-strazej-inostranca-pytavsegosa-podbrosit-narkotiki-oficeru-sbu> (дата обращения: 23.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Прокуратура начала расследование по возможному нарушению закона со стороны полиции во время задержания рэперов [Электронный ресурс] // Civil.ge. URL: <https://civil.ge/ru/archives/187399> (дата обращения: 23.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Five Cops Front Court On Charges Related To Planting Drugs In Complainant's Vehicle [Electronic resource] // Fijisun.com. URL: <https://fijisun.com.fj/2021/02/23/five-cops-front-court-on-charges-related-to-planting-drugs-in-complainants-vehicle/> (date of access: 23.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Дрозд А. Н. Уголовная ответственность за незаконную выдачу, подделку или использование рецептов на приобретение наркотических средств или психотропных веществ // II Минские криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 10 дек. 2020 г. : в 2 ч. / Акад. МВД Респ. Беларусь ; редкол.: Р. М. Ропот (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2020. Ч. 2. С. 198–202. [Вернуться к статье](#)

5. Ставрополец, желая отомстить, подбросил соседке наркотики [Электронный ресурс] // News.rambler.ru. URL: <https://news.rambler.ru/crime/44787779-stavropolets-zhelaya-otomstit-podbrosil-sosedke-narkotiki/> (дата обращения: 18.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст.ст. 327–334 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 26 марта 2003 г., № 1 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 31.03.2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. Дрозд А. Н. Уголовная ответственность за преступления, связанные с наркотическими средствами, психотропными веществами либо их прекурсорами или аналогами : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Минск, 2020. 263 л. [Вернуться к статье](#)

8. Дрозд А. Н. Сбыт как способ и специальная цель преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 4, Правазнаўства. 2018. № 4. С. 58–65. [Вернуться к статье](#)

9. Как петербуржцы доказывают, что им подбросили наркотики? Три истории о задержаниях, судах и проблемах законодательства [Электронный ресурс] // Paperpaper.ru. URL: <https://paperpaper.ru/photos/kak-peterburzhcy-dokazyvayut-chto-im-pod/> (дата обращения: 18.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

10. В деле Ивана Голунова обошлось без начальников. Полицейские просто так подбросили наркотики журналисту [Электронный ресурс] // Kommersant.ru. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4235262#id1758682> (дата обращения: 18.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

11. Щербаков А. Д. Система уголовно-правовых норм в области противодействия незаконному обороту наркотиков в Южно-Африканской Республике: краткий анализ // Наркоконтроль. 2018. № 4. С. 28–34. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9

**РЕАЛИЗАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННЫХ
ПОЛНОМОЧИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ****А. З. Игнатюк**

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
доцент кафедры конституционного и административного права,
кандидат юридических наук, доцент

Л. Д. Иванчикова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
аспирант
e-mail: 7576802@mail.ru

***Аннотация.** В статье представлен сравнительный анализ действующего и реформированного законодательства об административной ответственности несовершеннолетних.*

***Ключевые слова:** меры административной ответственности, несовершеннолетние, административно-юрисдикционные полномочия, правонарушения.*

***Annotation.** The article presents a comparative analysis of the current and reformed legislation on the administrative responsibility of minors.*

***Keywords:** measures of administrative responsibility, minors, administrative and jurisdictional powers, offenses.*

Эффективность правового регулирования находится в прямой зависимости от соответствия содержания права современному состоянию общественных отношений. Правовую основу национального законодательства об административной ответственности составляют Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. (далее — КоАП 2003 г.), который по своему содержанию состоит исключительно из материальных норм административно-деликтного права, и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г., который включает все процессуальные нормы, регулирующие порядок привлечения к административной ответственности (далее — ПИКоАП 2006 г.) [1; 2].

Характеризуя действующее административно-деликтное законодательство, можно констатировать, что принятые в 2006 году КоАП и ПИКоАП выполнили ряд важных задач в сфере административной ответственности, включая порядок применения мер административного принуждения в отношении несовершеннолетних. Вместе с тем необходимость уточнения представлений об административной ответственности с учетом современных достижений науки и

правоприменительной практики обусловила появление принципиально нового Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06 января 2021 г. (далее — КоАП 2021 г.) и Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06 января 2021 г. (далее — ПИКоАП 2021 г.) [3; 4].

Известно, что посредством законотворчества устанавливаются новые нормы права, изменяются и отменяются старые. В данной статье мы ставим перед собой задачу с помощью метода сравнительного правоведения проанализировать действующее и реформированное законодательство об административной ответственности несовершеннолетних.

В первую очередь важно подчеркнуть, что по-прежнему правовое регулирование в Беларуси содержится в двух кодифицированных нормативных актах, один из которых регулирует материальную часть (КоАП), а другой — процессуальную (ПИКоАП). Считаем, что в целом новое административное законодательство достаточно полно и адекватно урегулировало материальные и процессуальные вопросы привлечения к административной ответственности, расширило конституционные гарантии, права и обязанности участников административного процесса.

В то же время можно констатировать, что новые КоАП и ПИКоАП содержат ряд кардинальных изменений. Так, КоАП 2021 г. предусматривает категоризацию административных правонарушений в зависимости от степени общественной вредности и тяжести последствий, введен институт профилактических мер воздействия, пересмотрены административные взыскания. Существенной позитивной новеллой является включение в КоАП 2021 г. отдельной главы, в которой консолидированы нормы, посвященные порядку привлечения лиц, не достигших совершеннолетия, к административной ответственности. Ведь от того, как будет осуществляться административная юрисдикция, будет зависеть степень правового сознания несовершеннолетних, воспитание их в духе уважения к закону, праву.

Для понимания сущности термина «административная юрисдикция» приведем некоторые характерные высказывания. Многие правоведы определяют юрисдикцию «как деятельность компетентных органов, уполномоченных на рассмотрение юридических дел и на вынесение по ним юридически обязательных решений» [5, с. 148].

А. Ф. Виноградов оценивает административную юрисдикцию как вид государственной, подзаконной, правоприменительной, правоохранительной, административной деятельности специальной системы государственных органов исполнительной власти, выражающейся в компетенции по рассмотрению и

разрешению по существу дел об административных правонарушениях, жалоб, протестов по ним в установленных законом формах и порядке [6, с. 21].

По мнению А. П. Шергина, административная юрисдикция представляет собой вид правоохранительной деятельности органов государственного управления и других компетентных органов, охватывающий рассмотрение дел об административных правонарушениях и принятие по ним решений в установленных законом формах и порядке [7, с. 45].

Таким образом, под административной юрисдикцией понимается применение к виновной стороне деликта различных мер государственного принуждения. Административно-юрисдикционные меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей занимают особое место среди мер государственного принуждения. Как справедливо отмечала З. П. Морозова, «в целях защиты правопорядка закон позволяет реагировать на правонарушения несовершеннолетних мерами административного принуждения» [8]. При этом она подразделяет меры административного воздействия к несовершеннолетним правонарушителям на меры административного пресечения, обеспечительные меры, меры воздействия воспитательного характера и особого педагогического режима, меры юридической ответственности.

А. П. Ключниченко под мерами административного принуждения, применяемыми к несовершеннолетним правонарушителям, рассматривает административные взыскания, меры административного пресечения, меры административного предупреждения [9, с. 45].

Таким образом, предлагаемая классификация позволяет отличать административные взыскания как ответную реакцию государства на совершение административных правонарушений от иных мер воздействия принудительно-воспитательного характера, поскольку меры воспитательного воздействия не влекут последствий, которые влекут меры административной ответственности.

Считается, что наиболее эффективным средством в предупреждении административных правонарушений является наложение административного взыскания. Вместе с тем государственная политика Республики Беларусь в отношении несовершеннолетних правонарушителей основывается на принципах гуманизма и демократизма. Свидетельством тому является принятие КоАП и ПИКоАП 2021 г., важнейшей новацией которых стало расширение перечня оснований для освобождения лица, совершившего административное правонарушение, от административной ответственности. Освобождение от административной ответственности является одним из важных институтов административно-деликтного права, его наличие характеризует особый подход государства к различным жизненным обстоятельствам, которые могут возникнуть в момент совершения административного правонарушения, и свидетельствует о претво-

рении в жизнь принципа справедливости и индивидуализации в демократическом обществе.

Для сравнения отметим, что в главе 5 КоАП 2021 г. введен новый институт профилактических мер воздействия, которые могут применяться к лицу, совершившему правонарушение, в случае освобождения его от административной ответственности, которых не было в КоАП 2003 г. По общему правилу профилактические меры воздействия в виде устного замечания, предупреждения могут применяться вместо административных взысканий к лицам, совершившим административные проступки или значительные административные правонарушения. Вместе с тем лицо от четырнадцати до восемнадцати лет может быть освобождено от административной ответственности с применением к нему устного замечания или предупреждения за совершение административного правонарушения вне зависимости от категории. Данные профилактические меры применяются сотрудниками органов внутренних дел до начала административного процесса (объявляется устное замечание без составления каких-либо процессуальных документов) либо на стадии подготовки дела к рассмотрению (вынесение письменного предупреждения) в случае, если несовершеннолетний признал факт совершения правонарушения и выразил свое согласие на освобождение от административной ответственности с вынесением предупреждения. При этом вынесение предупреждения возможно в случае, если несовершеннолетний в течение года не привлекался к административной ответственности за такое же правонарушение, в том числе не освобождался от административной ответственности.

При наличии основания для освобождения от административной ответственности сотрудниками органов внутренних дел выносится постановление об освобождении от административной ответственности с вынесением предупреждения. Однако следует отметить, что предупреждение в данном случае является мерой профилактического воздействия, а не мерой административной ответственности.

Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях 2021 г. предусматривает в отношении несовершеннолетних, помимо мер профилактического воздействия, еще и меры воспитательного воздействия (ст. 5.4). Так, к несовершеннолетним, освобожденным от административной ответственности, могут применяться следующие меры воспитательного воздействия: разъяснение законодательства, возложение обязанности принести извинения потерпевшему, возложение обязанности загладить причиненный ущерб, ограничение досуга. В ст. 9.5 КоАП 2021 г. разъяснено, в чем заключается и с какими ограничениями связана та или иная мера воспитательного воздействия.

В ПИКоАП определена строгая компетенция органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях. В юридической литературе данные органы называют органами административной юрисдикции. Что касается дел об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, то большинство из них рассматриваются коллегиальными юрисдикционными органами — комиссиями по делам несовершеннолетних районных (городских) исполнительных комитетов, администраций района в городах. Вместе с тем, как следует из анализа содержания ст. 3.5 ПИКоАП 2021 г., число дел об административных правонарушениях, подведомственных комиссиям по делам несовершеннолетних, сокращается. Так, ПИКоАП 2006 г. наделял комиссии по делам несовершеннолетних полномочиями по рассмотрению дел по различным составам, за исключением, когда санкцией предусмотрена конфискация, а ПИКоАП 2021 г. ограничил полномочия комиссий по рассмотрению дел об административных правонарушениях, в том числе когда санкцией статьи предусмотрена не только конфискация, но и взыскание стоимости, запрет на посещение спортивно-физкультурных сооружений. Необходимо отметить, что ПИКоАП 2021 г. уполномочил рассмотрение таких дел судом. Мы согласны с тем, что передача перечисленных дел об административных правонарушениях в подведомственность судьям позволит обеспечить соблюдение юридических гарантий законности и защиты прав несовершеннолетних при рассмотрении административных правонарушений, а следовательно, и повысить авторитет права.

Таким образом, рассматривая вопрос административной ответственности несовершеннолетних, необходимо подчеркнуть, что КоАП 2003 г. не предусматривает применение к ним специальных видов административных взысканий, а набор применяемых санкций к несовершеннолетним ограничивается лишь предупреждением или штрафом. В КоАП 2021 г. в целом сохранена система мер административной ответственности в отношении несовершеннолетних, но есть некоторые особенности, на которые необходимо обратить внимание. Так, при наложении на несовершеннолетнего административного взыскания в виде штрафа необходимо учитывать, что его размер не может превышать 2 базовых величин и только в случае, если несовершеннолетний имеет собственный доход. При отсутствии такового к нему применяются меры воспитательного воздействия. Более того, при наложении административного взыскания учитываются условия его жизни и воспитания, уровень его интеллектуального волевого и психического развития, влияние на его поведение родителей и иных членов семьи, характеристика по месту учебы (работы).

Проведенный сравнительный анализ действующего и реформированного законодательства об административной ответственности несовершеннолетних позволяет сделать несколько принципиальных выводов:

- в КоАП 2021 г. имеется специальная глава, посвященная административной ответственности несовершеннолетних, которая может положительным образом повлиять на правоприменительную практику;
- сохранился принцип рассмотрения дел о правонарушениях несовершеннолетних специальным юрисдикционным органом — комиссией по делам несовершеннолетних;
- новая редакция ПИКоАП сможет устранить коллизии административного и административно-процессуального законодательства при освобождении несовершеннолетних от административной ответственности;
- штраф, применяемый указанной комиссией, налагается на лицо, достигшее 16-летнего возраста и имеющее самостоятельный заработок, что способствует достижению целей административной ответственности.

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 92-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Крамник А. Н. Административная юрисдикция // Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. Т.1. Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. 600 с. [Вернуться к статье](#)

6. Виноградов А. Ф. Административная юрисдикция органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 1996. 198 с. [Вернуться к статье](#)

7. Шергин А. П. Административная юрисдикция. М. 1979. 144 с. [Вернуться к статье](#)

8. Морозова З. П. Пределы административно-правового регулирования поведения несовершеннолетних // Правоведение. 1975. № 4. С. 47. [Вернуться к статье](#)

9. Ключниченко А. П. Меры административного принуждения, применяемые милицией: Особенности. Классификация. Системовыражение : учеб. пособие. Киев : Киев. высш. шк. МВД СССР, 1979. 88 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.1

**МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ «ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ»
В СРАВНЕНИИ С АНАЛОГИЧНОЙ МЕРОЙ ПРЕСЕЧЕНИЯ,
ДЕЙСТВУЮЩЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****А. И. Коврижкин**

Институт повышения квалификации и переподготовки
Следственного комитета Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры управления
органами предварительного расследования
e-mail: alexium03212022@gmail.com

***Аннотация.** В статье рассмотрены вопросы включения в отечественное уголовно-процессуальное законодательство меры пресечения в виде запрета определенных действий, ее отличие от домашнего ареста. Автором осуществлено сравнение содержания запрета определенных действий в белорусском и российском законодательстве, сделан вывод о необходимости анализа и учета российского опыта применения указанной меры пресечения.*

***Ключевые слова:** альтернативная мера пресечения, запрет определенных действий.*

***Annotation.** The article deals with the introduction of a preventive measure in the form of a prohibition of certain actions into the domestic criminal procedural legislation, its difference from house arrest. The author compares the content of the prohibition of certain actions in the Belarusian and Russian legislation, concludes that it is necessary to analyze and take into account the Russian experience in the application of this preventive measure.*

***Keywords:** alternative preventive measure, prohibition of certain actions.*

В последние двадцать лет в Республике Беларусь наблюдается закономерная тенденция к снижению доли заключения под стражу среди других мер пресечения, применяемых в отношении подозреваемых (обвиняемых). Если в 1999 году эта мера пресечения санкционирована в отношении 40,8 % обвиняемых по делам, направленным в суд, то в 2019 — в отношении 24 %, а в 2020 — в отношении менее 20 %.

Приведенные данные свидетельствуют об актуальности применения органами уголовного преследования альтернативных мер пресечения в отношении подозреваемых (обвиняемых) лиц.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством меры пресечения — это принудительные меры, применяемые к подозреваемому или обвиняемому для предотвращения совершения общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом, или действий, препятствующих производству по уголовному делу, а также для обеспечения приговора [1].

Очевидно, что применяемая к тому или иному подозреваемому (обвиняемому) мера пресечения должна быть максимально индивидуализированной, то

есть быть достаточной для реализации целей, преследуемых правоприменителем. Она не должна быть чрезмерной, то есть необоснованно нарушать или ограничивать конституционные права и свободы участника уголовного процесса. Одновременно она не должна быть и недостаточной, то есть неэффективной. Индивидуализация применения мер пресечения возможна при наличии у правоприменителя более широкого перечня уголовно-процессуальных инструментов.

Законом Республики Беларусь № 85-З от 6 января 2021 года «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» расширен спектр альтернативных заключению под стражу мер пресечения, и с 14 апреля 2021 года представители органов уголовного преследования могут применять новую меру, которая именуется «запрет определенных действий» [2].

Актуальность исследования запрета определенных действий обусловлена новизной данной меры пресечения в уголовном процессе Республики Беларусь, отсутствием соответствующей правоприменительной практики, неурегулированностью механизмов контроля за ее применением.

Целью настоящего исследования является осуществление сравнения новой меры пресечения со схожей мерой пресечения, закрепленной в уголовно-процессуальном законе, действующем в Российской Федерации.

Порядок применения запрета определенных действий описан в ст. 123¹ Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) Республики Беларусь с одноименным названием. Запрет определенных действий заключается в возложении на подозреваемого (обвиняемого) обязанности соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных ч. 3 ст. 123¹ УПК Республики Беларусь, а также осуществлении контроля за соблюдением возложенных на них запретов.

Перечень запретов, предусмотренный законом, является исключительным и не подлежит расширительному толкованию. К ним относятся:

- запрет находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
- запрет пребывать в общем с потерпевшим жилком помещении и распоряжаться общей совместной собственностью — для подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в отношении члена семьи;
- запрет общаться с определенными лицами;
- запрет отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- запрет использовать средства связи и глобальную компьютерную сеть Интернет;
- запрет управлять транспортным средством — если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Применение указанной меры пресечения в соответствии с установленным правилом возможно только с санкции прокурора [2].

Отдельные перечисленные запреты содержатся в конструкции меры пресечения в виде домашнего ареста. Вместе с тем между указанными мерами пресечения (домашним арестом и запретом определенных действий) имеется существенное отличие, выраженное в цели их применения. Так, целью домашнего ареста и применяемых в рамках данной меры пресечения запретов является прежде всего изоляция подозреваемого (обвиняемого) от общества. Запрет определенных действий по своей сути является более мягкой мерой пресечения и ее целью является не столько изоляция подозреваемого (обвиняемого) от общества, сколько более точечное, индивидуальное воздействие на подозреваемого (обвиняемого) для обеспечения целей предварительного расследования и правомерного поведения последнего.

По результатам анализа уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, Украины, Грузии, Республики Армения, Республики Казахстан и Азербайджанской Республики установлено, что единственной из перечисленных стран, где существует самостоятельная мера пресечения в виде запрета определенных действий, является Российская Федерация. Данная мера введена в УПК Российской Федерации в апреле 2018 года (ст. 105.1 УПК) и применяется на практике до настоящего времени. В остальных же государствах аналогичной либо схожей меры пресечения не существует. Однако в ряде стран уголовно-процессуальное законодательство содержит запреты и обязательства для подозреваемых (обвиняемых), которые применяются в качестве дополнительных мер к основным мерам пресечения для обеспечения индивидуализации воздействия на участников уголовного процесса.

Белорусские законодатели пошли по пути нормотворчества Российской Федерации. Вместе с тем при всей схожести норм имеются все-таки и существенные отличия, которые целесообразно осветить.

Одним из отличий меры пресечения, принятой в Беларуси, от действующей в России является то, что в конструкции отечественной нормы отсутствует запрет выхода за пределы жилого помещения, в котором проживает подозреваемый (обвиняемый). В УПК Российской Федерации подобный запрет имеется, требует от правоприменителя продления его срока, имеет ограничения по срокам применения запрета в зависимости от тяжести инкриминируемого деяния [3]. Считаем, что подходы белорусского законодателя в этой части являются более обоснованными и исключают дублирование запретов, предусмотренных более строгой мерой пресечения в виде домашнего ареста. При включении данного запрета в перечень ограничений мера пресечения по своей смысловой нагрузке и цели применения ничем бы не отличалась от домашнего ареста. Включение же

новой меры пресечения в УПК в число альтернативных мер имеет прежде всего цель расширить спектр инструментов правоприменителя для выбора более взвешенного, индивидуального подхода с учетом личности подозреваемого (обвиняемого) и иных обстоятельств уголовного дела.

Следует также отметить, что положения ст. 123¹ УПК Республики Беларусь не содержат требований о вручении копий постановления заинтересованным участникам уголовного процесса и направлении его копии органу, контролирующему запреты. По нашему мнению, отсутствие регламентации процессуального порядка в этой части может негативно сказаться на практике правоприменителей. Так, например, член семьи, пострадавший от совершения насильственных или иных действий подозреваемого (обвиняемого), имеет право знать о возложении на последнего запрета пребывать в общем с потерпевшим жилым помещении и распоряжаться общей совместной собственностью. При отсутствии в законодательстве требования к органу уголовного преследования выдать копию постановления о применении меры пресечения либо иным образом уведомить об установленном запрете создаются условия для ненадлежащего информирования заинтересованного участника уголовного процесса, а также для необоснованного отказа со стороны следователя в удовлетворении ходатайства о выдаче копии процессуального документа. Российское же законодательство предусматривает направление постановления судьи лицу, возбуждавшему ходатайство, прокурору, в контролирующий орган по месту жительства или нахождения подозреваемого (обвиняемого), его защитнику и (или) законному представителю, а также потерпевшему, свидетелю или иному участнику уголовного судопроизводства, если запрет определенных действий связан с обеспечением безопасности этих лиц [3]. Считаем указание в законе подобного процессуального порядка информирования вполне обоснованным и необходимым для включения в норму ст. 123¹ УПК Республики Беларусь.

Как в мере пресечения в виде запрета определенных действий, принятой белорусскими законодателями, так и в российской мере существует возможность установления запрета на управление транспортным средством в отношении лиц, которым инкриминируется совершение преступления, связанного с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Вместе с тем способы контроля указанного запрета, установленного в УПК Республики Беларусь, со стороны органа уголовного преследования не указаны. Российские же законодатели закрепили в ст. 105.1 УПК необходимость изъятия у подозреваемого (обвиняемого) водительского удостоверения, а также указали место и сроки его хранения (должно храниться при уголовном деле до отмены данного запрета) [3]. Считаем, что указание в законе об изъятии водительских документов является принципиальным и необходимым, так как это регулирует механизм

контроля за исполнением запрета, а также разрешает возможные конфликтные ситуации между представителями органа уголовного преследования и другими участниками уголовного процесса в части трактовки обоснованности изъятия документов.

Отличаются также требования белорусского и российского уголовно-процессуального законодательства к содержанию постановлений о применении (избрании) меры пресечения в виде запрета определенных действий. В норме, закрепленной в УПК Российской Федерации, изложено требование об указании конкретных условий исполнения этой меры пресечения с учетом возлагаемых запретов в виде необходимости указания района, населенного пункта, с которыми связаны запреты, мест, запрещенных для посещения, данных о расстоянии, ближе которого запрещено приближаться к определенным объектам, что позволяет правоприменителю указывать в постановлении родовые признаки мест (например, рестораны, кафе, спортивные сооружения и т. д.). Указание точного адреса УПК Российской Федерации требует в случае применения запрета выхода из жилого помещения [3]. Белорусский законодатель также предусмотрел указание схожих условий исполнения меры пресечения, однако потребовал от следователя (сотрудника органа дознания) отражать в постановлении конкретные адреса мест, запрещенных для посещения, и их расположение [2]. Если буквально трактовать норму, то в постановлении о применении меры пресечения при установлении запрета подозреваемому (обвиняемому) посещать, например, увеселительные заведения г. Минска необходимо указать адреса и месторасположение всех кафе, ресторанов, дискотек, пабов, кофеин и т. д. По нашему мнению, указание в постановлении о применении меры пресечения адресов запрещенных для посещения мест является излишним требованием законодателя. Достаточным является указание мест, запрещенных для посещения, по родовому признаку (например, спортивные сооружения, торгово-развлекательные комплексы, заведения общественного питания и т. д.).

В ч. 11 ст. 105.1 УПК Российской Федерации законодатели акцентировали свое внимание на органе, осуществляющем контроль за установленными в отношении подозреваемых (обвиняемых) запретами, — федеральном органе исполнительной власти, осуществляющем правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных (которым является Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации), а также на способах контроля и порядке взаимодействия с заинтересованными органами [3].

В развитие указанной нормы внесены изменения в нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации (постановление от 18 февраля 2013 года N 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных тех-

нических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог») [4], а также издан совместный приказ Министерства юстиции, Следственного комитета, Федеральной службы безопасности, Министерства внутренних дел Российской Федерации (приказ № 189/87/371/603 от 31 августа 2020 года «Об утверждении порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог») [5], регламентирующий порядок осуществления контроля за соблюдением ограничений и запретов.

Белорусские законодатели и заинтересованные государственные органы вопросу контроля за исполнением запретов, которые могут быть установлены в рамках указанной меры пресечения, пока своего внимания не уделили. Вместе с тем вопрос контроля за исполнением перечисленных в ст. 123¹ УПК Республики Беларусь запретов является наиболее актуальным. От этого в большей степени зависит, станет ли данная мера пресечения применяться следователями (сотрудниками органа дознания), а также насколько это будет эффективно.

В заключение отметим, что, по нашему мнению, решение о введении в систему мер пресечения новой меры в виде запрета определенных действий является целесообразным, так как это может способствовать более широкому применению альтернативных мер пресечения, осуществлению более избирательного, индивидуального подхода к применению мер в отношении конкретного подозреваемого (обвиняемого) с учетом его личности, обстоятельств дела и иных критериев. По результатам сравнительного анализа норм белорусского и российского уголовно-процессуального законодательства в части закрепления в УПК положений о мере пресечения в виде запрета определенных действий при всей схожести в названии выявлены существенные различия между ними, что указывает на актуальность и необходимость изучения и использования российского опыта применения запрета определенных действий для определения возможных путей оптимизации применения новой меры в Республике Беларусь.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 6 янв. 2021 г. № 85-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 декабря 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 05 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 09.07.2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог [Электронный ресурс] : пост. Правит. Российской Федерации, 18 февр. 2013 г., № 134 : в ред. от 15 нояб. 2018 г., № 1377. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Об утверждении порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог [Электронный ресурс] : приказ Минюста, МВД, СК, ФСБ Российской Федерации, 31 авг. 2020 г., № 189/603/87/371. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9 (476)

РАЗВИТИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**Ю. А. Колотилкин**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
начальник кафедры административной
деятельности факультета милиции

***Аннотация.** Законодательная регламентация института защиты прав, свобод человека относится к числу приоритетных направлений современной государственной политики Республики Беларусь. С учетом этого интерес представляет развитие законодательства Республики Беларусь, регламентирующего правовое регулирование противодействия правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений.*

***Ключевые слова:** государство, законодательство, профилактика, защита, правонарушение насилие в семье.*

***Annotation.** Legislative regulation of the institution of protection of human rights and freedoms is one of the priority directions of the modern state policy of the Republic of Belarus. Taking this into account, it is of interest to develop the legislation of the Republic of Belarus, which regulates the legal regulation of counteraction to offenses committed in the field of family and domestic relations.*

***Keywords:** state, legislation, prevention, protection, offense, domestic violence.*

Актуальность вопроса развития административной ответственности за правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений обусловлена тем, что каждый гражданин находится под защитой государства. Правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений всегда имеют опасный характер как для государства, так и для общества в целом, т. к. могут привести к более тяжким последствиям при отсутствии наступательной работы в ранней профилактике правонарушений в указанном направлении деятельности сотрудников органов внутренних дел [1].

В случаях, когда совершаются тяжкие преступления в сфере семейно-бытовых отношений, мы можем наблюдать потери, которые несет государство, общество от их совершения. К тяжким последствиям мы можем отнести потерю главной ячейки общества — семьи [2].

Анализ системы правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, а также выявление и устранение причин и условий, им способствующих, является главной задачей не только сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь, но и всех субъектов профилактики правонарушений.

Кроме того, меры противодействия указанным правонарушениям должны быть адекватны, своевременны, а законодательство — способно обеспечить защиту граждан.

В Республике Беларусь правовую основу противодействия совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений правонарушениям регламентирует Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», который дает право субъектам профилактики осуществлять меры общей и индивидуальной профилактики правонарушений, в том числе в сфере семейно-бытовых отношений [3].

Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, принятый 17 декабря 2002 года, а именно Особенная часть, содержит в себе характеристику конкретных составов административных правонарушений, за которые предусматривалась административная ответственность, указанных в перечне статей, содержащихся в главе 9 («Административные правонарушения против здоровья, чести и достоинства человека, прав и свобод человека и гражданина»). В данном Кодексе появились статьи (9.1 — «Умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные действия», 9.3 — «Оскорбление»), которые по своему характеру, а также объективной и субъективной сторонам относятся к административным правонарушениям, совершенным в сфере семейно-бытовых отношений [4].

Рассматривая такую сферу, как семейно-бытовые отношения, мы видим, что законодательство Республики Беларусь постоянно совершенствуется. Так, в 2013 году вступили в силу изменения и дополнения в Кодекс, внесенные Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 года № 64-З.

Указанным законом ст. 9.1 КоАП была дополнена частью 2 (нанесение побоев, не повлекшее причинения телесных повреждений, умышленное причинение боли, физических или психических страданий, совершенные в отношении близкого родственника либо члена семьи, если в этих действиях нет состава преступления). В дальнейшем часть 2 снова была усовершенствована и дополнена (а именно таким квалифицирующим признаком, как нарушение защитного предписания).

После вступления в силу вышеуказанных статей, а также изменений, внесенных в ст. 9.1 КоАП, привлечение к административной ответственности лиц, совершающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, стало возможным независимо от места совершения административного правонарушения, т. к. ранее действия виновных лиц квалифицировались как мелкое хулиганство, при этом не всегда суды усматривали составы данных правонарушений [4].

Эволюция законодательства на этом не остановилась, и 1 марта 2021 года Законом № 93-3 от 6 января 2021 года принимается новый Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. В новом Кодексе состав правонарушения, предусмотренного ст. 10.1, дополняется таким квалифицирующим признаком, как бывший член семьи.

Причиной нововведения стал анализ сообщений о семейно-бытовых конфликтах, поступающих в ОВД, по субъекту правонарушения. Из анализа видно, что совершаются эти правонарушения не только близкими родственниками, членами семьи, но и лицами, совместно проживающими, ведущими совместное хозяйство, а также бывшими членами семьи, продолжающими проживать совместно.

Не редко поступают сообщения от граждан, которые после расторжения брака продолжают проживать совместно в одном жилом помещении, приобретенном совместно в браке. Такое совместное проживание всегда создает предпосылки для возникновения конфликтов как на почве личных неприязненных отношений, ранее возникших в браке, так и после расторжения брака, в результате пользования совместно нажитым имуществом.

Разбирательство по данным конфликтам всегда вызывало у сотрудников органов внутренних дел определенные сложности при их квалификации и фиксации, а именно в определении статуса граждан, их права пользования жилыми помещениями, совместно приобретенным (нажитом) имуществом, особенно в тех случаях, когда имущество не делилось.

В указанных ситуациях наиболее действенными мерами являются не меры убеждения, а меры административно-процессуального пресечения, связанные с задержанием лица и доставлением его в органы внутренних дел для дальнейшего разбирательства. Данные меры способствуют локализации конфликта, пресечению в дальнейшем повторения конфликта, который мог привести к наступлению, как ранее указано, более тяжелых последствий.

Однако, до введения нового Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях 2021 года в указанных ситуациях не всегда возможно было применение вышеуказанных мер на стадии разбирательства по сообщениям, до выяснения всех обстоятельств, либо правильной квалификации действия правонарушителей, которые могли квалифицироваться в большинстве случаев как мелкое хулиганство [5].

Таким образом, анализируя эволюцию законодательства Республики Беларусь в сфере семейно-бытовых отношений, мы видим, что оно существенно изменяется и дополняется, формируя действенный механизм защиты от противоправных посягательств не только в отношении близких родственников, членов семьи, но и в отношении бывших членов семьи.

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. Доступ из аналитической правовой системы «Бизнес-Инфо». [Вернуться к статье](#)
2. Кодекс о браке и семье Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : (с изм. и доп.). Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
3. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г., № 122-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь, 18.07.2016 г., № 401-3. Доступ из аналитической правовой системы «Бизнес-Инфо». [Вернуться к статье](#)
4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
5. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 346.9

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛЬНОГО БАНКРОТСТВА

Т. А. Корень

БИП — Университет права и социально-информационных технологий
(Беларусь),

профессор кафедры юридических дисциплин,

кандидат юридических наук, доцент

e-mail: tania_koren@tut.by

Аннотация. Автором сформулированы актуальные вопросы правоприменения норм уголовного законодательства о криминальном банкротстве и предложения.

Ключевые слова: криминальное банкротство, лжебанкротство, сокрытие банкротства, преднамеренное банкротство, проблемы квалификации, декриминализация.

Annotation. The author has formulated topical issues of law enforcement of criminal law norms in criminal bankruptcy and proposals.

Keywords: criminal bankruptcy, pseudo bankruptcy, concealment of bankruptcy, deliberate bankruptcy, qualification problems, decriminalization.

Значительные для экономики страны в целом и отдельных регионов размеры неудовлетворенных требований конкурсных кредиторов по конкретным делам о банкротстве, количество исков о признании недействительными договоров по отчуждению имущества в предбанкротный период, количество процессуальных жалоб, дорогостоящие предметы сделок, латентность криминального банкротства и другое свидетельствуют об актуальности избранной для исследования темы.

Отношения, возникающие в связи с банкротством, в силу комплексного характера регулируются нормами разных отраслей права, в том числе уголовно-правовыми.

Из анализа норм Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь) и ст. 14, 51, 77, 100, 228 Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» следует, что к составам «криминального банкротства» относятся ложная экономическая несостоятельность (банкротство), преднамеренная экономическая несостоятельность (банкротство), сокрытие экономической несостоятельности (банкротства) [1; 2].

Указанные выше составы преступлений предусмотрены ст. 238–240 УК Республики Беларусь и относятся в группе преступлений против порядка осуществления экономической деятельности. Непосредственным объектом рассматриваемых преступлений является установленный действующим законодательством Республики Беларусь порядок признания юридического лица либо

индивидуального предпринимателя экономически несостоятельным (банкротом).

Порядок признания субъекта хозяйствования банкротом регламентирован Хозяйственным процессуальным кодексом Республики Беларусь и специальным Законом Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» 2012 г. [3; 4].

Для всех указанных выше составов характерен специальный субъект. К числу субъектов относятся индивидуальный предприниматель, уполномоченное должностное лицо юридического лица. Гражданин (частное лицо) не является субъектом рассмотренных преступлений, т. к. в Республике Беларусь в отличие от США, РФ, Израиля, Японии и иных государств процедура банкротства физического лица нормативными правовыми актами не регламентирована.

Субъективная сторона криминальных банкротств характеризуется умышленной формой вины.

Анализ следственной и судебной практики, сложившейся в Республике Беларусь за последние десять лет, показывает, что основными проблемами правоприменения в рассматриваемой области представляются проблемы выявления и квалификации криминальных банкротств.

Анализ законодательства и современной практики его применения позволяет сформулировать следующие и предложения:

возложить обязанность по выявлению признаков криминального банкротства исключительно на правоохранительные органы, освободить от этой обязанности антикризисного управляющего, оставив обязанность антикризисного управляющего по делу о банкротстве составить сообщение в органы финансовых расследований при наличии подозрений в совершении преступления (ст. 77 Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)»);

продолжить совершенствование законодательства в части определения признаков криминального банкротства, адаптировать нормативную правовую базу в части определения признаков криминального банкротства к существующим видам ведения бухгалтерского учета в упрощенной форме (уплата единого налога, применение упрощенной системы налогообложения), реальной ситуации в секторе экономики, принять во внимание особенности ведения среднего и малого бизнеса;

рассмотреть вопрос о декриминализации сокрытия банкротства (ст. 239 УК Республики Беларусь), опираясь на опыт РФ, Украины и иных государств;

признать уголовно наказуемым лжебанкротство юридического лица либо индивидуального предпринимателя только при наличии причиненного ущерба в крупном размере (ч. 1 ст. 238 УК Республики Беларусь в действующей редак-

ции предусматривает формальный состав, преступление признается оконченным с момента представления экономическому суду указанных заведомо ложных документов), внести соответствующие изменения в ст. 238 УК Республики Беларусь.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Респуб. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 415-3 с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. [Вернуться к статье](#)

4. Уголовная ответственность в Республике Беларусь: отдельные теоретико-правовые аспекты : монография / Н. В. Пантелеева [и др.]. Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. 239 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 34.796

**ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРТИВНЫХ СПОРОВ****А. Н. Котенёв**

государственное предприятие «Минские городские общежития» (Беларусь),
заместитель директора по идеологической работе
e-mail: akotenev@tut.by

***Аннотация.** В статье анализируется современное состояние применения медиации при разрешении спортивных споров, освещены преимущества использования медиативных технологий при разрешении спортивных споров и возможности их дальнейшего применения и развития.*

***Ключевые слова:** спортивное право, спортивные споры, АРС, медиация, преимущества медиации.*

***Annotation.** The article analyzes the current state of the use of mediation in resolving sports disputes, highlights the advantages of using mediation technologies in resolving sports disputes and the possibility of their further application and development.*

***Keywords:** sports law, sports disputes, ADR, mediation, the benefits of mediation.*

В нашей стране особое внимание уделяется спорту во всех его проявлениях. Спорт — важная сфера общественной жизни современного белорусского государства. Согласно ст. 45 Конституции Республики Беларусь право граждан на охрану здоровья обеспечивается в том числе развитием физической культуры и спорта.

Популяризация спорта наряду с развитием спортивной деятельности приводит к необходимости совершенствования ее нормативного регулирования.

Состязательность, присущая спортивным отношениям, сближает спорт с предпринимательской деятельностью, которая, как и спорт, в основе своей имеет конкуренцию. Поддержка спорта государством, а также частные инвестиции в спортивные клубы, отдельных спортсменов, рекламу и в целом в инфраструктуру на современном этапе способствуют тому, что финансовая составляющая спорта выходит на первый план. Борьба за материальное вознаграждение субъектов спортивных правоотношений приводит к возникновению конфликтов и споров в этой сфере.

Неоспоримо влияние спорта на политику и международные отношения в целом, что подчеркивает потребность в эффективном и действенном механизме решения спортивных споров. Коммерциализация и, как следствие, глобализация спорта определили уровни, на которых возникают спортивные споры: международный и национальный.

На национальном уровне понятие спортивного спора закреплено в п. 1 ст. 48 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 года № 125-З «О физиче-

ской культуре и спорте». Законодатель определяет спортивный спор как конфликт субъектов физической культуры и спорта по поводу взаимных прав и обязанностей в сфере спорта, а также их разногласия, возникающие из отношений, хотя и не являющихся отношениями в сфере спорта, но оказывающих влияние на права и обязанности этих лиц как субъектов физической культуры и спорта.

Указанная статья закона предполагает разрешение спортивных споров в Республике Беларусь в соответствии с законодательством судами, а также с использованием альтернативных способов разрешения спортивных споров, допускаемых в соответствии с законодательством, в том числе посредством медиации и третейского разбирательства.

Данная позиция совпадает с теоретическим определением понятия «спортивный спор», которое приводит российский исследователь С. В. Алексеев. Последний под спортивным спором понимает разнообразные по своему содержанию неурегулированные разногласия субъектов в сфере спортивных отношений по поводу прав и обязанностей, перенесенные в юрисдикционный орган или с учетом специфики спортивных конфликтов разрешаемые в альтернативном порядке [1, с. 967].

Таким образом, для субъектов спортивных правоотношений законодательно прямо закреплена возможность разрешения спортивных споров с использованием различных форм АРС.

Наиболее перспективным способом разрешения спортивных споров представляется медиация, которую О. Н. Здрок характеризует как инновационную интеллектуальную технологию, представляющую собой обоснованный комплекс приемов, методов и процедуры организации и ведения переговоров под руководством посредника [2, с. 8].

Законодательное закрепление понятие медиации получило в Законе Республики Беларусь от 12 июля 2013 года № 58-З «О медиации», абзац 5 статьи 1 которого гласит, что под медиацией понимаются переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения.

В связи со вступлением 1 июля 2020 года в силу изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2013 года № 1184 «О реализации Закона Республики Беларусь “О медиации”» принято постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 12 января 2021 года № 2 «О порядке информирования о деятельности медиатора».

Данное постановление регламентирует порядок и объем сведений, которые медиаторы предоставляют в Министерство юстиции. Пункт 4 Перечня сведений о деятельности медиатора предполагает предоставление информации о

количестве проведенных медиаций в разрезе предмета (вида) спора. В указанном пункте отсутствует отдельное выделение графы, которая касалась бы количества медиаций по спортивным спорам, что свидетельствует как о небольшом количестве самих спортивных споров, так и о недостаточно широком использовании медиации для их разрешения.

В то же время медиация могла бы стать весьма эффективным способом разрешения спортивных споров, во-первых, в силу их специфики.

Несмотря на зрелищность и публичность спорта, конфликты, возникающие в спортивной среде, характеризуются высокой латентностью. Связано это с тем, что процесс подготовки спортсменов и спортивных команд в большинстве своем является закрытым. Спортивные тренеры и врачи имеют свои методики в отношении режима дня спортсменов, их питания, восстановления после травм и непосредственно тренировок. Принимая во внимание соревновательность всей спортивной деятельности, данные технологии не предаются широкой огласке.

Не исключены и негативные моменты спортивной деятельности, связанные с применением допинга, нарушением локальных правил, несвоевременной выплатой заработной платы или, наоборот, достаточно высокими доходами спортсменов, которые спортивные организации всеми способами пытаются не афишировать, дабы избежать репутационного ущерба.

В свою очередь, процедура медиации конфиденциальна, это позволит сохранить в тайне те обстоятельства спортивного спора, которые ни одна из сторон не желала бы выносить на общественное обсуждение.

Особенность профессионального спорта как специфического вида деятельности создает необходимость участия в разрешении споров узких специалистов. Государственная судебная система не всегда обладает достаточно квалифицированными кадрами, имеющими подготовку в области спортивного права. Как справедливо отмечает профессор В. С. Каменков, из числа специалистов, которые могли бы рассматривать спортивные споры, следует исключить спортивных судей, работающих на ринге, на поле, поскольку у них совершенно иное функциональное предназначение [3].

В связи с этим оптимальным представляется путь разрешения спортивного спора с участием медиатора, который обладает специальными познаниями в сфере спортивных правоотношений и имеет соответствующую практику.

Стоит отметить, что для нашей страны характерен традиционно низкий процент принудительного исполнения решений судов. Очевидное преимущество в данном плане имеется у альтернативных способов разрешения споров. Например, профессор В. С. Каменков отмечает, что медиативные соглашения, которые заключаются медиаторами УПУ «Центр «Медиация и право» при об-

ществленном объединении «Белорусский республиканский союз юристов», ежегодно исполняются на уровне 75–80 % [3].

Таким образом, при всех очевидных преимуществах применения медиативных технологий при разрешении спортивных споров медиация в нашей стране остается мало востребованной для субъектов спортивного права.

Полагаем, изменить ситуацию в обратную сторону можно благодаря продолжению информирования граждан о преимуществах медиации. Отдельно стоит направить усилия на проведение информационно-разъяснительной работы в профессиональной среде спортсменов, тренеров, а также лиц, причастных к спортивной подготовке (спортивные врачи, агенты, скауты и т. п.).

Опыт Англии, в которой спорту на национальном уровне придается огромное значение, говорит о положительном эффекте так называемой горячей линии медиативной помощи — телефонной линии, позвонив на которую человек получит консультацию по выбору медиатора, который не только будет являться компетентным в его вопросе, но и находиться вблизи места проживания гражданина.

Совершенствование национального законодательства не только в области альтернативного разрешения споров, но и в области спортивного права будет способствовать развитию медиации по спортивным спорам. Важна не только информационная, но и правовая поддержка медиации со стороны государства. В перспективе считаем необходимым закрепить обязательность медиации по отдельным видам гражданско-правовых споров, в том числе и спортивным.

Немаловажную роль играет внедрение специализированных курсов по спортивному праву и разрешению конфликтов в вузах, которые осуществляют подготовку специалистов в области физкультуры и здоровья, юриспруденции, а также руководителей различных уровней, деятельность которых связана со спортом.

Применение медиативных технологий при разрешении спортивных споров может не только способствовать выработке взаимовыгодного решения для субъектов спортивного права, но и ускорить сам процесс разрешения конфликта, сохранив при этом конфиденциальность и деловые партнерские отношения. И главное, в конечном итоге такое совместное решение, выработанное сторонами в процедуре медиации, по результатам разрешения спора не будет негативно влиять на спортивные достижения команд, отдельных спортсменов и тренеров.

1. Алексеев С. В. Спортивное право России : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Юриспруденция» и «Физическая культура и спорт» ; под ред. П. В. Крашениникова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2015. 1055 с. [Вернуться к статье](#)

2. Здрок О. Н. Медиация : пособие. Минск : Четыре четверти, 2018. 540 с.

[Вернуться к статье](#)

3. Каменков В. С. Поможет ли медиация в спортивных конфликтах? [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-аналитической системы «Пех».

[Вернуться к статье](#)

УДК 342.91

СТАДИЯ «ПРИНЯТИЕ ЖАЛОБЫ И ЕЕ РЕГИСТРАЦИЯ» В ПРОЦЕССЕ ОБЖАЛОВАНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ**О. В. Коховец**

Академия МВД Республики Беларусь,
адъюнкт научно-педагогического факультета
e-mail: oleg.kohovec@mail.ru

***Аннотация.** Проводится исследование правового содержания стадии принятия и регистрации жалобы в процессе обжалования в государственном управлении. Выявляются имеющиеся пробелы и коллизии данной стадии, предлагаются и обосновываются способы их преодоления путем внесения соответствующих организационных предложений.*

***Ключевые слова:** жалоба, обжалование, государственное управление, процесс, стадия, регистрация.*

***Annotation.** The research is conducted on the legal content of the stage of acceptance and registration of a complaint in the process of appealing in public administration. The existing gaps and collisions of this stage are identified, ways of overcoming them are proposed and substantiated by making appropriate organizational proposals.*

***Keywords:** complaint, appeal, public administration, process, stage, registration.*

Обжалование в государственном управлении предстает не только как эффективное средство защиты нарушенных неправомерными действиями (бездействием) и решениями должностных лиц органов государственного управления прав, свобод и (или) законных интересов граждан, юридических лиц и их законных представителей, но и как юридический процесс. Как и любой процесс, обжалование имеет соответствующую цель, а именно защиту и восстановление нарушенных прав населения, решение которой приводит к достижению определенного результата — вынесению законного решения по поступившей жалобе. Кроме того, специфической особенностью юридического процесса является наличие ряда последовательных действий — стадий, сменяющих друг друга. По данному факту Д. В. Гвоздев отмечает, что характерной чертой процесса «является строгая последовательность стадий юридической деятельности, которая не может быть изменена, при этом каждая из стадий должна быть реализована» [1, с. 174].

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что для достижения правового результата процесс обжалования должен пройти ряд стадий, следующих одна за другой в строгой последовательности, причем каждая из них должна привести к какому-либо процессуальному действию, без которого невозможен переход на следующую стадию.

Одной из ключевых стадий процесса обжалования в государственном управлении, следующей за стадией подачи жалобы, является стадия ее принятия и последующей регистрации. В рамках проводимого исследования с целью выявления имеющихся пробелов и коллизий, а также поиска путей их преодоления предлагаем рассмотреть процесс реализации анализируемой стадии с момента принятия жалобы и до ее регистрации.

Приступая к раскрытию проблемного поля осуществляемого исследования, следует отметить, что на данной стадии должностному лицу органа государственного управления необходимо провести проверку как самого предмета жалобы, поступившей в орган государственного управления, так и наличия у лица прав на ее подачу и в случае соответствия приведенных критериев осуществить ее регистрацию. В процессе проверки должностное лицо обязано изучить суть вопросов, изложенных в жалобе, и копии материалов, прилагаемых к ней, проверить факт соблюдения автором жалобы всех требований, предъявляемых к указанному виду обращений, определить законность полномочий лица, представляющего интересы другого гражданина, а также установить подведомственность подаваемой жалобы. Помимо прочего, по мнению Д. Улоги, «в случае если действие или решение обжалуется не участником процесса, а иным лицом, жалоба обязательно должна содержать указание на то, какие права и законные интересы подающего жалобу затронуты производимыми процессуальными действиями (решениями)» [2, с. 25].

На данном этапе рассматриваемой стадии процесса обжалования в государственном управлении обнаруживается определенная проблематика, связанная, в первую очередь, со значительным количеством поступающих в органы государственного управления повторных жалоб, многие из которых к тому же являются необоснованными. Одним из объективных путей разрешения указанной проблемы видится введение оплаты за подачу повторной жалобы. В последующем при установлении в ходе рассмотрения жалобы по существу ее обоснованности предполагается посредством разработки соответствующего механизма возратить лицу, подавшему повторную жалобу, внесенную оплату. Обоснованность приведенного организационного предложения основывается также на существовании подобного механизма в суде. Так, истцу для подачи соответствующего иска необходимо оплатить государственную пошлину. В случае удовлетворения иска вторая сторона — ответчик — обязана возместить истцу расходы, связанные с судебным процессом.

Вторым этапом исследуемой стадии процесса обжалования в государственном управлении является регистрация поступившей жалобы. Следует подчеркнуть, что регистрация занимает особое место в процессе обжалования. Так, непосредственно с момента регистрации жалобы начинается отсчет

процессуальных сроков ее рассмотрения, в течение которых должностное лицо обязано провести проверку по жалобе, а также вынести по ней законное решение. В. А. Лория справедливо отметил: «Регистрация заявлений, жалоб и предложений не является самоцелью. Она необходима для правильной организации производства дела, для обеспечения законности» [3, с. 51].

Это, в свою очередь, влияет на законность путем поддержания регистрационно-учетной дисциплины лиц, уполномоченных рассматривать жалобы. Для дополнительной аргументации приведенного утверждения, на наш взгляд, разумно привести определение понятия регистрационно-учетной дисциплины. Так, С. В. Добрян под регистрационно-учетной дисциплиной понимает «обязательное для всех сотрудников органов внутренних дел соблюдение установленного законодательством порядка приема, регистрации, рассмотрения и учета заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и информации о происшествиях, регистрации и учета преступлений и административных правонарушений» [4, с. 6–7].

Рассматриваемый этап стадии процесса обжалования в настоящее время также имеет ряд недостатков, требующих своего разрешения. Например, отсутствие какого-либо разграничения поступающих в органы государственного управления обращений граждан и юридических лиц по их содержанию. Все они независимо от вида проходят стандартный процесс документооборота. Это приводит к тому, что поступившая жалоба, прошедшая процесс регистрации, попадает на рассмотрение должностному лицу лишь через несколько дней, поскольку зарегистрированные обращения граждан и юридических лиц передаются руководителю структурного органа, который, в свою очередь, определяет ее исполнителя. Подобный алгоритм приводит в массе негативных последствий и, в частности, к нарушению сроков рассмотрения жалобы, а также затягиванию вынесения законного решения по ней.

Кроме того, в данном случае можно усмотреть нарушение требований, предъявляемых к организации документооборота, который, в соответствии с приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 6 апреля 2017 г. № 88 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Республики Беларусь», должен обеспечивать оперативность прохождения документов [5].

С целью преодоления указанных негативных тенденций предлагается создание рабочих групп, специализирующихся на рассмотрении поступающих жалоб граждан и юридических лиц. Предполагается, что указанные группы будут независимо от того или иного территориального органа государственного

управления осуществлять делопроизводство по жалобам и выносить по ним законные решения, не отвлекаясь на другие виды обращений.

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что стадия принятия и регистрации жалобы является одной из ключевых в процессе обжалования в государственном управлении. Непосредственно на данной стадии осуществляется проверка соответствия формы и содержания жалобы предъявляемым требованиям, определяется ее подведомственность и с момента регистрации исчисляются процессуальные сроки ее рассмотрения по существу. Исследование юридического содержания указанной стадии позволило разработать ряд организационных предложений, реализация которых позволит достигнуть следующих целей:

- усовершенствовать действующее законодательство, регламентирующее порядок обжалования действий (бездействия) и решений должностных лиц органов государственного управления, нарушающих права, свободы и (или) законные интересы граждан, юридических лиц и их законных представителей;
- повысить эффективность стадии принятия и регистрации жалобы в процессе обжалования в государственном управлении;
- снизить количество повторных жалоб населения, являющихся необоснованными;
- повысить качество рассмотрения поступающих жалоб граждан, юридических лиц и их законных представителей;
- снизить уровень привлечения к дисциплинарной ответственности должностных лиц органов государственного управления в связи с нарушением регистрационно-учетной дисциплины.

1. Гвоздев Д. В. Административная юстиция: теоретико-правовой анализ. Минск : Академия МВД, 2019. 306 с. [Вернуться к статье](#)

2. Улога Д. Некоторые вопросы применения положений главы 7 ПИКоАП // Судовы веснік. 2018. № 3. С. 24–29. [Вернуться к статье](#)

3. Лория В. А. Административный процесс и его кодификация. Тбилиси : Изд-во Тбил. ун-та, 1986. 281 с. [Вернуться к статье](#)

4. Порядок осуществления персонального контроля начальниками территориальных ОВД за соблюдением подчиненными сотрудниками законодательства при приеме, регистрации, рассмотрении и учете заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и информации о происшествиях / С. В. Добрян [и др.]. Минск : Полиграф. центр М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 2013. 71 с. [Вернуться к статье](#)

5. Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 06 апр. 2017 г., № 88. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.4

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ****С. С. Лосев**

Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь,
ведущий научный сотрудник,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: sergei_losev@list.ru

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию основных аспектов уголовно-правовой защиты прав интеллектуальной собственности. Критический анализ норм ст. 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь позволяет автору сформулировать отдельные предложения по совершенствованию законодательства.*

***Ключевые слова:** уголовное право, право интеллектуальной собственности, контрафакция, совершенствование уголовного законодательства.*

***Annotation.** The article is devoted to the study of the main aspects of criminal law protection of intellectual property rights. A critical analysis of the norms of Article 201 of the Criminal Code of the Republic of Belarus allows the author to formulate some proposals for improving the legislation.*

***Keywords:** criminal law, intellectual property law, counterfeiting, improvement of criminal legislation.*

В постиндустриальной экономике интеллектуальная собственность становится наиболее ценным активом. Однако одновременно с ростом ее экономической значимости растет число нарушений прав интеллектуальной собственности. В исследованиях, публикуемых международными организациями, торговля контрафактными товарами названа главным вызовом для глобальной инновационной экономики. Помимо контрафакции, серьезную угрозу представляют и иные нарушения прав интеллектуальной собственности, непосредственно не связанные с производством и распространением товаров, в первую очередь — широкое несанкционированное использование произведений и объектов смежных прав в сети Интернет; при этом имущественный ущерб, причиняемый правообладателям, становится сопоставимым с ущербом, причиняемым производством контрафактных экземпляров. Не меньшую значимость имеет защита личных неимущественных прав авторов как условие формирования среды, способствующей созданию новых результатов интеллектуальной деятельности. Поэтому можно говорить о том, что задачей законодателя является обеспечение правовой защиты как имущественных, так и личных неимущественных прав интеллектуальной собственности.

В системе правовых норм, обеспечивающих защиту прав интеллектуальной собственности, особое место занимают нормы уголовного законодательства, призванные пресекать наиболее опасные посягательства на охраняемые права. В то же время статистика свидетельствует о том, что при официально признаваемом высоком уровне нарушений прав интеллектуальной собственности в нашей стране имеются лишь единичные случаи возбуждения уголовных дел в отношении лиц, виновных в таких нарушениях [1, с. 10]. Такое состояние дел, безусловно, побуждает обратиться к критическому анализу норм уголовного законодательства Беларуси, призванных обеспечить защиту прав интеллектуальной собственности, и определить основные направления его совершенствования.

В действующем Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК) все составы преступлений, связанных с нарушением прав интеллектуальной собственности, приведены в одной статье — ст. 201 УК «Нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности».

Часть 1 ст. 201 УК предусматривает составы преступления, связанные с посягательствами на личные неимущественные права авторов. В числе уголовно наказуемых деяний названы присвоение авторства, принуждение к соавторству, разглашение сущности объекта промышленной собственности до официальной публикации. Однако, как представляется, данная норма сформулирована крайне неудачно, поскольку в ней предусмотрена ответственность за совершение указанных деяний только в отношении объектов права промышленной собственности. Иными словами, присвоение авторства, а также принуждение к соавторству не рассматриваются как преступления, если речь идет об объектах авторского права и исполнениях, на что обращают внимание отечественные правоведы [2, с. 128–129]. В то же время посягательства на личные неимущественные права авторов произведений имеют не меньшую общественную опасность, чем посягательства на личные права авторов изобретений или иных объектов промышленной собственности, при этом данный вид посягательств является более распространенным.

Состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 201 УК, включает незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности; при этом условием привлечения лица к уголовной ответственности является либо административная преюдиция, либо факт извлечения в результате нарушения дохода в крупном размере.

Состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 201 УК, называет ряд квалифицирующих признаков, наличия любого из которых достаточно для при-

влечения к ответственности по этой части ст. 201 УК. При этом административная преюдиция уже не требуется.

Анализируя нормы ст. 201 УК, необходимо обратить внимание на следующее. Составы, предусмотренные ч. 2 и 3 ст. 201 УК, посвящены посягательствам на имущественные права, действующие в отношении объектов интеллектуальной собственности. Деяния, за которые наступает ответственность в соответствии с указанными составами, определены как «незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности». С одной стороны, приведенная формулировка представляется максимально широкой, в том числе по охвату объектов интеллектуальной собственности. В то же время в отчете ЕЭК отмечено, что УК РБ не содержит четкого указания на товарные знаки и географические указания как на объекты интеллектуальной собственности, права на которые могут быть нарушены, что может влиять на эффективность применения данной нормы [1, с. 30].

Следует отметить, что законодательство в области права интеллектуальной собственности не использует такое понятие, как «незаконное использование», а чаще всего говорит об ответственности за нарушение исключительного права, а также определяет действия, являющиеся такими нарушениями. Как представляется, указание в диспозиции ч. 2 и 3 ст. 201 УК в качестве деяния, влекущего уголовную ответственность, именно нарушения исключительного права на объекты авторского права, смежных прав и права промышленной собственности, определяющее непосредственный объект преступного посягательства, способствовало бы более точной квалификации соответствующего деяния.

Также хотелось бы обратить внимание на квалифицирующий признак, содержащийся в ч. 3 ст. 201 УК, — причинение ущерба в крупном размере. В ч. 2 этой же статьи квалифицирующим признаком выступает получение дохода в крупном размере. Согласно примечанию к ст. 201 УК крупный размер дохода определяется той же суммой, что и крупный размер ущерба. Такой подход законодателя вызывает критику в связи с тем, что применительно к нарушениям исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности данные понятия являются тождественными. Поскольку ущерб, упоминаемый в ч. 3 ст. 201 УК, имеет денежное выражение, под ним следует понимать убытки, причиненные правообладателю. Особенность исключительных прав состоит в том, что их нарушение причиняет их обладателю убытки, которые представляют собой упущенную выгоду (доходы правообладателя от возможного использования объекта права третьими лицами, не полученные в связи с тем, что такое использование осуществлялось неправомерно). Согласно норме п. 2 ст. 14 Гражданского кодекса Республики Беларусь, если лицо, нарушившее право, по-

лучило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере, не меньшем, чем такие доходы. Тем самым доходы нарушителя автоматически приравниваются к упущенной выгоде правообладателя, т. е. ущерб в терминологии ст. 201 УК. Очевидно, что при тождественности понятий «доход» и «ущерб» последнее не может выступать в качестве квалифицирующего признака для ч. 3 ст. 201 УК.

Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства государств — членов ЕАЭС позволяет сделать выводы об очевидном различии подходов национального законодателя в определении круга уголовно наказуемых деяний, связанных с посягательствами на права интеллектуальной собственности, об отсутствии единообразного подхода в определении степени общественной опасности посягательств на имущественные права в отношении объектов авторского права и смежных прав, с одной стороны, и имущественные права в отношении объектов права промышленной собственности, с другой, о том, что по общему правилу не используется административная преюдиция. Также следует отметить отсутствие единого подхода в выделении квалифицированных составов, связанных с посягательствами на имущественные авторские, смежные и патентные права. В этом отношении наиболее проработанными представляются редакции ст. 198 и 199 Уголовного кодекса Республики Казахстан, в которых выделен целый ряд составов, отличающихся степенью общественной опасности.

Изучение положений правовой доктрины позволяет обратить внимание на наиболее значимые моменты. Так, К. В. Кузнецов в своей диссертации обосновывает необходимость разделения составов, связанных с посягательствами на личные и имущественные права интеллектуальной собственности [3, с. 9]. При этом высказывается мнение о том, что состав посягательства на личные неимущественные права авторов должен носить формальный характер.

Наряду с присвоением авторства состав преступления должно образовывать принуждение к соавторству, которое, по мнению отдельных исследователей, характеризуется значительно большей общественной опасностью, в связи с чем требуется дифференциация ответственности [3, с.10].

Анализируя нормы, устанавливающие ответственность за посягательства на имущественные права интеллектуальной собственности, исследователи отмечают, что наибольшую сложность при привлечении лица к ответственности вызывает доказывание факта причинения правообладателю ущерба в определенном размере [4, с. 54]. В связи с этим актуальным становится определение состава как формального — совершение деяния с целью извлечения прибыли,

а для квалифицированного состава использование такого признака, как размер деяния.

Заслуживает внимания и предложение выделить в структуре УК отдельную главу, объединяющую составы, связанные с нарушением имущественных авторских, смежных и патентных прав, прав на товарные знаки и нарушением коммерческой тайны, поместив ее в раздел «Преступления в сфере экономики».

В заключение можно сделать следующие выводы. В уголовном законодательстве Республики Беларусь должна быть предусмотрена ответственность за присвоение авторства и принуждение к соавторству в отношении объектов авторского права и исполнений, в связи с чем необходимо включение в диспозицию ч. 1 ст. 201 УК прямого указания на эти объекты. При этом с учетом специфики объекта преступления целесообразно выделение составов преступлений, связанных с нарушением личных неимущественных прав авторов всех видов охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в отдельную статью в рамках главы 23 УК РБ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина».

Нормы ч. 2 и 3 ст. 201 УК РБ требуют системного пересмотра. Объективная сторона преступлений, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 201 УК РБ, выражается в нарушении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. Поэтому в диспозиции ч. 2 ст. 201 УК термин «незаконное использование» следует заменить термином «нарушение исключительного права».

Представляется целесообразным отказаться от административной преюдиции. В качестве квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 201 УК предлагается использовать «совершение преступления в крупном размере», доказывание которого представляется более простым, чем доказывание факта получения дохода в крупном размере. При этом термин «крупный размер» для целей данной статьи может быть определен как стоимость изготовленных и (или) распространяемых контрафактных товаров либо стоимость права использования соответствующего объекта интеллектуальной собственности. Используемый в настоящее время в диспозиции ч. 3 ст. 201 УК квалифицирующий признак «причинение ущерба в крупном размере» по своей правовой природе тождественен квалифицирующему признаку «получение дохода в крупном размере», используемому в ч. 2 этой же статьи. Как представляется, квалифицирующими признаками, отражающими большую степень общественной опасности, могут выступать предусмотренные в настоящее время повторность, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, совершение преступления лицом с использованием служебных полномочий, а также дополнительный квалифицирующий признак — совершение преступления в особо крупном размере.

С учетом природы объекта преступления нормы, содержащиеся в настоящее время в ч. 2 и 3. ст. 201 УК, целесообразно в качестве отдельной статьи перенести в раздел VIII «Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности».

1. Отчет о состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе за 2019 год [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/intelsobs/Documents/> (дата обращения: 08.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Зенькович В. А. Уголовная ответственность за посягательства на личные неимущественные авторские права // Труды БГТУ : научный журнал / Учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет». 2011. № 5. С. 127–129. [Вернуться к статье](#)

3. Кузнецов К. В. Уголовно-правовая характеристика посягательств, нарушающих авторские, смежные, изобретательские и патентные права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Москва, 2008. 35 с. [Вернуться к статье](#)

4. Волкова Н. А., Уляшина В. В. К вопросу о несовершенстве законодательства РФ, регламентирующего порядок привлечения к ответственности за нарушение права интеллектуальной собственности // Вестн. ВУиТ. 2018. № 3. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.915

**РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СУБЪЕКТОВ ПРОФИЛАКТИКИ
КАК СПОСОБ БОРЬБЫ С ДЕТСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ****М. М. Маршалкина**

Отдел внутренних дел Чериковского райисполкома,
участковый инспектор инспекции по делам несовершеннолетних
e-mail: marsalkina57@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности девиантного поведения несовершеннолетних, а также пути реформирования отдельного субъекта профилактики — учреждения образования — как один из способов борьбы с преступностью несовершеннолетних. Особое внимание уделено деятельности социального педагога и педагога-психолога.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, девиантное поведение, детерминанты, профилактика преступлений, социальный педагог.

Annotation. The features of deviant behavior of minors, as well as ways of reforming a separate subject of prevention - educational institutions - as one of the ways to combat juvenile delinquency. Particular attention is paid to the activities of a social teacher and a teacher-psychologist.

Keywords: juvenile delinquency, deviant behavior, determinants, crime prevention, social educator.

Преступность несовершеннолетних — общественно опасное явление, которое свидетельствует о глубоком нравственном отставании несовершеннолетних и является результатом девиантного поведения современной молодежи, составляющей, пожалуй, самую главную ячейку общества. Наиболее полное и логичное определение преступности несовершеннолетних дает Е. В. Демидова-Петрова, которая определяет ее как социально-правовое, негативно-общественно опасное, исторически обусловленное, устойчивое явление, представляющее собой систему преступлений, совершенных лицами, не достигшими совершеннолетия (восемнадцати лет), на определенной территории, а также за определенный период времени [1, с. 17].

В юридической литературе преступность несовершеннолетних выделена как отдельный объект для изучения. Профилактика преступности несовершеннолетних имеет существенное значение для национальной безопасности, социально-экономического развития и духовного становления Республики Беларусь. Являясь легкой добычей для вовлечения в совершение преступлений, подростки, находящиеся в трудном положении, зачастую подвергаются опасности стать неотъемлемой частью криминального мира.

Поскольку причины и условия противоправного поведения несовершеннолетних коренятся в различных сферах общественной жизни, то это порождает

ет многообразие мер, направленных на минимизацию их негативного влияния, а также множество субъектов профилактики преступности и правонарушений несовершеннолетних [2, с. 889].

Наиболее тесная связь существует между несовершеннолетними и школой, в которой они обучаются. Школа — место, где несовершеннолетние проводят половину своего времени. Поэтому именно школьный учитель может рассмотреть первые зачатки девиантного поведения у учащихся.

Деятельность специалистов образовательного учреждения по предупреждению противоправного поведения учащихся координирует совет профилактики учреждения образования. Самостоятельными функциями совета профилактики, согласно Положению о совете учреждения образования по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних от 27.11.2017 года № 146, выступают: организация индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними; принятие мер, направленных на предупреждение правонарушений или иных антиобщественных действий несовершеннолетних; анализ причин и условий, способствующих безнадзорности и совершению правонарушений несовершеннолетними, обучающимися в учреждении образования, нарушению их прав и законных интересов; иные меры профилактической деятельности [3, п. 3].

Результаты государственного исследования деятельности учреждений образования указывают на необходимость совершенствования работы этих учреждений по раннему выявлению и профилактике семейного неблагополучия несовершеннолетних и их девиантного поведения. Система внутришкольного учета несовершеннолетних часто необоснованно обходит вниманием детей с проблемами воспитания и развития, отличающихся повышенной конфликтностью, замкнутостью, иными особенностями поведения [4, с. 85–86].

Недостаточная активность социальных педагогов и педагогов-психологов учреждения образования в выявлении и своевременном информировании субъектов профилактики о необходимости постановки на учет несовершеннолетних, склонных к антисоциальному поведению, по нашему мнению, напрямую связана с включенностью этих педагогов в структуру учреждения образования.

Будучи частью учреждения образования, интересы социальных педагогов и педагогов-психологов по выявлению и профилактике преступного поведения вступают в конфликты с интересами самого учреждения по сохранению последним статуса благополучного. Потому может происходить фактическое замалчивание социальными педагогами и педагогами-психологами случаев противоправного поведения детей и подростков.

В практике часто встречаются случаи, когда о противоправных действиях учащихся становится известно из поступивших заявлений от родителей или,

например, работников здравоохранения, а не от социальных педагогов и педагогов-психологов или иных сотрудников школ.

Так, в отдел внутренних дел поступило сообщение из городской больницы о травмировании ребенка. В ходе опроса несовершеннолетней В. выяснилось, что в школе ее ударил несовершеннолетний А., чем причинил первой телесные повреждения в виде ушиба бедра. Однако сотрудниками учреждения образования, достоверно знавшими о происшествии, данный факт был скрыт.

Наверняка, в школе был бы страшный скандал, если бы учитель вызвал милицию без уведомления администрации, ведь все всегда должно оставаться в стенах школы. И негативные последствия в основном отражаются больше на учителях, нежели на учениках, совершающих правонарушения.

Приведем еще один пример, схожие с которым часто встречаются в практической деятельности инспекции по делам несовершеннолетних. В отдел внутренних дел поступило заявление от матери несовершеннолетней М., в котором говорилось, что в учебном учреждении у ее дочери и у других учащихся пропадают вещи и деньги. При этом работники учреждения образования, в котором обучается ее дочь, знают о подобных случаях, однако сообщений в органы внутренних дел о необходимости активизации проведения профилактических мероприятий не заявляют и самостоятельных мер к выявлению виновных и пресечению противоправных действий не предпринимают.

Нередко, когда учреждения образования все же информируют о случившемся происшествии инспекцию по делам несовершеннолетних, уже бывает поздно, и инспекторам по делам несовершеннолетних собственными силами, путем профилактических мероприятий исправить девиантное поведение подростка не представляется возможным.

По мнению автора, в целях обеспечения объективности и своевременности профилактических мер в отношении несовершеннолетних необходимо выделить социальных педагогов и педагогов-психологов из структуры учреждения образования и подчинить их непосредственно отдельной структуре органов управления образования. Деятельность социальных педагогов и педагогов-психологов должна быть урегулирована Положением «О социально-педагогической и психолого-педагогической службе органов управления образования», разработанным и принятым Министерством образования Республики Беларусь, в котором в том числе должен быть определен широкий круг полномочий по выявлению несовершеннолетних, склонных к девиантному поведению, и осуществлению в отношении них профилактических мероприятий.

На сегодняшний день деятельность по профилактике девиантного поведения несовершеннолетних в образовательном учреждении не должна сводиться к формальным мероприятиям учета вроде постановки на учет, информиро-

вания субъектов профилактики и т. п. Ведь необоснованность таких мер может привести к стигматизации несовершеннолетнего правонарушителя, а затем и к другим отрицательным последствиям, противоположным целям профилактики. Это, в свою очередь, приведет к тому, что несовершеннолетний правонарушитель перерастет в несовершеннолетнего преступника. Поэтому в каждом случае решение о мерах в отношении подростка должно приниматься с учетом всех конкретных обстоятельств его поступка, причин и условий его совершения.

1. Демидова-Петрова Е. В. Специфика преступности несовершеннолетних как одного из видов преступности в Российской Федерации // Ученые записки Казан. юрид. ин-та МВД России. 2017. Т. 2 (3). С. 13–18. [Вернуться к статье](#)
2. Долгова А. И. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2010. 1008 с. [Вернуться к статье](#)
3. Об утверждении Положения о совете учреждения образования по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства образования Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Министерства образования Респ. Беларусь, 27 нояб. 2017 г., № 146. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
4. Отчет Национального исследования эффективности профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями в Республике Беларусь : отчет о НИР (заключ.) / Генеральная прокуратура Респ. Беларусь ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь», Представительство детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Респ. Беларусь. Минск, 2011. 247 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 368:347

ОСОБЕННОСТИ СТРАХОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРЕВОЗЧИКА ПЕРЕД ПАССАЖИРАМИ

И. В. Муравьев

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
e-mail: igor.muravev.56@bk.ru

***Аннотация.** В статье отражены концептуальные основы страхования гражданской ответственности перевозчиков перед пассажирами за вред, причиненный жизни или здоровью пассажиров, а также за причинение вреда в связи с утратой, порчей или повреждением их багажа.*

***Ключевые слова:** страховая деятельность, страхование, Положение о страховой деятельности, ответственность, транспортное средство, перевозчик, договор.*

***Annotation.** The article reflects the conceptual foundations of insurance of civil liability of carriers to passengers for harm caused to the life or health of passengers, as well as for harm in connection with the loss, damage or damage to their luggage.*

***Keywords:** insurance activity, insurance, Regulation on insurance activity, liability, vehicle, carrier, contract.*

Объектом страховой деятельности гражданской ответственности перевозчика перед пассажирами выступают определенные имущественные интересы страхователя, которые связаны с риском для жизни и здоровья гражданина и с сохранностью его имущества (ручной клади, багажа). Это обусловлено тем, что деятельность, которая связана с перевозкой пассажиров и багажа, является деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, в том числе и для пассажиров. В Республике Беларусь этот вид страхования признан обязательным, порядок и условия осуществления которого регулируются Положением о страховой деятельности в Республике Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 530 «О страховой деятельности» [1].

Перевозчик, деятельность которого направлена на оказание услуг по перевозке пассажиров и багажа различными транспортными средствами обязан заключить договор страхования со страховщиком. При этом заключение указанного договора должно быть совершено до начала осуществления этой деятельности, но не более чем на один год.

Вместе с тем необходимо отметить, что данный вид страхования не применяется при осуществлении перевозчиком автомобильных перевозок внутри Беларуси для собственных нужд, перевозок с использованием автомобильного транспорта специального назначения, воинских автомобильных перевозок.

Рассмотрим некоторые особенности осуществления обязательного страхования гражданской ответственности перевозчика перед пассажирами с учетом изменений и дополнений, внесенных в Положение Указом Президента Республики Беларусь от 14 апреля 2014 г. № 165, которые касаются ряда норм, регулирующих данный вид страхования.

Суммы страховых взносов дифференцированы в зависимости от вида транспортного средства и периода (срока) страхования, устанавливаются в иностранной валюте (евро). Виды и размеры страховых взносов варьируются в зависимости от вида сообщения выполняемых пассажирских перевозок. Таким образом, при заключении договора страхования перевозчик обязан указать данные о количестве транспортных средств, задействованных в осуществлении пассажирских перевозок, их технических и иных характеристиках и вид сообщения (прямое, смешанное и т. п.), в котором участвует каждое транспортное средство. Если перевозка предполагает использование одного и того же транспортного средства для разных видов сообщений, применяется наибольший размер страхового взноса по одному из видов сообщений.

При расчете страхового взноса применяется тариф, установленный для автомобильного транспорта пригородного сообщения.

Порядок расчета страхового взноса также предполагает, что перевозчик обязан незамедлительно сообщать страховой компании в письменной форме об изменениях в обстоятельствах, связанных с осуществлением деятельности по перевозке (увеличении или уменьшении количественного состава транспортных средств или их типов и видов, изменении маршрутов и т. п.), поскольку такая информация является существенной и влияющей на увеличение размера страхового риска. В том случае, если перевозчик не сообщит об изменениях, связанных с увеличением или уменьшением, изменением их типов и видов, и не внесет соответствующий страховой взнос, он будет самостоятельно нести гражданско-правовую ответственность перед потерпевшими за вред, причиненный их жизни или здоровью, а также за утрату, недостачу и повреждение (порчу) багажа на тех же условиях и в том же порядке, которые регламентированы Положением при надлежащем страховании.

Положением установлено, что данный договор действует как на территории Республики Беларусь, так и за ее пределами. Исключение составляют лишь перевозки, осуществляемые воздушным и железнодорожным транспортом за пределами Беларуси, в отношении которых договор страхования действует только на территории Республики Беларусь. Согласно пункту 214 Положения в случаях, когда договор страхования заключен не был или был заключен на условиях, которые ухудшают положение пассажиров по сравнению с условиями, определенными ГК [2, ст. 740] и главой 14 Положения [1, п. 221], перевоз-

чик отвечает на тех же условиях, при которых должна осуществляться выплата страховых сумм при реальном и надлежащем страховании.

Пунктом 226 Положения в редакции Указа Президента Республики Беларусь от 14 апреля 2014 г. № 165 установлена страховая сумма при наступлении страхового случая (5000 евро — при причинении вреда жизни или здоровью гражданина, 1000 евро — за утрату, повреждение или порчу багажа). Пунктом 227 Положения установлены размеры выплат потерпевшим в зависимости от степени тяжести последствий, причиненных здоровью пассажира, а пунктом 228 — размеры страховых выплат при утрате, порче или повреждении багажа [3].

Если потерпевшему установлена инвалидность после получения страхового возмещения в связи с полученным телесным повреждением, страховые выплаты осуществляются с учетом выплаченных сумм страхового возмещения.

Размер выплаты страхового возмещения, как и ранее, определяется в белорусских рублях по официальному курсу белорусского рубля по отношению к евро, установленному Национальным банком Республики Беларусь на день осуществления выплаты.

Порядок и условия осуществления обязательного страхования гражданской ответственности перевозчика перед пассажирами с учетом внесенных изменений и дополнений предусматривают, что страховая компания может порекомендовать потерпевшему установление факта причинения вреда его здоровью в суде в случаях, если имеющиеся доказательства и документы, предоставленные страхователем или иными компетентными органами, могут указывать на иные обстоятельства причинения вреда здоровью пассажира.

В случае установления факта причинения вреда в судебном порядке вопрос о выплате потерпевшему страхового возмещения будет рассмотрен после представления в страховую компанию вступившего в законную силу решения суда.

В целом порядок действий потерпевшего остался неизменным. В случае получения травмы после обращения за медицинской помощью и в органы Министерства внутренних дел Республики Беларусь, прохождения судебно-медицинской экспертизы потерпевший обращается с заявлением в первую очередь к перевозчику. Перевозчик на основании заявления пассажира и результатов внутреннего расследования составляет и представляет в страховую компанию акт о причинении вреда, после чего потерпевший, а в случае его смерти — наследники обращаются к страховщику с заявлением, форма которого установлена Положением [1, п. 230]. Перечень документов, которые необходимо приложить к заявлению, дополнен лишь заключением МРЭК в случае установления потерпевшему группы инвалидности в связи с полученным телесным по-

вреждением и вступившим в законную силу решением суда, если факт причинения вреда потерпевшему устанавливался в судебном порядке.

В случае смерти потерпевшего его наследниками представляются:

- копия свидетельства о смерти потерпевшего, удостоверенная в нотариальных органах;
- заключение Государственного комитета судебных экспертиз о причине смерти;
- копия свидетельства о праве на наследство, выданная нотариальными органами.

Таким образом, в Положении установлен порядок и условия проведения обязательного страхования гражданской ответственности перевозчика перед пассажирами, в котором учтены интересы пассажиров и перевозчиков, связанные с повышенным риском причинения вреда, приняты меры по предотвращению страхового мошенничества.

1. О страховой деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 25 авг. 2006 г., № 530 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2019 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.06.2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Об установлении размеров страховых тарифов, страховых взносов, лимитов ответственности по отдельным видам обязательного страхования [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 25 авг. 2006 г., № 531 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 18.07.2019 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98(075)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕЩЕСТВ И МАТЕРИАЛОВ****А. П. Пацкевич**

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** В статье предпринята попытка рассмотреть отдельные аспекты криминалистического исследования материалов, веществ и изделий и их значение в раскрытии и расследовании преступлений в современных условиях.*

***Ключевые слова:** криминалистика, исследование, свойства материалов, вещества, микрообъекты, обнаружение и изъятие микрочастиц, фиксация микроследов.*

***Annotation.** The article attempts to consider certain aspects of forensic research of materials, substances and products (hereinafter referred to as CAMVI) and their significance in the detection and investigation of crimes in modern conditions.*

***Keywords:** criminalistics, research, properties of materials, substances, micro-objects, detection and removal of micro-particles, fixation of micro-traces.*

В современных условиях противодействия преступности все большую роль играют новейшие судебно-экспертные информационные технологии, используемые в раскрытии и расследовании тяжких, в том числе и неочевидных преступлений. При этом важное место отводится криминалистическим исследованиям материалов, веществ и изделий (далее — КЭМВИ), объединенным в одном из перспективных направлений в развитии криминалистической техники и технологии на современном этапе.

Рассматривая это направление в криминалистической науке, следует отметить, что в нашей республике ему уделяется недостаточно внимания, об этом говорит и тот факт, что серьезных фундаментальных исследований по проблемам КЭМВИ не проводилось, а отдельные публикации на эту тему не могут в полном объеме осветить все проблемные аспекты этой многоэтапной работы с материальной обстановкой в процессе раскрытия и расследования преступлений [1, с. 110–112; 2, с. 45; 3, с. 32; 4, с. 27; 5, с. 17].

Объекты исследования КЭМВИ можно условно подразделить на несколько групп: вещества и их свойства; различные материалы; изделия.

Если рассматривать понятие «вещество» с позиции философской науки, то оно представляет собой «одну из разновидностей материи, главное свойство которой, согласно представлениям современной науки, заключается в том, что оно состоит из элементарных частиц» [6]. Но с точки зрения криминалистов, *вещество* — это отдельный вид материи, обладающий при определенных усло-

виях постоянными физическими свойствами. Вещества бывают простые (из одного элемента — водород, железо и т. д.) и сложные (вода, кислоты и др.). По агрегатному состоянию они делятся на твердые, жидкие и газообразные [7].

Интернет-ресурс «Википедия» фиксирует: «Материал — это вещество или смесь веществ, из которых изготавливается продукция. Также вещества или смеси, участвующие в процессе производства, например, придающие изготовленной продукции определенные свойства. Материалы могут отличаться по чистоте, быть органическими или неорганическими, их классифицируют как по происхождению, так и по свойствам» [8]. По мнению криминалистов, материалы — это промежуточный или конечный продукт промышленного или кустарного производства, как правило, предназначен для переработки в изделия [7].

Изделие — предмет, созданный в ходе производственного процесса [9]. Криминалисты под изделием понимают «овеществленный продукт человеческого труда определенного целевого назначения, обладающий относительной независимостью и устойчивостью существования» [7].

Каждому из веществ, материалов и изделий присущи наборы специфических свойств и качеств, т. е. объективных характеристик, которые и определяют индивидуальность и неповторимость конкретного объекта, такие как плотность, температура кипения, температура плавления, химические и физические свойства. В процессе экспертных исследований изучаются субстанциональные и морфологические характеристики и свойства веществ, материалов и изделий, из которых они состоят [10, с. 5–6].

Возросшая информационная значимость объектов КЭМВИ объясняется рядом существующих причин, одной из них является интенсивное развитие криминалистической науки и техники, которое мы наблюдаем в последнее время.

В связи с реорганизацией правоохранительных органов и созданием двух ведомств, участвующих непосредственно в борьбе с преступностью, — речь идет о Следственном комитете и Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь — во многом возросла роль сотрудников этих ведомств, в том числе и на начальном этапе расследования преступлений. Следователь и эксперт-криминалист, опираясь на последние достижения науки и техники, имеют возможность более тщательно исследовать уже в процессе осмотра места происшествия все элементы материальной обстановки, что позволяет уже на начальном этапе расследования выявить, зафиксировать и приобщить к материалам доследственной проверки или расследуемого уголовного дела объекты КЭМВИ, несущие важную криминалистическую информацию о содеянном, лицах, совершивших правонарушение, и иных обстоятельствах, имеющих значение для раскрытия и расследования преступления [11, с. 201–204].

К причинам можно отнести и значительно возросшие возможности аналитических методов исследования объектов КЭМВИ, позволяющие устанавливать не только большое количество свойств изучаемых объектов, но и уменьшить минимальные размеры вещественных источников информации, изучение которых приобретает все большее значение в процессе расследования преступлений.

В связи с более широкими техническими и методическими возможностями исследования объектов КЭМВИ в последнее время усилилась тенденция к проведению комплексных экспертиз, повышающих результативную деятельность экспертов с целью максимального анализа вещественных доказательств, что позволяет следователю более эффективно и в кратчайшие сроки изобличать виновных лиц в совершении преступлений.

Более подробно рассматривая научные и организационные основы криминалистического исследования материалов, веществ и изделий, на наш взгляд, можно условно выделить несколько направлений в КЭМВИ.

Прежде всего, это отрасль, изучаемая наукой криминалистикой в разделе «Криминалистическая техника». В этом разделе изучаются закономерности возникновения и использования криминалистически значимой информации о свойствах и характеристиках различных веществ, материалов и изделий как объектах материальной обстановки преступления. Ученые, специализирующиеся в исследовании объектов КЭМВИ, разрабатывают теоретические и методические основы производства экспертиз в современных условиях экспертной практики.

Но КЭМВИ можно рассматривать и как самостоятельный вид практической деятельности экспертов при исследовании различных объектов. Именно сотрудники ГКСЭ Республики Беларусь разрабатывают отдельные методики производства таких исследований, базирующиеся на научных разработках в этой области и новейших информационных технологиях, а также методические рекомендации сотрудникам органов уголовного преследования по правильному обращению с объектами материального мира при производстве отдельных следственных действий (осмотра места происшествия, обыска, выемки и т. д.). Чаще всего такими объектами являются наркотические и специальные химические вещества, лакокрасочные покрытия автотранспортных средств, металлы и их сплавы, текстильные волокна и волосистые материалы, нефтепродукты и горюче-смазочные материалы, пороха и продукты выстрела, частицы стекла и керамики, различные полимерные материалы, резины и т. д.

Еще одной проблемой в деятельности специалистов в области КЭМВИ является их профессиональная подготовка и образование. В настоящее время специалистов данного профиля в нашей республике готовят на базе Государ-

ственного учреждения образования «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» по специальности 1-99 02 79 «Судебная экспертиза материалов, веществ и изделий». Данная специальность, согласно последнему постановлению Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 26 октября 2020 года № 9, в котором были урегулированы вопросы деятельности по проведению судебных экспертиз государственными судебно-экспертными организациями, в настоящее время включает в себя ряд экспертиз, ранее объединенных в экспертный блок КЭМВИ: судебная экспертиза волокнистых материалов и изделий из них; судебная экспертиза металлов, сплавов и изделий из них; судебная экспертиза наркотических средств и психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, сильнодействующих веществ; судебная экспертиза нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов; судебная экспертиза полимерных материалов и изделий из них; судебная экспертиза продуктов выстрела; судебная экспертиза специальных химических веществ; судебная экспертиза спиртосодержащих жидкостей; судебная экспертиза стекла и изделий из него [12].

Подбор будущих кандидатов на должности судебных экспертов осуществляется практическими экспертно-криминалистическими подразделениями на местах. Их, как правило, подбирают из выпускников учреждений высшего образования, имеющих специализации «физик», «химик», «химик-технолог». Так, например, химик-технолог может специализироваться в выпуске пластмасс, органических смол, лаков, красок, топлива, взрывчатых веществ, стекла, цемента, керамики и т. п. Обучение состоит из теоретической и практической частей, срок подготовки — всего шесть месяцев. На наш взгляд и по оценке специалистов, данного срока явно недостаточно для глубокого изучения отдельных направлений в КЭМВИ.

Согласно работам российского криминалиста профессора В. Н. Хрусталева, совсем по-другому строятся криминалистические исследования объектов КЭМВИ и подготовка субъектов экспертной деятельности в зарубежных странах, в частности Евросоюзе и США. Полиция и органы расследования этих стран, в отличие от Республики Беларусь, в своем штате имеют специализированные криминалистические подразделения (криминалистические лаборатории (штата, города, округа), лаборатории криминалистики, лаборатория по идентификации, научные полицейские лаборатории, служба научного расследования, бюро по регистрации и идентификации и др.) по обнаружению, фиксации, сбору, изъятию и в дальнейшем исследовании различных вещественных доказательств, обнаруженных при производстве следственных действий, в частности при осмотрах мест происшествий [13, с. 297]. В. Н. Хрусталев отмечает:

«Подготовке экспертов для работы в криминалистических лабораториях в зарубежных странах придается первостепенное значение. Эксперты должны не только квалифицированно собирать следы на местах происшествий, проводить исследования, но и уметь давать показания (экспертные заключения) в суде, а также отвечать на вопросы адвоката, противной стороны, судьи и др.; последнее особенно характерно для стран с англо-американской системой судопроизводства, где эксперты подвергаются строгим перекрестным допросам» [13, с. 298].

Следует заметить, что в отличие от нашей страны, где экспертные исследования объектов КЭМВИ проводятся только государственными экспертными учреждениями (ГКСЭ Республики Беларусь), в странах Евросоюза и США наряду с государственными экспертно-криминалистическими учреждениями действуют многочисленные частные лаборатории по исследованию вещественных доказательств. В. Н. Хрусталеv отмечает: «Сторона защиты вынуждена обращаться к частным экспертам, так как ведомственные экспертно-криминалистические учреждения не проводят исследования вещественных доказательств по просьбе частных лиц. Нередко частные лаборатории оборудованы лучше, чем лаборатории полицейских служб, пользуются большим авторитетом и имеют более разнообразную клиентуру. Весьма показательно, что в некоторых из указанных стран принят ряд законодательных положений, гарантирующих получение экспертной помощи несостоятельным обвиняемым» [13, с. 298].

По мнению западных ученых, изучавших организацию американских и европейских полицейских криминалистических лабораторий всех уровней, руководитель криминалистической лаборатории является специалистом в области криминалистических экспертиз, кроме этого, он должен обладать как широким научным кругозором (сюда входит и диссертационная работа), так и некоторой практикой в сыскной работе; им может быть как химик (что предпочтительнее), так и физик. По их мнению, среди персонала лаборатории одной из важнейших фигур является химик, который, наряду с выполнением собственно химических анализов, может решать и некоторые другие проблемы — идентифицировать огнестрельное оружие, проводить рентгеновские исследования, использовать научную фотографию и микрофотографию. Прочные научные знания со специализацией по химии служат ему хорошей основой для исследования документов, включающего сравнительное исследование рукописных текстов, определение подделки и восстановление уничтоженных текстов [13, с. 300].

Правильно поставленная работа с объектами КЭМВИ при производстве следственных действий является необходимым условием для успешного раскрытия и расследования преступления [14, с. 357–362]. Сотрудники, выполня-

ющие эту работу (следователи, оперативные работники, специалисты), изначально должны быть нацелены на использование всех видов материальных следов — объектов различных судебных экспертиз.

1. Сысоев Э. В., Терехов А. В. Криминалистическое исследование материалов, веществ и изделий в раскрытии и расследовании преступлений // Вопросы современной науки и практики. 2012. № 5 (38). С. 110–112. [Вернуться к статье](#)
2. Криминалистическое исследование материалов, веществ и изделий : учебное пособие / Э. В. Сысоев [и др.]. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 84 с. [Вернуться к статье](#)
3. Вандер М. Б. Криминалистическая экспертиза материалов, веществ, изделий. СПб. : Питер, 2001. 128 с. [Вернуться к статье](#)
4. Митричев В. С., Хрусталева В. Н. Основы криминалистического исследования материалов, веществ и изделий из них. СПб. : Питер, 2003. 198 с. [Вернуться к статье](#)
5. Семенова А. Ю. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. II / под ред. А. Ю. Семёновой. Общая редакция канд. техн. наук В. В. Мартынова. М. : ЭКЦ МВД России, 2012. 649 с. [Вернуться к статье](#)
6. Лебедев С. А. Философия науки: Словарь основных терминов. М. : Академический Проект, 2004. 320 с. [Вернуться к статье](#)
7. Изделие [Электронный ресурс] // Studref — Студенческие реферативные статьи и материалы. URL: https://studref.com/458246/pravo/kriminalisticheskoe_issledovanie_veschestv_materialov_izdeliy (дата обращения: 29.01.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
8. Материал [Электронный ресурс] // Википедия. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 29.01.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
9. Изделие [Электронный ресурс] Википедия. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 29.01.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
10. Сорокин В. И. Отбор проб при исследовании наркотических средств: методические рекомендации / под ред. д-ра медицинских наук, проф. Э. А. Бабаяна [и др.]. М. : ЭКЦ МВД России, 1994. 8 с. [Вернуться к статье](#)
11. Пьянзина Е. В. Особенности проведения осмотра места происшествия по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Пробелы в российском законодательстве // Юридический журнал. 2012. Вып. № 1. С. 201–204. [Вернуться к статье](#)
12. Об осуществлении деятельности по проведению судебных экспертиз государственными судебно-экспертными организациями [Электронный ресурс] : постановление Государственного комитета судебных экспертиз Респ. Беларусь, 26 окт. 2020 г., № 9 // Национальный правовой портал. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=T22004653&p1=1> (дата обращения: 29.01.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
13. Хрусталева В. Н. Концептуальные основы криминалистического исследования веществ, материалов и изделий из них : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Саратов, 2003. 478 с. [Вернуться к статье](#)

14. Хрусталеv В. Н. О соотношении понятий «судебная экспертиза веществ, материалов и изделий» и «криминалистическая экспертиза веществ, материалов и изделий» и современном состоянии этих экспертиз : сб. науч. тр. I Междунар. форума «Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы» / Москов. ун-т М-ва внутр. дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя. М. : Москов. ун-т М-ва внутр. дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2017. С. 357–362. [Вернуться к статье](#)

УДК 346.57

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) ПРЕДПРИЯТИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Н. В. Пушко

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры правовых дисциплин,
кандидат экономических наук, доцент
e-mail: natap1980@tut.by

***Аннотация.** В статье рассмотрены перспективы создания компенсационного механизма истребования долгов по оплате труда и другим денежным требованиям, вытекающим из трудовых правоотношений, путем создания специализированных гарантийных фондов для работников организаций-банкротов.*

***Ключевые слова:** банкротство, экономическая несостоятельность, вознаграждение, работник, оплата труда.*

***Annotation.** The article discusses the prospects for creating a compensation mechanism for the reclamation of debts for wages and other monetary claims arising from labor relations, by creating specialized guarantee funds for employees of bankrupt organizations.*

***Keywords:** bankruptcy, economic insolvency, remuneration, employee, wages.*

Современное производство — это не только одна из наиболее социально и экономически значимых, но и рискованных сфер предпринимательской деятельности, эффективность работы и финансовое состояние которой тесно связаны с различными изменчивыми факторами. Особенно в этом отношении необходимо выделить аграрную сферу хозяйствования, которая как никакая другая зависит от ряда условий, не подлежащих влиянию человека. Процедуры банкротства субъектов предпринимательской деятельности определены в Законе Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее — Закон № 415-З), в котором проведена четкая регламентация процедур банкротства с указанием их длительности по времени и необходимых процессуальных действий всех участников. Кроме того, если рассматривать сельскохозяйственное производство в ряде других законодательных актов, таких как, например, Указ Президента Республики Беларусь от 4 июля 2016 г. № 253 «О мерах по финансовому оздоровлению сельскохозяйственных организаций» (далее — Указ № 253) [2], а также Указ Президента Республики Беларусь от 2 октября 2018 г. № 399 «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных организаций» (далее — Указ № 399) [3], проект Закона Республики Беларусь «О несостоятельности и банкротстве» [4]

(далее — Проект Закона), то в них содержатся положения, нацеленные не столько на банкротство финансово несостоятельных сельскохозяйственных предприятий, сколько на предоставление им больших возможностей для восстановления деятельности в ситуации неплатежеспособности. Однако данные законодательные акты не содержат статей, касающихся погашения задолженности перед работниками данных организаций в части выплаты заработной платы и других вознаграждений по трудовым и связанным с ними правоотношениям.

Рассматривая статистические аспекты данного явления, необходимо отметить, что всего в производстве экономических судов Республики Беларусь по состоянию на 1 февраля 2021 г. находилось 1774 дела об экономической несостоятельности (банкротстве): из них на долю сельскохозяйственных организаций приходилось 33 предприятия (1,9 % от всех дел), причем подавляющее большинство из них расположены в Гродненской области — 16 сельхозорганизаций. Всего же в Республике Беларусь на 1 января 2021 г. функционировало 1248 сельскохозяйственных организаций, то есть доля субъектов хозяйствования, находящихся в процедурах банкротства, составила 2,6 %. По состоянию на 1 февраля 2021 г. в производстве экономических судов Республики Беларусь числилось 149 дел об экономической несостоятельности (банкротстве) организаций, имеющих значение для экономики и социальной сферы страны. При этом в Могилевской области из 19 организаций данной категории 4 — это сельскохозяйственные организации (или 21 %). Аналогичная ситуация складывается и по другим областям. Фактически все субъекты хозяйствования сельскохозяйственного профиля, находящиеся в процедурах банкротства, составляют 27 % от совокупного числа дел о банкротстве организаций, имеющих долю государственной собственности в уставном фонде, градообразующих и приравненных к ним организаций, бюджетообразующих, системообразующих организаций, имеющих большое экономическое и социальное значение.

Совершенствование системы регулирования трудовых отношений в сельскохозяйственных организациях в условиях экономической несостоятельности (банкротства) предусматривает создание определенного правового поля и таких институциональных условий, при которых возможна реализация финансово-экономического компенсационного механизма защиты прав работника по оплате труда и другим денежным требованиям, вытекающим из трудовых правоотношений. При его внедрении, если наниматель — сельскохозяйственная организация — по каким-либо причинам уклоняется от уплаты в течение достаточно продолжительного периода (за такой период можно принять срок более трех месяцев), целесообразно создание возможности истребования задолженности через специализированные гарантийные фонды.

Следовательно, необходимо отметить необходимость дополнения Проекта Закона, в соответствии с которым предлагается сочетать трудовое право с гражданским, поскольку в современной экономической системе трудовые правоотношения не могут быть исключением из отношений товарно-денежных. Если должник своевременно не исполняет своих обязательств, то к нему по требованию кредитора могут быть применены соответствующие санкции. При этом нельзя забывать, что особенностью требований кредитора по оплате труда является их привилегированность, то есть приоритетность по отношению к требованиям других кредиторов, поскольку оплата труда для работника зачастую является одним из основных источников дохода.

Однако в настоящее время зачастую на практике не работник, а более институционально организованные, но менее привилегированные кредиторы, такие как контрагенты по сделкам, банки, посреднические и другие организации, обладают большими возможностями истребования неоплаченных долгов. Так как взыскание задолженности — это длительная и трудоемкая процедура, то разумеется, что работник в одиночку не в состоянии оплатить услуги адвокатов, оценщиков, аудиторов и других специалистов, необходимых при проведении процедур банкротства. Таким образом, компенсационные гарантийные фонды могли бы стать тем механизмом, который бы позволил работникам реализовывать свое право на заработную плату. Представляется, что данные фонды должны создаваться и функционировать в качестве коммерческих организаций, без финансового участия государства, и управляться на трехсторонней основе — с помощью предусмотренных законодательством механизмов социального партнерства.

Согласно предлагаемым изменениям в Проект Закона работнику как правообладателю долгов, вытекающих из трудовых отношений, предоставляется право выбора: или дожидаться окончания длительной — до 6 лет (для сельскохозяйственных организаций) — процедуры банкротства без гарантий получения заработной платы в полном объеме, или обратиться в гарантийный фонд с целью получения средств по финансовым требованиям, предъявляемым нанимателю, в течение одного месяца с определенным установленным дисконтом, при этом уступив свои финансовые требования по заработной плате (а также другим долгам, вытекающим из трудового договора или трудовых правоотношений) гарантийному фонду в гражданско-правовом порядке. В настоящее время правовой механизм, позволяющий работнику поступить предлагаемым образом, отсутствует, поэтому ему приходится ожидать того момента, когда наниматель исполнит перед ним свои обязательства.

Следует подчеркнуть, что предлагаемые компенсационные механизмы имеют свои риски невозврата долга или его части, поскольку чем сложнее фи-

нансово-экономическая ситуация на предприятии, тем ниже его инвестиционная привлекательность и, следовательно, сложнее истребовать с него возврат задолженности, в том числе и по оплате труда. Исходя из этого, работники экономически неперспективных сельскохозяйственных организаций объективно оказываются в худшем положении, нежели работники тех предприятий, активы которых представляют значительную ценность. Однако в любом случае система гарантийных фондов позволит не только возместить работнику даже при самом неблагоприятном исходе хотя бы часть невыплаченной зарплаты, но и позволит повысить платежную дисциплину у тех нанимателей, которые в стремлении минимизировать издержки на рабочую силу используют пробелы в законодательстве для уклонения от уплаты по обязательствам, вытекающим из трудовых отношений.

Изменения в Проект Закона в части создания гарантийных фондов позволят дифференцированно подойти к проблеме задолженности по оплате труда, активизировать его профилактическую функцию, позволяя более продуктивно использовать институт временных (антикризисных) управляющих при решении социально-трудовых проблем. При этом нельзя забывать о необходимости развития самого института антикризисного управления, в котором в настоящее время заинтересованы преимущественно банки, финансовые компании и другие кредиторы, а в предлагаемых изменениях в законопроект предлагается задействовать в сфере антикризисного управления и кредиторов социально-трудовой сферы, то есть наемных работников, поскольку с начала трудовых правоотношений работник является никем иным, как кредитором нанимателя, и невыплаченная в установленный срок заработная плата становится таким же неисполненным долговым обязательством, что и задолженность по оплате товаров или не исполненные в срок банковские кредиты. Введение института гарантийных фондов при решении вопроса снижения задолженности по оплате труда можно применять как своеобразную модель корпоративной социальной ответственности, поскольку Проект Закона должен создать условия для замены нанимателей-банкротов на эффективных менеджеров путем активизации институтов антикризисного управления.

Последствиями принятия решения о введении гарантийных фондов будут не только социально-экономические результаты: обеспечение конституционных прав гражданина, снижение социальной напряженности по причине экономической несостоятельности (банкротства) нанимателя, повышение роли гражданского общества в достижении более цивилизованного подхода к урегулированию социально-трудовых отношений между работником и нанимателем, — но и экономические: повышение финансовой дисциплины нанимателя перед работником, снижение задолженности по заработной плате. Юридическим

результатом принятия предлагаемых изменений в законопроект является устранение правовых пробелов и гармонизация трудового и гражданско-правового законодательства, а также возможность ратификации Конвенции МОТ от 23 июня 1992 г. № 173 «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя» [5], а также ст. 25 Европейской Социальной Хартии (пересмотренной) от 3 мая 1996 г. «Право работников на защиту их претензий в случае неплатежеспособности работодателя».

Таким образом, дальнейшее совершенствование механизма регулирования трудовых отношений в сельскохозяйственных организациях в условиях экономической несостоятельности предусматривает, что в том случае, если наниматель — сельскохозяйственная организация — по каким-либо причинам уклоняется от обязательств, не платит в течение длительного (более трех месяцев) периода, целесообразно создание компенсационного механизма истребования долга через специализированные гарантийные фонды. При этом работнику как правообладателю долгов, вытекающих из трудовых отношений, предоставляется право выбора: дожидаться окончания длительной — до 6 лет (для сельскохозяйственных организаций) — процедуры банкротства без гарантий получения заработной платы в полном объеме либо обратиться в гарантийный фонд с целью получения средств по финансовым требованиям, предъявляемым нанимателю, в течение месяца с установленным дисконтом, но уступив свои финансовые требования по заработной плате (а также другим долгам, вытекающим из трудового договора или трудовых отношений) гарантийному фонду в гражданско-правовом порядке.

1. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З : в ред. от 24 окт. 2016 г. № 439-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. О мерах по финансовому оздоровлению сельскохозяйственных организаций [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 4 июля 2016 г. № 253. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных организаций [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 2 окт. 2018 г. № 399. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. О несостоятельности и банкротстве : проект Закона Респ. Беларусь, внесенный на рассмотрение Советом Министров в Нац. собрание Респ. Беларусь 13.07.2016 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11200415> (дата обращения: 24.02.2021). [Перейти к источнику Вернуться к статье](#)

5. Конвенция Международной организации труда о защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя [Электронный ресурс] : принята в г. Женеве 23.06.1992 на 79-ой сессии Генеральной конференции МОТ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343

**АКТУАЛЬНОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ И УГОЛОВНЫХ НОРМ В СФЕРЕ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ****Д. В. Свешников**Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант 4 курса факультета милиции**Ж. А. Шилко**Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики
e-mail: shilko.zhanna@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются пробелы в действующем уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, не позволяющие эффективно противодействовать отдельным киберпреступлениям; аргументируется необходимость совершенствования соответствующих правовых норм.

Ключевые слова: компьютерная информация, несанкционированный доступ, хищение денежных средств, банковская карта.

Annotation. The article discusses the gaps in the current criminal and criminal procedural legislation, which do not allow to effectively counteract certain cybercrimes, and the need to improve the relevant legal norms is argued.

Keywords: computer information, unauthorized access, embezzlement of funds, bank card.

Общедоступность информационных технологий для их использования гражданами, не обладающими достаточными познаниями в сфере информационной безопасности, все более широкое распространение банковских платежных карт и увеличение доли безналичных средств в денежном обороте, развитые сетевые инструменты для анонимизации, высокая латентность, а также возможность совершения деяний из любой точки земного шара делают киберпреступления все более распространенными. С каждым годом преступления данного вида составляют все больший удельный вес среди возбужденных уголовных дел как в Республике Беларусь, так и во всем мире.

С целью выявления и пресечения такого рода преступлений Министерством внутренних дел Республики Беларусь около двух десятилетий назад созданы подразделения по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий, в настоящее время переименованные в подразделения по противодействию киберпреступности. Стремительный ежегодный рост количества преступлений в данной сфере подтверждает необходимость и важность их существования.

Однако принятие одних лишь организационно-штатных мер без соответствующего законодательного совершенствования не позволит снизить количество противоправных действий и эффективно противостоять киберпреступности.

Уголовное законодательство Республики Беларусь, как и многих других государств, устанавливает ответственность за общественно опасные деяния, связанные с компьютерной техникой. Так, ответственность за хищение денежных средств с использованием компьютерной техники предусмотрена статьей 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) [1]. Под хищением путем использования компьютерной техники в данной норме следует понимать незаконное завладение имуществом путем изменения информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или передаваемой по сетям передачи данных, либо путем введения в компьютерную систему ложной информации. Стоит отметить, что в отличие от иных преступлений против собственности, таких как хищение имущества путем кражи, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения или растраты, в статье 212 УК не обозначается минимальный размер имущественного вреда для привлечения к уголовной ответственности, а административная ответственность за такие противоправные действия не предусмотрена вовсе.

Практика показывает, что данный пробел в законодательстве весьма актуален, поскольку как хищение путем использования компьютерной техники квалифицируется и несанкционированная оплата либо снятие денежных средств в банкомате с использованием утерянной банковской платежной карты. Однако государственные затраты на уголовное преследование и реализацию мер уголовного наказания в таких случаях не соразмерны с общественной опасностью этих деяний. В связи с этим, представляется целесообразным и своевременным дополнить перечень преступлений, имеющийся в части 4 примечания к 24-й главе УК, при совершении которых лицо не подлежит уголовной ответственности, хищением имущества физического путем использования компьютерной техники лица в сумме, не превышающей двух базовых величин.

При хищении имущества юридического лица в сумме, не превышающей десяти базовых величин, необходимость введения аналогичного подхода отсутствует, поскольку на имя юридических лиц банковские платежные карты не эмитируются.

Стоит отметить, что хищение самой банковской платежной карты состава преступления либо административного правонарушения не образует, так как банковская платежная карта не имеет стоимости. Вместе с тем фактическое исчезновение и компрометация банковской карты [2] влекут за собой временные и финансовые потери лица, на которого она эмитирована, в том числе по ее перепуску. В связи с этим представляется целесообразным введение админи-

стративной ответственности за умышленное хищение банковской платежной карты при наличии требования ее владельца.

Кроме этого, в целях совершенствования действующего уголовного законодательства и унификации правоприменительной практики существует необходимость переработки содержания статьи 212 УК. В связи с тем, что несанкционированная оплата банковскими платежными картами другого лица всегда сопряжена с несанкционированным доступом к компьютерной информации, первая часть данной уголовной нормы для квалификации деяний на практике применяется крайне редко. Таким образом, данную норму, отраженную в части 1 статьи 212 УК, в связи с невысокой степенью общественной опасности деяния предлагается декриминализовать и вынести в отдельную норму административного законодательства с соответствующим смягчением санкции: *«Хищение имущества путем изменения информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или передаваемой по сетям передачи данных, либо путем введения в компьютерную систему ложной информации»*.

Вместе с тем факт совершения несанкционированных операций в сети Интернет должен являться квалифицирующим признаком хищения с использованием компьютерной техники, так как действия, совершенные с использованием физической карты, и действия, совершенные в сети Интернет, фактически отличаются общественной опасностью деяний. Предлагаем статью 212 УК изложить в следующей редакции:

«1. Хищение имущества путем изменения информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или передаваемой по сетям передачи данных, либо путем введения в компьютерную систему ложной информации, либо сопряженное с несанкционированным доступом к компьютерной информации —

наказывается штрафом, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или арестом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок.

2. То же деяние, совершенное повторно, либо группой лиц по предварительному сговору, либо с использованием глобальной компьютерной сети Интернет —

наказывается штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом, или ограничением свободы на срок от двух до пяти лет, или лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения.

3. Деяния, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи, совершенные в крупном размере, —

наказываются лишением свободы на срок от двух до семи лет со штрафом или без штрафа и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения.

4. Деяния, предусмотренные частями 1, 2 или 3 настоящей статьи, совершенные организованной группой либо в особо крупном размере, —

наказываются лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения».

Продолжая наше рассуждение в контексте назревших нормативных изменений, напомним, что частью 6 Примечания к главе 24 УК («Преступления против собственности») установлено, что уголовное преследование близких потерпевшего, совершивших кражу путем использования компьютерной техники (часть 1 статьи 212), возбуждается только по заявлению потерпевшего, а в случае его неспособности по возрасту или состоянию здоровья выразить свою волю в уголовном процессе либо в случае его смерти — любого из его совершеннолетних близких родственников или членов семьи, его законного представителя. Как показывает анализ практической деятельности, нередко имеют место случаи хищения денежных средств с банковских платежных карт близкими родственниками, в том числе несовершеннолетними детьми у родителей, путем привязки банковских карт к различным сервисам в сети Интернет. После установления таких фактов заявитель, разумеется, категорически отказывается привлекать близкого родственника к уголовной ответственности. То есть в настоящее время имеет смысл и практическая необходимость добавить к части 1 статьи 212 УК и часть 2. Соответствующие изменения необходимо внести и в часть 3 статьи 26 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, определяющую категории уголовных дел, относящихся к частному обвинению [3].

Также, по нашему мнению, белорусскому законодателю следует четко определить, при каких условиях имеет место повторность деяния по статье 212 УК, в связи с тем что в настоящее время в следственных подразделениях Республики Беларусь нет единообразного подхода по квалификации повторности деяний по данной статье. Позиция отдельных следственных подразделений состоит в том, что каждая операция, совершенная в одной торговой точке с разницей во времени в одну или несколько минут, представляет собой результат нового преступного умысла. Для других подразделений единый преступный умысел хищения средств с банковских платежных карт охватывает все операции с использованием данной карты, даже если операции совершены в различ-

ных торговых точках с разницей в несколько дней. В настоящее время к данной проблемной ситуации требуется аналитический подход как со стороны суда, так и органов прокуратуры с целью обобщения подобных случаев, единообразного толкования уголовных норм и выработки единой правоприменительной практики. В настоящий момент данной проблеме не уделяется достаточного внимания, в том числе в связи с тем, что разные подходы не влияют на квалификацию инкриминируемой статьи (часть 2 статьи 212 УК), поскольку квалифицирующий признак повторности содержится в данной части наряду с не санкционированным доступом к компьютерной информации.

Таким образом, предлагаемые в настоящей публикации изменения и дополнения в действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь являются необходимостью, продиктованной практической деятельностью органов, осуществляющих уголовное преследование лиц, совершающих киберпреступления. Глубокая законодательная проработка обозначенных проблемных вопросов позволит определить вектор для их последующего разрешения.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Компрометация карточки [Электронный ресурс] // Официальный сайт Беларусбанка. URL: https://belarusbank.by/ru/33139/press/finansovaya-gramotnost/terminy/komprometaciya_kartochki/ (дата обращения: 28.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 342.721

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ — РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ МИФ?**Д. А. Свиридов**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
начальник кафедры уголовного
процесса и криминалистики
e-mail: dima.sviridov@inbox.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются общие тенденции, направленные на защиту персональных данных. Определяется степень нормативного правового регулирования данного направления, анализируется защищенность личных данных в Республике Беларусь. Проводится сравнительный анализ с Общим регламентом защиты персональных данных, действующим в Европейском союзе.*

***Ключевые слова:** киберпреступность, личные данные, защита, законодательство, защищенность, тайна личной жизни.*

***Annotation.** The article discusses general trends aimed at protecting personal data. The degree of normative legal regulation of this area is determined, the security of personal data in the Republic of Belarus is analyzed. A comparative analysis is carried out with the General Data Protection Regulation in force in the European Union.*

***Keywords:** cybercrime, personal data, protection, legislation, security, privacy.*

Регулирование процедуры сбора, обработки и использования персональных данных выступает закономерным продолжением конституционного права защиты права личности на неприкосновенность частной жизни. С учетом современных скоростей распространения информации, влияния Интернета на личностное восприятие встает проблема неконтролируемого использования личных данных граждан. При этом такого рода информация зачастую может использоваться для изучения поведения людей и их мотивации. При получении доступа к такого рода данным бизнес использует их в целях, которые не связаны с непосредственным оказанием услуг: исследование поведения пользователей, формирование их рекламных профилей, а также разработка определенных механизмов и алгоритмов манипулирования поведением людей. Кроме того, наблюдается резкий рост числа нарушений, связанных с кибербезопасностью и защитой частной жизни, нередки утечки персональных данных. В целях ограничения такого неконтролируемого использования персональных данных и их защиты на государственном уровне принимается ряд законов, которые призваны решить вопросы, связанные с обработкой персональных данных. Следует отметить, что государства решают такого рода вопросы по-разному. Отдельные достаточно подробно регулируют использование персональных данных всеми

субъектами (например, Российская Федерация, страны Евросоюза и др.), некоторые на законодательном уровне закрепляют минимальный набор обязанностей и отдельные вопросы защиты персональных данных (например, в США — так называемая модель лоскутного одеяла). В связи с тем, что регулирование носит неоднородный характер, определить однозначно, что же представляют собой персональные данные, каков объем возлагаемых на субъектов обязанностей, практически не представляется возможным.

Без сомнений, на современном этапе развития общества не делиться персональными данными, а соответственно, не оставлять свой «цифровой след» возможности нет. Вместе с тем иметь возможность контроля своего следа, удаления и редактирования является неотъемлемым правом человека, которое должно быть обеспечено в каждом правовом государстве. Республика Беларусь в этом аспекте не является исключением и также ограничивает распространение личной информации и обеспечивает защиту персональных данных.

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений (ст. 28). В случае несанкционированного разглашения персональных данных лицо может быть привлечено к ответственности как административного (ст. 23.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях), так и уголовного характера (например, ст. 203, 352, 355, 376 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

Вопросы по сбору и хранению персональных данных урегулированы отдельными нормативными правовыми актами, среди которых следует отметить такие, как Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации»; постановления Министерства внутренних дел от 14 мая 2014 года № 163 «Об установлении образцов электронных документов, содержащих персональные данные физических лиц, вносимые судами общей юрисдикции в регистр населения» и от 27 сентября 2012 года № 341 «Об установлении порядка обезличивания персональных данных, содержащихся в регистре населения»; постановление Совета Министров от 10 апреля 2019 года № 228 «Об особенностях внесения отдельных персональных данных и их актуализации в регистре населения», хотя полный перечень актов ими не исчерпывается. При этом, несмотря на то, что в Республике Беларусь имеется большой спектр нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения в сфере оборота персональных данных, Закон о персональных данных, проект которого 13 июня 2019 года был принят в первом чтении Палатой представителей, так по настоящее время и не принят. Основная задача данного нормативного правового акта — выполнить роль систематизи-

рующего документа, регламентирующего порядок обращения с персональными данными, обеспечение защиты прав и свобод граждан в процессе сбора, обработки, распространения, предоставления персональных данных. Таким образом, это будет одним из первых шагов по обеспечению цивилизованного подхода. При этом следует учесть, что в самом проекте содержится ряд спорных моментов, которые правоприменителям предстоит апробировать, чтобы в дальнейшем выходить с предложениями о совершенствовании.

Отметим, что, несмотря на то, что в странах ЕС практика разрешения споров в сфере защиты персональных данных формировалась не одно десятилетие, утверждать о том, что все проблемы решены в полной мере, нельзя. Доступность Интернета и мобильной связи, развитость информационной инфраструктуры, как результат, сформировали возможность тотальной круглосуточной слежки за любым гражданином. ЕС, как и другие страны, столкнулся с аналогичными проблемами, связанными как со свободой в целом, так и свободой выбора отдельного гражданина в частности. Назрела необходимость в целях обеспечения личной свободы с помощью ограничения свободного доступа к персональным данным человека, а самое главное — несанкционированного их использования, включая решение коммерческих интересов государства и субъектов хозяйствования. С 25 мая 2018 года в ЕС действует Data Protection Regulation (далее — GDPR) (Общий регламент защиты персональных данных). В случае невыполнения требований GDPR на виновное лицо может быть наложен штраф в размере до 20 миллионов евро либо вплоть до 4 % от годового мирового оборота компании из расчета за прошлый финансовый год, при этом выбор зависит от того, что больше [1]. GDPR базируется на принципах законности, справедливости, прозрачности использования персональных данных; ограничения обработки заявленной целью; минимизации использованных данных; точности; исправления неправильных; ограничения срока хранения данных; информационной безопасности; подотчетности. Вместе с тем GDPR напрямую не распространяется на территорию Беларуси, так как данные вопросы должны быть законодательно урегулированы национальным законодательством. Правила GDPR действуют только на территории ЕС, затрагивая в том числе организации, осуществляющие экономическую деятельность на европейском рынке. В частности, если субъект хозяйствования занимается обработкой личных данных находящихся в ЕС людей и на этом зарабатывает денежные средства, то этот субъект обязан следовать европейским законам, в том числе гарантировать такие права, как «быть забытым» и право получения доступа к своим данным. Многие компании из Беларуси в сфере торговли, финансов, логистики и транспорта осуществляют свою деятельность на европейском рынке, работают, выполняют, соответственно, требования GDPR и будут готовы к

новшествах в законодательстве Республики Беларусь в сфере обращения личных данных.

Видится верным отметить, что главным вопросом, который волнует многих граждан, является вопрос, даст ли правовое регулирование саму возможность обеспечить соблюдение конституционных прав граждан на тайну личной жизни и защитит ли от несанкционированного использования? В настоящее время ответить на данный вопрос сложно. С одной стороны, это повлечет систематизацию и упорядочение процессов в сфере оборота личных данных и повысит доверие граждан. С другой стороны, регулирование на законодательном уровне, несомненно, создаст определенные препятствия для оперативного получения личных данных и для их использования, что, например в бизнесе, повлечет ряд негативных последствий.

Несмотря на определенные трудности, которые возникнут с принятием нормативных правовых актов, ограничивающих свободное использование личных данных, видится, что каждый человек вправе знать, для чего нужны данные о его дате рождения, адресе места жительства, для чего компании его электронный адрес, так как не каждый желает получать на него различные рекламные рассылки или же не желает их получать автоматически, а только те, которые его интересуют. Принятие и обеспечение исполнения закона о защите персональных данных — важная задача по обеспечению заботы о людях, их прав и интересов. Главная задача законодательного регулирования в сфере оборота персональных данных — снятие в определенной степени социальной напряженности, гарантия права на защиту частной жизни.

1. General Data Protection Regulation [Electronic resource] // Intersoft consulting. URL: <https://gdpr-info.eu/> (date of access: 26.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 347.9+347.6 (476)

О СПОРНЫХ НОВЕЛЛАХ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ СЕМЕЙНЫХ ПРАВ**В. П. Скобелев**

Белорусский государственный университет,
заместитель декана по заочному обучению юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: s_v_p@tut.by

Аннотация. В статье исследуются некоторые спорные новеллы в области защиты семейных прав, в частности, вопросы применения медиации, третейского разбирательства, гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: защита семейных прав, медиация, третейский суд, гражданское судопроизводство.

Annotation. The article examines some controversial novelties in the field of protection of family rights, in particular, the use of mediation, arbitration proceedings, civil proceedings.

Keywords: protection of family rights, mediation, arbitration, civil proceedings.

Закон Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 277-З «Об изменении законов» (далее — Закон № 277-З) привнес в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (далее — КоБС) достаточно много новелл. Обратим внимание на те из них, которые связаны с применением различных способов разрешения (урегулирования) конфликтов в сфере семейного права.

1. Согласно новой норме ч. 3 ст. 6 КоБС «в случаях, предусмотренных соглашением сторон, заинтересованные лица до обращения в суд с иском о защите нарушенных или оспариваемых прав, вытекающих из брачных и семейных отношений, вправе урегулировать спор с участием медиатора (медиаторов)».

Во-первых, возникает вопрос, что в данной норме понимается под соглашением сторон. Если подразумевается какое-то иное соглашение, нежели соглашение о применении медиации, например, брачный или любой иной договор, заключаемый сторонами до возникновения спора, то оправданность регулирования вызывает большие сомнения: по буквальному смыслу ч. 1 п. 3 ст. 10 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» (далее — Закон о медиации) использование медиации допустимо в отношении только уже возникших споров (это следует из фразы «все или отдельные споры, которые **возникли** из связывающего стороны правоотношения»).

Во-вторых, не вполне понятна природа явления, о котором ч. 3 ст. 6 КоБС позволяет сторонам договориться: это обязательный досудебный порядок урегулирования спора или нечто иное? Так, на обязательный досудебный порядок указывают слова «до обращения в суд с иском о защите нарушенных или оспариваемых прав, вытекающих из брачных и семейных отношений». О том

же, что это не обязательный досудебный порядок, свидетельствуют слова «вправе урегулировать». Кроме того, в п. 6 ст. 10 Закона о медиации сказано, что соглашение о применении медиации не является препятствием для обращения в суд, если иное не предусмотрено законодательными актами.

В-третьих, получается, что урегулировать спор с участием медиатора (медиаторов) возможно только в том случае, если стороны решили обратиться в суд, а вне контекста использования судебной защиты применение медиации к семейно-правовым спорам невозможно.

2. Закон № 277-З дополнил ч. 3 ст. 13 КоБС (абз. 7 данной части) указанием о том, что в Брачном договоре могут быть определены «виды споров между супругами (бывшими супругами), вытекающих из брачных и семейных отношений, которые могут быть переданы ими на рассмотрение третейского суда или для урегулирования с участием медиатора (медиаторов)». На этот счет следует сделать несколько замечаний.

Во-первых, выше мы уже отмечали, что ч. 1 п. 3 ст. 10 Закона о медиации допускает применение данной формы урегулирования конфликтов лишь в отношении уже возникших споров, а в абз. 7 ч. 3 ст. 13 КоБС подразумеваются споры, подлежащие определению в Брачном договоре, которые еще только могут возникнуть между сторонами. Для того чтобы медиация могла использоваться в отношении будущих споров, ч. 1 п. 3 ст. 10 Закона о медиации после фразы «споры, которые возникли» требуется дополнить словами «или могут возникнуть».

Во-вторых, из абз. 7 ч. 3 ст. 13 КоБС вытекает, что на рассмотрение третейского суда могут быть переданы абсолютно любые виды споров между супругами (бывшими супругами), вытекающих из брачных и семейных отношений, с чем сложно согласиться. Так, по смыслу Закона Республики Беларусь от 22 июля 2002 г. № 133-З «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» регистрационные действия в отношении недвижимости могут совершаться на основании решений только государственных судов, значит, споры о разделе между супругами недвижимого имущества в третейский суд переданы быть не могут.

Точно так, полагаем, в третейский суд нельзя передавать и споры между супругами (бывшими супругами), связанные с воспитанием детей. Для правильного разрешения подобных споров в деле требуется участие органа опеки и попечительства. Однако Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 301-З «О третейских судах» не предусматривает участия в третейском разбирательстве подобных субъектов, а исходя из положений ст. 86 КоБС участие органов опеки и попечительства по спорам, связанным с воспитанием детей, подразумевается только в государственном судопроизводстве.

3. В ч. 3 ст. 24 КоБС получила закрепление новая норма о том, что «раздел имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, если иное не предусмотрено Брачным договором в отношении этого имущества, может быть произведен по обоюдному согласию супругов как в период брака, так и после его расторжения путем заключения супругами (бывшими супругами) в письменной форме Соглашения о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, которое подлежит нотариальному удостоверению». Соответственно, в число оснований исполнения, которые предусмотрены ст. 460 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ГПК) и по которым может быть выдан исполнительный лист, Закон № 277-З включил соглашения о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов. Вместе с тем недостаток в корреляции между нормами ГПК и КоБС заключается в том, что нигде в КоБС не сказано (подобно тому, как это сделано в отношении соглашений о детях в ч. 5 ст. 76-1 КоБС), что на основании Соглашения о разделе общего совместного имущества супругов может быть выдан исполнительный документ.

4. В ч. 5 ст. 24 КоБС было закреплено, что «для требований о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, брак которых расторгнут, устанавливается трехлетний срок исковой давности». Применение данной нормы вызывало в судебной практике большие сложности, поскольку в норме не было определено, с какого момента необходимо исчислять данный срок, и суды подходили к решению этого вопроса по-разному.

Чтобы сориентировать судей, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в п. 22 постановления от 22 июня 2000 г. № 5 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» (далее — постановление Пленума № 5) разъяснил, что трехлетний срок исковой давности «исчисляется со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (ч.1 ст. 201 ГК)».

Закон № 277-З включил это положение в КоБС, причем сделал важное уточнение насчет того, каким образом соотносится момент начала течения срока исковой давности со временем расторжения брака. В итоге названная норма (в результате внесенных в ст. 24 КоБС изменений норма переместилась из пятой части данной статьи в шестую) была дополнена словами «, исчисляемый со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права, независимо от времени расторжения брака».

Серьезные возражения здесь вызывает только прием нормотворческой техники, посредством которого норма была изменена: норма была не дополнена указанными словами, а полностью изложена в новой редакции (к сожалению,

подобная порочная практика нормотворчества приобрела в последние годы распространенный характер [1; 2, с. 11–13]).

5. В новой редакции Законом № 277-З была изложена и ч. 2 ст. 36 КоБС. Однако совершенно новым в этой норме является положение лишь о том, что суд при приеме искового заявления о расторжении брака «также разъясняет супругам право на добровольное урегулирование спора с участием медиатора (медиаторов), включая их право на участие в информационной встрече с медиатором». Поэтому норму нужно было не излагать в новой редакции, а лишь дополнить соответствующими словами.

Кроме того, теперь из содержания нормы следует, что суд разъясняет указанное право именно при приеме искового заявления о расторжении брака. Хотя осуществить это на стадии возбуждения дела невозможно, потому что вопрос о принятии заявления к производству судья решает в отсутствие не только ответчика, но и истца. В лучшем случае о праве на применение медиации суд мог бы указывать в определении о возбуждении дела. Однако, во-первых, определение о возбуждении дела не предназначено для осуществления таких информационных функций. Во-вторых, ст. 321 ГПК предписывает направлять сторонам копии только тех определений, которые могут быть обжалованы (опротестованы) отдельно от решения, а определение о возбуждении дела к таковым не относится.

Правда, в ч. 3 п. 5 постановления Пленума № 5 содержится предписание о том, что «копия определения о возбуждении дела и предоставлении супругам срока для примирения и копия искового заявления направляются судом другому супругу». На это заметим, что здесь говорится о направлении соответствующего определения суда только ответчику (истцу — нет), причем, полагаем, данное разъяснение не в полной мере соответствует норме ст. 321 ГПК. Поэтому при приеме искового заявления суд не имеет объективной возможности разъяснить супругам право на применение медиации, сделать это возможно лишь на более поздних стадиях судебного процесса.

Право на применение медиации должно сейчас разъясняться и в случае расторжения брака во внесудебном порядке. Так, новая норма ч. 2 ст. 35-1 КоБС, введенная Законом № 277-З, предусматривает, что «при приеме заявления о расторжении брака орган, регистрирующий акты гражданского состояния, разъясняет супругам предусмотренные настоящим Кодексом условия, при наличии которых расторжение брака может быть произведено органом, регистрирующим акты гражданского состояния, а также их право на участие в информационной встрече с медиатором».

В контексте указанных новелл возникает вопрос об экономических гарантиях проведения информационной встречи с медиатором, а также самой медиации.

ции по спорам, связанным с расторжением брака между супругами. В п. 16-5 Правил проведения медиации, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2013 г. № 1150, закреплено, что, «если иное не установлено соглашением между медиатором и сторонами, информационная встреча с медиатором проводится на безвозмездной основе».

Как видим, норма не исключает возможность оплаты услуг медиатора во время проведения информационной встречи с ним, и вполне допускаем, что медиаторы будут отказываться проводить информационные встречи без получения гонорара. Что же касается собственно медиации, то никаких упоминаний о ее безвозмездности по спорам о расторжении брака законодательство не содержит. Поэтому вполне может быть, что для разводящихся супругов необходимость несения дополнительных затрат будет тем решающим фактором, который заставит их отказаться от обращения к медиации. Между тем, учитывая большую социальную значимость данных споров, полагаем, что оплата услуг медиаторов могла бы финансироваться (полностью или хотя бы в части) за счет государственных средств.

6. Закон № 277-З дополнил ст. 58 КоБС новой четвертой частью: «В случае рассмотрения судом спора об оспаривании записи об отцовстве взыскание алиментов с лица, уплачивающего их по судебному постановлению, не приостанавливается». Данная норма является совершенно ошибочной, поскольку описывает ситуацию, которая в отечественной правовой системе в принципе невозможна.

Если с лица были взысканы по судебному постановлению алименты, то без отмены этого судебного постановления предъявление плательщиком алиментов иска об оспаривании отцовства недопустимо, потому что при вынесении постановления о взыскании алиментов суд устанавливает факт отцовства лица, и в последующем лицо факт своего отцовства оспаривать путем предъявления иска не может [3, с. 286–307].

В ч. 2 п. 29 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20 декабря 1991 г. № 12 «О практике применения судами Республики Беларусь законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей» совершенно правильно на данный счет разъяснено, что «исходя из положения п. 3 ст. 245 ГПК судья не должен принимать заявление об оспаривании записи об отцовстве от лица, с которого по судебному решению или определению в порядке приказного производства взысканы алименты». Эта позиция подтверждена и в п. 2 постановления Президиума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 июня 2017 г. № 6 «О судебной практике по делам об установлении отцовства (материнства), об оспаривании записи о родителях».

Если в описанной ситуации плательщик алиментов желает оспорить свое отцовство, то он сперва должен добиться отмены постановления суда о взыскании с него алиментов. Теоретически правильно это делать в порядке пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам (глава 34 ГПК), если таковые обстоятельства, конечно, имеются (а именно, если лицо после взыскания с него алиментов узнало, что не является отцом ребенка). Хотя судебная практика идет по пути использования здесь правил пересмотра судебных постановлений в порядке надзора (глава 33 ГПК) [3, с. 332–333].

Если судебное постановление о взыскании алиментов в ходе пересмотра будет отменено, то согласно абз.7 ч.1 ст. 52 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» это будет являться основанием для прекращения исполнительного производства. Само же дело о взыскании алиментов будет рассматриваться судом первой инстанции повторно. В ходе разбирательства этого дела ответчик вправе предъявить встречный иск об оспаривании отцовства. Таким образом, в ходе рассмотрения судом спора об оспаривании записи об отцовстве с лица, которое ранее уплачивало алименты по судебному постановлению, алименты уже взыскиваться не будут, соответственно, и нельзя вести речь о неприостановлении их взыскания.

1. Скобелев В. П. Новая редакция правил пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений по гражданским делам: реформа судопроизводства или его локальные изменения? // Право.by. 2018. № 4. С. 52–59. [Вернуться к статье](#)

2. Скобелев В. Что меняется в ГПК? // Юридический мир. 2020. № 9. С. 8–19. [Вернуться к статье](#)

3. Скобелев В. П. Законная сила постановлений суда первой инстанции в гражданском процессе. Минск : БГУ, 2018. 447 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985:343.132

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНТРОЛИРУЕМОЙ ПОСТАВКИ

А. В. Скоробогатый

Жлобинский РОВД,

оперуполномоченный отдела уголовного розыска криминальной милиции

e-mail: aleksandr.skorabagaty@mail.ru

***Аннотация.** Рассмотрены проблемы законодательной регламентации контролируемой поставки. Предлагается формулировка нормы об уведомлении органов пограничной службы и таможенных органов о проведении контролируемой поставки через государственную границу. Отмечена необходимость выработки соответствующего механизма уведомления на уровне межведомственного нормативного правового акта.*

***Ключевые слова:** правовое регулирование, борьба с преступностью, контролируемая поставка, государственная граница, межведомственное взаимодействие, органы пограничной службы, пограничный контроль, таможенные органы, таможенный контроль.*

***Annotation.** The legal regulation of the controlled delivery are considered. The possible options for improving the norm on notification of border control agencies and customs authorities on conducting a controlled delivery across the state border is proposed. The need is noted to develop an appropriate notification mechanism at the level of an interdepartmental regulatory legal act.*

***Keywords:** legal regulation, fighting crime, controlled delivery, state border, interagency interaction, border guards, border control, customs, customs control.*

Проблема контрабандной перевозки наркотиков, оружия, боеприпасов и иных запрещенных или ограниченных к обороту веществ или предметов остается актуальным направлением борьбы с преступностью в Республике Беларусь. Этому способствуют открытость границ, хорошо развитая транспортная инфраструктура, выгодное географическое положение нашей страны. Отмеченные противоправные деяния часто совершаются организованными группами, в связи с чем эффективное противодействие предполагает принятие комплекса мер, направленных на выявление и пресечение указанной деятельности. Одним из эффективных методов борьбы с указанными преступлениями является проведение контролируемой поставки, получившее широкое признание специалистов правоохранительных органов многих государств [1, с. 6–7].

Первые упоминания о проведении контролируемых поставок относятся к 20-м годам прошлого века, когда в период сухого закона в США они были одобрены судами США и практиковались для пресечения поставок алкоголя.

В 60-х годах XX столетия сотрудники Администрации по контролю за оборотом наркотиков США начали проводить контролируемые поставки по территории европейских государств. Несмотря на первоначальное неприятие судами практики проведения подобных мероприятий, в итоге в той или иной степени контролируемые поставки наркотиков были признаны не только полицией, но и судами. В наибольшей степени это касалось Австрии, Бельгии и Германии, в несколько меньшей — Франции и Италии [2, с. 203–204, 205–211; 3].

В процессе более широкого внедрения контролируемых поставок в практику деятельности полиции спектр использования данного мероприятия расширился, оно стало применяться не только в отношении наркотиков, но и при борьбе с оборотом иных запрещенных или ограниченных к обороту предметов и веществ: оружия, боеприпасов, фальшивых денег и т. д. В связи с тем, что в организации контролируемых поставок, помимо государства происхождения и назначения, стали привлекаться транзитные государства, в обороте появился термин «транзитные контролируемые поставки». Контролируемые поставки начали проводить на различных видах транспорта: авиа-, автомобильном, железнодорожном, а также в почтовых отправлениях. С целью минимизации риска утери перевозимых наркотиков в результате целенаправленных действий преступников стала практиковаться их полная или частичная замена безвредными веществами, по внешнему виду напоминающими исходные вещества или предметы [3].

После распада СССР и образования независимого государства Республика Беларусь столкнулась с проблемой резкого роста преступности, опыт успешного решения которой уже имелся за рубежом. В этой связи были использованы достижения западных государств, в частности законодательно была предусмотрена возможность организации контролируемых поставок. Первоначально данная норма предусматривалась Таможенным кодексом Республики Беларусь от 3 февраля 1993 года (статья 52), а в последующем она была перенесена в Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД), согласно которому контролируемая поставка причислена к оперативно-розыскным мероприятиям (далее — ОРМ). Этому, в частности, способствовало присоединение Республики Беларусь к Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года, а также Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года. Данные нововведения в законодательстве не могли не сказаться на интересе к данному ОРМ, проявляемом учеными, которые рассматривают различный спектр вопросов его организации и тактики [4, с. 93–94, 135–137; 5; 6, с. 111–114].

Тем не менее по мере развития общественных отношений возникли некоторые проблемные вопросы проведения контролируемой поставки. Согласно ч. 4 ст. 29 Закона об ОРД должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, о проведении контролируемой поставки через Государственную границу Республики Беларусь (далее — международная контролируемая поставка) письменно уведомляет таможенные органы и органы пограничной службы, прокурора или его заместителя. Полагаем, что формулировка этой нормы не вполне последовательна. Пограничный и таможенный контроль не осуществляются в полном объеме на российско-белорусском участке Государственной границы, поэтому направление уведомлений в таможенные органы и органы пограничной службы Республики Беларусь о проведении контролируемой поставки через данный участок Государственной границы может привести к необоснованной расшифровке проводимого ОРМ и лиц, привлеченных к его проведению [5].

В отличие от уведомления прокурора или его заместителя, которые чаще всего не имеют возможности непосредственно ознакомиться с ходом ОРМ, норма об уведомлении иных органов, наделенных правом осуществления оперативно-розыскной деятельности (органы пограничной службы и таможенные органы), вступающих в непосредственный контакт с участниками международной контролируемой поставки, оказывающими содействие на конфиденциальной основе, в определенной степени противоречит закрепленной в абз. 21 ч. 1 ст. 14 Закона об ОРД обязанности сохранять в тайне сведения об оказании гражданами содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, а также сведения о гражданах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Отметим, что норма ч. 4 ст. 29 Закона об ОРД, имевшая до 2015 года характер рекомендации, обеспечивающей успешное решение задачи межведомственного взаимодействия, будучи закрепленной в Законе об ОРД, приобрела обязательный характер. Ее несоблюдение будет являться нарушением порядка получения материалов оперативно-розыскной деятельности, установленного законодательством Республики Беларусь, что в соответствии со ст. 101 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь может негативно сказаться на возможности использования материалов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе [7].

Для разрешения указанной коллизии представляется правильным норму о направлении уведомления в органы пограничной службы и таможенные органы Республики Беларусь перенести в межведомственный нормативный правовой акт. Для исключения возможности разглашения охраняемой законом тайны об отношениях конфиденциального содействия необходима выработка соответ-

ствующего механизма уведомления на уровне межведомственного нормативного правового акта.

Отметим также, что рассматриваемая норма об уведомлении органов пограничной службы и таможенных органов Республики Беларусь согласуется с абз. 7 ч. 1 ст. 14 Закона об ОРД, в соответствии с которым на органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, возложена обязанность информировать другие органы, осуществляющие данную деятельность, о сведениях, полученных при выполнении ее задач, относящихся к их компетенции. Последняя норма распространяется на все оперативно-розыскные органы и имеет обязательный характер. В большинстве случаев механизм направления письменного уведомления выполняет функции межведомственной координации между субъектами оперативно-розыскных правоотношений, не находящимися в подчинении друг у друга, при наличии определенной обязанности одного из них перед другим. Например, помимо ч. 4 ст. 29, в Законе об ОРД предусмотрено направление письменных уведомлений:

- прокурору или его заместителю о проведении в определенных ситуациях контроля в сетях электросвязи; о проведении ОРМ, требующего получения санкции прокурора или его заместителя, в случаях, не терпящих отлагательства; о проведении ОРМ по заявлению гражданина; о приостановлении ОРМ, которые проводились с санкции прокурора или его заместителя; о прекращении ОРМ, которые проводились с санкции прокурора или его заместителя, до истечения срока, указанного в санкции прокурора или его заместителя; после окончания оперативного осмотра, проверочной закупки, контролируемой поставки вещей, оборот которых запрещен уголовным законом под угрозой наказания;

- в орган уголовного преследования или суд, направившие в орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, письменный запрос о предоставлении материалов оперативно-розыскной деятельности или поручение о проведении ОРМ, в международную организацию, правоохранительный орган или специальную службу иностранного государства в случае принятия решения о непредоставлении или отсрочке предоставления материалов оперативно-розыскной деятельности; в орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, поручивший проведение исследований гражданам, обладающим специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, привлекаемым к участию в ОРМ в качестве специалиста, об отказе от составления справки по результатам исследования; гражданина, в отношении которого проводится ОРМ, и получение согласия этого гражданина на его проведение.

В связи с этим возникает вопрос об одностороннем характере уведомления таможенных органов и органов пограничной службы Республики Беларусь о проведении контролируемой поставки через Государственную границу Республики Беларусь, поскольку отсутствует обязанность уведомления указанными органами в случае проведения ими ОРМ на территории Республики Беларусь вне Государственной (таможенной) границы, что затрагивает компетенцию тех субъектов оперативно-розыскной деятельности, чьи полномочия осуществляются на такой территории [7]. На наш взгляд, данная ситуация требует корректировки на уровне межведомственного нормативного правового акта.

Таким образом, можно предложить следующие меры по совершенствованию правового регулирования контролируемой поставки: исключить из ч. 4 ст. 29 Закона об ОРД норму об уведомлении органов пограничной службы и таможенных органов о проведении международной контролируемой поставки; в межведомственном нормативном правовом акте, регламентирующем вопросы взаимодействия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, следует предусмотреть следующую норму: «При проведении контролируемой поставки через участок Государственной границы, на котором осуществляется пограничный контроль, письменно уведомляются органы пограничной службы, таможенный контроль — таможенные органы. Органы пограничной службы и таможенные органы письменно уведомляют иные органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, о проведении оперативно-розыскных мероприятий на территории Республики Беларусь вне Государственной границы». Для исключения возможности разглашения охраняемой законом тайны об отношениях конфиденциального содействия необходима выработка механизма уведомления на уровне указанного межведомственного нормативного правового акта, что выходит за рамки настоящей статьи.

1. Михайлов В. И. Контролируемая поставка как оперативно-розыскная операция : уч.-практ. пособие ; под ред. А. Ю. Шумилова. М., 1998. 96 с. [Вернуться к статье](#)

2. Руководство для законодательных органов по осуществлению Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и протоколов к ней / Управление ООН по наркотикам и преступности. Нью-Йорк : ООН, 2004. 564 с. [Вернуться к статье](#)

3. Харевич Д. Л. О правовой регламентации «сопровождаемых» контролируемых поставок // Криминалистические чтения, посвященные памяти заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Г. И. Грамовича : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 21 дек. 2012 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; редкол.: В.Б. Шабанов (отв. ред.) [и др]. Минск : Акад. МВД, 2012. С.370–372. [Вернуться к статье](#)

4. Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия: Общие положения. Спб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 259 с. [Вернуться к статье](#)
5. Харевич Д. Л. О некоторых проблемных аспектах правовой регламентации института уведомления о проведении оперативно-розыскных мероприятий // Проблемы эффективности осуществления правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9–10 нояб. 2018 г. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.] ; под ред. В. В. Марчука, А. В. Солтановича. Минск : Изд. центр БГУ, 2018. С. 274–279. [Вернуться к статье](#)
6. Чечетин А. Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: монография. М. : Шумилова, 2006. 180 с. [Вернуться к статье](#)
7. Скоробогатый А. В., Харевич Д. Л. Правовые аспекты контролируемой поставки // Законность и правопорядок. 2019. № 3. С. 52–55. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985.7:343.431

**ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ УЯЗВИМЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ
КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ****Д. Л. Харевич**

Академия МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: dmitryharevich@mail.ru

Аннотация. На основании сравнения ст. 181 УК Беларуси и ст. 3 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, автор приходит к выводу о наличии правового пробела, обусловленного отсутствием в указанной статье УК злоупотребления уязвимым положением потерпевшего как способа совершения торговли людьми, и предлагает устранить отмеченный пробел.

Ключевые слова: торговля людьми, способ совершения преступления, способ воздействия на потерпевшего, квалификация преступления, обман, злоупотребление доверием, зависимое положение, уязвимое положение, злоупотребление уязвимостью положения.

Annotation. On the basis of comparison of the Art. 181 of the Criminal Code of Belarus and Art. 3 of the Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children, supplementing the UN Convention against Transnational Organized Crime the conclusion is made on the presence of a legal gap caused by the absence of such a *modus operandi* of the human trafficking as the abuse of a position of vulnerability of a victim in the above mentioned article of the Criminal Code. The proposal is made to eliminate the gap.

Keywords: trafficking in persons, *modus operandi*, mean to influence on the victim, qualification of the crime, deception, fraud, dependent position, position of vulnerability, abuse of a position of vulnerability of the victim.

Торговля людьми представляет собой преступное посягательство на личную свободу человека. Ответственность за торговлю людьми предусмотрена ст. 181 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК). Обязательными признаками состава указанного преступления являются определенные способы воздействия на жертву, представляющие собой способы его совершения (обман, злоупотребление доверием, применение насилия, угроза его применения).

Универсальные подходы к определению перечня данных способов установлены в ст. 3 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (далее — Протокол). Данный перечень использован в качестве

основы для приведения законодательства Республики Беларусь в сфере торговли людьми в соответствие с международными стандартами. Среди указанных в ст. 3 Протокола способов воздействия присутствует злоупотребление уязвимостью положения. В научной литературе он выделяется в качестве одного из способов совершения торговли [1, с. 27], хотя в УК данный способ не нашел своего отражения. До 2015 года совершение торговли людьми «с использованием стечения тяжелых личных, семейных или иных обстоятельств потерпевшего», в некоторой степени отражавшее злоупотребление уязвимым положением лица, рассматривалось как квалифицирующий признак совершения торговли людьми. Однако с внесением изменений в ст. 181 УК Законом Республики Беларусь № 241-З от 5 января 2015 года данный признак был исключен. Полагаем, что отсутствие законодательного закрепления злоупотребления уязвимым положением в перечне способов совершения торговли людьми не соответствует рекомендациям ст. 5 Протокола и требует законодательной корректировки.

Уязвимое положение может быть обусловлено различными обстоятельствами финансового характера — трудовой незанятостью или финансовой несостоятельностью жертвы, нищетой, тяжелым материальным положением, отсутствием у нее средств к существованию; обстоятельствами эмоционального (психологического) характера — конфликтом потерпевшего с близкими или работодателем, смертью родственников, эмоциональной или психологической привязанностью или зависимостью от торговца людьми; социальной, культурной или языковой изоляцией; потребностью в соблюдении культурных или религиозных ритуалов или обычаев; обстоятельствами правового характера — незаконным статусом лица в иностранном государстве, семейным положением (например, если дальнейшее пребывание жертвы в стране назначения или ее благосостояние обусловлено сохранением ее брака с торговцем людьми), а также физиологического характера — психической или физической неполноценностью жертвы; полом, беременностью, молодым или пожилым возрастом; зависимостью, сформировавшейся вследствие злоупотребления психоактивными веществами, а также иными обстоятельствами, значимый характер которых для жертвы дает возможность виновному лицу злоупотреблять ими.

Обобщение материалов правоприменительной практики позволяет представить ряд обстоятельств преступления, которые могут свидетельствовать о применении способов воздействия на жертву торговли людьми, объединяемых по признаку наличия ее зависимого положения (обман, злоупотребление доверием). Например, могут использоваться различные приемы поставления лица в финансовую зависимость. Поскольку привлекаются люди с низким достатком, то часто им не хватает материальных средств, например, для оплаты визы, билетов на проезд и текущие расходы. В этом случае им предоставляется необхо-

димая сумма денег под расписку с обязательством вскоре вернуть ее. В случае если лицо отказывается выполнять требуемую от него работу, поступают угрозы взыскать данные деньги с родственников. Во время пребывания в стране назначения на лицо налагаются многочисленные штрафы за малейшие нарушения внутреннего распорядка или правил, установленных владельцем заведения (отказ от работы или определенных видов сексуальных услуг, выход за пределы учреждения, появление на работе в пьяном виде, беременность и т. д.), которые вычитаются из заработка. Со стороны эксплуататора взыскиваются чрезмерные денежные средства за различные услуги (реклама, аренда, медицинский осмотр, проживание, подделка виз, дача взяток чиновникам). В совокупности данные затраты еще более усугубляют финансовую зависимость жертвы. Финансовая зависимость может обеспечиваться сосредоточением всех получаемых денег у преступников, невыплатой заработанных денег. Например, расчеты клиентов за сексуальные услуги производятся не с жертвами, а с кассиром заведения. Жертвам трудовой эксплуатации выплата заработной платы переносится на возможно более поздний срок, приближенный к окончанию всех работ, с них взимаются незаконные вычеты, а по окончании работы вместо оплаты труда устраивают внезапную проверку сотрудниками правоохранительных органов, чтобы не выплачивать работникам деньги и заставить их вернуться на родину в результате депортации. На стадии вовлечения преступники прибегают к поставлению лица в эмоциональную (психологическую) зависимость путем имитации привязанности или влюбленности, которые могут передаваться жертве.

Впоследствии это положение может трансформироваться в правовую зависимость от лица, осуществляющего эксплуатацию, путем заключения фиктивного брака в стране назначения с целью последующего принуждения к оказанию сексуальных услуг клиентам. Для создания правовой зависимости может осуществляться незаконная доставка потерпевшего за рубеж, например, вне пограничных пунктов пропуска либо по поддельным документам, в связи с чем в стране назначения жертва будет находиться нелегально. Часто въезд в страну назначения осуществляется по туристическим или транзитным визам, после истечения срока действия которых лицо находится за рубежом нелегально. Жертва пребывает в зависимом правовом положении еще и потому, что такие визы не дают права на трудовую деятельность и при обнаружении полицией она может подвергнуться задержанию, штрафу и депортации. В случае возникновения у жертвы правовых проблем, привода в полицию (милицию) эксплуататоры используют это в свою пользу, распространяя среди потерпевших данную информацию с тем, чтобы исключить возможность их обращения в правоохранительные органы. С той же целью среди жертв могут распространяться слухи о про-

дажности должностных лиц местной полиции (милиции) или правоохранительных органов страны происхождения. Жертве сообщают о ее незаконном правовом статусе в стране назначения для того, чтобы исключить ее побег. При этом преступники прибегают к фальсификации (например, жертвам сексуальной эксплуатации сообщают, что за занятие проституцией в стране пребывания им грозит уголовная ответственность). Во многих случаях у жертв сразу после прибытия в страну назначения отбирают паспорта и мобильные телефоны с целью ограничить их свободу передвижения, общения, исключить возможность побега и выезда обратно на родину. Это может производиться без сокрытия истинной цели или под предлогом проведения каких-либо административных процедур. Имеют место случаи, когда жертву приобщают к потреблению наркотиков с целью подавления ее воли и формирования физиологической зависимости от наркотиков, поставщиком которых является лицо, осуществляющее эксплуатацию.

Применение всех указанных способов воздействия может сопровождаться различными приемами манипулирования потерпевшим, оказания на него психологического давления с целью завоевать его доверие, подчинить своей воле, вызывать состояние зависимости от торговца людьми. Например, лицо помещается в языковую или культурную изоляцию, вызванную незнанием языка, обычаев страны, в которой осуществляется его эксплуатация, при которой удовлетворение его повседневных нужд и потребностей зависит от благосклонности определенного лица (эксплуататора или его сообщников). В этом случае у потерпевшего может возникать специфическая защитно-бессознательная реакция, при которой состояние зависимости вытесняется в подсознание и замещается самоотождествлением потерпевшего с эксплуататором, влекущим идеализацию и оправдание действий последнего со стороны жертвы [2, с. 180–181].

Как видно, приведенный перечень указывает на определенное сходство уязвимо и зависимого положения. Рассматривая их отличие, отметим, что, находясь в уязвимом положении, лицо обладает свободой воли (например, может отказаться от сделанного ему предложения, хотя и ценой определенных лишений); но дав согласие, оно, как правило, лишается дальнейшей свободы принятия решений, свободы выбора. То есть уязвимое положение отличается от зависимого положения тем, что в первом случае лицо располагает возможностью действовать по своей воле, а во втором случае — нет. При злоупотреблении уязвимым положением торговец людьми манипулирует интересами лица, стремясь получить от него согласие на лишение его свободы воли, обосновывая это тем, что предлагаемое им решение будет в интересах потерпевшего. Термин «злоупотребление» означает сознательное целенаправленное использование виновным способов воздействия, которые впоследствии поставят потерпевшего

в зависимое положение. Злоупотребление уязвимым положением как способ совершения торговли людьми часто имеет место в сочетании с обманом или злоупотреблением доверием, однако может использоваться и самостоятельно, например, при манипулировании лицом, находящимся в отчаянии или ином психически нестабильном состоянии, либо оказании на него психологического давления. Так, жертве, остро нуждающейся в деньгах для оплаты лечения близкого родственника, в качестве аргумента о необходимости выезда для занятия проституцией за рубежом (что противоречит ее моральным убеждениям) приводится довод о том, что близкий обязательно умрет, если она не пойдет на предлагаемый шаг. При этом не используются обман или иные способы воздействия, жертве подчеркнуто оставляют свободу выбора, но целенаправленно создают у нее впечатление о том, что предлагаемый вербовщиком вариант является единственно возможным. Необходимо отметить, что действия виновного, направленные на получение согласия лица, находящегося в уязвимом положении, не означает автоматически злоупотребления данным положением со стороны виновного. Злоупотребление уязвимым положением должно выражаться в осознанном и целенаправленном использовании преступником обстоятельств уязвимого положения для получения согласия потерпевшего на поставление его в зависимость с возможностью последующей эксплуатации [3, с. 15–16].

Таким образом, существует некоторое сходство способов торговли людьми, направленных на поставление потерпевшего в зависимое положение (обман, злоупотребление доверием), со злоупотреблением уязвимым положением потерпевшего. Вместе с тем злоупотребление уязвимым положением потерпевшего не является их разновидностью и носит самостоятельный характер. В связи с этим целесообразно законодательно отразить его в качестве одного из способов совершения рассматриваемого преступления в диспозиции ст. 181 УК, что станет очередным шагом в направлении приведения отечественного законодательства в соответствие с обязательствами, взятыми Республикой Беларусь при ратификации Протокола.

1. Уголовная ответственность за посягательства на личную свободу человека : пособие / О. И. Бахур [и др.] ; под общ. ред. Э. А. Саркисовой, Н. И. Ретнёвой ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2016. 138 с. [Вернуться к статье](#)

2. Харевич Д. Л. О некоторых способах воздействия на потерпевшего по делам о торговле людьми // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия D. 2018. № 5. С. 179–184. [Вернуться к статье](#)

3. Лаевский В. Противодействие торговле людьми: некоторые вопросы квалификации преступлений // Судовы веснік. 2006. № 3. С. 14–18. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.45

**АУТСОРСИНГ И ЕГО ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****О. В. Шелков**

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: shelkov07@tut.by

***Аннотация.** В статье раскрывается понятие аутсорсинга как новой формы организации бизнеса. Автор исследованы правовые нормы отечественного законодательства, регламентирующие аутсорсинговые правоотношения, изложены рекомендации по созданию правовых и организационных условий для более широкого использования аутсорсинга в Республике Беларусь, обеспечению надежной правовой защиты его участников.*

***Ключевые слова:** аутсорсинг, договор аутсорсинга, аутсорсер, аутсорсинговая организация, заказчик, исполнитель, бизнес-процесс.*

***Annotation.** The article reveals the concept of outsourcing as a new form of business organization. The author studies the legal norms of domestic legislation regulating outsourcing legal relations, presents recommendations for creating legal and organizational conditions for a wider use of outsourcing in the Republic of Belarus, ensuring reliable legal protection of its participants.*

***Keywords:** outsourcing, outsourcing contract, outsourcer, outsourcing organization, customer, contractor, business process.*

Современное развитие экономики в Республике Беларусь диктует новый план действий для предпринимателей. Жесточайшая конкуренция, стремительно развивающиеся технологии — все это требует больших ресурсов и материальных затрат. В последнее время в таких условиях новой и эффективной формой ведения бизнеса стал аутсорсинг — передача сторонней компании части выполняемых функций или отдельных бизнес-процессов. Это позволяет сконцентрироваться на стратегических и основных функциях предприятия, снизить издержки, повысить как приспособляемость к новым технологиям, так и надежность процессов, выполняемых аутсорсером.

Следовательно, изучение особенностей практики применения и правового регулирования аутсорсинга в различных странах, выработка предложений по его совершенствованию являются весьма актуальными в настоящее время.

Среди основных причин привлечения услуг аутсорсеров следует выделить следующие:

- необходимость выполнения важного проекта в короткие сроки;

- стремление к использованию передовых технологий, которыми владеют аутсорсеры, и, следовательно, к повышению качества предоставляемых товаров и услуг;
- возможность «оперативно изменить размер и масштаб деятельности, когда некая функция больше не нужна (является сезонной, временной) и необходимо оптимизировать и перераспределить персонал, оборудование, технологии» [1, с. 34];
- нехватка или недостаточная квалификация собственного персонала;
- возможность для компании эффективно и быстро, с соблюдением внутреннего законодательства начать бизнес в другом регионе или в другой стране.

Важно то, что зачастую указанные причины не исключают, а дополняют друг друга.

Необходимо отметить, что при передаче определенных бизнес-процессов аутсорсинговой компании компания-клиент планирует получить ряд преимуществ. Важнейшими среди них являются:

- концентрация усилий на основном, профильном бизнесе;
- снижение издержек, сокращение затрат на реализацию отдельных программ и выполнение работ;
- получение возможности решения других важных задач и осуществления перспективных научных и технических проектов;
- обеспечение более качественного по сравнению с собственной службой выполнения задач, переданных аутсорсеру, так как к сотрудничеству будут привлечены профильные специалисты самого высокого уровня;
- разделение или передача аутсорсеру, в соответствии с договором, части возможных рисков.

Кроме этого, руководство компании-клиента при пользовании услугами аутсорсера может сохранять «компактность» своей компании, что не только упрощает управление ею, но и позволяет остаться в статусе малого предприятия и иметь при этом дополнительные налоговые и другие преимущества. При росте или падении спроса на продукцию компания может не сокращать свой персонал, а только изменить условия договора с аутсорсинговой фирмой.

Несмотря на наличие ряда преимуществ, широкое применение аутсорсинга в финансово-хозяйственной и производственной деятельности компаний ограничивается рядом факторов.

Так, в первую очередь, при аутсорсинге возникает полная или частичная зависимость от аутсорсера. Заказчик не всегда может эффективно управлять действиями аутсорсера и не может осуществлять полноценный контроль за деятельностью этой компании.

Во-вторых, при передаче аутсорсеру определенных полномочий возникает риск утечки информации, которая является конфиденциальной и может быть использована конкурентами.

Кроме того, важным является то, что при работе с аутсорсерами существует вероятность снижения как мотивации, так и производительности собственных сотрудников, которые могут расценить заключение договора аутсорсинга как недоверие руководства к собственным работникам, предвестник массовых увольнений сотрудников и сокращения объемов выпуска продукции.

Следовательно, применение аутсорсинга имеет как положительные, так и отрицательные аспекты, которые являются весьма значимыми. Они оказывают большое влияние на принятие решений компаний относительно пользования услугами аутсорсера. Вместе с тем, по нашему мнению, преимущества использования аутсорсинга значительно превышают его недостатки.

Следует отметить, что на первоначальном этапе аутсорсинговая деятельность в Республике Беларусь осуществлялась «на свой страх и риск в условиях правовой неопределенности и правового вакуума, фактически в ходе реализации пилотных проектов» [2, с. 18]. И до настоящего времени специального гражданско-правового регулирования аутсорсинговых взаимоотношений отечественное законодательство не содержит, понятие аутсорсинга встречается лишь в отдельных нормативных правовых актах.

Так, например, нормативным документом, которым определено понятие аутсорсинга в банковской сфере, является постановление Правления Национального банка Республики Беларусь от 8 января 2020 г. № 1 «Об управлении рисками при аутсорсинге» (с изм. и доп. от 07.12.2020), которым утверждена Инструкция об управлении рисками при аутсорсинге (далее — Инструкция). Инструкция устанавливает требования к организации банком, открытым акционерным обществом «Банк развития Республики Беларусь», небанковской кредитно-финансовой организацией управления рисками при аутсорсинге.

При перечислении видов рисков, связанных с аутсорсингом (п. 5, 7 Инструкции), используется термин «договор аутсорсинга», однако его понятие и содержание не раскрывается.

Упоминается также понятие аутсорсинга как процесса привлечения внешних исполнителей в постановлении Министерства финансов Республики Беларусь от 29 декабря 2008 г. № 203 «Об утверждении национальных правил аудиторской деятельности “Понимание деятельности системы внутреннего контроля аудируемого лица и оценка риска существенного искажения бухгалтерской и (или) финансовой отчетности”» (с изм. и доп. от 12 декабря 2019 г.).

Что касается непосредственно договора аутсорсинга, то в белорусском законодательстве понятие и правовые нормы, его регулирующие, отсутствуют.

Сегодня практикующими юристами и учеными-правоведами отмечается, что в правовой доктрине не сформировано четкое понимание правовой и экономической природы указанного договора. При этом некоторые юристы полагают, что договор аутсорсинга следует относить к договору аренды, другие — что названный договор наиболее приближен к договору подряда.

С такими выводами нельзя согласиться. Так, возможность применения для аутсорсинговых правоотношений норм, регулирующих договор аренды, недопустима исходя из содержания статьи 578 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК Республики Беларусь) «Объекты аренды», в которой изложен их исключительный перечень. Что касается договора подряда, то в главе 37 ГК Республики Беларусь перечислены его виды: бытовой, строительный, на выполнение проектных и изыскательских работ. Следовательно, иные правоотношения подрядом являться не могут.

На наш взгляд, в правоприменительной практике следует, во-первых, учитывать содержание п. 1 статьи 7 ГК Республики Беларусь, в соответствии с которым «гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законодательством, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены им, но в силу основных начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности». Следовательно, между субъектами гражданских правоотношений допускается заключение любого договора, не запрещенного законодательством, и по соглашению сторон допустимо использование термина «договор аутсорсинга».

Во-вторых, в условиях правовой неопределенности сторонам, заключая договор аутсорсинга, следует руководствоваться принципом свободы договора, определенным в статье 391 ГК Республики Беларусь. Суть его в том, что, во-первых, стороны могут заключить договор, не предусмотренный ГК, если он не противоречит законодательству Республики Беларусь, а во-вторых, стороны могут заключить смешанный договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законодательством.

Таким образом, смешанный договор, в соответствии с которым будут оказываться как услуги аутсорсинга, так и иные услуги, может содержать элементы различных договоров, предусмотренных законодательством. В таком случае к отношениям сторон по смешанному договору применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора.

Что касается возможности заключения поименованного в ГК Республики Беларусь договора, то возможным вариантом такого договора, регулирующего аутсорсинговые правоотношения, может являться договор возмездного оказа-

ния услуг (глава 39 ГК Республики Беларусь). По договору возмездного оказания услуг одна сторона (исполнитель) обязуется по заданию другой стороны (заказчика) оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги (статья 733 ГК Республики Беларусь).

Отличительными характеристиками аутсорсинга, которые будут отличать его от других видов услуг, будут являться:

- передача компании-исполнителю на обслуживание, как правило, какого-то одного определенного или нескольких бизнес-процессов, в которых аутсорсер специализируется;
- передача выполнения бизнес-процессов исполнителю услуг полностью, без участия работников компании заказчика услуг в его реализации;
- длительное сотрудничество — передача исполнителю услуг выполнения бизнес-процессов на постоянной (непрерывной) основе на длительный период времени (не менее чем на 1 год).

Таким образом, в связи с отсутствием правового регулирования договора аутсорсинга в Республике Беларусь субъекты предпринимательской деятельности оформляют подобные сделки с некоторым опасением. Однако большое количество преимуществ аутсорсинга берет верх, и участники гражданского оборота используют давно известную истину — что не запрещено, то разрешено.

Для более эффективного использования аутсорсинга в нашей стране необходимо разработать и утвердить:

- руководящие принципы аутсорсинга;
- отечественные стандарты в области аутсорсинговых правоотношений;
- стандартные договорные положения, применяемые при аутсорсинге;
- требования к компаниям, намеревающимся передать на аутсорсинг определенные функции;
- меры по обеспечению гарантий передачи персональных данных и их защите;
- особенности осуществления аутсорсинга лицами, обязанными соблюдать профессиональную тайну (врачи, бухгалтеры, аудиторы, юристы и т. п.);
- штрафные санкции за определенные нарушения договорных обязательств (например, задержки в предоставлении услуг).

В гражданском законодательстве и смежных отраслях права следует определить понятие договора аутсорсинга, его признаки, требования к его сторонам, их основные права и обязанности. Под договором аутсорсинга следует понимать договор, по которому заказчик передает полностью либо частично отдельные функции, бизнес-процессы, виды деятельности своей компании для

исполнения внешнему исполнителю (аутсорсинговой организации), который оказывает определенные заказчиком услуги за плату.

Дальнейшее совершенствование правового регулирования и практики применения договора аутсорсинга, необходимость сокращения затрат приведут к появлению таких аутсорсинговых договоров, в рамках которых будут заключаться гибкие соглашения как об уровне обслуживания, так и об объеме оказываемых услуг. При этом важно в процессе законотворчества не допустить смешения договоров аутсорсинга и аутстаффинга, как это имеет место в некоторых странах СНГ.

1. Луцкер Н. Как с помощью аутсорсинга и инсорсинга сформировать оптимальную организационную структуру предприятия // Финансовый директор. 2019. № 9. С. 33–41. [Вернуться к статье](#)

2. Сафаревич Д. Аутсорсинг в банковской сфере: мировой опыт и новеллы национального законодательства // Валютное регулирование и ВЭД. 2020. № 3. С. 18–23. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9

**КРИПТОКРЕДИТЫ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ
СОВЕРШЕНИЯ ХИЩЕНИЙ****Д. И. Шнейдерова**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры правовых дисциплин
e-mail: galuzodi@mail.ru

Аннотация. В статье автором определяется сущность и виды криптокредитов, приводится анализ способов реализации мошеннических действий, направленных на хищение криптовалют как посредством обмана пользователей, так и децентрализованных криптоплатформ, использующих ценовые оракулы.

Ключевые слова: криптовалюта, криптокредит, флеш-кредит, ценовой оракул, мошенничество, хищение, децентрализованная биржа.

Annotation. In the article, the author defines the essence and types of cryptocredits, provides an analysis of ways to implement fraudulent actions aimed at stealing cryptocurrencies both by deceiving users and decentralized crypto platforms using price oracles.

Keywords: cryptocurrency, cryptocredit, flash credit, price oracle, fraud, theft, decentralized exchange.

Криптокредитование как относительно новый и малоисследованный с точки зрения криминалистического анализа институт криптосферы в последнее время активно используется кибермошенниками с целью хищения различных видов криптовалют. Сущность криптокредитования заключается в предоставлении виртуальными сервисами под низкие процентные ставки пользователям займов в криптовалюте или фиатных денежных средствах под залоговое обеспечение в виде отличных от кредитных криптовалют или фиата. Такой вид кредитования обладает рядом преимуществ перед стандартным банковским кредитом. В первую очередь, это связано с отсутствием проверки кредитной истории пользователя, что позволяет любому заемщику взять криптокредит, даже имея задолженности по иным договорам, поскольку такая информация никем не проверяется. Еще одним преимуществом является скорость получения кредита, поскольку процедура кредитования упрощена и может занять несколько минут: от момента регистрации на сервисе до получения на онлайн-кошелек средств. Для инвесторов кредитование — возможность получения пассивного дохода за счет процентов по кредитам.

Среди целей обращения к криптокредитованию можно выделить следующие: желание заработать на волатильности курсов криптовалют при отсутствии своих криптосредств; получение криптовалют в кредит под небольшой

процент для последующей их реализации на другой платформе в качестве инвестора под более высокий процент; обмен кредитных криптовалют на фиатные денежные средства в случаях невозможности обращения в банки и др. Однако, несмотря на положительную тенденцию в сфере виртуальных криптокредитов, отмечаются и некоторые недостатки, которые связаны с нестабильностью курсов криптовалют, отсутствием правового регулирования и страхования активов, а также возможностью потери средств ввиду мошеннических действий киберпреступников.

Криптокредиты по функциональности можно разделить на обеспеченные залогом и необеспеченные, к которым относятся флеш-кредиты («мгновенный займ») и кредитное плечо. Обеспеченные кредиты предоставляются пользователям в криптовалюте под залог иного вида криптовалюты или денежных средств, по своему количеству превышающий большую часть займа или равный ему (в случае невозврата залог переходит в собственность сервиса или инвестора). Флеш-кредиты выдаются без обеспечения, но под условием возврата полученных средств в рамках одного блока транзакций, что свидетельствует о максимальной скорости возврата полученных активов, так как в противном случае при невыполнении данного условия все транзакции считаются аннулированными и займ возвращается в пул сервиса. Кредитное плечо дает возможность в несколько раз увеличить вносимый задаток для дальнейшего осуществления обменных операций и получения дохода, исходя из разницы курсов криптовалют на различных платформах.

В зависимости от профессиональных навыков кибермошенников и механизмов криптокредитования способы осуществления хищений криптовалют подразделяются на две группы: бытовые и профессиональные. К бытовому хищению относятся мошеннические действия заемщиков средств, пользующихся отсутствием должной верификации пользователей со стороны криптокредитных сервисов. Так, незначительная часть криптоплатформ готовы предоставлять пользователям займы, не удостоверившись в личности будущего клиента, что и позволяет заемщикам, получив средства на специально созданный онлайн-кошелек, пропустить их через криптомиксер и вывести на другой кошелек или в фиат через обменник. Те сервисы, которые используют усиленную систему KYC (знай своего клиента), также подвержены мошенническим действиям заемщиков, поскольку последние представляют поддельные документы и фотографии. Частота подобных случаев привела к созданию всеобщего клиентского черного списка, куда администрации сервисов заносят недобропорядочных клиентов. Однако даже такая мера вскоре была предусмотрена мошенниками, которые на протяжении определенного промежутка времени брали и действительно возвращали кредиты, создавая себе образ добросовестного заемщика,

после чего возвращались к первоначальным схемам обмана. Стоит отметить, что сумма похищенных при данных обстоятельствах криптовалют небольшая, поскольку такими методами хищение можно реализовать только с залоговыми кредитами. Таким образом, мошенник похищает лишь разницу между суммой кредита и его обеспечением.

Хищения профессионального уровня, то есть осуществляемые лицами, обладающими знаниями в сфере программирования и IT-технологий, осуществляются посредством трех способов, различающихся требуемыми навыками для их реализации: простой — хищение средств инвесторов, усложненный — использование фишинговых и фарминговых сайтов, сложный — хищение посредством хакерских атак, сопряженных с манипулированием ценовыми оракулами. В основе простого способа лежит создание проекта сервиса по криптовалютному кредитованию, цель которого — аккумуляция средств инвесторов, привлекаемых обещаниями о высоких процентных ставках, для последующего их хищения. Так, мошенники разрабатывают ICO-проект и его оболочку, активно рекламируют сервис в социальных сетях и иных интернет-ресурсах. Когда инвесторы своими вкладами сформировали пул проекта, мошенники выводят активы с платформы на сторонний кошелек, для сокрытия цифровых следов используют криптомиксеры, анонимные криптокошельки, VPN-сервисы, после чего нейтрализуют проект. Описанный механизм требует от преступников базовых знаний в сфере программирования и веб-дизайна для создания оболочки и рекламы, а также определенного промежутка времени для сбора достаточного инвестиционного фонда.

Усложненный механизм базируется на создании фишинговых или фарминговых страниц, копирующих дизайн реальных действующих проектов, имеющих положительную репутацию. Переход к «дублирующим» сайтам криптокредитных сервисов осуществляется через рекламные объявления, электронные письма или вирусные программы (свойственны для фарминга, при котором программный код в фоновом режиме изменяет в браузере адрес искомого ресурса на поддельный, куда и попадает пользователь). Фишинговые схемы направлены на хищения криптовалют как у инвесторов, так и у заемщиков, вносящих обеспечение. Так хакеры либо обманным путем получают на свои кошельки криптовалюту, либо путем использования конфиденциальных данных пользователей, введенных на сайте, несанкционированно попадают в их криптокошельки и переводят средства самостоятельно. Далее механизм действует по уже описанной схеме сокрытия и реализации похищенного.

В отличие от двух вышеописанных способов сложная хакерская атака базируется на манипуляции с протоколами блокчейна ценового оракула и содержит в своем механизме операции со всеми тремя видами криптокредитования.

Для того чтобы на примере разобрать преступный механизм, необходимо выяснить сущность и функциональное назначение смарт-контрактов и оракулов.

Смарт-контракты являются основой криптокредитования, организуют взаимоотношения между инвесторами, образующими пул сервиса кредитования, и заемщиками. Смарт-контракт — протокол, который содержит алгоритм последовательных действий, выполняемых автоматически по заданным параметрам сделки без привлечения третьих лиц. Особенностью смарт-контракта является отсутствие возможности внести изменения в алгоритм или остановить выполняемые программой действия, если они уже были инициированы. Так как смарт-контракт действует внутри блокчейна, не имеющего связи с процессами, происходящими в онлайн-сети, то ему необходимо некоторое связующее звено, которое могло бы предоставлять необходимую информацию и перерабатывать ее на формат, усваиваемый блокчейном платформы. В роли такого ассистента в криптокредитовании выступает блокчейн-оракул. Для работы блокчейн-оракулу необходимы три составляющие: источник данных, запрос и оракул (консенсус оракулов) [1]. В роли источника данных ценового оракула выступают сервисы, отслеживающие волатильность курса необходимых блокчейну пар криптовалют. Для обращения к источнику данных блокчейн-оракул использует запрос — код, устанавливающий потоки данных. И центральным звеном блокчейн-оракула является сам оракул (или их группа) — алгоритм, который отвечает за связь с источником и форматирование полученной информации для основного блокчейна.

С целью установления причины, по которой стала возможна манипуляция с блокчейн-оракулами, рассмотрим два примера мошеннических действий с криптокредитами.

Пример 1. Шаг 1: заемщик (хакер) берет на децентрализованной платформе А флеш-кредит на 10 000 ETH (криптовалюта — эфир). Из них 5 500 ETH (остаток — 4 500 ETH) вносит на платформу В в качестве залога под кредит в 112 WBTC. Шаг 2: из оставшихся 4 500 ETH переводит 1 300 ETH на платформу С (остаток 3 200 ETH) под кредитное плечо 5х, т. е. получает на выходе уже 6 500 ETH. Шаг 3: из 6 500 ETH вносит 5 600 ETH (остаток 900 ETH) на платформу D, которая, используя ценовой оракул, через резерв криптообменника E производит обмен 5 600 ETH на 51 WBTC, что позволило увеличить курс WBTC на платформе E. Шаг 4: 112 WBTC, взятые на платформе В, заемщик продает через обменник E, только теперь уже по завышенной цене, и получает 6 900 ETH. Шаг 5: из оставшихся во 2-м шаге 3 200 ETH и полученных из 4-го шага 6 900 ETH заемщик погашает флеш-кредит на платформе А, после чего у него остается 100 ETH и 900 ETH от кредитного плеча, которое покрыли 51 WBTC, увеличенные в цене. Таким образом, можно заметить, что платфор-

ма E является единым источником для оракулов платформ B, C и D, т. е. при изменении курса пары валют на платформе E курсы автоматически меняются и на платформах B, C и D, что и позволяет хакеру вывести криптовалюты из пулов платформы C. Предусмотреть и предупредить такие ситуации практически невозможно, так как все операции по флеш-кредитам производятся за несколько минут, а выведенные активы миксуются через криптомиксеры и выводятся в фиат.

Пример 2. Шаг 1: заемщик (хакер) берет на децентрализованной платформе A флеш-кредит на 7 500 ETH (криптовалюта — эфир). Из них 3 500 ETH (остаток — 4 000 ETH) продает в криптообменнике B за 940 000 SUSД (стейблкоин, который имеет денежное обеспечение, его стартовая цена равна 1 доллару). Полученные 940 000 SUSД переводит в качестве обеспечения флеш-кредита на платформу A. Шаг 2: из оставшихся 4 000 ETH заемщик 900 ETH (осталось 3 100 ETH) вносит на платформу C и обменивает через источник — платформу D на SUSД, в результате чего курс SUSД увеличивается до 2,30 долларов, а значит, увеличивается и залог в 940 000 SUSД на платформе A в два раза. Шаг 3: увеличенный залог позволяет заемщику взять на платформе A теперь уже залоговый кредит в 6 800 ETH, который он переводит в качестве погашения первоначального флеш-кредита, дополняя остатком 3 100 ETH из шага 2. Таким образом, у заемщика остались 2 400 ETH, выведенные из пула платформы A. Причина удачи данной схемы та же, что и в первом примере: D — общий источник курса для A и C.

С точки зрения криминалистической методики расследования хищений криптовалют, совершаемых описанными выше способами, основной проблемой для следствия и дознания является отсутствие цифровых данных, позволяющих отследить дальнейший переход похищенных криптовалют, а также невозможность выявления пользователя, совершившего такие действия, по IP-адресу ввиду использования VPN, анонимайзеров или сети Tor. Несмотря на то, что указанные сервисы централизованы и каждый имеет сервер, хранящий данные о пользователях и их деятельности, получить эти сведения не представляется возможным по следующим причинам: во-первых, сервисы, используемые мошенниками, зарегистрированы в различных государствах, преимущественно с низкой степенью развития инфраструктуры и отсутствием налаженных контактов по оказанию международной помощи в рамках расследования уголовных дел или сбора оперативных данных по материалам проверки; во-вторых, даже если поручение исполняется и запрос доходит до адресата, то ответом является отказ в предоставлении информации, обосновываемый политикой конфиденциальности или иными причинами. Следовательно, единственная легитимная возможность по цифровым следам разыскать мошенников и хакеров для при-

влечения к уголовной ответственности и возмещения ущерба остается недоступной, ввиду чего более 90 % уголовных дел, возбужденных по факту хищения криптовалют, приостанавливаются.

Таким образом, криптовалютное кредитование стало еще одним средством для реализации преступных схем хищения криптовалют как путем обмана пользователей, так и путем несанкционированного доступа к онлайн-кошелькам. Криминалистический анализ хищений в сфере криптокредитования позволил определить способы и механизмы совершения преступных операций, а также выявить ключевую проблему в работе с цифровыми следами, устранение которой требует дальнейшей совместной работы криминалистов, правоохранительных органов и специалистов в сфере IT-индустрии и оборота криптовалют с целью разработки путей и способов получения криминалистически значимой информации, применимой в процессе доказывания по материалам и уголовным делам.

1. Блокчейн-оракулы как связь между цифровым и реальным миром [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «DeCenter». URL: <https://decenter.org/ru/blokcheyn-orakuly-kak-svyaz-mezhdu-tsifrovym-i-realnym-mirom> (дата обращения: 12.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

УДК 343.9.018

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Н. А. Андреев

Краснодарский университет МВД России,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
e-mail: nikaaaa25@bk.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается феномен информационного экстремизма, быстро распространяющийся в начале XXI в. в связи с прогрессом информационных технологий и научно-технической революцией. Выделены основные проблемы противодействия информационному экстремизму в сети Интернет.*

***Ключевые слова:** криминология, противодействие, экстремизм в сети Интернет, информационный экстремизм, проблемы противодействия.*

***Annotation.** The article examines the phenomenon of information extremism, which is rapidly spreading at the beginning of the XXI century. due to the progress of information technology and the scientific and technological revolution. The main problems of countering information extremism on the Internet are highlighted.*

***Keywords:** criminology, counteraction, extremism on the Internet, informational extremism, problems of counteraction.*

Глобальная информатизация общества оказала не только положительное влияние на все элементы современной жизни человека, но и вызвала совокупность отрицательных последствий, связанных в первую очередь с возникновением новых тенденций в совершении криминальных деяний. Так, согласно официальной статистике МВД о состоянии преступности в России, за период с января по декабрь 2020 года количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возросло на 73,4 %, в том числе с использованием сети Интернет — на 91,3 % [1]. Анализируя представленную характеристику состояния преступности, можно сделать вывод о проявлении высоких масштабов роста преступлений, совершенных с использованием сети Интернет. Следует подчеркнуть, что Интернет является «благодатной» средой не только для общественно полезной и значимой деятельности. В сети имеются возможности для различного рода антисоциальной деятельности, прежде всего, экстремизма [2]. Данное обстоятельство заставляет выделить в отдельную группу для глубокого изучения и анализа разновидность традиционного экстремизма — информационный экстремизм в сети Интернет.

В юридической литературе экстремизм являлся предметом научного изучения во многих публикациях, посвященных различным его проявлениям. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия преступлениям, связанным с осуществлением экстремистской деятельности, исследовались М. П. Красновым [3], П. В. Агаповым, С. В. Борисовым, А. С. Васнецовой [4], Ю. И. Авдеевым, В. В. Арсеньевым, В. Н. Найденко [5] и другими известными авторами.

Определяя содержательную суть понятия «экстремизм», укажем, что В. И. Власов под данным феноменом понимает негативное явление, исходящее из крайних взглядов, приверженности к крайним мерам, проявляющееся в деятельности радикальных субъектов по планированию, организации, подготовке и совершению запрещенных законом общественно опасных действий или в деяниях аморальных, совершаемых с политическими, националистическими целями, или на почве расовой, религиозной вражды (ненависти) [6].

Выделим основные признаки информационного экстремизма в сети Интернет:

- 1) анонимный характер действий в сети Интернет;
- 2) радикальная направленность преступного деяния;
- 3) противоправность;
- 4) цель — изменение традиционной духовной жизни общества.

Следовательно, информационный экстремизм в сети Интернет — это деятельность, которая связана с созданием, хранением и распространением информации в сети Интернет, содержанием которой являются признаки экстремистской деятельности в политической, экономической и культурной сферах общества.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, необходимо отметить основные проблемы противодействия информационному экстремизму в сети Интернет:

отсутствие взаимодействия правоохранительных органов на международном уровне (каждое государство обладает своим исключительным полем, в рамках которого различные деяния могут быть признаны законными или незаконными);

отсутствие криминологической характеристики информационного экстремизма в сети Интернет, которая позволила бы рассматривать данный феномен как объект разработки мер противодействия;

законодательство Российской Федерации не предусматривает правовых механизмов, способствующих противодействию анонимному информационному экстремизму в сети Интернет;

низкий уровень взаимодействия правоохранительных органов со специалистами в сфере информационной безопасности;

и, наконец, наиболее глобальной проблемой противодействия информационному экстремизму в сети Интернет является активная, динамическая деятельность экстремистов, выраженная в совершенствовании техник, средств и методов в совершении преступлений обозначенного вида; данная проблема обусловлена использованием современных средств в совокупности с технологиями шифрования и кодирования информации, которая провоцирует неограниченные возможности для преступности.

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 16.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Воронович Н. К. Информационный экстремизм в глобальной компьютерной сети Интернет // Общество и право. № 1(38). С. 290–292. [Вернуться к статье](#)

3. Краснов М. П. 1999. Политический экстремизм — угроза государственности. Российская юстиция. № 4. С. 5 [Вернуться к статье](#)

4. Экстремизм: стратегия противодействия и прокурорский надзор : монография / П. В. Агапов [и др.] ; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2015. С. 15. [Вернуться к статье](#)

5. Авдеев Ю. И., Арсеньев В. В., Найдено В. Н. Экстремизм в современной России: истоки, содержание, типология (часть вторая) [Электронный ресурс] // СНИСП. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-v-sovremennoy-rossii-istoki-soderzhanie-tipologiya-chast-vtoraya> (дата обращения: 17.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Власов В. И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика: учеб.-метод. пособие / под ред. Р. Г. Абдулатипова. М. : Издательство РАГС, 2003. С. 7. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.131

НЕДОПУСТИМОСТЬ РАЗГЛАШЕНИЯ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

О. А. Анопко

Академия управления МВД России,

адъюнкт

e-mail: legal_science21@rambler.ru

***Аннотация.** В статье проводится анализ норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства отдельных государств, возникших на постсоветском пространстве, регламентирующих вопросы недопустимости разглашения данных досудебного производства. Отмечается определенная схожесть нормативного регулирования процессуального порядка обеспечения следственной тайны. Рассматриваются вопросы уголовной ответственности за несоблюдение запрета разглашения данных предварительного расследования.*

***Ключевые слова:** данные предварительного расследования, следственная тайна, разглашение данных досудебного производства, участники уголовного судопроизводства, сохранение конфиденциальности.*

***Annotation.** The article analyzes the norms of criminal and criminal procedure legislation of individual states that have emerged in the post-Soviet space, regulating the issues of inadmissibility of disclosure of pre-trial data. There is a certain similarity of the regulatory regulation of the procedural order of ensuring investigative secrecy. The issues of criminal liability for non-compliance with the prohibition of disclosure of preliminary investigation data are considered.*

***Keywords:** preliminary investigation data, investigative secrecy, disclosure of pre-trial data, participants in criminal proceedings, maintaining confidentiality.*

В процессе досудебного производства зачастую возникает необходимость сохранения в тайне данных предварительного расследования. Российский законодатель предусматривает право следователя или дознавателя наложить запрет на разглашение сведений, содержащихся в материалах уголовного дела, для лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений (ст. 161 УПК Российской Федерации). Нарушение такого запрета влечет уголовную ответственность по ст. 310 УК Российской Федерации «Разглашение данных предварительного расследования».

Аналогичные нормы содержатся в уголовно-процессуальном и уголовном законодательствах практически всех государств постсоветского пространства.

Конструкции норм, регламентирующих порядок обеспечения тайны предварительного расследования и правовые последствия его несоблюдения,

предусмотренных в УК и УПК Российской Федерации, несовершенно: отсутствует ясность относительно круга субъектов, которые могут быть привлечены к ответственности за нарушение следственной тайны; законодательно не определен временной период, в течение которого нельзя разглашать сведения досудебного производства; нет аутентичного толкования об объеме сведений, образующих тайну предварительного расследования.

Похожие проблемы имеются в законодательной регламентации «тайны следствия» стран СНГ и других стран — бывших республик, входящих в состав СССР.

В силу ч. 3 ст. 161 УПК Российской Федерации субъектами, на которых может быть возложена обязанность неразглашения данных предварительного расследования, являются участники уголовного судопроизводства. В соответствии с ч. 1.1 ст. 144 УПК Российской Федерации данный перечень дополняется участниками проверки сообщения о преступлении. Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации из перечня участников уголовного судопроизводства, которые могут предупреждаться о неразглашении без соответствующего разрешения ставших им известными в связи с участием в предварительном расследовании данных, исключаются подозреваемый и обвиняемый [1]. Очевидна потребность четкого перечисления в ст. 161 УПК Российской Федерации круга субъектов, обязанных (при принятии соответствующего решения следователем или дознавателем) сохранять в тайне данные предварительного расследования.

Нормативная неопределенность относительно субъектов уголовного судопроизводства, на которых может быть возложено бремя хранить в тайне сведения, содержащиеся в материалах расследования, имеется в большинстве уголовно-процессуальных законов стран — бывших союзных республик.

Так, в УПК Республики Армения (ч. 2 ст. 201), УПК Республики Казахстан (ч. 2 ст. 201), УПК Кыргызской Республики (ч. 2 ст. 173), УПК Республики Таджикистан (ч. 2 ст. 177), УПК Туркменистана (ч. 8 ст. 49), УПК Республики Беларусь (ч. 2 ст. 198), УПК Республики Молдова (ч. 2 ст. 212) приводится простое перечисление участников уголовного процесса (свидетель, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, эксперт), заканчивающееся словами «и другие лица». То есть нормы допускают расширительное толкование ввиду того, что точного перечня лиц, обязанных соблюдать следственную тайну, нет.

В УПК Украины (ч. 2 ст. 222), УПК Эстонской Республики (ч. 3 ст. 214), УПК Азербайджанской Республики (ч. 2 ст. 222), УПК Республики Узбекистан (ч. 1 ст. 353), УПК Грузии (ч. 1 ст. 104) говорится об участниках уголовного процесса, лицах, участвующих в следственных действиях или присутствующих

при их производстве, участниках процессуального действия без какого-либо указания на их процессуальные статусы.

Обвиняемый и подозреваемый законодательно исключены из числа субъектов разглашения данных предварительного расследования в УПК Республики Узбекистан (ч. 2 ст. 353) и УПК Эстонской Республики (ч. 3 ст. 214). Наоборот, указаны в числе лиц, обязанных хранить в секрете сведения предварительного следствия и дознания, в УПК Республики Беларусь (ч. 2 ст. 198).

Российский законодатель не включает в число лиц, которые могут быть предупреждены о недопустимости разглашения данных расследования, властных субъектов — лиц, в чем производстве находится уголовное дело, прокурора, судью. Соответственно, данные лица не подлежат уголовной ответственности за разглашение данных следствия по ст. 310 УК Российской Федерации. Аналогичны законодательные подходы в анализируемых УПК зарубежных государств. Исключение — УПК Республики Молдова, УПК Украины и УПК Азербайджанской Республики. В уголовно-процессуальном законе Молдовы содержится указание на лиц, осуществляющих уголовное преследование и контроль деятельности органа уголовного преследования (ч. 3 ст. 212 УПК Республики Молдова). В уголовном законодательстве данной страны предусмотрена ответственность для данных лиц, если «...разглашение данных уголовного преследования повлекло причинение морального или материального ущерба подозреваемому, обвиняемому, свидетелю, потерпевшему или их представителям, либо способствовало уклонению виновного от ответственности» (ч. 2 ст. 315 УК Республики Молдова). Уголовно-процессуальный закон Украины, как указывалось ранее, не конкретизирует субъектов, для которых разглашение сведений досудебного производства является недопустимым (в случае предупреждения об этом следователем или прокурором). Однако ч. 2 ст. 387 УК Украины предусматривает уголовную ответственность за разглашение данных ОРД и досудебного расследования, совершенное судьей, прокурором, следователем, работником оперативно-разыскного органа. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджана допускает возможность привлечения к ответственности за разглашение данных предварительного расследования лица, осуществляющего уголовный процесс, в том случае, если произошло распространение данных досудебного производства каким-либо участником процесса, который не был предупрежден о недопустимости разглашения, если эти действия послужили препятствием нормальному ходу расследования, раскрытию преступления или задержанию преступника (ч. 4 ст. 222 УПК Азербайджанской Республики).

Кроме этого, УК Туркменистана содержит специальную норму — ст. 205 «Разглашение служебной информации», согласно которой работник органа, ведущего уголовный процесс, может быть привлечен к ответственности за раз-

глашение информации, которая была ему доверена либо стала известна по службе или работе в связи с выявлением, пресечением или расследованием преступлений.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации нет указания на момент начала и окончания действия запрета разглашения данных предварительного расследования. Наименование ст. 161 УПК Российской Федерации «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования» и ее диспозиция позволяют предположить, что запрет разглашения может быть наложен с момента начала расследования, то есть после возбуждения уголовного дела. Однако нормы, регламентирующие процессуальный порядок рассмотрения сообщения о преступлении, предусматривают право лица, проводящего доследственную проверку, предупреждать о недопустимости разглашения сведений участников данной проверки в соответствии со ст. 161 УПК Российской Федерации. Тем самым законодатель отодвигает начало запрета разглашения данных досудебного производства на период, когда предварительное расследование фактически еще не началось.

В государствах, отказавшихся от возбуждения уголовного дела в понимании отечественного законодателя (Казахстан, Украина, Грузия, Молдова, Эстония), проблема определения момента начала запрета разглашения данных расследования не стоит. В этих странах досудебное расследование не делится на этапы до и после возбуждения производства по уголовному делу, а начинается проверкой сообщения о преступлении посредством проведения всего спектра следственных и процессуальных действий и заканчивается прекращением дела или направлением его в суд. Следовательно, предупреждение о неразглашении данных досудебного производства может быть сделано в любой момент расследования.

Анализ уголовного и уголовно-процессуального законов Азербайджана, Армении, Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана позволяет сделать вывод о возможности запрета разглашения данных расследования после возбуждения уголовного дела. В названных государствах предусмотрена уголовная ответственность за разглашение данных дознания и предварительного расследования (предварительного следствия) — ст. 300 УК Азербайджанской Республики, ст. 342 УК Республики Армения, ст. 333 УК Кыргызской Республики, ст. 361 УК Республики Таджикистан, ст. 204 УК Туркменистана, ст. 239 УК Республики Узбекистан. Уголовный кодекс Республики Беларусь (ст. 407), помимо разглашения данных дознания и предварительного следствия, предусматривает ответственность за умышленное разглашение данных закрытого судебного заседания. В УПК Республики Узбекистан сделано исключение для эксперта, который может предупреждаться об ответственности за

разглашение данных дознания и предварительного следствия должностным лицом органа, осуществляющего доследственную проверку (ч. 2 ст. 183 УПК Республики Узбекистан).

Объем сведений, образующих следственную тайну, в УПК Российской Федерации не определен. Нет четкого перечня данных предварительного расследования, не подлежащих разглашению, и в анализируемых уголовно-процессуальных законах зарубежных государств. Полагаем, что определение совокупности сведений, разглашение которых в ходе досудебного производства недопустимо, — дискреционное право лица, осуществляющего расследование по уголовному делу.

Непременным условием привлечения к уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования по ст. 310 УК Российской Федерации является отобрание следователем (дознавателем) у участника уголовного процесса подписки о недопустимости данного действия. Подписка (письменное обязательство) как условие наступления ответственности за разглашение сведений досудебного производства предусмотрена УПК Республики Беларусь (ч. 2 ст. 198), УПК Казахстана (ч. 2 ст. 201), УПК Кыргызстана (ч. 2 ст. 173), УПК Таджикистана (ч. 2 ст. 177), УПК Туркменистана (ч. 2 ст. 173), УПК Узбекистана (ч. 1 ст. 353).

Законодательство Азербайджана (ч. 4 ст. 222 УПК Азербайджанской Республики) и Армении (ч. 2 ст. 201 УПК Республики Армения) обязывает следователя, дознавателя (орган дознания) предупреждать участников судопроизводства о неразглашении данных расследования в письменном виде. Отсутствие письменного предупреждения исключает ответственность для субъекта процесса за оглашение сведений, ставших ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу.

В Молдове рассматриваемым условием является письменное заявление лица — участника процесса о том, что он был предупрежден о недопустимости разглашения сведений об уголовном преследовании (ч. 2 ст. 212 УПК Республики Молдова).

Уголовно-процессуальное законодательство Грузии, Украины и Эстонии содержит указание на необходимость предупреждения участников досудебного производства о недопустимости разглашения данных следствия, однако не конкретизирует форму такого предупреждения (ч. 1 ст. 104 УПК Грузии, ч. 2 ст. 222 УПК Украины, ч. 1, 2 ст. 214 УПК Эстонской Республики).

Предание гласности данных предварительного расследования, в соответствии с ч. 2 ст. 161 УПК РФ, правомерно с разрешения следователя или дознавателя в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым. УПК Рос-

сийской Федерации не регламентировал порядок получения такого разрешения и его форму, что, безусловно, является существенным нормативным пробелом.

Аналогичный недостаток содержится в УПК Азербайджана, УПК Армении, УПК Беларуси, УПК Грузии, УПК Казахстана, УПК Молдовы, УПК Таджикистана, УПК Туркменистана, УПК Узбекистана, УПК Эстонии.

Указание на письменную форму разрешения следователя или прокурора о разглашении сведений досудебного производства содержит УПК Украины (ч. 1 ст. 222). Причем в данном письменном разрешении должны быть конкретизированы сведения, разглашение которых допустимо.

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызстана не предусматривает возможность получения разрешения на разглашение данных следствия (ст. 173). Однако уголовный закон данного государства в ст. 333 УК Кыргызской Республики признает легитимным оглашение данных расследования, если оно совершено с согласия прокурора или следователя. Процессуальная форма и порядок получения такого согласия УПК Кыргызской Республики не регламентированы.

За разглашение данных предварительного расследования уголовное законодательство России предусматривает уголовную ответственность по ст. 310 УК Российской Федерации. Данная норма имеет формальный состав, то есть наступление общественно опасных последствий для признания преступления окончанным не является необходимым.

Практически все рассматриваемые в данном исследовании законы государств постсоветского пространства в той или иной степени воспроизводят российскую норму и, соответственно, предусматривают ответственность за нарушение тайны следствия без учета наступления негативных последствий. Иными словами, последствия, даже если они наступили, являются юридически незначимыми для квалификации действий лица, нарушившего запрет о разглашении данных предварительного расследования. В качестве исключения следует обозначить УК Азербайджанской Республики, который в ст. 300 содержит указание на наступление морального или материального вреда заинтересованному лицу как условие наступления уголовной ответственности за разглашение данных дознания или предварительного расследования.

Уголовный закон Молдовы предусматривает ответственность за разглашение данных уголовного преследования не только для участников судопроизводства, вовлеченных в сферу процессуальных отношений, но и для лиц, осуществляющих уголовное преследование и уполномоченных осуществлять контроль за уголовным преследованием. К условиям наступления ответственности законодатель подходит дифференцированно в зависимости от субъекта преступления. Если для «простых» участников уголовного процесса наступление

негативных последствий деяния, предусмотренного ст. 315 УК Молдовы, лежит за рамками объективной стороны, то для обозначенных выше властных субъектов уголовно-процессуальной деятельности причинение морального или материального ущерба подозреваемому, обвиняемому, свидетелю, потерпевшему или их представителям, а также способствование уклонению виновного от ответственности является безусловным условием ответственности за разглашение сведений досудебного производства.

В Уголовном кодексе Украины подобный подход к вопросам ответственности за разглашение данных оперативно-разыскной деятельности и досудебного расследования. Часть первая ст. 387 УК Украины предусматривает в качестве субъекта деяния лиц, предупрежденных в установленном порядке не разглашать данные расследования. Вторая часть указанной нормы регламентирует ответственность для судьи, прокурора, следователя, работника оперативно-разыскного органа. Данные нормы построены как формальные составы. Квалифицированным видом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 387 УК Украины, является разглашение данных, которые позорят человека, унижают его честь и достоинство.

Проведенный сравнительный анализ норм уголовно-процессуального и уголовного законодательства государств постсоветского пространства и законов Российской Федерации выявил похожесть проблем нормативной регламентации запрета на разглашение данных предварительного расследования и вопросов ответственности за его несоблюдение. В то же время отдельные законодательные установления, обнаруженные в кодексах других стран, являются более корректными по сравнению с нормами УК Российской Федерации и УПК Российской Федерации, а потому могут быть взяты за основу при нормативном совершенствовании вопросов недопустимости разглашения сведений досудебного производства.

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 года № 467-О «По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 342.922; 343.221; 343.352.3

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**Е. Ю. Антонова**

Хабаровский государственный университет экономики и права,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: antonovy@yandex.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос об ответственности за незаконное вознаграждение от имени или в интересах юридического лица по российскому и белорусскому законодательству. Автор приходит к выводу о необходимости установления уголовной ответственности юридических лиц, в том числе за общественно опасные деяния коррупционной направленности.*

***Ключевые слова:** коллективный субъект, юридическое лицо, административная ответственность, уголовная ответственность, незаконное вознаграждение.*

***Annotation.** The article discusses the issue of liability for illegal remuneration on behalf of or in the interests of a legal entity under Russian and Belarusian legislation. The author comes to the conclusion that it is necessary to establish criminal liability of legal entities, including for socially dangerous acts of corruption.*

***Keywords:** collective entity, legal entity, administrative liability, criminal liability, illegal remuneration.*

Все большее количество стран идут по пути установления уголовной ответственности юридических лиц, в том числе за преступления коррупционной направленности. Вместе с тем некоторые страны так и не пошли по пути регламентации корпоративной (коллективной) уголовной ответственности, но предусмотрели возможность привлечения корпоративных (коллективных) образований к административной ответственности. Примечательно, что содержание некоторых административных правонарушений полностью совпадает с содержанием норм уголовного законодательства, а субъектами таких правонарушений являются исключительно юридические лица, тогда как физические лица, действующие от имени и (или) в интересах коллективного субъекта, привлекаются к уголовной ответственности.

Установление административной ответственности за преступления в теории уголовного права получило название «квазиуголовной» (административно-уголовной) ответственности [1, с. 55–61]. Именно по такому пути идут сегодня российский и белорусский законодатели.

Важно, что законодатели данных стран предусмотрели единые условия, при наличии которых возможна административная ответственность юридиче-

ских лиц. В частности, юридическое лицо признается виновным (по КоАП РФ и несет административную ответственность по КоАП Республики Беларусь) в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Соответственно, в основу административной ответственности положена так называемая корпоративная культура, то есть политика, способ правления, курс деятельности или практика корпоративного (коллективного) образования в целом или в его структурных подразделениях, в процессе которых незаконная деятельность от имени и (или) в интересах корпоративного (коллективного) образования допускается, поощряется либо является результатом попустительства лиц, осуществляющих функции его управления [2, с. 50–58].

При этом если российский законодатель, предусмотрев административную ответственность юридических лиц, сразу же регламентировал норму о незаконном вознаграждении от имени юридического лица (ст. 19.28 КоАП РФ), то белорусский законодатель изначально не стал устанавливать ответственность за данное правонарушение. И только в новой редакции Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 [3] появилась норма об ответственности за незаконное вознаграждение от имени или в интересах юридического лица (ст. 24.59).

Статья 19.28 КоАП РФ применяется на практике достаточно часто. Более того, наблюдается рост выявленных случаев рассматриваемого правонарушения. Так, по данным судебной статистики, в 2016 г. в Российской Федерации было подвергнуто административному наказанию за правонарушение, предусмотренное ст. 19.28 КоАП РФ, 430 юридических лиц, в 2017 г. — 477 (прирост на 10,9 %), в 2018 г. — 689 (+44,4 %), в 2019 г. — 344 (снижение на 50,1 %) [4]. Несмотря на некоторый спад количества подвергнутых административному наказанию юридических лиц в 2019 году, говорить об улучшении ситуации пока не приходится, поскольку данное правонарушение обладает высоким уровнем латентности.

В качестве основного наказания суды в 100 % случаях назначают штраф. Гораздо реже к юридическим лицам применяется дополнительное наказание в виде конфискации денег, ценных бумаг, иного имущества или стоимости услуг имущественного характера, иных имущественных прав (и это при том, что санкции всех частей ст. 19.28 КоАП РФ предусматривают данный вид наказания в качестве обязательного дополнительного). Так, в 2016 г. конфискации было подвергнуто 30 юридических лиц, в 2017 г. — 20, в 2018 г. — 17, в 2019 г. — 13.

Обратимся к анализу законодательной конструкции норм российского и белорусского законодательства за незаконное вознаграждение от имени или в интересах юридического лица.

Российский и белорусский законодатель расположил норму об ответственности за рассматриваемое правонарушение в главе «Административные правонарушения против порядка управления». Разночтений в определении объекта, который ставится под угрозу причинения вреда данным правонарушением, не наблюдается. В качестве такового выступают общественные отношения, обеспечивающие порядок управления.

Законодатели обеих стран предусмотрели возможность освобождения юридического лица от административной ответственности за рассматриваемое деяние, если оно способствовало выявлению данного правонарушения, проведению административного расследования и (или) выявлению, раскрытию и расследованию преступления, связанного с данным правонарушением, либо в отношении этого юридического лица имело место вымогательство.

Вместе с тем законодательная конструкция данных административно-правовых норм в российском и белорусском законодательстве различается.

Так, предметом правонарушения по российскому законодательству являются деньги, ценные бумаги, иное имущество, услуги имущественного характера, имущественные права, а по белорусскому законодательству — материальные ценности и выгоды имущественного характера.

Объективная сторона правонарушения, предусмотренного ст. 19.28 КоАП РФ, заключается в совершении следующих альтернативных действий:

- 1) незаконные передача, предложение или обещание денег, ценных бумаг или иного имущества;
- 2) оказание услуг имущественного характера;
- 3) предоставление имущественных прав.

Эти действия совершаются от имени или в интересах юридического лица либо в интересах связанного с ним юридического лица.

Адресатом совершения указанных выше действий являются должностное лицо, лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, иностранное должностное лицо либо должностное лицо публичной международной организации.

Перечисленные действия выполняются за совершение адресатом действия (бездействие), связанного с занимаемым им служебным положением, в интересах данного юридического лица либо в интересах связанного с ним юридического лица.

Состав правонарушения будет иметь место и в том случае, если по поручению адресата деньги, ценные бумаги или иное имущество передаются, пред-

лагаются или обещаются, услуги имущественного характера оказываются либо имущественные права предоставляются иному физическому либо юридическому лицу.

Кроме того, российский законодатель дифференцировал административную ответственность в зависимости от размера вознаграждения. Квалифицированные составы предусматривают ответственность за совершение данного правонарушения в крупном (ч. 2) и особо крупном размере (ч. 3).

Объективная сторона правонарушения, предусмотренного ст. 24.59 КоАП РБ, заключается в передаче материальных ценностей либо предоставлении выгод имущественного характера адресату.

Эти действия совершаются от имени или в интересах юридического лица. Адресатом передачи (предоставления) предмета правонарушения является должностное лицо, которое получает указанный предмет для себя или своих близких. К близким лицам на основании ст. 4 УК РБ относятся близкие родственники и члены семьи (в данном случае должностного лица) либо иные лица, которых должностное лицо обоснованно признает своими близкими.

Указанный предмет передается (предоставляется) исключительно в связи с занимаемым адресатом должностным положением за благоприятное решение вопросов, входящих в его компетенцию, либо выполнение или невыполнение в интересах такого юридического лица какого-либо действия, которое это должностное лицо должно было или могло совершить с использованием своих служебных полномочий.

Административная ответственность юридического лица наступает при условии, если действия лица, совершившего такие передачу или предоставление, образуют состав преступления, предусмотренного ст. 431 УК РБ (дача взятки), установленный процессуальным решением.

Под процессуальным решением понимаются:

- вступивший в законную силу приговор суда;
- решение об отказе в возбуждении уголовного дела (при наличии оснований для освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных статьями Особенной части УК РБ);
- решения о прекращении предварительного расследования по уголовному делу, уголовного преследования или производства по уголовному делу по основаниям, предусмотренным пунктами (за истечением сроков давности; вследствие акта амнистии; при наличии оснований для освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных статьями Особенной части УК РБ);
- решение об освобождении от уголовной ответственности (в связи с применением мер административного взыскания; утратой деянием или лицом

общественной опасности; деятельным раскаянием; примирением с потерпевшим и др.).

Таким образом, административная ответственность юридического лица будет наступать вне зависимости от того, будет ли физическое лицо, которое действовало от имени или в интересах коллективного субъекта, привлечено к уголовной ответственности или будет освобождено от нее. Вместе с тем важно, что именно в уголовно-процессуальном порядке должен быть установлен факт совершения данного деяния.

Данное обстоятельство усиливает мысль о необходимости установления именно уголовной ответственности юридических лиц. В настоящее же время получается, что за совершение одного и того же деяния (дачи взятки) индивидуальный субъект подлежит уголовно-правовому воздействию, а коллективный (в чьих интересах и совершалось деяние) — лишь административному. Представляется, что рассматривать одно и то же дело в административном порядке в отношении юридических лиц и в уголовно-правовом порядке в отношении физических лиц — это лишняя трата времени и денег. К тому же в такой ситуации нарушается принцип справедливости. Совершение деяния, по степени общественной опасности равное преступлению, должно, на наш взгляд, влечь за собой уголовную ответственность.

Отметим, что белорусские ученые также разрабатывают вопрос о возможности установления уголовной ответственности юридических лиц, в том числе за преступления коррупционной направленности, полагая, что положительное решение этого вопроса может способствовать ограничению преступной деятельности [5, с. 47–58].

В целом положительно оценивая решение белорусского законодателя о внесении изменений в КоАП и ликвидации таким образом некоего пробела в правовом воздействии на юридические лица в связи с совершением ими общественно опасных деяний коррупционной направленности, полагаем, что аналогичная норма в российском законодательстве является более проработанной с точки зрения регламентации предмета незаконного вознаграждения, его адресата, и дифференциации административной ответственности в зависимости от размера такого вознаграждения.

Вместе с тем, полагаем, что незаконное вознаграждение от имени юридического лица (дача взятки) по степени общественной опасности соответствует преступлению (дача взятки) и должно влечь за собой уголовную ответственность. При этом введение уголовной ответственности юридических лиц за отдельно взятое преступление нецелесообразно, данный институт должен быть решен принципиально.

1. Антонова Е. Ю. Квазиуголовная корпоративная ответственность // Деятельность правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в Дальневосточном регионе : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 29–30 мая 2014 г. ; Дальневосточ. юрид. ин-т МВД России. Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2014. С. 55–61. [Вернуться к статье](#)
2. Антонова Е. Ю. Корпоративная культура в контексте предупреждения корпоративной преступности // Криминолог. журнал Байкал. гос. ун-та экономики и права. 2013. № 1. С. 50–58. [Вернуться к статье](#)
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL : <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=НК2100091&p1=1&p5=0> (дата обращения: 24.03.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 12 месяцев 2016 г., 2017 г., 2018 г., 2019 г. Форма №1-АП [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 24.03.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
5. Хлус А. М. О признании юридического лица субъектом уголовной ответственности в аспекте криминалистического учения о материальной структуре преступления // Науч. тр. Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь : сб. науч. тр. 2019. Вып. 21. С. 47–58. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.8:341.23

**ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНУЮ
ПОЛИТИКУ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ****Е. Ю. Белова**

Академия права и управления ФСИН России,
докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: ekaterina-birukova@inbox.ru

***Аннотация.** В статье приводятся примеры из практики деятельности Европейского суда по правам человека в отношении осужденных к лишению свободы.*

***Ключевые слова:** международно-правовые стандарты, Европейский суд по правам человека, уголовно-исполнительная система России, ФСИН России, лишение свободы.*

***Annotation.** The article provides examples from the practice of the European Court of Human Rights in relation to persons sentenced to imprisonment.*

***Keywords:** international legal standards, the European Court of Human Rights, the criminal executive system of Russia, the Federal Penitentiary Service of Russia, deprivation of liberty.*

Оценивая значение постановлений Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) для уголовно-исполнительной политики и законодательства России, необходимо учитывать, что большинство поступающих в эту инстанцию индивидуальных жалоб российских граждан направлены лицами, находящимися (или находившимися) в местах принудительной изоляции от общества. Подобные обращения, выступая в качестве действенного инструмента защиты их прав и законных интересов, позволяют выявлять проблемы в функционировании российской пенитенциарной системы. Наиболее распространенными являются жалобы, связанные с нарушением запрета на применение пыток и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание (ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция)), лишения свободы иначе как в случаях, предусмотренных законом (ст. 5 Конвенции), а также права на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 Конвенции). Это в полной мере касается и обращений женщин, которые в своих жалобах в большинстве случаев поднимали общие проблемы переполненности камер, неудовлетворительных условий содержания в них, а также условий перевозки заключенных [1; 2].

Вследствие этого ЕСПЧ, как правило, не затрагивал специфические аспекты их содержания в СИЗО или местах лишения свободы. Исключением явилось постановление по делу «Мамедова против Российской Федерации», датированное 1 июня 2006 г. [3]. Мамедова была вынуждена обратиться к 10-му

Общему докладу Европейского комитета по предотвращению пыток (далее — Комитет), регулиющему условия содержания под стражей женщин (СРТ/Inf(2000) 13), где были отмечены объективные трудности, с которыми сталкиваются государства в случае привлечения к уголовной ответственности лиц женского пола. В частности, тот факт, что заключенные-женщины и несовершеннолетние девочки составляют меньшинство по сравнению с заключенными мужского пола, делает очень дорогим отдельное содержание лиц женского пола под стражей, особенно подростков. После вступления приговора суда в законную силу рассматриваемая нами категория направляется в учреждения, которые порой очень далеко от дома и места проживания детей, находящихся у них на иждивении, родителей или опекунов. Кроме этого, лица женского пола содержатся в помещениях, изначально предназначенных для содержания мужчин, в которых иногда содержатся совместно женщины и мужчины. Это, по мнению Комитета, требует особого внимания к вопросам, связанным с гигиеной и здоровьем, по которым потребности лиц женского пола существенно отличаются от потребностей мужчин. Соответственно, неудовлетворение этих специфических моментов само по себе рассматривается как унижающее человеческое достоинство обращение. Впрочем, ЕСПЧ во всех этих случаях по итогам разбирательств ограничивался констатацией нарушений и присуждением компенсаций. Данное обстоятельство не означает игнорирование фактической стороны дела, о чем свидетельствует практика реагирования ФСИН России на каждое вынесенное постановление ЕСПЧ, по которым издаются указания об их выполнении.

Однако следует признать, что характер реакции на постановления, выносимые по индивидуальным жалобам, может существенно различаться, варьируясь от выплаты компенсации до внесения отдельных изменений в нормативную правовую базу страны. Так, например, несмотря на то, что уже к 2010 году условия перевозок заключенных и осужденных несколько раз становились объектом оценки со стороны ЕСПЧ [4], который установил нарушение российскими властями статей 3 и 13 Конвенции в связи с необеспечением надлежащих условий транспортировки (автомобильным и железнодорожным транспортом между учреждениями пенитенциарной системы, между соответствующими учреждениями и судами, больницами, экспертными учреждениями и др.), при отсутствии у заявителей эффективных национальных средств правовой защиты от соответствующих нарушений никаких мер по изменению законодательства не принималось, пока число вынесенных постановлений не превысило нескольких десятков. В частности, нормативным актом Минюста России и МВД России в 2018 г. были внесены изменения в соответствующую Инструкцию по конвоированию, принятую в 2006 г. Нормативный акт уменьшил максимальное

количество заключенных (осужденных), которые могут перевозиться в камерах специальных вагонов, что привело к увеличению нормы площади, приходящейся на одно перевозимое лицо. Кроме того, в связи с принятием Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 200-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав детей, родители которых отбывают наказание в виде лишения свободы» в статью 76 были внесены изменения в части обеспечения соответствующих условий перемещения осужденных беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей в возрасте до трех лет (только при наличии заключения врача о возможности перемещения, а при необходимости согласно такому заключению — в сопровождении медицинского работника) [5].

Несколько иначе следует оценивать влияние на национальную правовую систему так называемых пилотных постановлений, представляющих собой окончательное решение по делу, в котором ЕСПЧ, признавая нарушение Конвенции, одновременно констатирует массовый характер подобной практики вследствие структурной (или системной) дисфункции правовой системы государства-ответчика, что обуславливает формулирование дополнительного предписания принять определенный вид мер общего характера. С их появлением произошло изменение правовой природы и сущности постановлений ЕСПЧ, поскольку с подачи Комитета министров, предложившего, насколько это возможно, указывать в принимаемых постановлениях системные проблемы, лежащие в основе выявленного нарушения, в целях содействия государствам в поиске их приемлемого решения [6], ЕСПЧ, закрепив в своем Регламенте механизм их принятия, по сути, наделил себя полномочиями указывать государствам-ответчикам на конкретные способы устранения выявленных нарушений Конвенции в рамках национальной правовой системы [7].

Показательны в этом смысле «пилотные» постановления ЕСПЧ от 10 января 2012 г. по делу «Ананьев и другие (Ananyev and others) против Российской Федерации» (жалоба №№ 42525/07, 60800/08) [8], а также постановление ЕСПЧ от 09 апреля 2019 г. по делу «Томов и другие против России» (жалобы № 18255/10, в том числе Пунеговой (№ 63058/10, поданная 24 августа 2011 г.) и Костроминой (№ 10270/11, поданная 14 января 2011 г.)) [9]. В первом из решений ЕСПЧ констатировал неэффективность российских правозащитных механизмов восстановления нарушенных прав в результате ненадлежащих условий содержания под стражей, а также в исправительных учреждениях, в том числе возмещения причиненного вреда. При этом Российская Федерация была обязана указать рамки, в течение которых должна стать доступной комбинация эффективных средств правовой защиты, имеющих превентивное и компенсатор-

ное содержание и соответствующих требованиям, установленным в данном постановлении [9].

План действий по исполнению указанного постановления, подготовленный к 1288-му заседанию Комитета министров (6–8 июня 2017 г.), предусматривал реформирование судебных средств правовой защиты от нарушений, связанных с необеспечением надлежащих условий содержания в исправительных учреждениях. Правда, в законодательстве эти идеи были реализованы лишь в конце 2019 года, когда в УИК РФ была внесена новая статья, содержащая положения, которые дают право лицам, находящимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, получить компенсацию за нарушения условий содержания в исправительных учреждениях за счет средств федерального бюджета на основании судебного решения, принятого в порядке административного судопроизводства (ст. 12.1). Гарантией его реализации призваны стать новые положения Кодекса административного судопроизводства России, закрепляющие особенности подачи и рассмотрения требования о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении (ст. 227.1) [10]. Разработчики законопроекта подчеркивали, что ими учитывались стандарты международного права и практики ЕСПЧ, а также опыт нормативно-правового регулирования схожих правоотношений в других странах. В частности, было принято во внимание, что создаваемое средство правовой защиты должно быть ясным, понятным и доступным, что административное исковое заявление о компенсации должно быть рассмотрено в разумные сроки, а сама компенсация должна быть выплачена сразу после принятия решения о ее присуждении, что процедуры, устанавливающие порядок рассмотрения административных исковых заявлений о компенсации, и принятие по ним решений должны соответствовать требованиям справедливого рассмотрения по смыслу Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [11].

Следует отметить, что Комитет министров Совета Европы выразил удовлетворение принятием соответствующих мер, одновременно предложив властям Российской Федерации рассмотреть иную возможную компенсационную меру, такую как система смягчения приговора, обозначенную в окончательной Резолюции по делу «Торреджиани и другие против Италии» (*Torreggiani and Others v. Italy*) N CM/ResDH(2016)28). Важно подчеркнуть, что подобная оценка повлекла вполне определенные правовые последствия. Так, например, по делу «Евгений Михайлович Шмелев и другие против Российской Федерации» ЕСПЧ, заседая 17 марта 2020 г. [12], принял к сведению реализованные в Российской Федерации меры общего характера для решения проблем лиц, осужденных к лишению свободы, в том числе улучшение ма-

териально-бытовых условий содержания под стражей и общее сокращение количества лиц, содержащихся в местах лишения свободы, а также положительную оценку таких мер. Подобное развитие событий было расценено как имеющее непосредственное отношение к вопросу об эффективности внутригосударственных средств правовой защиты в ситуациях предполагаемого нарушения условий содержания под стражей, а также к устранению источника проблемы. В силу чего было принято решение об объединении рассмотренных жалоб в одном производстве и объявлении их неприемлемыми для рассмотрения по существу либо отложении разбирательства.

Все это дало основание сделать вывод о необходимости реализации комплексного подхода к решению данной проблемы, который сочетал бы изменения в правовой базе, практике и изменение представлений и взглядов на соответствующие вопросы.

1. Постановление ЕСПЧ по делу «Ковалева против России» (жалоба № 7782/04) от 2 дек. 2010 г. ; постановление ЕСПЧ по делу «Светлана Кузьмина против России» (жалоба № 8609/04) от 2 дек. 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: https://fsin.gov.ru/structure/regulation/regulation_of_the_european_court_of_justice/ (дата обращения: 15.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Постановление ЕСПЧ по делу «Гультяева против Российской Федерации» (жалоба № 67413/01) от 1 апр. 2010 г. [Электронный ресурс] // URL: https://fsin.gov.ru/structure/regulation/regulation_of_the_european_court_of_justice/ (дата обращения: 15.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Постановление ЕСПЧ по делу «Мамедова (Mamedova) против Российской Федерации» от 1 июня 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: https://fsin.gov.ru/structure/regulation/regulation_of_the_european_court_of_justice/ (дата обращения: 15.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Постановление ЕСПЧ по делу «Трепашкин (Trepashkin) (№ 2) против Российской Федерации» (жалоба № 14248/05) от 16 дек. 2010 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 10.

5. Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2019 год [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/news/40804/> (дата обращения: 15.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Резолюция Комитета министров Совета Европы (Res(2004)3) относительно решений, раскрывающих системную проблему, лежащую в основе нарушения (принята Комитетом министров 12 мая 2004 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Европы. URL: <https://wcd.coe.int/wcd/ViewDoc.jsp?id=743257&Lang=fr> (дата обращения: 15.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Оганесян Т. Д. Правовая природа и сущность процедуры пилотного постановления Европейского суда по правам человека // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 156–164. [Вернуться к статье](#)

8. Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2012. № 8. [Вернуться к статье](#)

9. Дело № 18255/10 «Томова и другие против России» [Электронный ресурс]. URL: <https://european-court-help.ru/delo-18255-10-tomova-i-drugie-protiv-rossii/> (дата обращения: 15.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 27 дек. 2019 г. № 494-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 52 (часть I). Ст. 7812. [Вернуться к статье](#)

11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования компенсаторного судебного средства правовой защиты от нарушений, связанных с необеспечением надлежащих условий содержания под стражей и в исправительных учреждениях [Электронный ресурс] : проект Федерального закона № 711788-7. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/> (дата обращения: 15.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

12. Решение ЕСПЧ от 17 марта 2020 г. по делу «Евгений Михайлович Шмелев и другие против Российской Федерации» (жалоба № 41743/17) [Электронный ресурс]. URL: <https://apkrfkod.ru/pract/reshenie-espch-ot-17032020/> (дата обращения: 15.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.13

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКРЫТИЯ УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАВАТЕЛЕМ ПО УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

А. П. Бойко

Днепропетровский государственный университет внутренних дел,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук
e-mail: uupetrikovka@i.ua

Аннотация. В статье проанализированы нормы уголовного процессуального законодательства Украины относительно порядка и оснований закрытия уголовного производства дознавателем. Определены проблемные аспекты правовой регламентации оснований для закрытия уголовного производства дознавателем. Высказаны предложения по совершенствованию положений действующего Уголовного процессуального кодекса Украины.

Ключевые слова: дознаватель, закрытие уголовного производства, основания для закрытия уголовного производства, срок досудебного расследования, уголовное процессуальное законодательство.

Annotation. The article analyzes the norms of the criminal procedural legislation of Ukraine regarding the procedure and grounds for the closure of criminal proceedings by the inquiry officer. The problematic aspects of the legal regulation of the grounds for the closure of criminal proceedings by the inquiry officer have been identified. The author makes suggestions for improving the provisions of the current Criminal Procedure Code of Ukraine.

Keywords: investigator, closure of criminal proceedings, grounds for closure of criminal proceedings, term of pre-trial investigation, criminal procedural legislation.

Потребность в дознании как форме досудебного расследования была вызвана большой загруженностью следователей Украины. Поэтому для разгрузки следователей и эффективной организации досудебного расследования 22 ноября 2018 года был принят Закон Украины № 2617-VIII «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно упрощения досудебного расследования отдельных категорий уголовных правонарушений», который вступил в силу 01 июля 2021 года [1]. Указанным законом была введена упрощенная форма досудебного расследования дознания, при которой осуществляется расследование уголовных проступков. Также принятый закон обусловил определенные изменения в УПК Украины в целом и в процессуальном порядке закрытия уголовного производства и относительно оснований к такому закрытию дознавателем в частности.

Практика применения норм действующего уголовного процессуального законодательства Украины позволила выявить значительное количество дефектов логико-структурного построения отдельных его норм и институтов: пробелы, лишнее дублирование, неправильное расположение; несовершенство юридических конструкций и т. п. Такие отступления от требований законодательной техники, как справедливо отмечает А. В. Каплина, свидетельствуют о юридическом несовершенстве уголовного процессуального законодательства, порождают различные подходы при правоприменительном толковании, влекут за собой отсутствие единства правоприменительной практики [2, с. 38–39]. К сожалению, такое несовершенство действующего уголовного процессуального законодательства Украины свойственно и для закрытия уголовного производства дознавателем. Для решения соответствующих проблем существует потребность в их исследовании.

Как справедливо указывает А. В. Рось, закрытие уголовного производства всегда связано с установлением не одной, а совокупности обстоятельств. Принятие любого правового решения, в частности решения о закрытии уголовного производства, состоит из двух основных этапов: сбора и оценки информации (приводит к выводу о наличии (отсутствии) отдельных условий и признаков, подобных для принятия решения); и собственно принятия решения на основании разработанной информации. В законе же для удобства используют концентрированное отражение сути и характера совокупности тех обстоятельств, которые необходимы для принятия процессуального решения и которые принято называть основаниями к закрытию уголовного производства [3, с. 103].

Согласно ч. 1 ст. 284 УПК Украины, законодатель определил 14 оснований, когда может быть закрыто уголовное производство. Что касается дознавателя, то законодателем установлено лишь 5 оснований, при которых он может закрыть уголовное производство и только в случае, если ни одному лицу не было сообщено о подозрении в конкретном уголовном производстве. Что касается случаев закрытия уголовного производства дознавателем, то в абз. 2 п. 10 ч. 1 ст. 284 УПК Украины указано, что дознаватель обязан закрыть уголовное производство, когда срок досудебного расследования, определенный ст. 219 УПК Украины, закончился и ни одному лицу не было сообщено о подозрении [4].

В ч. 2 ст. 219 УПК Украины законодателем указано лишь два срока досудебного расследования с момента внесения сведений об уголовном правонарушении в Единый реестр досудебных расследований (далее — ЕРДР) ко дню сообщения лицу о подозрении: 1) 12 месяцев; 2) 18 месяцев. Эти сроки касаются только преступлений, а не уголовных проступков [4].

На наш взгляд, запутанно определены сроки дознания, отсчет которых должен начинаться со дня уведомления лицу о подозрении. Считаем, что по

уголовным проступкам законодатель, скорее, забыл указать, какой должен быть срок дознания с момента внесения сведений в ЕРДР и до сообщения лицу о подозрении.

Например, в УПК бывших постсоветских стран, таких как Республика Беларусь и Республика Казахстан, отсутствует основание закрытия уголовного производства дознавателем на основании истечения срока досудебного расследования при условии, что ни одному лицу не было сообщено о подозрении.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 35 УПК Республики Казахстан и п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь, прописано одно из обстоятельств, исключающее производство по уголовному делу, как истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности [5–6].

Таким образом, эти основания прекращения уголовного производства в указанных странах одинаковые, за исключением Украины. Так, согласно п. 3-1 ч. 1 ст. 284 УПК Украины, одним из оснований закрытия уголовного производства является истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности, кроме случаев совершения особо тяжкого преступления против жизни или здоровья лица или преступления, за которое по закону может быть назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы [4].

Такое уголовное производство закрывается судом по ходатайству прокурора.

В этом случае стоит поддержать позицию С. Ю. Солониной, которая указывает на то, что, в отличие от следователя и дознавателя, суд не может ни осуществлять, ни непосредственно прекратить уголовное преследование, так как уголовное преследование — это функция не суда, а стороны обвинения [7].

Как итог, по результатам сравнительного анализа уголовно-процессуального законодательства Беларуси, Казахстана и Украины видно, что в законодательстве обеих стран предусмотрены схожие основания закрытия уголовного производства, а в УПК Украины предусмотрено одно из закрытий уголовного производства дознавателем — окончания срока досудебного расследования по уголовным проступкам при условии, что ни одному лицу не было сообщено о подозрении.

В связи с тем, что в УПК Украины отсутствуют сроки досудебного расследования по уголовным проступкам до внесения сведений в ЕРДР, считаем необходимым с целью совершенствования уголовно-процессуального законодательства Украины дополнить ч. 1 ст. 219 УПК Украины сроком досудебного расследования по уголовным правонарушениям, который не может превышать 6 месяцев до сообщения о подозрении.

1. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо спрощення досудового розслідування окремих категорій кримінальних правопорушень [Електронний ресурс] : Закон України від 22 листопада 2018 року № 2617-VIII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2617-19#Text> (дата звернення: 28.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Капліна О. В. Актуальні проблеми тлумачення окремих підстав для закриття кримінального провадження. Вісник кримінального судочинства. 2016. № 3. С. 38–45. [Вернуться к статье](#)
3. Рось А. В. Закриття кримінального провадження: проблеми правової регламентації // Вісн. Луган. держ. ун-ту внутр. справ імені Е. О. Дідоренка. 2018. Вип. 3. С. 102–110. [Вернуться к статье](#)
4. Кримінальний процесуальний кодекс України [Електронний ресурс] : Закон України від 13 квіт. 2012 р. № 4651-VI. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-vi#Text> (дата звернення: 28.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК [Электронный ресурс] : принят во втором чтении Постановлением Мажилиса Парламента Республики Казахстан в соответствии с п. 36 Регламента Мажилиса Парламента Республики Казахстан в мае 2014 г. : утвержден Указом № 231-V Президента Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 28.02.2021). [Вернуться к статье](#)
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 24.06.1999 г. № 295-3 [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
7. Солонина С. Ю. Прекращение уголовного дела и прекращение уголовного преследования: соотношение понятий // Молодой ученый. 2015. № 9. С. 881–883. [Вернуться к статье](#)

УДК 343

К ВОПРОСУ ОБ ОКАЗАНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ, ОСУЖДЕННЫМ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

В. А. Борченко

Самарский юридический институт ФСИН России,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: borchenko.vera@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов по оказанию юридической помощи несовершеннолетним осужденным, в том числе и бесплатной. Анализируются нормы международного и национального законодательства в указанной сфере и выделяются проблемы, возникающие при оказании такой помощи несовершеннолетним осужденным.

Ключевые слова: юридическая помощь, адвокат, несовершеннолетний осужденный, отбывание наказания, международно-правовые нормы.

Annotation. The article is devoted to the consideration of issues related to the provision of legal assistance to convicted minors, including free of charge. The article analyzes the norms of international and national legislation in this area and highlights the problems that arise when providing such assistance to juvenile convicts.

Keywords: legal aid, lawyer, juvenile convict, serving a sentence, international legal norms.

На сегодняшний день в науке остро стоит вопрос о лишении свободы несовершеннолетних, а именно о практичности и эффективности применения такой меры уголовного наказания. В Российской Федерации законодатель, следуя принципу справедливости, осуждает совершение уголовных преступлений со стороны несовершеннолетних лиц и применяет к ним соответствующие меры уголовно-правового характера, при этом государство устанавливает повышенные требования к охране законных прав и интересов несовершеннолетних осужденных [1].

Большая часть государств во всем мире признает, что в процессе защиты несовершеннолетних особое внимание необходимо уделять уязвимости и несформированности как физического, так и психологического состояния ребенка. В связи с этим 29 ноября 1985 года резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (далее — ООН) были приняты Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Данный документ является оснополагающим в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления, и регламентирует минимальный круг прав ребенка [2].

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, в нашем государстве признается верховенство международного законодательства. Так, в соответствии с п. 7.1 Пекинских правил, у несовершеннолетнего должно быть гарантировано право иметь адвоката на всех этапах судебного разбирательства. В данном случае речь следует вести о любом судебном разбирательстве, стороной в котором является несовершеннолетнее лицо. Более того, в обязательном порядке предполагается участие адвоката в завершающей стадии уголовного процесса — исполнение приговора с целью разрешения возможных вопросов, которые непосредственно касаются прав и интересов несовершеннолетнего лица.

В соответствии с российским законодательством, а именно п. 2 ч. 1 ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК), участие в уголовном деле адвоката является обязательным, если подозреваемый или обвиняемый является несовершеннолетним [3].

В своих научных работах Е. Н. Калачева справедливо отмечает, что функции адвоката по защите несовершеннолетних не ограничиваются только участием в судебном заседании и обжаловании судебных решений, также необходимо предоставить несовершеннолетнему возможность и в дальнейшем обращаться за помощью к адвокату во время или после отбывания наказания [4, с. 49].

Как уже было сказано, право на адвокатскую помощь предоставляется на всех стадиях судопроизводства, включая уголовное, в том числе для разрешения вопросов на стадии исполнения приговора. В связи с этим целесообразно было бы гарантировать и обеспечить обязательное участие адвоката в вышеуказанных случаях в отношении несовершеннолетнего лица.

Более того, высказывается точка зрения об обязательном привлечении адвоката в случаях условно-досрочного освобождения несовершеннолетнего из мест лишения свободы, аргументируя это тем, какие юридические последствия следуют за отказом удовлетворения ходатайства об указанном освобождении, а именно в необходимости отбытия оставшейся части наказания [5, с. 87]. Однако важно отметить, что обязательное участие защитника должно быть предусмотрено не только в случаях подачи ходатайства об условно-досрочном освобождении, но и в других случаях, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора, регламентированных в ст. 397 УПК РФ.

За последнее десятилетие законодательство относительно оказания юридической помощи, в том числе и бесплатной, претерпело изменения. Однако все также остался неурегулированным круг вопросов, связанных со сферами и порядком предоставления такой помощи. Более того, ответ на вопрос, нужно ли оказывать бесплатную юридическую помощь несовершеннолетнему, является

очевидным и безусловным, так как большая часть преступлений, совершаемых несовершеннолетними лицами, входят в категорию преступлений против собственности, а это указывает на проблему трудного материального положения ребенка и его семьи. Из этого следует, что в большинстве случаев у несовершеннолетнего нет возможности оплачивать услуги адвоката. Данный вопрос законодателем отражен в Федеральном законе от 22 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи» (далее — Закон о бесплатной юридической помощи), а именно в ст. 20 ч. 1 п. 6, где указано, что несовершеннолетние, отбывающие наказание в местах лишения свободы, имеют право на получение бесплатной юридической помощи для защиты своих законных прав и интересов [6]. Однако в данной норме есть исключение по оказанию такой помощи, касающееся вопросов, связанных с оказанием помощи в уголовном судопроизводстве. Так, законодатель не охватил достаточно широкий круг вопросов, входящих в стадию исполнения приговора и регламентированных ст. 397 УПК, о которой мы упоминали выше. Такой подход является не совсем верным и правильным, так как существенно ограничивает право несовершеннолетнего на получение бесплатной юридической помощи.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что законодатель предусматривает право несовершеннолетнего осужденного к лишению свободы прибегать к бесплатной юридической помощи, однако сам механизм реализации такого права на данный момент в законодательстве отсутствует. Как отмечается в литературе, «отсутствуют организационно-правовые гарантии того, что заявление несовершеннолетнего осужденного будет зарегистрировано и незамедлительно отправлено по адресу; дойдет до адресата соответствующего адвокатского образования; если и дойдет до адвокатского образования, то и тогда нет гарантии, что подростку будет предоставлена своевременная квалифицированная юридическая помощь» [7].

Также в науке содержится точка зрения, согласно которой необходимо ввести в кадры воспитательных колоний штатного юриста для оказания квалифицированной юридической помощи несовершеннолетним осужденным. Много споров по данному вопросу ведется из-за того, что такой штатный юрист во многом будет зависеть от решений и указаний руководства исправительного учреждения, что может сказываться на качестве оказываемых услуг несовершеннолетнему. Чтобы исключить такого рода проблемные ситуации, необходимо принять в соответствии с Законом о бесплатной юридической помощи подзаконный нормативно-правовой акт ФСИН РФ, который бы устанавливал четкий механизм, порядок и сроки реализации права несовершеннолетнего осужденного на получение бесплатной юридической помощи.

Подводя итоги всего вышесказанного, следует еще раз отметить, что несовершеннолетние осужденные — особая категория лиц в силу своей психической и физической неустойчивости и несформированности. Кроме того, необходимо установить в обязательном порядке присутствие адвоката на стадии исполнения приговора для разрешения вопросов, урегулированных ст. 397 УПК РФ. Затем Законом о бесплатной юридической помощи не предусмотрены случаи оказания такой помощи в рамках уголовного судопроизводства, что, на наш взгляд, является нарушением прав и интересов несовершеннолетнего осужденного, в то время как в рамках гражданского, административного судебного разбирательства она предусмотрена. Кроме того, помимо неурегулированности данного вопроса в Законе о бесплатной юридической помощи, уголовно-исполнительное законодательство также не регламентирует случаи оказания бесплатной юридической помощи несовершеннолетним осужденным. Данный пробел устраним только принятием отдельного подзаконного нормативно-правового акта, который бы непосредственно устанавливал порядок оказания юридической помощи несовершеннолетним осужденным.

1. Борсученко С. И. Защита несовершеннолетних осужденных // ЭЖ-Юрист. 2014. № 1-2. [Вернуться к статье](#)

2. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: www.un.org.ru (дата обращения: 21.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ (в ред. от 24 марта 2021 г.) : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федер. 5 дек. 2001 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 21.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Калачева Е. Н. Деятельность адвоката по оказанию юридической помощи несовершеннолетним. М. : Федеральная палата адвокатов, 2017. 175 с. [Вернуться к статье](#)

5. Воронин О. В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 208 с. [Вернуться к статье](#)

6. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ (в ред. 26 июля 2019 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 21.02.2021). [Вернуться к статье](#)

7. Бушлаева О. Б. Деятельность адвоката по оказанию юридической помощи осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях: теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11. М., 2015. 288 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ОТ ФАКТОВ ВОВЛЕЧЕНИЯ ДЛЯ УЧАСТИЯ
В НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫХ МИТИНГАХ****А. В. Веренич**

Омская академия МВД России,
адъюнкт кафедры административного права и административной
деятельности органов внутренних дел
e-mail: platon0906@mail.ru

***Аннотация.** Рассмотрены некоторые проблемы административно-правовой защиты прав несовершеннолетних, связанные с вовлечением их для участия в несанкционированных публичных мероприятиях. Актуальность работы обусловлена современными тенденциями к привлечению детей к участию в несанкционированных митингах. Акцентировано внимание на необходимости законодательного регулирования возможности участия несовершеннолетних в политических протестных акциях.*

***Ключевые слова:** защита, несовершеннолетний, несанкционированные публичные мероприятия, законодательство.*

***Annotation.** Some problems of administrative and legal protection of the rights of minors related to their involvement in unauthorized public events are considered. The relevance of the work is due to modern trends in attracting children to participate in unauthorized rallies. Attention is focused on the need for legislative regulation of the possibility of participation of minors in political protest actions.*

***Keywords:** protection, minor, unauthorized public events, legislation.*

Прошло более века с момента Октябрьской революции 1917 года, положившей начало в изменении правового статуса детей, стремлении обеспечить их правильное, достойное воспитание, гарантировать права и защиту со стороны государства. В. Н. Шульгин писал: «... коренным образом изменилась среда, в которой живет и дышит ребенок, изменился уклад жизни семейной и общественной. Радикальное изменение претерпела вся система социального воспитания, влиянию которой подвергался советский ребенок» [1].

Современная Россия, продолжая свои традиции и поддерживая международные стандарты, выделяет приоритетным направлением государственной политики обеспечение прав и свобод детей, что регламентируется статьей 67.1 Конституции Российской Федерации [2]. Однако некоторые политические деятели не гнушаются использовать несовершеннолетних для достижения своих целей. Последние события, произошедшие в ряде городов Российской Федерации 23 и 31 января 2021 года, напрямую свидетельствуют об этом. В эти даты

несовершеннолетние привлекались к участию в несанкционированных митингах в поддержку оппозиционера Алексея Навального. Произошедшие события говорят об угрозе не только общественной нравственности, но и национальной безопасности, которая напрямую зависит от господствующих политических взглядов. Такие действия вызывают широкий общественный резонанс, привлекая внимание не только публичной власти Российской Федерации, но и международного сообщества. Как отмечают М. А. Бучакова и О. А. Дизер, «этот факт может спровоцировать в ближайшем будущем потерю духовных ценностей в обществе, утрату ориентиров в воспитании подрастающего поколения» [3].

Не имея своего четкого мнения и твердой жизненной позиции, несовершеннолетние выступают инструментом в политических «играх», не задумываясь о последствиях в силу своего физического и нравственного развития. Конвенция о правах ребенка определяет, что несовершеннолетний ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту [4]. Вместе с тем Конвенция ООН признает право несовершеннолетних на мирные собрания. Однако имеется важное уточнение, что к проведению мирных собраний детьми могут применяться ограничения, необходимые в интересах государственной безопасности и общественной нравственности.

Тенденция к привлечению детей в несанкционированных собраниях и митингах становится актуальной проблемой современного российского законодательства. Конституция Российской Федерации определяет право граждан проводить собрания, митинги, демонстрации и т. д., при этом в Основном законе не оговорен возрастной ценз для участия в указанных мероприятиях. Однако важно отметить, что ключевым в праве участия граждан в собраниях и митингах является наличие мирных целей. Незначительные ограничения участия детей в указанных публичных мероприятиях содержатся в Федеральном законе от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [5], в соответствии с которым несовершеннолетние, не достигшие возраста 18 лет, не могут быть организаторами демонстраций, шествий и пикетирований, а несовершеннолетние, не достигшие возраста 16 лет, не могут выступать в качестве организатора в митингах и собраниях. При этом в Федеральном законе четко прописан принцип проведения публичного мероприятия — добровольность. Но о какой добровольности может идти речь, если несовершеннолетние являются ведомыми и зависят от мнения взрослых лиц. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова отметила: «Люди, которые еще не созрели в своих политических убеждениях, не должны стать объектами для манипуляции и провокации» [6]. Тем более что современные дети являются зависимыми от телекоммуникационных

средств связи, особенно сети Интернет, посредством которой и осуществлялся публичный призыв к участию в несанкционированных митингах, а также распространялась информация о местах и времени проведения незаконных акций. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» определяет, что одним из видов информации, причиняющей вред детям, является информация, оправдывающая противоправное поведение [7]. Однако в законе отсутствует упоминание об информации, содержащей призыв к участию в публичных мероприятиях, в том числе несанкционированных, как об информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей. Вместе с тем, в соответствии со статьей 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», владелец сайта или страницы сайта в сети Интернет не должен допускать использование информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка [8].

Факты вовлечения несовершеннолетних в публичные мероприятия вызывают особую обеспокоенность, так как данные действия не только провоцируют детей к активным противоправным действиям, но и подрывают авторитет государственной власти и политического строя. В целях сдерживания нарастающей негативной тенденции применяются рычаги административного и уголовного законодательства. Так, в 2018 году в статью 20.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации введена часть 1¹, предусматривающая административную ответственность за вовлечение несовершеннолетних в участие в несанкционированных собраниях, митингах и т. д. [9]. На наш взгляд, данный шаг был обоснован и необходим. Ведь, как справедливо отмечает Д. Н. Бахрах, «административная ответственность служит средством охраны правопорядка, средством осуществления государственной власти, особым видом государственной деятельности; является следствием противоправного, вредного и виновного деяния» [10]. Принятый закон, безусловно, направлен на предупреждение фактов вовлечения несовершеннолетних в несанкционированные собрания, митинги, а также на пресечение незаконных действий, способных оказать на несовершеннолетних негативное влияние. По мнению В. Е. Севрюгина, «это позволит сохранить стабильность административно-деликтных норм, назначение которых — защищать определенные группы общественных отношений» [11]. Несмотря на введение новых ограничений и санкций, некоторые политики продолжают вести «нечестную игру», прикрываясь несовершеннолетними. Несомненно, обязательным элементом при реализации административного законодательства является привлечение к администра-

тивной ответственности, отличительным признаком которой является административное наказание, и это наказание за использование несовершеннолетних для достижения своих целей должно быть не только суровым, но и справедливым. По мнению И. А. Галагана, административная ответственность неразрывно связана с отправлением функций государства по защите прав и свобод, интересов всего общества [12]. Нам остается согласиться с данным высказыванием, добавив только, что приоритетным направлением в защите прав общества является защита прав несовершеннолетних.

Подводя итог, можно сделать вывод, что помимо необходимости своевременного законодательного реагирования на противоправное поведение лиц, склоняющих и вовлекающих несовершеннолетних в несанкционированные публичные мероприятия, важно ввести в законодательство Российской Федерации возрастные ограничения для участия в мероприятиях, преследующих политические и идеологические мотивы.

1. Шульгин В. Н. Дети и Октябрьская революция : идеология советского школьника / Научно-педагогический институт методов школьной работы ; под ред. и с предисл. В. Н. Шульгина. Изд. 2-е. М. : Работник просвещения, 1928. 192 с. [Вернуться к статье](#)

2. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти [Электронный ресурс] : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Бучакова М. А., Дизер О. А. Государственная политика Российской Федерации в сфере защиты общественной нравственности // Права человека и правоохранительная деятельность (памяти профессора А. В. Зиновьева) : материалы региональной науч.-практ. конф. 2017. С. 50–52. [Вернуться к статье](#)

4. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] : одобр. Генеральной Ассамблеей ООН, 20 нояб. 1989 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях [Электронный ресурс] : Федер. закон от 19 июня 2004 г., № 54-ФЗ (с изм. и доп. от 30 дек. 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. Школьникам запретят участие в митингах [Электронный ресурс] // Перебежчик. URL: <http://beta.perebezhchik.ru/mneniya/5881.html> (дата обращения 07.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс] : Федер. закон от 29 дек. 2010 г. № 436-ФЗ (с изм. и доп. от 31 июля 2020 № 303-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (с изм. и доп. от 30 дек. 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

9. О внесении изменения в статью 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Федер. закон от 27 дек. 2018 г. № 557-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8483. [Вернуться к статье](#)

10. Бахрах Д. Н. Административная ответственность как особый вид юридической ответственности // Ученые записки Пермского университета. 1974. Вып. 5. С. 78. [Вернуться к статье](#)

11. Отдельные аспекты конструирования административно-деликтных норм затрагивались в работах В. Е. Севрюгина (см.: Севрюгин В.Е. Теоретические проблемы административного проступка : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994). [Вернуться к статье](#)

12. Галаган И. А. Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование) в книге Иван Александрович Галаган и его научное наследие / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж, 2010. С. 104–105. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.963

**УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ
И В ОКАЗАНИИ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ
(НА ОСНОВАНИИ МИНСКОЙ КОНВЕНЦИИ 1993 г.)****И. И. Головки**

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении
уголовных, гражданских и арбитражных дел,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: irinaivanovna2009@yandex.ru

***Аннотация.** Исследована нормативная основа участия российских прокуроров в гражданском судопроизводстве по делам с участием граждан государств — участников СНГ с учетом положений Минской конвенции 1993 г. Сделан вывод о базовых полномочиях прокурора в правовых отношениях и в правовой помощи в целях защиты прав граждан и высказано предложение о развитии деятельности прокурора.*

***Ключевые слова:** прокурор, государства — участники СНГ, гражданское судопроизводство, правовая помощь, правовые отношения.*

***Annotation.** Investigated the regulatory framework of the participation of Russian prosecutors in civil proceedings in cases involving citizens of States-participants of the CIS subject to the provisions of the Minsk Convention, 1993, concluded on the base powers of the Prosecutor in legal relations and legal assistance to protect the rights of citizens and suggested the development activities of the Prosecutor.*

***Keywords:** the Prosecutor, the state parties of the CIS, civil litigation, legal assistance, legal relations.*

Порядок гражданского судопроизводства в Российской Федерации определяется Конституцией Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.), Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (далее — ГПК РФ) и принимаемыми в соответствии с ними другими федеральными законами.

Производство по делам с участием иностранных лиц осуществляется в соответствии с ГПК РФ и иными федеральными законами (ч. 3 ст. 398 ГПК РФ). Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила гражданского судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законом, применяются правила международного договора. Также ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации определила, что общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Рос-

сийской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

В связи с этим суду и прокурору, участвующему в рассмотрении гражданского дела, необходимо учитывать особенности применения законодательства Российской Федерации и международных актов.

В настоящее время в инициативной форме прокурор участвует в рассмотрении судами гражданских дел на основании п. 3 ст. 35 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»); ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 244.11, ч. 3 ст. 418 ГПК РФ; п. 1 ст. 28, п. 1 ст. 70, п. 3 ст. 73, ст. 142 Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (далее — СК РФ); ст. 21, 391 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ.

Также прокурор вступает в гражданское дело для дачи заключения в соответствии с п. 3 ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»; ч. 3 ст. 45, ст. 273, ч. 3 ст. 278, ч. 1 ст. 284, ст. 288 ГПК РФ; п. 2 ст. 70, п. 2 ст. 72, п. 4 ст. 73 СК РФ.

В силу положений ч. 1, 2 ст. 398 ГПК РФ иностранные граждане, лица без гражданства, иностранные организации, международные организации (далее — иностранные лица) имеют право обращаться в суды в Российской Федерации для защиты своих нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов. Иностранные лица пользуются процессуальными правами и выполняют процессуальные обязанности наравне с российскими гражданами и организациями.

В первую очередь необходимо правильно определить подсудность дел с участием иностранных лиц судам в Российской Федерации, руководствуясь нормами главы 44 ГПК РФ. В соответствии с ч. 1 ст. 402 ГПК РФ в случае, если иное не установлено правилами главы 44 ГПК РФ, подсудность дел с участием иностранных лиц судам в Российской Федерации определяется по правилам главы 3 ГПК РФ.

Суды в Российской Федерации не только рассматривают дела с участием иностранных лиц, но и участвуют в исполнении судебных поручений в соответствии с ч. 1, 3 ст. 407 ГПК РФ путем исполнения переданных им в порядке, установленном международным договором Российской Федерации или федеральным законом, поручений иностранных судов о совершении отдельных процессуальных действий (вручение извещений и других документов, получение объяснений сторон, показаний свидетелей, заключений экспертов, осмотр

на месте и др.) в порядке, установленном российским правом, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации. Кроме этого, в соответствии с ч. 4 ст. 407 ГПК РФ суды в Российской Федерации могут обращаться в иностранные суды с поручениями о совершении отдельных процессуальных действий. Порядок сношений судов в Российской Федерации с иностранными судами определяется международным договором Российской Федерации или федеральным законом.

В том случае, если в качестве стороны по гражданскому делу участвует иностранное лицо государства — участника СНГ, необходимо учитывать международные многосторонние и двусторонние договоры и соглашения Российской Федерации и государств — участников СНГ.

Российская Федерация является участником Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, которая была заключена государствами — участниками СНГ в Минске 22 января 1993 г., вступила в силу 19 мая 1994 г., для Российской Федерации вступила в силу 10 декабря 1994 г.

Конвенция не затрагивает положений других международных договоров, участниками которых являются Российская Федерация и государства — участники СНГ (ст. 82 Конвенции). В настоящее время действуют многочисленные договоры и соглашения, заключенные Российской Федерацией (например, Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 декабря 1992 г.; Договор между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 14 сентября 1992 г.; Договор между Российской Федерацией и Республикой Молдова о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 25 февраля 1993 г.). В отношениях Российской Федерации по гражданским и семейным делам с Азербайджанской Республикой, Кыргызской Республикой, Республикой Молдова применяются нормы двусторонних договоров как специальных актов.

Указ Президента Российской Федерации от 17 апреля 2017 г. № 170 «О центральных органах Российской Федерации, территориальных и иных органах, уполномоченных на осуществление непосредственного взаимодействия с компетентными органами государств — участников Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. и Протокола к ней от 28 марта 1997 г.» определил, что центральным органом Российской Федерации, уполномоченным на осуществление непосредственного взаимодействия с компетентными органами государств — участников Конвенции по всем вопросам оказания правовой помощи по граж-

данским и семейным делам, является Министерство юстиции Российской Федерации.

В ст. 22.1 Минской конвенции 1993 г. установлено право прокурора одной из Договаривающихся Сторон обратиться к прокурору другой Договаривающейся Стороны с просьбой о возбуждении в суде дела о защите прав и законных интересов граждан запрашивающей Договаривающейся Стороны, о принятии участия в рассмотрении таких дел или принесении в суд вышестоящей инстанции кассационного или частного протеста, а также протеста в порядке надзора на судебные постановления по таким делам. Несомненно, указанное положение общего характера необходимо толковать с учетом требований ГПК РФ, который наделяет прокурора правом инициировать возбуждение судом гражданского дела, определяет средством реагирования прокурора на незаконное судебное постановление не протест, а представление.

На основании положений Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», ГПК РФ и Минской конвенции 1993 г. прокурор участвует в правовых отношениях и в оказании правовой помощи в следующих случаях:

1. Прокурор принимает и рассматривает обращения граждан государств — участников СНГ. Граждане государств — участников СНГ вправе обратиться в прокуратуру для получения правовой защиты (п. 2 ст. 1 Минской конвенции). Аналогичное положение закреплено в ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», в соответствии с которым установленный законом порядок рассмотрения обращений граждан распространяется на правоотношения, субъектом которых являются иностранные граждане. Право прокурора рассматривать и разрешать заявления, жалобы и иные обращения закреплено ст. 10 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

2. Прокурор участвует в рассмотрении гражданских дел (в том числе о защите семьи, материнства, отцовства и детства) судами в Российской Федерации с участием иностранных граждан путем обращения в суд с заявлением или вступая в дело, при наличии оснований — обжалуя постановления суда в апелляционном, кассационном, надзорном порядке. Поводом участия в гражданском судопроизводстве по делам рассматриваемых категорий может явиться просьба прокурора другого государства — участника СНГ. Исходя из характера действий прокуроров, указанных в ст. 22.1 Минской конвенции 1993 г., и места, указанного в ст. 22.1 раздела II «Правовые отношения по гражданским и семейным делам», но не в части II «Правовая помощь» раздела I Конвенции, надлежит сделать вывод о том, что по просьбе об участии прокурора в гражданском судопроизводстве осуществляются правоотношения по гражданским, семейным делам, но не правовая помощь.

В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации). Иностранцы граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации (ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации).

В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» иностранные граждане в Российской Федерации пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом. Такими исключениями, в частности, являются доступ к государственной службе, военной службе, пределы избирательных прав и пр.

В ч. 1, 2 ст. 398 ГПК РФ установлено право иностранных граждан обращаться в суды в Российской Федерации для защиты своих нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, пользоваться процессуальными правами и выполнять процессуальные обязанности наравне с российскими гражданами и организациями.

В соответствии с ч. 3 ст. 398 ГПК РФ производство по делам с участием иностранных лиц осуществляется в соответствии с ГПК РФ и иными федеральными законами. Так, СК РФ в разделе VII «Применение семейного законодательства к семейным отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства» регламентирует особенности определения прав и обязанностей родителей и детей, усыновления (удочерения) и пр.

3. Прокурор, полагаем, участвует в оказании правовой помощи по гражданским и семейным делам, в рассмотрении судом которых принимает участие. Прокурор как лицо, участвующее в деле, в силу ч. 1 ст. 35 ГПК РФ наделен правом заявлять ходатайства, следовательно, вправе ходатайствовать о направлении судом поручения об оказании правовой помощи (для выполнения процессуальных и иных действий, установленных в ст. 6 Минской конвенции 1993 г. уполномоченными органами государств — участников СНГ) путем обращения в Министерство юстиции Российской Федерации (ст. 4, 5 Минской конвенции 1993 г.) и оценивая в заключении обоснованность подобных ходатайств других лиц, участвующих в деле.

4. В настоящее время ст. 410 ГПК РФ не наделяет прокурора правом обращаться в суд с ходатайством о признании и исполнении решений иностранных судов. Однако обращение прокурора в суд с указанным ходатайством

представляется необходимым по делам, перечисленным в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, инициированным прокурором в целях защиты прав и законных интересов заявителей-граждан незащищенных категорий, а также в случае, если граждане указанной категории обратятся к прокурору с подобной просьбой при наличии вступившего в силу решения иностранного суда.

5. В рамках отмеченного выше права на обращение в суд с заявлением на основании ч. 1 ст. 45 ГПК РФ прокурор, как нам представляется, вправе обратиться в суд с встречным иском заявлением. В настоящее время законодательство Российской Федерации не устанавливает для прокурора какие-либо ограничения в этом праве. В связи с этим надлежит руководствоваться п. 2 ст. 22 Минской конвенции 1993 г. о том, что встречное исковое заявление по требованиям, вытекающим из того же правоотношения, что и основное исковое заявление, подлежит рассмотрению в суде, который рассматривает основное исковое заявление.

УДК 343.1

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ****Д. А. Гришин**

Академия ФСИН России,

докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров,

кандидат юридических наук, доцент

e-mail: gda187@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: информационные технологии, уголовное судопроизводство.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the use of information technologies in criminal proceedings.

Keywords: information technologies, criminal proceedings.

Ограничительные меры, связанные с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), коснулись различных сфер общественной жизни. Высшие должностные лица субъектов РФ были уполномочены на реализацию комплекса ограничительных и иных мероприятий, приостановку деятельности организаций независимо от форм собственности, установление особого порядка передвижения на соответствующей территории.

Официальных ограничений, непосредственно касающихся уголовного судопроизводства, введено не было. Однако принимаемая система мер борьбы с инфекцией определенным образом затронула процесс расследования и рассмотрения уголовных дел, опосредованно создавая трудности для процессуальной активности участников уголовного судопроизводства.

В подобной ситуации перед государством встала задача, с одной стороны, обеспечения стабильности уголовного судопроизводства, с другой — соблюдения прав и свобод человека в рассматриваемой сфере общественных отношений.

Указанные обстоятельства обусловили значительное количество научных изысканий, направленных на выработку предложений по внесению изменений в уголовно-процессуальный закон с целью повышения эффективности функционирования системы уголовного судопроизводства в чрезвычайных условиях [1, с. 90].

Уголовное судопроизводство должно обладать определенным потенциалом, позволяющим обеспечивать должную эффективность данной деятельности даже в случае воздействия на нее неблагоприятных обстоятельств окружающей действительности. Ситуация, складывающаяся в настоящее время на фоне рас-

пространения вируса COVID-19, явно демонстрирует, что вызванные ей чрезвычайные обстоятельства стали причиной существенных изменений в жизнедеятельности человека в различных сферах общественной жизни. На территории Российской Федерации введены многочисленные ограничения, направленные на борьбу с распространением коронавирусной инфекции. Они коснулись порядка функционирования предприятий торговли, развлекательных заведений. Не стала исключением и деятельность государственных органов, в том числе и правоохранительных органов в рамках уголовного судопроизводства.

Так в научной литературе обращается внимание на то, что переход на дистанционный формат работы в период ограничительных мероприятий в условиях угрозы распространения новой коронавирусной инфекции стал своеобразным катализатором готовности судебной системы и правоохранительных органов к переходу на иной уровень взаимодействия и принятия решений, в том числе в сфере уголовного судопроизводства [2, с. 194].

Большинство трудностей, обусловленных пандемией коронавируса, связаны с проблемой соблюдения процессуальных сроков, обеспечением доступа граждан к правосудию. Кроме того, с организационной точки зрения затруднено производство следственных действий. Во-первых, участники уголовного судопроизводства отказываются от явки к следователю, дознавателю, в суд, мотивируя это опасениями за свое здоровье. Во-вторых, ощущается резкая нехватка людских ресурсов вследствие большого количества заболевших, высокой степени занятости лиц, обладающих соответствующими специальными познаниями. Например, осложнено производство судебных экспертиз, в особенности экспертами-медиками.

Решение возникших проблем уголовного судопроизводства представляется возможным за счет более интенсивного применения информационных технологий. При этом требуется не только количественное, но и качественное реформирование в данной сфере. Положительный пример был дан уже давно — 19 апреля 2000 года впервые было проведено слушание дела в Верховном Суде Российской Федерации в режиме удаленного присутствия осужденных [3].

Прежде всего, это касается возможностей удаленного участия в производстве следственных и судебных действий. Мы убеждены, что есть все основания применения не только средств видео-конференц-связи, которыми оборудованы в настоящее время помещения судов, но и ресурсов различных приложений, реализуемых на различных технических устройствах. Так, уже были проведены первые судебные заседания, участие в которых участники уголовного судопроизводства приняли посредством видеосвязи в программной оболочке WhatsApp.

В этой связи важной представляется позиция председателя Совета судей Виктора Момотова, который отметил, что «с учетом конкретных обстоятельств дела и с согласия участников судопроизводства допускается рассмотрение дел с использованием онлайн-сервисов, обеспечивающих возможность установления личности участника процесса и осуществления им процессуальных прав, установленных законом» [4].

Возрастание роли информационных технологий в уголовном судопроизводстве подтверждается и постановлением Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 29 апреля 2020 г. № 822 «О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821», в котором отмечается, что для участия в судебном заседании посредством веб-конференции участники судопроизводства подают в суд заявление в электронном виде с приложением электронных образцов документов, удостоверяющих личность и подтверждающих полномочия.

Сложившаяся ситуация продемонстрировала необходимость дальнейшего совершенствования использования потенциала информационных технологий в уголовном судопроизводстве, в том числе и не в условиях чрезвычайных условий.

1. Михайлов П. И. Приостановление предварительного следствия по уголовному делу в чрезвычайных условиях на примере пандемии коронавируса (COVID-19) // Евразийская адвокатура. 2020. № 4 (47). С. 89–93. [Вернуться к статье](#)

2. Спесивов Н. В., Титов А. А. Пандемия COVID-19 как фактор «вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2020. № 3 (134). С. 193–200. [Вернуться к статье](#)

3. Дистанционное судопроизводство [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/28650/> (дата обращения: 18.12.2020). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Рассудят по звонку. Суды начали рассматривать дела с помощью WhatsApp [Электронный ресурс] // Российская газета. Федеральный выпуск № 85(8139). URL: <https://rg.ru/2020/04/19/reg-urfo/sudam-razreshili-provodit-slushaniia-onlajn.html> (дата обращения: 18.12.2020). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 342.922

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

А. В. Гусев

Уральский юридический институт МВД России,
начальник кафедры конституционного права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: gusev.1983.av@mail.ru

***Аннотация.** В материале изучена сущность права лица, совершившего административное правонарушение, на участие защитника в качестве обеспечения конституционных прав граждан на получение квалифицированной юридической помощи; обоснована необходимость совершенствования существующего статуса защитника по делам об административных правонарушениях; внесены предложения по совершенствованию действующего федерального законодательства с учетом реализации основных теоретических и практических положений процессуального статуса адвоката и иного лица, выступающего в качестве защитника по делу об административном правонарушении.*

***Ключевые слова:** защитник, представитель, административная ответственность, производство по административным делам.*

***Annotation.** The material examines the essence of the right of a person who has committed an administrative offense to the participation of a defender as ensuring the constitutional rights of citizens to receive qualified legal assistance; substantiated the need to improve the existing status of a defender in cases of administrative offenses; proposals were made to improve the current federal legislation, taking into account the implementation of the main theoretical and practical provisions of the procedural status of a lawyer and another person acting as a defender in a case of an administrative offense.*

***Keywords:** defender, representative, administrative responsibility, administrative proceedings.*

Опыт Республики Беларусь в области регулирования института представительства в административном праве и процессе представляет серьезный интерес в целях определения ориентиров для развития российского законодательства в рассматриваемой сфере.

В соответствии с административным законодательством Республики Беларусь представительскую функцию выполняют одноименные аналогичные предусмотренным российским законодательством субъекты — защитник и представитель соответственно, однако круг лиц, наделенных правом принимать участие в процессуальных действиях в той или иной роли имеет существенные различия. Так, в соответствии со ст. 4.5 Процессуально-

исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г. [1] (далее — ПИК_оАП РБ), в качестве защитника могут выступать адвокаты — граждане Республики Беларусь, адвокаты — граждане других государств, в соответствии с международными договорами Республики Беларусь — близкий родственник либо законный представитель по ходатайству лица, в отношении которого ведется административный процесс по постановлению органа, ведущего административный процесс. В качестве представителя в административном процессе могут участвовать адвокаты, близкие родственники, законные представители, иные лица, осуществляющие представительство в случаях, установленных законодательными актами.

Думается, что установленные рамки в значительной степени затрудняют возможность реализации рассматриваемого института в административном процессе Республики Беларусь ввиду относительно небольшого количества лиц, занимающихся адвокатской практикой, что может приводить к привилегированному положению адвокатов и, как следствие, затрудняет реализацию права на квалифицированную юридическую помощь лицами, не располагающим достаточными финансовыми средствами. М. И. Пастухов вышесказанное обосновывает и практикой реализации административного законодательства в рассматриваемой сфере [2].

Необоснованным, на наш взгляд, представляется ненаделение лиц, обладающих ученой степенью или высшим юридическим образованием, а также опытом по юридической специальности, правом участвовать в административном процессе в качестве защитника или представителя. В то же время участие некомпетентных лиц может отрицательно сказаться как на ходе административного процесса, так и на результатах защиты представляемого лица.

Отдельно необходимо сказать о моменте допуска защитника к участию в административном процессе. Принципиальных различий решение данного вопроса в рамках законодательства России и Беларуси не имеет.

Согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), защитник допускается к участию по делу с момента возбуждения дела об административном правонарушении, то есть он появляется одновременно с появлением правонарушителя — представляемого лица [3]. Статья 28.1 КоАП РФ предусматривает случаи, когда дело об административном правонарушении считается возбужденным — они общеизвестны.

При этом следует согласиться с профессором В. Р. Кисиним в том, что невозможность оказания юридической помощи защитником до или в процессе совершения действий, связанных с применением и оформлением мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, объективно обусловлена фактическими обстоятельствами их применения [4].

Российское административное законодательство на современном этапе развития общественных отношений не закрепляет случаи предоставления защитника для оказания юридической помощи лицу, привлекаемому к административной ответственности, при осуществлении процессуальных действий и соответствующего оформления процессуальных документов.

Составлению такого процессуального документа, как протокол об административном правонарушении, сопутствует получение объяснения от лица, в отношении которого составляется протокол, а также это действие связано с иными нюансами, например, с разъяснением процессуального права на заявление ходатайств, представление доказательств своей невиновности, возможностью изложить замечания по составляемому протоколу. Все приведенные процессуальные моменты возможны лишь при наличии у лица, в отношении которого ведется производство по делу хотя бы элементарных познаний в сфере юриспруденции или при оказании ему квалифицированной правовой поддержки. При этом взаимосвязанный анализ положений норм ч. 4 ст. 25.5 и ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ свидетельствует о том, что в огромном количестве случаев правоприменительной практики составление протокола об административном правонарушении может являться единственным фактом, свидетельствующим о возбуждении дела об административном правонарушении и, соответственно, открывающим защитнику доступ к участию в деле. Следовательно, в случаях когда к лицу не применялись меры обеспечения производства и не составлялся протокол осмотра, а также не имелось иных предусмотренных оснований возбуждения дела, лицо, привлекаемое к административной ответственности, фактически лишено возможности получить консультацию защитника по содержанию своих показаний, по целесообразности заявления тех или иных ходатайств и порядку их оформления, по возможному представлению дополнительных доказательств. Данное положение свидетельствует о возможности дополнения ч. 4 ст. 25.5 КоАП РФ абзацем вторым следующего содержания: «...В случае если моментом возбуждения дела об административном правонарушении является момент составления протокола об административном правонарушении, защитник допускается к участию в деле с момента уведомления лица, подлежащего административной ответственности, о возможном составлении в его отношении указанного процессуального документа» [3].

Даже с учетом очевидной целесообразности вышеприведенного положения, направленного на совершенствование действующего административного законодательства, необходимо честно признать, что и оно не гарантирует во всех случаях реализовать право на защитника. В частности, требование о немедленном составлении протокола (ч. 1 ст. 28.5 КоАП РФ) крайне затрудняет реализацию права на квалифицированную юридическую помощь, чему способ-

ствуется и отсутствие возможности продления срока составления протокола в данном случае до двух суток (ч. 2 ст. 28.5 КоАП РФ). Ситуация может быть скорректирована путем дополнения ч. 2 ст. 28.5 КоАП РФ основанием продления рассмотренного срока до 2 суток при наличии заявления лица, привлекаемого к административной ответственности, о допуске к участию в деле защитника. Кроме того, обращает на себя внимание позиция профессора В. Р. Кисина о фактическом лишении возможности привлекаемого к ответственности лица воспользоваться своим правом на защиту в случае немедленного направления для рассмотрения опять же составленного протокола в порядке ч. 2 ст. 28.8 КоАП РФ.

Выработанные положения целесообразны и для их внедрения в рамках законодательства Беларуси. Отдельный законодательный опыт Беларуси может быть полезен для внедрения в рамках российского законодательства. В отличие от российского законодательства ПИКоАП РБ в ст. 4.5 содержит открытый перечень прав защитника и представителя, упоминая основные из них, в частности право на подачу жалоб на процессуальные действия и решения, принятые по делу об административном нарушении [1]. На наш взгляд, подобная законодательная конструкция выглядит привлекательнее, чем действующая отечественная, так как в данном случае устраняется правовая неопределенность статуса представителя и защитника ввиду установления конкретного перечня.

1. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. URL: <https://pravo.by/>_(дата обращения 17.02.2020). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Пастухов М. И. Адвокатура в Республике Беларусь: законодательство и практика // Евразийская адвокатура. 2017. № 4 (29). [Вернуться к статье](#)

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федер. 26 дек. 2001 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Кисин В. Р. Некоторые проблемы правового регулирования юридической помощи лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.823

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ НОРМ О ТРУДЕ ОСУЖДЕННЫХ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАКТИКЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ**Ю. Н. Дятлов**

Псковский филиал Академии ФСИН России,
доцент кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин,
кандидат экономических наук, доцент
e-mail: dyuriy@mail.ru

***Аннотация.** В статье обобщены базовые положения источников международного права о труде заключенных. Выделен ряд международно-правовых норм в этой области, не реализованных в полной мере в российском уголовно-исполнительном законодательстве и пенитенциарной практике. Определены некоторые меры, способствующие их применению в деятельности уголовно-исполнительной системы России.*

***Ключевые слова:** международное право, стандарты, труд осужденных, уголовно-исполнительное законодательство, пенитенциарная система.*

***Annotation.** The article summarizes the basic provisions of the sources of international law on the labor of prisoners. A number of international legal norms in this area which are not fully implemented in the Russian penal enforcement legislation and penitentiary practice are highlighted. Some measures that promote their application in the activities of the Russian penal system are identified.*

***Keywords:** international law, standards, convicts labor, penal enforcement legislation, penitentiary system.*

В связи с вступлением в 1996 г. России в Совет Европы и принятыми обязательствами по реализации общепризнанных международных норм в правовом обеспечении и практике исполнения уголовных наказаний одной из актуальных проблем стала имплементация указанных норм в российское уголовно-исполнительное законодательство и их реализация в пенитенциарной практике.

Выделим наиболее важные положения источников международного права, с различной степенью полноты затрагивающих вопросы привлечения к труду осужденных к лишению свободы.

Согласно ч. 3 ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого 16 декабря 1966 г. (ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР № 4812-VIII от 18 сентября 1973 г.), никто не должен привлекаться к принудительному или обязательному труду (п. 3а). Однако в качестве исключения предусмотрена возможность исполнения каторжных работ по приговору компетентного суда (п. 3б). Также в ст. 8 пакта уточняется, что содержание понятия «принудительный или обязательный труд» не включает ка-

кую-либо работу или службу, которую, как правило, обязано выполнять лицо, находящееся в заключении на основании законного распоряжения суда [1]. Аналогичная норма встречается в п. 2 ст. 2 Конвенции Международной организации труда № 29, принятой еще в 1930 г. [2].

Из положений указанных выше международных актов могут быть выделены признаки, при которых труд не считается принудительным. Во-первых, это наличие приговора, вынесенного решением компетентного суда и, во-вторых, лицо, привлеченное к труду, должно находиться в заключении на основании законного распоряжения судебного органа. В связи с этим мы согласимся с позицией В. А. Уткина, который считает несостоятельными суждения о недопустимости обязательного труда осужденных в местах лишения свободы [3, с. 83].

Как показывают результаты ранее проведенного нами анализа, в пенитенциарных системах стран с развитой экономикой и социальной сферой в реализации процессов ресоциализации заключенных предусматривается значительная роль организации их занятости полезными видами деятельности, в том числе трудом, что соответствует требованиям международных стандартов [4, с. 1516]. Основные из них наиболее полно представлены в принятых в 1955 г. Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными (пп. 71–76), которые в 2015 г. были пересмотрены с некоторыми изменениями (Правила Нельсона Манделы 2015 г.). В частности, была смягчена норма обязательности труда заключенных, которая в новом содержании формулируется следующим образом: «Осужденные заключенные должны иметь возможность работать... при условии установления врачом или другими квалифицированными медицинскими специалистами их физической и психической пригодности» (правило 96.1) [5].

В целом, исходя из источников международного права, могут быть выделены следующие базовые нормы, затрагивающие сферу трудовой деятельности осужденных к лишению свободы:

все трудоспособные осужденные должны участвовать в трудовой деятельности;

труд необходимо рассматривать не как средство наказания, а как положительный элемент режима, способствующий трудовой адаптации осужденного;

в местах лишения свободы должно применяться национальное законодательство в сфере трудовой деятельности;

выполняемая работа должна достойно оплачиваться;

необходимо обеспечить профессиональное обучение и профессиональную подготовку осужденных, особенно молодого возраста;

следует разрешать осужденным направлять часть заработанных денежных средств на текущее потребление, помощь семьям или сбережение;

доминирующая цель производственной деятельности пенитенциарных учреждений не должна сводиться к получению прибыли от труда осужденных.

Необходимо отметить, что в СССР труд лиц, отбывавших наказания в местах лишения свободы, в течение длительного времени был преимущественно ориентирован на достижение экономических целей государства, что не соответствовало положениям международных стандартов.

В настоящее время можно выделить следующие аспекты российской системы уголовно-исполнительного права и пенитенциарной практики, реализованные в свете применения международно-правовых стандартов привлечения осужденных к труду и их трудовой адаптации:

труд является обязанностью лиц, осужденных к лишению свободы, и играет значительную роль в процессе их ресоциализации;

труд осужденных ориентирован в первую очередь на достижение социальных и воспитательных целей, а также сублимационных и экономических целей; причем производственная деятельность исправительных учреждений признается подчиненной первоочередным целям труда лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы;

трудовая адаптация осужденных проходит в условиях их изоляции от общества, что предполагает режимные ограничения, распространяющиеся на отдельные аспекты труда, которые не придают ему принудительный или карательный характер;

решение вопросов управления пенитенциарным производством и контроля выполняемой осужденными работы возложено на администрацию исправительных учреждений, а не на иных субъектов государственного или частного сектора;

имеются определенные ограничения в видах трудовой деятельности лиц, находящихся в местах лишения свободы;

осужденные в установленном порядке привлекаются к работам по хозяйственному обслуживанию пенитенциарных учреждений;

условия, оплата труда и социальное страхование занятых трудом осужденных регулируются, за некоторым исключением, трудовым законодательством Российской Федерации;

осужденным разрешается использовать часть заработанных денежных средств на текущее потребление (приобретать продукты питания и предметы первой необходимости по безналичному расчету) или сбережение и др.

Следует согласиться с мнением ряда исследователей, в частности, Н. В. Зениной, Е. В. Павловой, Ю. Н. Строгович, о том, что некоторые нормы, содержа-

щиеся в международных стандартах, только в определенной степени отражены в российском уголовно-исполнительном законодательстве, но в полной мере еще не реализованы [6].

Так, правило 103.1 Правил Нельсона Манделы 2015 г., предусматривающее выплату за труд заключенным справедливого вознаграждения, хранение администрацией учреждения части заработанных ими средств, которые выдаются в момент освобождения, в целом реализовано (п. 2 ст. 105 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). Однако на практике во многих случаях невозможность администрации исправительных учреждений обеспечить занятость осужденных на полный рабочий день или полную рабочую неделю, отсутствие высокопроизводительных рабочих мест приводят к низкому уровню оплаты труда спецконтингента.

Рассматривая сложившуюся ситуацию в сфере трудовой занятости осужденных, следует отметить проблему недостатка работы для спецконтингента в исправительных учреждениях, что не позволяет в полной мере реализовать рекомендации правила 96 Правил Нельсона Манделы 2015 г., согласно которому заключенные должны иметь возможность трудиться и быть обеспечены полезной работой, достаточной для необходимого уровня занятости в течение рабочего дня.

Кроме того, производственный сектор уголовно-исполнительной системы России не в состоянии в достаточной степени обеспечить разнообразие видов профессиональной деятельности для осужденных с тем, чтобы, как указано в Правилах Нельсона Манделы 2015 г., повышать или давать им квалификацию, позволяющую трудоустроиться после освобождения (правило 98.1). Одна из причин такой ситуации обусловлена ограниченными объемами бюджетных ассигнований, финансовой неустойчивостью производственных подразделений исправительных учреждений и заключается в деформации отраслевой структуры производства в местах лишения свободы, которая в свою очередь приводит к ограничению профессионально-отраслевой структуры занятого в нем спецконтингента. Такая деформация возникает вследствие выбора направлений развития производственной деятельности исправительных учреждений, при которых предпочтение отдается созданию новых рабочих мест, требующих сравнительно меньших финансовых затрат и времени на их оснащение. При этом часто не учитываются потребности региональных рынков труда и предпочтения самих осужденных в выборе рода занятий, профессии. Так, в современных условиях экономически эффективным для роста трудовой занятости спецконтингента признано швейное производство. Однако следует учитывать, что основную часть осужденных к лишению свободы составляют мужчины трудоспособного возраста, которые, получив профессию швеи и пройдя трудовую адаптацию на швейном производстве, после освобождения из мест лишения свобо-

ды в большинстве случаев не будут продолжать трудовую деятельность в данной отрасли народного хозяйства.

Иной подход наблюдается в пенитенциарных системах стран с развитой экономикой и социальной сферой. В частности, в Великобритании и Германии профессиональное обучение и трудовая занятость осужденных ориентированы, прежде всего, на потребности свободного рынка рабочей силы.

Изучение зарубежного опыта применения международных стандартов в сфере труда осужденных [4] позволяет нам выделить ряд следующих мер, способствующих реализации указанных стандартов в деятельности уголовно-исполнительной системы России:

создание правовой основы для работы по найму за пределами исправительных учреждений определенными категориями осужденных, осуществления спецконтингентом индивидуальной трудовой деятельности;

формирование диагностических подразделений в следственных изоляторах, осуществляющих подготовку рекомендаций для составления индивидуальных программ ресоциализации и трудовой адаптации осужденных;

установление мер стимулирования для предприятий любых организационно-правовых форм, участвующих в создании рабочих мест в исправительных учреждениях или использующих труд осужденных, в виде налоговых льгот, а также льготного кредитования проектов такой направленности;

учреждение централизованных государственных структур (госкомпании), принимающих заказы и организующих пенитенциарное производство, сбыт продукции и др.

Очевидно, что рекомендательный характер международно-правовых норм о труде осужденных предусматривает возможность адаптивной реализации отдельных положений только при условии достижения необходимого уровня развития национальных пенитенциарных систем.

1. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : принят 16 дек. 1966 г. резолюцией 2200 А (XXI) на 1496 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». [Вернуться к статье](#)

2. Конвенция Международной организации труда № 29 относительно принудительного или обязательного труда [Электронный ресурс] : принята 28 июня 1930 г. на 14 сессии Генеральной конференции МОТ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». [Вернуться к статье](#)

3. Уткин В. А. Проблемы правового регулирования труда осужденных в исправительных учреждениях Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2015. № 2 (6). С. 81–88. [Вернуться к статье](#)

4. Дятлов Ю. Н. Оценка зарубежной и отечественной практики реализации международных стандартов в сфере трудовой адаптации осужденных // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом : сб. тез. выступлений и докладов / Академия ФСИН России ; отв. ред. А. А. Крымов. Рязань, 2018. С. 1515–1524. [Вернуться к статье](#)

5. Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) [Электронный ресурс] : приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17 дек. 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». [Вернуться к статье](#)

6. Зенина Н. В., Павлова Е. В., Строгович Ю. Н. Привлечение к труду осужденных к лишению свободы: теоретические вопросы конституционно-правового регулирования // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 27–31. [Вернуться к статье](#)

УДК 34 (075)

**ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ
КАК ЭЛЕМЕНТЫ ЕДИНОЙ ВЗАИМОСВЯЗАННОЙ СИСТЕМЫ****Т. С. Корнева**

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
аспирант кафедры прокурорского надзора и участия прокурора
в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел
e-mail: tatyana_korneva_84@mail.ru

***Аннотация.** В статье анализируются принципы организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации как единая взаимосвязанная система, делается вывод о необходимости соблюдения всех принципов без исключения.*

***Ключевые слова:** принципы организации и деятельности прокуратуры, взаимосвязанная система, принцип законности, независимости, централизации, единства, гласности, соблюдение принципов.*

***Annotation.** The article examines the principles of organization and activities of the public prosecution of the Russian Federation however integrated system. The author conclude, that is necessity to comply with all principles unexceptionally.*

***Keywords:** Principles of organization and activities of the public prosecution, an integrated system, the principle of legality, of independence, of centralization, of unity, of transparency, adherence to the principles.*

Выполнение прокуратурой сегодня своего предназначения — гаранта законности — немислимо без соблюдения принципов, на которых построена организация и деятельность прокуратуры.

В науке о праве принципы понимаются как исходные и основополагающие начала, руководящие нормы права, определяющие содержание и направления правового регулирования.

Таковыми же основополагающими началами, определяющими сущность и предназначение прокурорской системы [1, с. 20], выступают принципы организации и деятельности прокуратуры.

Это закрепленные в Конституции Российской Федерации и Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» принципы централизации, единства и единоначалия, законности, независимости, гласности и др.

Указанные принципы, несмотря на их закрепление в различных нормах законов (в статьях 15, 129 Конституции Российской Федерации, статьях 1, 4, 5, 6, 11, 12, 12.1, 17, 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»), составляют, как отмечает В. Б. Ястребов, единую, завершенную, сформировавшуюся систему. Каждый принцип в этой системе выполняет важную самостоятельную роль [2, с. 77].

Поскольку принципы организации и деятельности прокуратуры тесно взаимосвязаны друг с другом и образуют единую систему, нельзя представить себе реализацию какого-либо одного принципа без реализации других. Более того, ни один принцип не имеет права существовать самостоятельно, независимо от других принципов.

Как отмечают в науке прокурорской деятельности, о влиянии принципов на построение технологии прокурорского надзора можно говорить только в том случае, если рассматривать каждый принцип во взаимодействии с другими основополагающими началами в рамках системы [3, с. 31].

Так, нельзя представить себе осуществление каких-либо принципов организации и деятельности прокуратуры без принципа законности и, наоборот, осуществление принципа законности невозможно, например, без реализации принципа независимости прокуратуры от других государственных органов.

Осуществляя надзор за исполнением законов и иные ненадзорные функции от имени государства, прокуратура защищает интересы всех граждан, общества и государства, поэтому прокурорские работники не могут быть членами общественных объединений, преследующих свои, не всегда совпадающие с общегосударственными, политические цели, и принимать участие в их деятельности [4, с. 19].

Гарантиями реализации принципа законности и независимости органов прокуратуры является строгая подчиненность и подконтрольность нижестоящих прокуроров вышестоящим в соответствии с принципами централизации и единства органов прокуратуры. Как отмечает Ф. М. Кобзарев, прокурор, сохраняя независимость и беспристрастность при выполнении служебных функций, выступает не в личном качестве, действует не от собственного имени, а в качестве уполномоченного представителя государства и ответственность за его действия несут в первую очередь прокуроры — руководители, а в конечном счете — Генеральный прокурор РФ [5, с. 101].

Исходя из положений статьи 129 Конституции Российской Федерации, органы прокуратуры создаются в каждой административно-территориальной единице с учетом федерального и административно-территориального устройства Российской Федерации и осуществляют надзор на всей территории государства, в связи с чем реализация принципа централизации способствует обеспечению соблюдения единой законности в стране [6, с. 56]. Принцип централизации, как отмечает Ю. Е. Винокуров, обеспечивает и единство прокурорской практики [4, с. 20].

Поскольку органы прокуратуры являются гарантом обеспечения единства в понимании и применении законов на всей территории Российской Федерации, необходимо, чтобы они сами являлись единой организационной системой.

А при соблюдении принципа единства органов прокуратуры осуществима реализация и остальных принципов ее организации и деятельности [3, с. 67]. Кроме того, воплощение принципа единства подразумевает соблюдение всеми прокурорскими работниками единых принципов организации и деятельности прокуратуры.

Закрепленный статьей 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» принцип гласности не может претворяться в жизнь без реализации принципа законности, поскольку данный принцип осуществим только в условиях соблюдения требований законодательства Российской Федерации об охране прав и свобод граждан, а также законодательства о государственной и иной охраняемой законом тайне.

Более того, реализация принципа гласности при информировании прокуратурой органов государственной власти, общества о состоянии законности и правопорядка в стране способствует укреплению законности, то есть реализации принципа законности не только как принципа организации и деятельности прокуратуры, но реализации принципа, общего для всего аппарата государства в целом [4, с. 20].

Таким образом, принципы организации и деятельности прокуратуры тесно взаимосвязаны друг с другом и, представляется, составляют систему, в которой существование каждого элемента-принципа немислимо без существования остальных элементов. Подобное представление принципов организации и деятельности прокуратуры как взаимосвязанной было представлено и ранее, однако основание этого представления до настоящего времени не раскрыто, связи между принципами, как отдельными элементами, обоснованы не были. Указанные пробелы в науке о прокурорской деятельности требуют обращения к указанной теме.

Важность соблюдения всех принципов организации и деятельности прокуратуры должен осознавать каждый прокурорский работник независимо от ранга, поскольку несоблюдение одного из принципов ведет к невозможности соблюдения и иных принципов и искажению деятельности прокуратуры как правоохранительного и правозащитного органа. Поскольку принципы организации и деятельности прокуратуры определяют характер организации и деятельности прокуратуры, призваны способствовать осуществлению возложенных на нее функций, то несоблюдение этих основополагающих начал ведет к невозможности осуществления прокуратурой своего предназначения. Полагаем, что принципы организации и деятельности прокуратуры образуют именно систему, в связи с чем выпадение одного элемента из данной системы приводит к разрушению всей системы в целом.

Только соблюдение всей системы принципов всеми работниками органов прокуратуры делает прокуратуру Российской Федерации именно тем органом, которым она призвана быть в соответствии с требованиями норм Конституции и закона о прокуратуре Российской Федерации. Учитывая, что в настоящее время проблема принципов организации и деятельности прокуратуры не нашла полного разрешения, представляется целесообразным осуществление ее научного исследования в целях повышения эффективности деятельности органов прокуратуры.

1. Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1 : практическое пособие / О. С. Капинус [и др.]; под общ. ред. О. С. Капинус, С. Г. Кехлерова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 481 с. [Вернуться к статье](#)
2. Ястребов В. Б. Прокурорский надзор. Учебник. М. : Изд-во Городец, 2001. 395 с. [Вернуться к статье](#)
3. Поляков М. П., Федулов А. В. Прокурорский надзор : конспект лекций. 3-е изд. М. : Юрайт, 2010. 163 с. [Вернуться к статье](#)
4. Винокуров А. Ю., Винокуров Ю. Е. Прокурорский надзор : учебник для среднего профессионального образования / под общ. ред. А. Ю. Винокурова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 353 с. [Вернуться к статье](#)
5. Кобзарев Ф. М. Сочетание принципов независимости и централизации (подотчетности) прокуратуры: институциональный и процессуальный аспекты // Вестн. Костром. гос. ун-та. 2006. № 5. [Вернуться к статье](#)
6. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учебник и практикум для академического бакалавриата / Е. Р. Ергашев [и др.]; под ред. Е. Р. Ергашева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2015. 413 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.3/.7

**ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ст. 210.1 УК РФ «ЗАНЯТИЕ
ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ»
В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ****С. А. Кутуков**

Академия ФСИН России,
заместитель начальника кафедры организации
оперативно-розыскной деятельности,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: ser.kutukov@yandex.ru

Н. Д. Моисеев

Академия ФСИН России,
доцент кафедры организации оперативно-розыскной деятельности,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам привлечения к уголовной ответственности лидеров уголовной преступной среды, занимающим высшее положение в преступной иерархии, и документирования их преступной деятельности при отбывании наказания. Приведен анализ оперативно-следственной и судебной практики по ст. 210.1 УК РФ, выявлены проблемы в данной сфере и предложены пути их решения в условиях исправительных учреждений.*

***Ключевые слова:** преступная иерархия, уголовная ответственность, документирование, вор в законе, доказательства.*

***Annotation.** The article is devoted to the issues of bringing to criminal responsibility the leaders of the criminal environment who occupy the highest position in the criminal hierarchy and documenting their criminal activities while serving their sentences. The article analyzes the operational-investigative and judicial practice under Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, identifies problems in this area and suggests ways to solve them in correctional institutions.*

***Keywords:** criminal hierarchy, criminal responsibility, documentation, "thief in law", evidence.*

1 апреля 2019 года был принят Федеральный закон № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности». Внесенная в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) данным законом статья 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии» еще до вступления в законную силу вызывала множество вопросов как у ученых, так и у практических работников. Основную проблему они видели в том, что уголовная ответственность наступает не за со-

вершение действий (бездействий), а именно за занимаемое положение лица в преступной иерархии.

В российском законодательстве нет понятий «вор в законе», «смотрящий», они встречаются лишь в научных работах. Однако постановление Пленума Верховного суда РФ от 12.07.2012 года № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» в п. 24 дает разъяснение субъекта к ч. 4 ст. 210, что, на наш взгляд, применимо и к ст. 210.1: «данное лицо надлежит понимать через его конкретные действия по созданию или по руководству преступным сообществом, либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе».

В настоящее время формируется следственно-оперативная и судебная практика применения ст. 210.1 УК РФ, в том числе и в исправительных учреждениях.

Что касается лиц, которые причисляют себя к высшей преступной иерархии, за 2019 и 2020 годы силами ФСИН России совместно с МВД России, ФСБ России были собраны материалы, на основании которых возбуждено 75 уголовных дел. В 2019 году было возбуждено 31 уголовное дело в отношении указанных лиц, в 2020 году — 34 уголовных дела [1, с. 1]. При этом на профилактическом учете в учреждениях и органах УИС России состоят около 1600 лидеров преступной среды и активных участников групп отрицательной направленности, являющихся потенциальными субъектами данного преступления.

За все время действия рассматриваемой статьи вынесен всего один обвинительный приговор: 07 октября 2020 года в Московском городском суде в отношении Озманова Шалвы Тенгизовича, в криминальных кругах известного по прозвищу Кусо Тбилисский или Куся. Суд приговорил его к 11 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима [2, с. 4].

Анализ возбужденных уголовных дел и проводимых оперативно-следственных мероприятий показывает, что как в правовом, так и в организационно-тактическом плане они относятся к категории особой сложности. Как правило, провести предварительное расследование в кратчайшие сроки невозможно. И в первую очередь, особенно на начальном этапе применения данной статьи на практике, основные сложности были связаны с отсутствием каких-либо официальных источников ее толкования.

При применении данной статьи в условиях исправительных учреждений, на наш взгляд, существует две основные проблемы: 1) ее действие во времени; 2) определение, выявление и сбор доказательственной базы.

Проблема применения рассматриваемой статьи в местах лишения свободы во времени возникает в силу того, что лицо, имеющее авторитет в преступной среде, не утрачивает его после осуждения и при отбывании наказания. Положение лица в преступной иерархии устанавливается неформальными криминальными традициями и обычаями, и правоохранительные и иные государственные органы не способны его лишить. Возникает вопрос, признается ли преступление по ст. 210.1 УК РФ продолжаемым? То есть возникает проблема повторного привлечения лица к уголовной ответственности за одно и то же деяние. Полагаем, что лицо, сохранившее в момент отбывания наказания высшее положение в преступной иерархии, должно повторно нести ответственность по ст. 210.1 УК РФ, если есть достоверные данные о дальнейшем использовании им своего статуса в преступных целях [3, с. 166].

Отбывание лицом наказания в исправительном учреждении еще больше подчеркивает его неформальный статус в криминальной среде, так как, находясь на вершине преступной иерархии, он вынужден его поддерживать среди осужденных, то есть выполнять организационно-распорядительные функции (пополнение и распределение «общака», разбор конфликтных ситуаций, назначение на неформальные должности и т. д.). Некоторые ученые полагают, что длящееся преступление заканчивается с момента задержания виновного правоохранительными органами (и это действительно так в ряде случаев), но, на наш взгляд, для многих, в том числе и по рассматриваемому составу, задержание лица не свидетельствует об окончании преступного деяния и оно является длящимся.

Это же подтверждает и вынесенный приговор, о котором мы говорили выше, обвинение исходило из того, что предусмотренное ст. 210.1 УК РФ преступление является длящимся (т. е. после занятия виновным высшего положения в преступной иерархии оно не прекращается, а длится дальше в форме бездействия, а именно обладания полученным статусом, нахождения на высшей ступеньке преступной иерархии).

Выявление и документирование по данной статье, а как следствие, и доказательства в основном основываются на результатах оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий: протоколах осмотра места происшествия, обысках, предъявления для опознания, различных видах судебных экспертиз (фоноскопическая, лингвистическая и др.), допросах свидетелей, которые чаще всего либо являются сотрудниками правоохранительных органов либо их личности засекречены; иных материалах, содержащих постановления о

рассекречивании сведений, полученных в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», составляющих государственную тайну [4, с. 1]. Показания свидетелей с использованием лексики, применяемой в местах лишения свободы (воровской жаргон), фиксируются в протоколах с учетом адаптации их к общегражданской лексике. При этом, как показывает анализ пока небольшой судебной и следственной практики, именно совокупность приведенных доказательств подтверждает виновность подсудимого.

Среди наиболее часто используемых доказательств можно выделить следующие:

– протокол освидетельствования обвиняемого с описанием татуировок, характерных для лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (например, эполеты, звезды и т. д.);

– заключение судебной культурологической экспертизы с выводом о том, что татуировки на теле обвиняемого свидетельствуют о его статусе в криминальной среде;

– воровские прогоны, выполненные на бумаге и приобщенные к делу в качестве иного документа;

– свидетельские показания лиц из числа сотрудников правоохранительных органов, осужденных, лиц из числа окружения обвиняемого, личности которых (всех или некоторой части) в целях безопасности засекречены.

Также при доказывании обвинения по ст. 210.1 УК РФ сотрудниками ФСИН России и иных правоохранительных органов должны устанавливаться и документироваться:

– время занятия лицом высшего положения в преступной иерархии и его преступный статус в настоящее время (кто, когда, где его «короновал», кличка, имеющиеся подтверждающие материалы, в том числе полученные при проведении ОРМ, иными правоохранительными органами и т. д.);

– действия, характеризующие не только криминальные деяния лица, но и действия, доказывающие, что иные лица воспринимают его как «занимающего высшее положение в преступной иерархии» (выполнение организационных, управленческих, судейских и иных функций в среде осужденных или за пределами исправительного учреждения, которые указывают, что другие члены воровского сообщества после задержания, после взятия под стражу признают статус последнего и требуют от других заключенных относиться к нему соответственно);

– выявление связей за пределами ИУ.

1. Обвиняется крестный отец [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/12/01/fsin-za-dva-goda-vozbuzhdeno-75-ugolovnyh-del-protiv-kriminalnyh-avtoritetov.html> (дата обращения: 20.01.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Закон признал вора в законе // Коммерсантъ. 2020. 8 окт. (№ 184). С. 4. [Вернуться к статье](#)
3. Агильдин В. В. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и реализации // Молодой ученый. 2019. № 24 (262). С. 165–169. [Вернуться к статье](#)
4. Ковальская Д. С. Проблема применения 210.1 УК РФ/ [Электронный ресурс] // Юридическая социальная сеть URL: <https://www.9111.ru/questions/77777777866215> (дата обращения: 18.01.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.12

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТНИКАХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Л. Г. Лифанова

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России,
профессор кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: laliy@mail.ru

Аннотация. Проведен краткий анализ проблем отсутствия или недостаточной регламентации процессуальных статусов отдельных участников уголовно-процессуальных отношений.

Ключевые слова: субъект уголовного судопроизводства, свидетель, участник уголовно-процессуальных отношений.

Annotation. A brief analysis of the problems of the absence or insufficient regulation of the procedural statuses of individual participants in criminal procedural relations is carried out.

Keywords: subject of criminal proceedings, witness, participant of criminal procedural relations.

Уголовно-процессуальные отношения нередко сопряжены с определенными ограничениями прав их участников, а в необходимых случаях могут иметь принудительную составляющую. Поэтому важно иметь точное представление о субъектах уголовно-процессуальной деятельности и соответствии понятий «субъект» и «участник» уголовного судопроизводства.

В юридической литературе обозначенные дефиниции большинство авторов отождествляют. Например, А. В. Смирнов участниками уголовного процесса называет всех лиц, которые, вступая в уголовно-процессуальные правоотношения, наделяются правами и обязанностями [1, с. 99]. Аналогичную позицию обозначает Н. Б. Лагуткина: «... участником уголовного процесса является любой субъект, у которого возникают права и (или) обязанности при производстве по уголовному делу» [2, с. 311]. Сторонниками расширительного толкования участника уголовного процесса (уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальных отношений) являются В. П. Божьев [3], Р. Д. Рахунов [4], В. Н. Шпилев [5] и другие известные процессуалисты.

Впервые дифференцированный подход к уяснению сущности участников и субъектов уголовно-процессуальных правоотношений предложил М. С. Строгович [6, с. 47]. По его мнению, лица, не выполняющие функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, не могут считаться участниками уголовно-процессуальной деятельности. Разность подходов к понятиям «субъект

процесса» и «участник процесса» поддерживают П. А. Лупинская [7, с. 73], Ю. К. Якимович [8, с. 110–116] и другие авторы.

Представляется, что идентичное понимание терминов «субъект» и «участник» уголовно-процессуальной деятельности при имеющихся нормативных недостатках в УПК РФ, неверное. Зачастую в правоотношениях, возникающих в связи с производством по уголовному делу, участвуют лица, чей процессуальный статус не определен или определен недостаточно. Правильно ли данных лиц причислять к субъектам уголовного процесса, или же более корректным по отношению к ним будет термин «участник»? Посредством каких норм обозначенные лица могут реализовывать свои права и верно ли обременять их обязанностями?

Отдельные аспекты названной проблемы исследовались И. В. Смольковой [9, с. 205–210]. Указанный автор называет более 60 участников уголовного судопроизводства (физические и юридические лица), чей статус нуждается в полном или частичном урегулировании. Соглашаясь с компетентным мнением и аргументированными выводами И. В. Смольковой, обратим внимание на следующие моменты.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации содержит раздел, объединяющий четыре главы, посвященный участникам уголовного судопроизводства. Помимо суда, здесь представлены властные субъекты уголовно-процессуальной деятельности; лица, вовлеченные в сферу уголовно-процессуальных отношений в связи с совершенным преступлением и расследуемым уголовным делом (потерпевший, обвиняемый, подозреваемый и др.); а также иные участники, не имеющие собственного интереса в возникшем правоотношении, перечень которых невелик.

Анализ норм российского УПК и правоприменительной практики позволяет говорить о том, что отдельные лица (граждане), фактически принимая участие в том или ином уголовно-процессуальном правоотношении, не имеют собственного статуса и, как следствие, не обладают не только возможностью реализации своих прав, но и не знают об их наличии. Например, статисты при опознании или следственном эксперименте. Само слово «статист» законодатель не использует, в ч. 4 ст. 193 УПК РФ речь идет о «других лицах», вместе с которыми лицо предъявляется для опознания. Возможность привлечения статистов при проведении следственного эксперимента предусмотрена тактическими особенностями производства различных видов данного следственного действия [10]. Проблематично говорить о правах указанных лиц, за исключением, пожалуй, недопустимости применения в отношении них «...насилия, угроз и иных незаконных мер...», «создания опасности для жизни и здоровья» (ч. 4 ст. 164 УПК РФ). Законодатель даже не обязывает следователя разъяснить

им права: согласно ч. 5 ст. 164 УПК РФ это делается только в отношении участников уголовного судопроизводства, указанных в главах 6–8 УПК РФ. Логично предположить, что процессуальные обязанности на данных лиц также не могут распространяться (например, сохранить в секрете факт проведения следственного действия в плане обеспечения тайны предварительного следствия). Нормативно не урегулировано каким образом эти «другие лица» приглашаются для участия в следственном действии. Обязательно ли удостоверение в их личности? Ввиду того, что возможен их последующий допрос в качестве свидетелей, то удостовериться в личности целесообразно, однако такое требование закон не содержит. Могут ли такие лица рассчитывать на применение в отношении них мер государственной защиты? Ответ предполагается положительный, однако это может произойти только после наделения гражданина конкретным уголовно-процессуальным статусом.

Не предлагая дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации новым участником уголовного судопроизводства, считаем правильным обязать следователя по окончании следственного действия с приглашением «статистов» допрашивать их в качестве свидетеля. Данное процессуальное мероприятие наделит таких лиц полноценным процессуальным статусом с определенным комплексом прав и обязанностей.

В процессуальной литературе неоднократно поднимался вопрос об отсутствии надлежащей законодательной регламентации процессуальных отношений, имеющих место на этапе доследственного производства [11, с. 135–139; 12, с. 401–406]. В процессе проверки сообщения о преступлении возникают уголовно-процессуальные отношения, отдельные участники которых не имеют соответствующих процессуальных статусов: заявитель; лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка; лицо, дающее объяснение, и др. Данная законодательная пробельность порождает юридические дискуссии, в процессе которых отдельные авторы отождествляют лицо, в отношении которого проводится проверка, с подозреваемым и предлагают наделять его комплексом прав и обязанностей, предусмотренных ст. 46 УПК РФ [13, с. 98], другие против такой позиции возражают [11, с. 136]. Выдвигаются соображения о наделении заявителя до возбуждения уголовного дела статусом пострадавшего (в случае причинения ему вреда преступлением) [14]. Предлагаются иные пути решения указанных проблем.

Таким образом, участие в уголовно-процессуальных отношениях не гарантирует наличия процессуального статуса для всех их участников. Понятие «участник уголовного процесса» шире, чем «субъект уголовного процесса». Субъект уголовно-процессуальных отношений всегда четко определен, имеет

соответствующий комплекс прав и обязанностей. Участник может «перейти» в разряд субъектов, а может оставаться с неопределенным статусом.

1. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник для вузов / под общ. ред. А. В. Смирнова. СПб. : Питер, 2004. [Вернуться к статье](#)
2. Лагуткина Н. Б. Уголовно-процессуальные правоотношения и их участники // Актуальные вопросы юридической науки и практики : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск : Тихоокеан. гос. ун-т, 2018. С. 311. [Вернуться к статье](#)
3. Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М. : Юрид. лит., 1975. 176 с. [Вернуться к статье](#)
4. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М. : Госюриздат, 1961. 277 с. [Вернуться к статье](#)
5. Шпилев В. Н. Участники уголовного процесса. Минск : Изд-во БГУ, 1970. 176 с. [Вернуться к статье](#)
6. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1. М. : Наука, 1968. 468 с. [Вернуться к статье](#)
7. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под общ. ред. П. А. Лупинской. М. : Юристъ, 1999. [Вернуться к статье](#)
8. Якимович Ю. К. Участники уголовного процесса и субъекты уголовно-процессуальной деятельности // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Право. 2008. № 1 (14). [Вернуться к статье](#)
9. Смолькова И. В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкал. гос. ун-та. 2017. Т. 27. № 2. [Вернуться к статье](#)
10. Криминалистика : учебник [Электронный ресурс] / Чельшева О. В. [и др.]; под общ. ред. Чельшевой О. В. ; МВД России, С.-Петерб. ун-т. СПб. : Р-КОПИ, 2017. URL: <https://be5.biz/pravo/k043/22.html> (дата обращения: 12.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
11. Алешина С. А. Круг лиц, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст.144 УПК РФ // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 4 (42). [Вернуться к статье](#)
12. Лифанова Л. Г. Реализация прав участников доследственного производства: нормативное регулирование и правоприменительная практика [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. институт МВД, 2020. [Вернуться к статье](#)
13. Деришев Ю. В., Земляничин Е. И. Процессуальное положение лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3(29). [Вернуться к статье](#)
14. Рыжаков А. П. Вы пострадавший от преступления. Ваши права и обязанности. М., 2010. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.2

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ЛИЦА К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: НЕОБХОДИМОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ

Н. С. Луценко

Дальневосточный юридический институт МВД Российской Федерации,
преподаватель кафедры специальных дисциплин,
кандидат юридических наук
e-mail: nadezdastar1010@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется уголовно-правовой институт освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности, анализируются преимущества, достоинства данного института, а также его недостатки и законодательные пробелы. Автором делается вывод о необходимости в модернизации данного уголовно-правового института и его законодательной доработке.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, административная ответственность, административные взыскания, штраф, уголовно-правовая компенсация.

Annotation. The article examines the criminal law institution of exemption from criminal liability with bringing a person to administrative responsibility, analyzes the advantages of this institution, as well as its disadvantages and legislative gaps. The author concludes that there is a need for modernization of this criminal law institution and its legislative revision.

Keywords: exemption from criminal liability, administrative liability, administrative penalties, fine, criminal compensation.

В настоящее время все большую научную и общественную поддержку получают такие уголовно-правовые институты, которые бы удовлетворяли интересы всех участников уголовно-правовых отношений – потерпевшего, лица, совершившего преступление, и государства. Внедренные в уголовный закон поощрительные нормы, продиктованные идеей стимулирования позитивного посткриминального поведения лиц, совершивших преступление небольшой общественной опасности, отвечают вышеуказанной цели и представлены в уголовном законодательстве Республики Беларусь в виде различных видов освобождения от уголовной ответственности. Среди них одним из самых неординарных по своей правовой природе является уголовно-правовой институт освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности, закрепленный в статье 86 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК РБ) [1].

Особенность института освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности заключается в том, что он начинает реализовываться в рамках уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, а затем обеспечивается административно-правовым и административно-процессуальным законодательством (Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП РБ), Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях и др.). Таким образом, данный институт имеет уникальную межотраслевую правовую природу, поскольку осуществляется посредством предписаний не только уголовного закона, но и нормативных положений, закрепленных в других отраслях законодательства.

Интересным представляется рассмотреть достоинства и недостатки данного института освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания. Начнем с плюсов.

Во-первых, данный институт освобождения от уголовной ответственности позволяет максимально решить следующие социально значимые задачи:

– в интересах потерпевшего в нерастянутые во времени сроки восстановить его права, а именно: возместить ущерб, который был причинен преступлением, поскольку заглаживание вреда является одним из условий применения ст. 86 УК РБ;

– в интересах лица, совершившего преступление, не подвергнуться уголовному наказанию и не иметь судимости со всеми вытекающими из нее последствиями, продолжить нормально существовать в обществе без клейма «судимого» и не приобщаться к «субкультуре осужденных»;

– в интересах государства положительно улучшить характеристику общества посредством снижения количества осужденных лиц путем освобождения их от уголовной ответственности и исправления через применение мер административного взыскания.

Во-вторых, в случае применения такого административного взыскания, как штраф, рассматриваемый институт освобождения от уголовной ответственности позволяет частично компенсировать государству расходы, связанные с ведением судопроизводства, способствует пополнению бюджета, что является весьма актуальным моментом в современных условиях экономической нестабильности.

В-третьих, наличие широкого перечня мер административного взыскания (штрафа, исправительных работ, административного ареста, лишения специального права) позволяет применять институт освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности к значительному числу лиц с различным финансовым положением, в том числе к тем,

кто не имеет свободные финансовые средства и не способен выплатить штраф. Данное правовое обстоятельство ставит в равное положение освобождаемых от уголовной ответственности граждан, которые различаются социальным и имущественным положением, что позволяет широко применять данный вид освобождения от уголовной ответственности.

Тем не менее, несмотря на перечисленные важные положительные стороны, исследуемый институт не лишен недостатков и законодательных пробелов. Отметим их.

Во-первых, реализация института освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности содержит в себе существенное теоретическое противоречие, которое заключается в следующем: применение административных взысканий порождается институтом административной ответственности, основанием наступления которой является именно совершение административного правонарушения [2, с. 178], однако фактически административная ответственность наступает в результате совершения не правонарушения, а преступления, хоть и не представляющего большой общественной опасности. Согласимся с мнением Т. В. Радыно о том, что «налицо казус, когда методы административного воздействия предусмотрены доктриной уголовного права» [3, с. 156].

Во-вторых, перемещение деяния из уголовно-правовой в административную плоскость не является экономически рациональным, поскольку прекращение уголовного преследования и, соответственно, возбуждение административного производства вызывают дополнительные расходы и затраты, которые ложатся на плечи государства, требуя увеличения нагрузки на кадровые единицы. А процессуальная экономия все же, как нам видится, является одним из условий эффективной уголовной политики государства.

В-третьих, точно неразрешенным остается вопрос, касающийся субъектов применения административного взыскания при освобождении лица от уголовной ответственности, который вытекает из последнего указанного недостатка. Так, с одной стороны, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее — УПК РБ) предусматривает, что следователь с согласия прокурора вправе прекратить производство по уголовному делу, освободив его от уголовной ответственности в связи с применением мер административного взыскания (ст. 30 УПК РБ) [4]. Вместе с тем, с другой стороны, КоАП РБ не уполномочивает должностных лиц органов предварительного следствия налагать какие-либо административные взыскания.

В-четвертых, законодательного уточнения требует вопрос, связанный с тем, могут ли к освобождаемому лицу одновременно применяться несколько административных взысканий, поскольку уголовно-правовая норма представ-

лена таким образом: «... могут быть применены следующие меры административного взыскания...» без указания на возможные основные и дополнительные меры. С целью устранения данного законодательного пробела видится технически возможным откорректировать формулировку нормы 86 УК РБ, представив ее следующим образом: «... может быть применена одна из следующих мер...».

В заключение подчеркнем, что анализ сказанного позволяет констатировать факт о необходимости модернизации института освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности. В качестве одного из вариантов усовершенствования данного института предлагаем его реформирование без уклона в административную плоскость, без трансформации в административную ответственность, к примеру, усовершенствовав и переименовав его в «освобождение от уголовной ответственности с назначением уголовно-правовой компенсации», речь о которой ведется в ст. 4 УК РБ. Безусловно, подобное изменение требует серьезного вмешательства в уголовный и уголовно-процессуальные законы посредством их значительных корректировок и дополнений. Конечно, заявленное предложение не предусматривает широкий перечень мер, однако, на наш взгляд, позволит устранить масштабный недостаток ныне существующего вида освобождения от уголовной ответственности, связанный с доктринальным толкованием уголовной и административной ответственности, а также оптимально добиться процессуальной экономии и привлечь дополнительные средства в бюджет государства. Следует отметить, что аналогичный институт был введен в уголовное законодательство Российской Федерации в 2016 году как освобождение от уголовной ответственности с назначением иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, который за последние 3–4 года получил большую востребованность в правоприменительной деятельности и доказал свою эффективность. Считаем, что подобный положительный опыт соседнего родственного государства вполне может быть заимствован и апробирован в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Сенько А. С. Межотраслевая природа института освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности // Уголовная ответственность: научная школа В. М. Хомича : сб. материалов круглого стола, посвящ. 70-летию д-ра юрид. наук, проф., заслуж. юриста Респ. Беларусь В. М. Хомича, Минск, 28–29 янв. 2021 г. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2021. С. 177–181. [Вернуться к статье](#)

3. Радыно Т. В. Освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности: проблемы практики применения // Уголовная ответственность: научная школа В. М. Хомича : сб. материалов круглого стола, посвящ. 70-летию д-ра юрид. наук, проф., заслуж. юриста Респ. Беларусь В. М. Хомича, Минск, 28–29 янв. 2021 г. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2021. С. 155-159. [Вернуться к статье](#)

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. URL: <https://kodeksy.by/ugolovno-processualnyy-kodeks> (дата обращения: 27.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.8

**ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ ОСУЖДЕННЫХ:
ОПЫТ И ПОИСК НОВЫХ ПУТЕЙ
ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ****О. Е. Макаркина**

Псковский филиал Академии ФСИН России,
доцент кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин,
кандидат педагогических наук, доцент
e-mail: ompsk@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена осмыслению проблем формирования правовой культуры у осужденных к лишению свободы, определена роль этого вида воспитания в исправлении и стимулировании осужденных к правопослушному поведению, представлены некоторые формы правового воспитания осужденных к лишению свободы, применяемые на сегодняшний день в исправительных учреждениях Псковской области.

Ключевые слова: правовое воспитание, правопослушное поведение, исправление, воспитательная работа, осужденные, места лишения свободы.

Annotation. The article is devoted to problems of formation of legal culture of persons convicted to deprivation of freedom, defines the role of this type of education in correcting and encouraging prisoners to law-abiding behavior, some form of legal education of persons sentenced to deprivation of liberty applied to date in correctional institutions of the Pskov region.

Keywords: legal education, law-abiding behavior, correction, educational work, convicts, places of deprivation of liberty.

Основываясь на изучении и анализе практической деятельности исправительных учреждений, с уверенностью можно заявить, что в опыте работы учреждений имеется положительный опыт по проведению правового воспитания осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, который успешно применяется для правового воспитания осужденных.

Прежде всего следует упомянуть проходящий на базе исправительных учреждений эксперимент по организации надзора в исправительных учреждениях УИ.

Казалось бы, какое влияние изменения в процессе надзора за осужденными могут оказать на правовое воспитание? При ближайшем рассмотрении оказалось, что самое прямое. Один из основных моментов эксперимента — это разделение учреждения на три сектора с разной интенсивностью надзора (сектора по-прежнему состоят из отрядов) в зависимости от склонности осужденных к нарушению установленных правил отбывания наказания:

«А — сектор усиленного контроля» — осужденные, склонные к нарушению установленного порядка отбывания наказания (далее — УПОН), отрицательно влияющие на основную массу осужденных и оперативную обстановку в учреждении, состоящие на профилактических учетах, предусмотренных приказом Министерства юстиции РФ от 20 мая 2013 г. № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы», а также карантинные отделения;

«Б — сектор обычного контроля» — осужденные, отбывающие наказание в обычных условиях, трудоустроенные на производстве, периодически привлекаемые к труду и положительно характеризующиеся;

«В — сектор умеренного контроля» — осужденные, переведенные в облегченные условия, пользующиеся правом передвижения без конвоя, трудоустроенные на производстве, добросовестно относящиеся к труду, не допускающие нарушения УПОН, осужденные старше 60 лет, а также осужденные, имеющие инвалидность.

Основные задачи создания секторов:

– Обеспечение активного профилактического воздействия на осужденных, являющихся нарушителями УПОН.

– Комплексный подход к организации и проведению с осужденными оперативно-режимной, социальной, психологической и воспитательной работы, направленной на достижение цели исправления.

– Обеспечение дифференциации воспитательного воздействия на осужденных с учетом вида ИУ, срока наказания, условий содержания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их поведения.

– Формирование нравственных и правовых отношений в среде осужденных, развитие их стремления к самосовершенствованию и самовоспитанию.

– Реализация прав осужденных на свободу совести и свободу вероисповедания.

– Выполнение комплекса профилактических и индивидуально-профилактических мер по предупреждению допущения осужденными, содержащимися в секторах, правонарушений и преступлений, обеспечение выполнения ими распорядка дня, своих обязанностей, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством РФ.

– Использование элементов самоорганизации и самоуправления осужденных в процессе их исправления, развитие полезной инициативы,

участие в решении вопросов организации труда, быта, досуга, духовного, профессионального и физического развития и т. д.

Как видно, произошло разделение осужденных на три группы с разным отношением не только к режиму и уголовному наказанию в целом, но и, что взаимосвязано, к воспитательному воздействию. В результате это позволяет более успешно проводить с осужденными воспитательную работу, в частности правовое воспитание.

В зависимости от сектора изменяется интенсивность воспитательного воздействия, например, в секторе «А» занятий по правовому воспитанию проводится больше, в среднем соотношение к сектору «Б» составляет полтора раза. От сектора к сектору также варьируется и содержание занятий, в одном секторе («А») упор делается на уголовно-исполнительный закон (правила внутреннего распорядка в учреждениях УИС, наказания, грозящие за нарушение УПОИ и совершение преступления во время отбывания наказания), в другом — на общеправовые занятия по основным отраслям права РФ, общетеоретическим моментам, лекции по социально-правовым вопросам.

Осужденные же сектора «В» нуждаются больше не в регулярных занятиях, а в консультациях по конкретным вопросам, связанным с оформлением документов (запросов, заявлений). В отношении них воспитательное воздействие направляется в сторону закрепления полученных умений и навыков и способности их применения в условиях нормального человеческого общежития.

Таким образом, разделение на сектора позволяет начальнику отряда рационализировать организацию воспитательного воздействия, использовать более емкие и необходимые осужденным конкретного сектора формы и методы правового воспитания, обеспечивать необходимый уровень правовой просвещенности осужденных, несмотря на небольшой срок (в среднем по общему режиму).

Положительный опыт по правовому воспитанию осужденных в УФСИН России по Псковской области не ограничивается экспериментом по организации надзора в исправительных учреждениях УИС.

В учреждении прекрасно организовано взаимодействие со сторонними организациями в сфере правового просвещения граждан, а именно проведения мероприятий по правовому воспитанию осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы. В рамках деятельности юридической клиники в целях проведения занятий и индивидуального консультирования обеспечено посещение учреждений области курсантами Псковского филиала Академии ФСИН России. Преподаватели и курсанты филиала оказывают осужденным квалифицированную юридическую помощь по вопросам гражданского

судопроизводства и в решении вопросов, не связанных с уголовным наказанием и его отбытием в досудебном порядке [1].

Также в учреждениях организованы встречи осужденных с работниками прокуратуры по вопросам, не связанным с осуществлением надзорной деятельности; сотрудниками центра занятости и пенсионного фонда в целях разъяснения осужденным особенностей трудового и пенсионного законодательства и помощи в трудоустройстве после освобождения.

В качестве положительного опыта стоит также отметить разнообразие форм и средств воспитательного воздействия, применяемых на сегодняшний день в исправительных учреждениях Псковской области. Например, при групповой воспитательной работе предпочтение отдается деловой игре, а не собранию, которое также проводится в соответствии с необходимостью. Кроме того, начальниками отряда тщательно культивируется заинтересованность осужденными различными отраслями реализации собственных творческих потребностей, поощряется желание заниматься музыкой, живописью, театральным искусством, растениеводством и т. д., что сильно снижает стремление вести криминальный образ жизни и нивелирует негативное отношение осужденных к современному законодательству РФ в общем и нормативным актам, регулирующим наказание, в частности.

Нами также было проведено анкетирование осужденных по вопросам проведения с ними занятий по правовому воспитанию. Анкета включала в себя вопросы по следующим направлениям: частота проводимых мероприятий, формы мероприятий (лекции, беседы, собрания, деловая игра и т. д.), оказывается ли осужденным квалифицированная юридическая помощь и в каком объеме, какие сферы права затрагиваются чаще всего, а также степень удовлетворенности осужденными предоставляемой им юридической помощью.

Изучив результаты анализа полученных с помощью анкетирования данных, можно с уверенностью говорить о том, что количество и качество проводимых на практике мероприятий в большинстве своем соответствуют нормативной и отчетной документации и в целом удовлетворяют потребности исправительного учреждения.

На основании вышеизложенного можно с уверенностью утверждать, что в УФСИН России по Псковской области имеется положительный опыт по проведению правового воспитания осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, успешно применяемый на практике. Опыт организации встреч осужденных с гражданскими специалистами в области юриспруденции в значительной мере уменьшил количество обращений к начальникам отряда по вопросам гражданского судопроизводства, что говорит о положительном влиянии данных встреч на состояние юридической

грамотности осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. Данное взаимодействие следует применять на практике во всех учреждениях УИС, исполняющих наказание в виде лишения свободы, о чем свидетельствует высокий уровень правовой грамотности среди осужденных. Необходимо налаживать близкое взаимодействие с юридическими организациями регионов, как государственными, так и частными, не ограничиваясь уголовно-исполнительным и уголовно-процессуальным правом, а предоставляя осужденным полный спектр юридической помощи со стороны.

1. Щербаков А. В. О некоторых проблемах оказания правовой помощи осужденным юридической клиникой Псковского филиала Академии ФСИН России // Актуальные проблемы правоведения : сб. ст. / Псковский филиал Академии ФСИН России. Псков, 2020. С. 311–318. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.122

**АКСИОЛОГИЯ УЧАСТИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ
ПРЕСЛЕДОВАНИИ****В. В. Олейник**

Дальневосточный юридический институт МВД России,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
e-mail: vitalyaol15@gmail.com

Аннотация. Участие потерпевшего в уголовном преследовании является необходимым условием в современном уголовном процессе, что позволит эффективно использовать предоставляемые права для их реализации.

Ключевые слова: уголовное преследование, потерпевший, право, уголовный процесс.

Annotation. The participation of the victim in criminal prosecution is a necessary condition in the modern criminal process, which will allow the effective use of the rights granted for their implementation.

Keywords: Criminal prosecution, victim, law, criminal procedure.

Философско-ценностное осмысление является необходимым методологическим приемом научной деятельности. Право основывается на ценностях, которые, как и принципы, выступают своеобразными регуляторами общественных отношений. «Каждая правовая норма, которая не имеет чисто технического характера, служит воплощением, развитием, конкретизацией какой-то ценности» [1]. Следовательно, «правовая наука способна внести рациональность в регулирование сталкивающихся социальных интересов и, раскрывая идеалы и ценности, лежащие в основе правовой системы, разрабатывать критерии эффективности конкретных правовых решений и законодательных новелл» (Т. Майер-Малы) [2].

В связи с этим нельзя не согласиться с тем, что «аксиология уголовного процесса (сфера ценностного обоснования абстрактных и нормативных институтов уголовно-процессуального права) должна занять место одного из трех основных методологических комплексов уголовно-процессуальной науки — наряду с догматикой (сфера теоретического и логического построения отвлеченных уголовно-процессуальных институтов) и аналитикой уголовного процесса (сфера практического толкования и разъяснения институтов уголовно-процессуального законодательства)» [2]. Исследуя институт участия потерпевшего в уголовном преследовании, представляется необходимым выявить те ценности, которые лежат в его основе.

Как известно, в примитивных обществах посягательства на личность и собственность преследовались мстью пострадавшего или его родственников против обидчика (его семьи, рода). В основе «дикой» мести лежали не ценности,

а инстинкт; более поздней «кровной мести» — осознание необходимости взаимной защиты и поддержки членов рода [3], т. е. ценности общественные, коллективные. В обществе, регулируемом обычаями и традициями, месть, очевидно, воспринималась как обязанность, а не как право, поскольку в таких обществах «...правила, которые приписывают людям их место в социальном порядке и тем самым придают им идентичность, предписывают также, чем они обязаны и чем им обязаны, как с ними надо обращаться, если они нарушают эти правила, и как они должны обращаться с другими, когда те нарушают правила» [4].

С появлением первых источников права пропорциональные санкции дополняются финансовыми компенсациями («композициями»); наказание превращается из неконтролируемого возмездия в заслуженную кару; обязанность мстить преобразуется в право требовать возмещения вреда. Частная месть еще долгое время определяла содержание наказания, что обуславливалось отсутствием четкого разграничения между частным и публичным интересом, специальных органов уголовного преследования. Даже с появлением суда в качестве обвинителей изначально выступали исключительно частные лица (главным образом потерпевшие), которые предъявляли к обвиняемому «иск» [3].

Начиная с XI в. европейские государства начинают включаться в процесс разрешения общественных конфликтов. Это связано с различными факторами, среди которых усиление центральной власти, рост влияния церкви, развитие судебной системы и самой концепции наказания. Постепенно все большее число преступлений начинают рассматриваться как посягательства против государства и преследуются в судах. Штрафы, уплачиваемые государству, и другие формы наказания заменяют компенсации, выплачиваемые частным лицам.

С размежеванием гражданского и уголовного процесса понятие иска сменилось понятием «обвинение», государство взяло на себя «миссию частных лиц по выдвиганию и поддержанию в суде обвинения» [5].

Постепенно формируется доктрина, суть которой, как отмечает Д. Доак, состоит в том, что в целях обеспечения объективности, последовательности и, таким образом, общей легитимности уголовного процесса необходимо частные интересы жертвы преступления отодвинуть на второй план [6]. Так, Я. И. Баршев писал в 1841 г.: «Исключая самоуправство, закон правды, требующий непременно заслуженного наказания за преступление, естественно исключает всякое влияние частного начала на судебный процесс» [7].

«Обратной стороной такого развития событий стало, однако, то, что жертва преступления была вытеснена на “обочину” уголовного производства, участвуя в деле лишь как свидетель, с соответствующими обязательствами, и превратившись в объект “нападения” противной стороны» [8].

Лишь в XX в., благодаря исследованиям криминологов, появлению и раз-

вitiю общественных организаций, деятельность которых была направлена на противодействие преступности и содействие ее жертвам, государство обратило внимание на нужды жертв преступления.

К 1980-м гг. в мире произошло явное смещение фокуса с публичного интереса к индивидуальному конфликту преступника и жертвы.

Тем не менее высказываются сомнения в том, что активное участие потерпевшего в уголовном процессе является оправданным. Как отмечает К. Сафферлинг, уголовное судопроизводство объективно является публичным, а не частным делом. Очевидно, что если участие потерпевшего приведет к его «приватизации», тогда под угрозой окажется существующая структура уголовного судопроизводства. Придется не только пересмотреть его цели, но и сама основа и назначение его окажутся под вопросом [9]. С. А. Соловьев считает, что в результате постоянного расширения закрепленных законом прав потерпевшего происходит «... подмена публичного интереса в уголовном судопроизводстве частным интересом... самоустранение государства от реализации своих публичных функций, на смену которых приходит фактически древнеримский принцип талиона» [10].

Необходимость участия потерпевшего в уголовном преследовании часто объясняется наличием у него определенных личных интересов, нуждающихся в обеспечении. Признавая некоторые из них законными (и тем самым давая им положительную оценку), законодатель делает их основой соответствующих прав потерпевшего либо обеспечивает их иным образом.

Так, распространено мнение, что «... основой участия потерпевшего в уголовном судопроизводстве является интерес данного лица, связанный прежде всего с возмещением ущерба, причиненного преступлением» [11].

Безусловно, такой интерес существует, но обосновать им участие потерпевшего именно в уголовном преследовании затруднительно, так как цели возмещения вреда служит, прежде всего, гражданский иск. Не может служить таким обоснованием и «интерес в восстановлении нарушенных прав потерпевшего», поскольку он фактически может быть реализован только путем возмещения вреда.

1. Максимов С. И. Ценностное измерение права: человеческое достоинство // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. Минск, 2019. С. 141. [Вернуться к статье](#)

2. Васильева Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование. М. : Юрлитинформ, 2013. 579 с. [Вернуться к статье](#)

3. Васильева Е. Г. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 81. [Вернуться к статье](#)

4. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М., 2000. С. 171. [Вернуться к статье](#)
5. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М. : Статут, 2016. 1278 с. [Вернуться к статье](#)
6. Doak J. Victims' Rights in Criminal Trials: Prospects for Participation // Journal of Law and Society. 2005. Vol. 32 (2). P. 306. [Вернуться к статье](#)
7. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001. С. 43. [Вернуться к статье](#)
8. Шредер Ф.-К., Феррел Т. Уголовно-процессуальное право Германии. 5-е изд. М., 2016. С. 246. [Вернуться к статье](#)
9. Sufferling C. The Role of the Victim in the Criminal Process – A Paradigm Shift in National German and International Law? // International Criminal Law Review. 2011. Vol. 11 (2). P. 185–186. [Вернуться к статье](#)
10. Соловьев С. А. Механическое уравнивание прав потерпевшего и обвиняемого (подозреваемого) как отрицательная тенденция в развитии отечественного уголовного процесса // Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI в. : материалы V междунар. науч.-практ. конф. 10–11 нояб. 2016 г. (г. Москва). М., 2017. С. 297. [Вернуться к статье](#)
11. Крайнова О. А. Участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве в России: доктрина, законодательная техника и правоприменение : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. С. 157. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.8

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫМИ ПРАВА
НА ЛИЧНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ****О. В. Пронина**

Академия ФСИН России,

преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности

e-mail: Semkinaolga1983@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные аспекты реализации осужденными права на личную безопасность. Проанализированы нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы обеспечения личной безопасности осужденных. Рассмотрены проблемные вопросы, касающиеся реализации права осужденных на личную безопасность. Сформулированы проблемы несоответствия теории и практики.

Ключевые слова: исправительные учреждения, личная безопасность, осужденные.

Annotation. The article deals with the actual aspects of the realization of the right to personal security by convicts. The normative legal acts regulating the issues of ensuring the personal safety of convicts are analyzed. The problematic issues related to the implementation of the right of convicts to personal security are considered. The problems of the discrepancy between theory and practice are formulated.

Keywords: correctional institutions, personal security, convicts.

Изучению проблемы обеспечения безопасности личности осужденных в исправительных учреждениях в различные временные периоды уделялось большое внимание. Проблема реализации права осужденного на личную безопасность находится в постоянном поле зрения не только законодателей, но и научных и практических работников.

Рассмотрение проблемы реализации права осужденных на личную безопасность начнем с уяснения смысла понятия «личная безопасность», которое в первую очередь предполагает состояние защищенности личности осужденного от каких-либо внешних или внутренних угроз. Объектом безопасности в данном случае является личность осужденного — ее права и свободы.

Несмотря на то, что толкование процесса реализации права осужденного на личную безопасность предусмотрено нормативно-правовыми актами разных уровней, существует некоторая неопределенность возможного их толкования, а значит, и их неоднозначное понимание сотрудниками исправительных учреждений.

В первую очередь это касается самого смысла понятия «личная безопасность осужденного». Формулировка статьи 13 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ) не позволяет сделать четких

выводов, в каком аспекте можно рассматривать понятие «личная безопасность»: в физическом аспекте — состояние защищенности от выражения физических действий со стороны внешних и внутренних источников опасности (администрации, других осужденных или иных лиц) или в аспекте понимания безопасности как состояния защищенности от психологической угрозы. Например, травля осужденного, распространение о нем ложных порочащих сведений, в том числе о принадлежности к какой-либо «группе» осужденных, к которой можно отнести так называемых «опущенных», а также тех, кто «запятнал» себя сотрудничеством с оперативными службами [1, с. 84]. А ведь такие провокации и унижения являются причиной угрозы личной безопасности осужденного и нередко приводят к личной неприязни, враждебности, конфликтам, суицидам, совершению преступлений. В данном случае уместно под реализацией права на личную безопасность осужденных понимать их психологическую защиту.

Таким образом, точно сказать, что речь идет о состоянии защищенности как от «физической», так и от «моральной, психологической» угрозы безопасности личности, исходя из положений статьи 13 УИК РФ [2], не представляется возможным, однако выскажем предположение, что понятие «личной безопасности» подразумевает состояние защищенности как от физической, так и от психологической угрозы безопасности осужденного при любых формах воздействия на его личность.

Имеется некоторая неопределенность и при трактовке части 2 статьи 13 УИК РФ: во-первых, это выражается в том, что законодатель наделил осужденных «правом» на обращение с заявлением об угрозе его личной безопасности. То есть осужденный свободно и добровольно может обратиться с просьбой обеспечить ему личную безопасность, но может этого и не сделать по каким-либо причинам. Значит ли это, что без заявления осужденного должностные лица также могут принять меры по обеспечению личной безопасности осужденного, и какие основания для принятия таких мер в этом случае должны быть. Во-вторых, какие именно меры по обеспечению личной безопасности осужденного они обязаны принять.

Рассматривая положения статьи далее, приходим к выводу, что закон наделяет начальника учреждения правом перевода осужденного в безопасное место и принятия иных мер по заявлению осужденного и по «собственной инициативе». Учитывая, что законодательство предусматривает возможность применения «иных мер», выскажем мнение о предложении перечня возможных мер обеспечения личной безопасности осужденного. Некоторой мерой, на наш взгляд, может выступить определенное ограничение контактов с «внешним миром», если опасность исходит именно от внешнего источника.

В моральном смысле инициатива — взятие на себя большей меры ответственности, чем того требует простое соблюдение общепринятых норм. Вопрос состоит в том, где заканчиваются границы понятия «собственная инициатива». Например, могут ли быть приняты меры по обеспечению личной безопасности осужденного без заявления, если имеются достаточные основания того, что данному осужденному угрожает опасность, и какие основания в данном случае считать достаточными в целях недопущения неправомерных действий со стороны начальника учреждения.

Более подробный алгоритм действий администрации по реализации мер по обеспечению личной безопасности осужденных устанавливает приказ Министерства юстиции РФ от 16 декабря 2016 г. № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений». В случае безуспешности проведенных мер по обеспечению личной безопасности осужденного начальником исправительного учреждения принимается решение о его переводе в другое исправительное учреждение в установленном порядке (переводе лиц, угрожающих личной безопасности осужденного) [3]. Действительно, в некоторых случаях целесообразным является изоляция именно лиц, угрожающих личной безопасности осужденного, источников опасности и перевод их в другое исправительное учреждение. Однако нормативными актами разных уровней порядок таких действий четко не определен.

Проведенный опрос сотрудников исправительных учреждений разных регионов показал, что переводы в другие исправительные учреждения, в том числе исправительные учреждения другого региона, осуществляются по причине наличия реальной угрозы здоровью и жизни осужденного и в связи с необходимостью обеспечения его личной безопасности, чаще всего потому, что нет возможности более 90 суток содержать осужденного в безопасном месте. Решением данного вопроса могло бы стать, на наш взгляд, внесение в действующие нормативные акты возможности продления сроков содержания в безопасном месте лица, помещенного туда по мотивам обеспечения его личной безопасности, в некоторых случаях, например, когда остается небольшой срок отбывания наказания лица, которому угрожает опасность (не более года) или небольшой срок отбывания наказания лица, от которого исходит опасность (не более года).

Ясность в рассмотрении вопроса применения мер безопасности в отношении осужденного, являющегося участником уголовного судопроизводства, вносит Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [4]. Отметим, что, на наш взгляд, большинство из перечисленных в законе мер не применяются в условиях функционирования исправительных учреждений.

Задача по обеспечению личной безопасности осужденных уголовно-исполнительным законодательством возложена на оперативные подразделения исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы. На наш взгляд, имеется некоторая проблема несоответствия оперативно-розыскного и уголовно-исполнительного законодательства, которая требует теоретического осмысления и непосредственной корректировки с целью отражения в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» задач, применимых к уголовно-исполнительной системе. Результатом такой корректировки должно стать исключение неоднозначного толкования законодательных предписаний, что обеспечит четкое и правомерное выполнение поставленной задачи.

Обеспечение личной безопасности осужденных представляет собой комплекс мер, способствующих ликвидации или частичному устранению условий, представляющих опасность любого рода для личности осужденного. Формирование предупредительных и иных мер по обеспечению личной безопасности осужденных, несомненно, будет эффективным только в том случае, когда возможность их применения будет четко определена законодательством разных уровней.

Анализ законодательства, регламентирующего порядок обеспечения личной безопасности осужденных, показывает, что основные нормативно-правовые акты не учитывают специфику возможного применения этих мер в уголовно-исполнительной системе, имеют трактовки неоднозначные для понимания. В связи с этим считаем, что законодательство в области обеспечения личной безопасности осужденных требует соответствующего урегулирования.

1. Усеев Р. З. Обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы: теоретико-правовые и организационные аспекты : монография. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2017. С. 220. [Вернуться к статье](#)

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : 8 янв. 1997 г., № 1-ФЗ : принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г. : одобр. Советом Федерации 25 дек. 1996 г. : в ред. от 28.12.2020 // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2. Ст. 198. [Вернуться к статье](#)

3. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений [Электронный ресурс] : приказ Минюста России от 16.12.2016 г. № 295 : в ред. от 24.12.2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&a3=102000497&a3type=1&a3value=%CF%F0%E8%EA%E0%E7&a6=102000194&a6type=1&a6value=%CC%E8%ED%E8%F1%F2%E5%F0%F1%F2%E2%EE+%FE%F1%F2%E8%F6%E8%E8&a15=&a15type=1&a15value=&a7type=1&a7from=&a7to=&a7date=16.12.2016&a8=295&a8type=1&a1=%CE%E1+%F3%F2%E2%E5%F0%E6%E4%E5%ED%E8%E8+%CF%F0%E0%E2%E8%EB+%E2%ED%F3%F2%F0%E5%ED%ED%E5%E3%EE+%F0%E0%F1%EF%EE%F0%FF%E4%EA%E0+%E8%F1%EF%F0%E0%E2%E8%F2%E5%EB%FC%ED%FB%F5+%F3%F7%F0%E5%E6%E4%E5%ED%E8%E9&a0=&a16=&a16type=1&a16value=&a17=&a17type=1&a17value=&a4=&a4type=1&a4value=&a23=&a23type=1&a23val>

ue=&textpres=&sort=7&x=92&y=8 (дата обращения: 11.03.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : Федер. закон от 20 авг. 2004 г. № 119-ФЗ ред. от 7 февр. 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации 2004 г. № 34 ст. 3534. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.35

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ «СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА»
В УГОЛОВНЫХ КОДЕКСАХ РОССИИ, УКРАИНЫ И БЕЛАРУСИ****И. А. Савенко**

Краснодарский университет МВД России,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: irinaasavenko@mail.ru)

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы законодательной регламентации служебного подлога по уголовному законодательству России, Украины и Беларуси.*

***Ключевые слова:** должностное лицо, уполномоченное лицо, официальный документ, подделка документов, иная личная заинтересованность, существенное нарушение прав и законных интересов, данные государственной статистической отчетности.*

***Annotation.** The article deals with the issues of legal regulation of official forgery under the criminal legislation of Russia, Ukraine and the Republic of Belarus.*

***Keywords:** official, authorized person, official document, forgery of documents, other personal interest, significant violation of rights and legitimate interests, state statistical reporting data.*

Как известно, главной составляющей коррупции являются преступления, совершенные должностными лицами, наделенными определенными правами и полномочиями и выполняющими перед обществом и государством установленные обязанности в силу закона или иного правового акта. Коррупцированные чиновники, подрывая эффективность государственного управления и дискредитируя в глазах граждан достоинство и авторитет органов власти, представляют угрозу для безопасности не только России, но и других стран.

Служебный подлог, ответственность за который установлена ст. 292 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), относится к коррупционным преступлениям, что повышает интерес к изучению и совершенствованию данного состава преступления.

В современной редакции ст. 292 УК РФ гласит, что служебный подлог — это внесение в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности. Исключение составляют действия, связанные с незаконным получением паспорта гражданина РФ или гражданства РФ [1, с. 278].

Криминализация служебного подлога как состава преступления в уголовном законодательстве, безусловно, связана, с одной стороны, с защитой прав и законных интересов потерпевших, которые были нарушены, а с другой — с це-

лью повлиять на регулирование деятельности государственных и муниципальных органов власти.

Определим положение и принадлежность служебного подлога к определенной группе общественных отношений.

По мнению Б. В. Волженкина, родовой объект служебного подлога представляет собой общественные отношения, регулирующие нормальную деятельность публичного аппарата управления в лице государственных органов [2, с. 52].

Однако государственная власть реализуется не только за счет государственного аппарата в лице чиновников, действующих от имени государства, но и посредством деятельности органов местного самоуправления, представляется, что и родовой объект группы должностных преступлений, в круг которых входит служебный подлог, должен быть шире.

Следовательно, более удачной кажется интерпретация родового объекта, предложенная А. И. Рарогом, как группа общественных отношений, обеспечивающих легитимность, нормальное существование и функционирование всех ветвей государственной власти и местного самоуправления [3, с. 591].

При определении непосредственного объекта служебного подлога в доктрине уголовного права также имеются различные точки зрения. Б. В. Волженкин относит к нему «нормальную деятельность публичного аппарата управления» [2, с. 54]. По мнению Г. В. Журавлевой, его составляют «общественные отношения, возникающие в процессе государственно-служебной деятельности органов власти, связанные с оборотом и выпуском официальных документов в обращение» [4, с. 14].

Последнее определение более полно раскрывает не только сферу, в которой происходит реализация функций субъекта, но и указывает на неразрывную связь осуществления полномочий с документальным удостоверением юридически значимых фактов и отношений. Обобщая различные точки зрения ученых, кажется правильным под непосредственным объектом служебного подлога считать общественные отношения в сфере функционирования органов публичной власти и создаваемых ими структур в связи с созданием и оборотом официальных документов.

Предметом анализируемого преступления закон называет официальный документ. Легальное понятие официального документа дано в Федеральном законе от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» [5], однако диспозиция служебного подлога не является отсылочной. На законодательном уровне не сформировалось единого мнения о критериях определения официального документа, за исключением одного: он должен исходить от государственного органа. Официальный характер документа должен подтвер-

ждаться его содержательной стороной в виде удостоверения юридически значимых фактов, которые свидетельствуют о возможности наступления правовых последствий.

Объективная сторона служебного подлога характеризуется совершением деяния в виде альтернативных действий, направленных на внесения ложных сведений, а равно исправлений, искажающих действительное содержание, официального документа.

По законодательной конструкции служебный подлог относится к формальному составу. Моментом окончания признается внесение в документ заведомо ложных сведений либо исправлений.

Современная редакция ст. 292 УК РФ расширила круг субъектов служебного подлога, отнеся к ним не только должностных лиц, но и государственных служащих, служащих органа местного самоуправления, не обладающих признаками должностного лица.

Субъективная сторона служебного подлога предусматривает умышленную форму вины в виде прямого умысла и обязательное наличие корыстной мотивации либо иной личной заинтересованности [6, с. 936].

Иная личная заинтересованность лица всегда должна быть связана с выполнением должностным лицом функциональных обязанностей в связи с занимаемой должностью или делегированных полномочий, но при этом может выходить за рамки служебных (должностных) интересов и требует правовой оценки в каждом конкретном случае, может проявляться в стремлении лица к освобождению от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т. п. [4].

В качестве квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 292 УК РФ предусмотрено наступление последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций, а равно охраняемых законом интересов общества или государства.

Таким образом, законодательная конструкция ч. 2 ст. 292 УК РФ относится к материальному составу.

Статья 366 УК Украины практически тождественна содержанию ст. 292 УК РФ.

Как нам представляется, объектом данного преступления, исходя из содержания нормы, выступает нормальное функционирование государственного, общественного аппарата, организаций, предприятий и учреждений. Предметом преступления является официальный документ.

Объективная сторона служебного подлога выражается в активных действиях, направленных не только на подделку официального документа, но и на составление заведомо ложных документов, а также их выдачу [7].

Для привлечения должностного лица к уголовной ответственности за выдачу такого документа не имеет значения, кем были внесены ложные сведения, не соответствующие истине: лицом, осуществляющим выдачу, или другим лицом.

Анализ субъективной стороны служебного подлога, предусмотренного УК Украины, показал, что мотив и цель законодателем не указаны в качестве основных признаков и в отличие от служебного подлога УК РФ не влияют на квалификацию.

Квалифицирующим признаком ст. 366 УК Украины является наступление тяжких последствий, под которыми, как правило, понимается материальный ущерб. Позиционируя содержание объективной стороны ч. 1 ст. 292 УК РФ и ч. 1 ст. 366 УК Украины, следует обратить внимание на применение законодателем в диспозиции словосочетания «неправдивый документ».

По нашему мнению, ст. 366 УК Украины более широко раскрывает объективный аспект служебного подлога.

Далее перейдем к анализу ст. 427 УК Республики Беларусь.

Родовым объектом являются основы государства и порядок осуществления власти и управления, видовым объектом — интересы службы. Непосредственным объектом — авторитет и интересы государства.

Обращает внимание не совсем удачная техника построения указанной нормы, поскольку при буквальном толковании предмета преступления должна даваться оценка двум понятиям, указанным в диспозиции: «официальный документ» и «документ», которые, по сути, не имеют отличий и по замыслу законодателя должны отвечать общепринятым критериям оценивания официального документа.

Объективная сторона служебного подлога предполагает несколько альтернативных действий: внесение заведомо ложных сведений и записей в официальный документ; подделка документов; составление и выдача заведомо ложных документов [8].

На наш взгляд, деяние, выраженное в «составлении и выдаче заведомо ложных документов», может порождать проблемы теоретического и практического характера. Служебный подлог всегда направлен на внесение в официальный документ сведений, которые не соответствуют действительности.

Специфика служебного подлога связана в первую очередь с определенным статусом лица, виновного в совершении действий, которые явно нарушают законодательную нормативную базу, предписывающую запрет на такие действия. Кроме того, данные лица должны быть задействованы в выполнении задач в сфере государственного управления и как минимум обладать полномочиями на осуществление своей деятельности от имени государства, защищая его

интересы, именно только в государственном секторе, т. е. организациях и учреждениях. При этом полномочия могут осуществляться в виде выполнения своих прямых обязанностей с несоблюдением соответствующих предписаний и внесением в официальные документы информации, искажающей их первоначальную смысловую нагрузку либо совершение действий, направленных на совершение физического подлога документа. Деяние в виде выдачи заведомо ложного документа не укладывается в рамки служебного подлога.

В качестве квалифицирующего признака ч. 2 ст. 427 УК РФ предусматривает искажение данных государственной статистической отчетности.

По законодательной конструкции описания ст. 427 УК РФ относится к формальному составу, т. е. считается оконченным с момента совершения любого из действий.

Субъектом служебного подлога может быть лицо, обладающее не только признаками общего субъекта, но и должностного либо уполномоченного лица.

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины (прямой умысел). В качестве второго обязательного признака предусмотрены: мотив (корыстная или иная личная заинтересованность) ч. 1 ст. 427 УК РФ; цель — «искажение данных государственной статистической отчетности» (ч. 2 ст. 427 УК РФ).

Несмотря на несовершенство законодательного построения нормы, предусмотренной ст. 427 УК РФ «Служебный подлог», на наш взгляд, законодательный аспект о введении квалифицирующего признака «искажение данных государственной статистической отчетности» заслуживает внимания с целью рецепции в российское законодательство.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. М. : Проспект, 2021. [Вернуться к статье](#)

2. Волженкин Б. В. Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2005. [Вернуться к статье](#)

3. Рарог А. И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. И. Рарога. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2010. [Вернуться к статье](#)

4. Журавлева Г. В. Уголовная ответственность за служебный подлог : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. [Вернуться к статье](#)

5. Об обязательном экземпляре документов : Федер. закон, 29 дек. 1994 г., № 77-ФЗ : с изм. и доп. от 08.06.2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 1. Ст. 1. [Вернуться к статье](#)

6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. проф. Н. Г. Кадникова. М. : ИД «Юриспруденция», 2019. [Вернуться к статье](#)

7. Уголовный кодекс Украины с изменениями от 04.12.2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/> (дата обращения: 28.02.2021) [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : Принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. 11.11.2019 г. № 253-З). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 28.02.2021г.). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 348.368

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВА ОРГАНИЗАЦИИ ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД С ДРУГИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. Н. Сачков

Ассоциация «Евросибирская саморегулируемая организация арбитражных управляющих «Евросиб»,
арбитражный управляющий
e-mail: sachkov_a@mail.ru

***Аннотация.** В статье предлагаются результаты анализа проблем квалификации преступления в виде организации деятельности финансовой пирамиды. Рассматриваются вопросы разграничения данного преступления с составами незаконного предпринимательства, незаконной банковской деятельности, а также с иными общественно опасными деяниями в сфере экономической деятельности.*

***Ключевые слова:** уголовная ответственность, преступление, квалификация преступлений, финансовая пирамида, незаконное предпринимательство, банковская деятельность, инвестиции.*

***Annotation.** The article presents the results of the analysis of the problems of qualifying a crime in the form of organizing the activities of a financial pyramid. The issues of distinguishing this crime from the elements of illegal entrepreneurship, illegal banking activities, as well as other socially dangerous acts in the field of economic activity are considered.*

***Keywords:** criminal liability, crime, qualification of crimes, pyramid scheme, illegal entrepreneurship, banking, investment.*

Появление в российском уголовном законодательстве самостоятельного предписания об ответственности за организацию деятельности финансовых пирамид (ст. 172² УК РФ) непременно порождает вопросы разграничения данного преступления с иными общественно опасными деяниями в сфере экономической деятельности.

Ввиду расположения анализируемой нормы после ст. 172 УК РФ («Незаконная банковская деятельность») стоит обратить внимание на ее некоторые схожие черты с уголовно-правовым запретом незаконной банковской деятельности. Привлечение денежных средств в процессе функционирования финансовой пирамиды во многом напоминает незаконную банковскую деятельность. Ведь незаконная банковская деятельность подразумевает осуществление банковских операций без регистрации или без специального разрешения (лицензии). Под банковскими операциями понимаются в том числе: привлечение денежных средств физических и юридических лиц во вклады (до востребования и на определенный срок); размещение указанных привлеченных средств от сво-

его имени и за свой счет; открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц [1].

Как видно, внешне аналогичные действия совершаются и в случае организации деятельности финансовой пирамиды. Вполне возможно, что лица, виновные в организации деятельности финансовой пирамиды, могут прикрываться банковской или иной кредитной деятельностью.

Сопоставительный анализ рассматриваемых норм уголовного закона показывает, что в ст. 172 УК РФ, помимо прочего, указывается на отсутствие регистрации или специального разрешения (лицензии). Данный признак, очевидно, является составообразующим и составляет суть незаконной банковской деятельности как криминального деяния. В то же время в диспозиции ч. 1 ст. 172² УК РФ отсутствует какое-либо упоминание о наличии подобных разрешений и регистраций. Объяснением тому служит тот факт, что незаконность банковской деятельности в смысле ст. 172 УК РФ определяется именно отсутствием обозначенных регистраций и разрешений [2, с. 58–60], в то время как организация деятельности финансовой пирамиды сама по себе является деянием запрещенным. Для организации деятельности финансовой пирамиды в принципе невозможно получить лицензии и разрешения от регулирующих органов. В этой связи деяние, описанное в ст. 172² УК РФ, по умолчанию является совершенным в отсутствие каких-нибудь согласований со стороны органов власти.

Следует обратить внимание и на разницу в законодательном описании объективной стороны исследуемых составов преступлений. В ст. 172 УК РФ указывается на осуществление банковской деятельности. В свою очередь в ст. 172² УК РФ речь ведется об организации деятельности по привлечению денежных средств. То есть во втором случае момент окончания преступления, по сути, переносится на более раннюю стадию — законодательная конструкция этого общественно опасного деяния предполагает достаточными для наличия оконченного состава преступления уже действий по организации деятельности финансовой пирамиды. А незаконная банковская деятельность характеризуется уже фактическим осуществлением таковой. Тем не менее на практике возможны ситуации, когда организация деятельности финансовой пирамиды не пресечена и деятельность по привлечению денежных средств уже реализуется. В подобном случае имеем совпадение, при котором деяние одновременно может подпадать под признаки объективной стороны обоих составов преступлений.

В этих условиях разграничительная линия при квалификации данных преступлений может быть усмотрена в существе совершаемых действий. Так, если незаконная банковская деятельность осуществляется по принципам, присущим финансовым пирамидам, то содеянное, в силу ч. 3 ст. 17 УК РФ, надлежит квалифицировать по ст. 172² УК РФ как специальной норме по отношению

к ст. 172 УК РФ. Применение указанных уголовно-правовых норм по совокупности возможно только в случае реальной совокупности преступлений.

Смежный характер норм, предусмотренных ст. 172 и ст. 172² УК РФ, диктует необходимость рассмотрения вопроса о соотношении организации деятельности финансовой пирамиды и преступления, запрещенного ст. 172¹ УК РФ («Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации»). Анализ правоприменительной практики позволяет утверждать, что организация деятельности финансовой пирамиды в некоторых случаях сопровождается внесением недостоверных сведений в финансовые документы. Вместе с тем эти нормы уголовного закона конкурирующими не являются, поскольку предусматривают ответственность за разнопорядковые деяния. Поэтому при одновременном наличии признаков указанных составов преступлений они применяются по совокупности.

Следует отметить, что организация деятельности финансовой пирамиды представляет собой разновидность незаконной предпринимательской деятельности. В российском уголовном законодательстве такое общественно опасное поведение предполагает осуществление коммерческой деятельности в отсутствие необходимых разрешений или регистрации. Рассматривая соотношение предписаний, сформулированных в ст. 172 и ст. 172² УК РФ, нами установлено, что организация деятельности финансовой пирамиды, равно как и незаконная банковская деятельность, имеет в числе своих признаков осуществление соответствующей деятельности при отсутствии необходимых регистраций и разрешений. При этом применительно к организации деятельности финансовой пирамиды такое разрешение и не может быть получено. В этой связи деяние, обладающее признаками организации деятельности финансовой пирамиды, может одновременно подпадать и под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ («Незаконное предпринимательство»). На наш взгляд, организация деятельности финансовой пирамиды — это всегда незаконное предпринимательство.

Однако, с другой стороны, заведомо и изначально криминальную коммерческую деятельность не вполне корректно именовать предпринимательством. Неслучайно в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 года № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» дается следующее разъяснение: «В тех случаях, когда лицо, имея целью извлечение дохода, занимается незаконной деятельностью, ответственность за которую предусмотрена иными статьями Уголовного кодекса Российской Федерации (например, незаконным изготовлением огнестрельного оружия, боеприпасов, сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов), содеянное им дополнительной квалификации по статье 171 УК РФ

не требует» [3]. По нашему мнению, эти рекомендации вполне уместно распространить и на случаи незаконного «предпринимательства» в форме организации деятельности финансовой пирамиды. С учетом изложенного организация деятельности финансовой пирамиды, несмотря на наличие признаков состава незаконного предпринимательства, подлежит квалификации только по ст. 172² УК РФ.

Закономерным последствием усиления ответственности за преступления, связанные с различными финансовыми манипуляциями, выступает криминализация в 2018 году деяния в виде невнесения в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах (ст. 172³ УК РФ). Имеются основания полагать, что такое преступление может сопутствовать криминальной активности в виде организации деятельности финансовой пирамиды. В то же время они не имеют каких-либо «пересекающихся» точек, затрудняющих квалификацию преступлений. Поэтому при наличии признаков данного преступления оно подлежит уголовно-правовой оценке по совокупности со ст. 172² УК РФ.

1. О банках и банковской деятельности : Федер. закон от 2 дек. 1990 г. № 395-1 : в ред. от 30 дек. 2020 г. // Собрание законодательства РФ. 05.02.1996. № 6. Ст. 492. [Вернуться к статье](#)

2. Тюнин В. И. Преступления в сфере экономической деятельности : учеб.-практ. пособие. М. : Юрлитинформ, 2012. [Вернуться к статье](#)

3. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, 18.11.2004 г., № 23 : в ред. от 07.07.2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1. [Вернуться к статье](#)

УДК 378.14

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ГРУППЫ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ
«ПРАВО» В КАРАГАНДИНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
КАЗПОТРЕБСОЮЗА**

Н. В. Сидорова

Карагандинский университет Казпотребсоюза,
доцент кафедры правового регулирования экономических отношений,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: nsidorova75@mail.ru

Н. Р. Весельская

Карагандинский университет Казпотребсоюза,
заведующий кафедрой правового регулирования экономических отношений,
кандидат юридических наук, профессор
e-mail: veselskiy-1@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются инструменты практико-ориентированного обучения, реализуемые в рамках образовательных программ группы специальностей «Право» Карагандинского университета Казпотребсоюза. Особое внимание акцентировано на коллаборацию с партнерами учебного научно-производственного комплекса.*

***Ключевые слова:** образовательные инструменты, практико-ориентированное обучение, образовательные программы, учебный научно-производственный комплекс, профессиональные компетенции.*

***Annotation.** The article examines the tools of practice-oriented learning, implemented within the educational programs of the group of specialties «Law» of the Karaganda University of Kazpotrebooyuz. Particular attention is focused on collaboration with partners of the educational research and production complex.*

***Keywords:** educational tools, practice-oriented training, educational programs, educational research and production complex, professional competencies.*

Модель подготовки квалифицированных кадров в сфере юриспруденции в Карагандинском университете Казпотребсоюза базируется на образовательных программах «Юриспруденция: правовое регулирование в сфере экономики» и «Судебная и правоохранительная деятельность» (далее — образовательные программы). Первая из обозначенных программ нацелена на подготовку специалистов, обладающих компетенциями в различных областях права, но с акцентом на дисциплины гражданско-правового профиля, а также на интеграцию юридического и экономического образования. Уникальность

другой образовательной программы заключается в ориентации на потребности работодателя в специалистах, обладающих специальными компетенциями в правоохранительной и судебной деятельности.

Содержание обозначенных программ, методика обучения и ожидаемые результаты направлены на формирование теоретических знаний, профессиональных умений и навыков в рамках заявленной модели компетенций на основе практико-ориентированного подхода и инновационной деятельности.

Один из базовых образовательных инструментов практико-ориентированного обучения — это деятельность учебного научно-производственного комплекса «Кеңесші» (далее — УНПК), в состав которого входят четырнадцать стейкхолдеров, сотрудничество с которыми распределено по восемнадцати приоритетным направлениям. Основными стейкхолдерами образовательных программ являются: Специализированный межрайонный экономический суд Карагандинской области, Центральная юридическая консультация — Филиал Карагандинской областной коллегии адвокатов, Карагандинский областной суд, Специализированный межрайонный административный суд, Департамент юстиции Карагандинской области, Департамент полиции Карагандинской области, Казахстанская Ассоциация предпринимателей, частное учреждение «Центр права и медиации «Партнеры», Совет по защите прав предпринимателей по Карагандинской области и др.

Образовательная миссия УНПК «Кеңесші» заключается в интеграции науки, образования и практики и включает следующие направления:

- проектирование образовательных программ с учетом практико-ориентированных результатов обучения и формируемых компетенций, их новация с учетом потребностей работодателей;
- создание «практико-ориентированной учебной среды» как уникальной инновационной модели обучения;
- внедрение профессионально ориентированных технологий обучения;
- практическое сопровождение научно-исследовательской работы по фундаментальным и прикладным темам;
- формирование иных инновационных моделей получения студентами практического опыта.

Сотрудничество с партнерами УНПК начинается на уровне академических комитетов образовательных программ, на платформе которых при непосредственном участии партнеров УНПК проектируются образовательные программы, разрабатываются каталоги элективных дисциплин, проводится их новация, решаются иные вопросы организационной и учебно-методической работы по образовательным программам. Примером

такой коллаборации является включение в образовательную программу модуля «Цифровые технологии в юриспруденции», в который входят такие дисциплины, как «Киберправо» и «Основы цифровой безопасности», или модернизация образовательной программы «Юриспруденция: правовое регулирование в сфере экономики», в результате которой в учебный план включены дисциплины: «Юридическая конфликтология», «Проектирование правовых актов», «Производство досудебного расследования по экономическим преступлениям». Все новации направлены на реализацию пожеланий работодателей и формирование конкретных компетенций, востребованных практикой.

Независимая практическая экспертиза всех учебных и методических документов является важнейшим гарантом соблюдения интересов работодателей в формируемых компетенциях выпускников и достигаемых результатах обучения, что обеспечивает постоянную диагностику базовой и прикладной подготовки студентов, а в случае необходимости — своевременную корректировку. Разработанные в тесном сотрудничестве с представителями УНПК образовательные программы получили положительную оценку со стороны независимых зарубежных экспертов, представляющих МГУ им. Ломоносова, Белгородский государственный университет, Ассоциацию юридических вузов (г. Москва).

В соответствии с целевыми индикаторами практико-ориентированного обучения показывают высокую степень эффективности выездные занятия в филиалы и учебные полигоны выпускных кафедр в Специализированном межрайонном экономическом суде Карагандинской области, Специализированном административном суде Карагандинской области и Департаменте полиции Карагандинской области. Кроме того, представители организаций-партнеров УНПК проводят мастер-классы, читают платиновые и бинарные лекции, проводят занятия по отдельным учебным дисциплинам, привлекаются к созданию видеоконтентов и массовых открытых онлайн-курсов, руководят дипломными работами и рецензируют их.

Научные результаты коллаборации достигаются посредством включения студентов в состав авторских коллективов по фундаментальным и прикладным научно-исследовательским темам. Данный формат научно-исследовательской работы позволяет соединить исследование проблем практики деятельности партнеров УНПК (так как их представители тоже включены в состав авторских коллективов по темам НИР) с теоретическими разработками преподавателей выпускных кафедр и привлечь к исследовательской работе студентов. В данном контексте публикуются совместные статьи, на уровне кафедры их называют «тройняшка», так как авторами таких статей являются три исследователя — преподаватель, практик и студент. Более весомый результат та-

кого научного сотрудничества — это написание дипломной работы по заказу партнера представителя УНПК и внедрение результатов научной работы студентов в их деятельность.

Деятельность УНПК обеспечивает прохождение практик студентами образовательных программ, производственных стажировок преподавателей, организацию и работу студентов в «Юридической клинике», а также содействие в вопросах трудоустройства выпускников по специальности. В подтверждение сказанного хороший уровень трудоустройства выпускников образовательных программ позволяет занимать достойные позиции в рейтингах образовательных программ как на уровне Независимого агентства по обеспечению качества в образовании, так и на уровне Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен». Полагаем, что это напрямую обусловлено достигаемыми результатами обучения и формируемыми компетенциями выпускников.

Еще один образовательный инструмент — это междисциплинарные связи, реализация которых достигается двумя основными технологиями:

- во-первых, разработка майнорских программ (объемом 20 кредитов);
- во-вторых, включение в учебные планы и элективные каталоги междисциплинарных предметов, объединяющих два блока — правовой и экономический. Например, дисциплина «Банковское право и банковские операции» преподается двумя преподавателями двух кафедр — кафедры правового регулирования экономических отношений и кафедры банковской деятельности.

Наиболее классический инструмент практико-ориентированного обучения связан с функционированием лабораторий юридической направленности, в рамках которых оттачиваются практические умения студентов. К числу таких лабораторий относятся учебно-криминалистический полигон, кабинет криминалистики и судебной экспертологии. Дополняется фонд специальных аудиторий кабинетами уголовного права, кабинетом предпринимательства и права, залом судебных заседаний, юридической клиникой, а также филиалами в Специализированном межрайонном экономическом суде Карагандинской области, учебными полигонами в Специализированном административном суде Карагандинской области и Департаменте полиции Карагандинской области.

Другой инструмент — это реализация интерактивных методик обучения, причем в контексте развития цифровых технологий, их совмещение с последними. Внедрение интерактивных методик преподавания обуславливает отдельное внимание к вопросам практико-ориентированного преподавания, характеризующегося как известным консерватизмом подходов, так и «революционными» новациями.

С одной стороны, можно сохранить свойственный еще советскому правоведению фундаментальный подход преподавания, который предполагает жела-

ние охватить широкий круг вопросов по отдельной дисциплине. С другой стороны, требуется внедрить проблемно-ориентированный подход, характерный преимущественно для профессиональной подготовки и предполагающий углубленное изучение отдельных тем в сочетании с ориентацией на прикладные задачи в обучении. Оба подхода имеют право на существование при соблюдении между ними баланса. Такая тенденция, вызванная потребностями в юристах, способных решать практические задачи, не должна отрицать обеспечения преемственности с фундаментальными разработками по отдельным отраслям права.

Методические аспекты внедрения различных методик проведения интерактивных занятий один из авторов статьи рассматривал ранее [1, с. 845]. Обозначим лишь отдельные аспекты их использования:

– во-первых, интерактивные методики могут корреспондировать между собой и дополнять друг друга, обеспечивая методическую связь между темами курса;

– во-вторых, многие интерактивные методики направлены на работу в малых группах, что формирует коммуникативные компетенции;

– в-третьих, многие интерактивные методики предполагают публичную презентацию выполненного задания, что сопровождается творческим подходом, креативным мышлением и разнообразным техническим воплощением идей;

– в-четвертых, выполнение заданий может сопровождаться соревновательным окрасом, что позитивно влияет на формирование конкурентной среды.

Практика преподавания с использованием интерактивных методик обучения показывает, что в процессе изучения дисциплины, а также в процессе перехода с одного курса на другой происходят качественные изменения в мировоззрении студентов, их компетенциях и коммуникациях. Они учатся работать в группе, слышать коллег, дискутировать, аргументировать, приходиться к общему выводу, проявляются творческие способности, в том числе и артистические, появляются навыки публичного выступления, что немаловажно для будущего юриста. По мнению работодателей, умение работать в коллективе и достигать коллективных целей — одна из важнейших компетенций выпускников (отметим, что анализ удовлетворенности работодателей компетенциями выпускников проводится на постоянной основе как по результатам ежегодного анкетирования, так и по результатам прямых контактов).

Факультативным образовательным инструментом практико-ориентированного обучения является передача практического опыта от преподавателя к студенту. С одной стороны, профессорско-преподавательский состав образовательных программ характеризуется большим количеством

преподавателей с практическим опытом работы в государственных органах, судах, прокуратуре, полиции, юридических консультациях, нотариате и др., что позволяет обогатить содержание дисциплин практическими кейсами, казусами и задачами. С другой стороны, развитие законодательства и практики, внедрение новых технологий в работу партнеров УНПК являются движущими факторами повышения квалификации преподавателей кафедр, которые реализовываются через стажировки преподавателей на систематической основе в каникулярный период при содействии партнеров УНПК, а также через другие формы повышения квалификации. Несмотря на свою факультативность, данный инструмент позволяет своевременно актуализировать содержание преподаваемых дисциплин, корректировать их в соответствии с изменяющимися реалиями.

В заключение следует отметить, что обозначенные образовательные инструменты практико-ориентированного обучения применяются в комплексе с обязательной корреляцией с актуальными проблемами науки, образования и практики.

1. Сидорова Н. В. Интерактивные методики преподавания государственно-правовых дисциплин // Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика : сб. материалов II Междунар. заоч. науч. конф. Могилев : Могилев. институт МВД, 2017. С. 845–849. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985.3

ЭЛЕКТРОННО-ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ И РОЛЬ В РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫМ СПОСОБОМ

Н. И. Старостенко

Краснодарский университет МВД России,
адъюнкт кафедры криминалистики
e-mail: nstarostenko1996@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются аспекты современных проблем понятия и значения электронно-цифровых следов, необходимых для эффективного расследования мошенничеств, совершенных в информационно-телекоммуникационной среде. Целью исследования явился анализ научных взглядов на обозначенную проблематику, а также обоснование своей точки зрения по рассматриваемому вопросу. Установлено криминалистическое понятие электронно-цифровых следов.*

***Ключевые слова:** криминалистика, мошенничество, следы, информационно-телекоммуникационная среда, виртуальные среды, электронно-цифровые следы.*

***Annotation.** The article examines aspects of modern problems of the concept and meaning of electronic digital traces necessary for the effective investigation of frauds committed in the information and telecommunications environment. The aim of the study was to analyze scientific views on the designated problems, as well as to substantiate their point of view on the issue under consideration. The forensic concept of electronic digital traces has been established.*

***Keywords:** Forensic science, fraud, traces, information and telecommunication environment, virtual environments, electronic digital traces.*

В наши дни стремительное развитие вычислительной и телекоммуникационной техники, ежедневно прогрессирующий рост количества пользователей IT-технологий, а также увеличение инновационных возможностей в предоставлении услуг вполне обоснованно привело к тому, что противоправные явления интегрировали в сегмент информационно-телекоммуникационной среды. Глобальная информатизация общества создала благоприятные предпосылки для возникновения новых видов преступлений, а также способов их совершения.

В опубликованных статистических данных МВД России обращается внимание на прогрессирующий рост количества мошенничеств, совершенных с применением IT-технологий. В отчетном периоде (с января 2020 по сентябрь 2020 года) их совершено на 77 % больше, чем год назад, в том числе с использованием сети Интернет — на 93,2 %, при помощи средств мобильной связи — на 97,7 % [1].

Основными источниками криминалистически значимой информации по таким преступлениям являются следы. Благодаря такой информации правоохранительные органы получают данные о событии преступления, позволяющие установить и изобличить преступника. Вот почему изучение механизма образования следов преступления и работа следователя (суда), связанная с их обнаружением и анализом, составляют основу криминалистики. В настоящее время в криминалистической науке, безусловно, стойко утвердилось понятие следа. При этом в широком смысле под следом понимают любые изменения окружающей обстановки, причинно связанные с расследуемым преступлением, а в зависимости от формы отражения их делят на идеальные и материальные [2, с. 49].

Вместе с тем результаты изучения криминалистической литературы свидетельствуют о том, что в настоящее время существует ряд неразрешенных проблем теоретического и практического характера, связанных с определением понятия, места, а также значения электронно-цифровых следов, используемых для эффективного расследования мошенничеств, совершенных в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Способы совершения деяний рассматриваемого вида предопределяют специфику механизма следообразования и свидетельствуют о дистанционном характере преступлений, что обуславливает необходимость изучения и выявления закономерностей механизма следообразования не только материальных и идеальных следов, но и электронно-цифровых. Так, собранные в процессе предварительного расследования электронно-цифровые доказательства можно использовать для привлечения нарушителей закона к уголовной ответственности. К тому же электронно-цифровые доказательства могут раскрыть механизм совершения преступления, выявить последовательность его совершения, предоставить следствию информацию о случившемся, опровергнуть или подтвердить показания свидетелей и идентифицировать вероятных подозреваемых.

В процессе проведения исследования следов, образованных в информационном пространстве, на практике возникают разного рода проблемные вопросы, вызванные следующими обстоятельствами. Мошенники, стараются приложить максимальные усилия для удаления доказательств их преступных действий из памяти средств сотовой связи, персонального компьютера, а также памяти интернет-браузера, хранящего истории посещения сайтов, ссылки на фишинговые страницы и так далее. А. Л. Осипенко указывает на особую сложность обнаружения электронно-цифровых следов, обуславливая это тем, что данные следы рассматриваются по множеству объектов, таких как компьютерная система жертвы, преступника, провайдера, промежуточные сетевые узлы [3, с. 187].

Анализируя обозначенные обстоятельства, мы пришли к выводу о том, что формирование и широкое распространение информационных технологий, а также их использование в криминальной деятельности стали основаниями для выделения электронно-цифровых следов в самостоятельную группу следов, принимающих участие в воссоздании картины механизма следообразования рассматриваемых преступлений.

В подтверждение названной позиции об электронно-цифровых следах необходимо учесть мнение П. В. Мочагина, который предлагает к двум традиционным формам следообразования добавить третью, выраженную в закреплении следов в виртуально-информационной и технико-компьютерной сфере [4, с. 89]. С мнением П. В. Мочагина трудно не согласиться, так как развитие информационных технологий вызывает потребность не только в совершенствовании тактики расследования новых преступлений, но и в обновлении современных представлений о механизме следообразования и классификации следов преступной деятельности.

Вместе с тем согласно позиции, высказанной В. А. Мещеряковым, под «виртуальными следами понимаются любые изменения состояния автоматизированной информационной системы (образованного ею кибернетического пространства), связанные с событием преступления и зафиксированные в виде компьютерной информации (т. е. информации в виде, пригодном для машинной обработки). По мнению автора, «виртуальные следы» занимают промежуточное положение между идеальными и материальными следами. В обоснование необходимости выделения следов такого рода В. А. Мещеряков указывает на то, что «виртуальные следы» приближены к материальным следам, так как существуют реально на материальном носителе, их обнаружение и изъятие возможно только с применением программно-технических средств, потому что непосредственно они восприниматься не могут. В то же время включить их в состав материальных следов нельзя, в них существует доля субъективной природы, т. к. зависят они от способа их считывания, не имеют жесткой связи с устройством, осуществившим запись информации, являются весьма неустойчивыми, что приближает их к идеальным следам. Идеальными виртуальные следы также не являются, т. к. хранятся не в памяти человека, а в памяти технического устройства [5, с. 104].

Кроме того, рассматривая сущность таких следов, оставляемых мошенниками в информационно-телекоммуникационной среде при совершении противоправных деяний, можно выделить некоторые их особенности:

1. Электронно-цифровые следы могут быть изменены или уничтожены злоумышленниками, не оставляя при этом никаких явных признаков искажения.

2. Электронно-цифровые следы можно восстановить, их копию исследовать так, как если бы это был оригинал. Зачастую успешной практикой при работе с рассматриваемыми следами считается изучение их копий. Это позволяет избежать риска изменения или повреждения оригинального источника доказательства.

3. При исследовании электронно-цифровых следов можно определить была ли информация подделана или изменена.

4. Электронно-цифровые следы практически невозможно уничтожить. В случае удаления какого-либо файла, его можно восстановить, используя при этом специальные инструменты.

Таким образом, в результате исследования было установлено криминалистическое понятие электронно-цифровых следов, под которыми предложено понимать изменение состояния автоматизированной системы, а также информации, которая содержится в памяти электронно-вычислительных средств (приборов), непосредственно связанных с преступной деятельностью злоумышленника. Отметим, что, в свою очередь, электронно-цифровые следы занимают пограничное положение между идеальными и материальными следами.

Необходимо подчеркнуть, что сотрудники правоохранительных органов часто встречаются с процедурными проблемами, такими как несвоевременное получение доступа к данным на зашифрованных устройствах или в облаке. К тому же необходимо неизменно устанавливать связи между виртуальными и физическими носителями информационных следов и оценивать вероятность получения доказательств по одной теории в сравнении с альтернативными [6, с. 146–151].

Анализ особенностей электронно-цифровых следов ставит перед необходимостью выразить мнение о том, что быстрое развитие технологий и компьютерной преступности вызвало значительный спрос на людей, которые могут собирать, анализировать и интерпретировать рассматриваемые следы более эффективно.

Учитывая данный факт, необходимо привлечение специально подготовленных и обученных лиц в области цифровых расследований, которые могут использовать электронно-цифровые данные для анализа материальных следов предметов, изучение которых позволит извлекать электронно-цифровые следы, хранящие информацию о мотивах, целях преступной деятельности мошенника. Такой специалист, анализируя полученные данные, может получить максимально полную информацию о жертве, мошеннике, а также взаимосвязи мошенника и его персонального компьютера или сотового телефона.

В связи с этим мы пришли к выводу о том, что, несмотря на распространенность электронно-цифровых следов, в нашей стране мало специалистов, ко-

торые на должном уровне обладают специальными знаниями и разбираются в доказательственных и технических вопросах, связанных с рассматриваемыми следами. В результате электронно-цифровые следы часто становятся упущенными из виду следователем либо остаются собранными с различными нарушениями обращения с такими следами и анализируются правоохранителями неверно. Именно поэтому, по нашему мнению, так необходимо развитие цифровой криминалистики, в частности вопросов, касающихся следственных аспектов обработки электронно-цифровых следов.

Обобщая сказанное, требуется сказать о важности и криминалистической значимости постоянного обновления учебных программ в высших учебных заведениях, принимая во внимание тот факт, что повсеместное распространение информационных технологий требует, чтобы каждый сотрудник правоохранительных органов имел более глубокие знания об электронно-цифровых следах. В частности, растет потребность в квалифицированных специалистах, обладающих навыками сохранения цифровых следов, извлечения из них полезной информации и интерпретации этих следов для понимания ключевых аспектов информационно-телекоммуникационного мошенничества. Даже когда сбор, анализ и трактовку цифровых следов выполняет один человек, целесообразно рассматривать эти задачи отдельно, так как каждая область специализации требует различных навыков и процедур, и рассмотрение их по отдельности упрощает определение обучения и стандартов в каждой области. Невозможно переоценить важность общепринятых стандартов практики и обучения в области цифровой криминалистики, поскольку они снижают риск неправильного обращения с доказательствами и ошибок при их анализе и интерпретации. А недостатки, возникающие в процессе обнаружения, исследования, а также сбора электронно-цифровых следов, представляют угрозу для эффективного расследования, предотвращения преступлений в сфере информационных технологий, задержания или преследования правонарушителей.

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД. URL: <https://мвд.рф/reports/item/21551069/> (дата обращения 12.11.2020). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М. 2001. С. 49. [Вернуться к статье](#)

3. Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы : монография. Омск : Омская академия МВД России, 2009. 480 с. [Вернуться к статье](#)

4. Мочагин П. В. Новые формы слепообразований в криминалистике и судебной экспертизе // Судебная экспертиза в парадигме российской науки: материалы 54-х криминалистических чтений. М. : Академия управления МВД России. 2013. С. 98. [Вернуться к статье](#)

5. Мещеряков В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 104. [Вернуться к статье](#)

6. Островский О. А. Аспекты современных проблем расследования преступлений, связанных с изъятием цифровых следов и предоставлением соответствующих доказательств // Вестн. Алтайск. акад. экономики и права. № 3. 2019. С. 146–151. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.01

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ — НОВЫЙ ВЫЗОВ
УГОЛОВНОГО ПРАВА****И. О. Ткачев**

Уральский государственный юридический университет,
доцент кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: tkachyov@mail.ru

***Аннотация.** Уголовное право должно отвечать потребностям общества, обусловленным развитием научно-технического прогресса. Это требует признания роботизированных систем, функционирующих на основе технологии искусственного интеллекта, адресатами уголовно-правового воздействия. Такое воздействие может осуществляться путем применения к роботам иных мер уголовно-правового характера, которые не ставят своей целью воздание за совершение преступления. При этом концепция уголовной ответственности роботов во многом оказывается сходна с концепцией ответственности юридических лиц, которая последовательно реализуется в зарубежном уголовном праве.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, робот, уголовная ответственность, меры уголовно-правового характера, уголовно-правовое возмездие.*

***Annotation.** Criminal law should meet the needs of society, conditioned by the development of scientific and technological progress. This requires the recognition of robotic systems operating on the basis of artificial intelligence technology as addressees of criminal law. Such influence can be carried out by applying to robots other measures of a criminal-legal nature, which do not set as their goal retribution for the commission of a crime. At the same time, the concept of criminal liability for robots is largely similar to the concept of liability of legal entities, which is consistently implemented in foreign criminal law.*

***Keywords:** artificial intelligence, robot, criminal liability, measures of a criminal-legal nature, criminal-legal retribution.*

Человечество переживает период небывалого научно-технического прогресса. При этом его темпы только ускоряются. В связи с этим Р. Курцвейл предположил, что к 2045 г. произойдет событие, которое некоторыми футурологами именуется как «технологическая сингулярность», после которой научно-технический прогресс станет настолько быстрым, что его дальнейшее развитие будет просто невозможно предвидеть [1, с. 43–44].

Основным вектором развития научно-технического прогресса являются роботизированные системы, основанные на технологии искусственного интеллекта. Создание и широкое внедрение таких систем во все сферы человеческой

жизни неизбежно ставит новые вопросы перед правом в целом и уголовным правом в частности.

Применительно к уголовному праву проблема искусственного интеллекта рассматривается, как правило, через призму ответственности за вред, причиненный с использованием соответствующих роботизированных систем. Причем в большинстве случаев исследователи приходят к выводу о том, что этот вопрос должен быть решен путем разграничения сфер ответственности между создателем робота (т. е. разработчиком алгоритма, на основе которого функционирует его искусственный интеллект) и его оператором, т. е. владельцем. Иными словами, сам робот уголовной деликтоспособностью не наделяется и рассматривается не в качестве субъекта соответствующего общественно опасного деяния, а в качестве орудия его совершения.

Объясняя такой подход, А. Г. Кибальник и П. В. Волосюк полагают, что робот не способен нести уголовную ответственность в силу того, что не поддается уголовно-правовому воздействию. При этом подверженность такому воздействию указанные исследователи, очевидно, связывают с возможностью осознавать факт привлечения к уголовной ответственности и наличием переживаний по этому поводу. В результате данные авторы приходят к выводу, что, если даже самого интеллектуально продвинутого «взбесившегося» робота пустить под пресс за причиненный вред, вряд это можно считать исполнением наказания в уголовно-правовом смысле [2, с. 177].

Впрочем, такой подход ограничен представлением об уголовной ответственности и наказании, сложившемся в отечественной уголовно-правовой доктрине на современном этапе ее развития.

Так, согласно положениям ч. 2 ст. 43 УК РФ, наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях *исправления* осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Очевидно, что исправление робота в уголовно-правовом смысле этого слова невозможно. В настоящее время такое «исправление» осуществимо только путем изменения оператором заложенного в работе «алгоритма» функционирования его искусственного интеллекта (т. е. перенастройки программного обеспечения). То есть изменение «поведения» является результатом не рефлексии робота, а следствием внешнего, «механического» по отношению к нему воздействия, сродни тому, которое применительно к человеку было описано в романе Энтони Бёрджеса «Заводной апельсин».

Однако нам представляется, что именно уголовное право (как, впрочем, и иные отрасли) должно подстраиваться под потребности, которые объективно возникают в связи с развитием научно-технического прогресса, а не наоборот –

мы должны встраивать достижения научной мысли в рамки существующих подходов в доктрине уголовного права и на практике его применения.

Следует обратить внимание, что проблема наделения робота уголовной деликтоспособностью во многом сходна с проблемой наделения такой деликтоспособностью юридических лиц. Очевидно, что юридические лица также, как и роботы, не обладают чувствами, в силу которых способны переживать факт применения к ним мер уголовной ответственности. Более того, достаточно спорным является вопрос о наличии у юридических лиц автономной воли, которая, как известно, является непременным атрибутом вины. Несмотря на это, в том или ином виде концепция уголовной ответственности юридических лиц реализуется многими современными государствами. Сторонники указанной концепции встречаются и среди представителей отечественной науки уголовного права [3]. Бесспорно, признание роботов субъектами уголовной ответственности повлечет за собой необходимость конструирования нового подхода к определению и содержанию вины для указанной категории субъектов. Однако эта задача не выглядит не решаемой.

Впрочем, для того, чтобы обеспечить уголовно-правовой ответ на деяния, совершенные с использованием искусственного интеллекта, отмеченных изменений может и не потребоваться. В отечественной юриспруденции справедливо отмечается, что уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность представляют собой различные по сути понятия [4, с. 27]. Уголовно-правовое воздействие представляет собой реакцию государства на любое общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом. В частности, об уголовно-правовом воздействии допустимо говорить применительно к деяниям, совершенным невменяемыми лицами. В связи с этим уместно задаться вопросом, почему инструментарий уголовного права подходит для ответа на объективно-противоправное деяние, совершенное невменяемым, но оказывается неуместным для оценки поведения робота?

Как известно, задачами уголовного закона являются охрана наиболее важных общественных отношений, перечисленных в ч. 1 ст. 2 УК РФ, а также предупреждение преступлений. Решение этих задач достигается, согласно ч. 2 той же статьи, установлением как наказаний, так и иных мер уголовно-правового характера. При этом меры уголовно-правового характера применяются и к лицам, которые не обладают уголовной деликтоспособностью.

Стоит отметить, что уже достаточно давно в зарубежном уголовном праве сложилась теория «мер безопасности», которые, в отличие от наказания, не ставят своей целью воздаяние за совершение преступления, то есть не несут в себе элемент кары [5, с. 298]. Указанные меры направлены, прежде всего, на преду-

преждевание совершения общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом.

Неслучайно в некоторых государствах юридическое лицо, не считаясь субъектом преступления, тем не менее признается адресатом уголовно-правового воздействия, в связи с чем к нему могут применяться иные уголовно-правовые меры, независимо от их конкретного наименования в уголовном законе. Примером использования такой модели реализации уголовной ответственности может служить глава 15-2 УК Азербайджана. Мы полагаем, что подобные меры могут быть применены и в отношении роботизированных систем, в основу функционирования которых положены технологии искусственного интеллекта.

1. Попова А. В., Абрамова М. Г. Технологическая сингулярность как точка невозврата: назад в будущее? (философско-правовой взгляд) // Russian journal of legal studies. 2018. № 3 (16). С. 39–46. [Вернуться к статье](#)

2. Кибальник А. Г., Волосюк П. В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2018. № 4 (44). С. 173–179. [Вернуться к статье](#)

3. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб. : С.-Петербург. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1998. 40 с. [Вернуться к статье](#)

4. Чучаев А. И., Фирсова А. П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация : монография. М. : Проспект, 2020. 320 с. [Вернуться к статье](#)

5. Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран : учеб. пособие. М. : Проспект, 2014. 336 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

РЕФОРМИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И. К. Трифонова

соискатель Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь

К. В. Врублевская

магистр права

***Аннотация.** В статье подвергнута исследованию реформа судебной системы Российской Федерации, проанализированы наиболее значимые законодательные акты, регулирующие деятельность судебной системы Российской Федерации, а также система гарантий независимости при осуществлении правосудия.*

***Ключевые слова:** суд, судебная власть, совершенствование судебной системы, независимость судей, квалификационная коллегия судей.*

***Annotation.** The article examines the reform of the judicial system of the Russian Federation, analyzes the most significant legislative acts regulating the activities of the judicial system of the Russian Federation, as well as the system of guarantees of independence in the administration of justice.*

***Keywords:** court, judicial power, improvement of the judicial system, independence of judges, qualification board of judges.*

При реализации функций судебной власти огромное значение имеют вопросы построения и работы судебных систем. Организация суда (судоустройство) и организация его деятельности (судопроизводство) должны дополнять друг друга.

Суд как непрерывный процесс и институт взаимодействия людей в настоящее время называют третьей властью. С точки зрения ряда ученых, судебная власть — это первая форма власти, которая предшествовала законодательной и исполнительной. Суд всегда исторически ставился на почетное место. Судебная система любой страны — важнейший инструмент госвласти. В некоторых странах судоустройство и судопроизводство существует в неизменном виде на протяжении веков, в других — реформы происходят значительно быстрее.

Судебные системы как организационные модели судебной власти зависят от формы государственного устройства, определяются правовыми традициями, зависят от политических, экономических и иных факторов.

Реформирование судебной системы Российской Федерации в 90-х гг. поставило важные вопросы ее совершенствования, обусловленные в первую очередь переменами в различных сферах деятельности, в том числе и правосудии как одной из составляющих функций государства.

На первом Всероссийском съезде судей, состоявшемся в 1991 г., был решен важнейший вопрос о создании Совета судей, в задачи которого входило в том числе защита интересов судей и их представление в иных органах госвласти.

Основополагающим в формировании судебной системы и совершенствовании судебной власти России явилось принятие 24 октября 1991 г. Верховным Советом РСФСР Концепции судебной реформы (далее — Концепция), которая предложила решение задач судебной реформы, в т. ч. и по совершенствованию законодательства в области судостройства и судопроизводства, и ставила вопросы по защите и закреплению в законодательных актах демократических позиций организации и деятельности правоохранительных органов, обеспечению доступности и повышению достоверности информации об их деятельности, судебно-правовой статистики; признанию права на разбирательство дел судом присяжных в случаях, установленных законом; организации судопроизводства на принципах состязательности, равенства сторон, презумпции невиновности подсудимого [1].

В Концепции были высказаны предложения по созданию федеральной судебной системы; организации судопроизводства на принципах состязательности, презумпции невиновности; совершенствованию системы гарантий независимости судей и подчинения их только закону.

Главной задачей реформы в Концепции заявлено утверждение судебной власти в госмеханизме как самостоятельной силы на основе теории разделения властей.

В свою очередь, теория разделения властей направлена на то, чтобы предотвратить верховенство одной из властей. Деятельность каждой ветви власти в сотрудничестве должна быть направлена на решение задач, поставленных перед государством в целом.

Одной из первоочередных задач указывался контроль суда в сферах правоохранительной деятельности.

В Концепции было отмечено, что тяжелые условия труда — причина «бегства» работников из правоохранительных органов. В 1990 году уволились по собственному желанию 11,5 % народных и 4,7 % вышестоящих судей РСФСР. Работа в органах юстиции стала менее престижной.

Также отмечалось, что система юстиции России переживает кризис, проявлениями которого являются: неспособность справиться с возложенными на юстицию задачами; кадровый голод, отсутствие сплоченной судейской корпорации, которая бы имела вес и сознательно реализовала интерес права.

Важным успехом судебной реформы являлось создание службы материального обеспечения судов — Департамента судебного управления.

Как отмечал В. Лебедев: «К числу несомненных достижений реформы нужно отнести создание Судебного департамента при Верховном Суде РФ, который принял на себя функции обеспечения деятельности судов общей юрисдикции, а также реализацию мер по совершенствованию механизма финансирования судебной системы» [2, с. 2].

Огромным достижением в становлении реформы является появление Закона «О статусе судей в Российской Федерации» (далее — Закон), принятого 26 июня 1992 г., где впервые обозначены направления обеспечения независимости судей [3].

Так, в силу ст. 1, 9 Закона судебная власть в Российской Федерации принадлежит только судам в лице судей и привлекаемых в установленных законом случаях к осуществлению правосудия представителей народа. Судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной властей. Проявление неуважения к суду или судьям влечет установленную законом ответственность.

Независимость судьи предусматривалась прописанной процедурой осуществления правосудия; запретом какого-либо вмешательства в деятельность по осуществлению правосудия; предоставлением судье за счет государства материального и социального обеспечения, соответствующего его высокому статусу. Судьи, члены их семей, согласно Закону, защищены государством. Органы внутренних дел обязаны принять необходимые меры по обеспечению безопасности судьи, членов его семьи.

Еще одним достижением судебной реформы явилось создание органа судейского сообщества — квалификационной коллегии судей, на которую были возложены важные функции, связанные как с формированием судейского корпуса, так и продвижением судей по службе, их ответственностью и охраной судейской независимости. Появление органа, независимого от правительства, предполагало условия законного функционирования судебной власти.

Впервые в Законе на законодательном уровне было закреплено положение, согласно которому судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, в своей деятельности по осуществлению правосудия они никому не подотчетны.

В 1993 г. в Основном Законе страны — Конституции Российской Федерации — появилось понятие «судебная власть» и было принято несколько конституционных законов: Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и др.

Из ст. 118 Конституции Российской Федерации следовало, что правосудие осуществляется только судом, судебная власть осуществляется через кон-

ституционное, гражданское, уголовное и административное судопроизводство, создание чрезвычайных судов не допускается [4].

Статьей 3 Закона «О судебной системе Российской Федерации», принятого 23 октября 1996 г., подтверждалось положение, согласно которому единство судебной системы Российской Федерации обеспечивалось путем установления судебной системы Российской Федерации Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным конституционным законом; применения всеми судами Конституции, общепризнанных принципов и норм международного права, а также конституций (уставов) и других законов субъектов; признания обязательности исполнения на всей территории Российской Федерации судебных постановлений, вступивших в законную силу; законодательного закрепления единства статуса судей [5].

Однако заключением по результатам парламентских слушаний «О ходе реализации концептуальных положений судебной реформы в Российской Федерации», принятой Советом Федерации Федерального собрания Российской Федерации 24 декабря 1998 года, было указано, что в настоящее время правовая база не в полной мере обеспечивает отправление правосудия. Вступившие в силу законы в полном объеме не реализуются из-за отсутствия необходимого финансового обеспечения, до настоящего времени не преодолены многие теоретические противоречия как в подходах к построению судебной системы, так и в принципах ее функционирования [6, с. 2–4].

Постановлением V Всероссийского съезда судей (27–29 ноября 2000 г.) подтверждено, что период, истекший со времени, когда российский парламент одобрил Концепцию судебной реформы в РСФСР, отмечен установлением в России судебной власти, характеризующейся в качестве самостоятельной ветви государственной власти; наличием у нее необходимых властных полномочий, реализуемых только судами; механизмом неуклонного исполнения вступивших в силу судебных актов.

Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем выступлении на V Всероссийском съезде судей в 2000 г. отметил: «Говоря о главном итоге судебной реформы, хотел бы подчеркнуть: судебная власть в России, несмотря на проблемы, все-таки состоялась. Мы можем и должны это констатировать. В базовых параметрах концепция судебной реформы реализована». В. В. Путин также отметил, что «нагрузка превышает все нормы и подчас становится причиной судебных ошибок, поверхностного, невнимательного рассмотрения дел» [7].

С целью уменьшения загруженности судей был разработан законопроект «О нормах нагрузки на судей», а затем разработана Концепция Федерального закона «О нормах нагрузки судей арбитражных судов, судов общей юрисдик-

ции, мировых судей, работников аппаратов судов, государственных служащих Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и его органов в субъектах Российской Федерации», одобренная постановлением Президиума Совета судей РФ от 8 февраля 2005 г. № 72.

В проекте указанного закона предлагались научно обоснованные нормы, которыми можно было разрешить насущные проблемы, в том числе и распределения нагрузки судей, причем новые нормы нагрузки должны были определить необходимые для современных условий количество судей и других категорий работников для обеспечения эффективной работы и усовершенствования деятельности судов.

Также были приняты предусмотренные Концепцией Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (1992 г.), Гражданский кодекс Российской Федерации (1994 г.), Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (1995 г.), Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (2002 г.), Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (2002 г.) и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (2002 г.) и др.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 ноября 2001 г. № 805 была принята Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2002–2006 годы» (утв. постановлением Правительства РФ от 20 ноября 2001 г.).

На VI Всероссийском съезде судей, состоявшемся в декабре 2004 г., было принято Постановление «О состоянии правосудия в Российской Федерации и перспективах его совершенствования», главным итогом было признано создание обновленной модели российского правосудия, отвечающей потребностям судебной практики и новым демократическим стандартам.

Целями Программы судебной реформы «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 гг., принятой 4 августа 2006 г., было улучшение качества исполнения правосудия, совершенствование судебной защиты прав и законных интересов организаций и граждан, а задачами — обеспечение прозрачности и открытости правосудия; повышение доверия к правосудию; создание оптимальных условий для осуществления правосудия; обеспечение независимости судей. Также предлагались направления развития и совершенствования судебной системы.

В 2011 году Т. Н. Нешатаева отмечала, что в Российской Федерации уже достаточно много сделано для создания самостоятельной и независимой судебной системы, заложены основные принципы судостроительства, приняты процессуальные законы [8].

Тем не менее решению вышеуказанных проблем были посвящены указы от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» и от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», а также Постановление от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы”».

Целями следующей Программы, принятой на 2013–2020 гг., были:

- повышение качества исполнения правосудия;
- улучшение судебной защиты законных интересов и прав граждан и организаций.

В рамках Программы запланировано осуществление мероприятий по обеспечению судей жилыми помещениями, что позволяло бы воплотить в жизнь государственные социальные гарантии, закрепленные ст. 19 Закона.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что согласно положениям Концепции судебной реформы 1991 г. одной из главных задач реформы провозглашалась ратификация судебной власти в государственном механизме как самостоятельной силы, в своей деятельности независимой от исполнительной и законодательной властей.

Это концептуальное положение нашло свое дальнейшее развитие в действующем законодательстве, в том числе согласно п. 2 ст. 1 Закона (в действующей редакции) судебная власть является самостоятельной и действует независимо от исполнительной и законодательной властей. Сходное положение содержится в п. 1 ст. 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации».

Анализ Концепции судебной реформы 1991 г., норм законодательства позволяет утверждать о дальнейшем развитии регулирования самостоятельности и независимости судебной власти от иных ветвей власти как ее важнейших характеристиках.

1. О Концепции судебной реформы в РСФСР [Электронный ресурс] : постановление Верховного Совета РСФСР от 24 окт. 1991 г. № 1801-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Лебедев В. От Концепции судебной реформы к новым идеям развития судебной системы // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 2–5. [Вернуться к статье](#)

3. О статусе судей в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Закон Российской Федерации, 26 июня 1992 г., № 3132-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст: с изм. от 30 дек. 2008 г. М. : Айрис-пресс, 2013. 63 с. [Вернуться к статье](#)

5. О судебной системе Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный конституционный закон от 31 дек. 1996 г., № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
6. Заключение по результатам парламентских слушаний «О ходе реализации концептуальных положений судебной реформы в Российской Федерации», принятой Советом Федерации Федерального собрания Российской Федерации 24 декабря 1998 года // Российская юстиция. 1999. № 2. С. 2–5. [Вернуться к статье](#)
7. Выступление Президента Российской Федерации Путина В. В. на V Всероссийском съезде судей (27–29 ноября 2000 года) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
8. Модернизация статуса судьи: современные международные подходы [Электронный ресурс] / Е. А. Куделич [и др.] ; отв. ред. Т. Н. Нешатаева. М., 2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.3.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПНЫЕ ДЕЙСТВИЯ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ВОЗБУЖДЕНИЕ НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ, А ТАКЖЕ НА УНИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА

В. В. Тростянецкая

Краснодарский университет МВД России,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
e-mail: vikamvd565656@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается и анализируется установление уголовной ответственности с первых источников уголовного права до действующего уголовного законодательства за преступные действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человеческого достоинства.*

***Ключевые слова:** возбуждение ненависти либо вражды, советское законодательство, пропаганда, агитация, история, развитие.*

***Annotation.** The article examines and analyzes the establishment of criminal liability from the first sources of criminal law to the current criminal legislation, for criminal actions aimed at inciting hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity.*

***Keywords:** incitement of hatred or enmity, Soviet legislation, propaganda, agitation, history, development.*

Необходимость проведения исследования становления и развития правовых институтов неоспорима. Подтверждением чему является мысль, изложенная известным русским криминалистом Н. С. Таганцевым, который говорил о том, что изучение истории догмы есть средство понимания современного права через призму применения исторического толкования в сфере действующего законодательства [1, с. 21]. Так, нами были изучены некоторые факты отечественного и зарубежного развития ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а также за унижение человеческого достоинства.

Как известно, возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человеческого достоинства является одним из проявлений экстремизма. Впервые данный термин был применен еще в годы Великой французской революции, но в словари он попал спустя продолжительное время. Изначально применение данного термина вводило в заблуждение и создавало путаницу, и лишь только к началу Первой мировой войны понятие «экстремизм» утвердилось на Западе. В СССР в эти же годы редко употреблялось данное понятие в научной литературе, поскольку проявление крайней приверженности политическим взглядам отечественные ученые называли фашизмом.

Несмотря на столь позднее официальное закрепление термина «экстремизм», корни его проявления уходят глубоко в древние века. Их можно проследить при первых шагах образования государства и расслоения общества на классы [2, с. 234]. Появление государства прежде всего связано с установлением власти, которая брала все в свои руки и достигала поставленных целей всеми возможными способами. В связи с чем образовывался определенный круг, который был не согласен с политикой и методами управления. Следовательно, изначально в древнерусском государстве проявления экстремизма имели только политический оттенок, так как с помощью таких действий, как измена, восстание, переход на сторону врага, угрозы, в те времена решался только вопрос удержания власти, а в рамках Русской Правды и Псковской судной грамоты в большей степени охранялась безопасность государя.

Так, начиная с 1497 года, когда был издан первый кодифицированный правовой памятник Русского государства — Судебник 1497 года, и вплоть до начала XX века отечественное законодательство в области уголовного права развивалось по пути укрепления позиций государства, что явно выражалось в ужесточении ответственности за преступления против государственной власти, а также в расширении перечня тех действий, которые являются преступными.

Первым законодательным актом, который изложил аналог действий, подлежащих уголовной ответственности в настоящее время в соответствии со ст. 282 УК РФ, является Уголовный кодекс РСФСР, который вступил в юридическую силу с 1 июня 1922 года [3, с. 262]. Уголовный кодекс РСФСР от 1922 года был первым советским законодательным актом, который систематизировал уголовно-правовые нормы. В разделе преступлений против порядка управления была расположена ст. 83, которая запрещала преступные действия, содержащие пропаганду, агитацию и призыв к совершению действий, указанных в ст. 75–81 данного кодекса, под угрозой наказания. Проанализировав ст. 75–81 УК РСФСР, можно сказать о том, что основным объектом преступлений, предусмотренных ст. 83 УК РСФСР, будут являться призывы и агитация к бандитизму, массовым беспорядкам, уклонению от воинской обязанности и т. д. А дополнительным объектом действий, запрещенных ст. 83 УК РСФСР, может являться агитация на возбуждение ненависти либо вражды. Таким образом, в законодательных актах продолжали делать упор только на защиту государственной власти и на запрет антисоветской пропаганды.

В новом Уголовном кодексе РСФСР 1926 года статьи, регламентирующие ответственность за преступления экстремисткой направленности, были расположены в главе первой «Контрреволюционные преступления». Данные нормы абсолютно идентичны нормам, содержащимся в главе «Государственные преступления» Уголовного кодекса РСФСР 1922 года.

Важным этапом установления ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человеческого достоинства считается 1927 год, когда ЦИК СССР принял «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления» [4]. Данное положение впервые выделяло преступные действия, направленные на возбуждение вражды, в отдельный состав преступления. Так, ст. 21 главы «Об особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления» устанавливала ответственность за агитацию и пропаганду, направленную на возбуждение национальной и религиозной вражды. В ст. 21 также был прописан квалифицированный состав, который устанавливал ответственность за такие же деяния, но только совершенные при массовых волнениях и обстановке военного времени. В советских учебниках по уголовному праву под агитацией и пропагандой понималось насаждение определенных идей. Отличались они только тем, что агитация подразумевала широкий круг лиц, а пропаганда — строго ограниченный. Но их цели были сходны и включали они в себя возбуждение вражды, ненависти, розни, пренебрежение в отношении какой-либо расы [5, с. 67].

Следующим этапом можно считать введение Уголовного кодекса РСФСР 1960 года. Данный кодекс был уже более грамотно составлен, в нем, помимо названия глав и описания диспозиций, появились названия статей. Анализируемое нами преступное деяние содержалось в ст. 74, которая называлась «Нарушение равноправия граждан по признаку расы, национальности или отношения к религии» (кодекс 1960 г). Видим, что в самом названии статьи законодатель отошел от применения понятий «агитация» и «пропаганда», но в диспозиции он снова прописал их. Основным различием ст. 74 УК РСФСР 1960 года от ст. 282 УК РФ считается то, что в ст. 74 прописывались умышленные действия, в нынешней редакции законодатель отошел от этой фразы.

Основным этапом развития уголовной ответственности, связанной с нарушением прав граждан в зависимости от их вероисповедания, отношения к религии или иной общности, можно считать 90-е годы, когда СССР переживал серьезные изменения в экономической и социальной сферах. Данный исторический этап можно отнести к переоценке ценностей. Поскольку в основу политической деятельности были положены не общегосударственные, а национальные интересы. Основу программ, активно развивающихся в тот момент общественных объединений представляли именно национальные интересы. Это оказывало некоторое влияние на деятельность государственных органов, что со временем приводило к утрате авторитета государственной власти [6]. С появлением новых экономических, социальных и политических программ изменились и цен-

ности, в связи с чем действующая правовая база начала терять свою эффективность и значимость.

Так, 2 апреля 1990 года Закон СССР «Об усилении ответственности за посягательство на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР» содержал в себе уголовно-правовые нормы, запрещающие деятельность, направленную на возбуждение национальной или расовой, религиозной вражды или розни [7, с. 422]. Данный закон стал значимым шагом в попытке урегулирования общественных отношений, которые основывались на религиозной либо расовой принадлежности. Союз ССР нуждался в усовершенствовании национального законодательства, которое прежде всего было бы направлено на национальное определение, а также на установление соответствия согласно новым социально-экономическим и политическим условиям.

Современная редакция ст. 282 УК РФ берет свое начало с момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года, который вступил в юридическую силу с января 1997 года. В первоначальной редакции нового кодекса содержание ст. 282 УК РФ соответствовало ст. 74 УК РСФСР 1960 года и носила название «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды» [8]. Данная уголовно-правовая норма реализовывала п. 2 ст. 29 Конституции РФ: «Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства».

Существенные изменения в ст. 282 УК РФ были внесены в 2003 году. Было прописано действующее сейчас наименование статьи «Возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человеческого достоинства». Также из диспозиции была убрана фраза «пропаганда», которая существовала достаточно долгое время и не давала конкретного понимания, какие действия можно понимать под пропагандой. Одним из главных изменений можно считать то, что был расширен список признаков, по которым преступные действия считаются направленными на возбуждение ненависти либо вражды. К существовавшим ранее расовому, национальному и религиозному признаку добавили половой, языковой признаки, а также признак происхождения и принадлежность к какой-либо социальной группе.

Далее ст. 282 УК РФ неоднократно подвергалась изменениям, они затрагивали только санкции за совершение преступных действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение человеческого достоинства. Значимые поправки были введены Федеральным законом от 28 июня 2014 года № 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные ак-

ты Российской Федерации», он дополнил ч. 1 ст. 282 словами «либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет». Данные изменения на тот период времени, с одной стороны, были необходимыми, поскольку социум не стоял на месте и информационно-телекоммуникационная сеть Интернет приобретала все большую популярность. Поэтому, как и предполагалось, данные изменения оправдали себя и произошел существенный рост выявленных преступлений с использованием сети Интернет. Но с другой стороны, поправки, которые были введены в 2014 году, позволили привлекать к уголовной ответственности людей за действия, которые, возможно, по своей сути не были направлены на возбуждение ненависти либо вражды, а также не имели цели унижать чье-то достоинство. В связи с чем у правоприменителя было широкое поле для выбора действий, которые на основании проведенных проверок признавались преступными. Так, Федеральным законом от 27 декабря 2018 года № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» ст. 282 УК РФ была частично декриминализована, после слова «Интернет» статья была дополнена фразой «лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года». В пояснительной записке к законопроекту говорится следующее: «Не во всех случаях привлечение к уголовной ответственности за деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 282 (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) Уголовного кодекса, является обоснованным». При этом, как отмечается в справке Государственно-правового управления, изменение, предусмотренное Федеральным законом, позволит исключить случаи привлечения к уголовной ответственности за деяния, совершенные однократно и не представляющие серьезной угрозы для основ конституционного строя и безопасности государства.

Таким образом, законодательство прошло большой путь по совершенствованию диспозиции статьи, предусматривающей ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человеческого достоинства. Вносимые поправки и изменения связаны с развитием общества, установкой определенных ценностей и ростом количества совершаемых преступлений, которые могут быть опасны для безопасности государства в целом. Однако следует отметить, что современная редакция ст. 282 оставляет ряд проблемных вопросов, неоднозначно решаемых правоприменительной практикой.

1. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права : Часть общая. Кн. 1. Вып. 1. СПб. : тип. М. Стасюлевича, 1874. 284 с. [Вернуться к статье](#)

2. Петрянин А. В. Развитие норм российского, международного и зарубежного законодательств об ответственности за преступления экстремистской направленности : монография. Н. Новгород. 2012. 234 с. [Вернуться к статье](#)

3. Чистяков О. И. Отечественное законодательство XI–XX вв. Ч. 2. М. : Юристъ. 2006. 374 с. [Вернуться к статье](#)
4. О введении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) [Электронный ресурс] : постановление ЦИК СССР от 25 февр. 1927 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
5. Беляев Н. А., Шаргородский М. Д. Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3. Л. : Изд-во ЛГУ. 1973. 836 с. [Вернуться к статье](#)
6. О дополнительных мерах по обеспечению прав советских граждан, охране суверенитета Союза ССР на территории Литовской ССР : Указ Президента СССР, 21 марта 1990 г., № 3 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР №13. 1990. Ст. 207. [Вернуться к статье](#)
7. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917–1991 гг. М. 1997. С. 422. [Вернуться к статье](#)
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г., № 63 (ред. от 13.06.1996 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. №1. Ст. 282. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.13

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СООБЩЕНИЯ ЛИЦУ О ПОДОЗРЕНИИ В СОВЕРШЕННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ, ОБЪЯВЛЕНИЯ ЕГО В МЕЖДУНАРОДНЫЙ РОЗЫСК И ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ЗАОЧНОМ ВЗЯТИИ ЕГО ПОД СТРАЖУ

В. М. Федченко

Днепропетровский университет внутренних дел Украины,
профессор кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: mixayluz@ukr.net

***Аннотация.** В статье осуществляется теоретическое исследование некоторых проблемных вопросов сообщения о подозрении лицу, объявления розыска подозреваемого и принятия решения о заочном взятии под стражу в то время, когда оно скрывается на территории другого государства.*

***Ключевые слова:** следователь, прокурор, подозреваемый, розыск, следственный судья, мера пресечения.*

***Annotation.** The article carries out a theoretical study of some problematic issues of reporting a suspicion to a person, declaring a wanted suspect, and making a decision on taking into custody in absentia, while he is hiding in the territory of another state.*

***Keywords:** investigator, prosecutor, suspect, search, investigating judge, preventive measure.*

Уголовный процессуальный кодекс Украины (далее — УПК), регламентируя вопросы, которые касаются объявления лица в розыск, условно предусматривает два его основания: 1) подозреваемый скрывается от уголовного преследования где-то в пределах Украины, и его место пребывания органам досудебного расследования неизвестно; 2) подозреваемый скрывается от уголовного преследования где-то за пределами Украины. При этом законодатель как в одном, так и в другом случае использует термин «розыск», не разделяя на государственный или международный.

Далее, регламентируя правовые последствия неявки такого лица к следователю, прокурору либо в суд, а также в случае уклонения от такой явки, законодатель предусматривает уже две формы розыска. Так, в ст. 139 УПК сказано, если подозреваемый, не имея уважительных причин для неявки, все же более двух раз не явился по вызову следователя, прокурора и его объявили в межгосударственный, международный розыск, то данные обстоятельства являются основанием для осуществления специального досудебного расследования [1].

Следует заметить, что с момента принятия решения следственным судьей о проведении специального досудебного расследования такое расследование осуществляется без участия подозреваемого, который скрывается, но с обязательным участием его защитника.

В то же время, поскольку законодатель в нормах УПК четко не определил, с какого именно момента лицо станет подозреваемым, то в случае, когда такое лицо умышленно уклоняется от уголовной ответственности, сообщение о подозрении вручается под расписку его близким взрослым родственникам либо иным лицам, о которых говорится в УПК.

В то же время, учитывая практику решений Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) касательно порядка сообщения лицу о подозрении, следует отметить, что требования официального сообщения о подозрении именно лицу, которое скрывается за пределами государства, компетентные органы которого разыскивают это лицо, являются обязательными [2; 3]. Указанное обстоятельство диктует необходимость сообщить о подозрении данному лицу во второй раз и лично, но за пределами Украины. Такая процедура возможна, если следователь, который проводит расследование, в рамках международного сотрудничества обратится через Офис Генерального прокурора с соответствующим поручением к компетентному органу государства, где указанное лицо скрывается, чтобы ему официально сообщили о подозрении от имени Украины. В иных случаях предыдущее сообщение о подозрении не будет иметь юридической силы, поскольку его вручение не имело официального характера и непосредственно подозреваемому лицу не вручалось. А поэтому, исходя из практики ЕСПЧ, предыдущего сообщения лицу о выдвинутом подозрении не достаточно, поскольку исключительно на сторону обвинения возложена обязанность информировать подозреваемого о характере, причинах такого подозрения и такая обязанность не может быть исполнена путем пассивного предоставления информации о подозрении без обращения на нее внимания подозреваемого [4].

После получения достоверных сведений, что лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, прячется за пределами Украины, у следователя возникают правовые основания объявить такого подозреваемого в международный розыск.

С этой целью следователь выносит постановление об объявлении подозреваемого в международный розыск и направляет обращение в Национальное центральное бюро Интерпола о необходимости установления места пребывания разыскиваемого с целью его задержания и дальнейшей экстрадиции. В то же время по указанной процедуре принять решение относительно предоставления такому розыску статуса «международный» имеет право лишь Генеральный секретариат Интерпола, штаб-квартира которого находится во Франции в городе Лион [5, с. 29].

Следует отметить, что для удовлетворения запроса (обращения) касательно предоставления такому розыску статуса «международный» с одновременным выставлением «красной карточки», что в дальнейшем дает право со-

трудникам Интерпола задерживать разыскиваемое лицо, а органу, который инициировал розыск, ставить вопрос о дальнейшей экстрадиции задержанного, необходимо предоставить в Генеральный секретариат Интерпола определение следственного судьи об избрании для разыскиваемого лица в качестве меры пресечения содержание под стражей.

Однако по законодательству Украины на стадии досудебного расследования в случае неявки подозреваемого без уважительных причин такое лицо может быть объявлено в розыск по постановлению следователя, прокурора (ст. 281 УПК).

В то же время избрать такому подозреваемому меру пресечения содержание под стражей непросто. В этой ситуации следователь по согласованию с прокурором либо сам прокурор может обратиться к следственному судье лишь с ходатайством о получении разрешения на задержание подозреваемого (который не является) с целью его привода к следственному судье для рассмотрения вопроса об избрании ему меры пресечения содержание под стражей (ст. 188 УПК).

Обратиться к следственному судье с ходатайством об избрании меры пресечения содержание под стражей при отсутствии лица, в отношении которого эта мера пресечения будет избираться, закон не разрешает. Об этом, в частности, ведется речь в ч. 1 ст. 193 УПК Украины. Поэтому, в случае удовлетворения ходатайства следователя, следственный судья может вынести лишь определение о разрешении на задержание такого подозреваемого с целью привода к следственному судье для рассмотрения вопроса об избрании подозреваемому меры пресечения содержание под стражей (ст. 190 УПК).

Законодательный запрет возможности избрания подозреваемому лицу меры пресечения в виде содержания под стражей без его присутствия порождает ситуацию, вследствие которой Генеральный секретариат Интерпола имеет право отказать в международном розыске с выставлением «красной карточки» (международного ордера на арест), что, в свою очередь, не дает сотрудникам Интерпола, компетентным правоохранительным органам государства, на территории которого скрывается от уголовного преследования разыскиваемое лицо, даже после установления места нахождения задержать разыскиваемого и подготовить его экстрадицию.

Следующий проблемный вопрос, который тесно связан с предыдущим, возникает, когда прокурор либо следователь по согласованию с прокурором обращается к следственному судье с ходатайством о получении разрешения на проведение специального досудебного расследования. Получение такого разрешения в виде определения следственного судьи дает право осуществить расследование без участия обвиняемого (подозреваемого), который скрывается,

и направить обвинительный акт в суд для его рассмотрения и вынесения окончательного решения по делу в виде обвинительного либо оправдательного приговора.

Однако для удовлетворения ходатайства о получении разрешения на проведение специального досудебного расследования от следственного судьи прокурор, следователь, наряду с другими требованиями закона, также обязаны довести следственному судье и факт укрывательства подозреваемого за пределами Украины с целью избежать уголовной ответственности, а также тот факт, что данное лицо находится в международном розыске. А это значит, что следователь, прокурор на подтверждение предоставленному следственному судье постановления об объявлении подозреваемого (который скрывается) в розыск должны еще представить следственному судье соответствующие документы, справки либо их выписки из базы данных Интерпола, а иначе следственный судья имеет право отказать в предоставлении разрешения на проведение специального досудебного расследования (ст. 297-4 УПК).

Впрочем, следует заметить, что в соответствии с действующим УПК Украины во время рассмотрения ходатайства о проведении специального досудебного расследования законодатель не требует доводить следственному судье факты, обстоятельства, которые свидетельствуют, что подозреваемый действительно находится в международном розыске. Хотя следственная практика, которая сложилась по этому вопросу, а также решение Высшего специализированного суда по рассмотрению гражданских и уголовных дел, что нашло свое отражение в официальном письме этого суда, свидетельствует о том, что следователь, прокурор, подавшие ходатайство на проведение специального досудебного расследования, обязаны доводить следственному судье факт того, что подозреваемый действительно находится в международном розыске. И это подтверждается соответствующими документами (справка, выписка и т. д. из базы данных Интерпола) [6].

Конечно же, при таких требованиях ни следователь, ни прокурор для подтверждения факта пребывания подозреваемого в международном розыске не смогут во время рассмотрения ходатайства о проведении специального досудебного расследования представить следственному судье указанные выше документы, поскольку в базе данных Интерпола их просто не будет.

Таким образом, правовая неопределенность, а также существующая законодательная коллизия требуют своего урегулирования по следующим вопросам: 1) момент, с которого лицо приобретает статус подозреваемого, когда его место нахождения неизвестно; 2) момент, с которого розыск подозреваемого лица, уклоняющегося от уголовной ответственности на территории другого государства, приобретает статус «международного»; 3) необходимо ли дово-

дить следственному судье во время рассмотрения ходатайства о специальном досудебном расследовании факт того, что подозреваемое лицо действительно находится в международном розыске. Существующие на сегодняшний день требования приводят к тому, что лицо, которому удалось после совершения уголовного преступления выехать за пределы Украины в другое государство, может вообще избежать уголовного наказания либо привлечь такое лицо к уголовной ответственности согласно нормам отечественного законодательства очень затруднительно.

Разрешить озвученные проблемные вопросы возможно, если в УПК Украины предусмотреть четкие определения и соответствующие толкования по следующим аспектам: 1) момент, когда лицо приобретает статус подозреваемого, если его место нахождения неизвестно; 2) основания для объявления подозреваемого лица в государственный розыск, в международный розыск, а также, когда розыск приобретает статус международного; 3) при каких условиях следственный судья имеет право избрать меру пресечения подозреваемому лицу (о котором имеются данные, что он скрывается от уголовной ответственности за пределами Украины) содержание под стражей заочно без его присутствия.

1. Кримінальний процесуальний кодекс України [Електронний ресурс] : 13 квітня 2012 р., № 4651-VI: Верховна рада України <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-vi#Text> (дата звернення: 29.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Рішення ЄСПЛ «Ноймайстер проти Австрії» [Електронний ресурс] : 27 червня 1968 р. URL: <https://ips.ligazakon.net/document/ES003761> (дата звернення: 29.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Рішення ЄСПЛ «Екле проти Німеччини» [Електронний ресурс] : 15 липня 1982 р. URL: <https://ips.ligazakon.net/document/ES006515> (дата звернення: 29.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Швердін М. Міжнародний розшук особи, як необхідна умова спеціального (заочного) кримінального провадження (in absentia): проблеми правозастосування. [Електронний ресурс]. URL: https://jurliga.ligazakon.net/ua/analytics/197523_mzhnarodniy-rozshuk-osobi-yak-neobkhdna-umova-spetsalnogo-zaochного-krimnalnogo-provadžhennya-in-absentia-problemi-pravozastosuvannya (дата звернення: 29.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Міжнародне співробітництво у сфері кримінального провадження за законодавством України та Республіки Молдова : навчальний посібник / В. С. Березняк [та ін.]. К. : Алерта, 2019. 310 с. [Вернуться к статье](#)

6. Лист Вищого спеціалізованого суду з розгляду цивільних і кримінальних справ від 04.04.2013 року «Про деякі питання порядку застосування запобіжних заходів під час досудового розслідування та судового провадження відповідно до Кримінального процесуального кодексу України» [Електронний ресурс]. URL: https://ips.ligazakon.net/document/view/vrr00108?utm_source=jurliga.ligazakon.net&utm_medium=news&utm_content=jl03&_ga=2.167197118.187482925.1614713549-1159221524.1578267866 (дата звернення: 29.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.546

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ РАЗВРАТНЫХ ДЕЙСТВИЙ: ПОВЫШЕНИЕ ВОЗРАСТА ПОТЕРПЕВШЕГО ЛИЦА ИЛИ ВВЕДЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СЕКСУАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА УРОВНЕ ШКОЛЫ

В. В. Фурса

Днепропетровский государственный университет внутренних дел,
старший преподаватель кафедры ТСП
e-mail: vvf09@ukr.net

Аннотация. В статье на основе анализа теоретических положений уголовного права исследуются проблемы усовершенствования механизма уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от развратных действий.

Ключевые слова: развращение несовершеннолетних, развратные действия, половые преступления.

Annotation. The article, based on the analysis of theoretical provisions of criminal law, explores the problems of improving the mechanism of criminal legal protection of minors from lecherous acts.

Keywords: sexual intercourse, abuse of minors, dissuasive actions, sexual crimes.

Законом Украины от 14 марта 2018 года № 2334-VIII «О внесении изменений в Уголовный кодекс Украины относительно защиты детей от сексуальных злоупотреблений и сексуальной эксплуатации» изменена редакция ст. 155 и 156 УК Украины. В частности, законом предложена новая редакция ст. 155 УК Украины. В части первой статьи законодатель изменил оценочное понятие «половая зрелость» на конкретный возраст — 16 лет, а также закрепил, что уголовной ответственности подлежат только совершеннолетние лица. В части второй статьи перечень специальных субъектов преступления заменен общим понятием «близкие родственники или члены семьи». Также статья дополнена примечанием, которое отсылает к иному нормативному акту. Изменений в ст. 156 гораздо меньше — в части второй статьи, по аналогии с изменениями в ч. 2 ст. 155 УК Украины, перечень специальных субъектов преступления заменен общим понятием «близкие родственники или члены семьи».

Фактически указанными изменениями законодатель выполнил требования ст. 18 Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия в части рекомендации странам-участникам определить возраст, до достижения которого запрещены половые отношения с ребенком даже при добровольном согласии последнего, и законодательно закрепил возраст, до достижения которого запрещены любые половые отношения с несовершеннолетними — 16-летний возраст.

В то же время необходимо отметить, что в научных кругах неоднократно освещался вопрос о необходимости повышения возраста потерпевшего лица до 18 лет.

Так, С. Н. Авраменко, исследуя вопросы расследования развратных действий, выделяет ряд аргументов в пользу повышения возраста потерпевшего лица до 18 лет. По мнению исследователя, повышение возраста, во-первых, согласует название ст. 156 УК Украины с диспозицией ч. 1 этой нормы; во-вторых, нормы Уголовного кодекса Украины будут согласовываться с положениями международных договоров, ратифицированных Верховной Радой Украины уже долгое время; в-третьих, уголовно-правовой охраной будет охвачена разнообразная сфера половой неприкосновенности несовершеннолетних; в-четвертых, нормальное половое становление личности в период несовершеннолетия будет закладывать высокие идеалы семейных ценностей и содействовать гармоничному развитию нового поколения граждан Украины [1, с. 70–71].

За повышение возраста выступает и А. А. Свитличный. Ученый отмечает, что половая сфера жизнедеятельности молодежи, ее безопасность является сверхважной с точки зрения уязвимости, особенно имея в виду значительную латентность совершенных половых преступлений против несовершеннолетних. Следовательно, предложение по повышению возраста потерпевшего от развращения несовершеннолетнего лица до восемнадцати лет является актуальной и востребованной современной общественно-правовой мыслью [2, с. 88].

Основным аргументом в пользу повышения возраста потерпевшего до 18 лет, по мнению А. А. Свитличного, является физиологическое и психическое развитие ребенка. Ученый указывает, что особенности психофизического полового становления личности не выделяют достижения 16-летнего возраста как определенного рубежного этапа развития несовершеннолетних, наоборот, период с 15 до 18 лет определяется как ранняя юность, выступает периодом завершения физического созревания организма. Следующим аргументом А. А. Свитличный указывает то, что в современных условиях в Украине в целом и в отдельных ее регионах в частности вводится комплекс организационных, правовых, воспитательных и других мероприятий, направленных на обеспечение безопасности несовершеннолетних от преступлений, пивного алкоголизма, наркотической зависимости и тому подобное. Ограничение свободного передвижения несовершеннолетних по городу после 22 часов вечера, запрет продажи пива и сигарет несовершеннолетним, прочие мероприятия, безусловно, способствуют восстановлению правопорядка и существенно снижают виктимность и криминогенность молодежной среды. В качестве третьего аргумента исследователь приводит положение о том, что в уголовном законодательстве многих стран ответственность за развращение несовершеннолетних установле-

на исключительно для лиц, достигших 18-летнего возраста. Таким образом, законодатель возлагает всю полноту социального контроля над сексуальными отношениями в обществе на совершеннолетних членов этого общества. Четвертым аргументом в пользу повышения возраста является то, что, признавая потерпевшей от развратных действий человека, не достигшего 16-летнего возраста, законодатель искусственно лишил уголовно-правовой защиты лиц, которые по объективным причинам не достигли половой зрелости и находятся в активной фазе полового развития [2, с. 87–90].

В целом соглашаясь с аргументами ученых, считаем нецелесообразным на данном этапе повышать возраст потерпевшего до 18 лет, так как повышение возраста не решит проблему совершения развратных действий в силу того, что значительное количество детей вступает в добровольные половые отношения еще в малолетнем возрасте.

Не так давно ЮНИСЕФ обнародовал результаты исследования, которое охватывает в том числе и начало половой жизни подростков. Полученные результаты указывают, что более половины подростков (56 % среди юношей и 58 % среди девушек) имели половые контакты с лицами противоположного пола. При этом с увеличением возраста доля подростков, имевших половые связи с лицами противоположного пола, растет: среди подростков 10–13 лет почти каждый девятый (11 %) имел половой контакт, среди опрошенных 18–19 лет — 92 %.

Среди подростков, которые имели половые контакты с лицами противоположного пола, около половины (46 %) имели первый половой опыт в 14–15 лет, а 17 % — в 6–13 лет. Среди девушек каждая пятая (21 %) имела первый половой контакт в 6–13 лет, а каждая вторая-третья (42 %) — в 14–15 лет. Среди юношей каждый седьмой (15 %) начал половую жизнь в 6–13 лет, а почти каждый второй (48 %) — в 14–15 лет. Первый половой контакт в возрасте 14–15 лет имели 67 % подростков (14–15 лет), 56 % подростков — в 16–17 лет, 37 % подростков — в 18–19 лет.

Среди подростков, которые имели половые контакты с лицами противоположного пола, почти четверть (24 %) имели 3–5 партнеров за последний год, а 12 % — 6 партнеров и больше. Чем старше дети, тем больше среди них тех, кто имел 3–5 партнеров за последний год: среди подростков 10–13 лет таких 14 %, среди подростков 18–19 лет — 27 %. Среди подростков, которые имели половые контакты с лицами противоположного пола, 60 % имеют постоянных сексуальных партнеров, таких 68 % среди девушек и 57 % среди юношей. Чем старше дети, тем больше среди них тех, кто имеет постоянных сексуальных партнеров: 23 % среди 10–13-летних, тогда как среди 18–19-летних — 67 %. Среди подростков, которые имеют постоянных партнеров, четверть (26 %) име-

ли 2 сексуальных партнеров и более за последний год. Девушек это касается в большей степени, чем юношей (31 % и 23,5 % соответственно).

Среди подростков, которые имели половые контакты с лицами противоположного пола, каждый второй (51,5 %) имеет опыт полового контакта со случайным партнером. В большей степени это характерно для мужчин, нежели для женщин (58 % и 38 % соответственно). С увеличением возраста повышается доля подростков, имевших сексуальные контакты со случайными партнерами: от 46 % среди 10–13-летних и 14–15-летних до 56 % среди 18–19-летних.

Среди подростков, которые имели случайных сексуальных партнеров, 38 % имели 2–3 партнеров за последний год, а 28 % — 4 партнеров и больше. Тех, кто имел 2–3 случайных половых партнеров в указанный срок, несколько меньше среди опрошенных 10–13 лет (33 %) и несколько больше среди 16–17-летних (41 %) [3, с. 28–31].

Наряду с этим хотелось бы отметить, что Украина продолжает оставаться страной с наибольшим количеством ВИЧ-инфицированных и при этом основным способом передачи ВИЧ-инфекции остается незащищенный половой акт. Так, по данным Центра общественного здоровья Министерства здравоохранения Украины, на начало 2018 года в стране проживало 244 000 ВИЧ-положительных людей. Каждый сотый гражданин Украины в возрасте от 15 до 49 лет инфицирован ВИЧ. Этот показатель является одним из самых высоких показателей среди стран региона. По данным Европейского центра по контролю и профилактике заболеваемости и Европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения, регион Восточной Европы и Центральной Азии, к которому территориально относится Украина, единственный в мире, где продолжает расти число новых случаев заражения ВИЧ-инфекцией и смертей от СПИДа. Среди путей передачи ВИЧ продолжает расти доля полового способа передачи (65,6 %), однако актуальность парентерального пути передачи при введении наркотических препаратов остается высокой, несмотря на тенденцию к снижению (20,8 %) [4].

Резюмируя, отметим, что почти каждый пятый ребенок начинает половую жизнь еще в малолетнем возрасте. Значительное количество детей, которые начали половую жизнь, имеют несколько половых контактов в год со случайными сексуальными партнерами, а также постоянных сексуальных партнеров, то есть такие дети ведут активную половую жизнь. Значительное количество малолетних и несовершеннолетних, которые ведут половую жизнь, не используют презервативы, а значит, рискуют заразиться болезнями, передающимися половым путем, в том числе и ВИЧ-инфекцией.

Считаем, что при совокупности таких обстоятельств нужно не поднимать возраст потерпевшего лица, а уделять внимание сексуальному образованию

подростков. Сексуальное образование, по нашему мнению, это не только знание о сексуальных отношениях между людьми. Это образование, которое способно передать знания о природе и строении тела человека и физиологических процессах, которые происходят в тот или иной период развития человека. Сексуальное образование предоставит знания о физических и психологических проблемах, с которыми сталкивается человек, начиная половую жизнь, и путях их преодоления; предоставит информацию о репродуктивном здоровье и болезнях, которые передаются половым путем, о средствах контрацепции, порядке их применения и влиянии на организм человека, об интимной гигиене и ее особенностях в зависимости от пола и тому подобное. Также сексуальное образование передаст знания о дружбе, любви и семейных ценностях, о толерантности, взаимоуважении в отношениях, ответственном отцовстве, о сексуальных домогательствах, других половых преступлениях и способах избежать их и не стать жертвой. В конечном итоге сексуальное просвещение приведет к формированию сексуально сознательного человека с высокими моральными ценностями и, как следствие, уменьшит количество ранних половых контактов среди малолетних и несовершеннолетних лиц, а также уменьшит количество половых преступлений в целом. Также сексуальное образование будет служить своеобразным плацдармом для борьбы с инфекционными заболеваниями, передающимися половым путем.

1. Авраменко С. М. Розслідування розбещення неповнолітніх : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Київ, 2017. С. 70–71. [Вернуться к статье](#)
2. Світличний О. О. Кримінальна відповідальність за розбещення неповнолітніх : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Запоріжжя, 2012. С. 87–90. [Вернуться к статье](#)
3. Оцінка соціальної уразливості та поведінкових ризиків щодо інфікування ВІЛ серед підлітків, які живуть або працюють на вулиці / за ред. канд. соціол. наук О.М. Балакіревої ; Представництво Дитячого фонду ООН (ЮНІСЕФ) в Україні, ГО «УІСД ім. О. Яременка». Електрон. дані. К., 2018. С. 28–31. [Вернуться к статье](#)
4. Епідемічна ситуація з ВІЛ-інфекції в Україні станом на 01.04.2019 [Електронний ресурс]. URL: <https://phc.org.ua/kontrol-zakhvoryuvan/vilnid/statistika-z-vilnidu#:~:text=%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%8F%D0%B3%D0%BE%D0%BC%20%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%96%D1%85%20%D0%BF%D1%8F%D1%82%D0%B8%20%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%96%D0%B2,468%20%D0%B4%D0%BE%209%20308%20%D0%BE%D1%81%D1%96%D0%B1> (дата звернення: 28.09.2020). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 347.45.47

3-СТОРОННЕЕ РЕПО. ЛАТВИЙСКИЙ ОПЫТ**Т. С. Юкна**

Рижский университет Страдиня,
преподаватель Юридического факультета,
претендент на научную степень, магистр юридических наук
e-mail: Tatjana.jukna@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена юридическим структурам сделок РЕПО, в частности 3-стороннему РЕПО, с точки зрения особенностей латвийской практики.

Ключевые слова: сделка РЕПО, право собственности, дилетантизм, откуп.

Annotation. The article is devoted to legal structures of Repo transactions, and particularly 3-party repo from the standpoint of the Latvian practice.

Keywords: repo, 3-party repo, financial instruments, securities.

Сделка РЕПО может характеризоваться как продажа ценных бумаг, объединенная с одновременным соглашением их откупа по определенной цене в будущем [1, с. 5]. Иными словами, РЕПО — это сделка между двумя контрагентами, которые продают/покупают и одновременно откупают/продают тот же самый финансовый инструмент. Расчеты по продаже/покупке происходят в ближайшую дату, а по откупу/продаже — в более отдаленную дату. Таким образом, права собственности на финансовый инструмент ограничены установленным сторонами сроком — сроком сделки. Существенное отличие РЕПО от сделки купли-продажи состоит в том, что в течение срока РЕПО между сторонами существуют взаимные обязательства, среди которых следует упомянуть обязательство собственника передать доход от финансового инструмента продавцу, обязательство продавца немедленно откупить финансовый инструмент при неблагоприятных рыночных условиях, право покупателя продать финансовый инструмент в случае наступления *stop loss*, право использования финансового инструмента либо, наоборот, ограничение его использования и т. д.

РЕПО имеет как разнообразные структуры, так и различные интерпретации, основным вопросом при которых является следующий: «Что же такое РЕПО с точки зрения права: кредит под залог или купля-продажа?» [2]. Настоящая статья не об интерпретации, а о структуре сделки. При этом невозможно говорить о структуре, не сказав хотя бы несколько слов о залоге.

Ранее финансовые инструменты (ценные бумаги) выпускались в бумажной форме (на предъявителя), в результате чего сложно было отличить ручной залог (заклад) от продажи, поскольку в обоих случаях происходила физическая передача бумаги [3, с. 137–144]. Именно поэтому проблематика права собственности на ценные бумаги была затронута учеными (Федоров, Нефедьев,

Цитович, Шершеневич, Нерсесов, Голмштейн) более века назад. Сейчас же финансовый инструмент — это всего лишь электронная запись, а право собственности на финансовый инструмент подтверждает выписка со счета, при этом собственник счета секундарно признается собственником финансового инструмента. Таким образом, смена права собственности может быть осуществлена лишь передачей электронной записи со счета продавца на счет покупателя. В случае же залога финансовый инструмент «блокируется» на счете продавца либо переводится на специальный залоговый счет, в результате чего изменения титула не происходит, а выписка подтверждает залоговое право. Казалось бы, что более юридических проблем возникать не должно и все предельно просто: статус права фиксируется выдаваемым документом, но вещь в залог может быть передана и с передачей титула (права собственности). Такой подход широко распространен в английском праве [4, с. 674–676]. Иными словами, при использовании английского подхода выписка подтверждает титул, но не подтверждает отсутствие залога с передачей титула.

Исторически Латвия не являлась страной, в которой бы признавались залоговые с передачей права собственности (титула), не содержит соответствующего раздела и Гражданский закон (*Civillikums*) Латвии [5], принятый в 1937 году и действующий по настоящее время. Хотя на практике уже задолго до внедрения в латвийскую правовую систему Директивы «О финансовом обеспечении» [6], узаконившей залоговые с передачей титула, именуемые финансовым обеспечением с передачей права собственности, наблюдались единичные попытки перенять в качестве залога титул на финансовые инструменты, приобретаемые в рамках брокерской торговли, который оформлялся при помощи РЕПО.

Но наиболее интересным примером с точки зрения конструкции сделки РЕПО, существовавшей еще до введения директивы, в котором явно прослеживается залоговый характер, является пример сделки РЕПО на портфель ценных бумаг, находящихся под управлением [7, с. 37–38]. В рамках описываемой сделки портфель был передан покупателю (банку), при этом покупатель, являясь собственником портфеля, признал права управляющего портфелем, которого назначил продавец (предыдущий собственник) для управления портфелем (отчуждения и приобретения бумаг). Иными словами, предыдущий собственник опосредованно, т. е. через управляющего, сохранил за собой право влиять на состав собственности нового собственника в течение срока РЕПО. Вышеописанная конструкция добавила новое право бывшему собственнику и ограничила нового собственника в его праве использования портфеля.

3-стороннее РЕПО тоже является одной из возможных юридических структур сделки. Эта структура развивалась достаточно стремительно на протяжении последних 20 лет [1, с. 23–43], что во многом объясняется изменением

вещной формы финансового инструмента с материальной на нематериальную (электронную).

Рассмотрим более детально структуру, для этого изначально обратимся к классической сделке РЕПО, которая может иметь следующие характеристики:

- а) сделка заключается между двумя контрагентами;
- б) контрагенты вступают в юридические отношения непосредственно;
- в) сделка состоит из двух этапов (начальной покупки/продажи и завершающего откупа/обратной продажи);
- г) обязательства существуют между контрагентами в течение срока сделки;
- д) на начальном этапе покупатель должен передать деньги продавцу, а продавец должен передать покупателю финансовые инструменты;
- е) на завершающем этапе продавец должен передать покупателю финансовые инструменты, а покупатель продавцу — деньги.

В течение всего срока сделки оба контрагента принимают риск неисполнения обязательств второй стороной, продавец передаст бумаги, но не получит денег и наоборот, покупатель оплатит деньги и не получит бумаг. Таким образом, для уменьшения риска деньги следует держать до момента, пока не получены бумаги, либо не передавать бумаги, пока не получены деньги. Если ни одна из сторон не пойдет на уступку, а именно, не исполнит свои обязательства первой и не примет на себя риск неисполнения контрагента, то сделка попросту не состоится. Поэтому для уравнивания рисков контрагентов используется третья сторона, гарантирующая расчеты по принципу «поставка против платежа» (*Delivery versus payment*), если каждая из сторон исполняет свои обязательства [8, с. 30].

Иными словами, покупатель и продавец должны передать свои активы (деньги и финансовые инструменты) третьему лицу, что является определяющим условием расчета. Если один из контрагентов свои активы не передаст, то третья сторона вернет активы передавшему контрагенту, т. е. контрагент, исполнивший свои обязательства, не потеряет права собственности на активы в случае неисполнения контрагента [9, с. 3].

При вышеописанной структуре роль третьей стороны сравнима с ролью, которую выполняет банк, обслуживающий сделки купли-продажи недвижимости в рамках счета сделки (*Darījumu konts*). Третья сторона в 3-стороннем РЕПО не является контрагентом по РЕПО. Природа обязательства третьей стороны отличается от природы обязательств контрагентов по РЕПО, также как и отличается природа обязательств продавца и покупателя недвижимости и банка, обслуживающего счет сделки. Банк никогда не является контрагентом по сделке купли-продажи, эта сделка является отдельной и самостоятельной сделкой

между покупателем и продавцом, в свою очередь, метод и порядок оплаты установлены в самостоятельном отдельном 3-стороннем соглашении между покупателем, продавцом и банком.

Аналогичная конструкция используется и в 3-стороннем РЕПО: 2-сторонний договор РЕПО и 3-стороннее соглашение о методах расчетов (техническом исполнении РЕПО). Таким образом, 3-стороннее РЕПО — набор юридических соглашений, но при этом в РЕПО по-прежнему вступают две стороны, а третья в рамках отдельного соглашения обеспечивает лишь расчеты.

В этой связи само название сделки «3-стороннее РЕПО» («*3-party repo*», «*Tri-party repo*») в некоторой степени вводит в заблуждение относительно количества контрагентов в РЕПО. Для целей проверки вышеобозначенной гипотезы были проведены 10 экспертных интервью (представленные семью банками, одним брокерским обществом, двумя специалистами надзорного учреждения). Только 30 % интервьюируемых были знакомы с понятием 3-стороннего РЕПО, при этом детально пояснили юридическую конструкцию РЕПО лишь двое. После пояснения юридической конструкции сделки на вопрос относительно использования ее в сделках с клиентами были получены отрицательные ответы, а представители надзорной институции не припомнили ни одного случая, когда бы подобная сделка наблюдалась при проверке участников рынка.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

- а) только два контрагента участвуют в сделке 3-стороннего РЕПО;
- б) 3-стороннее РЕПО — это набор юридических соглашений, состоящий из сделки РЕПО и соглашения об обслуживании расчетов по сделке РЕПО с выбранной третьей стороной;
- в) 3-стороннее РЕПО — это не новая форма сделки РЕПО, а юридическая конструкция, направленная на минимизацию риска потерь вследствие неисполнения условий одной из сторон;
- г) сходные по своей структуре с 3-сторонним РЕПО сделки широко используются на латвийском рынке в сделках с недвижимостью;
- д) сама по себе конструкция 3-стороннего РЕПО не является новой, модернизирована и компьютеризирована лишь практическая реализация сделки;
- е) 3-стороннее РЕПО не используется на латвийском рынке.

1. Repo Markets: Draft Background Notes / World Bank Services; Martinez-Resano, Jose. Ramon. New York : Gemloc Advisory, 2010. P. 70. [Вернуться к статье](#)

2. Юкна Т. С. Правовой дилетантизм в формировании практики заключения РЕПО сделок. Латвийский опыт // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Могилев, 2018. С. 424–428. [Вернуться к статье](#)

3. Нерсесов Н. О. О БумагахЪ на предЪявителя сЪ точки зрѣнІя гражданского права: Историко-догматическое изслѣдованіе. М. : Университетская типография Императорскаго Московскаго Университета, 1889. С. 188. [Вернуться к статье](#)
4. McKendrick. Goode on Commercial Law. Ed. 5 London : LexisNexis UK and Penguin Books, 2016. P. 1388. [Вернуться к статье](#)
5. Civillikums. Valdības Vēstnesis, 41, 20.02.1937. URL: <https://likumi.lv/ta/id/225418> (pieejas datums: 01.03.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
6. Directive 2002/47/EC of the European Parliament and of the Council of 6 June 2002 on financial collateral arrangements OJ L 168, 27.6.2002, p. 43–50 [Electronic resource]. URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2002/47/oj> (date of access 01.03.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
7. Torgāns K. Saistību Tiesības II. daļa. Macību grāmata. Rīga : Tiesu Namu Aģentūra, 2006. lpp. 359. [Вернуться к статье](#)
8. Euroclear. Understanding repos and repo markets. Triparty Collateral management team. Brussel: Euroclear, 2009. P. 70. [Вернуться к статье](#)
9. Copeland A., Duffies D., Martin. A., McLaughlin S. Key mechanics of the U.S. Tri-party Repo Market., 2012. P. 12 [Electronic resource]. URL: <https://www.newyorkfed.org/medialibrary/media/research/epr/2012/1210cope.pdf> (date of access: 01.03.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 378 (075.8)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ КУРСАНТОВ В ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЕ

А. С. Андрианова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
e-mail: andrian-anna@yandex.ru

***Аннотация.** В статье определяется понятие дистанционного обучения, характеризуются условия его эффективности, рассматриваются особенности организации обучения курсантов в дистанционной форме.*

***Ключевые слова:** дистанционное обучение, эффективность дистанционного обучения, академическая компетентность курсантов, образовательный процесс.*

***Annotation.** The article defines the concept of distance learning, characterizes the conditions of its effectiveness, and considers the features of organizing the training of cadets in the distance form.*

***Keywords:** distance learning, effectiveness of distance learning, academic competence of cadets, educational process.*

Усложнение эпидемиологической ситуации во всем мире в связи с распространением COVID-19 актуализировало необходимость изменений в системе образования. В странах постсоветского пространства основной формой организации образовательного процесса является система аудиторных занятий, которая не может быть использована при введении мер социального дистанцирования и, как следствие, возникает необходимость перехода к дистанционному обучению (далее — ДО), под которым понимается «организация образовательного процесса, основанная на использовании информационно-технической образовательной среды для обмена учебной информацией на расстоянии, интерактивном взаимодействии обучающихся и преподавателей в процессе обучения» [1, с. 22].

ДО характеризуется гибкостью, модульностью, специальными средствами обучения и контроля качества усвоения знаний обучающимися. ДО в настоящее время реализуется в двух формах: асинхронное ДО, при котором создается система методических материалов для самостоятельного освоения учебного материала, и синхронное ДО, реализуемое посредством проведения лекцион-

ных, семинарских, практических занятий с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ).

Переход на систему ДО в учреждении высшего образования МВД Республики Беларусь предполагает значительное увеличение доли самостоятельной работы курсантов. Возникает необходимость определения условий обеспечения эффективности ДО, в качестве которых выступают эффективность взаимодействий «преподаватель — курсант», «курсант — виртуальная среда» и «курсант — курсант», формирование атмосферы сотрудничества, применение инновационных технологий в образовательном процессе, доступность и высокое качество методических материалов, а также наличие обратной связи между обучающим и обучающимся [2, с. 154]. Рассмотрим каждое из перечисленных условий.

Продуктивность взаимодействия «преподаватель — курсант» зависит от множества факторов, среди которых наибольшее значение имеет способность преподавателя быстро адаптироваться к изменяющимся требованиям и владение современными ИКТ. Здесь на первый план выходит не только и не столько владение педагогом учебным материалом и умение его преподнести обучающимся, сколько умение представить информацию в таком виде, чтобы курсанты могли самостоятельно ее изучить, а затем — применить для решения практических задач. При этом возможно использование методов категориально-системного представления знаний: распространение схемы систем (схема «черный ящик», универсальная схема сетей, схема функциональной системы), методов, основанных на идее триадичности (метод триадичных сетей, формально-логический метод дефиниции понятия) и методы категориальной символики (алхимический крест, кельтский крест, пентаграмма у-син, гексаграмма) [3, с. 102].

Реализация ДО невозможна без применения ИКТ. В связи с этим актуализируется потребность в повышении результативности взаимодействия «курсант — виртуальная среда» и, как следствие, качества подготовки методических материалов. Следует отметить, что достаточный уровень развития академической компетентности курсантов позволяет им самостоятельно выстраивать индивидуальные траектории обучения, определять характер учебной деятельности и управлять ею. Здесь существует два проблемных аспекта: потребность обучающихся в руководстве процессом обучения и сложности адаптации к новым формам, применяемым в образовательном процессе. Указанные проблемы могут быть решены при помощи использования возможностей ИКТ и внесения в систему ДО параметров для управления учебной деятельностью обучающихся. Курсант определяет, совершение какого действия даст возможность достигнуть требуемый результат, система оценивает данное действие как «правиль-

ное» либо «не правильное» и формирует систему заданий для конкретного обучающегося [4, с. 483–484]. Рассматриваемый процесс, с одной стороны, позволяет реализовать принцип индивидуализации обучения и помощь в формировании индивидуальной траектории обучения, а с другой — установить обратную связь между преподавателем и курсантом посредством ИКТ.

В настоящее время перечень средств для реализации ДО достаточно широк и включает в себя электронные учебно-методические комплексы дисциплин, электронные учебники, учебные пособия и практикумы, компьютерные программы для отработки определенных умений и навыков (тренинговые программы), учебные фильмы, маршрутные листы и др. Разработчики предлагают пользователям большой выбор платформ для создания конкретных учебных продуктов, неотъемлемыми компонентами которых являются схемы, диаграммы, ментальные карты, денотатные графы, кластеры, фишбоуны и др. Выбор платформы для ДО определяется целями образовательного процесса, размером выделяемого финансирования и количеством пользователей системы. Следует отметить, что в Республике Беларусь в тестовом режиме запущен Единый информационно-образовательный ресурс (<https://eiog.unibel.by>), созданный для обучающихся школ, учреждений профессионально-технического и среднего специального образования. Учреждения высшего образования разрабатывают собственные системы ДО с учетом специфики собственного образовательного процесса. При этом в качестве платформы для системы ДО чаще всего выбирается Moodle.

Создание методических материалов для ДО осуществляется в определенной последовательности, включающей следующие этапы:

1. Разделение учебного контента на учебные модули, самостоятельные структурные единицы, каждая из которых включает цели обучения, теоретический материал, задания для его закрепления, практические задачи. При создании учебных модулей следует ориентироваться на учебную программу дисциплины.

2. Выбор средств представления материала и привлечения внимания обучающихся, графики, анимации. Целесообразно использование средств визуализации теоретического материала (схем, таблиц), предложение широкого спектра различных заданий, смена видов деятельности. Все это позволит привлечь внимание курсантов к учебному материалу и будет способствовать его лучшему усвоению.

3. Определение системы средств и способов контроля усвоения знаний обучающимися. Контроль может быть как входным, позволяющим компьютерной программе определить перечень заданий, которые следует выполнить обу-

чающемся для наиболее полного и успешного усвоения учебного материала, так и промежуточным, и итоговым.

Наиболее распространенная форма, позволяющая быстро оценить достижения курсантов, — тестирование, включающее разноуровневые задания. В теории разработаны требования к содержанию и форме тестовых заданий, которые должны охватывать все аспекты изучаемого теоретического материала и особенностей его применения для решения практических задач. Тестовая форма контроля требует от преподавателя — разработчика заданий значительных временных и интеллектуальных затрат.

Кроме тестирования в качестве средств контроля усвоения знаний могут использоваться такие формы, как реферирование, написание эссе или сообщений, заполнение таблиц, создание ментальных карт и др. Перечисленные формы предполагают творческое выполнение, а потому требуют разработки четких и понятных критериев для оценки результатов деятельности.

Последним компонентом, обеспечивающим эффективность ДО и отличающим его от заочной формы получения образования, является обратная связь. Отсутствие прямого, эмоционального контакта преподавателя и курсантов создает сложности и предопределяет изменение формата проведения лекционных, семинарских и практических занятий. Так, при проведении лекций для визуализации теоретического материала следует увеличить его презентативный объем. Активизация работы обучающихся на семинарах и практических занятиях достигается посредством разработки системы заданий, позволяющих обучающимся самостоятельно вырабатывать умения применять теоретические знания. Такая форма проведения занятий способствует выработке у курсантов навыков сотрудничества, взаимодействия.

ДО изменяет роль и функциональное назначение преподавателя в образовательном процессе:

- администратор системы ДО;
- разработчик курсов;
- организатор ДО;
- тьютор, куратор либо координатор;
- модератор или консультант.

Преподаватель перестает быть ретранслятором знаний и становится помощником в поиске необходимой информации и способов ее изучения.

Сложности с установлением обратной связи посредством видеоконференцсвязи могут быть успешно разрешены посредством использования иных коммуникационных сервисов: чатов, групп в Viber, социальных сетей, электронной почты и т. п.

Подводя итоги, отметим, что специфика ДО состоит в увеличении доли самостоятельной работы обучающего по усвоению материала, предусмотренного учебной программой. В качестве источника информации выступают различные ресурсы, как правило, в электронной форме. В качестве условий эффективности ДО выступают эффективность взаимодействия и сотрудничества участников образовательного процесса, качественный и доступный учебный контент, наличие обратной связи между курсантами и преподавателями.

1. Цыркун И. И., Козинец Л. А., Пунчик В. Н. Генеративное обучение педагогике : программно-методический комплекс для организации самостоятельной работы студентов. Минск : Жасскон, 2005. 192 с. [Вернуться к статье](#)

2. Мурзина Н. П. Профессиональная готовность учителей к дистанционному обучению в условиях напряженной ситуации в обществе и образовании // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2020. № 2 (27). С. 152–156. [Вернуться к статье](#)

3. Аксютин З. А. Ориентиры исследования методологии социального воспитания // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2020. № 3 (28). С. 100–104. [Вернуться к статье](#)

4. Дьячук П. П., Бортновский С. В. Результативность бинарного и полубинарного взаимодействия обучающегося с виртуальной проблемной средой // Образовательные технологии и общество. 2013. № 1 (16). С. 482–499. [Вернуться к статье](#)

УДК 159.9:347.91/.95

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ УСПЕШНОГО МЕДИАТОРА

В. В. Андросова

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
аспирант кафедры психологии и коррекционной работы,
магистр психологии

***Аннотация.** В статье анализируются личностные характеристики будущего медиатора, которые должны быть сформированы уже в повседневной жизни. Рассматривается важность формирования медиативных навыков через обучение приемам медиации в образовательном процессе, наличие которых является необходимым условием для успешной работы в сфере досудебного разбирательства.*

***Ключевые слова:** медиативные навыки, медиация, личностные качества медиатора.*

***Annotation.** The article analyzes the personal characteristics of the future mediator, which should be formed in everyday life. The article considers the importance of the formation of mediation skills through training in mediation methods in the educational process, the presence of which is a necessary condition for successful work in the field of pre-trial proceedings.*

***Keywords:** mediation skills, mediation, personal qualities of the mediator.*

Анализ научно-методической литературы позволил сделать вывод о том, что личностные характеристики влияют на все аспекты жизнедеятельности человека и являются сложными, социально и биологически обусловленными компонентами личности, к которым относятся особенности психических процессов, темперамента, черт характера, специфики поведения и т. д. Несмотря на то, что все эти элементы постоянно находятся в фокусе исследований, в области психологии личностные качества медиатора представляют особый интерес, что обусловлено актуальностью данного вида деятельности на современном этапе развития общества.

Президент национальной организации медиаторов (НОМ) России Ц. А. Шамликашвили считает, что очень важна личность человека, его личностные характеристики и способность следовать принципам профессиональной этики. Ведь очень непросто принимать людей, непросто устраниваться от своих симпатий, антипатий. Несомненно, личность медиатора является важным аспектом процесса медиации и может рассматриваться как основной инструмент, где индивидуальные компоненты и особенности личности вместе с технологией медиации играют важную роль. «Ценности, убеждения, способности, установки, уровень компетентности и другие качества специалиста формируют

основу, на которой вырастает мастерство медиатора», — отмечает Ц. А. Шамликашвили [1, с. 57].

В силу того, что на сегодняшний день отсутствуют исследования, дающие однозначный ответ на то, какие качества характерны для успешного медиатора, единственным источником такого рода информации выступают обучающие тренеры-медиаторы, а также практикующие медиаторы, являющиеся экспертами в данном вопросе.

Опираясь на свой опыт, они выделяют ряд качеств, к которым относятся умение анализировать и слушать, а также ясно излагать свои мысли. Также часто выделяют такие качества, как гибкость поведения и мышления, умение управлять своими эмоциями, что подразумевает контроль управления самим собой в целом во избежание давления на каждую из сторон, ссылаясь на собственный опыт и знания.

Исходя из того, что технология медиации подразумевает, что медиатор должен меньше говорить и больше задавать вопросы сторонам, то немаловажным является умение вовремя задавать правильные вопросы, вносить конструктивные предложения, что требует также аналитического мышления и высокого уровня эрудированности.

В ходе медиации медиатор приобретает ряд положительных черт личности. Отмечается, что формированию необходимых для медиатора качеств способствует доброжелательность к людям и определенная доля терпения на пути к достижению поставленной цели, высокая работоспособность и стрессоустойчивость, а точнее способность работать в конфликтной, агрессивной среде, а также спокойно реагировать на критику. Но в то же время успешному медиатору необходимо быть целеустремленным, т. к. главная цель в медиативной практике — нахождение компромисса, который бы устроил все стороны, участвующие в процессе [2, с. 11].

Эффективный медиатор близок по темпераменту к сангвинику, качествами которого являются способность к длительной, интенсивной деятельности, требующей быстрых реакций при длительной концентрации, уверенность в себе, профессионализм, желание найти выход из сложных ситуаций, а также организаторские способности, которые отражаются в личности медиатора проявлением лидерских качеств в продуктивной организации людей.

О. В. Аллахвердова также уделяет особое внимание тому, какие качества формируются уже в процессе обучения медиации. К ним относятся «толерантность или терпимость к конфликту, отсутствие страха перед конфликтом, готовность принять людей такими, какие они есть на самом деле, четкое понимание, что справедливость — это понятие абсолютно субъективное» [3, с. 220].

В ходе профессиональной деятельности личность медиатора подвергается трансформации, которая способствует более высокому уровню профессионального развития.

В попытке расширить перечень личностных качеств медиатора ряд авторов определяют списки личностных качеств и способностей, которые приобретаются медиатором. Так, по мнению А. А. Рождествиной, медиатор должен обладать следующими способностями:

- нейтральность (помогает сторонам обозначить решения, которые им кажутся приемлемыми, не вступая ни с кем в сговор);
- беспристрастность (обращение со всеми сторонами конфликта на равных);
- объективность (безоценочное определение слабых и сильных сторон ситуации);
- гибкость (умение мягко направлять развитие переговоров);
- эмпатичность (понимание мыслей, страхов, надежд и предубеждений, которые стоят за теми предложениями, которые стороны делают друг другу; участникам необходимо чувствовать, что их понимают);
- креативность (умение находить новые идеи и ресурсы рассмотрения проблемы, эмоционально выравнивающие диалог);
- осознанность (фильтрация поступающей информации на предмет наличия в ней здравого смысла и концентрация фокуса на решении проблемы);
- тактичность (уместно подобранные метафоры, использование юмора может ослабить напряжение, подбодрить людей или сделать деликатный намек).

А. Чеглова, изучая структуру медиативной компетентности, выделила следующие характеристики:

1. Психологическая способность медиатора руководствоваться в процессе медиации основными принципами процедуры, где особо важную роль играет беспристрастность и нейтральность. Данная характеристика включает в себя владение приемами саморегуляции, навыки профилактики и гармонизации психического состояния.

2. Развитая коммуникативность. Определяет способность направлять процесс в соответствии с тремя аспектами динамики переговоров:

- тематический (последовательное соблюдение с прояснением всех нюансов);
- психологический (разрядка напряжения, уход от позиции к интересам);
- групповой (от опосредованной коммуникации к восстановлению прямого общения и заключению соглашения) [4, с. 400].

В процессе медиации медиатор приобретает конфликтологическую компетентность — это способность в реальном конфликте осуществлять деятельность, направленную на минимизацию деструктивных форм возникшего конфликтного взаимодействия.

Несомненно, овладение конфликтологической компетентностью является одним из основополагающих факторов работы эффективного медиатора: «Важной составляющей конфликтологической компетентности является практическая конфликтоспособность. Это, прежде всего, способность распознавать конфликтные явления в себе и в окружении как можно раньше и без существенных искажений; способность понимать динамику и движущие силы конфликта и формировать оптимальную стратегию поведения в конкретной ситуации; способность эффективно применять выбранную стратегию при практическом вмешательстве в конфликт» [5, с. 102].

Г. М. Болтунова включает в конфликтологическую компетентность три конфликтологических умения:

- видеть и понимать конфликт;
- уметь прогнозировать и оценивать последствия конфликта;
- владеть средствами диагностирования, предупреждения и разрешения конфликта [6, 65-67].

Т. Е. Майорова выделяет следующие структурные компоненты конфликтной компетентности:

- личностный (ценностно-мотивационная составляющая: самоактуализация, мотивация успеха и боязни неудачи; направленность личности в обществе; эмоциональная составляющая: эмпатия; импульсивность; коммуникативный контроль);
- когнитивный (особенности восприятия конфликта и знания о нем);
- поведенческий (стратегии поведения в конфликте, умение решать конфликтные ситуации) [7, с. 223].

Медиатор в ходе медиации становится абсолютно нейтральным — ему запрещается принимать сторону одного из соучастников инцидента во вред противоположной стороне. Он как объективный представитель в инциденте, а также в остроконфликтных переговорах гарантирует возобновление возможности договариваться у партнеров по конфликту, структурирует разногласие и образует переговорную ситуацию. Медиатор может помочь сторонам вести диалог, а также выработать взаимоприемлемое жизнестойкое разрешение ситуации, наблюдает за этим, для того чтобы диалог был конфиденциальным, изолирует значительное от неважного, принимает эмоции сторон, никак не давая им собственной оценки, стремясь четко осознать, что главное для соучастников медиации.

Между тем Е. Н. Иванова также говорит о том, что важной частью конфликтологической компетентности является эмоциональная компетентность, так как работа медиатора напрямую связана с эмоциональной сферой. Вероятно, это подразумевает следующее: «Любое конфликтное взаимодействие включает в себя целую палитру различных эмоций, которые зачастую препятствуют пониманию друг друга в конфликте. Тем самым они нарушают конструктивное межличностное взаимодействие. Именно поэтому важную роль в профессиональной деятельности медиатора играет высокий уровень эмоциональной компетентности, который помогает определить эмоциональное состояние, а также понять каким образом оно влияет на поведение» [5, с. 151].

Высокий уровень эмоциональной компетентности медиатора, безусловно, способствует эффективному разрешению конфликтной ситуации. Как пишут Р. Фишер и У. Юри, «контроль над эмоциональными вспышками участников конфликтного взаимодействия, выявление и толкование их истинных состояний приводит к “вентилированию эмоций” у противоборствующих сторон и формирует предпосылки для возникновения позитивных эмоций». Поэтому для достижения необходимых результатов в первую очередь требуется предельное внимание к своим эмоциям и эмоциям других людей. Важность здесь заключается не только в том, чтобы «обнаружить» эмоции, а еще и в том, чтобы признать их законными, постараться осознать их причину, а также найти способ их конструктивно разрешить [8, с. 86].

Таким образом, развитие и успешное овладение профессиональными компетенциями, в том числе эмоциональной и конфликтологической, является важной составляющей работы медиатора-практика. Навыки, связанные с эмоциональным интеллектом медиатора, помогают участникам процесса осознать свои чувства и эмоции, связанные с конфликтной ситуацией, а также создать благоприятную атмосферу доверительности и сотрудничества, которая способствует разрешению конфликта. Несомненно, все это — составляющие личности медиатора.

-
1. Кукушкин В. С. Психология делового общения : учеб.пособие. Ростов н/Д. : МарТ, 2003. 368 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Лаврова Н. М., Лавров В. В., Лавров Н. В. Медиатор: модель компетенции // Центр системного консультирования и обучения "Synergia" г. Санкт-Петербург, 2011. 11 с. [Вернуться к статье](#)
 3. Носырева Е. И., Фильченко Д. Г. Развитие медиации в России: теория, практика, образование : сб. ст. / под ред. Е. И. Носырева, Д. Г. Фильченко. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 320 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Столяренко Л. Д. Психология делового общения и управления. Ростов н/Д. : Феникс, 2005. 416 с. [Вернуться к статье](#)
 5. Иванова Е. Н. Конфликтологическое консультирование : учеб. пособие. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2012. 220 с. [Вернуться к статье](#)

6. Болтунова Г. М. Подготовка будущих учителей к разрешению конфликтных ситуаций в педагогическом процессе : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 ; Москов. пед. ун-т. Ишим, 1990. 195 с. [Вернуться к статье](#)

7. Майорова Т. Е. Формирование конфликтной компетентности педагогов, имеющих профессиональную деформацию : автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 ; Рос. гос. пед. университет имени А.И.Герцена. СПб., 2009. 223 с. [Вернуться к статье](#)

8. Шамликашвили Ц. Медиация как метод внесудебного разрешения споров. М. : Межрегион. центр упр. и полит.консультирования, 2006. 86 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ
КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ****Д. В. Бабанина**

Краснодарский университет МВД России,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
e-mail: darbabanina@yandex.ru

Аннотация. К социально-политическим факторам детерминации криминальной субкультуры несовершеннолетних следует относить не только социальные потрясения и кризисные состояния общества, непосредственное влияние криминалитета на несовершеннолетних, но и целенаправленное воздействие на российское общество со стороны враждебно настроенных «оппозиционных» и внешних политических сил.

Ключевые слова: криминальная субкультура, несовершеннолетние, преступность, социальные факторы, политика.

Annotation. The socio-political factors determining the criminal subculture of underage should include not only social upheavals and crisis conditions in society, as well as the direct influence of criminals on underage, but also a targeted influence on Russian society from hostile "opposition" and external political forces.

Keywords: criminal subculture, underage, crime, social factors, politics.

Формирование криминальной субкультуры несовершеннолетних как инструмента «культурного» противостояния официальной культуре общества является своеобразной реакцией несовершеннолетних на различного рода социальные потрясения и кризисные состояния общества.

При этом одним из проявлений кризисного состояния общества и в то же время его катализатором является правовой нигилизм, получивший широкое распространение как в бытовой сфере повседневной жизни, так и в деятельности представителей органов власти. Негативными последствиями нигилизма значительной части членов общества последнее ставится под угрозу потери таких фундаментальных универсальных конструктивных элементов правосознания, как совесть, свобода, справедливость, ответственность, обязанность, солидарность, патриотизм, играющих роль тех руководящих принципов, которые определяют причастность каждого человека к обществу и государству [1, с. 329].

Необходимо учитывать, что острота и крайние формы реакции несовершеннолетних на кризисные явления в обществе (снижение уровня жизни и социальной защищенности, духовно-нравственный кризис, ненадлежащая орга-

низация досуга и отдыха и пр.), с одной стороны, обусловлены объективной уязвимостью и социальной незащищенностью несовершеннолетних по сравнению с иными социальными группами, ограниченными возможностями удовлетворения своих потребностей, а с другой стороны, обусловлены субъективными особенностями, характерными для лиц несовершеннолетнего возраста, такими как социальная незрелость, психоэмоциональная неустойчивость, легкая возбудимость, завышенная самооценка, эгоцентричность и пр.

Существование преступности, ее негативные трансформации и изменения состояния закономерно влияют на криминализацию среды несовершеннолетних. Интенсивность влияния данного фактора во многом зависит от отношения к преступности со стороны всего общества.

Отношение населения России к криминалитету проявляется, как отмечает К. А. Долгополов, «весьма неоднозначно»: «В его структуре нашли себе место и осуждение, и любопытство, и сочувствие. Следует также учитывать исторически случавшиеся периоды достаточно масштабного и глубокого противостояния общества и государства. Анализ влияния данных факторов позволяет говорить о складывании в российском обществе определенной криминальной субкультуры, черты которой часто проявляются в повседневной жизни: учеными отмечаются проявления определенных элементов в повседневном поведении россиян, которые характерны для социально-психологического типа заключенного. При этом следует отметить, что данные элементы достаточно глубоко усвоены обществом в силу значительного количества человек, на протяжении десятилетий отбывавших наказание в местах лишения свободы» [2, с. 38–41].

К сожалению, масштабы криминализации российского общества и сопровождающий ее процесс массового индифферентного или позитивного отношения населения к такому феномену, как криминальная субкультура, указывают на высокий уровень угрозы интенсивной криминализации среды несовершеннолетних.

Криминальная субкультура является инструментом самодетерминации преступности, а ее направленность на несовершеннолетних — необходимое условие реализации данного процесса. Ю. А. Воронин указывает: «Преступность, и прежде всего профессиональная, выступает в качестве своей собственной первопричины. Она воспроизводит себя, создавая и укрепляя криминальную идеологию, мифологию и психологию путем осознанной, целенаправленной деятельности представителей преступного мира. За этими усилиями стоит закономерное стремление носителей криминальной субкультуры к выживанию, паразитированию в конкретных социальных условиях противоправными способами» [3, с. 15].

Обладая огромным негативным нравственным потенциалом (искажая общественное сознание, нивелируя ценность права и формируя правовой нигилизм, создавая ощущение беззакония, порождая чувство страха перед преступностью), криминальная субкультура, противопоставляя криминальную идеологию общественным ценностям, существенным образом влияет на формирование криминальной направленности личности и стойкой преступной ориентации несовершеннолетних лиц. В этом проявляются функции криминальной субкультуры в механизме самодетерминации преступности (обеспечение сплоченности и живучести криминалитета, его коммуникации, активности и мобильности, трансляция идей и мировоззрения криминального мира, обеспечение преемственности поколений). При этом создается реальная угроза нормальному (социально одобряемому) процессу формирования личности, особенно личности несовершеннолетнего [4, с. 263].

Вовлеченные в «орбиту» криминалитета посредством инструментария криминальной субкультуры несовершеннолетние становятся преемниками и трансляторами существующих криминальных практик и традиций, потенциальными и реальными кадровыми и финансовыми ресурсами преступного мира. В свою очередь, формирование собственной криминальной субкультуры несовершеннолетних потенциально опасно возникновением новых форм криминальной активности, с присущими им особенностями мотивации и способов реализации, определяемыми, прежде всего, возрастными характеристиками несовершеннолетних.

Рассматривая факторы детерминации криминальной субкультуры несовершеннолетних социально-политического порядка, следует учитывать и целенаправленное воздействие на российское общество, направленное на его разрушение, в том числе путем формирования различных субкультур несовершеннолетних деструктивной направленности, со стороны «оппозиционных» политических сил, а также внешних враждебно настроенных «игроков» мирового геополитического пространства.

Специалисты в качестве цели распространения в российском обществе молодежной криминальной субкультуры «А.У.Е.», наряду со сбором средств в фонд «взаимопомощи» представителям криминального мира («общак»), находящимся в местах лишения свободы, получением доходов от продажи товаров, имеющих атрибутивную криминальную направленность, в том числе произведенных в местах принудительного содержания, а также непосредственным вовлечением несовершеннолетних и молодежи в совершение преступлений, указывают вовлечение данных лиц в организацию насильственных и протестных акций для продвижения личных идей и интересов [5, с. 181].

В современном обществе информационные технологии в полной мере позволяют манипулировать человеческим созданием, а само развитие технологий манипуляции сознанием конституирует насильственное поведение человека [6, с. 48–49]. Влияние современной информационной среды, к сожалению, перенасыщенной насилием, жестокостью, девиантностью и образцами преступного образа жизни, имеет своим следствием формирование различных субкультур несовершеннолетних, непосредственно или опосредованно включающих в себя элементы преступного поведения и образа жизни. Формированию криминальной субкультуры несовершеннолетних способствуют недостаточная забота общества о них и недостатки социального контроля за различного рода неформальными сообществами несовершеннолетних, в том числе возникающих и формирующихся в социальных сетях и виртуальном пространстве как элемент их социализации.

Как указывают Е. А. Антонян и Е. А. Борисов, «учитывая половозрастную характеристику аудиторий закрытых групп в социальной сети «ВКонтакте», а также контент, содержащийся в данных информационных ресурсах, можно сделать вывод о том, что с молодежью ведут работу взрослые люди, имеющие представления о методах психологической работы с детьми в целях формирования у них необходимого отношения к субкультуре, разбирающиеся в современных тенденциях молодежного интернет-сообщества, а также привлекающие значительные финансовые и временные ресурсы для расширения аудитории групп и создания интересного для молодежи информационного контента» [5, с. 183].

Исходя из истории и характера протестных акций, имеющих место в последнее время на территории Российской Федерации, Республики Беларусь и иных государств постсоветского пространства, сопряженных с вовлечением в них несовершеннолетних и молодежи, а также источников «идейного» наполнения и финансового обеспечения данных акций, можно сделать вывод о имеющем сегодня место целенаправленном формировании различных субкультур несовершеннолетних деструктивной, в том числе и криминальной, направленности со стороны «оппозиционных» политических сил, а также внешних, враждебно настроенных геополитических «оппонентов».

Сегодня подрывная деятельность, направленная как на внутреннюю дестабилизацию российского общества, так и усложнение положения нашей страны на внешне политической арене, зарубежных «оппонентов» осуществляется с использованием различного рода «иностранных агентов». При этом при совершении различных провокаций в целях вмешательства в политику, экономику или при попытках дестабилизации обстановки активно также используются отдельные представители криминального мира и преступные со-

общества. Организационная и финансовая поддержка такой деятельности осуществляется через различные «гуманитарные», «миссионерские» и «просветительские» религиозные, правозащитные, политические и иные организации, учредителями и спонсорами которых преимущественно оказываются зарубежные «оппоненты» России [7, с. 43–48].

Проведя анализ аудиторий различных групп криминальной направленности, фанатских и протестных групп и их коммуникационных «точек пересечения», Е. А. Антонян и Е. А. Борисов пришли к выводу «о целенаправленной работе с агрессивно настроенной молодежью (потенциально агрессивной) по вовлечению их в организацию массовых беспорядков, силовых акций и т. д. с применением базисных постулатов А.У.Е.-идеологии, рассматривающих неподчинение официальной власти и противоборство с сотрудниками правоохранительных органов как основу существования криминального мира, единства арестантов. Далее указанные исследователи отмечают: «Сходные принципы и идеи по неповиновению сотрудникам правоохранительных органов присущи и футбольным фанатам, что позволяет их также вовлекать в протестные группы. Таким образом, консолидация аудиторий данных групп позволяет значительно увеличивать суммарный охват молодежи, а значит, и увеличивать протестный потенциал сторонников данных идей» [5, с. 183].

Целью «субкультурной» агрессии со стороны зарубежных «оппонентов» и местных «оппозиционных сил» является попытка маргинализации и криминализации молодого поколения, а в конечном итоге деградация нашего общества, а также целенаправленное использование несовершеннолетних и молодежи в протестных акциях для дестабилизации власти, нарушения общественного порядка и подрыва общественной и национальной безопасности в целом.

Таким образом, можем сделать следующие выводы. Существование и развитие криминальной субкультуры несовершеннолетних детерминировано не только влиянием различного рода социальных потрясений и кризисных состояний общества, ответом, «контркультурной» реакцией, на которые она выступает, а также непосредственным влиянием криминалитета, оказываемым на несовершеннолетних с целью их криминализации, но и целенаправленным воздействием на российское общество, направленным на его разрушение, в том числе путем формирования различных субкультур несовершеннолетних деструктивной направленности, со стороны «оппозиционных» политических сил, а также внешних враждебно настроенных «игроков» мирового геополитического пространства.

1. Игнатов А. Н., Хун А. З. Социальные факторы детерминации насильственной преступности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 327–335. [Вернуться к статье](#)
2. Долгополов К. А. Факторы, влияющие на криминализацию поведения несовершеннолетних в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11-1. С. 38–41. [Вернуться к статье](#)
3. Воронин Ю. А. Криминальный профессионализм: современные тенденции // Вестн. Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2018. Т. 18. № 1. С. 13–17. [Вернуться к статье](#)
4. Щеголева А. Н. Механизм использования криминальной субкультурой психофизиологических особенностей несовершеннолетнего возраста // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2019. № 2. С. 263–270. [Вернуться к статье](#)
5. Антонян Е. А., Борисов Е. А. К вопросу о популяризации криминальной субкультуры среди молодежи // Lex russica (Русский закон). 2017. № 12 (133). С. 180–186. [Вернуться к статье](#)
6. Игнатов А. Н. Кризис духовной сферы как фактор детерминации экстремизма, терроризма и криминального насилия в целом // Вестн. Калининград. филиала С.-Петерб. ун-та МВД России. 2015. № 3(41). С. 48–50. [Вернуться к статье](#)
7. Игнатов А. Н. Современные угрозы криминологической безопасности Республики Крым // Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 13 марта 2015 г. / под общ. ред. С. А. Буткевича. Симферополь : ДИАЙПИ, 2015. С. 43–48. [Вернуться к статье](#)

УДК 005.963.2:378

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ КУРСАНТОВ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГОВ- НАСТАВНИКОВ В ВУЗАХ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. С. Бельский

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры прикладной физической
и тактико-специальной подготовки

Т. И. Вишневская

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин,
магистр юридических наук
e-mail: Tanya-shukailo@yandex.ru

***Аннотация.** В настоящей статье обосновывается важность развития института наставничества в вузах Министерства внутренних дел Республики Беларусь, рассматриваются основные направления деятельности педагогов-наставников, подчеркивается особая значимость формирования гуманистических нравственных ориентаций курсантов, высоких моральных ценностей, позитивных правовых чувств, установок и, как результат, становления правовой культуры сотрудников органов внутренних дел.*

***Ключевые слова:** наставничество, педагог-наставник, курсант, правовая культура.*

***Annotation.** This article substantiates the importance of the development of the institution of mentoring in the universities of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, examines the main areas of activity of teachers-mentors, emphasizes the special importance of the formation of humanistic moral orientations of cadets, high moral values, positive legal feelings and attitudes and, as a result, the formation of legal culture. employees of internal affairs bodies.*

***Keywords:** mentoring, teacher-mentor, student, legal culture.*

Специфика военизированного учебного заведения складывает представление о нем как об особом субкультурном пространстве, включающем одновременно и учебный процесс, и служебную деятельность людей, из которых в дальнейшем формируется кадровый потенциал для ведомственных силовых структур Республики Беларусь. Современный сотрудник милиции — это профессионально грамотный и психологически подготовленный человек, способный к качественному выполнению служебных задач, обладающий высокими морально-нравственными качествами. Тем не менее в настоящее время профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел имеет определенные сложности, вызванные несовершенством отдельных

механизмов построения образовательного процесса в вузах Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Особенностью военизированного вуза является то, что, кроме учебного процесса, курсанты привлекаются к несению службы по охране общественного порядка, нарядам, строевой подготовке и др. Такая специфика обучения обусловлена специальной правосубъектностью сотрудников органов внутренних дел. Будущий участковый, оперуполномоченный или сотрудник инспекции по делам с несовершеннолетними в период учебы должен не только хорошо усвоить теоретический материал, но и приобрести практические навыки, которые позволят профессионально и наиболее эффективно осуществлять задачи, стоящие перед органами внутренних дел.

Соответственно, квалификационный потенциал выпускников вузов системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь необходимо оценивать не только по степени усвоения учебных программ, включая такие специальные дисциплины, как «Тактико-специальная подготовка» и «Оперативно-розыскная деятельность», но и по уровню морально-нравственных качеств. Следовательно, одним из важнейших направлений совершенствования учебной деятельности в вузах Министерства внутренних дел Республики Беларусь в современных условиях является усиление воспитательного аспекта педагогической деятельности.

Сегодня в ведомственных вузах осуществляется такая форма деятельности, как наставничество. Наиболее общим определением термина «наставничество» является следующее. Наставничество — это система обучения. На наш взгляд, наставничество необходимо понимать как технологию психолого-педагогического сопровождения курсанта. Наставничество в вузах Министерства внутренних дел Республики Беларусь должно рассматриваться как процесс педагогического взаимодействия «наставник — обучающийся», направленный на обеспечение благоприятных психологических условий, способствующих успешному формированию у личности профессиональных умений, навыков, владений, нравственности, активности в трудовой деятельности, благополучному решению кризисных ситуаций [1, с. 133].

Отметим, что педагог-наставник формирует убеждения подростка, помогает ему стать достойным, ответственным и благополучным человеком. Очевидно, что наставником может быть только человек с высокими психологическими, педагогическими и интеллектуальными способностями, ответственный, с чувством собственного достоинства. При этом педагог-наставник должен стремиться к выстраиванию вербальной коммуникации с курсантами, чтобы позитивно восприниматься и эффективно побуждать их к успешному выполнению служебных задач и достижению высоких показателей в учебной деятель-

ности. Умение воспринять проблему курсанта как личную, понять его внутренний мир, деятельно помочь в разрешении текущих проблем является крайне важным фактором для процесса формирования профессионально грамотного офицера. Заметим, что при верном стиле педагогического общения наставник служит для курсантов тем морально-нравственным ориентиром, на который они будут равняться в процессе своего профессионально-нравственного развития.

Необходимо обратить внимание на то, что направления деятельности педагогов-наставников весьма широкие. К основным видам деятельности следует отнести:

- усиление воспитательного воздействия;
- оказание помощи курсантам в адаптации к условиям службы;
- разъяснение курсантам методики самостоятельной работы над закреплением и углублением знаний посредством использования первоисточников, нормативных правовых актов, учебных изданий и др.;
- информирование курсантов о технике реферирования;
- взаимодействие с курсовыми офицерами в целях создания в курсантской среде обстановки стремления к овладению знаниями, нетерпимости к нарушениям дисциплины;
- содействие развитию самоуправления курсантов в учебной группе;
- оказание курсантам помощи в преодолении трудностей, формировании и развитии здоровых интересов и наклонностей, расширении кругозора, повышении культурного уровня;
- организация и проведение массовых воспитательных мероприятий: лекций, бесед, культурно-массовых мероприятий, встреч с ветеранами органов внутренних дел, войны и труда;
- организация и проведение досуга курсантов;
- содействие наиболее полному раскрытию способностей курсантов, активному участию их в общественной жизни вуза;
- постоянное и всестороннее изучение личного состава курируемой группы, изучение сильных и слабых сторон характера каждого курсанта, его интересов и склонностей, поведения и отношения к учебе, избранной специальности, семье и товарищам [2, с. 176].

Вместе с этим к важнейшим задачам наставничества относится формирование гуманистических нравственных ориентаций курсантов, высоких моральных ценностей, позитивных правовых чувств и установок и, как результат, становление правовой культуры сотрудников органов внутренних дел. Правовая культура выражает позитивное отношение к праву, правильное понимание права, его установлений и в итоге приводит к активному правомерному поведе-

нию. Следовательно, правовая культура личности предполагает реализацию ее позитивных правовых представлений. Говоря о правовой культуре сотрудников органов внутренних дел, следует отметить ее профессиональный уровень, который характеризуется глубокими правовыми знаниями и правильной реализацией норм права в повседневной практической деятельности [3, с. 296].

В педагогической науке существует общепринятая позиция, согласно которой приобретение знаний, умений и навыков неразрывно связано с приобретением общественно ценных личностных качеств обучающихся. Иными словами, усвоение учебного материала влечет за собой интеллектуальное и, как следствие, нравственное развитие личности. Высокая моральная ориентация испокон веков выгодно отличала представителя офицерского сообщества от обычного гражданского человека. Моральные ценности сотрудника органов внутренних дел можно представить как осознанные, социально значимые для духовного развития явления и процессы или их свойства и стороны, функционирующие в системе исторически определенных общественно-гражданских и служебно-профессиональных отношений и связанные с проявлением духовной культуры личности, пониманием себя как защитника Отечества. К неотъемлемым моральным ценностям офицера следует отнести патриотизм, служебный и общественный долг, честь, дисциплинированность, героизм, гуманизм, самоотверженность, трудолюбие, совесть и другие. Соблюдать эти высшие ценности, к сожалению, далеко не просто. Поэтому основой офицерской чести должна быть нравственная убежденность личности.

Таким образом, требования, предъявляемые к современным силовым структурам, условия современной службы в органах внутренних дел, характеризующейся постоянными изменениями окружающей обстановки, актуализируют проблему развития института наставничества как важного компонента в подготовке высокопрофессионального сотрудника милиции.

Наставничество — это вклад в будущее страны, форма успешной работы с курсантами. Эта работа позволяет помочь курсантам адаптироваться к новым условиям жизни и учебы, способствует развитию нравственного, эмоционального, интеллектуального уровня. Образовательный процесс, в котором центральной фигурой, помимо преподавателя, выступает педагог-наставник, будет способствовать совершенствованию системы подготовки кадров для службы в органах внутренних дел.

1. Рунаев Р. Ю. Сущность и пути оптимизации педагогического общения офицеров с курсантами в современных условиях // Опыт и традиции подготовки полицейских кадров : материалы международной науч.-практ. конференции, Волгоград, 4 окт. 2019 г. / Волгоград. акад. МВД России ; редкол.: А. А. Редько [и др.]. Волгоград, 2020. Вып. 3. С.131–138. [Вернуться к статье](#)

2. Непомнящая И. С., Непомнящий С. В. Деятельность педагогов-наставников как форма педагогической работы в системе вузов МВД России: современное состояние и перспективы // Грани познания : электрон. науч.-образоват. журнал ВГСПУ. 2015. № 7(41). С. 176. [Вернуться к статье](#)

3. Вишневский А. Ф., Горбатов Н. А., Кучинский В. А. Общая теория государства и права : учебник. 3-е изд. пересмотр. Минск : Акад. МВД, 2017. 478 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ — НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Е. Н. Григорьева

Институт повышения квалификации и переподготовки экономических кадров
УО «Белорусский государственный экономический университет»,
доцент кафедры бухгалтерского учета, экономики и права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: bir-helen@yandex.ru

***Аннотация.** На основе осмысления понятия и признаков современного гражданского общества в теоретической юридической науке обращается внимание на то, что в структуре гражданского общества главным элементом выступает субъект — человек, личность и гражданин. Утверждается, что в формировании индивидуальной правовой культуры важна роль образования на всех ступенях от дошкольного до последипломного образования взрослых. Автор приходит к выводу, что получение юридического образования оказывает непосредственное влияние на формирование высокого уровня индивидуальной правовой культуры как необходимого условия формирования гражданского общества.*

***Ключевые слова:** правовое государство, гражданское общество, личность, правовая культура, образовательный процесс, заочная форма, юридическое образование, переподготовка.*

***Annotation.** Based on the understanding of the concept and features of modern civil society in theoretical legal science, attention is drawn to the fact that the main element of the structure of civil society is the subject — a person, a person and a citizen. It is argued that in the formation of an individual legal culture, the role of education at all levels from preschool to postgraduate adult education is important. The author comes to the conclusion that obtaining a legal education has a direct impact on the formation of a high level of individual legal culture as a necessary condition for the formation of civil society.*

***Keywords:** legal state, civil society, personality, legal culture, educational process, correspondence form, legal education, retraining.*

Каждое правовое государство закономерно развивается в непосредственной корреляционной зависимости с гражданским обществом. Юридическая наука предъявляет к такому государству ряд требований, которые выступают одновременно и его неотъемлемыми признаками. К ним в общей теории права и конституционном праве принято относить: признание суверенитета народа; формирование обществом законодательных органов государства; разделение властей; подчинение государства праву; признание приоритета естественных

прав человека в деятельности государства; соответствие национального законодательства общепризнанным нормам и принципам международного права; наличие развитого гражданского общества [1, с. 517–518; 2, с. 470–471; 3, с. 182–184; 4, с. 34]. Именно последнее является одним из качественных показателей государства как демократического и правового. Актуальность теоретических и практических аспектов понятия гражданского общества, как отмечает С. Н. Царевский, обусловлена возрастанием роли и влияния демократических ценностей, принципов и институтов, а также повышением роли граждан и их добровольных объединений во всех сферах жизнедеятельности общества [5, с. 89].

Гражданское общество возникает и формируется не одномоментно, как и правовое государство оно проходит постепенную эволюцию и обладает неотъемлемыми признаками. В доктринальных источниках по общей теории права сформировалось устоявшееся представление об обязательных признаках современного гражданского общества, к которым принято относить: демократический политический режим, развитую правовую систему, гарантии прав и свобод граждан в целом и индивида в частности, многочисленность и разнообразие негосударственных общественных объединений, идеологический и политический плюрализм, равенство форм собственности [6, с. 356; 7, с. 39–40].

Раскрытие понятия гражданского общества в общетеоретическом представлении осуществляется посредством его дефинирования как общественных отношений: «совокупность внегосударственных общественных отношений (экономических, социально-культурных, нравственных, корпоративных, семейных), образующих особую сферу реализации законных интересов отдельных лиц и их объединений, предполагающих осуществление естественных прав человека, многообразие форм собственности и свободу всех видов творческой деятельности личности» [1, с. 547–548]; «самодостаточная, непосредственно не зависящая от государства сфера общественных отношений, которой свойственно то, что индивидуальное, коллективное и государственное находятся в сбалансированном состоянии» [7, с. 38].

Полагаем, что в структуре гражданского общества как общественных отношений главным элементом выступает субъект — человек, личность и гражданин. В этой связи актуально суждение С. Н. Кожевникова о том, что только юридически свободный индивид представляет собой важнейший элемент гражданского общества. Далее развивая этот тезис, исследователь пишет, что его свобода органически связана с его материальным благополучием, наличием собственности, свободой частного предпринимательства. Именно частная собственность — важнейшая предпосылка хозяйственной и личной инициативы — необходимого фактора становления гражданского общества [7, с. 39–40]. В це-

лом соглашаясь с мнением автора, тем не менее следует отметить, что наличие перечисленных материальных и нематериальных благ и прав у индивида не отменяет необходимости формирования у него как личности высокой правовой культуры. В теории права на эту юридическую категорию существуют различные точки зрения.

Так, например, в рамках деятельностного подхода правовая культура представляет собой творческую деятельность человека, в процессе осуществления которой она полностью соответствует тем ценностям, закрепленным в регулирующей ее норме права. В контексте семиотики права она рассматривается как знаковая система запретов и предписаний, зафиксированная в общественном сознании. Исходя из аксиологического представления, правовая культура является совокупностью исторически сформировавшихся и постоянно развивающихся ценностных установок, представлений, знаний о праве как о важном социальном регуляторе, который отражает общий уровень развития как индивидуального, так и коллективного правосознания и объективное отношение гражданского общества к праву и государству. В рамках последнего подхода правовая культура существует на индивидуальном и общественном уровне. На индивидуальном уровне она проявляется в понимании права личностью, его ценностных установок и глубоком знании о нем, в сознательной потребности осуществления правомерного поведения [8, с. 119].

В формировании высокого уровня правовой культуры личности важна роль образования на всех ступенях от дошкольного до последипломного образования взрослых. В Республике Беларусь качество образования представляет собой успешное жизнеустройство человека, его мировоззренческий стержень и активную гражданскую позицию (подп. 2 п. 3.4) [9], которая не может быть реализована без сформированной высокой правовой культуры.

Получение юридического образования на базе первого высшего образования в рамках переподготовки специальности в форме заочной формы представляет собой образовательный процесс, оказывающий непосредственное влияние на формирование высокого уровня индивидуальной правовой культуры.

Анализ структуры процессов Института повышения квалификации и переподготовки экономических кадров УО «Белорусский государственный экономический университет» и их непосредственного осуществления в отношении специальности «правоведение» свидетельствует о том, что формирование высокого уровня индивидуальной правовой культуры слушателей переподготовки происходит как в большей степени в рамках проведения идеологической и воспитательной работы, так и опосредованно в процессе реализации образовательной деятельности в процессе освоения юридических дисциплин.

Например, первоначально в ходе освоения теоретических знаний по дисциплине «Общая теория права» слушатели переподготовки приобретают не только необходимые знания юридической терминологии, правовых явлений и концепций, в том числе таких как правосознание, правовая психология, правовая идеология и т. д., и умения их характеризовать, анализировать, описывать, но и навыки убежденности в обязательном правомерном поведении. Также практика осуществления образовательного процесса связана с осуществлением профессорско-преподавательским составом кафедры бухгалтерского учета, экономики и права педагогической деятельности путем проведения занятий в группах по специальности «правоведение». Это свидетельствует о том, что в процессе получения юридического образования в рамках переподготовки на базе высшего образования у сформировавшейся взрослой личности либо сохраняется высокий уровень правовой культуры посредством подкрепления ее приобретаемыми знаниями, либо формируется ее высокий уровень посредством постижения теоретического и отраслевого юридического знания, освоения культурно-ценностных ориентаций, нравственных и идеологических ценностей гражданского общества и правового демократического государства.

Таким образом, высокий уровень индивидуальной правовой культуры является неотъемлемой предпосылкой формирования гражданского общества.

1. Вишневецкий А. Ф., Горбатов Н. А., Кучинский В. А. Общая теория государства и права : учебник ; под общ. ред. проф. В. А. Кучинского. 2-е изд., перераб. и доп. Минск : Изд-во деловой и учеб. лит-ры, 2006. 656 с. [Вернуться к статье](#)
2. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права : учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М. : Спарк, 2004. 528 с. [Вернуться к статье](#)
3. Василевич Г. А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник. Минск : Книжный Дом. 2003. 832 с. [Вернуться к статье](#)
4. Василевич Г. А. Конституция Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. Минск : ГИУСТ БГУ. 2005. 487 с. [Вернуться к статье](#)
5. Царевский С. Н. Гражданское общество: понятие, признаки, особенности развития // Альманах науки и образования. 2009. № 12-1. С. 79–80. [Вернуться к статье](#)
6. Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Омельченко Д. А. Институционализация правовых признаков гражданского общества в современной России // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2019. Т. 12. № 8. С. 353–363. [Вернуться к статье](#)
7. Кожевников С. Н. Гражданское общество: понятие, основные признаки, предпосылки формирования // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. Н. Лобачевского. Сер. Право. 2002. № 1. С. 37–46. [Вернуться к статье](#)
8. Григорьева Е. Н. Роль правовой культуры в формировании национального самосознания // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. XX Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20 февр. 2020 г. ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: С. И. Дорошко (пред.) [и др.]. Минск : АМВД, 2020. С. 117–119. [Вернуться к статье](#)

9. Концепция Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года [Электронный ресурс] / Министерство экономики Республики Беларусь, ГНУ НИЭИ. Минск, 2018 // Сайт Министерства экономики Республики Беларусь. URL: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/Kontseptsija-na-sajt.pdf> (дата обращения: 28.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 159.9:343.851.5

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В МИКРОСРЕДЕ**И. В. Данькова**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
e-mail: ira_dankova@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема девиантного поведения несовершеннолетних. Особое внимание уделяется основным направлениям профилактической работы в отношении подростков с признаками девиантного поведения в микросреде.*

***Ключевые слова:** подростковый возраст, девиантное поведение, несовершеннолетний правонарушитель, профилактическая работа, микросреда.*

***Annotation.** The article deals with the problem of deviant behavior of minors. Special attention is paid to the main areas of preventive work in relation to adolescents with signs of deviant behavior in the microenvironment.*

***Keywords:** adolescenc, deviant behavior, juvenile delinquent, preventive work, microenvironment.*

Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних представляет собой одну из важнейших социальных задач, актуальность которой постоянно растет. Успешность деятельности по предотвращению совершения подростками правонарушений обеспечивается:

- исследованием особенностей девиантного, в том числе и преступного, поведения несовершеннолетних;
- изучением специфики микро- и макросреды и их влияния на формирование личности подростка;
- установлением качеств, составляющих криминологический портрет подростка-правонарушителя.

Однако проблема профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями продолжает оставаться в центре внимания ученых и практических работников.

В научной литературе условно выделяется три основных направления профилактики девиантного поведения, каждое из которых базируется на причинах его проявления, а именно: личностно ориентированное, клинико-биологическое и средовое направления [1, с. 84].

Личностно ориентированное направление связывает возникновение девиантного поведения с социальными, биологическими и психологическими факторами, которые, взаимодействуя между собой, так или иначе оказывают влияние на сущность поведения. К социальным факторам следует отнести не-

благополучные межличностные отношения в семье и школе, недостатки воспитания, слабую организацию досуга и т. д. К биологическим факторам относят наследственность, различного рода заболевания, отставание в развитии и прочее. Среди психологических факторов выделяют особенности темперамента, характера, эмоционально-волевой и мотивационной сферы и др. [2, с. 115–116].

Представители личностно ориентированного направления работают с самой личностью, поставив при этом цель сформировать у подростка навыки и умения самостоятельно искать пути решения возникающих проблемных ситуаций.

Клинико-биологическое направление основано на тезисе о влиянии генетики, а также физиологических и психопатологических факторов на поведение личности. В этом случае в основе профилактической работы лежит реализация психологических и медицинских мер, направленных на коррекцию девиантного поведения [1, с. 84].

Средовое направление представляет собой процесс предупреждения отрицательных влияний на личность в микросреде, состоящей из отдельных личностей и малых групп (формальных и неформальных), которые окружают подростка, так как именно здесь происходит формирование и всестороннее развитие личности, обладающей определенными знаниями и навыками.

Ю. В. Сычевым были выделены основные типы микросреды, необходимые для понимания путей и механизма формирования личности правонарушителя и вместе с тем для определения направлений профилактической работы:

1) по виду деятельности личности: производственно-трудовая, семейно-бытовая, учебно-воспитательная, общественно-политическая, культурно-просветительная, воинская, воспитательно-принудительная;

2) по территориальному признаку: микросреда большого города, рабочего поселка, села и т. д.;

3) по национально-этническому признаку;

4) по возрастному признаку;

5) по половому признаку [3, с. 146].

Известно, что основная роль в формировании личности ребенка принадлежит семье (особо важна внутренняя обстановка в ней). Грубые ошибки воспитания, отрицательный пример родителей, жестокость, цинизм могут привести к формированию у ребенка безнравственности, усвоению им негативной ценностной ориентации, которая впоследствии реализуется в антиобщественном девиантном поведении.

В этой связи важным направлением профилактической работы с подростком-девиантом является организация работы с семьей, которая должна включать в себя индивидуальные консультации с родителями, а также занятия и тре-

нинги, направленные на педагогическое просвещение родителей и решение внутрисемейных конфликтов. Иногда родители и дети не могут самостоятельно решить внутрисемейные проблемы, и в этом случае на помощь семье должны прийти психологи, которые обладают специальными знаниями и могут оценить ситуацию с точки зрения независимого эксперта.

Школа является неотъемлемым компонентом микросреды подростка. В учреждениях образования ребенку даются необходимые знания, воспитываются трудовые навыки и нравственные качества. Одновременно с этим школа призвана скорректировать недостатки семейного воспитания, развивая у подростков положительные потребности, взгляды и ценности. Однако слабое реагирование на правонарушения и проступки подростков, низкий уровень организации досуга, отсутствие должной связи с родителями и т. д. приводят к тем или иным отклонениям в поведении несовершеннолетних. А потому профилактическая работа с данной категорией детей в учреждениях образования должна иметь комплексный подход к решению данной проблемы с участием классного руководителя, социального педагога, психолога, медицинского работника, администрации школы. Причем данная деятельность должна вестись по нескольким направлениям, включающим диагностику личности несовершеннолетнего и его поведения, индивидуальную и групповую работу с ребенком по формированию у него положительных установок в поведении, а также работу с семьей, в которой воспитывается подросток, для совместного обсуждения возникающих проблем [1, с. 105].

Немаловажное значение на формирование личности несовершеннолетнего оказывают группы, членом которых он является. Такие группы могут существовать в реальности, среди сверстников, где подросток получает подтверждение своей значимости. При правильной организации досуга группы формируется высоконравственная личность. Если же для ближайшего окружения подростка основным занятием являются бесцельные прогулки и времяпровождение в общественных местах, обычно сопровождающиеся распитием спиртных напитков, неуважением к окружающим и совершению правонарушений, то в большинстве случаев это приведет к формированию личности подростка-девианта [4, с. 52].

Кроме того, существуют группы и в виртуальной среде, которые создаются при помощи социальных сетей и оказывают негативное влияние на несовершеннолетнего. Зачастую подросток, который отвергнут реальным миром, находит понимание и поддержку в виртуальной группе, и в результате его придуманный образ значительно отличается от его настоящей личности. Еще один отрицательный опыт общения в социальных сетях — это вовлечение подростка в различные противоправные сообщества, которые так или иначе способствуют

совершению им правонарушений. Говоря о профилактической работе в этом направлении, и родителям, и педагогам необходимо идти в ногу со временем и научиться анализировать всю информацию, встречающуюся в Интернете, которая может привлечь детей и впоследствии оказать отрицательное воздействие на формирование личности подростка.

Учитывая вышеизложенное, сотрудникам органов внутренних дел совместно с родителями и педагогами необходимо проводить профилактические мероприятия воспитательного характера, направленные на разобщение асоциальных групп несовершеннолетних, отвлечение их от современных гаджетов, а также привлечение подростков к ведению здорового образа жизни, занятиям в спортивных секциях и кружках по интересам. Наиболее популярным и действенным направлением по профилактике девиантного поведения в микросреде ближайшего окружения является информационное, предоставляющее полную картину о последствиях вредных привычек и пропагандирующее активный досуг.

Таким образом, от правильного выбора направления профилактической работы в микросреде подростков, а также своевременного решения вопросов, связанных с профилактикой девиантного поведения несовершеннолетних, зависит эффективность борьбы с правонарушениями и преступностью в целом. Составной частью профилактической работы с подростками-девиантами является умелая организация их свободного времени, вовлечение несовершеннолетних в спортивные секции, творческие кружки и т. д. Такие формы работы создают благоприятные возможности для приобретения подростками навыков правомерного социального поведения, активной общественной деятельности и трудолюбия. Кроме того, не лишним является оказание помощи семье и школе со стороны государственных органов, в том числе и органов внутренних дел, в воспитании и обучении подростков, организации их досуга и общественно полезной работы по месту жительства и учебы. Вся работа по профилактике девиантного поведения несовершеннолетних должна вестись координационно, что объединило бы усилия всех заинтересованных в этом органов и исключило бы дублирование друг друга в данном направлении.

1. Ковальчук М. А., Тарханова И. Ю. Девиантное поведение: профилактика, коррекция, реабилитация : пособие. М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2014. 286 с. [Вернуться к статье](#)

2. Данькова И. В. Роль социальных и психологических факторов в формировании асоциального поведения несовершеннолетнего в Республике Беларусь // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2019. № 2 (44). С. 114–117 [Вернуться к статье](#)

3. Сычев Ю. В. Микросреда личности и ее место в системе социальных связей // Философские проблемы общественного развития : сб. ст. / Акад. общественных наук. М., 1971. С. 145–151. [Вернуться к статье](#)

4. Жигарев Е. С. Криминологическая характеристика несовершеннолетних и организация их правового воспитания : учеб. пособие. М. : МВШМ МВД СССР, 1990. 79 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 34.01

ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

А. А. Дыжова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры правовых дисциплин,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент
e-mail: anna-d77@bk.ru

***Аннотация.** В статье дается анализ проблемы формирования эколого-правовой культуры молодежи. За основу при написании статьи взяты результаты социологического опроса молодых граждан республики, проведенного в рамках научно-исследовательской темы «Правовая культура и правовой нигилизм студенческой молодежи: проблемы и пути их решения».*

***Ключевые слова:** правовая культура, экологическое образование, окружающая среда, экологическое право.*

***Annotation.** The article analyzes the problem of the formation of the ecological and legal culture of young people. The article is based on the results of a sociological survey of young citizens of the republic, conducted within the framework of the research topic «Legal culture and legal nihilism of student youth: problems and ways to solve them».*

***Keywords:** legal culture, environmental education, environment, environmental law.*

Одной из причин достаточно невысокой эффективности применения норм экологического законодательства является низкий уровень эколого-правовой культуры населения страны. Рассмотрением этой проблемы мы занимались путем проведения социологического опроса такой группы населения, как молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет, а именно студенческой молодежи. С целью формирования у граждан страны знаний в области экологического законодательства, в частности особенностей использования природных объектов и ресурсов, бережного отношения к окружающей среде, возможности самостоятельно применять знания в области природоресурсного законодательства, а также требовать свое право на благоприятную окружающую среду, оговоренное Конституцией Республики Беларусь, необходимо формировать эколого-правовую культуру граждан.

Хотелось бы отметить, что экологическая культура представляет собой экологическое сознание и экологическое поведение человека, способность их жизнедеятельности в окружающей среде с учетом экологических норм на основе экологических знаний, навыков и умений.

Сама по себе экологическая культура является средством для разрешения целого ряда экологических проблем. Именно она позволяет достичь оптималь-

ного взаимодействия человека с окружающей средой, при этом экологическая культура является неотъемлемой частью общей культуры человека, в связи с чем должна постоянно повышаться.

В свою очередь эколого-правовую культуру можно определить как общественно значимый, урегулированный нормами права способ деятельности в области познания и правил воздействия на окружающую природную среду, включая эффективную защиту и рациональное использование природных ресурсов.

Одной из основных мер по повышению уровня эколого-правовой культуры, на наш взгляд, является повышение уровня экологических и правовых знаний граждан. Работа должна проводиться в учреждениях среднего и высшего образования, учителя и преподаватели должны усилить акцент на знании экологических обязательств, а также умения применять и использовать на практике полученные знания. Свой акцент на повышение уровня эколого-правовой культуры должны также сделать средства массовой информации, так как именно СМИ оказывают большое влияние на формирование правовой культуры населения страны.

Отметим, что с 2018 года в Республике Беларусь реализуется образовательный проект «Зеленые школы», который направлен на продвижение экодружественного образа жизни. Приоритетной задачей данного Проекта является расширение сети «зеленых школ» во всех областях и городе Минске. Учреждениям образования рекомендуется подключиться к реализации Проекта. Вся информация содержится на сайте Республиканского центра экологии и краеведения [1]. В 2015 году Республика Беларусь присоединилась к Повестке дня в области устойчивого развития до 2030 года, которая была принята странами — членами ООН. Деятельность учреждений образования в области экологического образования с целью формирования бережного отношения к окружающей среде будет способствовать реализации целей устойчивого развития в Республике Беларусь.

В статье 75 Закона «Об охране окружающей среды» отмечено, что образование граждан в области охраны окружающей среды и природопользования обеспечивается путем включения в учебно-программную документацию образовательных программ основ знаний в области охраны окружающей среды и природопользования. В соответствии со статьей 77 данного Закона в целях формирования экологической культуры граждан, воспитания у них бережного отношения к природе осуществляется просвещение в области охраны окружающей среды посредством распространения экологической информации, в том числе содержащей сведения об экологической безопасности, а также знаний о составе экологической информации, порядке ее формирования, распростра-

нения и предоставления субъектам отношений в области охраны окружающей среды [2].

Для того чтобы оценить уровень правовой образованности, а исходя из этого уровень правовой культуры молодых людей, в ходе проводимых исследований мы задали вопрос, насколько хорошо они, по их мнению, знают законы. При этом нами проводился сравнительный анализ данных анкетного опроса. Из общей численности опрошенных 20,6 % отметили, что хорошо знают законы, из них 36,4 % составили юноши и 10,7 % девушки. О том, что не очень хорошо знают законы, указали 61,4 %, из них 58,1 % юноши и 63,1 % девушки. В плохом знании законов признались 12,7 % опрошенных.

Как уже было отмечено ранее, на уровень правового образования молодежи оказывают влияние различные факторы: источники правовой информации, способы и агенты правовой социализации, личный опыт и многое другое. В связи с этим мы в ходе проводимых нами исследований решили определить основные источники получения молодыми людьми правовой информации.

Анализируя ответы респондентов (в вопросе можно было отметить несколько вариантов), следует отметить, что лидирующую позицию в правовом просвещении занимают средства массовой информации: Интернет (69,9 %) и преподаватели (50,1 %), которые являются, с одной стороны, самыми доступными, а с другой — не всегда самыми достоверными источниками получения правовой информации. Молодые люди отметили, что именно преподаватели, учителя и кураторы внесли значимый вклад в их правовое образование. При сравнительном анализе данного показателя в контексте учебных заведений заметна существенная разница между студентами учреждений высшего и среднего образования. Так, более половины студентов учреждений высшего образования (52 %) и только 31 % учащихся учреждений среднего специального образования указали, что правовые знания получают от своих преподавателей.

Это подчеркивает необходимость сохранения в рамках системы образования специальных правовых курсов и предметов. Однако преподавание дисциплин данного цикла должно быть направлено не только на усвоение основ законодательства, но и на обучение практическим навыкам применения полученных теоретических знаний в жизненных ситуациях, способам защиты своих прав и законных интересов.

Далее отметим газеты, радио и телевидение — 38,9 %; специальную и правовую литературу — 23,6 %; выступление представителей правоохранительных органов — 20,9 %.

Затем мы решили выяснить, есть ли, по мнению юношей и девушек, необходимость экологического воспитания граждан. На безусловную необходимость экологического воспитания указали 48,7 % опрошенных, из них

50,4 % — юноши и 49,6 % — девушки; 2,4 % считают, что в этом нет необходимости; 16,5 % утверждают, что в республике достаточно высокий уровень экологического воспитания, из них 18,6 % — юноши и 14,6 % — девушки. Также отметим, что из общего числа опрошенных 6,5 % вообще этим не интересуются.

Понятно, что сегодня ситуация требует активной, целенаправленной и планомерной работы, направленной на правовое просвещение граждан, формирование высокого уровня правосознания, воспитание уважительного отношения к нормам, традициям и ценностям белорусского общества.

В целом можно сказать, что для формирования высокого уровня экологического правосознания учреждениям образования кроме учебной деятельности необходимо эффективно использовать внеурочную деятельность, вовлекать студентов в научно-исследовательскую деятельность в области охраны окружающей среды и рационального природопользования, проектную и социально-культурную деятельность в области охраны окружающей среды.

1. Проект «Зеленые школы» [Электронный ресурс]. URL: <https://rcek.by/category/meropriyatiya/proekt-zelenye-shkoly/> (дата обращения: 14.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 26 нояб. 1992 г. № 1982-ХІІ : с изм. и доп. от 29 дек. 2020 г. № 73-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 37.062

АКТУАЛЬНЫЕ ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ОБРАЗОВАНИЯ

С. Ю. Мельников

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
факультета милиции
e-mail: melnickowserzh1990@gmail.com

П. Н. Синило

УО «Могилевский государственный областной лицей № 1»,
учитель истории,
магистр исторических наук
e-mail: p.n.sinilo@gmail.com

***Аннотация.** В статье рассматриваются современные проблемы гражданско-патриотического воспитания молодежи. Предлагается активное взаимодействие военизированных учреждений высшего образования с гражданскими учреждениями образования.*

***Ключевые слова:** гражданско-патриотическое воспитание, военизированные учреждения высшего образования, школа, идеология, Родина.*

***Annotation.** The article examines the modern problems of civil-patriotic education of youth. Active interaction of militarized higher educational institutions with educational institutions is proposed.*

***Keywords:** civil-patriotic education, paramilitary institutions of higher education, school, ideology, motherland.*

Формирование у учащихся и студентов прогрессивно-оптимистического мировоззрения, любви к Родине, уважения истории и традиций своей земли, стремления приумножить материальное и духовное богатство своей страны — необходимые условия для создания гражданского общества. Развитие системы воспитания и идеологической работы в государственных учреждениях образования осуществляется в соответствии с нормативными правовыми актами, разработанными на основе положений Кодекса Республики Беларусь об образовании, Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь [1, с. 138]. Приоритетами воспитания в учреждениях образования республики являются: целенаправленное и активное содействие личностному становлению профессионала-труженика, ответственного семьянина, гражданина и патриота [2; 3].

Наш мир, общество и государство, каждый отдельно взятый человек непрерывно изменяются и развиваются, что проявляется, в частности, в процес-

сах глобализации и компьютеризации всех сфер, повышения роли прав и свобод человека, демократизации, построения правового государства в Республике Беларусь. К сожалению, данные процессы закономерно сопровождаются соответствующими «побочными эффектами». На современном этапе это выражается в попытках вмешательства иностранных государств во внутренние дела Республики Беларусь, снижении контролируемости непрерывно растущих по объему потоков информации, что, в свою очередь, ведет к политическим манипуляциям, основанным на радикальных идеологиях и проявляющимся в экстремистских призывах. Подобные вызовы современности должны встречать незамедлительную и адекватную реакцию социума, в том числе в сферах правового регулирования и воспитания подрастающего поколения. Военно-политическая нестабильность в некоторых, особенно соседних, государствах — яркий пример проявления робости и несвоевременности такой реакции. С учетом изложенного сегодня одной из наиболее приоритетных задач системы образования Республики Беларусь должно стать гражданско-патриотическое воспитание.

Гражданско-патриотическое воспитание личности состоит из множества компонентов и направлений, что позволяет в полной мере достигать и реализовывать поставленные перед ним цели и задачи. Основными компонентами гражданско-патриотического воспитания являются: культурно-исторический, героико-исторический, социально-политический, духовный, военнотехнический, физический [4, с. 58]. Эти компоненты взаимосвязаны и составляют содержательную основу гражданско-патриотического воспитания личности.

Согласно Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь, к условиям воспитания гражданственности и патриотизма личности относятся: осознание обучающимися сущности гражданственности, патриотизма; привитие уважения к историко-культурному наследию белорусского народа; воспитание уважительного отношения к национальным и государственным символам (гербу, флагу, гимну Республики Беларусь), органам государственной власти страны; формирование у обучающихся морально-психологической и физической готовности к выполнению ими конституционной обязанности по защите Родины, уважения к защитнику Отечества, воину; воспитание на примере подвига советского народа в Великой Отечественной войне; формирование нравственной, правовой и политической культуры; повышение воспитательного потенциала учебных дисциплин; пропаганда социально-экономических достижений белорусского государства; неприятие экстремизма, национальной и религиозной нетерпимости; развитие социально значимой деятельности обучающихся; педагогическая поддержка детских и молодежных общественных объединений, ученического (студенческого) са-

моуправления; наиболее полная реализация воспитательного потенциала учебных дисциплин [3]. Такой подход к правовому регулированию требует усовершенствования, так как в современных реалиях, кроме перечисленных, обязательными условиями воспитания гражданственности и патриотизма личности стали следующие: воспитание уважительного отношения к Конституции и законам Республики Беларусь, формирование у обучающихся уважения к правоохранителю.

На наш взгляд, внести существенный вклад в создание подобных условий представляется возможным в результате взаимодействия учреждений образования с целью организации внеурочной работы в системе «школа — военизированное учреждение высшего образования» с непосредственным участием наиболее подготовленных курсантов. Методика такой работы должна заключаться в проведении теоретических и практических занятий со школьниками по следующим направлениям: изучение основ права, физическая, огневая и строевая подготовка, тренировки по различным видам единоборств, занятия по развитию художественной культуры. В роли учителей, проводящих занятия, целесообразно выступать курсантам, имеющим наиболее высокие достижения в указанных направлениях (призеры олимпиад, спортивных соревнований, конкурсов, в том числе самодеятельности и научных работ, отличники учебы, обладатели спортивных званий). Курсы занятий следует завершать конкурсами и спортивными соревнованиями. Описанная форма работы позволит наиболее эффективно использовать высокий идеолого-патриотический потенциал и специальную материальную базу правоохранительных и военных вузов, военных факультетов гражданских вузов. Такое взаимодействие должно дать ряд положительных эффектов для всех его участников. Так, для школьников — развитие правовой культуры, физическая подготовка, помощь в выборе модели поведения, соответствующей нормам права и морали, формирование у них социальных установок, ориентированных на общественные ценности; для курсантов — ценный социально-педагогический опыт; для общества в целом — формирование позитивного имиджа правоохранительных органов и вооруженных сил, профессиональная ориентация молодежи. Это, в свою очередь, приведет к увеличению конкурса при поступлении в указанные вузы, повышению качества подготовки кадров и престижа силового блока государственных органов.

Таким образом, в настоящий момент в Республике Беларусь действует эффективная система гражданско-патриотического воспитания, требующая постоянного совершенствования. Воспитание гражданина и патриота своего Отечества — одна из краеугольных задач государственного учреждения образования. При решении проблем гражданско-патриотического воспитания в первую очередь следует сосредотачивать все усилия на формировании у учащихся мо-

рально-ценностного отношения к явлениям общественной жизни. В становлении обучающегося как личности и гражданина важное место занимает активное участие в мероприятиях и взаимодействиях учреждений образования, работе общественных объединений и организаций, равнодушное отношение к событиям в стране и мире. Реализация вышеизложенных предложений поможет молодежи стать не только законопослушными обывателями и хорошими специалистами в своей области, но и настоящими патриотами своей Родины.

1. Пути совершенствования идеологической и воспитательной работы в системе образования Республики Беларусь : материалы республиканского семинара-совещания, Гродно, 17–18 марта 2017 г. / отв. за вып. С. А. Важник. Минск : Нац. ин-т образования, 2017. 159 с. [Вернуться к статье](#)

2. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 янв. 2011 г., № 243-З : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : с изм. и доп. от 23 июля 2019 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Об утверждении Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи [Электронный ресурс] : постановление Министерства образования Республики Беларусь, 15 июля 2015 г., № 82. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Патриотизм и проблемы патриотического воспитания в контексте вызовов современности : монография / В. А. Ксенофонтов [и др.] ; под общ. ред. В. А. Ксенофонтова, В. Н. Сивицкого. Минск : ВА РБ, 2015. 253 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 378 (075.8)

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ КУРСАНТОВ —
БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ ОВД — СРЕДСТВАМИ КЛАСТЕРИЗАЦИИ****Л. А. Рябцева**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
e-mail: hpkf1983@mail.ru

***Аннотация.** Автор рассматривается возможность моделирования профессионально-коммуникативной компетентности курсантов как будущих сотрудников органов внутренних дел посредством кластеризации.*

***Ключевые слова:** профессионально-коммуникативная компетентность, модель, кластеры компетенций, курсант как будущий сотрудник органов внутренних дел.*

***Annotatoin.** The author considers the possibility of modeling the professional and communicative competence of cadets as future employees of internal affairs bodies through clustering.*

***Keywords:** professional and communicative competence, model, clusters of competencies, cadet as a future employee of the internal affairs bodies.*

Профессионально-коммуникативная компетентность курсантов как будущих сотрудников правоохранительных органов представляет определенный научный интерес. Об этом свидетельствует существование отдельных подходов, уточняющих сущность и содержание исследуемого понятия, которые вместе с тем не представляется возможным признать тождественными по ряду объективных причин.

Так, О. И. Титова, А. С. Поршукот исследуют данный феномен не с точки зрения его формирования у будущего сотрудника, а рассматривают возможность его развития у состоявшегося (уже не являющегося курсантом) сотрудника правоохранительных органов [1, с. 71].

С. Л. Вишневецкая оценивает исследуемую компетентность в системе высшего профессионального образования юридического профиля, не конкретизируя возможность признания в качестве потенциального носителя анализируемого феномена будущего сотрудника правоохранительных органов. Вместе с тем логичным представляется, что автор обозначенного подхода такой возможности не исключает, а поскольку курсант как будущий сотрудник органов внутренних дел (далее — сотрудник ОВД) получает юридическое образование, то указанный подход также является актуальным [2, с. 7].

Отличным является представление С. Е. Кораблева о сущности понятия профессионально-коммуникативной компетентности, содержание которой

определяется им в отношении сотрудника ОВД на этапе осуществления его профессиональной подготовки, но из контекста не усматривается, что такой обучающийся пребывает в статусе курсанта [3].

Так, ни один из обозначенных подходов не представляется возможным избрать в качестве определяющего с тем, чтобы в последующем осуществлять формирование профессионально-коммуникативной компетентности курсантов — будущих сотрудников органов внутренних дел — с опорой на него.

В данной связи посредством контент-анализа научных публикаций нами был проведен структурный анализ дефиниции «профессионально-коммуникативная компетентность» не только в пределах обозначенной категории обучающихся, что позволило ознакомиться с ее содержанием гораздо шире. Таким образом, была изучена профессионально-коммуникативная компетентность и тех субъектов образовательных отношений, которые не связаны с указанной категорией выпускников получением юридического образования либо состоянием на государственной службе (студенты медицинских профессий, будущие специалисты железнодорожного транспорта, студенты аграрного вуза, выпускники факультета журналистики, будущие делопроизводители). Логичным автору представилось также исследовать данный феномен в отношении субъектов, получающих образование по специальностям, являющимися схожими по ряду качеств (будущие военные специалисты, будущие юристы) со специальностями 1-93 01 03 «Правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности», 1-93 01 01 «Правовое обеспечение общественной безопасности», по которым осуществляется профессиональная подготовка будущих сотрудников милиции.

Полученные данные позволили автору сформировать собственное научное представление о профессионально-коммуникативной компетентности курсантов как будущих сотрудников правоохранительных органов, а равно сформулировать на его основе отдельные положения, раскрывающие сущность феномена. Необходимость систематизировать структуру обозначенной компетентности определила дальнейшую потребность в моделировании ее состава. В качестве ключевых характеристик разрабатываемой модели автором были определены следующие. Модель является теоретической моделью специалиста, состоящей из компонентов, образованных компетенциями, находящимися в непосредственной связи со служебно-профессиональной деятельностью будущего сотрудника ОВД.

Таким образом, на основе имеющихся научных теоретических представлений о профессионально-коммуникативной компетентности и с учетом специфики получаемого курсантами как будущими сотрудниками правоохранительных органов профессионального образования нами были выделены следу-

ющие кластеры компетенций: операционально-деятельностные компетенции, когнитивные компетенции, аксиологические компетенции.

Каждый кластер — это мини-система компетенций, образующих группы с конкретными характерологическими свойствами (кластеры компетенций). Так кластер операционально-деятельностных компетенций включает в себя компетенции, связанные со служебно-профессиональной деятельностью сотрудника правоохранительных органов, с выполнением им действий, операций, совершение которых обусловлено требованиями, предъявляемыми к специалисту данной категории и нашедшими закрепление в ряде нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность абсолютного большинства сотрудников независимо от подразделения ОВД, в котором лицо проходит службу. Конкретизация функций и обязанностей сотрудника отражается в его непосредственной должностной инструкции. А в контексте исследуемой проблемы, учитывая, что анализируется профессионально-коммуникативная компетентность курсанта как будущего сотрудника, интерес представляют универсальные обязанности сотрудника правоохранительных органов. Последние регламентируются Законом Республики Беларусь «Об органах внутренних дел» [4]. С учетом их содержания составляется образовательный стандарт высшего образования I ступени, который утверждается постановлением Министерства образования Республики Беларусь и определяет те компетенции, которые должны быть сформированы у курсантов, обучающихся по специальностям 1-93 01 03 «Правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности», 1-93 01 01 «Правовое обеспечение общественной безопасности» [5].

Обоснованным представляется выделение кластера когнитивных компетенций, что подтверждается наличием соответствующих компетенций, закрепленных в Образовательном стандарте и отвечающих направленности содержания одноименного кластера [6, с. 305]. Указанный блок связан со знанием, познанием, когницией с учетом того, что содержание юридического образования, получаемого данной категорией обучающихся, предполагает как усвоение базовых общетеоретических правовых понятий, так и знание конкретных норм права, в особенности тех отраслей, с которыми сопряжена будущая профессиональная деятельность сотрудника. В этой связи знание основ правоприменительной практики также оценивается как профессионально значимое.

С позиций распространенности идей аксиологического подхода, учитывая требования, которые предъявляются современным обществом к сотруднику органов внутренних дел в части личностного и профессионального совершенства, а также признавая факт того, что обучение курсанта и его последующая практическая деятельность сопряжены с перманентной мотивацией, готовностью

критичного отношения к собственному профессиональному «Я», нами был выделен кластер аксиологических компетенций.

Аксиологический кластер компетенций представлен нами как совокупность групп компетенций, наличие которых связывается: 1) с системой личностных свойств, качеств, характеристик, обеспечивающих способность осмысленного выполнения служебно-профессиональных функций; 2) с системой мотивов, поддерживающих достаточный уровень побуждения к деятельности, определенной для себя в качестве профессиональной; 3) с системой рефлексивно-оценочных суждений в отношении себя как специалиста и в отношении собственной служебно-профессиональной деятельности.

Таким образом, имея ряд полученных аналитических данных, расширяющих научное представление о сущности профессионально-коммуникативной компетентности курсантов как будущих сотрудников правоохранительных органов, придерживаясь кластерного подхода, автор имеет реальную возможность создания ее модели, позволяющей отразить знания, умения, способности, качества и т. п., группируя их в зависимости от вида и содержания деятельности сотрудника. В продолжение дальнейшей логики исследования каждая из предварительно намеченных в общих чертах групп компетенций в рамках отдельно взятого кластера компетенций будет в последующем уточняться автором. То есть экспликация данных посредством кластеризации позволит конкретизировать сущность профессионально-коммуникативной компетентности указанного специалиста с учетом структурного единства групп компетенций, слагаемых в кластеры, и продемонстрировать отношения соподчиненности компетенций в рамках каждой отдельно взятой кластерной группы.

1. Титова О. И., Поршуков А. С. Профессионально-коммуникативная компетентность сотрудников правоохранительных органов и подходы к ее развитию посредством психологического тренажера // Вестн. Сибир. юр. ин-та МВД России. 2018. № 1 (30). С. 69–76. [Вернуться к статье](#)

2. Вишневская С. Л. Развитие профессиональной коммуникативной компетентности юриста в системе высшего профессионального образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 // Удмурт. гос. ун-т. Ижевск, 2006. 17 с. [Вернуться к статье](#)

3. Кораблев С. Е. Организация коммуникативного обучения сотрудников органов внутренних дел на этапе осуществления профессиональной подготовки [Электронный ресурс] // Вестн. ВИ МВД России. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-kommunikativnogo-obucheniya-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-na-etape-osuschestvleniya-professionalnoy-podgotovki> (дата обращения: 27.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 23.07.2019 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Об утверждении, введении в действие образовательных стандартов высшего образования I ступени [Электронный ресурс] : постановление Министерства образования Респ. Беларусь, 30.08.2013, № 87 : в ред. постановления Министерства образования Респ. Беларусь от 04.05.2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. Рябцева Л. А. Компоненты профессионально-коммуникативной компетентности курсантов — будущих сотрудников ОВД в соотношении с академическими компетенциями Образовательного стандарта // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сб. науч. тр. / Могилев. ин-т МВД. Могилев, 2020. Вып. 8. С. 302–306. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О РОЛИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПРАВОВОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

О. В. Степанов

Белорусский государственный экономический университет,
доцент кафедры международного экономического права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: Olegstepanow@yandex.ru

***Аннотация.** В статье раскрывается роль социальных сетей в правовом воспитании молодежи в Республике Беларусь на основе проведенного теоретико-социологического исследования.*

***Ключевые слова:** социальная сеть, правовое воспитание, личность, компьютерная техника, телефон, смарт-часы, гаджет, молодежь.*

***Annotation.** In this material, the authors reveal the role of social networks in the formation of the legal culture of an individual in the Republic of Belarus based on their theoretical and sociological research.*

***Keywords:** social network, legal culture, personality, computer, phone, smart watch, gadget, youth.*

Как следует из проведенного изучения правовой литературы, процесс формирования правосознания и правовой культуры реализуется посредством правового воспитания населения. При этом в теории государства и права относительно термина «правовое воспитание» имеются различные точки зрения исследователей [1, с. 28; 2, с. 89; 3, с. 345]. Поэтому, не вступая в дискуссию относительно его определения и определяющих его содержание элементов, в качестве опорной дефиниции «правовое образование» используем подход, предложенный Л. В. Мардахаевым в учебнике по социальной педагогике, в соответствии с которым это способ внешнего выражения и организации передачи теоретического правового материала объекту воспитания [4, с. 158]. В рамках предмета нашего исследования таковым объектом является молодежь. В связи с этим совершенно верно отмечает С. П. Зайцева, что успех правового образования будет зависеть не только от удачно выбранного воспитателем способа передачи правового материала, но и от внутренней переработки личностью внешних воздействий [5]. Далее она приходит к выводу о том, что важно знать, как молодой человек осмысливает, посредством чего воспринимает внешние правовые воздействия и как реагирует на них. Ведь личность молодого человека — это субъект, отражающий воздействие внешнего мира на него с помощью различных факторов.

Следует отметить, что в таком воздействии важную роль играют различные социальные сети. Так, по данным одного из международных общественных

информационных телеканалов, значимую роль в современной жизни играет телекоммуникационная информационная сеть Интернет (далее — Интернет), сложившаяся как виртуальное социальное пространство, с помощью которого люди удовлетворяют свои специфические социальные потребности [6]. В свете сказанного совершенно очевидным является тот факт, что в современном мире развитие, внедрение, усовершенствование и применение информационных технологий происходит повсеместно. Поэтому компьютерная техника, смартфон, смарт-часы среди белорусской молодежи являются не предметами роскоши, а обыденными техническими устройствами (гаджетами), без которых им сложно приобретать правовые знания.

Социальные сети представляют собой бесплатную площадку в Интернете, где можно самостоятельно публиковать любую информацию и обмениваться ею с другими людьми. При этом, говоря о словосочетании «социальные сети», автор полагает приемлемым воспользоваться определением, изложенным в Википедии, в соответствии с чем социальные сети — это онлайн-платформа, которую люди используют для общения, создания социальных отношений с другими людьми, имеющими схожие интересы или офлайн-связи [7]. Расширяя сказанное, следует отметить, что данная платформа представляет широкий спектр возможностей для обучающе-консультационного правового воспитания молодежи, а именно: поиск необходимой разнообразной нормативной информации (юридических печатных работ учебного и научного характера, выполненных в электронном виде; аудио- и видеоматериалов); беспрепятственное общение с практическими работниками правоохранительной сферы и последующая самореализация в правоприменительной деятельности; не только приобретение знаний основ белорусского законодательства, но и формирование глубокого уважения к праву, превращающегося в личное убеждение, потребность и привычку соблюдать социальные нормы; высказывание своей точки зрения относительно действующих правовых запретов; поиск единомышленников, возможность делиться своими фотографиями, видео и другой информацией. Другими словами, социальные сети в настоящее время — это вид коммуникации между молодыми людьми, который «внедряется» в теоретико-правовую действительность и постепенно трансформирует ее из категории специальных знаний профессиональных юристов в общедоступное восприятие правовых категорий. И в этом смысле студенты учреждений образования как юридического, так и не юридического профиля используют их в своей обыденной жизни.

Для того чтобы определить прикладной аспект роли социальных сетей в правовом образовании молодежи в Республике Беларусь, нами был проведен

социологический опрос*. Из принявших участие в опросе респондентов 83 % составляют лица женского пола и 17 % — мужского пола. Все респонденты пользуются социальными сетями. На 1-м месте по популярности среди опрошенных, одновременно использующих две и более социальных сети, находится сеть «ВКонтакте» (94 %); на 2-м месте — Instagram (90 %); 3-ю позицию занимает Telegram (54 %). Меньше всего используются Twitter (10 %) и Facebook (2 %). На вопрос о том, как много времени опрашиваемые проводят в социальных сетях, более половины (57 %) ответили, что от 2 до 5 часов, а 25 % — более 5 часов. Очевидно, что такое длительное времяпрепровождение негативно сказывается на физическом и психологическом здоровье молодого человека. И при этом респонденты не могут контролировать себя и часто проводят больше времени, чем они планировали. Существование тенденции к зависимости от социальных сетей подтверждают 92 % опрошенных лиц. Отвечая, с какой целью молодежь Беларуси присоединяется к виртуальным социальным сетям, примерно 75 % из респондентов согласились, что используют их для общения с друзьями и обсуждения судебной практики, 24 % — в целях самовоспитания. С целью нахождения статей и учебно-методической литературы по правовой тематике опрашиваемые используют возможности социальных сетей довольно активно. На это указали около 78 % опрошенных лиц, ответив «согласен», а 13 % — «отчасти согласен». В то же время виртуальное общение между собой по вопросу рассмотрения отдельных правовых ситуаций молодые люди не считают равноценной заменой практической деятельности юридических служб в будущей профессии юриста. На это указали около 80 % опрошенных лиц.

Также проведенное исследование выявило изменение в подходе к знакомству среди молодежи. Так, около 53 % при знакомстве с парнем или девушкой предпочитают взять у них название аккаунта, нежели номер телефона. Это связано с их неуверенностью, которая порождает неготовность к реальному общению, в результате чего они стараются свести его к минимуму посредством виртуального общения, с помощью которого им легче рассказать о себе, скрыть свои недостатки или приукрасить достоинства. Кроме этого, около 45 % участников согласились с тем, что многие пользователи социальных сетей ведут «двойную жизнь», а 49 % респондентов дали ответ «скорее да, чем нет». 57 % молодых людей приукрашивают свою действительность, используя псевдовысказывания, выкладывают красивые фотографии или видео. Не всегда в таких изображениях находится правда. В этой связи, как верно отмечал М. Б. Колисниченко, таким способом человек может реализовать те или иные качества своего «Я», которые могут не совпадать с его реальными социальными

* В марте 2020 – январе 2021 г. автором по специально разработанной программе был проведен опрос свыше ста пятидесяти молодых людей в возрасте от 16 до 30 лет в контексте предмета исследования данного материала.

ролями [8]. То есть с помощью социальных сетей ему легче создать свой желаемый образ, который не соответствует действительности. Однако результаты проведенного исследования свидетельствуют о наличии изменений в создании благоприятного образа за счет технических возможностей. Чем больше в своих общественных отношениях молодые люди будут руководствоваться требованиями правовых и моральных норм, а не личными интересами, тем выше будет уровень их сознательности, будет вырабатываться привычка, убеждение соблюдать закон в широком смысле слова. Так, около 66 % респондентов ответили, что при посещении какого-либо модного заведения сделают фотографию для себя без выставления их в социальные сети, а 22 % не будут ничего фотографировать. Всего лишь 33 % опрошенных волнует количество отметок «мне нравится» под своими фотографиями.

Таким образом, на основании вышеизложенного уместно сделать следующие выводы:

– роль социальных сетей в правовом воспитании и образовании молодежи в Республике Беларусь неуклонно возрастает, при этом основным направлением правового воспитательного процесса в настоящее время является обучающе-консультационное;

– социальные сети в настоящее время — это новый вид коммуникации между молодыми людьми, который «внедряется» в теоретико-правовую действительность и постепенно трансформирует ее из категории специальных знаний профессиональных юристов и правоприменителей в общедоступное восприятие правовых категорий.

Безусловно, в рамках данного материала невозможно рассмотреть весь спектр проблем, связанных с ролью социальных сетей в правовом воспитании молодежи, а также выработать единую точку зрения. Поэтому предлагаемый материал представляет собой авторскую позицию в изложенном направлении.

1. Емельянов Б. М., Правкин С. А. Теория государства и права. Учебный курс. М. : МИЭМП, 2004. 64 с. [Вернуться к статье](#)

2. Кваша А. А. Правовые установки граждан: Дис.... канд. юрид. наук. Волгоград. 2002. 160 с. [Вернуться к статье](#)

3. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М. : Юристъ, 2001. 776 с. [Вернуться к статье](#)

4. Мардахаев Л. В. Социальная педагогика : учебник. М. : Гардарики, 2006. 269 с. [Вернуться к статье](#)

5. Зайцева С. П. Особенности правового воспитания молодежи в современной России [Электронный ресурс]. URL: [http://www.tsutmb.ru/nayk/nauchnyie_mero_priyatiya/int_konf/mezhdunarodnyie/aktualnyie_problemyi_soczialno_kulturnoj_deyatelnosti/granty_i_stipendii\)_dlya_obucheniya_v_magistrature_v_evrope_i_kitae/osobennosti_pravovogo_vospitaniya_molodyozhi_v_sovremennoj_rossii](http://www.tsutmb.ru/nayk/nauchnyie_mero_priyatiya/int_konf/mezhdunarodnyie/aktualnyie_problemyi_soczialno_kulturnoj_deyatelnosti/granty_i_stipendii)_dlya_obucheniya_v_magistrature_v_evrope_i_kitae/osobennosti_pravovogo_vospitaniya_molodyozhi_v_sovremennoj_rossii) (дата обращения: 06.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Зависимые от интернета страдают депрессией [Электронный ресурс] : BBC: международный общественный информационный телеканал. URL: https://www.bbc.com/russian/science/2010/02/100202_internet_addiction (дата обращения: 07.03.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Социальная сеть [Электронный ресурс] : Википедия: свободная электронная энциклопедия: на русском. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальная_сеть (дата обращения: 14.11.2020). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Колесниченко М. Б., Колупаева В. В. Социальные аспекты интернет-зависимости молодежи [Электронный ресурс] // Вестн. Перм. нац. исследоват. политех. ун-та. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-aspekty-internet-zavisimosti-molodezhi/viewer> (дата обращения: 06.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ЮРИДИЧЕСКИХ
ДИСЦИПЛИН****О. У. Шаро**

Белорусский государственный университет,

магистрант

email: ya.otto-sharo@ya.ru

***Аннотация.** В статье исследуется сущность правовой культуры преподавателя юридических дисциплин, анализируются особенности ее приобретения, развития и последующей передачи студентам. Произведен анализ процедуры формирования и модели правовой культуры преподавателя юридических дисциплин.*

***Ключевые слова:** правовая культура, преподаватель юридических дисциплин, студент, образовательное учреждение.*

***Annotation.** The article examines the essence of the legal culture of a teacher of legal disciplines, analyzes the features of its acquisition, development and subsequent transfer to students. The analysis of the formation procedure and model of the legal culture of the teacher of legal disciplines.*

***Keywords:** legal culture, teacher of legal disciplines, student, educational institution.*

На сегодняшний день право и государство находятся в неоднозначном и сложном взаимодействии с общечеловеческой культурой. К области правовой культуры относятся достижения и успехи в развитии государства и права, в усовершенствовании правовой и государственно-правовой организации жизнедеятельности свободных людей.

В силу сложившихся реалий в борьбе за безопасность суверенных стран и благосостояние народов мира (малых и больших) множество проблем, если не все, решают высококвалифицированные кадры. В особенности актуальна в подготовке данных кадров роль преподавателей высшей школы, в т. ч. юридических дисциплин, которые обладают среди множества актуальных качеств (информированность, компетентность, педагогическое мастерство, гражданственность, искусство психического общения, патриотизм и т. п.) еще и наивысшим уровнем правовой культуры.

Правовой культурой должен обладать каждый член общества (в т. ч. преподаватели юридических дисциплин) вне зависимости от рода и вида его деятельности, поскольку это способствует формированию общественного порядка и безопасности в обществе. Правовая культура преподавателя юридических дисциплин является достаточно важной составляющей образовательного про-

цесса, поскольку она оказывает непосредственное воздействие на формирование и развитие правовой культуры студентов — будущих специалистов.

Преподаватель юридических дисциплин в обязательном порядке должен непрерывно совершенствовать уровень собственной правовой культуры как актуальный компонент педагогической культуры. В процессе подготовки к занятиям преподаватель, устанавливая воспитательные и учебные цели, в качестве одной из воспитательных целей ставит «формирование у обучающегося правовой культуры и правового сознания». Но педагогу для реализации этого нужно в первую очередь самому обладать соответствующим уровнем правовой культуры и правового сознания.

Таким образом, на основе вышесказанного можно сделать утверждение о том, что тема данной научной статьи является актуальной.

Проанализируем, что представляет понятие «правовая культура преподавателя юридических дисциплин». Однако стоит заметить, что в доктрине на сегодняшний день данный вопрос является дискуссионным, т. к. высказываются разные точки зрения.

В. Л. Кулапов утверждает: «Правовая культура преподавателя юридических дисциплин выступает в качестве правового сознания, которое реализуется преподавателем в повседневной деятельности. Однако правовая культура является не всякой юридической деятельностью и ее результатами, а только лишь той, которая будет выступать общечеловеческой ценностью, благом для людей и общества, которые сопряжены между собой конкретным образом жизнедеятельности» [1, с. 47].

Е. В. Аграновская подчеркивает, что «правовая культура преподавателя юридических дисциплин отражается в овладении базой юридических познаний преподавателем, в уважении к праву и закону, сознательном и полном соблюдении правовых норм, в понимании правовой и социальной ответственности, в нетерпимости к правонарушениям и в борьбе с ними, а также в привитии данных ценностей обучающимся» [2, с. 95].

По убеждению В. А. Михайлова, «правовая культура преподавателя юридических дисциплин является особым социальным явлением, которое может восприниматься в роли качественного явления общества и личности, которое подлежит структурированию по различным основаниям» [3, с. 88].

С. А. Комаров утверждает, что «правовая культура преподавателя юридических дисциплин сопряжена с правовым сознанием, опирается на него, но она является обособленной категорией, т. е. включает не только социально-психологические процессы, которые фиксируются в конкретных правовых нормах, но и юридически актуальное поведение людей, правовую деятельность в форме правотворчества и его результата» [4, с. 85].

С. Г. Дробязко подчеркивает: «Правовая культура преподавателя юридических дисциплин выступает в роли системы воспроизводства правовых ценностей, которые выражаются в реальном прогрессивном правовом сознании, развитии и восприятии правовых принципов и базирующихся на систематизированных актах, закрепленных и осуществляемых в соответствии с условиями правовой законности и порядка» [5, с. 93].

В. И. Червонюк отмечает, что «правовая культура преподавателя юридических дисциплин является свойством человека, характеризующимся уважительным отношением к праву, достаточными объемами информированности о содержании норм права, которые обеспечивают правомерный характер его действий в любой жизненной ситуации» [6, с. 65].

Возможно привести множество иных трактовок термина «правовая культура преподавателя юридических дисциплин», поскольку на сегодняшний день их количество превышает 250 вариантов в научной литературе. Однако посредством систематизации вышеотмеченных трактовок исследуемого термина можно выделить признаки, которые характеризуют его сущность:

– правовая культура преподавателя юридических дисциплин непосредственным образом сопряжена с обществом, она не может иметь место и развиваться вне пределов общества; выступает в качестве необходимого атрибута данного социума, неотъемлемой частью его культуры;

– правовая культура преподавателя юридических дисциплин непосредственным образом сопряжена с правом, характеризующимся в общих чертах в качестве меры (масштаба) свободы, справедливости и равенства во взаимных отношениях между людьми в социуме, санкционированная или установленная государством; данная мера является результатом общей политической воли субъектов права, которая достигнута посредством компромисса и взаимных уступок;

– правовая культура преподавателя юридических дисциплин предусматривает обязательное наличие конкретного правового мышления и чувственного восприятия юридической действительности;

– правовая культура преподавателя юридических дисциплин предусматривает не только обязательное познание законодательства, полное и всестороннее соблюдение норм права и их уважения, но и передачу данных качеств студентам; в этих целях преподавателю юридической дисциплины нужно выстраивать собственные занятия посредством установления психологического контакта со студентами, т. к. при его отсутствии передача является невозможной ввиду взаимного непонимания;

– правовая культура преподавателя юридических дисциплин сопряжена с государством, которое координирует и организует творческую деятельность людей в социуме.

В научной литературе убеждены в том, что процедура формирования и усовершенствования правовой культуры педагога юридических дисциплин может быть разделена на три способа:

– Самообразование — подразумевает то, что преподаватель в ходе занятий сам получает новейшие научные познания о праве, формирует умения и навыки их применения для удовлетворения собственных потребностей.

– Самоубеждение — отражается в становлении убежденности преподавателя о том, что правомерно, а что нет. Самоубеждение может быть сопряжено как с осуждением личного поступка, так и с утверждением новейших взаимоотношений. Один субъект может отлично знать нормы права, однако при этом их не соблюдать и искать способ для их нарушения, а иной будет знать и соблюдать их, а также будет обучать и воспитывать студентов в духе уважения законодательства.

– Самоконтроль — выражается в реализации поставленных задач по повышению собственной правовой культуры. Полученные познания должны превратиться в личное убеждение, в сильную установку по строгому следованию юридическим предписаниям, а в последующем — во внутреннюю потребность и привычку соблюдать нормы права, проявлять правовую активность [3, с. 89].

На сегодняшний день модель правовой культуры преподавателя юридических дисциплин представляется возможным охарактеризовать в виде единства пяти составляющих — блоков:

1) когнитивного (знание и понимание основных правовых понятий и норм);

2) оценочного (оценка законности, справедливости и целесообразности явлений правовой действительности);

3) мотивационно-ценностного (включение нормативных предписаний в сферу личностных ценностей);

4) волевого (стремление и внутренняя готовность к развитию своей правовой культуры, способность воздерживаться от совершения правонарушений);

5) первично-практического (умения и навыки по владению правовой терминологией и лексикой, работе с правовыми источниками, по теоретическому анализу правовой ситуации, составлению правовой документации) [3, с. 90].

Следует отметить, что в Республике Беларусь развитию правовой культуры преподавателей юридических дисциплин уделяется повышенное внимание. В частности, в 2006 году множество преподавателей таких учреждений высше-

го образования, как Белорусский государственный университет, Международный университет «МИТСО» и Белорусский государственный экономический университет, прошли базовый курс обучения по работе со справочными системами «КонсультантПлюс», получили соответствующие сертификаты и теперь успешно применяют информационные технологии в образовательном процессе для развития правовой культуры студентов. Многие преподаватели освоили знания по английскому языку и получили соответствующие документы, что способствует полному и всестороннему изучению научной и законодательной литературы зарубежных стран, проведению научно-практических конференций с участием представителей как дальнего, так и ближнего зарубежья, и передаче данных знаний студентам [7, с. 21].

Э. А. Калинина подчеркивает: «В процессе производства занятий с преподавателями юридических дисциплин не было уделено необходимого внимания юридической педагогике, юридической психологии и конфликтологии. Не было обращено внимание на особенности искусства психологического общения и педагогике на ранней стадии образовательного процесса и правового воспитания» [7, с. 21].

Таким образом, для успешной правовой социализации студентов в обязательном порядке нужно не только развивать практику обучения юридическим дисциплинам в образовательных учреждениях, реализовывать поддержку разных моделей правового образования, вырабатывать учебные курсы, которые включают в себя юридическую тематику, но и повышать уровень правовой культуры самого педагога, совершенствовать методическую и профессиональную подготовку преподавателей в сфере права.

В Республике Беларусь на сегодняшний день сделано многое для развития и укрепления правовой культуры преподавателей юридических дисциплин, однако не все они являются эффективными ввиду отдельных причин. Анализ и устранение данных причин поспособствуют еще наиболее лучшему развитию (укреплению) правовой культуры преподавателя, а значит, и развитию правовой культуры студенческого сообщества в целом.

1. Кулапов В. Л. Проблемы теории государства и права. Саратов : Юрс, 2006. 449 с. [Вернуться к статье](#)

2. Аграновская Е. В. Правовая культура и обеспечение прав личности. М. : Наука, 1988. 224 с. [Вернуться к статье](#)

3. Михайлов В. А. Правовая культура — как элемент педагогической культуры преподавателя юридических дисциплин // Саратов. ин-т войск нац. гвардии. 2020. № 3. С. 87–90. [Вернуться к статье](#)

4. Комаров С. А. Общая теория государства и права. М. : Юрайт, 1997. 416 с. [Вернуться к статье](#)

5. Дробязко С. Г. Общая теория права. Минск : Амалфея, 2007. 497 с. [Вернуться к статье](#)

6. Червонюк В. И. Теория государства и права. М. : Инфра-М, 2009. 475 с. [Вернуться к статье](#)
7. Калинина Э. А. Правовая культура педагога и проблемы формирования личности студента // Митсо. 2013. № 2. С. 18–22. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.542.1:004.738]:347.157

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Ю. А. Яроцкая

Научно-практический центр Государственного комитета
судебных экспертиз Республики Беларусь,
заведующий лабораторией психолого-лингвистических исследований,
кандидат культурологии
e-mail: iarockaia@mail.ru

Аннотация. В современных условиях глобализации и цифровизации мирового сообщества возникают и развиваются новые виды угроз безопасности несовершеннолетних. В первую очередь это касается киберпространства, активными пользователями которого являются дети.

Ключевые слова: киберпространство, секстинг, кибергруминг, кибербуллинг.

Annotation. New types of threats to the children's safety are emerging and developing in modern conditions of globalization and digitalization of the world community. This primarily applies to cyberspace because children are active users of cyberspace.

Keywords: cyberspace, sexting, cybergrooming, cyberbullying.

Несовершеннолетние воспринимают положительно киберпространство, поэтому они часто недооценивают негативное влияние информации, размещенной в виртуальном пространстве. Для несовершеннолетних общение в киберпространстве стало неотъемлемой и важной частью их жизни. Кроме того, посредством использования коммуникативных возможностей киберпространства совершается значительное количество общественно опасных деяний.

В 2009 году Европейским союзом была инициирована программа «Безопасный Интернет» (Safer Internet Programme), в которой приняли участие 27 стран — членов Европейского союза, а также Норвегия, Исландия и Российская Федерация. Целью данной программы является защита несовершеннолетних в глобальной сети Интернет посредством их просвещения и борьбы с наличием деструктивного контента (с помощью правоохранительных органов, неправительственных организаций и др.) [1]. В рамках данной программы предусмотрена деятельность центров информирования, линий помощи и горячих линий, а также проведение Дня безопасного Интернета (учрежден в 2004 году, данный день отмечается ежегодно в Республике Беларусь) и Форума безопасного Интернета (проводится в формате ежегодной конференции начиная с 2004 года).

В соответствии с программой «Безопасный Интернет» странами-участницами были созданы специализированные центры, ответственные за

обеспечение безопасного использования несовершеннолетними киберпространства. В Российской Федерации в 2009 году была учреждена линия помощи «Дети Онлайн» [2, с. 51]. Таким образом, защита прав детей и их безопасность в виртуальном пространстве являются важными направлениями деятельности мировых стран.

Специалисты, изучающие современное киберпространство, выделяют три основных вида угроз безопасности несовершеннолетних:

– секстинг (согласованный обмен сообщениями, содержащими сексуальный контент); часто в научной литературе входит в состав груминга или буллинга;

– кибергруминг (виртуальная деятельность взрослого человека по отношению к несовершеннолетнему с целью сексуального удовлетворения или шантажа; является манипулятивным процессом);

– кибербуллинг (психологическое преследование несовершеннолетнего в киберпространстве).

Секстинг является достаточно большой общественной проблемой, поскольку данное явление не закреплено на законодательном уровне, но находится в поле зрения правоохранительных органов и часто граничит с изготовлением порнографических материалов. Так, например, анализ деятельности российской линии помощи «Дети Онлайн» (2015 г.) показал, что 37 % обращений, поступивших на данную линию, связаны с наличием в виртуальной среде порнографических материалов [2, с. 58]. Кроме того, исследование «Дети России онлайн» показало, что 28 % несовершеннолетних (11–16 лет) встречали или получали сообщения с контентом сексуального характера (причем 4 % детей сами отправляли подобные сообщения) [3, с. 27].

Необходимо отметить, что секстинг происходит не только с целью получения и обмена информацией, но и для получения сексуального удовлетворения, а неудовлетворение коммуникативным процессом приводит к размещению интимных фото- или видеоизображений с целью причинения собеседнику моральных или психических страданий (так называемый феномен порномести) [4, с. 298].

В 2003 году в Великобритании был принят Акт о сексуальных преступлениях, предусматривающий уголовную ответственность за кибергруминг. В соответствии со ст. 15 п. 27 данного акта уголовно наказуемыми действиями являются следующие: установление доверительного контакта с несовершеннолетними, проведение с ними бесед сексуального содержания, отправка порнографических материалов, подстрекательство к совершению и совершение сексуальных отношений с ними [4, с. 300]. Анализируя опыт зарубежных стран по защите несовершеннолетних в киберпространстве, в 2013 году МВД Республи-

ки Беларусь выступило с инициативой о введении уголовной ответственности за кибергруминг, однако проработка данного вопроса все еще остается открытой.

В современных условиях в виртуальной среде активно распространяется новая форма преследования несовершеннолетних — кибербуллинг. Для преследования агрессоры используют все коммуникативные ресурсы киберпространства: игровые площадки, электронную почту, мессенджеры, веб-страницы, блоги, форумы, чаты и др. Кибербуллинг может быть прямым и косвенным. При прямом кибербуллере преследуют своих жертв посредством сообщений, носящих оскорбительный характер. При косвенном происходит вовлечение в процесс преследования других лиц. Чаще всего кибербуллер взламывает аккаунт жертвы (или создает его копию) в социальных сетях, а затем рассылает с него компрометирующие сообщения знакомым жертвы, тем самым нанося дискредитирующее и разрушающее воздействие на жертву [5, с. 73]. Примечательно то, что, во-первых, жертвами насилия чаще всего становятся дети, уже страдающие от насилия в реальной жизни; а во-вторых, достаточно редко несовершеннолетние, подвергшиеся кибербуллингу или другому виртуальному насилию, рассказывают взрослым или сверстникам о преследовании.

Необходимо отметить, что среди несовершеннолетних пользователей виртуального пространства отсутствует осознание ответственности за совершение в отношении их (или ими) общественно опасных деяний в киберпространстве. Поэтому необходима разработка и внедрение превентивных мер безопасности несовершеннолетних в киберпространстве, среди которых видятся следующие:

- разработка основ безопасного использования киберпространства несовершеннолетними (предупреждение реальных/виртуальных встреч с незнакомцами; профилактика психологических последствий секстинга/груминга/кибербуллинга и др.);
- проведение информационных часов/бесед в учреждениях образования о возможных киберугрозах и их психологических/правовых последствиях;
- профилактика распространения несовершеннолетними в киберпространстве персональной информации;
- использование средств фильтрации контента со стороны взрослых;
- правовое просвещение об ответственности за использование/размещение сексуального/деструктивного контента в социальных сетях;
- профилактика интернет-зависимости у несовершеннолетних (приучить ребенка делать регулярные перерывы при работе с цифровыми устройствами; организовать ребенку занятия/хобби/досуг вне киберпространства и др.).

1. Механизм обеспечения информационной безопасности в условиях виртуализации общества [Электронный ресурс]. URL: <https://nicbar.ru/politology/study/56-kurs-informatsionnaya-bezopasnost-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh/594-tema-9-mekhanizm-obespecheniya-informatsionnoj-bezopasnosti-v-usloviyakh-virtualizatsii-obshchestva> (дата обращения: 17.02.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Солдатова Г. У., Шляпников В. Н., Журина М. А. Эволюция онлайн-рисков: итоги пятилетней работы линии помощи «Дети онлайн» // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 3. С. 50–66. [Вернуться к статье](#)
3. Солдатова Г., Рассказова Е., Лебешев М. Жестокий опыт // Дети в информационном обществе. 2012. № 2. С. 26–35. [Вернуться к статье](#)
4. Яроцкая Ю. А. Угрозы безопасности несовершеннолетних в киберпространстве // Сучасні питання криміналістики, судової експертизи та кримінального процесу : матеріали Міжнар. навук.-практ. конф., Одеса, 3 грудня 2020 року / відп. ред. А. І. Черемнова. Одеса : Видавничий дім «Гельветика», 2020. С. 297–301. [Вернуться к статье](#)
5. Лукашкова И. Л. Информационно-коммуникативные угрозы виртуального взаимодействия: особенности проявления и способы реализации // Медиасфера и медиаобразование : специфика взаимодействия в современном социокультурном пространстве : сб. науч. ст. Могилев : Могилев. институт МВД, 2019. С. 70–75. [Вернуться к статье](#)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

УДК 947.083(476)

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОРОДСКОЙ РЕФОРМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1892 г. АЛЕКСАНДРА III НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ МЕЩАН

М. М. Атрушкевич

Академия управления при Президенте
Республики Беларусь,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат исторических наук, доцент
e-mail: maratmih@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена изучению изменений в городском законодательстве Российской империи в 90-е годы XIX века. В ней идет речь об особенностях реализации Городового положения 1892 г. на территории Беларуси в данный период. Автором раскрыты основные положения данной городской реформы, действовавшей в белорусских городах в конце XIX в., а также сделан сравнительный анализ городской реформы 1892 г. с городской реформой 1870 г.*

***Ключевые слова:** белорусские земли, город, законодательство, право, городская дума, суд, городская управа, Российская империя.*

***Annotation.** The article is devoted to the study of changes in the city legislation of the Russian Empire in the 90s of the XIX century. The work deals with the peculiarities of the implementation of the City Regulations of 1892 on the territory of Belarus in this period. The author of the article reveals the main provisions of this urban reform, which operated in Belarusian cities at the end of the 19th century. It also does a comparative analysis of the urban reform of 1892 with the urban reform of 1870.*

***Keywords:** Belarusian land, city, legislation, law, City Council, court, city government, Russian empire.*

В 80-е годы XIX в. в Российской империи после убийства царя Александра II его сын император Александр III начал проводить новый курс, который был направлен на существенное ограничение либеральных реформ, принятых в 60-е гг. XIX в. В Российской империи начался процесс усиления контроля за всеми сторонами общественной жизни, в том числе и в сфере городского управления. В указе Александра III от 11 июня 1892 г. было отмечено следующее: «Городовое положение от 16 июня 1870 г. принесло большую пользу в период своего существования, но вместе с тем содержало и отрицательные черты,

которые требовали исправления. Поэтому министру внутренних дел было поручено начать пересмотр Городового положения 1870 г.» [1, с. 430].

В середине 80-х годов XIX в. еще сенаторские ревизии констатировали несовершенство избирательной системы по городской реформе 1870 г., главной проблемой которой было недостаточное количество выборщиков в отношении к общему числу всех жителей города. Затем были организованы губернские комитеты, которые должны были подготовить материалы для разработки нового Городового положения Российской империи [2, с. 67–75].

Новое Городовое положение было принято 11 июня 1892 г. Оно еще больше уменьшило избирательные права, которые существовали по предыдущей городской реформе 1870 г. Избирательные права в Российской империи были предоставлены только незначительному количеству населения, в первую очередь: 1) тем, кто имел российское подданство, а также правительственным, учебным, научным и благотворительным учреждениям, которые владели недвижимым имуществом не менее одного года в границах города и были обложены оценочным сбором в губернских городах и столицах (Москва, Санкт-Петербург, Минск, Вильно и др.) — не менее чем на три тысячи рублей; 2) учреждениям, которые не менее чем один год имели в границах города торгово-промышленные предприятия: в столицах — первой гильдии, а в остальных городах — первой или второй гильдии [1, с. 437]. Таким образом, принятый нормативный правовой акт обязывал жителей белорусских городов во второй половине XIX в. жить на основе нового российского городского законодательства, что оказывало влияние на формирование их правовой культуры в целом.

Городовое положение 1892 г. исключало из числа выборщиков всех тех, кто имел недоимки по городским сборам более чем на половину от городского оклада, владельцев винных лавок и питейных домов. Христианские священники не могли участвовать в работе городских органов [3, с. 47].

В белорусских губерниях проходила черта еврейской оседлости и большинство городских жителей составляли евреи. Они по городской реформе 1892 г. не допускались к участию в городских избирательных органах. Только в городах белорусских губерний, где было постоянное место жительства евреев, им разрешалось выполнять обязанности городских гласных [1, с. 432].

Таким образом, лишены права голоса по новому Городовому положению 1892 г. оказались не только малоимущие землевладельцы, но и большая часть промышленников. В некоторых, в том числе и белорусских, губерниях соотношение количества выборщиков от всего населения составило: в Белостоке — 0,2 %, Минске и Вильно — 0,3 %, в Могилеве, Витебске и Гродно вместе взятых — 0,4 % и др. [1, с. 438]. Таким образом, в белорусских городах отпала необходимость деления выборщиков на три разряда, которое существовало по

городской реформе 1870 г. Так, все выборщики в белорусских городах составляли одно избирательное собрание, которое при большом количестве могло быть разделено на участки [1, с. 438].

В целом по городской реформе 1892 г. предусматривалось, что если при двухразовом голосовании в избирательных собраниях белорусских городов будет избрано менее чем две трети от необходимого количества гласных, то существующее их количество пополнится согласно распоряжению министра внутренних дел из состава гласных предыдущего созыва [1, с. 440].

Городская дума, согласно Городовому положению 1892 г., должна была собираться на собрания не менее чем 4 и не более чем 24 раза в год, причем раскладка их созывов составлялась на год вперед. Вся деятельность городских дум в белорусских городах регламентировалась по специальным правилам. Так, в целом состав городских дум в белорусских городах был сокращен в 2–3 раза по сравнению с предыдущим (от 20 до 16 гласных в зависимости от количества населения и статуса городов) [1, с. 437].

Городская реформа 1870 г. Александра II наделяла органы городского управления в белорусских городах правами управления городским хозяйством, а губернатора — контрольными правами. По городской реформе 1892 г. Александра III специально не оговаривалась возможность самостоятельного городского управления. В соответствии с ней губернатор сам мог отменить выполнение распоряжений городских дум в белорусских городах, когда считал, что они: 1) противоречат закону или принимаются с нарушением границ власти и порядка действия государственного управления; 2) не совпадают с общегосударственными или местными интересами [1, с. 445].

По Городовому положению 1892 г. Александра III произошли серьезные изменения внутри самих органов городского управления. Так, например, за городской управой, как и ранее, оставались исполнительные функции, но сейчас управа была поставлена в куда более зависимое от городской думы положение. Число членов городской управы белорусских городов определялось только для губернских городов и составляло не более трех человек [4]. Таким образом, мещанам белорусских городов необходимо было действовать на основе нового российского законодательства, что, в свою очередь, оказывало значительное влияние на формирование их правовой культуры.

Городская реформа 1892 г. Александра III в целом уравнивала выборных в органы управления белорусских городов с чиновниками правительства и поставила их в зависимость и ответственность от губернской администрации [5]. Городские «верхи» и члены городской управы приравнивались к государственным служащим, и губернатор мог сделать им предписания и замечания.

В соответствии с новым Городовым положением 1892 г. Александра III в белорусских городах вводились новые сборы в пользу городской казны: 1) оценочные с недвижимого имущества; 2) с промысловых свидетельств; 3) с карчмовых промыслов и пивных лавок. Городская дума могла также вводить сборы с лошадей и экипажей, с перевозных промыслов и др. В пользу города поступали и различные сборы промыслового характера: 1) от исполнения и предъявления до «отыскания» различных актов; 2) за клеймение системы мер и весов; 3) за использование мер и весов в торговых местах; 4) с аукционной продажи движимого имущества; 5) с привозных товаров; 6) за проход и проезд по городу [1, с. 453–454].

В некоторых белорусских городах собирались и иные сборы: больничные с тех, кто приезжал на лечение и отдых, и др. Но использование этих источников городских доходов серьезным образом ограничивалось. С основного городского оценочного сбора исключалось наиболее ценное городское имущество: 1) императорские дворцы и их имущество; 2) недвижимое имущество кабинета министров; 3) здание главного управления уделов; 4) казенные строения; 5) военные здания; 6) здания благотворительных и учебных учреждений; 7) имущество духовного ведомства; 8) земли, которые отданы под железные дороги; 9) мало доходное имущество и др. [1, с. 454]. Так, сборы с промысловых свидетельств определялись думами белорусских городов в процентах от стоимости, которая выплачивалась за эти свидетельства в казну, в следующих размерах: с цены промысловых свидетельств 1-го и 2-го разрядов, промысловых предприятий первых 5 разрядов, а также с цены промысловых свидетельств, выбираемых на пароходные и золотоплатиновые промысловые предприятия, — не более чем 15 %, а с цены всех остальных свидетельств — не более чем 10 %, и собирались вместе с казенной пошлиной [6].

Согласно Городовому положению 1892 г. Александра III, предусматривались следующие основные казенные расходы: 1) содержание городского управления; 2) содержание общественных зданий и памятников; 3) содержание улиц, площадей, дорог и др.; 4) содержание воинского поста, а также арестованных помещений; 5) содержание пожарных команд; 6) содержание ветеринарного надзора; 7) содержание чинов полиции; 8) выплаты сумм по займам; 9) помощь различным ведомствам на содержание учебных, благотворительных и иных учреждений; 10) расходы за наем помещений для городского полицейского управления [1, с. 454].

Таким образом, новое Городовое положение 1892 г. ограничивало права городских дум белорусских городов по финансовым вопросам, в частности в определении и планировании доходов и расходов. А городская реформа

1870 г. Александра II не разрешала вносить изменения в принятые ранее городской думой решения [3, с. 54].

В соответствии с городской реформой 1892 г. все наиболее важные постановления городской думы подлежали утверждению министром внутренних дел Российской империи: «I. Во всех городских поселениях: 1) о переводе натуральных земских повинностей в денежные; 2) о принятии на общие средства городского поселения: а) о содержании мостовых и тротуаров; б) об очистке дымовых труб и др.; 3) об отходе принадлежащего городу недвижимого имущества; 4) о займах или гарантиях от имени городского поселения; 5) о размерах различных видов оплаты. II. В столицах и губернских городах, которые входили в состав градоначальства: б) о размерах оплаты за зимовку судов в затонах и гаванях; 7) о правилах управления комитетами и разным имуществом городского поселения; 8) о новых планах городского поселения и др.» [1, с. 444]. Все это, в свою очередь, оказывало влияние на формирование правовой культуры мещан.

Таким образом, новая городская реформа Российской империи 1892 г. Александра III была направлена на укрепление в городском управлении контроля со стороны царской администрации и резкое сокращение количества выборщиков путем повышения имущественного ценза [7]. Таким образом, мещанам белорусских городов необходимо было действовать на основе норм российского законодательства, что оказывало значительное влияние на формирование их правовой культуры в целом.

На территории белорусских губерний произошло фактическое отстранение от участия в выборах в органы городского управления лиц еврейской национальности. Так, например, в Минске по этим причинам общее количество городских выборщиков в 1893 г. сократилось в 14 раз (с 3545 до 248) и составило менее 1 % горожан [4].

По городской реформе 1892 г. происходил процесс сужения власти городского управления, а городское самоуправление лишалось самостоятельности и практически перестало существовать. Ни одна должность в органах городского управления не могла быть замещена без согласия центральной администрации. Такого подхода не было ни в одной стране Западной Европы. Так, например, в Германии бургомистры и члены магистрата утверждались администрацией, а лица, нанятые на службу магистратами, администрацией не утверждались [5, с. 42].

В целом Городовое положение 1892 г., действовавшее на территории Беларуси, оказало существенное влияние на формирование правовой культуры мещан белорусских городов в конце XIX в.

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3. Т. 12. СПб., 1885. № 8708. [Вернуться к статье](#)
2. Семенов Д. Д. Городское самоуправление. Очерки и опыты. СПб., 1901. 257 с. [Вернуться к статье](#)
3. Калинин В. Д. Из истории городского самоуправления в России (XVII – начало XX вв.). М., Ин-т экономики РАН. Отд. статистики и эконом. анализа, 1994. 92 с. [Вернуться к статье](#)
4. Шибeko З. В. Минск в конце XIX – начала XX в.: Очерк социально-экономического развития. Минск, 1985. 128 с. [Вернуться к статье](#)
5. Пажитнов К. А. Городское и земское самоуправление. СПб., 1913. 115 с. [Вернуться к статье](#)
6. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова : В 9 т. Т.8. М., 1987. 324 с. [Вернуться к статье](#)
7. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2-х т. / М. П. Касцюк [і інш.]. Мінск : Беларусь. Т. 1, 1994. 327 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340. 1

НОРМЫ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В ОБЩЕЗЕМСКИХ И ОБЛАСТНЫХ ГРАМОТАХ (ПРИВИЛЕЯХ) ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Л. Л. Голубева

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: lyudmila.golubeva@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены некоторые вопросы наследования имущества по общеземским и областным грамотам. Проанализированы такие институты гражданского права, как приданое и вено; выморочное имущество; правовое положение женщины-вдовы. Сделан вывод относительно влияния норм наследственного права на правовую культуру белорусского общества.

Ключевые слова: наследование имущества, общеземские и областные грамоты (привилеи), приданое, вено, выморочное имущество.

Annotation. Some issues of property inheritance according to general land and regional certificates are considered. Analyzed such institutions of civil law as dowry and vein; escheat; the legal status of a woman widow. The conclusion is made regarding the influence of the norms of inheritance law on the legal culture of the Belarusian society.

Keywords: inheritance of property, land and regional certificates (privileges), dowry, vein, escheat property.

Первые законодательные акты Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) свидетельствовали о сохранении старинных наследственных отношений и о появлении новых правовых норм [1]. В момент открытия наследства лицо, назначенное в завещании или указанное в законе, приобретало право наследования. Это право присваивалось ему помимо его воли, независимо от выраженного им намерения, в силу одного только юридического события: смерти, лишения всех прав состояния, безвестного отсутствия наследодателя.

Под принятием наследства понималось выражение намерения со стороны лица, призванного к наследованию имущества, вступить во все юридические отношения, составляющие в совокупности наследство. Только со времени принятия наследства наследник становился субъектом права собственности тех вещей, которые входили в состав наследства. Принятие наследства являлось односторонней юридической сделкой, выражающей согласие наследника на сделанное завещателем распоряжение, на осуществление предоставляемого ему законом права.

В законодательных актах ВКЛ мы видим, как постепенно оформляется институт наследования имущества среди сословия шляхты и мещан. Уже в первых общеземских грамотах присутствует ряд правовых норм, посвященных гражданскому праву и в том числе наследованию имущества, а также институту вено. При вступлении в брак муж, следуя давнему обычаю, должен был в целях обеспечения приданого записать жене на случай своей смерти вено, вычисленное в известной денежной сумме [2, с. 23]. Как правило, в состав вено входили: 1) треть недвижимого имущества мужа, не превышающая стоимости приданого жены; 2) привенок, т. е. собственно то, что муж приписал к приданому. Закон не определял количественного отношения между приданым и привенком, но на практике обычно привенок равнялся приданому [3, с. 30].

Состав и размер вено определялись, как правило, местными обычаями по соглашению жениха с отцом или другими родственниками невесты. Права мужа и жены относительно выделения вено, распоряжения им и его дальнейшей судьбы определялись обычным правом и законом и регламентировались как пожалование льгот шляхте, как расширение их свобод и вольностей. Первоначально величина вено законодательно не определялась, хотя уже Городельская грамота 1413 г. разрешала делать веновые записи в пользу жены даже и на жалованные вотчины. Не определяли этого и областные грамоты, хотя относительно этой части вено они говорили: «на одной части», «на подобной части» [4]. Позже оформилась процедура записи вено. Веновый лист должен был быть внесен в земские актовые книги мужем, женою или ее родственниками.

По понятиям того времени приданое — это своего рода паевый капитал, вносимый женой на предмет устройства новой семьи. В браке этим приданым пользовались совместно муж и жена. В случае прекращения брака в связи со смертью одного из супругов или путем развода приданое полностью подлежало возврату. В случае смерти бездетной жены оно возвращалось в семью, откуда она вышла, а в случае вдовства — приданое оставалось женщине, а от нее по наследству переходило к детям. Вдова имела право завещать свое имущество [2].

При разводах вопрос о приданом обычно решался путем взаимного соглашения разводящихся супругов. Для того чтобы приданое не подверглось растрате, а когда потребуется полностью было возвращено жене, муж, получая в день свадьбы из рук тестя приданое жены, одновременно с этим выдавал ей формальный документ, в котором писал, что получил за ней приданое на определенную сумму и обеспечил целостность его в этой сумме на такой-то части своих имений [2, с. 54–65].

Как считает И. И. Скитский, в ВКЛ приданое вносилось женою не мужу, а целой семье как основной хозяйственный фонд [5, с. 59]. При наличии детей

приданое оставалось в распоряжении семьи и вместе с имуществом мужа переходило по наследству к детям и их потомству. Но этот фонд, если он состоял из «пенязей» или вещей «рухомых», мог быть еще при жизни мужа истрачен. Жена могла остаться «пустой» и пережить своего мужа. В последнем случае приданое подлежало возвращению в тот дом, откуда оно было получено. Бесплодная вдова, не имеющая своего, отдельного от мужа имущества («властного»), могла остаться без средств существования. Для предупреждения подобных случаев муж, в соответствии с этим обычаем, обеспечивал при совершении брака целостность приданого известной долей своего собственного имущества под общим названием вено.

В Городельском привилее 1413 г. содержались первые общегосударственные нормы, которые касались наследования имущества. К шляхетским вольностям была добавлена еще одна — право наследования детьми имущества своих родителей. В привилее говорилось, что дети имели право получить в наследство имущество родителей после их смерти без вмешательства государственной власти (ст. 5). Этим привилеем были существенно расширены права вдовы. Закон разрешил делать записи в пользу жен на отчинном и подаренном великим князем имуществе (ст. 6) [5]. Тем самым положение вдов еще надежней гарантировалось правом.

В последующих привилеях институт наследования имущества получил более значительное развитие, так же как и институт приданого, и институт обеспечения вдовы. Привилеи XVI ст. были более досконально разработаны, и их положения без особых изменений позже вошли в статутное законодательство (привилеи Жигимонта I 1529 г. и Жигимонта Августа 1547, 1551 гг. и др.) [6; 7].

В грамоте Ягайло от 20 февраля 1387 г. признавалось право вдовы на владение и пользование имуществом умершего мужа до ее вступления в новый брак [4]. Вдова пользовалась имуществом умершего супруга до тех пор, пока снова не выходила замуж. Великий князь имел право передать это имущество по своему желанию иному лицу. Феодал, которому было заново пожаловано это имущество, должен был обеспечить «кормление» вдовы, т. е. пожизненное ее содержание. Очень часто в результате браков с вдовами, которые оставались на имуществе, рассмотренные владения переходили к другим лицам.

Аналогичные права гарантировались и следующими привилеями. Так, в соответствии с привилеем Казимира 1447 г. вдова оставалась в имени умершего мужа до повторного выхода замуж или же до того времени, пока она «на вдовьем столци седети будеть» [4]. При вступлении вдовы в повторный брак имущество, которым она временно владела, переходило к сыновьям или же к близким родственникам мужа. Здесь было закреплено право вдовы на некото-

рую долю, указанную в веновой записи, которую муж записал ей в соответствии с обычным правом. Вдова могла распоряжаться предназначенным ей вено по своему усмотрению.

Нормы, касающиеся наследования имущества, имеют место также и в областных грамотах [6, с. 239]. Так, в Полоцкой областной грамоте 1511 г. прослеживались достаточно широкие права вдовы и было закреплено ее право на пожизненное владение имуществом мужа и на свободный выход замуж [4]. В случае повторного замужества вдове оставалось то имущество, которое ей записал муж, однако размеры этой части имущества законом не определялись. При этом вдова должна была сообщить родственникам мужа, что он ей записал, а остальную часть имущества оставить наследникам мужа. Таким образом, законодательно закреплялось важное право женщин ВКЛ свободно выходить замуж.

Представляет интерес для исследователей права ВКЛ положение относительно выморочного имущества по Полоцкой областной грамоте 1511 г. По общему правилу выморочное имущество поступало великому князю. В Полоцкой грамоте говорилось, что великий князь обещал не вмешиваться в выморочное и наследственное имущество [4]. Это объясняется тем, что данная норма сложилась в период существования самостоятельного Полоцкого государства, в котором государственное имущество было отделено от княжеского, и поэтому от князя требовалось, чтобы он не вмешивался в имущество, принадлежащее Полоцкому государству.

Областные грамоты содержали и нормы брачно-семейного права, тесно связанные с имущественными отношениями. В областных грамотах, данных Витебской земле в 1503 г., Смоленской — в 1505 г. и Полоцкой — в 1511 г., запрещалось выдавать замуж вдов, владеющих вотчинами умерших мужей, и девушек против их воли. Содержащееся в областных грамотах правило относительно того, что жена оставалась в имении мужа до своей смерти или до вступления в новый брак, было подтверждено общеземскими грамотами Ягайло 1387 г. и Казимира 1447 г. Вместе с тем в этих грамотах было определено, что в случае вступления в новый брак вдова должна была, согласно обычаю, оставить все имущество мужа его наследникам. Городельская грамота 1413 г. разрешала шляхте записывать своим женам вено в своих вотчинах и выслугах, что подтвердилось затем и грамотой Казимира 1447 г.

Из содержания областных и общеземских грамот видно, что хотя в достаточное время и признавалось за вдовой право на владение имением мужа, но вдовья часть не включала в себя ничего определенного: в одних случаях вдова после смерти мужа могла владеть даже целым его имением до выхода замуж, в других — она получала только право на вено. Встречались и такие случаи, ко-

гда права вдов были настолько ограничены, что их после смерти мужа ограничивали в праве распоряжения имуществом.

В связи с вышесказанным можно сделать вывод, что женщина уже в период формирования общегосударственного законодательства имела определенное право приобретать всякого рода движимое и недвижимое имущество. Она могла сама его дарить, продавать и закладывать, вступать в обязательства, вести судебные иски, для чего сама лично являлась в суды; если поручала подобные дела мужу, то выдавала ему на то формальную доверенность.

Право наследования в достатутный период было еще недостаточно полно урегулировано, часто зависело от воли великого князя. Например, он мог отдать девушку замуж с недвижимым имуществом и без него. Постепенно институт наследования оформлялся как правовой институт, и процесс этот шел параллельно с процессом складывания сословия шляхты. В этот период (конец XV — начало XVI в.) шляхта требовала законодательного закрепления основного права — права распоряжения недвижимым имуществом. Различный правовой режим феодальных землевладений этого периода («куплены», «отчины», «держания») обуславливали и отличия в наследовании недвижимого имущества. При этом законодатель должен был заботиться и о правах (и вообще о судьбе) жены и дочерей наследодателя.

Таким образом, первые законодательные акты ВКЛ свидетельствовали о нестабильности наследственных отношений, о неопределенных основаниях и характере наследования имущества, о колебаниях между обычными нормами и положениями и новыми, складывающимися в процессе развития государства, правовыми нормами. Несмотря на то, что это были отдельные и часто несистематизированные правовые нормы, они дополняли и развивали обычное право. Именно на их основании складывалось общегосударственное наследственное право. Позже в статутном законодательстве вопросы наследования имущества были развиты и приведены в более четкую систему.

Также в заключение хочется отметить, что правовая культура, являясь частью общей культуры общества и государства, тесно связана с правосознанием, опирается не него; вместе с тем представляет собой относительно самостоятельную категорию, так как включает в себя не только социально-психологические процессы, протекающие в обществе, но и юридически значимое поведение членов общества, правовую деятельность в виде правотворчества и его результатов, традиции правотворчества, практику функционирования правовых институтов. В целом проанализированные нормы общеземских и областных грамот, касающиеся наследственных правоотношений, оказали существенное влияние на формирование правовой культуры белорусского общества того времени.

1. Леонтович Ф. И. Источники русско-литовского права: Общий обзор источников. Договоры. Земские и областные привилегии // [соч.] Засл. орд. проф. Варш. ун-та Ф. И. Леонтовича. Варшава : тип. Варш. учеб. окр., 1894. №1. 71 с. [Вернуться к статье](#)
2. Спасович В. Д. Об отношениях супругов по имуществу по древнему польскому праву. СПб. : б/и, 1857. 77 с. [Вернуться к статье](#)
3. Таўсталес А. Права сямейнае паводле літоўскіх Статутаў. Нарыс да гісторыі старажытнага беларуска-літоўскага грамадзянскага права. Зап. аддз. гуманіт. навук. (БелАН). Кніга 8 : Працы кляса гісторыі. Т. III. №7 (82). Менск, 1929. С. 22–49. [Вернуться к статье](#)
4. Вішнеўскі А. Ф., Юхо Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (са старажытных часоў да нашых дзён) ; пад агульн. рэд. праф. А. Ф. Вішнеўскага. Мінск : Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. 320 с. [Вернуться к статье](#)
5. Скитский, И. И. Невенованные вдовы по Литовскому Статуту и по толкованию Сената // Журнал Министерства юстиции. 1907. № 7. С. 19–64. [Вернуться к статье](#)
6. Якубовский И. Земские привилегии Великого княжества Литовского // ЖМНП. 1903. Ч. 346. № 4. С. 239–278. [Вернуться к статье](#)
7. Ясинский М. Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев : Унив. тип. (В. И. Завадского), 1889. 210 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 34 (476) (091)

**ФАРМІРАВАННЕ ПРАВАВОЙ КУЛЬТУРЫ Ё СТАРАЖЫТНЫМ
БЕЛАРУСКІМ ГРАМАДСТВЕ****Т. І. Доўнар**

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права,
прафесар
e-mail: dovnar-taisa@rambler.ru

***Анотацыя.** Разглядаюцца пытанні станаўлення прававой культуры ў старажытных беларускіх дзяржавах, значэнне юрыспрудэнцыі ў яе фарміраванні, уклад беларускіх мысліцеляў у развіццё прававых ідэй і іх увасабленне ў заканадаўстве. Адзначаны ўплыў законаў Вялікага Княства Літоўскага, асабліва Статута 1588 года, на павышэнне ўзроўню прававой культуры.*

***Ключавыя словы:** гісторыя права, прававая культура, палітыка-прававая думка, заканадаўства ВКЛ, Статут 1588 года.*

***Annotation.** The article deals with the formation of legal culture in the ancient Belarusian states, the importance of jurisprudence in its formation, the contribution of Belarusian thinkers to the development of legal ideas and their implementation in legislation. The influence of the laws of the Grand Duchy of Lithuania, especially the Statute of 1588, on raising the level of legal culture is noted.*

***Keywords:** history of law, legal culture, political and legal thought, legislation of the Grand Duchy of Lithuania, Statute of 1588.*

Прававая культура ўяўляе сабой адзін з відаў культуры, адносна якой у розных навуках існуе шмат вызначэнняў. Таксама і ў юрыдычнай літаратуры навукоўцы па-рознаму даюць вызначэнне прававой культуры і яе структурным часткам, аднак пры гэтым лічаць, што менавіта прававая культура — гэта «квінтэсэнцыя всех разнавідных культур, пскольку ни одна из них не может противоречить праву как регулятору верховенствующему, обязательному, универсальному» [1, с. 276]. Навукоўцы падкрэсліваюць, што пры дапамозе права ў жыццё грамадства «вносятся высокоцивилизационные начала, осуществляется правовое “окультуривание” всей системы общественных отношений» [2, с. 75].

У фарміраванне прававой культуры чалавечага грамадства перш за ўсё ўнесла ўклад юрыспрудэнцыя, якая як навука, г. зн. сістэма дакладных ведаў аб праве (як пазнанне боскіх і чалавечых спраў, справядлівага і несправядлівага), узнікла ў старажытным Рыме. Адзначым, што з юрыспрудэнцыяй звязана і развіццё культуры пісьмовага слова. Старажытныя помнікі пісьмовасці — гэта перш за ўсё заканадаўчыя прававыя дакументы, прычым для свайго часу з добра распрацаваным стылем, з даволі дасканалай формай выкладання, у што ўнеслі ўклад многія тагачасныя мысліцелі, асветнікі, дзяржаўныя службоўцы.

У цэнтры ўвагі навукоўцаў розных гістарычных эпох былі шматлікія тэарэтыка-прававыя праблемы, звязаныя з асаблівасцямі дзяржавы, права, прававых прынцыпаў, прававой культуры. Адназначна гістарычным перыядам характэрнымі былі розныя суадносіны права і дзяржавы ў грамадскім жыцці, а тым самым — розная ступень увагі навукоўцаў да праблем, якія яны развівалі ў палітыка-прававых дактрынах, а таксама розныя шляхі пошуку іх вырашэння. Гістарычнае развіццё прававых ідэй сведчыць аб складаным і працяглым працэсе спасціжэння сутнасці і прызначэння права мысліцелямі папярэдніх эпох і стагоддзяў, якія ў якасці прававых ідэй сутнаснай падставы права выкарыстоўвалі разнастайныя каштоўнасці цывілізаванага грамадства: справядлівасць, свабоду, агульную волю, юрыдычна абаронены інтарэс і інш. Таксама нашыя продкі, якія ўжо ў далёкай старажытнасці мелі ўласную дзяржаўнасць і жылі ў адпаведнасці з уласнымі звычаямі, рэлігіяй і мараллю, разважалі пра дзяржаву, яе палітыка-прававыя інстытуты, перш за ўсё маючы на ўвазе паляпшэнне ўзаемаадносін паміж людзьмі, у тым ліку шляхам стварэння належных пісаных законаў і прававых прынцыпаў.

Характэрнай рысай тагачаснага права старажытных беларускіх дзяржаў была ідэя роўнасці ўсіх вольных людзей, якія валодалі аднолькавай праваздольнасцю і ўдзельнічалі ў вырашэнні дзяржаўных спраў на вечавых сходах. Як сведчаць гістарычныя звесткі, жыхары старажытных беларускіх дзяржаў вельмі паважалі свабоду і асабліва зберагалі такі найважнейшы аспект свабоды, як выбранне ўласнага князя і афармленне належнага дагавору з ім, што ўяўлялася ім гарантам не толькі моцнай дзяржавы, але і свабоды жыхароў. Так, у дайшоўшых да нашага часу дагаворах Полацкага княства мы знаходзім нормы аб выбранні ўсім насельніцтвам полацкага ваяводы (раней — князя). Прычым удакладнялася, што калі ён не спадабаецца палачанам, то патрэбна іншага «дати по их воли» [3, с. 107].

У гэтых дагаворах утрымліваўся шэраг нормаў аб правах і свабодах жыхароў, у тым ліку аб свабодзе тэрытарыяльнага перамяшчэння. Так, у Полацкай грамаце гаварылася: «Теж полочаном всим жити в Полоцку добровольно, покуль хто хочеть» [3, с. 107]. Таксама са старажытнага звычаёвага права ў пісанае заканадаўства перайшлі нормы, якія сведчылі аб імкненні жыхароў беларускіх княстваў мірна суіснаваць з іншымі народамі. Так, у многіх дагаворах паўтаралася: «иж бы мир тверд был», «иж бы мир не раздрушен был» [3, с. 11, 16].

Неабходна адзначыць, што Полацкае княства з X ст. уяўляла сабой адну з найбуйнейшых дзяржаў у Еўропе, а горад Полацк быў тым важным палітычным і культурным цэнтрам, дзе перакрываўваліся шляхі многіх народаў. Дакументы сведчаць, што палачане карысталіся не толькі звычаямі,

але і пісаным заканадаўствам, ведалі мовы іншых народаў (у першую чаргу лацінскую), а полацкія майстры здзіўлялі замежных гасцей сваімі рамеснымі вырабамі — прадметамі ганчарства, шавецтва, ювелірнага майстэрства і інш. Высокі ўзровень культуры і дэмакратызм улады (добра вядома аб функцыянаванні полацкага веча) садзейнічалі духоўнаму росквіту насельніцтва.

Таксама са старажытных часоў у Беларусі развівалася грамадска-палітычная і прававая думка — складаная частка прававой культуры грамадства. У той час яна перш за ўсё была цесна звязана з жыццём чалавека, яго працай і барацьбой за існаванне. Для беларускай мінуўшчыны характэрна даволі значная колькасць славутых гістарычных постацяў — дзяржаўных дзеячаў, асветнікаў і мысліцеляў, аднак дакладныя звесткі толькі пра некаторых з іх дайшлі да нашага часу. Так, зоркай першай велічыні з’яе з глыбінь стагоддзяў імя Еўфрасінні Полацкай [4, с. 1–2]. Нам добра вядома пра яе падзвіжніцтва ў сферы ўмацавання хрысціянскага веравызнання, яе шырокую асветніцкую дзейнасць, што значна ўплывала на грамадска-палітычнае жыццё Полацкай дзяржавы. Навукоўцы адзначаюць, што можна даволі дакладна сцвярджаць, што Еўфрасіння Полацкая была знаёма з вучэннямі Сакрата, Платона, Арыстоцеля і іншых старажытных мысліцеляў, а таксама з творамі знакамітага візантыйскага святара і прапаведніка Іаана Златавуста, бо разважала аб прыродзе і сутнасці свецкай і боскай улады, аб градзе зямным і градзе нябесным і г. д. [5, с. 12]. Перш за ўсё яе ўвагу прыцягвалі кнігі, у якіх былі адлюстраваны погляды на сутнасць чалавечага жыцця, на адносіны паміж людзьмі і прычыны барацьбы сіл добра і зла. Еўфрасіння Полацкая была актыўным прапагандыстам і абаронцам міру. Увогуле ўсім сваім складам жыцця, шматграннай дзейнасцю яна паказвала на неабходнасць павагі да роднай зямлі, яе культуры і патрэбу ў павышэнні самасвядомасці народа [4, с. 2].

Як бачна ў абласных граматах XV–XVI стст., правы і свабоды жыхароў беларускіх княстваў доўга захоўваліся і пасля ўваходжання гэтых зямель у склад Вялікага Княства Літоўскага. Так, шэраг з іх утрымлівалі нормы аб свабодным выбранні сваіх галоўных кіраўнікоў, аб праве мець уласную Царкву і маёнасць, свабодна выязджаць за межы дзяржавы і інш. Напрыклад, у грамаце, якая была дадзена вялікім князем Віцебскай зямлі ў 1503 г., гаварылася: «Витбляном жити у Витебску доброволно... покуль хто всхочеть... а будет ему нелюбо: нам его силою не держати, ино ему путь чист, куды хочет, безо всякое зачепки» [3, с. 97]. Жыхары гэтых зямель захоўвалі права на ўласнае кіраванне і суды. Так, у грамаце Полацкай зямлі 1511 г. ад імя вялікага князя гаварылася: «А казнить полочаном по своему праву, а в то ся нам не вступатися» [3, с. 106]. У цэлым гэтыя законы ўтрымлівалі вельмі прагрэсіўныя для свайго часу пра-

вавыя ідэі і палажэнні, якія потым увайшлі ў агульнадзяржаўнае заканадаўства Вялікага Княства Літоўскага — буйной феадальнай дзяржавы, палітыка-эканамічным цэнтрам якой і сталі землі старажытных беларускіх княстваў.

Менавіта ў перыяд станаўлення ВКЛ узнікае патрэба ў тэарэтычным асэнсаванні новых палітычных і грамадскіх працэсаў. Як сведчаць дакументальныя крыніцы, праблема далейшага развіцця дзяржавы, правоў людзей пачала абмяркоўвацца з моманту стварэння дзяржавы, аднак асабліва актыўна — у другой палове XVI стагоддзя, калі пачалося рэфармаванне ўсіх грамадскіх адносін. Гэтаму садзейнічала актыўнае развіццё адукацыі і кнігадрукавання, а таксама з'яўленне падчас судовай рэформы прафесійных юрыстаў (суддзяў, адвакатаў і інш.), што значна ўплывала на правасвядомасць насельніцтва.

У XVI ст. выразна праяўляецца тэндэнцыя фарміравання кола беларускіх мысліцеляў, асветнікаў і палітычных дзеячаў (Францыск Скарына, Міхалан Літвін, Сымон Будны, Андрэй Волан, Мікалай Радзівіл Чорны, Астафій Валовіч, Леў Сапега і інш.), якія пры даследаванні праблем дзяржаўна-прававога развіцця абгрунтоўваюць самыя прагрэсіўныя для свайго часу прававыя ідэі і прынцыпы. Асобнае месца сярод іх займае тэарэтычная распрацоўка ідэй аб справядлівай дзяржаве, свабодзе і роўнасці людзей. Так, знакаміты мысліцель XVI ст. Францыск Скарына сцвярджаў, што права ў цэлым і асобныя законы павінны выдавацца на падставе звычаяў пэўнай зямлі, быць справядлівымі, прыстойнымі, карыснымі народу і накіраванымі на дасягненне агульнага добра. Скарына лічыў, што права ствараецца народам са «сваімі старайшымі», чым фактычна падрываў тэорыю аб боскім паходжанні і нязменнасці права. Ён выказаў думкі аб народным суверэнітэце, ролі народа ў грамадскім развіцці і інш. [6, с. 358–359].

Многія айчынныя мысліцелі рабілі спробу вырашэння шэрага важных філасофскіх, прававых, этычных праблем з пазіцыяй рэнэсанснага гуманізму і перш за ўсё — праблемы чалавека і грамадства. Аднак прыярытэт у пастаноўцы і гуманістычнай трактоўцы разнастайных аспектаў гэтай праблемы (духоўнага свету, прызначэння, годнасці, сэнсу жыцця, каштоўнасцей і ідэалаў, суадносін індывідуальнага і агульнага добра, грамадскай актыўнасці, духоўна-маральнай свабоды, паходжання маральных уяўленняў, узаемасувязі духоўнага ўдасканалення чалавека з удасканаленнем грамадскіх інстытутаў і г. д.), як адзначае С. Падокшын, належыць Францыску Скарыне [7, с. 138].

Свецкай інтэрпрэтацыі палітыка-прававых інстытутаў садзейнічала пашырэнне на Беларусі рэфармацыйных, рэнэсансных і гуманістычных ідэй, што знайшло адлюстраванне ў навуковых працах А. Волана і А. Алізароўскага, Л. Зізанія, П. Скаргі, М. Сматрыцкага, В. Цяпінскага і іншых мысліцеляў. Так,

у трактаце А. Волана «Аб палітычнай або грамадзянскай свабодзе» гаворыцца аб імкненні да свабоды як важнейшай натуральнай уласцівасці чалавека і аб неабходнасці яе абараняць з дапамогай права, якое павінна ўтрымліваць тры важнейшыя элементы — справядлівасць, разумнасць і гарантаванасць свабоды і роўнасці людзей [6, с. 365–366]. Пры гэтым А. Волан падкрэсліваў, што «ніякае грамадства, ніякая грамадзянская супольнасць, ніякі мір і спакой паміж людзьмі не могуць існаваць без законаў...», а «справядлівасць у чалавечым грамадстве можа існаваць пры ўмове, што ў ім ёсць законы, створаныя на карысць грамадзян... і ўладатрымальнікі накіроўваюць гэтыя законы на паспалітае дабро» [8, с. 95–96]. Таксама ён зрабіў вельмі важны і апераджаючы свой час вывад: «дабрадзейства свабоды залежыць ад правільнага і ўпарадкаванага заканадаўства» [8, с. 96].

Гэтыя ідэі падтрымлівалі многія айчынныя мысліцелі, прычым некаторыя з іх (П. Гезка, М. Чаховіц, С. Будны, В. Цяпінскі і інш.) ужо непасрэдна займаліся праблемамі праваразумення і больш дасканалага прававога рэгулявання грамадскіх адносін. Патрэбна адзначыць, што многія замежныя філосафы і багасловы (Святы Аўгусцін, Фама Аквінскі і інш.) не ўяўлялі рэалізацыі пазітыўнага, дабрачыннага аспекту свабоды без царкоўнага пасрэдніцтва. Гуманісты ж рашуча выступілі супраць артадаксальна-хрысціянскай трактоўкі чалавечай свабоды. Таксама ў Вялікім Княстве Літоўскім разам з актывізацыяй рэфармацыйна-гуманістычнага руху адной з найбольш істотных ідэй, якая пачала абмяркоўвацца ў другой палове XVI ст., стала ідэя духоўна-маральнай свабоды чалавека. Пры гэтым для айчынных мысліцеляў характэрным стала імкненне змякчыць канцэпцыю абсалютнага накіравання, якая паводле Аўгусціна была цалкам сумяшчальная з чалавечай свабодай, і зблізіць яе з гуманістычным вучэннем аб маральнай свабодзе чалавека і яго індывідуальнай адказнасцю за свае паводзіны (С. Будны, Я. Даманеўскі і інш.). Асобныя ж мысліцелі абгрунтавалі канцэпцыю абсалютнай маральнай свабоды чалавека (Л. Зізаній і інш.). Увогуле мысліцелі Беларусі імкнуліся да ўзгаднення прынцыпу свабоды з прынцыпам агульнага дабра, падкрэсліваючы прыярытэт грамадскіх інтарэсаў перад асабістымі [7, с. 148].

Актыўнае развіццё палітыка-прававой думкі ў XVI ст., аб чым сведчыць павелічэнне колькасці мысліцеляў і асветнікаў, параўнальна высокі адукацыйны ўзровень палітычнай эліты ВКЛ і інш., стварала ідэйна-тэарэтычныя падставы для рэфармавання ўсіх сфер грамадскага жыцця, у тым ліку прававой, а адпаведна — павышэння ўзроўню прававой культуры. Несумненным вынікам гэтага працэсу стала праяўленне ў грамадска-палітычным жыцці дзяржавы важнай тэндэнцыі — рэалізацыі тэарэтыка-

прававых ідэй у заканадаўстве. Тым больш што многія мысліцелі ўдзельнічалі ў працы павятовых соймаў, сойма, уваходзілі ў склад заканадаўчых камісій. Напрыклад, Павел Астравецкі, які актыўна прапагандаваў ідэі рэфармавання грамадскіх адносін, умацавання суверэнітэту і дзяржаўнасці, быў членам камісіі па падрыхтоўцы Статута 1566 г.; Агрыпа Вацлаў — пісар, кашталян мінскі і смаленскі, які пісаў палемічныя трактаты аб свабодзе і справядлівасці, прымаў актыўны ўдзел у падрыхтоўцы Статута 1588 г. і г. д. Многія навукоўцы і мысліцелі імкнуліся аб'яднаць прававую тэорыю з практыкай, што і знайшло практычную рэалізацыю пры ўдасканаленні заканадаўства, асабліва пры стварэнні першых у Еўропе зводаў законаў, напісаных на беларускай мове, заснаваных на мясцовым праве і традыцыях народа — Статутаў 1529, 1566, 1588 гг. [6, с. 367].

Паралельна ішоў працэс удасканалення дзейнасці важнейшага заканадаўчага органа Вялікага Княства Літоўскага — сойма, які са звычайнага сходу феадалаў пераўтвараецца ў XVI ст. у саслоўна-прадстаўнічы орган шляхты з даволі шырокімі паўнамоцтвамі. У другой палове XVI ст. сойм дзейнічае ўжо як вышэйшы заканадаўчы орган дзяржавы, нарматворчая функцыя якога ўсё больш актывізуецца. У сувязі з гэтым спачатку Віленскі прывілей 1565 года, а потым Статуты 1566 і 1588 гг. сваімі нормаўмі ўсё больш удакладняюць дзейнасць сойма. Пры гэтым, калі спачатку толькі прадстаўнікі шляхецкага саслоўя прымалі ўдзел у працы сойма, то ў 1568 г. віленскія мяшчане дабіліся права пасылаць на сойм 2-3 бурмістраў, хоць яны і ўдзельнічалі ў абмеркаванні толькі тых пытанняў, якія тычыліся гарадоў.

Адначасова афармляецца больш дакладнае падзяленне сойма на дзве палаты (т. зв. станы, або колы): кола паноў-рады і рыцарскае (шляхецкае) кола, якія абмяркоўваюць пытанні спачатку асобна, а потым сумесна. Пры абмеркаванні законапраектаў усе дэпутаты мелі права выказаць сваю думку. Пры разыходжанні думак рабіліся спробы прымірыць бакі і ўзгадніць прапановы, што прыводзіла да замаруджвання работы сойма, які часам працаваў па некалькі месяцаў. Рашэнні прымаліся, як правіла, большасцю галасоў. Нельга не адзначыць, што даволі часта ў дзейнасці сойма праяўляўся прынцып — што вырашае вялікі князь і паны-рада, тое шляхта прымае да выканання. Аднак пры гэтым вялікі князь абавязваўся не парушаць дзеючых законаў, звычаяў, свабод, а новыя законы прымаць толькі на вальным сойме «з ведомостью и порадой рад наших и призволением всех станов, сойму належачых» [9, р. III, арт. 15].

Як сведчаць крыніцы, законапраектная праца засяроджвалася ў вялікакняжацкай канцылярыі, а пры падрыхтоўцы буйных законапраектаў ствараліся спецыяльныя соймавыя камісіі (асабліва пры падрыхтоўцы

Статутаў), якімі кіравалі канцлер або падканцлер дзяржавы. Заканадаўца ў гэты перыяд ужо добра ўсведамляў асноўныя юрыдычныя паняцці і карыстаўся даволі ўсталяваным юрыдычным апаратам. Пры гэтым ён звяртаў увагу на неабходнасць публічнасці і адкрытасці заканадаўчага працэсу. У самім законе гаварылася аб абавязковым абнародаванні прынятых законаў: «А для всех посполите в местех, местечках наших, на торгох и пры костелех парафеяльных обволывати и копеи з листов наших прибывати» [9, р. III, арт. 6]. Менавіта гэта ў значнай ступені садзейнічала пашырэнню прававой культуры ў грамадстве.

Такім чынам, XVI ст. унесла якасныя змены ў праватворчасць і заканадаўства, а самы дасканалы закон — Статут 1588 г., распрацаваны на падставе абагульнення папярэдняга заканадаўства і палітыка-прававой думкі, — шмат у чым апераджаў свой час. Ён утрымліваў параўнальна вялікі (488 артыкулаў) і вельмі значныя прававыя матэрыялы, які сведчылі не толькі аб эвалюцыі ў прагрэсіўным накірунку права, прававых прынцыпаў, інстытутаў і нормаў, але і аб развіцці прававой культуры грамадства. Тым больш што афіцыйнае апублікаванне Статута ў Віленскай тыпаграфіі братоў Мамонічаў садзейнічала як паляпшэнню рэалізацыі яго нормаў, так і даступнасці закона, а тым самым — значнаму павышэнню правасвядомасці народа і прававой культуры грамадства.

1. Общая теория права: пособие / В. А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. Минск : БГУ, 2013. 416 с. [Вернуться к статье](#)
2. Алексеев С. С. Теория права. Изд. 2-е перер. и доп. М. : Изд-во БЕК, 1995. 320 с. [Вернуться к статье](#)
3. Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права: Дапаможнік / Я. Юхо [і інш.]. Мінск : БДУ, 2000. 127 с. [Вернуться к статье](#)
4. Доўнар Т. І. Ефрасіння Полацкая — хрысціянскі дзяржаўны дзеяч, асветніца і мысліцель // Юстыцыя Беларусі. 2006. № 11. С. 1–2. [Вернуться к статье](#)
5. Палітычныя мысліцелі і гуманісты Беларусі / Г. С. Авакян [і інш.]. Мінск : ТАА «Элайда», 2002. 96 с. [Вернуться к статье](#)
6. Доўнар Т. І. Прававыя пытанні ў тэарэтычнай распрацоўцы беларускіх мысліцеляў XVI стагоддзя / Генетические закономерности права : сборник науч. трудов, посвященных 90-летию со дня рождения С. Г. Дробязко / ред. кол. : С. А. Балашенко (гл. ред.) [др.]. Минск : Бизнесофсет, 2013. С. 357–368. [Вернуться к статье](#)
7. Падокшын С. А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: Ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага / пад рэд. А. С. Майхровіча. Мінск : Навука і тэхніка, 1990. 285 с. [Вернуться к статье](#)
8. Волян А. Аб грамадзянскай або палітычнай свабодзе. Пер. з лац. Ул. Шатона. Мінск : выдавец Зміцер Колас, 2009. 144 с. [Вернуться к статье](#)
9. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. 573 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.626.2

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЖИМА СУПРУЖЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

Т. Б. Ежова

БИП — Университет права
и социально-информационных технологий (Беларусь),
старший преподаватель кафедры
общей теории права и гуманитарных дисциплин
e-mail: tanjashaituro1@mail.ru

***Аннотация.** В статье дается характеристика истории правового института брачного договора в Республике Беларусь, основных положений белорусского законодательства, регулирующего брачно-договорные отношения. Основное внимание уделено анализу действующих положений законодательства, что позволяет определить позитивные и негативные аспекты правового опыта в исследуемой области.*

***Ключевые слова:** институт брачного договора, контракт, история.*

***Annotation:** The article describes the history of the legal institution of the marriage contract in the Republic of Belarus, the main provisions of the Belarusian legislation governing marriage contractual relations. The main attention is paid to the analysis of the current provisions of the legislation, which makes it possible to determine the positive and negative aspects of legal experience in the studied area.*

***Keywords:** institution of marriage contract, contract, historical aspect.*

Относительно истории возникновения брачных договоров на белорусских землях можно отметить, что с древнейшего времени было принято, чтобы невеста приносила приданое в дом жениха. Жених обеспечивал сохранность приданого с помощью платы за вено, которая могла выступать в качестве подарка для невесты, а также выплатой ее родственникам. Выплата за вено могла быть символической или вообще сводиться к видимости умыкания. Отдавая или уступая венки парню, девушка признавала себя его женой, так как венок из цветов символизировал девичество. Видимо, поэтому выплата жениха называлась платой за вено. Представители же более богатых слоев населения усваивают смешанную систему, в которой плата принимает материальное значение.

В XV–XVI вв. в привилеях институт веновой записи получил свое дальнейшее развитие. Так, в привилее от 20 февраля 1387 г. установлено право вдовы на владение имуществом на правах вено, что требовало от вдовы исполнения земской и воинской обязанностей. Привилей великого князя Литовского Александра Казимировича 1492 г. устанавливал, что имущество мужа находилось в пользовании вдовы, пока та не выходила замуж, при условии, что у нее

были дети. Если детей не было, то имущество переходило к его родственникам. В том случае, если муж оставил вено, этим имуществом она могла распоряжаться по своему усмотрению.

Более жесткие положения содержал Бельский привилей 1501 г., в соответствии с которым вдова при получении приданого или вено после смерти мужа отдавала его родителям или родственникам, которые отдавали ее замуж. В противном случае она теряла долю в наследстве.

Ухвала от 16 января 1509 г., принятая Виленским соймом, закрепила размер вено, систематизировала порядок пользования им. Это был шаг вперед по сравнению с предыдущими привилеями, где размер веновой записи определялся в соответствии с местными обычаями или по договоренности между родителями [1, с. 13].

В Статутах 1529, 1566, 1588 гг. институты приданого и вено были детально разработаны, выделялась законодательно зафиксированная часть приданого и вено. Доля приданого составляла четверть отцовского имущества, а размер вено определялся третьей частью недвижимого имущества мужа. Если третья часть недвижимого имущества мужа не соответствовала сумме приданого, то в соответствии со Статутом 1566 г. отец невесты покупал имение в собственность дочери. В этом случае предусматривалось совместное владение имением при жизни мужа и жены, а после смерти мужа оно оставалось собственностью жены. По Статуту 1588 г. при расторжении брака судьбу приданого определяли светский и духовный суды. Если отсутствовала вина супругов при расторжении брака, каждая сторона оставалась при своем имуществе. Если вину признавали за женой, то она лишалась приданого. В случае развода по вине мужа жена имела право на получение имущественного содержания от него [2, с. 70].

В Статутах достаточно детально разработаны положения, которые касаются веновых и невенных вдов, имеющих несовершеннолетних детей, не имеющих детей вообще или имеющих детей от первого брака.

Таким образом, Статуты довольно четко регулировали личные и имущественные права, которые возникали на основе брака. Все эти положения напоминают современный брачный договор, поэтому можно предположить, что веновая запись являлась прообразом этого института.

В 1918 г. был принят Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР, который действовал на территории Беларуси до 1972 г. В нем сохранился режим раздельности имущества, супруги полностью были уравнианы в решении семейных вопросов. Была предоставлена возможность заключать сделки между мужем и женой, однако женщина не могла с помощью договора закрепить за собой право на часть имущества семьи и в случае развода ничего не получала [3, с. 185].

С 1 марта 1927 г. вступил в силу Кодекс законов о браке, семье и опеке БССР, где имущество, нажитое супругами в браке, считалось их общим имуществом. Ведение домашнего хозяйства и уход за детьми при определении доли в имуществе приравнивались к труду в общественном хозяйстве. В 1969 г. БССР приняла Кодекс о браке и семье, в котором провозглашалась совместная собственность супругов, изменение этого режима не допускалось.

В вышеперечисленных кодексах институт брачного договора еще не получил своего развития. На этих примерах можно лишь проследить, как изменялись имущественные отношения между супругами.

Обретение в 1991 г. Республикой Беларусь государственного суверенитета детерминировало реформу системы социальных регуляторов. Институт семьи одним из первых элементов социума воспринимает новое и адаптируется к изменениям в общественной жизни. Белорусская правовая наука переходного периода инициировала проведение реформы брачно-семейного законодательства.

Первый концептуальный этап реформы завершился принятием в 1999 г. Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее — КоБС). Длительное время белорусское семейное право состояло преимущественно из императивных норм, однако жесткая публично-правовая регламентация семейных отношений не соответствовала новым принципам государственной семейной политики Республики Беларусь, установленным Указом Президента Республики Беларусь № 46 от 21.01.1998 г. «Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь», в частности принципу «самостоятельности и автономности семьи в принятии решений относительно своего развития».

В метод правового регулирования семейных отношений был привнесён диспозитивный элемент, особую роль при этом сыграло введение института брачного договора.

Существует мнение, что брачный договор полностью заимствован белорусским законодателем из правовых систем ряда государств – бывших республик СССР, которые ввели институт брачного договора, переняв правовой опыт стран Западной Европы, Скандинавии, США. В свою очередь, американские правоведы полагают, что современный институт, называемый брачным договором или брачным соглашением, берет свои корни в средневековом праве Англии. Однако это не означает, что страны иных правовых систем, не связанные с семьей общего права, не знали этого типа соглашений [4, с. 62].

Исторический анализ позволяет предположить, что в системе общественных регуляторов восточнославянских народов брачный договор (как соглашение супругов, определяющее их имущественные взаимоотношения на период

брака и после его расторжения) имеет более древние корни. Он появился и развивался самостоятельно, вне зависимости от влияния западных правовых систем [5].

Так, еще в дохристианский период во время обручения в оформляемой при этом «сговорной записи» могли устанавливаться условия, определяющие права и обязанности супругов по поводу имущества. Договор этот заключался чаще всего родителями малолетних жениха и невесты и обеспечивался неустойкой или задатком. Следовательно, сговорная запись являлась прообразом современных брачных договоров. Это опровергает теорию, что брачный договор был полностью заимствован из опыта правовых систем западных стран.

Правотворчество в семейном праве применительно к нормам, необходимым для регулирования брачно-договорных отношений, сопряжено с рядом сложностей. Следует отметить некоторую поверхностность, допущенную белорусским законодателем в сфере регулирования данных отношений. На уровне закона как наиболее значимого источника права соответствующие нормы содержатся лишь в двух статьях КоБС (ст. 13, ст. 13-1), а также в ст. 259 Гражданского кодекса Республики Беларусь, имеющей скорее декларативный, нежели практически значимый для правоприменителя характер.

Такая попытка сжать весь объем правовой информации о понятии, содержании, субъектном составе, основаниях признания недействительным, порядке заключения, изменения, расторжения и прекращения брачного договора до размера двух статей представляется недостаточной, поскольку влечет возникновение пробелов в праве.

Во исполнение и развитие законодательных норм Министерством юстиции Республики Беларусь была предпринята попытка предупреждения ряда проблем в области юридического оформления заключения брачных договоров посредством издания Указания о порядке нотариального удостоверения брачного договора, утвержденного приказом Министерства юстиции Республики Беларусь № 243 от 15.11.1999 г. Однако документ не дал ответов на ряд неурегулированных вопросов и имел скорее прикладное и разъяснительное значение. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22.06.2002 г. № 5 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» дает толкование нормам, содержащимся в ст. 13 КоБС [6].

Следовательно, развитие общественных отношений, постепенное изменение отношения к праву, в частности семейному, позволило закрепить институт брачного договора на правовом уровне. Так, в 1999 г. вступил в силу новый Кодекс о браке и семье, где введен институт брачного договора, что сделало норму общей совместной собственности супругов диспозитивной.

В нашей стране, как и в странах бывшего Советского Союза, брачный договор широкого распространения не нашел. Причины этого заключаются в менталитете, правосознании как составной части правовой культуры людей. В сознании белорусов бытует мнение, что брак должен быть построен на любви, а заключение брачного договора представляется как заключение брака по расчету, что является неприемлемым.

-
1. Бадейко Т. В. Брачный договор : учеб.-метод. пособие. Минск : НО ООО «БИП-С», 2003. 44 с. [Вернуться к статье](#)
 2. Аземша Я. К. Брачный договор как способ регулирования правоотношений супругов // Юстыцыя Беларусі. 2003. № 6. С. 70–71. [Вернуться к статье](#)
 3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д. : Феникс, 1995. 640 с. [Вернуться к статье](#)
 4. Бондов С. Н. Брачный договор : учебное пособие для вузов. М. : ЮНИТИ ДАНА, Закон и право, 2015. 95 с. [Вернуться к статье](#)
 5. Генералова А. Брачный договор: мировой опыт [Электронный ресурс] // Журнал Правильный Совет. URL: <http://www.pravsovet.com/semya/brachniy-dogovor-mirovoyu-opit/> (дата обращения: 17.01.2020). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
 6. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Республики Беларусь от 18.12.2019 г., № 277-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 34:94 (47).084

**СТАНОВЛЕНИЕ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ ССРБ И РСФСР
В НАЧАЛЕ 20-х гг. XX в.****С. Б. Кавцевич**

Могилевский институт МВД,
преподаватель кафедры правовых дисциплин
e-mail: kavtsevitch.serega@yandex.ru

Аннотация. В статье отмечаются пути установления федеративных отношений, формирования схожего государственного устройства, правовой базы.

Ключевые слова: договор, народный комиссариат, финансы, объединенный, унификация.

Annotation. The article notes the ways of establishing federal relations, the formation of a similar state structure, and the legal framework.

Keywords: contract, people's commissariat, finance, united, unification.

Сегодня в обществе широкое развитие обрели процессы национального возрождения, борьбы народов за суверенитет и национальную независимость. Восстановление хода политических событий в начале XX века помогает выявить схожие процессы, которые перекликаются с современными событиями, происходящими на постсоветском пространстве: интеграционные процессы в ЕАЭС, СНГ, развитие Союзного государства.

С созданием в конце 1917 г. Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Украинской Социалистической Республики, а в январе 1918 г. Социалистической Советской Республики Литвы встал вопрос о их взаимоотношениях. Это диктовалось как внутренними (восстановление хозяйства), так и внешними (оборона от интервенции) причинами.

Это непосредственно затрагивало и белорусский народ. Для установления советской власти здесь было меньше возможностей в связи с оккупацией части земель немецко-кайзеровскими войсками. Вечером 1 января 1919 г. было сформировано Временное рабоче-крестьянское правительство Советской Социалистической Республики Беларусь во главе с Д. Жилуновичем [1, с. 393].

В течение января и февраля 1919 г., т. е. со времени провозглашения независимой Социалистической Советской Республики Белоруссии и до ее объединения с Литвой, сотрудничество с РСФСР развивалось по всем основным вопросам политического, экономического и социально-культурного строительства.

2–3 февраля 1919 г. I Всебелорусский съезд Советов принял Конституцию ССРБ. Этот документ во многом дублировал основополагающие тезисы

Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г. [2]. Статья 1 Конституции ССРБ точно копирует статью 1 Конституции РСФСР (за исключением названия территории): «Белоруссия объявляется республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам» [3]. Как и в Конституции РСФСР, в ССРБ устанавливалась отмена частной собственности на землю, а весь земельный фонд объявлялся общегосударственным достоянием. Все леса, недра и воды, «а равно весь живой и мертвый инвентарь» и сельскохозяйственные предприятия объявлялись национальным достоянием; вводилась всеобщая трудовая повинность и образовывалась Красная армия рабочих и крестьян [3].

В условиях развернувшейся весной 1919 г. иностранной интервенции объединение и рациональное использование военных сил и материальных ресурсов для советских республик приобрели еще большую целесообразность. 1 июня 1919 г. ВЦИК принял Декрет «Об объединении советских республик», который предусматривал тесное объединение комиссариатов военной организации и военного командования, железнодорожного управления и хозяйства, финансов, труда, советов народного хозяйства социалистических республик России, Украины, Латвии, Литвы, Беларуси и Крыма [4, с. 319]. Таким образом, создавались единые вооруженные силы, а государственное управление объединенными отраслями сосредотачивалось в соответствующих органах РСФСР.

В июле 1920 г. территория Беларуси была освобождена от польских оккупационных войск. Это позволило вновь провозгласить Советскую Социалистическую Республику Беларусь. Однако ССРБ фактически еще некоторое время продолжала оставаться составной частью РСФСР.

К началу 20-х годов государственный аппарат в РСФСР уже сложился, поэтому ССРБ широко использовала опыт государственного, социально-экономического и культурного строительства, заимствовала основные положения конституционных и текущих законодательных актов.

После принятия Дополнений к Конституции ССРБ (от 2–3 февраля 1919 г.), принятых II Всебелорусским съездом Советов 14–17 декабря 1920 г., система государственных органов ССРБ стала фактически однотипной с такой же системой, которую декларировала первая Конституция РСФСР. Даже лозунг, который провозглашали оба государства основополагающим для развития — «Не трудящийся да не ест», нашел отражение в обеих Конституциях (ст. 12 Конституции ССРБ и ст. 18 Конституции РСФСР) [5].

Качественно новое содержание отношений между государствами было юридически закреплено в договоре между РСФСР и ССРБ, заключенном 16 января 1921 г. в Москве и ратифицированном ЦИК ССРБ в июле 1921 г. [6, с. 16–17]. Для укрепления обороноспособности, скорейшего восстановления

промышленности и сельского хозяйства, проведения общей экономической политики и совершенствования форм совместного управления две независимые советские республики постановили следующее: создать Высший совет народного хозяйства и объединенные комиссариаты военных и морских дел, внешней торговли, финансов, труда, путей сообщения, почт и телеграфов. Контроль за деятельностью объединенных комиссариатов осуществлял Всероссийский съезд Советов и ВЦИК, в состав которых входили представители от Беларуси. В СНК ССРБ имелись уполномоченные всех объединенных комиссариатов, утвержденные и подотчетные ЦИК ССРБ.

Отличия от договоров, заключенных 1 июня 1919 г., довольно существенны. Во-первых, договоры 1919 г. заключались с рядом стран одновременно, а договор 1921 г. — непосредственно между двумя государствами. Во-вторых, договор 1919 г. заключался в условиях польской интервенции, гражданской войны, оккупации значительной части территории и носил оборонительный, военный характер, договор 1921 г. включает в себя значительную хозяйственно-экономическую и финансовую сторону, а также систему управления объединенными наркоматами, что привело к заключению еще ряда договоров на основе существующего. В-третьих, договор 1919 г. заключался фактически с ЛитБел, в которой ССРБ была автономией, и практического применения не получил, так как 8 августа 1919 г. вся территория была захвачена Польшей. Договор 1921 г., как отмечалось выше, заключался непосредственно с ССРБ и требовал ратификации, что подтверждает самостоятельность сторон, а также наличие у них системы государственных органов, способных принять такое решение. Независимость субъектов договора подтверждает и статья II договора, в которой подчеркивается, что обязанности сторон вытекают из общности интересов договаривающихся стран, а не из факта принадлежности территории ССРБ к бывшей Российской империи.

26 июля 1921 г. в развитие ст. V договора от 16 января 1921 г. правительства РСФСР и БССР заключили соглашение по финансовым вопросам, предусматривавшее проведение республиками единой финансовой политики. Для этого народный комиссар финансов РСФСР направлял постоянного уполномоченного, входящего в состав СНК ССРБ с правом решающего голоса. Установление новых денежных налогов и сборов (в том числе и целевых сборов, собираемых на местные нужды) в пределах ССРБ производилось по соглашению с НКФ РСФСР и определялось в порядке ст. 81 Конституции РСФСР. Все взимаемые на территории ССРБ налоги и сборы вносились в кассы Наркомфина в подлежащие статьи государственных доходов [6, с. 47].

Финансовые сметы государственных доходов и расходов народных комиссариатов ССРБ, объединенных с соответствующими комиссариатами

РСФСР, доставлялись отдельно каждым комиссариатом в сметную комиссию. Затем передавались в соответствующий народный комиссариат РСФСР для направления в установленном порядке и одновременно в СНК ССРБ, который сообщал свои заключения по означенным сметам СНК РСФСР через НКФ РСФСР.

Таким образом, были установлены общие правила, принципы и единый порядок составления и исполнения государственных бюджетов обеих республик. Сметы доходов и расходов необъединенных наркоматов включались в бюджет РСФСР.

Создание единой финансовой системы, объединенных наркоматов, получавших финансирование из бюджета РСФСР, во многом облегчило восстановление разрушенной войной экономики. Значительная часть территории республики на протяжении почти 7 лет являлась прифронтовой полосой, подвергалась оккупации немецких и польских войск. После войны на территории страны в границах 1921 г. насчитывалось лишь 122 предприятия, на одну треть сократились посевные площади, свирепствовала холера. В такой ситуации финансовая помощь РСФСР была просто необходима.

Еще одно межправительственное соглашение было реализовано уже в области сельского хозяйства. Согласно ст. 4 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 4 августа 1921 г. учреждался Федеральный комитет по земельному делу. Правительство ССРБ подписало его 19 января 1922 г. Основными целями и задачами этого комитета было регулирование вопросов, выходящих за пределы полномочий Наркомзема РСФСР: сбор, обработка, систематизация информации по развитию сельского хозяйства, специфике местных условий, размеры продналога, распределение земли и т. д. Для учета этих факторов Народный комиссариат земледелия ССРБ посылал в Федеральный комитет своего представителя с правом решающего голоса по всем вопросам, непосредственно или косвенно затрагивающим интересы ССРБ. По всем другим делам представитель ССРБ пользовался правом совещательного голоса. В случае несогласия представителя ССРБ с постановлением Федерального комитета, затрагивающим интересы ССРБ, вопрос передавался на решение центральных исполнительных органов обеих республик [6, с. 80].

Договор 1921 г. положил начало унификации и кодификации издаваемых нормативных актов. Все постановления и распоряжения Народных комиссариатов РСФСР, признаваемые по договору от 16 января 1921 г. объединенными, были обязательны для исполнения в ССРБ со дня получения. Все декреты и постановления Всероссийского центрального исполнительного комитета, его Президиума и Совета народных комиссаров РСФСР, если они были опубликованы в «Собрании узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства

ССРБ», подлежали исполнению [7]. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства РСФСР уже велось, а вот в ССРБ стало издаваться с начала 1922 г.

Постепенно унификация затронула всю систему законодательства. Предварительное рассмотрение, согласование, редактирование законопроектов, рассматриваемых непосредственно ЦИК и Совнаркомом ССРБ, возлагались на законодательно-кодификационный отдел Народного комиссариата юстиции [8]. Так, уже за 1922 г. на территорию ССРБ распространилось действие Уголовного кодекса РСФСР, Уголовно-процессуального кодекса, норм гражданского права, Положения об адвокатуре и прокурорском надзоре, Положения об административном производстве [9] и т. д.

10 ноября 1922 г. ЦИК ССРБ подписал договор с правительством РСФСР о распространении на территории ССРБ паспорта образца РСФСР [10].

Таким образом, федеративные отношения ССРБ и РСФСР в начале 20-х гг. XX века выразились не только в тесных социально-экономических связях, а в целом в государственно-правовом взаимоотношении, единообразной системе государственных и местных органов власти, налогово-бюджетной системе, нормативно-правовой базе. Вместе с тем РСФСР взяла на себя финансирование основных расходов Беларуси путем займов или прямых ассигнований наркоматов РСФСР в соответствующие комиссариаты республики. Единство целей и задач в построении нового общественного и политического строя, тесные экономические связи через объединенные наркоматы, единые вооруженные силы привели к возможности дальнейшего совершенствования договорных отношений советских республик.

1. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1 / А. А. Каваленя [і інш.] ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.] ; Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі. Мінск : Беларуская навука, 2011. 584 с.

[Вернуться к статье](#)

2. Конституция РСФСР. [Электронный ресурс] : принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (дата обращения: 30.07.2020). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Свод узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. № 1. ст. 1. стр. 1. 1922. [Вернуться к статье](#)

4. История государства и права Белорусской ССР (в двух томах), Т. 1 (1917–1936) ; ред. кол.: С. П. Моргуновский, Ю. В. Шабанов, И. И. Потеруха. Минск : Наука и техника, 1970. 608 с. [Вернуться к статье](#)

5. Конституция ССРБ [Электронный ресурс] // Национальный правовой портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomnik-i-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyunaie-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1919-goda> (дата обращения: 30.07.2020). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Восстановление народного хозяйства БССР (1921–1925 гг.) : сборник документов и материалов. / Гл. арх. упр. при СМ БССР и др. под. ред. З. И. Георгидзе, В. В. Лашкевича, М. Е. Стрельцова. Минск : Беларусь, 1981. 270 с. [Вернуться к статье](#)
7. Свод узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. № 2. ст. 17. 1922. [Вернуться к статье](#)
8. Свод узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. № 10. ст. 133. С. 5–7. 1922. [Вернуться к статье](#)
9. Свод узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. № 14. ст. 178. С. 3. 1922. [Вернуться к статье](#)
10. Свод узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. № 5. ст. 80–84. С. 1–5. 1922. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.4

**ПРАВА ЖЕНЩИН В ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ БЕЛОРУССКОГО
ОБЩЕСТВА: ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ****А. Ф. Свиб**

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
доцент кафедры юриспруденции,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: asvib@mail.ru

Аннотация. В статье дается историко-правовой анализ закрепления прав женщин в правовой культуре белорусского общества. На основе изучения нормативных правовых актов делается вывод, что на всех этапах становления белорусской государственности, права и культуры права женщин выделялись в самостоятельную категорию прав, которые в итоге сформировали конструкцию гендерного равенства.

Ключевые слова: права женщин, гендерное равенство, принцип равноправия, конституционные права, правовая культура.

Annotation. The article provides a historical and legal analysis of the consolidation of women's rights in the legal culture of the Belarusian society. Based on the study of normative legal acts, it is concluded that at all stages of the formation of the Belarusian statehood, law and culture, women's rights were distinguished into an independent category of rights, which ultimately formed the structure of gender equality.

Keywords: women's rights, gender equality, the principle of equality, constitutional rights, legal culture.

Декларирование прав, в том числе и женских, стало реальной юридической категорией в эпоху расцвета Великого княжества Литовского. Одним из первых сборников норм права XV в., составленных великим князем литовским Казимиром IV, предусматривались различия в правах мужчин и женщин. В законе уже существовала индивидуализация наказания. Несмотря на довольно жесткие меры наказаний за преступления (повешение, сожжение, четвертование), уголовная ответственность все же сдерживалась идеями гуманизма. Действовал запрет смертной казни для беременных женщин, что подтверждало наличие «позитивной дискриминации». В Судебнике Казимира IV впервые были обозначены предпосылки для создания системы защиты женщин. Гендерные различия прав мужчин и женщин были учтены и в следующем по значимости правовом акте ВКЛ — Уставе на волоки 1557 г.

Концепция женского равноправия была впервые обоснована в конце XVI в. в правовых актах великих князей литовских. Большинство институтов гражданского права (собственность, обязательства, давность) нашли свое отражение в трех Статутах Великого княжества Литовского. Стоит отметить, что в I Статуте ВКЛ 1529 г. была разграничена дееспособность для девушек

(с 15 лет) и юношей (с 18 лет). К отягчающим обстоятельствам относилось убийство родителей, сестры, беременной женщины. III Статут ВКЛ 1588 г. провозгласил приоритет защиты интересов человека независимо от сословной принадлежности и наказание за преступления морального плана в отношении женщины простого сословия. Несмотря на постоянный передел белорусских земель, сменяющие друг друга войны, которые подрывали основы государственности, воздействие гуманистических идей Статутов ВКЛ на общественное, в том числе женское, движение было достаточно сильным и имело свои последствия. Содержание Статутов ВКЛ свидетельствует о расцвете феодальной демократии, зарождении новых форм правосознания и правовой культуры [1].

В новых геополитических условиях и процветании феодально-крепостнических устоев роль женщины в общественной жизни росла. Первая в Беларуси женская организация «Товарищество защиты женщин» возникла в Минске в 1901 г. по инициативе графа К. Чапского. При товариществе бесплатно работала юридическая консультация. Товарищество создавало воскресные школы и дневные ясли для детей работающих горожанок. А вот в Уставе организации декабристов, который имел значительное влияние на общественное сознание в 20-х гг. XX в., было в категорической форме зафиксировано: «Женский пол в Союз не принимается» [2]. Однако это не смогло в дальнейшем помешать созданию новой формы социального протеста — женского «эмиграционного движения». Суть данного движения заключалась в том, что женщины имели возможность после получения первоначального домашнего образования продолжить его в других городах (Вильно, Москва, Санкт-Петербург и др.).

По мере развития капиталистических отношений, вовлечения женщин в производство и расширения плюрализма мнений изменениям подверглась роль женщины в экономической сфере. На политической арене ведущая роль была у пролетариата, в рядах которого находилось немало женщин, которые выступали за защиту прав работниц и крестьянок.

Фактическое равенство мужчин и женщин в осуществлении государственного управления было закреплено декретом «Об образовании рабочего и крестьянского правительства» (26 октября 1917 г.) [3, с. 20]. В трудовом законодательстве СССР действовало положение о том, что «участие женщин в общественно производительном труде является решающим условием, определяющим их социальный статус». В связи с этим крестьянки впервые получили право на землю наравне с мужчинами. В соответствии с декретом «О восьмичасовом рабочем дне» (29 октября 1917 г.) труд женщин был запрещен в ночных сменах и на подземных работах, вводились ограничения для них на сверхурочных работах. Новая форма брака как добровольного союза равных людей на ос-

нове взаимной любви и уважения была утверждена в декрете «О гражданском браке, о детях и введении актов состояния» (18 декабря 1917 г.) и декрете «О расторжении брака» (26 декабря 1917 г.) [3, с. 237; 247]. декретом от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» женщинам был открыт доступ для совместного обучения с мужчинами во все высшие учебные заведения. В 1918 г. появился первый Кодекс о браке и семье, который юридически закрепил светский характер брака; равный с мужчинами статус женщин в браке; возможность для женатых пар выбирать фамилию мужа или жены; наделение детей, рожденных вне брака, одинаковыми правами с рожденными в браке. В первой Советской Конституции, принятой в июле 1918 г., было подтверждено политическое равноправие женщин Советского государства в вопросах избирательного права. Таким образом, была создана законодательная база для культивирования женского равноправия в таких сферах деятельности, как воспитание и образование женщин, вопросы семьи и брака, отношения родителей и детей, женский труд и участие женщин в общественной жизни.

Советская власть декларировала равную оплату мужского и женского труда, социальное страхование, которое распространялось на всех рабочих обо-его пола в размере 100 % зарплаты. По декрету о заработной плате от 16 сентября 1918 г. впервые в истории была устранена дискриминация при оплате женского труда [3, с. 344–345]. Официальная статистика свидетельствует об ином, т. к. у женщин она была ниже в силу их более низкого профессионального статуса. И это, учитывая тот факт, что женщины составляли подавляющее большинство в промышленности, сельском хозяйстве и являлись опорой советской семьи. Их исключительная роль в обществе не получила своего отражения в тексте Конституции 1919 года.

Вторая Конституция БССР была принята 11 апреля 1927 г. VII Всебелорусским съездом Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В ней было зафиксировано равенство женщин и мужчин в области избирательного права [4].

Значительным событием общественно-политической жизни в 1930-х гг. стало обсуждение и принятие изменений и дополнений в Основной Закон. Создание новой редакции Конституции БССР было вызвано изменениями в политической системе и социально-экономической сфере страны. В VIII главе Конституции БССР 1937 г. было зафиксировано: «Женщине в БССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предо-

ставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов» (ст. 97) [5]. Женщины по-прежнему являлись активными носителями избирательного права.

К 1944 г. белорусское государство, заинтересованное в улучшении демографической ситуации и стимулировании рождаемости, увеличило оплачиваемый отпуск по беременности и родам (работающим женщинам с 63 до 77 календарных дней). Однако эти меры в меньшей степени затронули женщин, проживающих в сельской местности. Встречной мерой помощи женщинам со стороны государства явилось увеличение государственного пособия на содержание и воспитание детей до достижения ими 12-летнего возраста. С 1956 г. женщины получили право на пенсию по старости на 5 лет раньше мужчин при наличии меньшего стажа работы. Пенсионный возраст по старости устанавливался для них по достижении 55 лет. В 1957 г. страна перешла на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями, что при сохранении традиционного распределения гендерных ролей в обществе и семье должно было расширить возможности женщин заниматься воспитанием детей.

В четвертой Конституции БССР 1978 г. наличие гендерного равенства в обществе подчеркивалось в главе 5 [6]. Несмотря на декларируемое равенство женщин и мужчин, патриархальные отношения преобладали в белорусском обществе 70–80-х гг. XX в. Женщины, как многочисленная социальная группа, фактически были отстранены от политической жизни и от процесса принятия общественно значимых решений вплоть до начала 1990-х годов.

Переходный период в суверенной Республике Беларусь 1990-х годов характеризовался обострением традиционных проблем в обществе. Через призму положения женщин в обществе, их равного статуса с мужчинами можно судить о развитости правового государства.

15 марта 1994 года была принята Конституция Республики Беларусь, которая представляла собой конституцию нового поколения. Принцип равенства прав, свобод и возможностей мужчин и женщин нашел свое отражение в статье 22, ч. 2 и 5 статьи 32 Конституции Республики Беларусь. Особо конституционная норма выделяет равенство полов, равенство их прав, свобод и возможностей для их реализации. Основным Законом предусмотрено, что женщинам обеспечивается предоставление равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовке; в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности, а также создание условий для охраны их труда и здоровья (ст. 32) [7].

Вопрос равенства мужчин и женщин в современном обществе — актуальная проблема. Сегодня она рассматривается в сфере правовых исследований

как проблема гендерного (социокультурного) равенства. Гендерное равенство является составной частью общего принципа равенства как принципа демократического построения общества и его правовой культуры.

Конституционно-правовое регулирование гендерного равенства в белорусской правовой культуре имеет свою историю, которая была сопряжена со становлением белорусской государственности. Гендерное равенство с позиции пропаганды улучшения жизни советских женщин широкое распространение получило в середине XX века.

Долгое время женский вопрос в советском обществе был признан решенным, однако на основе изучения новых источников можно констатировать обратное. В настоящее время, когда пройден этап внедрения международных норм, связанных с регулированием гендерного равенства в Республике Беларусь, важно обеспечить дальнейшее развитие, причем не только конституционно-правовое, но глобальное развитие равенства женщин и мужчин на законодательном уровне. Юридические меры обеспечения гендерного равенства должны носить процессуальный характер. Это связано с тем, что конституционная норма материальная по своей сущности — «мужчина и женщина имеют равные права». Материальное право всегда нуждается в поддержке, и оно не работает там, где есть вопрос неоднозначности его реализации. А это находит, в свою очередь, отражение как в общей, так и в правовой культуре и в правосознании. Важно «переломить» менталитет белорусского общества.

1. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года (вытрымкі з выдання: Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. Мінск: БелСЭ. 1989.) [Электронны рэсурс] // Нацыянальны прававой Інтэрнет-партал Рэспублікі Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/statuty-vyalikaga-knyastvalito-skaga/statut-1588-goda/> (дата абрацання: 09.01.2021). [Перайці к крыніцы](#) [Вернуцца к статье](#)

2. Жены Беларусі ў зеркале эпохі [Электронны рэсурс]. URL: <http://un.by/biblioteka/tematicheskie-izdaniya/104-zhenshchiny/sobranie-publikatsij-agentstv-programm-i-fondov-sistemy-oon-v-belarusi/2807-zhenshchiny-belarusi-v-zerkale-epokhi-minsk-1997-god> (дата абрацання: 09.01.2021). [Перайці к крыніцы](#) [Вернуцца к статье](#)

3. Декреты Советской власти. Т. 1. М. : Политиздат, 1957. 640 с. [Вернуцца к статье](#)

4. Канстытуцыя (Асноўны закон) Беларускае Сацыялістычнае Савецкае Рэспублікі. Мінск: Выданьне Цэнтральнага Выканаўчага Камітэту Б. С. С. Р. 1927. [Электронны рэсурс] // Нацыянальны прававой Інтэрнет-партал Рэспублікі Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1927-goda/> (дата абрацання: 09.01.2021). [Перайці к крыніцы](#) [Вернуцца к статье](#)

5. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. Минск : БЕЛПАРТИЗДАТ ЦК КП(б)Б, 1937. 32 с. [Электронны рэ-

сурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyy-nae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1937-goda/> (дата обращения: 09.01.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Канстытуцыя (Асноўны Закон) Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі: прынята на нечарговай дзевятай сесіі Вярхоўнага Савета БССР дзевятага склікання 14 красавіка 1978 года. Мінск: Беларусь, 1978. 61 с. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyy-nae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1978-goda/> (дата обращения: 09.01.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 1. 1/0; 2004. № 188. 1/6032. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.12

МОГИЛЕВ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Б. И. Сидоренко

БИП — Университет права и социально-информационных технологий
(Беларусь),

доцент кафедры общей теории права и гуманитарных дисциплин,
кандидат исторических наук, доцент
e-mail: bip-mog@mail.ru

***Аннотация.** В статье анализируется политический и юридико-административный статус Могилева в государственной системе ВКЛ. Демократический характер этой державы и развитие общественных отношений на феодальной основе, необходимость их правовой регламентации породили многообразие форм правоотношений верховной центральной власти с городской общиной, что расширяло рамки социальной правоприменительной сферы и обогащало общегосударственную правовую традицию.*

***Ключевые слова:** великий князь, городская община, политика, право, обязательства сторон.*

***Annotation.** The article analyzes political and administrative status of Mogilev in the system of government of the Grand Duchy of Lithuania. The democratic character of this state and the development of social relations based on feudalism, the necessity of their legal regulation generated the variety of legal relations of the supreme central power with the town community. And all this enlarged the boarders of the social law enforcement field and enriched nationwide legal tradition.*

***Keywords:** Grand Duke, town community, politics, law, the responsibilities of the parties.*

Политико-правовые позиции Могилева в державе Ягеллонов к началу рассматриваемого периода определялись его административным положением волостного центра и владетельным статусом «господарского» города. Верховным собственником территории Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) выступало государство в лице великого князя как государственного суверена, от имени которого заключались все международные договоры и принимались важнейшие государственные решения, облакаемые в правовые акты. При этом значительную часть территории ВКЛ занимали «господарские» земли (компактно «Русские волости» Поднепровья и Подвинья), над которыми великий князь имел прямую власть, — великокняжеский домен [1, с. 14]. В условиях средневекового партикуляризма власть как политическое господство и государственное управление еще не стала институциональной и не отделялась от своего носителя. О том, в каких вариациях реализовывались владетельные пра-

ва великих князей литовских по отношению к городу на Днепре, и пойдет речь в этой статье.

Есть основания предполагать, что статус волостного центра Могилев, тогда еще крохотное городское поселение, получил в XII в. [2, с. 239], что подтверждается и археологическими данными [3, с. 12–16], когда усилился процесс территориального размежевания между Смоленской и Полоцкой землями и ускорилось «окняжение» порубежных территорий [4, с. 156–157]. Около середины XIV в. город вошел (вероятнее всего, военным путем) в состав ВКЛ, спустя несколько десятилетий стал упоминаться в письменных источниках как великокняжеское владение, которым «господарь» мог распоряжаться по своему, по большей части прагматическому, усмотрению и политическому расчету.

В самом конце XIV в. Могилев (по не вполне достоверным сообщениям) принадлежал королеве Ядвига [5, с. 10], получившей его в качестве свадебного подарка от Ягайло. О владетельных правах Ядвиги, как и о сроках владения, источники практически ничего не сообщают. На протяжении XV в. трижды (1447, 1482, 1488 гг.) упоминается Могилевское наместничество, прочно закрепившее за городом статус административного центра. Особо интересно сообщение, датированное 1482 г., из которого следует: «У Вильни дано наместничество Могилевское Митку Стародубьцу, королю дал шестьдесят золотых вгорьских» [6, с. 52], из чего следует, что наместничество было предоставлено в счет долгового обязательства Казимира IV Ягеллончика. В 1503 г. господарский замок Могилев с волостью был пожалован Александром Казимировичем своей жене Елене Ивановне со всеми доходами, но только «до живота» (т. е. на время жизни). Могилевом она владела до 1513 г. [7, р. 175]. Десятилетие в «скарб господарский» налоги от города не поступали в связи с изменением статуса города с господарского на частновладельческий. В дальнейшем уже при короле Сигизмунде город и волость находились в «держанье» у Яна Щита. Взаимоотношения мещан и «державцы» регулировала уставная грамота, составленная в ноябре 1513 г. [8, л. 594–594об.]. Этот правовой акт создавался на основе соблюдения принципов «старины», заключающихся в сохранении прежних традиций и форм собственности и прав «державцы» на обращение в свою пользу суммы могилевских выплат, равных королевскому долгу. Уставная грамота 1513 г. и «запись» о платах и повинностях Могилевской волости при Елене Ивановне и Яне Щите явились главными актами, на которые ориентировалась вся позднейшая налоговая документация, касающаяся Могилева.

В апреле 1514 г. по тем же правилам, подкрепленным новой «уставой» с обязательным условием «новин нашей волости некоторых не прибавляти», Могилев с волостью был отдан в «держанье» Юрию Зеновьевичу под погашение долга в 1300 коп грошей, предоставленного Сигизмунду I [6, с. 154–155].

В 1518 г. должность наместника в Могилеве исполнял уже Ян Якубович Немирович [9, л. 42–43].

Спустя два года, 16 января 1520 г. Могилев и волость были пожалованы князю Василию Соломерецкому «до его живота» с королевским пожеланием, «...чтобы он тым людем нашим могилевским легок был». пожалование Могилева Соломерецкому произошло под «заставу» в 3000 коп грошей, ушедших затем в качестве выплат в Крым на «упоминки царю Перекопскому». Финансовые услуги Соломерецкого королю [10, р. 60] имели последствием «выбиранье пенязей его на три годы» [10, р. 58]. Права князя на замок и волость были подтверждены Сигизмундом I, и в конце 1522 г. державца много и долго конфликтовал с городской общиной и волощанами, отстаивающими свою «старину» [11, с. 56]. Результатом этой борьбы стала еще одна «устава», предоставленная королем Могилеву летом 1536 г. [12, с. 24–27]. Она незначительно изменила «старину» в пользу королевского наместника и действовала до 1561 г., когда Могилев окончательно выделился из состава волости [13, № 11 с. 20–27].

Таким образом, в течение рассматриваемого периода принадлежность Могилева к великокняжескому домену по части владетельных прав «господаря» на город как волостной центр реализовывалась в нескольких вариациях, каждая из которых имела свои особенности. В середине — второй половине XV в. городом и волостью управляли великокняжеские наместники. Такое опосредованное великокняжеское управление опиралось на договорные акты основания. Должность наместника могла быть выкуплена, если великий князь литовский получал от претендента на нее денежные выплаты, иногда даже безвозмездно. В дальнейшем условия получения наместничества стали оговариваться и письменно фиксироваться при определении выплат в «скарб господарский» (т. е. великому князю) и на «державцу». В свою очередь, «держанье» могло быть установлено по конкретным срокам («до живота» — на время жизни) или на время погашения королевского долга («на выбиранье пенязей»). Выплаты в «скарб на господаря» могли носить шадящий характер, если наместник-державца отказывался от части долга. В случае такого отказа могли быть скорректированы и сроки занятия наместничьей должности.

Если же Могилев переходил в частное владение, как это было в случае с Ядвигой или Еленой, то опять же тщательно оговаривались сроки и условия такого пожалования (временного или пожизненного) и права наследования, тем более что эти фигурантки в городе никогда не присутствовали и от их имени здесь управляли их же наместники. Особая щепетильность проявлялась в вопросах наследования. Так, великокняжескому посольству ВКЛ в Москве в 1517 г. было выдвинуто требование о передаче всех земель, которые были пожалованы «до живота» великим князем Александром Казимировичем своей

жене Елене Ивановне, доводящейся сестрой московскому князю Василию III, несмотря на то, что Елены уже четыре года не было в живых. Дипломатам ВКЛ заявлялось: «Сестре нашей королеве и великой княгине Олене и которые города и волости подавал сестре нашей, а своей жене королеве и великой княгине муж ее Александр король и Жигимонт бы король тех городов и волостей нам поступился» [14, с. 527–528, 540, 579]. Таких матримониальных обязательств не предусматривал брачный договор, хотя Елена, будучи уже вдовой, владела пожалованным Могилевом до момента смерти. Поэтому приехавший в Москву в 1521 г. королевский дворянин Николай Шестаков дал официальный ответ Сигизмунда I: «... которые города и волости невестка наша королева и великая княгиня ее милость Александровая держала до живота своего, тыя города и волости отчизна наша, и справедливо по ее смерти к нашим рукам пришла» [14, с. 599].

Если условия «держанья» нарушались со стороны наместника, который в силу своих служебных обязанностей занимал промежуточное положение между великим князем и могилевскими мещанами и волощанами, то последние жаловались в Вильно и в город присылался либо королевский ревизор, либо целая комиссия для объективного расследования. Иногда при назначении на должность следовало вразумительное предупреждение, как это было в случае с Юрием Зеновьевичем: «А мимо тую нашу уставу пану Юрью новин волости нашей никоторых не прибавляти: мает ся справовати и рядити во всем по тому, как в сем нашем листе выписано» [15, с. 113]. Так было и с Василием Соломерецким, который вопреки обязательствам королевского «пожалования» жителям Могилева «кривды и тяжкости им великие делал» [12, с. 24]. Отметим любопытный факт: в многочисленных и острых конфликтах «людей могилевских» с «державцами» великий князь брал сторону городской общины, и наместнику выносилось предупреждение о том, что тот может расстаться с должностью. Обязательства сторон как правосубъектов (великий князь, наместник, мещане, волощане) тщательно фиксировались в «грамотах», «уставах», «листах», «выроках», копии их отсылались в Могилев, а оригиналы заносятся в книги записей и судных дел и оседали в Литовской Метрике, как принято называть архив государственной канцелярии ВКЛ. Вопросы владетельных прав и стоящих за ними общественных отношений решались в правовом поле, что помогало избегать в этих отношениях наиболее радикальных форм классовых протестов и подготавливало условия для предоставления городу войтовства (1561 г.) и Магдебургского права (1577 г.). Владетельные права великого князя на Могилев при этом приобрели прочную документально-правовую основу и практическую вариантность ее реализации, обогащая тем самым общегосударственную правовую традицию.

1. Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. М. : Типография Московского университета, 1892. 998 с. [Вернуться к статье](#)
2. Могилевская хроника Т. Р. Сурты и Юрия Трубницкого. Полное собрание русских летописей. Т. XXXV. М. : Наука, 1980. 305 с. [Вернуться к статье](#)
3. Марзалюк І. А. Магілёў у XII–XVIII стагоддзях. Мінск : Веды, 1998. 258 с. [Вернуться к статье](#)
4. Горский А. А. Русь в конце X – начале XII века: территориально-политическая структура («земли» и «волости»). Отечественная история. 1992. № 4. С. 154–159. [Вернуться к статье](#)
5. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси / Изд. при Управлении Виленского учебного округа. Вильна (1867–1904). В XIV Т. Вильна, 1867–1904. 365 с. [Вернуться к статье](#)
6. Акты Литовско-Русского государства./ Изд. М. Довнар-Запольским. М. : Универс. тип, 1899. Вып. I (1390-1529 гг.). 258 с. [Вернуться к статье](#)
7. Lietuvos Metrika. Kniga Nr. 25 (1387 – 1546): Uzrasymu knyga 25 / Parengė E. Vanionis, A. Baliulis. Vilnius: Mokslo ir ensiklopediju leidybos institutas, 1998. 460 p. [Вернуться к статье](#)
8. Российский государственный архив древних актов Ф. № 389, Оп. 1, д. 12. [Вернуться к статье](#)
9. Российский государственный архив древних актов Ф. № 389, Оп. 1, д. 224. [Вернуться к статье](#)
10. Lietuvos Metrika. Kniga Nr. 10 (1440–1523): Uzrasymu knyga 10 / Parengė E. Vanionis ir A. Baliulis. Vilnius : Mokslo ir ensiklopediju leidykla, 1997. 178 p. [Вернуться к статье](#)
11. Дворниченко А. И. «Мы старины не рухаем...». Древнерусское вече на магдебургский манер. Родина, 2003. № 11. С. 55–57. [Вернуться к статье](#)
12. Довнар-Запольский М. В. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке. Приложение. Киев : Киевская 1-я артель печатного дела, 1905. 307 с. [Вернуться к статье](#)
13. Белорусский архив древних грамот / Изд. И. И. Григоровичем. М. : Типография Селивановского, 1824. Ч. I. 148 с. [Вернуться к статье](#)
14. Сборник Императорского Русского исторического общества в 148 т. СПб. : Петроград, 1867–1916. Т. 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским (с 1487 г. по 1533 гг.) / Изд. Под ред. Г. Ф. Карпова. СПб. : Типография Ф. Г. Елконского и компании, 1882. Т. I. 869 с. [Вернуться к статье](#)
15. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. В 5 т. СПб. : Тип. 2-го отд-ния Собственной е. и. в. канцелярии, 1846–1853. Т. 2 (1506-1544). 437 с. [Вернуться к статье](#)

[Вернуться к началу издания](#)

СОДЕРЖАНИЕ

Развитие теоретического юридического знания.....	7
<i>Авдеев Д. А.</i> К вопросу о понятии «заблуждение» в гражданском праве Республики Беларусь	7
<i>Бакиновская О. А.</i> К вопросу о реализации принципов инвестиционного права	12
<i>Вершок И. Л.</i> Функциональные параметры поощрения как формы правового воздействия.....	18
<i>Гапоненко Д. В.</i> Формы реализации принципа гласности в цивилистическом процессе	24
<i>Глинда А. И.</i> Место института юридической ответственности в техническом типе социального регулирования	29
<i>Григорович В. Л.</i> Мониторинг общественного мнения о деятельности органов внутренних дел.....	34
<i>Григорьев А. В.</i> Преимственность и дискретность в развитии теоретического юридического знания после Октябрьской революции 1917 г.	40
<i>Демидова И. А.</i> Правовое воспитание: актуальная проблематика направлений научных исследований и понимание в правоведении	45
<i>Ефременко Е. М.</i> Значение цивилистической доктрины и отраслей частного права в формировании профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел	51
<i>Зорченко Е. А.</i> Взаимообусловленность права и правовой культуры личности	56
<i>Иванцова Ю. Г.</i> Наднациональная подсистема технического регулирования в информационной сфере	61
<i>Козел А. А.</i> Правовая культура личности как результат правовой социализации	66
<i>Матарас В. Н.</i> Время в социуме и правовой системе	71
<i>Михайловский В. С.</i> Синергетический подход в познании правового регулирования.....	77
<i>Нуждин А. А.</i> О сущности понятия «пенитенциарное преступление».....	81
<i>Орлов К. А.</i> Содержательные характеристики нормы права как наиболее универсального регулятора общественных отношений: общетеоретический аспект.....	85
<i>Пономарев Д. Е.</i> Римское право и греческая логика: античные истоки современного правоведения	90
<i>Стабровский Е. И.</i> Теоретико-правовые аспекты оценки правового сознания осужденного к лишению свободы.....	97
<i>Старостенко О. А.</i> О необходимости теоретических знаний в исследовании феномена IT-мошенничества	103
<i>Сухопаров В. П.</i> Функционирование глобальной компьютерной сети интернет как предмет информационно-правового регулирования (международные и национальные аспекты)	106
<i>Толочко О. Н.</i> Экологизация международных отношений и ее влияние на развитие правовой культуры	113

<i>Шариун В. А.</i> Основные направления цифровизации национальной правовой системы: общая характеристика	118
Актуальные аспекты реализации правовых норм в правоохранительной сфере	124
<i>Амельчя Ю. А.</i> Некоторые аспекты цифровизации государственных закупок	124
<i>Ананич С. М.</i> К вопросу о способах раздела общего имущества супругов на основании соглашения о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов	130
<i>Апенюк А. Г.</i> Новеллы кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях: ответственность за нарушение законодательства о труде	135
<i>Бородич А. И.</i> Актуальные аспекты реализации правовых норм обеспечения национальной безопасности в условиях цифровизации	142
<i>Вербицкая И. К.</i> К вопросу об эффективности форм гражданско-правовой ответственности за нарушение условий договора строительного подряда	147
<i>Вишневецкая Т. И.</i> Совершенствование государственной политики Республики Беларусь по проблемам старения	153
<i>Воснякова О. Ф.</i> Незаконный оборот средств платежа и (или) инструментов: новации в законодательстве	157
<i>Вульвач Р. С.</i> Преступления против общественной нравственности: современные тенденции уголовного законодательства Республики Беларусь	161
<i>Гуйда Е. П.</i> О процессуальном механизме принятия актов органов местного самоуправления	166
<i>Дзенісенка Н. В.</i> Паняцце і віды дапаможных рэпрадуктыўных тэхналогій па заканадаўстве Рэспублікі Беларусь	172
<i>Дрозд А. Н.</i> Уяснение сущности и уголовно-правовой квалификации «подброса наркотиков» в контексте профилактики таких противоправных действий	178
<i>Игнатюк А. З., Иванчикова Л. Д.</i> Реализация административно-юрисдикционных полномочий в отношении несовершеннолетних: сравнительный анализ	184
<i>Коврижкин А. И.</i> Мера пресечения «запрет определенных действий» в сравнении с аналогичной мерой пресечения, действующей в Российской Федерации	190
<i>Колотилкин Ю. А.</i> Развитие административной ответственности за правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений в Республике Беларусь	197
<i>Корень Т. А.</i> Актуальные вопросы криминального банкротства	201
<i>Котенёв А. Н.</i> Возможности применения медиативных технологий при разрешении спортивных споров	204
<i>Коховец О. В.</i> Стадия «принятие жалобы и ее регистрация» в процессе обжалования в государственном управлении	209
<i>Лосев С. С.</i> Уголовная ответственность за нарушения прав интеллектуальной собственности	213
<i>Маршалкина М. М.</i> Реформирование системы субъектов профилактики как способ борьбы с детской преступностью	219

<i>Муравьев И. В.</i> Особенности страхования гражданской ответственности перевозчика перед пассажирами.....	223
<i>Пацкевич А. П.</i> Актуальные проблемы криминалистического исследования веществ и материалов	227
<i>Пушко Н. В.</i> Совершенствование механизма регулирования трудовых отношений в условиях экономической несостоятельности (банкротства) предприятий в Республике Беларусь	234
<i>Свешиников Д. В., Шилко Ж. А.</i> Актуальность совершенствования отдельных уголовно-процессуальных и уголовных норм в сфере противодействия киберпреступности	239
<i>Свиридов Д. А.</i> Защита персональных данных — реальность или миф?.....	244
<i>Скобелев В. П.</i> О спорных новеллах в сфере защиты семейных прав	248
<i>Скоробогатый А. В.</i> О некоторых проблемах законодательного регулирования контролируемой поставки.....	254
<i>Харевич Д. Л.</i> Злоупотребление уязвимым положением как способ совершения торговли людьми	260
<i>Шелков О. В.</i> Аутсорсинг и его правовая регламентация в Республике Беларусь.....	265
<i>Шнейдерова Д. И.</i> Криптокредиты: криминалистический анализ способов совершения хищений.....	271
Зарубежный опыт правового регулирования и правоприменительной практики	277
<i>Андреев Н. А.</i> К вопросу о проблемах противодействия информационному экстремизму в сети Интернет	277
<i>Анопко О. А.</i> Недопустимость разглашения данных предварительного расследования в законодательстве стран постсоветского пространства	280
<i>Антонова Е. Ю.</i> Ответственность юридических лиц за коррупционные правонарушения по законодательству России и Республики Беларусь	287
<i>Белова Е. Ю.</i> Постановления Европейского суда по правам человека как фактор, влияющий на уголовно-исполнительную политику и законодательство России.....	293
<i>Бойко А. П.</i> Некоторые проблемные аспекты закрытия уголовного производства дознавателем по уголовному процессуальному законодательству Украины и зарубежных стран.....	299
<i>Борченко В. А.</i> К вопросу об оказании юридической помощи несовершеннолетним, осужденным к лишению свободы	303
<i>Веренич А. В.</i> Правовые аспекты защиты несовершеннолетних от фактов вовлечения для участия в несанкционированных митингах	307
<i>Головко И. И.</i> Участие прокурора в правовых отношениях и в оказании правовой помощи по гражданским делам (на основании Минской конвенции 1993 г.).....	312
<i>Гришин Д. А.</i> Информационные технологии в уголовном судопроизводстве	318

<i>Гусев А. В.</i> Некоторые аспекты реализации института представительства в правовом пространстве России и Беларуси	321
<i>Дятлов Ю. Н.</i> Актуальные аспекты реализации международных правовых норм о труде осужденных в российском уголовно-исполнительном законодательстве и практике исполнения наказаний	325
<i>Корнева Т. С.</i> Принципы организации и деятельности прокуратуры как элементы единой взаимосвязанной системы	331
<i>Кутуков С. А., Моисеев Н. Д.</i> Особенности применения ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» в исправительных учреждениях	335
<i>Лифанова Л. Г.</i> К вопросу об участниках уголовно-процессуальных отношений	340
<i>Луценко Н. С.</i> Освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности: необходимость модернизации	344
<i>Макаркина О. Е.</i> Правовое воспитание осужденных: опыт и поиск новых путей повышения эффективности	349
<i>Олейник В. В.</i> Аксиология участия потерпевшего в уголовном преследовании	354
<i>Пронина О. В.</i> Актуальные аспекты реализации осужденными права на личную безопасность	358
<i>Савенко И. А.</i> Законодательные аспекты «служебного подлога» в уголовных кодексах России, Украины и Беларуси	363
<i>Сачков А. Н.</i> Разграничение состава организации финансовых пирамид с другими преступлениями в сфере экономической деятельности	369
<i>Сидорова Н. В., Весельская Н. Р.</i> Образовательные инструменты практико-ориентированного обучения студентов образовательных программ группы специальностей «Право» в Карагандинском университете Казпотребсоюза	373
<i>Старостенко Н. И.</i> Электронно-цифровые следы: криминалистическое понятие и роль в расследовании мошенничеств, совершенных информационно-телекоммуникационным способом	379
<i>Ткачев И. О.</i> Искусственный интеллект — новый вызов уголовного права ..	385
<i>Трифонов И. К., Врублевская К. В.</i> Реформирование судебной власти Российской Федерации	389
<i>Тростянецкая В. В.</i> Ретроспективный анализ развития ответственности за преступные действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение человеческого достоинства	396
<i>Федченко В. М.</i> Отдельные проблемные вопросы сообщения лицу о подозрении в совершенном преступлении, объявления его в международный розыск и принятия решения о заочном взятии его под стражу	402
<i>Фурса В. В.</i> К вопросу совершенствования механизма уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от развратных действий: повышение возраста потерпевшего лица или введение обязательного сексуального образования на уровне школы	407
<i>Юкна Т. С.</i> 3-стороннее РЕПО. Латвийский опыт	412

Правовое воспитание и правовое образование в формировании правовой культуры.....	417
<i>Андрианова А. С.</i> Отдельные аспекты организации процесса обучения курсантов в дистанционной форме.....	417
<i>Андросова В. В.</i> Характеристика личностных качеств успешного медиатора.....	422
<i>Бабанина Д. В.</i> Социально-политические факторы детерминации криминальной субкультуры несовершеннолетних.....	428
<i>Бельский В. С., Вишневская Т. И.</i> Становление и развитие правовой культуры курсантов как важнейшая задача в деятельности педагогов-наставников в вузах Министерства внутренних дел Республики Беларусь.....	434
<i>Григорьева Е. Н.</i> Высокий уровень индивидуальной правовой культуры — необходимое условие формирования гражданского общества.....	439
<i>Данькова И. В.</i> Основные направления профилактики девиантного поведения несовершеннолетних в микросреде.....	444
<i>Дыжова А. А.</i> Основы формирования эколого-правовой культуры молодежи.....	449
<i>Мельников С. Ю., Синило П. Н.</i> Актуальные пути совершенствования гражданско-патриотического воспитания в учреждениях образования.....	453
<i>Рябцева Л. А.</i> Представление профессионально-коммуникативной компетентности курсантов — будущих сотрудников ОВД — средствами кластеризации.....	457
<i>Степанов О. В.</i> К вопросу о роли социальных сетей в правовом воспитании молодежи в Республике Беларусь.....	462
<i>Шаро О. У.</i> Правовая культура преподавателя юридических дисциплин.....	467
<i>Яроцкая Ю. А.</i> Кибербезопасность несовершеннолетних в современных условиях.....	473
Правовая культура белорусского общества в историческом аспекте.....	477
<i>Атрушкевич М. М.</i> Отличительные черты реализации городской реформы Российской империи 1892 г. Александра III на территории Беларуси и ее влияние на правовую культуру мещан.....	477
<i>Голубева Л. Л.</i> Нормы наследственного права в общеземских и областных грамотах (привилеях) Великого княжества Литовского и их влияние на правовую культуру белорусского общества.....	483
<i>Доўнар Т. І.</i> Фарміраванне прававой культуры ў старажытным беларускім грамадстве.....	489
<i>Ежова Т. Б.</i> Исторический аспект развития законодательства в сфере регулирования режима супружеской собственности на белорусских землях.....	496
<i>Кавцевич С. Б.</i> Становление федеративных отношений ССРБ и РСФСР в начале 20-х гг. XX в.....	501
<i>Свиб А. Ф.</i> Права женщин в правовой культуре белорусского общества: историко-юридический аспект.....	507
<i>Сидоренко Б. И.</i> Могилев в политико-правовой системе Великого княжества Литовского во второй половине XV – первой половине XVI века.....	513

[Вернуться к началу издания](#)